

Академия наук ЧР
Комплексный НИИ РАН
Институт Востоковедения РАН

З.Х. ИБРАГИМОВА

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

**НАУКА
И
КУЛЬТУРА**

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЧЕЧНЕ В XIX ВЕКЕ

•

ИСКУССТВО, КАК ФОРМА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАВКАЗЕ

•

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

•

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

•

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Москва
“ПРОБЕЛ-2000”
2009

УДК 39(=351.42):31

ББК 63.5(2)

И 15

*Книга издана при поддержке
“Благотворительного фонда имени Зии Бажаева”*

И 15 **Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: наука и культура.**
— М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. — 700 с.

ISBN 978–5–98604–151–3

В книге, посвященной вопросам науки, культуры, просвещения, религий и этнической истории чеченского народа, анализируется структура строящегося нового, реформируемого кавказского общества.

Автор рисует широкую панораму повседневной жизни XIX столетия с ее особым предметным миром, укладом жизни, взаимовлиянием культур; дает целостное описание жизни чеченского народа. Характеризует труд и отдых жителей Кавказа, показывает моральные и эстетические ценности чеченцев. В книге идет речь о зарождении взаимного уважения между представителями разных этнических и конфессиональных групп, о первых ростках истинного интернационализма, о формировании чеченской интеллигенции.

Привлечение огромного массива источников, обобщение многочисленных работ по истории освоения Кавказа, данные антропологии, генетики, этнографии, археологии, географии, биологии, геологии, истории России позволили автору выполнить исследование, которое безусловно должно быть отнесено к значимым явлениям отечественной историографии.

© Ибрагимова З.Х., 2009

© ПРОБЕЛ-2000, 2009

* * *

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере — в стране тебе чужой
Я сердцем твой — всегда и всюду твой.*

М.Ю. Лермонтов

* * *

*Во время оное бывшее!..
В те дни ты знал меня, Кавказ,
В свое святилище глухое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно
Могучим гласом бурь своих.
Я слышал рев ручьев твоих,
И снеговых обвалов грохот.
И клик орлов, и пенье дев,
И Терека свирепый рев,
И эха дальнозвучный хохот,
И зрел я, слабый твой певец,
Казбека царственный венец.*

А.С. Пушкин

КАВКАЗ

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.*

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.*

*Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..*

М.Ю. Лермонтов

*Светлой памяти дедушки Василия (урожд.
с Великоцк, Луганская область)
и бабушки Евдокии (урожд. с Сетное, Сумская область)*

ГЛАВА I.

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЧЕЧНЕ В XIX ВЕКЕ

Известно, что основой изучения национальной специфики мировосприятия, склада ума и образа мышления выступают объекты материальной и духовной культуры. Происходящий в последние годы активный процесс возрождения этнических культур, усиление национального самосознания и как следствие этого – возрастание интереса многих наук к феномену человека, как к носителю определенной культуры, выдвинул в качестве первостепенной проблему глубокого и всестороннего изучения нравственного опыта народа, его морально-этического потенциала. Данная проблема особенно актуализировалась в условиях, когда силам распада и разобщения противопоставляется устойчивая тенденция к консолидации и сотрудничеству между представителями разных наций, когда возникает закономерный интерес народов к культуре друг друга. Сегодня становится более очевидным, что мир в обществе может быть достигнут и сохранен только через культуру и нравственность, через устройство жизни и взаимоотношений между народами по этическим законам. Представляется, что здесь уместно было бы привести слова В.С. Непомнящего: «Культура вообще такая вещь, которая зовет человека остановиться, не бежать, не спешить, оглядеться, задуматься...»¹.

Культуру можно разделить многими способами – по языкам, экономике, технологиям, религиям, искусствам, политическим и общественным организациям. Культура человека как единое целое есть сложный структурированный организм, в котором все категории формируют друг друга. Все культуры слагаются из множества материальных и нематериальных элементов, содержание которых является результатом сложной адаптации к обширному ряду экологических, общественных и культурных факторов. Безусловно, культура – живой организм, ее границы, ее внутреннее пространство и даже основы эластичны, подвижны, проницаемы. Но уникальное сочетание некоторых ее качеств неизменно, упорно воспроизводится во всех масштабах и на всех уровнях общества, и во все времена².

Большая часть культуры передается от одного поколения к другому посредством сложных систем связи, благодаря которым сложные и бесконечные процессы адаптации позволяют выживать и помогают культурам быстро меняться, когда, например, эти общества сталкиваются с другими цивилизациями. Каждая культура имеет свою индивидуальность и узнаваемый стиль, которые формируют ее политические и юридические институты, а также моральные нормы. Таким образом, человеческие культуры складываются из человеческого поведения и его результатов; они состоят из сложных и взаимодействующих постоянных величин. Но в то же время, человеческая культура, не являясь статичной, постоянно приспосабливается как к внутренним, так и к внешним факторам³.

Формы развития имперской культуры

Сосуществование различных культур неизбежно приводит к пересмотру многих традиционных точек зрения, на обсуждение которых многие члены сообществ не осмеливались ранее, полагая, что это является самоочевидным. Кроме того, не имелось внешних мотивов, чтобы пересматривать устоявшиеся взгляды на традиционные явления культуры. Встреча и сосуществование народов и культур – это неизменный факт, который можно использовать на благо, но который может быть также и началом новых конфликтов и столкновений⁴. Результат взаимодействия этноса с другими зависит от уровня его культуры. Считается, что чем выше уровень культуры этноса, тем более благоприятные последствия приносят ему соприкосновения с другой культурой. У такой культуры действует обычно селективный механизм, отбирающий только полезное для нее. По данному показателю среди межэтнических культурных контактов можно выделить адаптацию, аккультурацию и ассимиляцию. Этносы, как и все живые организмы, стремятся выжить, несмотря на самые суровые условия существования. Уже, при самом рождении каждый этнос обладает своим уровнем витальности (т.е. выживания). Одни энергичные и наполненные жизненной энергией, в пору своей молодости начинают теснить соседние этносы, другие идут по более мудрому пути приспособления. Этносы физически умирают редко, чаще они видоизменяются до неузнаваемости, становятся реликтами или распадаются на этнографические группы⁵.

Этническая адаптация – это процесс активного приспособления этнических групп к изменившейся природной и социально-культурной среде.

Основным способом этнической адаптации является принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды, форм межэтнических взаимодействий и предметной деятельности. Аккультурация – это процесс и результат взаимовлияния этнических культур, заключающийся в восприятии одной из них элементов другой культуры. Причем формы взаимного обмена культурными достижениями бывают очень разнообразны. Этническая аккультурация, возникающая вследствие контактов между культурами и способствующая широкому распространению культурных явлений, нередко ведет к частичной или полной ассимиляции. В свою очередь ассимиляция представляет собой процесс усвоения представителями одного этноса языка, культуры, обычаев и традиций другого народа. В зависимости от того, какими путями и способами осуществляется ассимиляция, различаются естественная и насильственная ассимиляция. Естественная ассимиляция – итог непосредственного контакта этнически разнородных групп, обусловлена потребностями упрочнения их общей социальной, экономической и культурной жизни. Насильственная – представляет собой целенаправленную систему мер органов власти во всех сферах общественной жизни, направленных на искусственное навязывание процессов ассимиляции путем подавления или стеснения языка и культуры этнических меньшинств, давление на их этническое самосознание и т.д. В результате происходит потеря ими своего языка и культурных особенностей, что приводит к смене этнического самосознания⁶.

По определению Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». В основе российской культуры в ходе всего исторического процесса было заложено собирание, а не разделение; восприятие целого, а не манипулирование частностями. По замечанию Владислава Суркова: «Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника – в меньшей». Отсюда вытекает и стремление к политической целостности через централизацию властных функций; идеализация целей политической борьбы. Целостное, философское восприятие мира позволило русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира. Русскому взгляду присуще эмоциональное, романтическое, идеалистическое мировосприятие. Идеализму свойственно желание обращать в свою веру, приобщать к своей культуре, основываясь на часто весьма наивном, почти детском позыве всех сделать счастливыми, не имея для этого реальных возможностей⁷.

Исторически государства часто составлялись в ущерб интересам народов: в большинстве случаев принцип индивидуальности рассматривался как нечто безразличное для государства. Опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается. А ведь само латинское слово «cultura», означает «возделывание», «воспитание», «образование» и «развитие»⁸. Государство – особая сфера, действующая по своим законам и живущая своими интересами. Ни сущность, ни динамика, ни судьбы государства не совпадают прямо с динамикой культуры народа, между ними обычно возникают трения и конфликты, в которых государство временно может одерживать верх, но, обладая собственным потенциалом, культура большей частью оказывается значительно долговечнее. Недостаток средств и кадров затрудняет ликвидацию неграмотности и освоение достижений науки и техники. К тому же на деятельность правительства постоянно влияют различные классовые, клановые и ситуационные соображения, в силу чего ему большей частью «не до культуры». Тем не менее, сформулированные государственные цели существуют как сверх задачи, на которые должны быть направлены усилия официальных органов и те ресурсы, которые удастся выкроить из бюджета⁹.

Длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно – цивилизационное значение, не зависящее от тех или иных поворотов политической конъюнктуры¹⁰. Однако, в ходе взаимопроникновения культур, представители русского и чеченского этносов нередко сталкивались с различными формами национализма и государственного шовинизма, что заставляло народы придерживаться консервативных тенденций и искать защиты своих интересов в древних традициях, отталкивая все новое, привнесенное извне.

Серьезной проблемой в развитии этнических культур является проблема традиций и инноваций, их взаимосвязь и взаимодействие. Традиции и инновации взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. От поколения к поколению передаются такие традиции, как форма поведения, навыки, духовные ценности, идеи, обычаи, обряды, понятия, все то, что образует костяк культуры. Инновации – в проекции – будущие традиции. Если традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, то инновация жизненно важна для его развития и совершенствования. Общества взаимодействуют между собой, дополняя и обогащая культуру друг друга, и получая необходимые

импульсы для своего дальнейшего развития. Обогащая свою культуру с помощью больших этносов, малые народы знакомят их, в свою очередь, с национальными обычаями и традициями, предоставляя значительную социально – культурную информацию, накопленную и обогащенную веками¹¹. Немецкий философ О.Шпенглер признает возможность заимствования технологий. Но это вовсе не значит, что тем самым он отказывается от своей идеи «замкнутых культур», это также не противоречит его культурному релятивизму, поскольку заимствование понимается не как сущностное, а как формальное. У О. Шпенглера есть понятие «псевдоморфоза», означающее наличие чужеродных культурных «вкраплений», появившихся в результате непосредственных межэтнических (ассимиляционных) контактов; если их много, они могут даже определять «лицо» культуры (на самом деле являющееся «маской», набором ничем не обоснованных стереотипов, ложно и неадекватно характеризующих ее). Культурное единство и многообразие обусловлено по принципу диалектического единства формы и содержания. Многообразие составляет сущность культуры. Единство – ее форму существования¹².

Нарушение традиций, ценностных установок, культурных норм приводит к так называемой реакции социального беспокойства, росту национализма. Это выражается, в частности, в стремлении этнической группы к изоляции от иноэтнической среды и всех ее проявлений, к защите собственных духовно-нравственных ориентаций от внешнего влияния, которое воспринимается как агрессия. Эти процессы напрямую связаны с социальным, политическим и экономическим бытием конкретной этнической системы. Основной побудитель изоляционистских стремлений – неустроенность представителей данной системы в социально-экономическом плане, политическая несостоятельность группы. Подобные явления характерны для различных периодов развития чеченцев¹³.

Рассмотрим подробнее понятие «национализм». Национализм – социальный механизм, процесс и результат осознания национальной культурой себя в целом, доминантная форма национального самосознания. Его можно также определить как субкультуру, выполняющую по отношению к национальной культуре важную функцию самоописания, самопрезентации, самоотношения. Роль, которую национализм играет в культуре, предопределяет его особую пространственно-структурную компоновку: он одновременно находится внутри и вне культуры. Национализм делится на конструктивный (патриотизм) и негативный (шовинизм). Негативный национализм редуцирует культуру к собственному представлению о ней,

к тому, что он называет национальным характером. То, что остается после этого от материнской культуры, выдается за образец культурной жизни, по которому он готов кроить и другие культуры.

Национализм пластичен, изменчив, трансформируем. Ему свойственно стремление выдавать себя за национальную культуру и действовать вне и, вместо нее. Но он также способен к конструктивному взаимодействию с другими формами общественного сознания, с другими субкультурами в пределах культуры, к творческому созиданию новых форм национальной жизни, к развитию культуры народа исходя из его глубоких духовных традиций. Чем предопределяется то или иное состояние национального самосознания? Немаловажную роль играет экономика и политика. Проблемная экономика легко трансформирует национализм в шовинизм. Причину, определяющую характер национализма, следует искать в социальной сфере, которая целенаправленно и последовательно формирует способ культурологического мышления у большинства представителей этноса¹⁴.

Разрастание Российского государства, включение в его состав новых подданных влекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. В подобных исторических ситуациях, когда люди пытаются приспособиться к переменам, в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем, спасительных иллюзий как средства адаптации к «жесткой» действительности. Имеет место поиск оснований для культурного противопоставления своего народа – России и русским. Часто происходит приписывание себе положительных характеристик в качестве компенсации за подчиненное положение, как средства повысить свою позицию в символической иерархии народов. Наиболее востребованными в идеологическом отношении здесь становятся этногенетические мифы с их компенсаторской функцией – представлением о том, что нынешним невзгодам предшествовал «золотой век»¹⁵. Но, не смотря на все усилия политической пропаганды, история Чечни в составе России подтверждает, что эти группы людей – меньшинство и доминант – не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве. Отдельные ценностные установки и стереотипы могут носить конфронтационный характер, но и здесь существуют механизмы, способствующие их погашению¹⁶.

К сожалению, культурно-национальная политика занимала подчиненное положение по сравнению с военно-политическими и социаль-

но-экономическими методами царизма. При этом властям пришлось считаться со складывающимися веками традиционными восточно-арабскими нормами культуры, которые невозможно было упразднить административными и насильственными методами. Несмотря на мизерные, совершенно недостаточные средства и усилия правительства в области социальной сферы, медицины, все же они много значили для развития северокавказского региона. Коренные народы стали ощущать и необходимость развития светского образования и профессиональной медицинской помощи, основы которой на Северном Кавказе закладывались именно в рассматриваемый период. Однако состояние этих сфер культуры здесь было значительно слабее, чем в закавказских районах, не говоря уже о центральных российских губерниях. Весьма благотворной являлась деятельность представителей передовой российской интеллигенции, внесшей огромный вклад в развитие края. По сравнению с исторической перспективой поглощения, даже единоверными державами (например, Турцией), вхождение горцев Северо-Восточного Кавказа в состав России таким болезненным и тяжелым путем все же создавало возможность для значительно более быстрой адаптации и интеграции местных народов в империю, а через нее и в мировое сообщество с сохранением своих национальных особенностей¹⁷.

Организация поликультурного образования основывается на идее культурного диалога, равноправного партнерства в пределах образовательного пространства культурных ценностей различных этносов. Такой подход методологически восходит к культурологическим идеям ведущих философов XIX – XX веков, в частности к идеям Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др. Одним из основоположников идеи многослойности, гетерогенности мировой культуры традиционно называют русского философа Н.Я. Данилевского. Каждая историческая национальность, по мнению философа, имеет свою собственную задачу, которую должна решать, свою идею, свою отдельную сторону жизни. В многообразии культурно-исторических типов Данилевский видел одно из важнейших условий прогрессивного развития человечества. Существование множества цивилизаций является, с его точки зрения, выражением бесконечно богатого творческого гения человечества. Философ подчеркивал преимущество специфического, особенного по сравнению с общим, доказывал идею приоритета в истории национального над общечеловеческим¹⁸. Развитие этноса не в том, что он с необходимостью должен достичь своей «полноценности» посредством обретения «здесь»

и «сейчас» государственного «оформления», но в том, что каждый этнос имеет право и обязан сохранять и развивать свою культуру. Именно последнее дает ему качество «первичной субъективности» на уровне этно-исторического развития. Сама государственность есть проявление «цивилизаторской потенции» этноса, его возможности участвовать во всемирно-историческом процессе в качестве самостоятельной силы, организующей окружающее этническое пространство. Однако далеко не всегда внешние атрибуты государственности являются проявлением государственной суверенности¹⁹.

Северокавказская интеллигенция

На Северном Кавказе проживают отличные от других регионов страны социокультурные сообщества, скомбинированные из черт горских, степных, земледельческих и индустриальных этносов и полиэтнических групп христиан, мусульман, буддистов и пр. Здесь постоянные культурные столкновения повышают мобильность населения, обращение к местным традициям или, напротив, многократные заимствования, и создают высокую напряженность в межэтнических «швах». Полидисциплинарные и компаративные подходы, историческая и культурная антропология позволяют исследовать процессы взаимовлияния народов, опыты совместного проживания, хозяйствования, природопользования и т.п.²⁰. Стремление к традиционализму как необходимому условию сохранения этнической культуры во многом детерминирует поведенческие установки представителей всех этнических групп на Северном Кавказе. Это стремление существенным образом влияет на процессы трансформации групповой этнической идентичности, что неизбежно проявляется в этноконтактных ситуациях, складывающихся в ходе повседневной межэтнической коммуникации в различных планах и на разных уровнях общественной жизни, обогащая культурную сферу жизни государства²¹.

Кавказ – это один из живительных родников русской культуры. Немыслима в полном объеме русская культура, какой мы ее знаем, которой восхищается весь мир, если бы Россия и Кавказ не были бы слиты в своем единстве. Дух Кавказа, его интонации навечно вплетены в русскую поэзию, литературу, музыку. Вслед за декабристами на Кавказ пришли А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. До появления поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» Кавказ был для русской литературы

«далекой страной», ибо кавказская действительность еще не получила в ней реалистического осмысления. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин впервые в русской литературе показал социально-нравственные процессы, происходившие в чеченском обществе. А.С. Пушкин первым отобразил отношения доверия и уважения, начавшие возникать между Кавказом и Россией. Им найдена глубинная суть нравственного мужества горцев, непривычного для русского восприятия того времени²².

Через русский язык и деяния во благо общего российского государства мир открыл для себя имена великих писателей, композиторов, ученых, полководцев, государственных деятелей, рожденных на земле Кавказа²³. Самым первым профессиональным композитором и собирателем чеченского фольклора был Муслим Магомаев. Он родился в 1885 г. в семье кузнеца-оружейника, уроженца с. Старые Атаги. В доме Магомаевых царил творческая атмосфера: ставились домашние спектакли, звучала музыка, любили танцы, художественную литературу. Старший брат Муслима прекрасно играл на гармонии и флейте, увлекался фотографией и живописью, руководил ученическим оркестром в своей школе, позднее преподавал европейские и восточные танцы. В Грозненской горской школе Муслим Магомаев овладел игрой на скрипке, участвовал в ученических концертах. В 1900 году Муслим поступил учиться в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. М. Магомаев – автор таких сочинений, как оперы «Шах Исмаил», «Нэргиз»; около 15 симфонических произведений разного жанра, незаконченного балета «Дели Мухтар» и ряда других сочинений, которые пока не найдены. М. Магомаев на основе записанных им чеченских народных мелодий создает ряд композиций: «Маленькая фантазия», «Попурри из туземных мотивов», «Чеченская пляска», «Песни и танцы Чечни»²⁴.

В XIX веке, когда народы Северного Кавказа вышли из многовековой изоляции, на общероссийские пространства политики, экономики, культуры, выразителем общественного самосознания и общественной мысли стала выступать горская интеллигенция. В надежде на успех своих просветительских инициатив, она апеллировала к основному субъекту российской имперской модернизации – правительству, «просвещенному» либеральному чиновничеству. Светское просвещение выступало у просветителей как главный фактор перестройки северокавказских обществ на новых рациональных началах, гражданском воспитании горских народов, усвоения ими тех требований, которые предъявляет к гражданину государство. Проблема русско – кавказских отношений рас-

сматривалось интеллигенцией сквозь призму просветительской теории общественного договора²⁵.

Северокавказская интеллигенция втор. пол. XIX в., интеллектуально и эмоционально переживающая драму своей неукоренности, интеллигентской маргинальности, стремится обрести национальную государственно-правовую «почву», пытается раскрыть для самой себя и для других подлинный облик своих народов. Однако, встав на путь культурного самоопределения, погружаясь в истоки, интеллигенция сохранила привязанность к русской и европейской правовой культуре. От включения в европейскую государственно-правовую цивилизацию, от усвоения ее достижений находясь в составе Российской империи, зависело существование целых народов, обреченных в противном случае на неразвитость, нищету и различные притеснения со стороны властных структур²⁶.

Северо-Кавказская интеллигенция возникла на скрещении автохтонного и российского обществ; её идейный облик формировался на «перекрёстке» двух культурных потоков: традиционного наследия систем ценностей и идеалов – и идейных воздействий, идущих из России и стран европейского круга²⁷. Интеллигент – это представитель профессии, связанной с умственным трудом, и человек, обладающий умственной порядочностью. Основной принцип интеллигентности – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли²⁸.

Просветители выражали крепнущее национальное самосознание горских народов. Они рассматривали историю горцев как составную часть общечеловеческой истории, выявляли самобытные духовные факторы исторического развития каждого народа. В обширной статье У. Лаудаева «Чеченское племя» приобщение к российской государственности осмысливается как итог многовекового естественноисторического процесса развития чеченского общества. Российская государственность способна, по мысли просветителей, обеспечить на Кавказе главные функции государства – вершить правосудие, гарантировать безопасность людей, сохранность их жизни, свободы и собственности. Смотрящая на прошлое и настоящее горских народов сквозь призму европейских ценностей свободы и развития, северокавказская интеллигенция 60-70-х гг. и хозяйственную культуру горцев оценивала в свете европейской идеологии труда и хозяйствования. Тема воспитания новой трудовой этики и совершенствования хозяйственных навыков горцев занимает главное

место в творческом наследии просветителей. Подъем экономических сил народа, становление современных хозяйств для просветителей – основа интеграции горцев не только в социальный и хозяйственный организм России, но и в европейскую цивилизацию²⁹.

Первые просветители, – отмечает Р.Х. Хашхожева, – это те, «кто занимался первоначальным накоплением духовного капитала, но только для своего народа. Они, подобно великим географическим открытиям средневековья, открыли мир цивилизации через просвещение для себя и для своих соплеменников. Они, усвоив русский язык и изучив историю и культуру не только своих народов, но, прежде всего своего этноса, совершили интеллектуальное чудо: не только усвоили русский язык и другие европейские языки, но изучили свой язык; первыми поставили вопрос о научном исследовании своей культуры, истории, языка; создали первые учебники и издали обобщающие труды по этим направлениям знаний и этим положили начало научной мысли среди своих народов. Поэтому одной из особенностей их научной деятельности является то, что они обратились к социально-гуманитарным проблемам своего народа. Именно по этим отраслям знаний они проводили свою просветительскую работу среди соотечественников»³⁰.

Необходимость «догонять» более развитые общества Европы, преодолеть отсталость ставили перед горскими народами непреложный императив обновления производства, социальных отношений, мировоззрения широких народных масс. И в то же время нужно было сохранить социальную и культурную преемственность, обрести культурно-историческую самостоятельность. Впитав русскую и европейскую культуры, северокавказская интеллигенция основательно усвоила их, исходя из собственного положения и своих задач. Глубоко национальный облик этой интеллигенции определил то, что она раньше других социальных сил и в наибольшей мере осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно «стоявшим в стороне от истории», вхождение в «большой мир».

Башир Керимович Далгат был выдающимся просветителем, видным ученым в области этнографии, этнологии, антропологии, фольклора народов Кавказа, известным правоведом и общественным деятелем. Б. Далгат закончил Ставропольскую классическую гимназию в 1889 г., после чего поступил сначала на физико-математический факультет С. – Петербургского университета, где учился весьма успешно, но затем по гуманитарным соображениям перешел на юридический факультет.

Он не только досконально изучает всю имеющуюся кавказоведческую литературу о вайнахах (чеченцах и ингушах), но, не довольствуясь этим, в 1891-1892 гг. предпринимает продолжительную экспедицию в горную Чечню и Ингушетию. Все свои наблюдения и знания о вайнахах Б. Далгат доводил до высокой научной аудитории, делая доклады и читая рефераты. 28 февраля 1894 года им был прочитан реферат на заседании Русского антропологического общества при университете в столице империи на тему: «Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей». Этот реферат получил высокую оценку русских маститых ученых. В своем труде о первобытной религии чеченцев, который был представлен студентом-выпускником в Испытательную комиссию на юридическом факультете Петербургского университета в 1895 г. Б. Далгат получил самый высокий бал. За этот труд Далгату присудили диплом высшей категории и ученую степень кандидата прав, что было редким исключением для дипломников. Эта работа только частично была опубликована в 1893 году во Владикавказе, в «Терском сборнике»³¹. Становление культуры, которая не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов – выдвинулось в ряд первостепенных задач северокавказской истории в конце XIX столетия³².

Повышенный научный интерес к традиционной культуре, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, глубоко симптоматичен. Гуманитарная наука в начале третьего тысячелетия нашей эры отходит от одностороннего исследования истории как процесса непрерывного прогрессирующего развития; история человечества может быть адекватно понята только во взаимодействии динамики её непрерывных изменений со статикой её культурных архетипов, например, устного народного творчества, сказаний, пословиц и поговорок³³. Ранее само общественное развитие понималось как однолинейный процесс. Собственно говоря, смысл такого процесса заключался в постепенном приведении всех этносов, народов и созданных на их базе цивилизаций к некоему «общему» знаменателю. За безнадежно отставшими от «передовых» цивилизаций народами признавалось лишь только почётное право быть соответствующим образом обученными и поглощёнными более развитой цивилизацией, которой они в свою очередь оставляли элементы собственной культуры³⁴.

Сотрудничество с местным населением ради безопасности, отказ от тотального господства титульной нации в целях социальной стабильности были принципами Российского государства. Изучение «титульных» национальных языков, доселе невиданной национально-культурной инфраструктуры, вовлечение «коренных» кадров в систему государственного управления – все это долгое время служило эффективным клапаном для стравливания давления в имперском «плавильном котле»³⁵. Не все шло гладко и не сразу получалось, но в итоге находился оптимальный баланс. Для укрепления господства русского правительства недостаточно стало силы только одного оружия. Официальная позиция была выражена следующим образом: «Горцам надо указывать путь к новой гражданской культурной жизни, их надо терпеливо и с большой осторожностью учить, а не запугивать властью и строгостью, иначе, как показал опыт многих лет, кары вели к совершенно противоположным результатам». Людям всех национальностей в Российской империи было разрешено получать образование (рабов в США категорически запрещалось учить грамоте) и входить в политическую, военную, научную, культурную элиту России. Лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность. Были разрешены межнациональные браки, а, например, в США в XVII – XIX вв. они были запрещены. В правовом отношении нерусским народам предоставлялись некоторые льготы сравнительно с русскими. Они не закрепощались, не рекрутировались, имели налоговые послабления³⁶.

В Терской области формирование местной интеллигенции приняло интенсивный характер по окончании Кавказской войны. С этого времени актуальной задачей правительства являлось решение вопросов политического, экономического, культурного развития Северного Кавказа. Активизировался процесс приобщения горцев к русской культуре. Одновременно проводилась политика коренизации местной администрации. Основанием для этого являлось убеждение о необходимости привлечения горцев к решению стоящих проблем. Центрами подготовки профессиональной интеллигенции Терской области являлись гимназии, окружные горские школы, семинарии, кадетские корпуса. Эти учебные заведения ставили своей задачей воспитание гражданских и отчасти военных чиновников, учителей, других специалистов, на которых правительство могло бы опереться в политическом и хозяйственном освоении края³⁷.

Шло активное приобщение горцев к проведению правительственной политики, коренизация местной управленческой элиты. Основанием для подобного являлось убеждение, что благодаря близкому знакомству с бытом и нравами горцев выходцы из их среды смогут более эффективно проводить правительственную политику и ослабить существовавшее в общественном сознании горцев представление о порабощении их со стороны «русского Ивана».

Общественно-политические деятели горских народов пореформенного периода решают проблемы создания национальной письменности, историографии, открытия светских школ. Они отстаивают своей просветительской деятельностью демократическую концепцию европеизации, в ходе которой, по их мнению, условия для свободного развития обретут национальные культуры горских народов. Апеллируя к либеральной российской бюрократии, осуществлявшей модернизующие реформы, они стремятся всячески содействовать ее цивилизационным акциям³⁸. С конца XIX в. самодержавие стало отказываться от политики коренизации, опасаясь активной политической деятельности горской интеллигенции³⁹.

Каждый народ представляет собой некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями своего характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющей право на независимое существование и развитие. Это разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Лишить человечества разнообразия – значит, лишить его возможности проявить во всемирной истории всё богатство содержания человеческого духа⁴⁰. Доктор государственного права С.А. Корф считал, что «определение национальности предполагает обязательную войну языка; каждый гражданин должен иметь право употреблять, как в официальном, так и в частном своем обиходе любой национальный язык; он должен также иметь право воспитывать и обучать своих детей в любой школе и любому языку, по свободному своему усмотрению...». Национальная свобода обозначает автономию национального самоопределения, самостоятельность удовлетворения духовных нужд и интересов, составляющих сущность национальной жизни. Но несомненно, что такая автономия опасна для правящего большинства, откуда и проистекают его стремления к подавлению, угнетению, ограничению меньшинства, других национальностей⁴¹.

Национально-цивилизационная политика Российского государства

Наука не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждого народа становятся достоянием всех других. Каждая нация должна дать человечеству то, что скрыто в силах её духовно-нравственной природы. Так, например народы Северного Кавказа связаны не только историческим прошлым, географическими и государственными границами. Эта связь более глубокая, на уровне особой ментальности, особого восприятия себя и мира. Осознание межэтнической общности при бережном сохранении национальных различий – одна из главнейших задач исторического развития народов. И не последняя роль в решении этой задачи принадлежит культуре⁴².

Сохраняя свои особенности, подчинённые народы логически приходят к отрицанию прогресса, осуществляемого чуждым для них государством. Сохранение местных особенностей – это деятельность, по существу консервативная. У присоединённых к государству народов вследствие этого появляется два стремления – к внутреннему единству и внешней самостоятельности⁴³.

Официальные представители Российской империи, в основном, высокомерно относились к кавказским горцам. В их понимании они несли высокую «цивилизаторскую миссию» диким народам, не имеющим своей собственной культуры. В одной из статей Я.М. Неверова мы читаем следующие строки: «Если народ не имеет не только какой – ни будь письменности, но даже и азбуки, то значит, он не созрел до того, чтобы быть народом, и у него не может быть языка, как послушного орудия мысли, потому что его мыслительные способности находятся в младенческой дремоте и требуют предварительного развития»⁴⁴.

У барона Августа фон – Гакстаузена, путешествовавшего на Кавказе, общавшегося с местными жителями, было несколько другое мнение относительно культурного развития горцев. «Я воздержался бы – писал он, от всякого малодушного высокомерия нашей новейшей цивилизации, которая во всём видит грубое невежество и варварство у племён, не имеющих нашей образованности»⁴⁵.

Безусловно, мотивы колонизации были сложными. Однако сводить их только к невежеству, грабительству, наживе и стремлению эксплуатировать было бы неверно. Среди них есть и патернализм, и искреннее

стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, а бывало, и глубокое уважение к этим братьям, заимствование их обычаев и культуры⁴⁶. Обогащению и единству культурного процесса способствуют общность исторических судеб, открытость культур, социально-экономические, этнические, культурные контакты. Исторический аспект становления кавказских языков неразрывно связан не только с социально – экономическим, политическим и культурным развитием самих горцев, но и с тем влиянием, которое оказывали на них другие народы.

Эволюционный путь развития языков народов Северного Кавказа был в XIX веке нарушен экспансионистской политикой России. Весь уклад жизни, мировоззрение, культура коренного населения претерпели глубокие изменения, как в ходе Кавказской войны, так и в пореформенный период управления царской администрации. Политика ассимиляции («русификации») мусульманских народов вела к тому, что последние утрачивали связь с исламской культурой, лишались духовных корней. Замена арабской графики на кириллицу, массовое уничтожение арабографических рукописей и книг усилили изоляцию «российских» мусульман: была прервана духовная преемственность в передаче письменного наследия арабо-мусульманской культуры⁴⁷. Сегодня невозможно сказать, кто и когда впервые начал использовать арабский алфавит для записи чеченских слов. Но один из первых известных вариантов чеченского алфавита с использованием арабской графики был создан Лачинилау – секретарем имама Шамиля⁴⁸.

Черно-белые ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной ассимиляции были лишь крайностями. В большинстве случаев агенты ассимиляции старались, наряду с давлением, создать позитивную мотивацию. А те, кто переживал «русифицирующую» ассимиляцию или аккультурацию, имели свои, иногда весьма неожиданные для «русификаторов», мотивы для усвоения русского языка и тех или иных элементов русской культуры. Так, мусульманская интеллигенция в конце XIX – начале XX века могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, обеспечивающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением. Это довольно рано понял Н.И. Ильменский: обсуждая кандидатов на роль муфтия, он указывал на

«слишком хорошую» образованность вообще и «слишком свободное» владение русским языком, как на существенный недостаток одного из претендентов. Мы больше знаем о мотивах и формах сопротивления насаждению русского языка, и чаще их учитываем в исследованиях, чем рассматриваем их теневую сторону⁴⁹.

Другое важное обстоятельство – империи гетерогенны по определению. Даже в эпоху национализма они менее чем национальные государства, озабочены достижением культурно-языковой однородности населения, особенно на окраинах. Часто приоритетным для них является не ассимиляция и утверждение общей для всего населения национальной идентичности, а лояльность. Причем лояльность не только политическая, но и выраженная в культурных формах, то есть в ориентации на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний. Например, употребление латинского алфавита в течение длительного времени во второй половине XIX века было запрещено для некоторых народов. Эта мера была, прежде всего, направлена на подрыв польского, а затем, по аналогии, и немецкого влияния на этнические группы западных окраин. Такая же мотивация существовала и в противодействии использовать арабский алфавит горцами Северного Кавказа при создании своей письменности. Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а шрифт и алфавит представляют собой весьма многозначный символ, который нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что власти часто вмешиваются в вопросы языка, алфавита и орфографии⁵⁰.

Россия – государство-цивилизация, целый континент, собравший несметное количество языков, социокультурных форм, образов жизни. Россия не могла быть организована на началах западного, европейского эпитонства, а требовала самостоятельного цивилизационного творчества, связанного с особенностями ее «евразийского» разнообразия⁵¹. Отметим, что русский язык считали родным, согласно переписи 1897 г., лишь 47% населения, т.е. Российская империя представляла собой многонациональную державу, где «коренные» русские являлись меньшинством населения и как этнос не имели каких-либо привилегий. Этот вывод подтверждается также при анализе статуса национальных элит, который оценивается многими исследователями как высокий. Несомненно, установленным является факт управления империей посредством национальной знати⁵².

Роль языка в истории взаимоотношений различных народов

Унификационной тенденции в национальной политике России противостояла тенденция, в рамках которой национальное и религиозное разнообразие осмыслялось как важнейшее достоинство России, а не как недостаток, подлежащий искоренению. Известный ученый П.К. Услар писал следующее: «Быть может, от нас зависит здесь на Кавказе показать свету впервые, каких благодетельных результатов можно достигнуть не только терпимостью всяких национальностей, но даже оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа». Сторонники жесткой унификации образовательных систем и изгнания горских языков из школ, ссылались на опыт европейских государств. Так, журнал Министерства народного просвещения приводил в пример «образованные европейские народы», которые, по словам редакции, «никогда не возводили наречий подвластных им инородцев в язык церкви или школы»⁵³. П.К. Услар осуждал тех чиновников, которые недооценивали возможности горских языков при обучении детей, ссылаясь на их «бедность». Подчеркивая научно-практическое значение горских языков для правильной постановки обучения среди горцев, Услар отвергал такие вредные установки и писал, что мнение о бедности этих языков несостоятельно, так как «они неизмеримо богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие мысли». П.К. Услар рекомендовал учить горских детей сначала их родным языкам, а затем переходить к русскому⁵⁴.

Чеченцы говорили и писали на разных языках. Например, когда Северный Кавказ в период позднего средневековья входил в обширный ареал тюркского расселения, среди горцев бытовала письменная литература на языке тюрки. Этот язык был одним из основных, который обслуживал население северокавказского региона и в той или иной степени удовлетворял его нужды в письменной фиксации литературных произведений, в обмене деловыми и частными корреспонденциями. Иноязычные деловые обращения, написанные в том числе на тюркском языке, и исходящие от русских властей, чаще всего были составлены согласно традициям русской дипломатики и письмоводства. Заметим, однако, что письмоводство русских властей с местными народами Северного Кавказа велось не только на тюркском («татарском», как его тогда называли), хотя последний служил основным средством письменного общения

между ними, в течение довольно длительного периода времени. Так, известны также обращения русских властей к ним на арабском, персидском, русском языках. Как пример тюркоязычной переписки можно привести документ, хранящийся в Центральном архиве Республики Дагестан «Письмо от князя Чеченского владения Арсланбека сына Айдемира на имя кизлярского коменданта И.Л. фон Фрауендорфа»⁵⁵.

В первой половине XIX века народы Северо – Восточного Кавказа объединились и создали теократическое государство – имамат Шамиля. Интенсификация демографических и этнических процессов вызывала потребность в средствах языкового общения. В этой связи встал вопрос о функционировании внутри– и межрегиональных языков. В исламском государстве – имамате Шамиля, арабский язык выполнял функции межрегионального, государственного и конфессионального языка. Прокламации Шамиля и мюридов к народу всегда писались на арабском языке, на нём же велась документация, являясь закономерным проявлением подчинения всего жизненного уклада мусульман исламским традициям и законам⁵⁶.

Горцы сами пришли к использованию этого языка как государственного, и в продолжение 25 лет существования имамата арабский язык занимал ведущее положение на Северо – Восточном Кавказе. Арабский язык, с влиянием которого пришлось столкнуться России, являлся для мусульман отражением их духовной жизни. Язык Корана связывал в единый конгломерат субкультуры Кавказа и весь мусульманский мир. Ислам принёс письменность, и через неё проникали все достижения культуры Ближнего Востока.

На рубеже XIX – XX вв. исламское просвещение проявило себя в качестве активной субкультуры, достигло ведущих позиций в просветительском движении и оказало ощутимое влияние на формирование мировоззрения немногочисленной еще национальной интеллигенции. В его рамках наглядно проявились возможности ограниченного взаимодействия традиционной культуры с исламской цивилизацией⁵⁷.

Среди чеченцев имелось немало людей, владеющих арабской письменностью. Задолго до появления русской школы при каждой мечети действовали духовные школы (хужары), обучавшие детей читать и писать по-арабски, а также арифметике. Наиболее способные ученики, закончившие курс обучения, сроком до 3-х лет, могли продолжать учёбу в религиозных школах более высокого ранга. Для получения же «высшего» исламского образования молодые чеченцы направлялись чаще всего в дагестанские селения Аксай, Кумух и Акуши⁵⁸.

История создания чеченского алфавита

Одним из замечательных явлений в истории духовной культуры народов Северного Кавказа было формирование, на основе арабской графики, в дооктябрьский период северокавказского реформированного алфавита, получившего название — аджам⁵⁹. Алфавит, которым пользовались чеченские арабисты возник, вероятно, ещё в дошамилёвский период. По этому алфавиту производилось написание имён, а также осуществлялся перевод трудных для запоминания слов на родной язык⁶⁰. На основе аджамского письма сочинял свои стихи кадий Атабай Атаев. Х.В. Туркаев пишет: «Размеры и формы стихов говорят, что Атаев хорошо знал правила восточного стихословия, его обязательные каноны...». Учёные-арабисты создавали такого рода стихи, используя наиболее известные им традиции арабской религиозной литературы⁶¹.

Арабская азбука, которой пользовались чеченцы при разных способах написания на родном языке, нуждалась в значительных дополнениях. В разработке алфавитов и издании книг на чеченском языке активное участие принимали некоторые чеченские муллы, в частности Сугаип-мулла Гайсумов. Поэтому можно сказать, что в определённой мере многие видные религиозные деятели Чечни стремились модернизировать чеченское общество⁶².

Представители ислама и арабисты в 1908-1921 годах выпускали в Темир-Хан-Шуре отдельные произведения на чеченском языке, пользуясь арабским алфавитом⁶³. В конце XIX — начале XX вв. только в Дагестане в литографиях были опубликованы 115 книг на чеченском языке. В основном это была переведённая арабская и персидская литература⁶⁴.

Среди книг встречалась не только религиозная литература (например, поучения устаза Кунта-Хаджи), но и вполне светская литература: учебники, пособия для изучающих арабский язык и сборники стихотворений, посвящённых историческим лицам («Манзумат»), а также книги по истории и медицине⁶⁵. Были опубликованы и труды местных авторов, например, Имрана Сухайба из Шали и Кунта-Хаджи из Илисхан-Юрта.

Эти издания высоко ценились в Чечне, даже, несмотря на невысокое качество полиграфии и наличие большого количества орфографических и стилистических ошибок. В годы советской власти, когда выпуск исламской литературы был полностью запрещён, книги, изданные тогда в Дагестанской области, переписывались от руки и бережно хранились⁶⁶.

Трагическая участь постигла чеченские фамильные хроники – тептары. В 1944 году, во время выселения чеченцев, все тептары (так же как и теологические сочинения XVII – XIX веков на чеченском языке) у местного населения были изъяты и уничтожены. Отдельные экземпляры вывезены офицерами НКВД в Россию, несколько тептаров удалось спасти их владельцам. Тептар – вид фамильной (семейной) хроники, в которой велась запись всех предков и наиболее важных событий в жизни фамилии и народа. В более древние времена тептары писались на чеченском языке грузинским алфавитом, с IX – X веков (при сближении аланов с Византией) – греческим, а с XVII века – на арабском языке или чеченском языке арабским письмом. Есть сведения о чеченских тептарах, написанных клинописью, а также об использовании чеченцами грузинского и греческого (византийского) алфавитов. О надписи, состоящей из двух строк и выполненной греческим письмом на камне основания одной из башен в селении Кирды в Аргунском ущелье, упоминает исследователь Кавказа Н.С. Иваненков⁶⁷.

В XIX веке изучение чеченского народа и его языка привлекало на Кавказ многих учёных, пытавшихся создать чеченскую письменность с помощью европейских алфавитов. Гюльденштедт и Клапрот зафиксировали чеченский лексический материал на основе европейской транскрипции. В середине XIX века одним из краеведов был создан словарь чеченского языка, в котором присутствовали слова от «а» до «я» и отдельно были выделены местоимения, наречия и частицы. Причём числительные, для осуществления сравнительных характеристик, были представлены в разных вариантах: чеченском, русском, кумыцком, лезгинском и черкесском.⁶⁸

Более или менее организованный план создания горских алфавитов на европейской основе мы констатируем лишь в 50-60 годах XIX века, в работах Шифнера на основе латинских начертаний (1856 г.) и Услара – на основе русских букв (1862)⁶⁹. П.К. Услару как военному инженеру постоянно давались задания, для выполнения которых требовались командировки в разные места Кавказа. Частое перемещение по долгу службы давало ему возможность познакомиться с различными народами, изучать их историю и языки. П.К. Услар поражал знавших его людей постоянством, строгим исполнением своих обязанностей и редкой честностью. На службе Петра Карловича очень ценили и нередко давали самые сложные задания, за которые не брались другие военные.

13 августа 1858 г. вышел приказ Е.П. Ковалевского за № 1628 «О разрешении полковнику Генштаба П.К. Услару брать на дом сочинения, сведения и исторические материалы, которые имеются в публичных библиотеках и архивах по Кавказу – для составления истории Кавказа с древнейших времен»⁷⁰. В начале 1862 г. Услару было присвоено звание генерал-майора и дано поручение «исследовать языки с целью введения между горцами туземной грамотности на русском основании». Летом 1862 года П.К. Услар получил командировку в Грозный, где принялся за изучение чеченского языка. А уже в 1863 году литографированные монографии «Чеченский язык» и «Абхазский язык» были представлены в Академию наук академиком Шифнером и удостоены Демидовской премии.

Капитальный труд П.К. Услара о чеченском языке лёг в основу чеченских букварей, составителями которых стали Кеди Досов и Таштемир Эльдерханов. В начале 1862 года П.К. Услар просил Главный Штаб Кавказской Армии прислать в Тифлис двух чеченцев, по возможности знакомых с русской грамотой. «В марте того же года, – пишет М.Р. Завадский в предисловии к грамматике чеченского языка П.К. Услара, – прибыли в Тифлис прапорщик милиции Кеди Досов и мулла Янгулбай Хасанов и приступили к изучению чеченского языка. Занятия эти вскоре были перенесены в Чечню, где в укреплении Грозном П. Услар открыл в июне того же года временную школу. Около 25 молодых чеченцев, избранных Усларом из числа муталимов, при содействии Кеди Досова и Янгулбая Хасанова, за несколько недель были обучены новой чеченской грамоте». Мулла Янгулбай учил муталимов читать по – чеченски, а два русских писаря учили писать. По словам законоучителя Грозненской горской школы Идика Исмаилова, ученики даже составили стихотворение, в котором благодарили Бога и правительство за то, что им даровали письменность. П.К. Услар называл Кеди Досова, Янгулбая Хасанова и муталимов своими «чеченскими сотрудниками», с уважением отзывался о них⁷¹. Кеди Досов, по совету П.К. Услара, составил букварь чеченского языка. Единственный экземпляр этого букваря в настоящее время хранится в фонде г. Шухарта в библиотеке г. Грац (Австрия)⁷².

Созданная П.К. Усларом программа предполагала подготовку передовых людей из числа горцев в школах, открытых для каждой национальности отдельно. В этих школах должны были воспитываться и русские дети, однако их количество не должно было превышать 1/3, чтобы школы не утратили своего назначения. Обучение должно было

начинаться на родном языке. Затем постепенно переводиться на русский язык, но изучение родных языков – продолжиться. Изучение языка горцев для русских детей являлось обязательным условием. П.К. Услар писал: «Изучение чужой национальности в лета восторженной юности навсегда привязывает нас к ней узами пламенного сочувствия». Услар сделал все, что мог для открытия экспериментальных школ, но эта программа обучения была свернута. В это время меняется политика в области образования. По свидетельству Л.П. Загурского, П.К. Услар очень тяжело перенес случившееся, он замкнулся в себе, здоровье его было подорвано, но он настойчиво продолжал свои исследования⁷³.

П.К. Услар ученый-демократ и ученый-гуманист. Он открыто выступал за улучшение жизни горцев, за их развитие на основе просвещения и науки; выражал свое неудовольство произволом царских чиновников на Кавказе, осуждал жестокость колониальной политики царизма. П.К. Услар критиковал противников развития местных языков за их теоретически ошибочные и практически вредные взгляды, приводил аргументы, подтверждающие его предложения. В частности он писал: «Переводы русских брошюр на туземные языки могут быть выполнены с полным успехом. Мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно. Эти языки неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли». Далее ученый развивает свою мысль о местных языках и указывает, «...родные языки составляют самые надежные проводники между горцами нового рода понятий», имея в виду обучение грамоте, развитие просвещения, научных знаний и получение образования, налаживание связи с европейской цивилизацией⁷⁴.

В годы Кавказской войны чеченский язык изучали представители противоборствующих сторон: русские, казаки, черкесы, дагестанцы. Беляев, будучи в плену у чеченцев в 1847 году, провёл научную работу по изучению чеченского языка. Он зафиксировал числительные – до 1 млн. и тысячи тысяч, а также составил небольшой словарь русских выражений, переведённых на чеченский язык⁷⁵. Суворов Шамиль сто пятьдесят лет назад говорил о своём знании языков: «Кроме арабского, я знаю три языка: аварский, кумыкский и чеченский. С аварским я иду в бой, на кумыкском изъясняюсь с женщинами, а на чеченском шучу»⁷⁶.

Чеченцы также изучали языки своих соседей, что им очень пригодилось в «новой» жизни. В августе месяце 1856 года должна была состояться коронация Александра I. 20 июня 1856 года командующий Левым

флангом Кавказской линии генерал-майор Евдокимов подал рапорт Козловскому, в котором рекомендовал назначить к отправляемым в Москву, на церемонию, кавказским депутатам переводчиком капитана Арцу Чермоева. Евдокимов дал Чермоеву прекрасную характеристику, написав о том, что знает его лично, что Арцу Чермоев, кроме чеченского, знаком ещё с кумыкским и осетинским языками, хорошо владеет русским языком. Это было немаловажно, т.к. представители разных кавказских народов без переводчика не могли общаться даже между собой⁷⁷.

Мирный и дружественный характер взаимоотношений чеченцев и казаков отчасти проявлялся и в том, что горцы отдавали на время своих детей в гребенские станицы, большей частью в семьи знакомых казаков, чтобы они учились разговорному русскому языку. Передовые представители местной интеллигенции не осуждали, а приветствовали и поддерживали эту систему, как одну из форм сближения с русской культурой. Один из них – Г. Шанаев указывал, что местные народы «изучение русского языка и грамоты... считают делом, безусловно, необходимым... Горцы, как народ сообразительный и при этом с умом практическим, видят хорошо на примере осетин, насколько важно в деле умственного развития знание языка культурного соседа». У. Лаудаев до поступления в Петербургский кадетский корпус в 20-х годах XIX в. изучил русский язык в станице гребенских казаков. В свою очередь, казаки направляли своих детей к горцам-кунакам в чеченские села для обучения чеченскому языку⁷⁸.

В чеченском языке обнаруживались специфические диалектные (терские) русские формы, усвоение которых осуществлялось при контактах с русским населением Притерской полосы. Также было характерно и обратное языковое влияние. В дореволюционных лексических материалах по терским русским говорам фиксировались вайнахские (чеченские и ингушские) слова. Со временем русский язык выступил в роли государственного, стал активно вытеснять арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в просвещение и печать. В ходе интеграционных процессов знание русского языка стало жизненно необходимо для местного населения, так как он стал выполнять функции хозяйственно-экономического общения различных народов, он являлся языком, знание которого было необходимо для успешной деятельности в системах внутри российского рынка, образования, управления и в других областях. Выполнение русским языком нескольких функций одновременно – носителя русской культуры, официального языка государства и средства межнациональ-

ного общения – несло в себе как положительный, так и отрицательный заряд, так как придавало культуре официальный характер и воспринималось как средство политики русификации и ограничения «инородных» культур. Однако, то отличительное свойство русской культуры – извечное стремление к социальной справедливости и идеалам просвещения, приверженность принципам гуманизма, высокая духовность – неизменно притягивало к себе людей вне зависимости от национальных или религиозных различий⁷⁹.

Русификаторская политика царского правительства

К середине XIX века российская администрация уже имела огромный опыт в области, как органичного распространения русского языка, так и насильственной русификации народов других языковых культур посредством института колониального управления. В силу проводимой государственной политики процесс обрусения на Северном Кавказе продвигался довольно быстрыми темпами. Энергичные меры, принимаемые начальником Терской области, до такой степени содействовали этому движению, что к концу 60-х годов XIX века не только в Кабарде и Осетии, но и в обширной и многочисленной Чечне не было ни одного села, где не нашлось бы и нескольких человек, говорящих на русском языке, пусть даже и пару слов. М.Т. Лорис – Меликов уже был уверен в возможно скорой отмене переписки, ведущейся на арабском языке⁸⁰.

Однако эти прогнозы не сбылись, так как и в 70-е и в 80-е годы XIX века переписка у населения продолжалась вестись по-арабски. Для выполнения письменной работы сельское общество заключало договор с муллой. Приказы начальника участка отдавались словесно кадию, который записывал этот приказ по-арабски. Мулла читал и переводил старшине приказ с арабского – на чеченский. Ответ старшины участковому начальнику делался в обратном порядке⁸¹.

По мнению кавказских властей, русский язык должен был проникнуть во все сферы жизни горцев и подготовить их к его усвоению. Дальнейший путь развития кавказских горцев теперь связывался с необходимостью овладения ими русской речью, ознакомлением с русской культурой⁸². В 1867 году было запрещено обучение в школах национальных окраин на родном языке. Алфавиты, разработанные П.К. Усларом и другими учёными, были преданы забвению⁸³. В основу местного адми-

нистративного управления, издания периодики и книг, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык.

Несколькими веками ранее схожая языковая ситуация возникла и в Ирландии. Первые контакты ирландцев с англичанами не представляли угрозы для ирландского языка. Скорее наоборот – ирландский язык доминировал. Статус ирландского языка стал меняться в начале XVII в., в связи с приходом к власти династии Тюдоров. Тем не менее, даже при них ирландский язык стал вытесняться далеко не сразу. В XVII веке, с одной стороны, знание ирландского языка оставалось обязательным требованием для судей в Ирландии, т.к. они должны были понимать показания свидетелей, говорящих по-ирландски; а с другой стороны, ирландцы все больше и больше осознавали необходимость овладения английским языком: многие родители даже заставляли своих детей учить английский.

Дискриминация ирландского языка достигла апогея в XVIII веке при Кромвелле. Подавление ирландского языка и вытеснение его английским, уничтожение культуры и обычаев народа повлекли за собой миграции ирландоязычного населения на юг и запад страны. Английский язык стал прочно входить в жизнь ирландцев, в XVIII веке он стал государственным языком. Борьба за восстановление статуса ирландского языка велась не только потому что ирландский язык являлся атрибутом независимости, но и по той причине, что ирландцы находили свой язык необычайно красивым, им импонировала его эстетическая ценность. Так, например, мать ирландского писателя В. Карлтона будучи известной певицей, исполнявшей ирландские народные песни, отказывалась исполнять их английские версии. Певица мотивировала свой отказ тем, что «Английские слова и музыка звучат так, будто муж и жена ругаются, а ирландские слова растворяются в музыке, словно муж и жена живут в согласии». В 1937 году Ирландия была провозглашена независимым государством. Однако и в настоящее время английский язык занимает господствующее положение: число говорящих на двух языках (примерно 27 % населения) или только на английском (около 70 %) значительно превышает число говорящих только на ирландском языке (лишь 3 % населения Ирландии)⁸⁴.

Русификаторская политика царского правительства втор. пол. XIX в. должна была стать звеном прежде всего в процессе интеграции различных этнических элементов многонациональной империи, но на практике она привела к ослаблению имперской составляющей русской государс-

твенности, росту националистических и революционных движений. Российская империя, безусловно, должна была на том этапе развития оставаться унитарным государством, русский язык – государственным. Но желательная тенденция – постепенная и добровольная ассимиляция других народов на основе приобщения к русской культуре, языку, православию. Не насильственные, административные меры должны были заставить иные народы воспринимать русскую культуру, а величие и блеск русской нации. Достижения ее культуры и искусства должны были органично соединиться с достижениями других народов⁸⁵.

Первые газеты на Кавказе

По многообразию и ценности информации периодическая печать открывает неизмеримо больше возможности, чем они практически используются в работах историков. Оценивая роль периодической печати как источника информации в реальной жизни и для последующих поколений исследователей нашего региона, мы должны всегда помнить, что число издававшихся на Кавказе периодических изданий, сборников очень внушительно. Мы, наверное, должны с большей настойчивостью изучать изумительный по богатству источник информации – старые газеты и журналы⁸⁶.

Газета «Кавказ» начала выходить с 3 января 1846 года. Это на первых порах было частное издание, появление которого весьма поощрялось правительством. Приветствуя выход «Кавказа», В.Г. Белинский в 1847 г. писал о несомненной пользе этой газеты, «...распространявшей образование среди кавказцев и знакомившей Россию с самым интересным и наименее известным ей краем». С 1850 г. «Кавказ» стал официальным правительственным органом⁸⁷. До конца 60-х годов XIX века Северо – Восточный Кавказ не имел собственных местных печатных изданий. М.Т. Лорис – Меликов приложил немало усилий для выхода в свет в январе 1868 года органа местного управления – газеты «Терские ведомости». Для этого в 1867 году была основана типография. Газете надлежало стать связующим звеном между русскоязычным населением и коренными жителями. Предметом публикаций газеты, помимо правительственных распоряжений, должны были быть обычаи, традиции и нужды «управляемых». Годовая подписка на «Терские ведомости» в 1892 году составляла всего 6 рублей⁸⁸.

Печать Терека в период реакции представляли «Терские ведомости» и «Владикавказский листок объявлений» (1881 г.), переименованный в «Терек» (1882-1884 гг.). Газета «Терские ведомости» пыталась в ряде случаев сочувственно упомянуть о бедственном положении горцев. В заметке «Население Терской области (Из реферата Г.Н. Казбека)», помещенной в № 31 газеты за 1888 г., в частности говорилось: «Своеобразная жизнь чеченцев далеко еще не понята представителями русской гражданственности, как и во многих других местностях, являются пристава, мало или вовсе неподготовленные к управлению столь своеобразным народом и незнакомые с местным языком и условиями местной жизни». Очерк В.И. Немировича – Данченко «Вдоль Чечни», написанный в защиту чеченцев, вызвал полемические замечания автора заметки «Несколько слов о чеченцах», напечатанных в № 19 «Терских ведомостей» за 1888 г.

Широкие просветительские задачи ставили «Терские ведомости», отметившие в редакционной статье первого номера, что «местные племена, проникнутые энергией и свежестью неиспорченных натур» есть в высшей степени «восприимчивые натуры, способные возрастить всякое семя, брошенное в них искусною, заботливою рукою». Помимо официального, в газете был выделен специальный отдел, где публиковались «статьи по истории, этнографии, географии, статистики, филологии племен и народов, населяющих область». Постоянные краеведческие отделы и рубрики вели и другие кавказские газеты, привлекая к публикациям краеведов, ученых⁸⁹.

В период редакторства Е. Максимова (с № 59 за 1889 г. он подписывал газету как исполняющий должность редактора, с № 92 – как редактор неофициальной части) «Терские ведомости» теряют прежний, хотя и не очень значительный, критический настрой, печатают материалы, представляющие горцев в неблагоприятном свете. В 1893-1894 гг. Максимов опубликовал в газете под псевдонимом М. Слобожанин «Петербургские письма», в которых проводил реакционные идеи. «Осетины, кабардинцы, чеченцы, кумыки и другие туземцы, как ни славно и ни поэтично их прошлое, никогда не создадут своей литературы, своей государственности, своей цивилизации» – писал он в одном из писем и предрекал «постепенное вымирание» горцев.

19 декабря 1911 г. в Грозном, в коммерческой типографии Н.С. Тюкова, вышел в свет первый номер газеты «Терек». Задумана она была как ежедневное, литературно-общественное издание. Но газете суждено было просуществовать меньше 8 месяцев, хотя вокруг нее успели

сплотиться либерально-радикальные интеллигенты, которых привлекала в частности и неординарная личность редактора газеты Денильбека Шерипова, известного в Чечне юриста. Его по праву можно считать одним из зачинателей демократической прессы на русском языке в Чечне в период общественно-политического подъема на Кавказе. Д. Шерипов был разносторонним человеком в своих увлечениях и занятиях. В 1912-1913 годах он написал несколько содержательных статей на экономические темы, ему принадлежит также перевод на Чеченский язык романа «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо и т.д. Д. Шерипов считался одним из основоположников чеченской драматургии. Его пьеса «Бикату» представляет собой первое крупное художественное произведение о легендарном абреке Зелимхане. Возможно, выбор драматурга был вызван впечатлениями от личного знакомства с реальными героями пьесы: Зелимханом (умер в 1913 г.) и Бикату (она была в числе сподвижников Зелимхана)⁹⁰. «Терек», руководимый Д. Шериповым, неоднократно высказывался в защиту прав местного населения, например, в статье «Круговая ответственность горцев» (№ 102 за 1882 г.), которая встретила недовольство местных властей. В конце концов, цензурирование «Терека» было переведено в Тифлис, что и привело к прекращению его выхода⁹¹.

Коста Хетагуров был талантливым и плодовитым журналистом. Его публицистические статьи и корреспонденции, острые и ядовитые, как памфлет, украшали страницы «Терека», «Казбека» и «Терских ведомостей». В своих статьях он поднимал жгучие вопросы современности, ратовал за социальное равенство, за улучшение экономического и правового положения кавказских народов, просвещение, приобщение горцев к русской и мировой культуре. Наступательная публицистика автора обладала большой силой. Министр внутренних дел, прочитав статью К. Хетагурова «Неурядицы Северного Кавказа» нашёл много вопиющих фактов и высказался довольно нелицеприятно для местной власти: «...Надо положить конец этим безобразиям...Такой порядок вещей не может продолжаться...В это же лето пошлём целую комиссию подробно исследовать всё, что происходит в Терской области...Если хоть сотая доля того, что передаётся в «Петербургских ведомостях» правда, то и тогда это выше всякого предела...».

Проверкой правительственной комиссии всё подтвердилось, и начальник Терской области Каханов был снят с должности⁹².

В конце XIX – начале XX вв. деятельность большинства горских просветителей принимает все более четко выраженную социальную

направленность. В это время в разных российских периодических изданиях опубликовано большое количество статей братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Джамалдина Шерипова, Ибрагим-бека Саракаева. Братья Мутушевы происходили из офицерской семьи, Д. Шерипов сам был офицером, а И. Саракаев закончил офицерскую службу в полковничьем чине. А. Мутушев долгое время сотрудничал в ряде российских изданий, в частности, в газете «Новая Русь», в которой открылся «Мусульманский отдел». И. Мутушев являлся создателем «Общества распространения просвещения среди чеченцев» (1908 г.). Он призывал, со страниц газет обращаясь к чеченскому народу: «Пора же, наконец, и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и встать на путь прогресса и цивилизации». Ряд детей чеченских офицеров и знати прошли обучение в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурге, став горными инженерами, врачами, адвокатами и т. д.⁹³

Предпосылки появления первой газеты для горцев на арабском языке

Многие российские государственные деятели понимали необходимость выпуска газет и журналов на арабском языке, в то же время не упуская возможности использования их в идеологическом контексте. Министерство иностранных дел России в 1864 году вступило в переписку с Кавказским наместником, великим князем Михаилом Николаевичем, по поводу издания на арабском языке небольшой газеты под названием «Заря» с целью распространения её между горскими племенами Кавказа.

Поводом к составлению подобного предложения послужило знакомство Нафаля-преподавателя арабского языка в отделении восточных языков при Азиатском департаменте, с военнопленным чеченцем Атабаем Атаевым. В Министерстве иностранных дел посчитали мнение Нафаля об издании газеты на арабском языке важным и значительным, для успешного развития Кавказского региона⁹⁴.

А. Атаев, бывший наиб Шамиля, за участие в Аргунском восстании 1860-61 годов был выслан в город Касимов, Рязанской губернии, без права возвращения на родину. Следует подчеркнуть, что Атабай получил высшее образование в Каире и был в Чечне образованнейшим человеком своего времени. Письма А. Атаева из ссылки на родину, написанные по-

арабски, вполне можно отнести к духовной сокровищнице чеченского народа. Эти послания были выполнены в тонко прорисованном аллегорическом жанре таким изысканным и высоким слогом, что царская цензура, признаваясь в бессилии понять весь смысл изложенных Атабаем размышлений, просто не допускала их к адресатам⁹⁵. Могила известного учёного-арабиста Атаби Атаева, из тейпа балой, находится в городе Пскове, он так и не смог вернуться на родную землю⁹⁶.

В разговорах с Атабаем коллежский асессор Нафаль старался объяснить отношения, в которых, по его мнению, должны были бы находиться кавказские горцы к российскому императору, и доказывал всю несостоятельность надежд, возлагаемых на турецкого султана. А. Атаев, принимая собеседника за своего единоверца, и даже за учёного мусульманина, был, по-видимому, поражён доводами, основанными на изречениях Корана, и выразил своё согласие с тем, что никто из горцев не слышал подобных речей.

В результате активной деятельности Нафалья, вышел пробный листок газеты «Заря» – на арабском языке, в котором было напечатано воззвание Атабая к жителям Чечни и Дагестана⁹⁷. Однако дальше этого дело не пошло. 12 августа 1864 года Кавказский наместник отказал в разрешении на издание газеты «Заря». Причём мотивировка касалась не финансовой стороны дела, а была продиктована его убеждениями. По мнению главного должностного лица на Кавказе, большинство кавказских мусульман находились «в самом детском состоянии цивилизации», и издание для них газет и журналов на арабском языке было преждевременно⁹⁸.

У чеченцев появился свой журнал, но уже за пределами России, во Франции. В 1933 году Гайдар Баммат, на средства Т. Чермоева основал в Париже журнал «Кавказ» – «орган независимой национальной мысли». Гайдар Баммат, близкий друг и соратник Тапы Чермоева, в эмиграции был женат на Зейнаб, племяннице Тапы⁹⁹.

Вторая половина XIX в. для российской прессы связана с ее становлением на путь коммерциализации. Мощным толчком для развития прессы явились либеральные решения, принятые правительством: снятие с газет ограничений на публикацию частных объявлений и рекламы (май 1862 г.); введение Временных правил печати в 1865 г., поощряющих издание частных газет и журналов, позволяющих распространять их на улице. К концу 80-х гг. с ужесточением цензуры многие издания вообще утратили политическое лицо. Кроме того, в 1886 г. министр внутренних

получил право запрещать «провинившимся» газетам печатать частные объявления, что было основным источником их доходов¹⁰⁰. Показателем нового времени было издание в 1881-82 гг. во Владикавказе «Владикавказского листка объявлений» – первой частной газеты на Северном Кавказе¹⁰¹. К концу XIX века в Грозном работала единственная частная типография. Она была открыта в 1888 году владикавказским мещанином С.И. Тюковым¹⁰². Именно в этой типографии стали издаваться первые частные газеты, в том числе и газета «Терек», о закрытии которой писали во втором номере «Ставропольские губернские ведомости» (за 1891 г.). В Ставропольской газете говорилось «... о кружке служащей, следовательно, с ограниченными средствами к жизни, интеллигенции, давшей средства к изданию...газеты «Терек», приостановившейся вследствие перенесения потом цензуры из Владикавказа в Тифлис...»¹⁰³.

Деятельность царской цензуры

Российское правительство заботилось о сохранении государственного строя империи. Для контроля за печатью, был создан мощный аппарат цензуры. «Цензура есть государственное учреждение, имеющее обязанностью охранять в пределах печати существующий на основании законов государственный строй», – зафиксировано в «Сборнике узаконений и распоряжений правительства по делам печати» за 1878 год. Имея в виду большое влияние печати на общественное сознание, цензура особенно следила за назначением благонадежных лиц на должности издателей и редакторов. «Пустить в народ сотни добровольцев – проповедников с неизвестными и чаще всего зловредными наклонностями и целями и потом гоняться за ними с бессильными полицейскими мерами, прихлопывать одно какое-нибудь издание и на его место разрешать десяток других, столько же и даже еще более вредных изданий, не есть ли это в самодержавном государстве чистый абсурд, ведущий к развращению населения и к принижению самого принципа самодержавия, сущность которого, по понятиям русского народа, состоит в отеческой попечительности о народном благе, в последовательности действий и в непререкаемом авторитете», пишет Ф. Еленев, имея в виду русские периодические издания¹⁰⁴.

Николай Ильич Воронов – сподвижник А.И. Герцена и Н.П. Огарева, член революционной организации в Петербурге «Земля и воля»,

с 1877 года являлся главным редактором газеты «Кавказ», на страницах которой неоднократно публиковались материалы о Чечне и Дагестане, критиковавшие политику местной администрации. Жизненный путь Н.И. Воронова был весьма тернист. Некоторое время он вынужден был скрываться за границей, затем приехал на Кавказ. 14 сентября 1862 года наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский, во время своего пребывания в Царском селе, пишет своему помощнику барону К.А. Крузенштерну: «Я должен обратить ваше внимание на известного Воронова, учителя гимназии в Тифлисе, он, как мне его описали, из красных. Велите хорошенько наблюдать за его действиями, а также за действиями всех кавказских воспитанников, высланных из Петербурга за университетские беспорядки. Примите надлежащие меры против ввоза на Кавказ всех запрещенных произведений, как «Колокол»». Вскоре Воронов был арестован. Просидев 6 месяцев в Петропавловской крепости, из-за недостатка улик он был освобожден и сослан на Кавказ. По рекомендации начальника Горского управления при кавказском наместничестве Д.С. Старосельского Н.И. Воронов возглавил в Тифлисе два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник статистических сведений о кавказских горцах», позже он возглавил газету «Кавказ». Большая дружба связывала Н.И. Воронова с П.К. Усларом¹⁰⁵.

Кавказский цензурный комитет, находясь под ведением общей цензуры, кроме цензурного устава и изданных для него законоположений, руководствовался еще инструкциями наместника, что делало его работу в некотором смысле не зависимой от центра¹⁰⁶. «Практика этого комитета... совсем неизвестна», — признавали позже составители «Сборника действующих законов по печати» в 1878 году¹⁰⁷. Штат Кавказского цензурного комитета, который был утвержден в 1874 году, и усилен в 1884 году, продолжал оставаться неизменным после 1903 года. В его составе находились: один председатель, два старших и два младших цензора, секретарь. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Г.С. Голицын неоднократно (1900, 1902 и в 1903 г.г.) обращался в высшие инстанции с просьбами пополнить штат Кавказского цензурного комитета одним помощником инспектора типографии и одним младшим цензором. Он считал, что при наличии такого количества подведомственных заведений у инспектора типографий и книжной торговли для выполнения всех обязанностей, предусмотренных инструкцией, «не хватит и календарных дней». Министр финансов отклонил эти прошения.¹⁰⁸

Кавказский цензурный комитет был создан в 1848 году, он подчинялся Министерству внутренних дел – главному управлению по делам печати. На комитет возлагался надзор за издаваемыми в Кавказском крае журналами, газетами, а также он проверял ввозимую и вывозимую литературу. Работа комитета продолжалась до 1906 года, когда вопросами печати на Кавказе стал заниматься Тифлисский комитет по делам печати¹⁰⁹. Постоянный рост книгоиздания, количества полиграфических и книготорговых предприятий, увеличение числа частных периодических изданий по всей стране заставляли администрацию реформировать систему цензурных учреждений. Повсюду остро ощущалась нехватка квалифицированных чиновников, способных выполнять обязанности цензоров. Вся цензура была разделена на внутреннюю и иностранную, а внутренняя, в свою очередь, на светскую и духовную. Внутренняя цензура рассматривала все произведения словесности, наук и искусства, издававшиеся внутри государства на любых языках. Работа цензора, исполнявшего обязанности по внутренней цензуре, заключалась в следующем: он просматривал рукопись, делал в ней пометки против мест, по его мнению, нарушавших цензурные правила, затем предоставлял право автору или издателю исправить это место, а потом подписывал рукопись к печати и в дальнейшем нес за нее ответственность¹¹⁰. В составе Кавказского цензурного комитета был инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей, чиновники просматривали произведения не только на русском и иностранных языках, но также на национальных и восточных наречиях. Надзору цензурной инспекции были подвержены не только типографии и литографии, но и библиотеки, число которых с каждым годом все увеличивалось¹¹¹. Начиная от первого цензурного Устава 1804 года и до закона 6 апреля 1865 года, повсеместно для издания книг существовала предварительная цензура¹¹².

Высочайший Указ от 31 января 1809 г. запретил печатать любые книги без разрешения цензуры, а предписание министра народного просвещения от 10 августа 1809 г. наложило запрет на публикацию в периодических изданиях всякой политической информации. Сведения о положении России можно было черпать только из официальных «Санкт-Петербургских ведомостей». С 1814 г. единственным источником информации о военных действиях стал «Военный журнал», издаваемый при Главной имперской квартире. Остальные издания могли только перепечатывать его публикации. В Публичной библиотеке возник недоступный для читателей «спецхран», где хранились запрещенные газеты

и романы.

По циркулярам 1818 г., обо всем, касающемся правительства, можно было писать «только по воле самого правительства, которому лучше известно, что и когда сообщить публике». С 1819 г. было запрещено цитировать в прессе законы. Любая самостоятельная критика действий генералов, государственных чиновников или учреждений встречали гнев цензуры, и весной 1820 г. была полностью запрещена. В 1825 г. запретили публикации о военных поселениях, кроме одобренных Аракчеевым. Применительно к поэзии и литературы в деятельности цензуры преобладали мотивы нравственно-этические в их официозном понимании. У А.С. Пушкина вызывало ярость превращение «суки цензуры» в полицию нравов, которая бесцеремонно уродовала поэзию в ущерб гармонии и здравому смыслу. В «Кавказском пленнике» цензура не пропустила выражения «небесный пламень» и «долгий поцелуй». В стопе «И много радостных ночей / Судьба на долю ниспослала» нецеломудренное слово «ночей» было заменено сочетанием «ей дней», которое противоречило смыслу, поскольку черкешенка могла встречаться с пленником только по ночам¹¹³.

Местная русская печать на Кавказе, находившаяся в подчинении военного командования, способствовала политической и экономической колонизации края, вплоть до поддержки военных акций царизма против коренного населения¹¹⁴. По мнению власти «...Нужно было употребить меры, чтобы обитатели Кавказа сделались русскими не по одному географическому положению, установившемуся в силу обстоятельств, не по гнѣту только неотразимого могущества, но и в самих взглядах и убеждениях своих, нужно было образовать, в этой чуждой среде, русскую национальность»¹¹⁵. Большинство документов, повествующих об отношениях горских народов с Россией, писалось на русском языке. Та часть документов, которая создавалась на арабском, турецком, и др. языках, сразу же после попадания в русские государственные учреждения переводилась на русский язык¹¹⁶.

Рукопись И. Бларамберга, написанная в 1834 году на французском языке, появилась в свет в пору ведения Кавказской войны, и поэтому сведения ее сочли секретными, вследствие чего данная работа была отправлена в архив с грифом «совершенно секретно». Ею могли пользоваться только офицеры Генштаба. Иоганн Бларамберг – иностранец на русской службе – более 2-х лет пробыл на Кавказе как инженер-топограф. За это время он собрал интереснейший историко-этнографический

материал о населении региона, который и по сей день, не утратил своей ценности¹¹⁷.

3 июня 1858 года новый министр народного просвещения Е.П. Ковалевский получил от управляющего военным министерством князя В.И. Васильчикова перечень сведений, которые должны были в обязательном порядке подлежать военной цензуре. Перечень включал в себя: « 1. Статьи теоретические и политические, по предметам стратегии, тактики, военной статистики, артиллерии и вообще военных наук. 2. Отдел военной истории, всех времен – из отечественных войн, – все без изъятия; из прочих же, в которых не участвовали русские войска, те только походы, описание которых сопровождается военно-ученой оценкою действий обеих сторон, и, наконец, 3-е. Все, что относится до военной администрации. Этот отдел военной литературы, требует особого наблюдения, ибо статьи этого рода могут быть иногда же весьма вредны, смотря по направлению»¹¹⁸. В. Немирович – Данченко поместил в «Русских ведомостях» путевые заметки, озаглавленные «Вдоль Чечни», в которых он возражал против огульных обвинений, которые просто «сыпались» на чеченцев. В силу большого интереса к этому материалу, редакция газеты «Северный Кавказ» перепечатала данные статьи, но со значительными сокращениями «...по независимым от редакции обстоятельствам», о чем было сообщено читателям в примечании¹¹⁹. Таким образом, работало одно из направлений царской цензуры.

Управляющий военным министерством князь В.И. Васильчиков предложил повсеместно ввести следующие правила цензуры:

«Цензор обязан не допускать в печать:

1. Статьи, оскорбительные для чести русского войска.
2. Статьи, могущие поколебать понятие о дисциплине и уважении к ней; мнения, подрывающие уважение подчиненных к лицам начальствующим и ослабляющие доверие к правительству.
3. В статьях, относящихся к армии и военной администрации вообще, не допускать ничего противного тому значению, которое наша армия имеет по законам в государстве; ничего, могущего ослабить уважение публики к нашему военному сословию, и никаких предосудительных сравнений с иностранными порядками, несогласными с установленной формой нашего правления»¹²⁰.

В 1859 году был учрежден Комитет по делам книгопечатания для организационного контроля над печатным делом. В 1863 году руководство цензурой и политикой в сфере печати были переданы в Ми-

нистерство внутренних дел, упразднены ведомственные и специальные цензуры. Правила о цензуре и печати 6 апреля 1865 года внесли существенные перемены в цензурную политику, но по-прежнему не меняли общеправового подхода к печати. Политическое отношение к возможности внедрения в законодательную идею принципа свободы печати и к сопутствующим тому общественным настроениям пронизательно высказал вскоре после опубликования Закона 1865 г. управляющий III Отделением и шеф корпуса жандармов граф П.А. Шувалов: «Свобода печати несовместима с нашим образом правления, она возможна лишь в конституционном государстве, где она служит дополнением свободе слова. Свобода печати составляет не первый, а второй фазис народной свободы... Где не существует свободы слова, там всегда свобода печати является слишком опасным оружием против правительства». Уложение о наказаниях 1866 года, реагируя на обновление цензурных требований, уже сформулировало специальный вид преступлений, совершаемых «путем печати», причем печатная форма не служила смягчающим вину обстоятельством¹²¹.

Мусульманским духовным лицам запрещалось без особого разрешения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе обращаться к иностранным духовным или иным властям за какими-либо наставлениями или разъяснениями, в том числе, получая их и в напечатанном виде, в форме буклетов, брошюр или книг. В случае получения таковых они были обязаны немедленно представить их гражданскому начальству. За их укрывательство следовало уголовное наказание. Сбор и отправка за границу благотворительных средств, без предварительного согласия Духовного Правления и разрешения наместника запрещались и также преследовались по закону¹²².

Так называемая «эпоха цензурного террора» (1848-1855 гг.) сменилась «эпохой цензурных реформ» конца 1850-х – начала 1860-х гг., завершившейся принятием «Временных правил о цензуре в печати 6 апреля 1865 г.». «Временные правила имели силу закона и освободили от предварительной цензуры большинство столичных газет и журналов¹²³. Присылка литературы из цензурных комитетов являлась одним из важных источников комплектования библиотечных фондов¹²⁴. 18 ноября 1863 г. вышел Указ Александра II («определение» Синода, выс. утв.) «О предоставлении Обществу восстановления православного христианства на Кавказе права печатать церковную литературу на горских наречиях и на грузинском языке – под собственною цензурою»¹²⁵. Александр II также

настоял на освещении в печати событий Кавказской войны, что было буквально прорывом в глухой завесе тайны, окружавшей этот вопрос. Д.А. Милютин вспоминал, что при Николае I не допускалась публикация известий о военных действиях на Кавказе, что этим пользовались в Европе, «распуская в иностранных газетах всякие ложные и нелепые сведения». Александр II, обратив внимание на неудобства и бесцельность существующей системы, приказал в апреле 1857 года напечатать в официальной военной газете «Русский инвалид» обзор происходивших в течение 1856 г. военных действий и «впредь публиковать известия с Кавказа, как в «Русском инвалиде», так и в брюссельской газете «Le Nord»¹²⁶.

Основную проблему для военной цензуры во все времена составляли сообщения из действующей армии, непосредственно с мест боевых действий, которые могли взволновать население страны или дать повод для пересудов иностранцев. При председателе Военно-цензурного комитета А.И. Михайловско-Данилевском (1789-1848) ее разрешили самым кардинальным способом, запретив писать на эту тему вовсе: «... не дозволять на будущее время к напечатанию в «Русском инвалиде», ниже в других изданиях, подлежащих военной цензуре, никаких известий, относящихся до новейших событий на Кавказе, откуда бы известия сии издателям почерпнуты не были». Позже сообщения о военных действиях все же разрешили публиковать, но только в «Русском инвалиде», откуда остальные издания могли их заимствовать. Книги продолжали подвергаться тщательной цензуре. Так, например, из книги П.П. Зубова «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год» были изъяты приложения с рескриптами императора к главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом. Статью П.Н. Глебова «Воспоминания армейского офицера» запретили за неприличные выражения в адрес гусарских офицеров, сравнение казачьего лагеря с цыганским табором¹²⁷.

Одним из самых важных и спорных аспектов цензурной реформы была система административных взысканий за так называемое «вредное направление», заимствованное из французского законодательства. С момента введения Временных правил 6 апреля 1865 г., чаще всего действия правительства в отношении периодической печати заключались в раздаче предостережений газетам и журналам, освобожденным от предварительной цензуры. После трех из них следовала приостановка издания сроком до 6 месяцев с возможным судебным разбирательством и полным закрытием тех из них, которое будут признаны «особо вредными». Характерно, что действие закона распространялось только на Петербург

и Москву, поскольку в провинции было достаточно своих собственных возможностей для контроля за местной печатью¹²⁸.

Традиция правового регулирования печати в дооктябрьской России основывалась на представлении о печати как о носителе «зла» и общественной розни. Родившись в лоне борьбы с ересями и существуя в мире всемерного пресечения отклонений от официальной идеологии, государственный закон проводил полицейско-охранительный взгляд на печать. И на подлинно правовых основаниях гражданской свободы закон мог строить свои отношения с печатью только в соответствующих политических и идейных условиях. Конкретный правовой путь перехода от всемерной административной регламентации к конституционной свободе слова был намечен, в частности, программой партии конституционных демократов. Однако даже в конце XIX столетия конституционное провозглашение «свободы слова и печати» так и оставалось на уровне общеправовой декларации¹²⁹. Генерал А.А. Вельяминов не раз повторял своим подчиненным: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами...»¹³⁰.

Курс контрреформ, взятый в 1881 г. Александром III, преследуя политические цели, ослабил и созидающий потенциал свободной прессы в военной сфере. Баланс гласности и секретности был вновь смещен, и очень существенно, в пользу закрытости армии от общества. Уже 27 марта 1882 года был издан приказ по военному ведомству, который восстановил дореформенный порядок публикаций офицеров в прессе: запрещалось распространять через печать, по сути, любую служебную информацию без «надлежащего разрешения». Для солдат в 1893 г. была введена инструкция, которая вообще запретила им сотрудничество с печатью. Принятый в 1886 г. Устав о печати и цензуре во многом повторял положение Устава о цензуре 1828 года. Цензурными циркулярами от 12 августа и 24 ноября 1886 г. была запрещена критика общих порядков в военном и морском управлениях, а также высших военных чинов. В 1892 году от контроля общественности и прессы была избавлена вся армия, поскольку последовало приказание не печатать статей, «...оскорбительных для чести русских войск, ослабляющих уважение публики к военному сословию»¹³¹. В одном из своих писем с Кавказа (1837 г.) генерал К.К. Фези сообщает: «...Так как в русских газетах никогда не опубликовываются здешние донесения о военных действиях, то естественно, что и я также не могу распространяться в моих письмах об этом...»¹³².

Турецкие агенты широко распространяли турецкие газеты и журналы на Кавказе, чем подрывали положение стабильности в крае. В архивном фонде Департамента полиции МВД России сохранились переводы с турецкого языка наиболее радикальных статей из этих журналов. Также среди горского населения тайно распространялись отдельные листовки, воззвания и призывы на турецком и русском языках. Часть их была издана в Махачкале. Министерство печати России пыталось контролировать распространение исламской литературы в мусульманских регионах империи. В 1910-е годы российская администрация и Департамент полиции начали собирать данные о влиянии турок, проживавших на Кавказе, об их роли в местном исламском духовенстве. В Государственном архиве Российской Федерации содержатся списки лиц, состоявших в турецком подданстве и работавших в сельских мусульманских школах и мечетях. Эти списки составлялись местными жандармскими управлениями. Сохранился документ начальника Терской области от 9 марта 1912 г., в котором приводятся сведения о лицах, прибывших на Северо-Восточный Кавказ для подготовки кавказских мусульман к восстанию. Они проводили собрания мусульман и собирали деньги. Мулла Сеид Салих Гусейнов, будучи турецкоподданным, проживал в чеченском селе Старо-Сунженском, откуда отправился в Мекку. Там, «... под распущенными знаменами правоверных в присутствии массы паломников, в том числе 200 уроженцев Кавказа, провел митинг, на котором произнес антироссийскую речь». И такие случаи накануне революции 1917 г. были далеко не единичны¹³³.

Начало работы просветительских обществ и организаций на Кавказе

Значительный вклад в дело образования населения на Северном Кавказе внесли разные просветительские общества. Общество восстановления православного христианства на Кавказе в период с 1860 по 1880 год издало чеченский, сванетский, абхазский буквари с переводом их на русский язык¹³⁴. Этим же Обществом строились церкви, учреждались школы и стипендии для горцев в разных учебных заведениях. Общество восстановления православного христианства на Кавказе способствовало переводу на языки горцев Священного писания и богослужебных книг¹³⁵. Русское печатное слово начинало играть особую

роль в русско-кавказских отношениях; в процессе своего развития оно из рупора царской администрации постепенно превращалось в могучее средство воспитания народных масс¹³⁶.

Терский областной статистический комитет открылся в 1872 году, но только в 1878 году его секретарю Н. Благовещенскому удалось выпустить первый «Сборник сведений о Терской области». Всего комитет выпустил 24 «Календаря» и один «Адрес-календарь», 7 томов «Сборников», один «Сборник сведений о Терской области», один том «Статистических монографий по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», отдельно изданный «Список населенных мест Терской области (по данным к 1 июля 1914 года)», один «Статистический ежегодник: Обзор Терской области за 1914 год», семь выпусков (в 2-х томах) «Статистических таблиц населенных мест Терской области»¹³⁷. Часть тиража, около 100 экземпляров практически любого провинциального статистического комитета распространялась бесплатно по рассылке. Кроме того, «на основании общепринятого правила взаимного обмена» издания рассылались в губернские и областные статистические комитеты, с которыми существовала договоренность об обмене.

Терское отделение Императорского Русского технического общества «выросло на нефтяной почве». Терское отделение было ознакомлено с прогрессом нефтяного дела за границей, благодаря посещению его членами международных выставок и конгрессов. За 10 лет своего существования (с 1900 г.) Терское отделение успело собрать довольно обширную библиотеку технического и отчасти общего характера. Но каждый раз при комплектовании библиотеки, из-за большого количества иностранных изданий, возникали проблемы с Цензурным комитетом. Терское отделение императорского русского технического общества вынуждено было обратиться с ходатайством об освобождении от цензуры изданий научных, технических и промышленных конгрессов¹³⁸.

«Общество покровительства животным» было открыто 4 мая 1877 года в Тифлисе. В основу устава Общества была положена идея гуманного и сострадательного отношения к животным¹³⁹. Общество старалось охранять животных «...от напрасных мучений и жестокого обращения». Общество издало брошюру «Что сказала бы лошадь, если бы умела говорить?» на грузинском и азербайджанском языках и раздавало ее бесплатно. Общество также обратилось с ходатайством к военному губернатору Дагестанской области, на которое получило уведомление, «что им сделано распоряжение к устранению случаев варварского ис-

требления собак в городах области, а также и к оказанию членам Общества чинами местной полиции возможного содействия...»¹⁴⁰. В 1880 году Обществом была открыта в Тифлисе ветеринарная лечебница. В 1885 году в лечебнице была оказана помощь 835 животным, в 1887 – 1743 животным. Больные животные принимались в лечебницу как стационарно, так и амбулаторно – за плату (бедных принимали даром)¹⁴¹.

В армии создавались разнообразные научные общества. Одной из целей подобных обществ стало улучшение работы над первоисточниками – документами войсковых и частных архивов, что способствовало постановке на должную высоту проблем русской военной истории. В 1898 г. было образовано «Общество ревнителей военных знаний», имевшее свой печатный орган: «Вестник Общества ревнителей военных знаний», который редактировал Л.В. Евдокимов. Большую и плодотворную работу проделал Военно-учебный комитет Генерального штаба по приведению в порядок военных архивов, по публикации документов, по созданию научных трудов, обобщая опыт войн с середины и до конца XIX века. Такие видные военные историки, как Н.С. Голицын, Н.Ф. Дубровин, А.Н. Петров приняли активное участие в работе этого комитета. 27 марта 1879 г. император одобрил предложение Д.А. Милютина о создании Временной военно-исторической комиссии для составления официальной истории войн в последней четверти XIX века. В связи с этим развернулась работа по разработке архивных фондов, что в свою очередь оказало существенное влияние на эволюцию документальных публикаций по военной истории. Способы введения в научный оборот новых архивных источников были следующими: издание многотомных публикаций, не ограниченных строго ни определенной тематикой, ни узкими хронологическими рамками; выпуск тематических сборников, посвященных одной из войн; перепечатка документальных материалов в приложениях к военно-историческим исследованиям и воспроизводство отдельных документов или фрагментов из них в периодических изданиях¹⁴².

Первые архивные учреждения на Кавказе

Первым учреждением на Северном Кавказе, в которое стекались кавказские письменные корреспонденции, был, возможно, Архив Кизлярского коменданта, фонд которого начал составляться с 1745 года. Именно Кизлярский архив бывшего комендантского управления был

подвергнут обзору раньше всех других, именно в 1876 году, и так как он оказался в весьма печальном состоянии, то три тысячи томов архивных дел были переведены в 1882 году в город Владикавказ. Таким образом, наиболее ценные старинные документы Кизлярского комендантского архива оказались в Терской области¹⁴³. Позже архивы статистических столов Кубанского и Терского областных правлений (они проходили по первому отделению), так же как и неисполненные бумаги, были переданы во вновь созданные статистические комитеты.

В 1873 г. по инициативе известного ученого – архивоведа Н.В. Качалова, была образована при Министерстве народного просвещения временная комиссия по приведению в известность и составлению описи архивов, принадлежавших различным ведомствам, как в столицах, так и в провинции. В 1874 г. из 541 пуда дел Дмитриевского крепостного архива, где хранились дела по истории Кавказской армии, 283 пуда были выделены и проданы с аукциона. Таким образом, погибло безвозвратно более половины того, что хранилось в архиве (истории кавказских полков, Ростовской полиции, сведения о турецких эмиссарах на Кавказе и т.д.). Известный историк И.Д. Попко посетил оскудевший архив и, опасаясь за дальнейшую судьбу этого ценного материала, обратился с просьбой в Военное министерство разрешить ему перевезти архив в Ставрополь и сдать дела на хранение в Ставропольский военный архив. В октябре 1876 г. весь архив Дмитриевской крепости в количестве 48 тюков был доставлен в Ставрополь и сложен в военном архиве.

Благодаря особой роли г. Ставрополя, как места расквартирования многих частей и полков, входивших в состав Кавказской армии, а также сосредоточению органов управления этой армии, в Ставропольском военном архиве скопилось 187 862 дела, преимущественно относящихся к истории завоевания Северного Кавказа и покорения горцев. В виду такого огромного накопления дел в 1881 г. Главным военным штабом была назначена Комиссия для разбора документов Ставропольского военного архива. Требовалось выделить из общей массы такие дела, которые заключали в себе исторические материалы. 8 лет работала эта Комиссия и результатом ее деятельности было уничтожение множества документов. Председатель Ставропольской архивной комиссии Г.Н. Прозрителев с горечью рассказывал в одной из своих статей, что ему лично приходилось покупать в Ставрополе яблоки, завернутые в мешки, склеенные из дел Дмитриевской крепости; на некоторых таких мешках ему удалось разглядеть приказы за подписью Суворова. Далее Дмитриевский архив

из Ставрополя был перевезен во Владикавказ. Но и здесь архив долго не залежался. Неутомимый исследователь боевого прошлого Кавказской армии полковник Б.С. Эсадзе, узнав о нем, выхлопотал у Военного министерства разрешение перевезти эти дела в Тифлис, где они были помещены в Военно-историческом музее¹⁴⁴.

Вопрос о создании Ставропольской губернской ученой архивной комиссии назрел задолго до ее учреждения. Еще в 1886 г. известный исследователь Северного Кавказа, секретарь Ставропольского губернского статистического комитета И.В. Бентковский подавал ходатайство об организации в г. Ставрополе архивной комиссии, которое не было удовлетворено. Между тем все основания для создания архивной комиссии в Ставропольской губернии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным уровнем. «При русской преступной халатности нам через несколько десятков лет придется писать историю России по иностранным источникам...», – с горечью констатировал современник, оценивая ситуацию в архивной отрасли Северного Кавказа. В старых бумагах видели «ненужный хлам», который выбрасывали, сжигали, использовали для переплетов книг, оклейки стен, в качестве оберточной бумаги (фиксировались случаи, когда на рынке г. Ставрополя в документы XVIII в. заворачивали продукты). Иногда документы покупались вместе с яблоками, на рынке, в качестве упаковки, приобретали и указы Петра I и Екатерины II, изданные при их жизни¹⁴⁵. Вопрос сохранения и разбора ценных исторических документов не мог не беспокоить Кавказскую администрацию. Разрешить сложившуюся ситуацию пытались путем создания специальных «комиссий для разбора древних актов», задачей которых было избавление от «лишних» бумаг и документов путем списания их к уничтожению. Одна из таких комиссий, назначенных по распоряжению Генерального штаба, работала в 1881-1889 г. по разбору документов Ставропольского губернского архива. В результате ее деятельности по выявлению документов, «закрывающих в себе исторические материалы», из 187 тыс. 862 дел на постоянное хранение было оставлено лишь 6 тыс. 190 дел, остальные были уничтожены. Так погиб почти полностью один из богатейших архивов Северного Кавказа.

С конца 60-х гг. XIX в. право уничтожения архивных документов всецело было передано представителям местной власти, более заинтересованных в «разгрузке» своих архивов от ненужных бумаг». Все это значительно ускорило процесс уничтожения архивных материалов и при-

вело к безвозвратной потере ценных исторических источников. Необходимость преобразований была очевидна. Перестройка государственного аппарата в ходе преобразований 60-70-х гг. XIX в. привела к изменению сети ведомственных исторических архивов и остро поставила вопрос о сохранении документального наследия. Массовое уничтожение документальных материалов, перегруженность архивов и огромное количество архивных бумаг дореформенных учреждений, выброшенных, по сути, на улицу, – вот печальная картина состояния архивной отрасли страны того времени. По архивным правилам уничтожению по истечении 10 лет хранения подлежали следующие категории дел: дела о передвижении и расквартировании войск; о высылке лиц; послужные списки чиновников, за исключением «... служивших собственно по правлению». Ежегодно архивы инспектировались полным присутствием правления. По результатам проверки издавалось постановление о том, «в каком положении архив найден, что и какими мерами должно быть исправлено и улучшено». В 1880 г. при штабе военного округа в Тифлисе был образован военно-исторический отдел, в задачи которого входил разбор архивов Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Грозного, ряда казачьих станиц и сохранение письменных источников. Военно-исторический отдел под руководством генерала И.С. Чернявского издал несколько томов документов и материалов по истории Кавказской войны¹⁴⁶.

Частные, казенные и общественные библиотеки

В первой половине XIX века военными на Северном Кавказе создаются первые очаги книжности, что нашло выражение в организации различного вида библиотек: частных, казенных, общественных. Содержание фондов в таких учреждениях, призванных способствовать профессиональному и нравственному развитию военных, составляли книги военного и специального характера (75 %), а также художественные и иные произведения (25 %). На открытие библиотек – центров просвещения военной интеллигенции, возникавших повсюду, где квартировали полки Отдельного Кавказского корпуса, – расходовались немалые казенные, а также частные средства офицеров и чиновников. Доступ в библиотеки был открыт для разных слоев населения, в том числе и для горцев. Появление библиотек создавало основу для последующего развития образования и просвещения в регионе.

Одной из разновидностей библиотек, появление которых в конце 40-х годов XIX века было связано с присутствием русской армии на Кавказе, стали собрания медицинских книг при военных госпиталях и лазаретах. В июне 1847 года главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом сообщалось, что император Николай I одобрил предложение медицинского департамента об «учреждении при штабах войск и в военных госпиталях библиотек медицинских книг». Согласно правилам, «собрания медицинских книг» учреждались при военных госпиталях 1-6 классов, в том числе при штабах войск Кавказской линии. Для первоначального составления библиотек и пополнения их фондов с каждого медицинского работника при военных частях ежегодно вычитался один процент получаемого содержания. Книги, «относящиеся до медицины или до вспомогательной оной науки», в состав библиотеки должны были поступать при покупке или в дар. Выбор покупаемых книг зависел от усмотрения медицинского департамента. А собрания военно-медицинских библиотек объявлялись казенной собственностью. Военно-медицинские библиотеки располагались в зданиях госпиталей или лазаретов и находились под надзором и под ответственностью их главных врачей, а также корпусных и дивизионных докторов. При этом пользоваться книгами библиотек имели право все врачи госпиталей и частей войск¹⁴⁷.

Статистические комитеты принимают участие в комплектовании общественных библиотек, иногда пожертвованиями, иногда высылкой книг наложенным платежом. Небольшая часть тиража рассылалась по запросам книжных магазинов и книготорговых фирм. Для большего распространения изданий Терским областным статистическим комитетом в 1893 году было принято решение организовать их комиссионную продажу на книжных складах обеих столиц и всех университетских городах России, что должно было увеличить доходы Терского областного статистического комитета¹⁴⁸. В «Положении» о губернских (областных) статистических комитетах 1860 года непосредственно указывалось на необходимость организации при комитетах библиотек. Они образовывались одновременно со статистическими комитетами и сразу становились их обязательными структурными подразделениями. В Терской области проблемы комплектования библиотек были едва ли не самыми сложными. Терский комитет начал свою активную издательскую деятельность только в 90-е годы XIX века. Учитывая, что финансирование было мизерным, оставалась надежда только на обмен книгами. Однако желаемого эффекта обмен и дарение не приносили. Анализ поступлений

показывает, что из 59 полученных по обмену книг только 5 были о Северном Кавказе – в 1891 году, в 1892 году опять 5 книг из 131 полученной по обмену. Удельный вес литературы, посвящённой Северному Кавказу, в библиотеке Терского статистического комитета, к её основному фонду составлял 1 к 7. С 1882 по 1900 год библиотека комитета по количеству томов выросла больше чем в 10 раз¹⁴⁹. Практически закрытой для массового читателя оставалась библиотека Терского областного статистического комитета, в которой был собран богатый краеведческий материал.

Роль имамата Шамиля в деле просвещения горцев

В годы Кавказской войны Шамиль уделял особое внимание просвещению. В его доме была специальная комната, где хранилась уникальная библиотека. Шамиль помогал иноверцам, проживавшим в Дарго-Ведено, столице имамата, приобретать нужные книги, учебники для школ. В библиотеке можно было просмотреть газеты «Русский инвалид», «Кавказ» и даже журналы, которые Шамиль читал с переводчиком. Необходимые для открывшейся школы и библиотеки книги, бумагу, чернила, карандаши привозили из-за военной линии купцы. Шамиль выделял из казны деньги евреям-купцам, которые привозили в столицу все необходимые промышленные товары, вплоть до металла, свинца, оружия и книг (которые нередко по своему воздействию были сильнее пороха...) ¹⁵⁰.

Интересно, что после своего пленения имам Шамиль две недели (с 26 сентября по 7 октября 1859 г.) провел в Санкт-Петербурге, где посетил императорскую Публичную библиотеку, был принят ее директором, бароном М.А. Корфом. В отделении иноязычных книг ему были показаны 22 сочинения о нем на 10 иностранных языках, в Рукописном отделении он с интересом рассматривал восточные рукописи, в книге посещения читателей оставил свой автограф. На вопрос, что ему больше всего понравилось в библиотеке, отвечал: «Более всего меня поразила возможность собрать в одном месте столько источников знания, а более всего я благодарен за необыкновенное радушие и ласку, с которыми был принят». Как в будущем отметил А. Руновский, пристав при пленении, Шамиль все свободное время и в Петербурге, и в Калуге проводил за чтением рукописей. Примечательно, что он всюду, во всех перипетиях войны возил с собою библиотеку, в которой было много рукописных

книг. Шамиль, духовный глава горцев, прошедший в свое время все ступени мусульманского образования (арабский язык, риторика, логика, философия), был эрудирован в области коранических наук, исламских традиций и мусульманской философии¹⁵¹.

О Шамиле много писали в Западной Европе уже при его жизни. Интерес к этой колоритной фигуре, противостоявшей в неравной борьбе огромной империи в течение многих лет, был чрезвычайный. В 1850 г. в Париже вышла обстоятельная книга под названием «Письма с Кавказа и Крыма». Автор издания – известный швейцарский публицист XIX века Жий, как видно по содержанию книги, насыщенности материала и профессионализму, человек весьма компетентный, прекрасно владеющий изяществом пера, знаток истории и этнологии Кавказа, военного дела и искусства, политики России и европейских держав в этом регионе. По рекомендации близкого царю генерала Мердера он, как человек, обладающий широким кругом познаний, владеющий в совершенстве европейскими языками и литературой, был в свое время определен вторым наставником, после русского поэта В.А. Жуковского, к цесаревичу Александру II. Одним из ярких своих впечатлений от пребывания на Кавказе Жий считал встречу с Шамилем. Вождь произвел на Жия впечатление яркой личности, мужественного человека, имеющего ранения, отличающегося спокойствием и рассудительностью. Жий посетил ставку Шамиля в Дарго (Ичкерия), что впоследствии и описал в своей книге¹⁵². В 1854 г., когда еще шла война на Кавказе, в шведском городе Упсале на шведском языке была опубликована книга доктора Фридриха Вагнера в переводе с немецкого «Шамиль как военачальник, султан и пророк на Кавказе» объемом в 80 страниц с превосходной иллюстрацией, на которой молодой Шамиль был изображен на коне в окружении других всадников – сподвижников имама¹⁵³.

Отправляясь в 1858 г. в Россию, знаменитый французский романист Александр Дюма обещал читателям своего журнала «Монте – Кристо» «посетить стан Шамиля, этого другого Титана, который в своих горах борется против русских царей». Однако война подходила к концу и предполагаемая встреча не состоялась. Русская пресса не обошла вниманием визит знаменитого писателя, не упуская случая дать волю иронии. В 1858 году в Петербурге вышел в свет альбом карикатур Н. Степанова «Знакомые», в котором несколько рисунков были посвящены путешествию Дюма по России. Есть сюжет, обыгрывающий неосторожное обещание писателя встретиться с Шамилем. А. Дюма крепко держит за одежду

отбивающегося от него Шамиля, а тот молит о пощаде: «М-г Дюма, оставьте меня в покое, я спешу отразить нападение русских». Но Дюма до этого нет дела, он отвечает: «Об этой безделице можно подумать после, а теперь мне нужно серьезно переговорить с вами: я приехал сюда, чтобы написать ваши записки в 25 томах и желаю сейчас же преступить к делу». Так петербургская публика посмеялась над желанием романиста встретиться с Шамилем. Вернувшись во Францию, Александр Дюма выпустил три тома путевых заметок под общим названием «Кавказ», которые пользовались значительным интересом и переиздаются до сих пор¹⁵⁴. Шамиль «являлся» и на Парижской сцене в пяти – актовом и девятикартинной драме по произведению Поля Мериста. В одном из актов Шамиль разбивает клетку и улетает на волю. Затем он приходит на выручку черкесам, поднимая огромный утес, закрывавший тайный ход в горах и дает, таким «волшебным» образом, горцам уйти от преследования русских.. Это театральное зрелище действовало очень впечатляюще на французскую публику¹⁵⁵.

Библиотеки Терской области

Администрация Кавказского края много внимания уделяла открытию архивов, библиотек, музеев. В первые послевоенные годы М.Т. Лорис – Меликов, как человек умный и просвещенный, способствовал открытию в Терской области сети библиотек. Библиотеки имелись в областном и межевом правлении, в войсковом хозяйственном правлении, в штабе войск. В 1874 году при Терском областном правлении, на средства, отчисляемые из жалования чиновников правления, была открыта библиотека. Долгое время она была единственной, где была сосредоточена литература по истории и географии Кавказа¹⁵⁶. В 1873 году библиотеки Владикавказа получили 731 экземпляр разных периодических изданий, в 1874 году эта цифра увеличилась до 885 экземпляров. Получалось, что один экземпляр газеты или журнала приходился в среднем на 2-3х жителей областного центра. В клубе Владикавказа была библиотека, в каталогах которой насчитывалось 4100 томов различных изданий, кроме того, библиотека выписывала до 50 экземпляров периодических изданий. В 1899 году было основано во Владикавказе «Общество народных чтений Терской области». Оно проводило много различных литературно-музыкальных вечеров и народных чтений среди населения¹⁵⁷.

Владикавказская публичная библиотека возникла благодаря стараниям педагога-просветителя Варвары Григорьевны Шредерс (1852-1902) и ее единомышленников. При создании библиотеки не было помещения, не было книг, не было денег. Но это не остановило Варвару Григорьевну. Она со своими соратниками активно приступила к сбору пожертвований. И эти усилия увенчались успехом. Владикавказская публичная библиотека распахнула свои двери для читателей. Первоначально ее фонд состоял из 50 пожертвованных книг – скромное, но в итоге оказавшееся победным начало. За книгами стали приходить учащиеся, студенты, учителя городских школ, рабочие, солдаты, домохозяйки, приезжие. Книжное собрание быстро пополнялось – уже в 1911 г. оно насчитывало 7 174 наименования (в настоящее время библиотека содержит 1 300 000 томов)¹⁵⁸.

В городе Пятигорске находилась платная абонентная библиотека. В Грозном первоначально библиотека существовала при горской школе, но уже с 1865 года она стала доступна для всех горожан. Комплектовались школьные библиотеки за счет средств Министерства просвещения из войсковых сумм и, естественно, на пожертвования. Регулярно проводились инспекторские проверки школьных библиотек, осуществлялся контроль за «чистотой» их фондов, изучались акты на списание книг (далеко не всегда устаревшей литературы). Рекомендации по комплектованию библиотек носили зачастую политический характер. Горским училищам и школам рекомендовалось выписывать для детских библиотек книгу «Русские горы и кавказские горцы», а для фундаментальных – монографию Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». С середины XIX в. для школьных библиотек преобладает выписка книг из Петербурга (фирма Глазуновых), Москвы (фирма братьев Салаевых), в начале 1880-х гг. в комплектование школьных библиотек активно включились всевозможные «книжные склады»¹⁵⁹. Поток книг на Кавказ значительно увеличился. Во Владикавказской реальной гимназии учащиеся пользовались библиотекой, насчитывавшей 104 наименования книг. Моздокское и Георгиевское училище имели в своих библиотечных фондах 1656 томов.

Основой формирования нравственности признавались тюремные библиотеки. В 80-х гг. XIX в. им стало уделяться гораздо больше внимания, чем раньше. Комитетом грамотности при Императорском вольно-экономическом обществе был подготовлен список различных по тематике книг, рекомендованных для чтения арестантам. В марте 1905 г. были

разработаны рекомендации по использованию правил «О тюремных библиотеках и арестантских чтениях». Помимо официальных каталогов и списков книг в тюрьмах разрешалось пользоваться и частными каталогами, после их дополнительной проверки. Научно-популярные и художественные периодические издания допускались в российские тюрьмы беспрепятственно. Периодические издания, посвященные обсуждению текущих событий, выдавались для чтения арестантам по истечении шестимесячного срока со дня выхода¹⁶⁰.

В пореформенный период в Терской области появились и частные библиотеки, открытые для общественного пользования. Так, в 1874 году во Владикавказе Прохоровым была открыта частная библиотека и кабинет для чтения. В начале 1890-х годов во Владикавказе Е.С. Ильина открывает книжный магазин с библиотекой – читальней, каждое посещение которой стоило 5 копеек, а годовое пользование от 4 до 12 рублей¹⁶¹.

Более 25 лет П.К. Услар собирал материалы по истории Кавказа, работая в архивах Кизляра, Моздока, Георгиевска, Владикавказа и в экспедициях, но смерть помешала ему закончить начатый труд¹⁶². Шифнер разослал экземпляры «Чеченского букваря» Услара не только по крупнейшим библиотекам, но и самым знаменитым на тот период времени европейским филологам¹⁶³. Многие собранные П.К. Усларом архивные материалы были переданы в местные архивные учреждения. В 1860-е годы, когда в области действовала военная система управления, архив, как самостоятельное структурное подразделение и должность архивариуса существовали лишь в 2-х наиболее крупных учреждениях – штабе войск Терской области и канцелярии начальника области. Буржуазные реформы последней трети XIX века оказали существенное влияние на состояние местных архивов. Возникли десятки новых учреждений, в основном гражданских. В начале XX века в Терской области насчитывалось свыше двухсот ведомственных архивов. Должность архивариуса имела в семи архивах: областного правления, окружного суда, духовной консистории, управления межевой частью, почтово-телеграфного округа, земледелия, государственных имуществ¹⁶⁴.

Кавказский отдел императорского Русского географического общества 3 апреля 1851 г. учредил научную библиотеку. Рождение Русского Географического общества относится к 1845 г., когда известные мореплаватели, военные, деятели академической науки, а также отдельные географы и ученые поставили перед правительством вопрос о

его создании. Знаменитый мореплаватель Ф.П. Литке подал министру внутренних дел Л.А. Перавскому докладную записку о необходимости организации Русского Географического общества. По его мысли: «Главнейшей задачей Общества сего было бы: собрание и распространение как в России, так и за пределами оной возможно полных и достоверных сведений о нашем Отечестве»¹⁶⁵.

С самого начала функционирования, библиотека Кавказского отделения Русского Географического общества развивалась как общекавказская научная библиотека. Ее коллекция, кроме книг на европейских и русском языках, включала книги исторического, археологического и этнографического содержания на языках кавказских народов и народов Востока. Об этом можно судить по библиографическим спискам книг, которые были подарены библиотеке. В 1862 г. Распорядительный комитет Кавказского отделения Русского географического общества (КОИРГО) вынес решение о приобретении всех изданий о Кавказе или тех, в которых есть что-нибудь, объясняющее его географию и историю. Библиотека КОИРГО не имела своего собственного помещения, и ей приходилось ютиться по частным квартирам. Библиотека была открыта по субботам с 7 до 11 часов. Специфика научной библиотеки КОИРГО состояла в содействии научной деятельности в крае путем предоставления необходимой информации и литературы¹⁶⁶.

Тифлисская публичная библиотека была учреждена 26 апреля 1850 года. Основу ее фонда первоначально составили две книжные коллекции: библиотека канцелярии наместника (6 200 томов) и, купленное в Одессе у Дигурова, кавказоведческое книжное собрание (6 851 том). Комплектованию помогали постоянные пожертвования граждан и главное – обязательно доставляемые в библиотеку Кавказским цензурным комитетом книги, издающиеся на Кавказе (которые получали в одном экземпляре)¹⁶⁷. Для публики библиотека была открыта 1 мая 1852 года. Обслуживание было бесплатным, ограничения круга читателей по социальным признакам не было. В 1857 году в библиотеке насчитывалось 5 330 названий в 13 260 томах на 19 языках. За год библиотеку посещало около 1 500 человек. Увеличивалось и число прочитанных книг. В 1871 году на одного читателя приходилось 0,41 выданной книги, а в 1884 году этот показатель уже составил 1,79¹⁶⁸. Главная цель Тифлисской публичной библиотеки заключалась в составлении наиболее полной коллекции книг и периодики о Кавказе и сопредельных территориях, а также в обеспечении общепросветительских функций. Специфика Тифлисской

публичной библиотеки – архива материалов – абонементное обслуживание не предусматривала, а каждая единица хранения была в единственном экземпляре¹⁶⁹.

Устройству «церковных библиотек, складов религиозно-нравственных книг и брошюр» большое внимание уделяло Владикавказское православное братство. В уставе Терского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности указывается на необходимость заботиться о создании «сельскохозяйственных библиотек и музеев». Главными хранителями культурных традиций, исторических, археологических памятников в дореволюционной России были научные общества и учреждения, губернские ученые архивные комиссии, археологические комитеты, краеведческие общества и музеи.

Работа Русского географического общества на Кавказе

Работа библиотек была строго продумана и регламентирована. Министерство внутренних дел утверждало Устав библиотек. В то время библиотеки делились на две категории: одни из них, согласно правилам 1894 года (примечание к ст. 175 Устава о цензуре и печати), являлись исключительно платными, причем размер платы должен был быть таков, чтобы исключал возможность пользоваться библиотекой лицам низших сословий. Ко второй категории относились бесплатные библиотеки и платные, которые по размеру «взимаемой оплаты» и другим условиям пользования могли быть доступны для лиц низших сословий¹⁷⁰.

В царское время довольно много внимания уделялось охране памятников. Специального законодательства, регулировавшего процесс охраны исторических и культурных памятников, не существовало, не смотря на то, что еще в 1876 г. готовился проект закона об охране памятников. Все государственные проекты конца XIX – начала XX вв. оставались незавершенными. Не смотря на это, культурный уровень в крае продолжал расти даже в тяжелые военные годы¹⁷¹. Особое внимание охране памятников старины уделяло Русское географическое общество. Ещё в ходе Кавказской войны, 10 марта 1851 года состоялось открытие Кавказского отдела Русского географического общества. Е.Г. Вейденбаум, А.Л. Зиссерман были избраны действительными членами этого отдела. Д.И. Святополк – Мирский, начальник Терской области, одно время председательствовал в Кавказском

отделе Русского географического общества¹⁷². Массовая организация общедоступных библиотек, музеев, различных просветительных обществ, народных театров и т.д., входивших в систему образования, означала качественно новый шаг в социокультурном развитии дореволюционной России, стержнем которого был процесс демократизации образования, науки и культуры¹⁷³.

Большое научное и общественное значение имело открытие Кавказского отдела императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом ГРО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 году в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Сознывая, что выявленный мим материал большей частью остается не востребованным в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М.С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО, с целью изучения Кавказского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом». Поддержка наместником начинания, предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 года был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 рублей. КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т.д. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала самого передового научного общества России в Тифлисе, свидетельствовало о том, что курс «на понимание, через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями. Многие рекомендации ученых не только были услышаны, но и реализованы на практике. Военное командование на Кавказе вынуждено было, помимо решения собственно боевых задач, решать разнообразные экономические, технические, социальные, земельные и культурные проблемы местного населения. Это – строительство меновых дворов, школ, дорог, мостов через горные реки, плотин против разлива рек на плоскости. Эта неброская, но важная для горцев конкретная работа создавала прочный фундамент добрососедских отношений и оказывала большее влияние, чем военные победы¹⁷⁴.

Первые научные исследования Кавказа

Первые россияне, военные, оказавшиеся на Кавказе, наблюдали местную жизнь и природу с большим интересом. «Мне, – писал один из них, – все тут виденное нравится потому, что оно для меня было ново; европеец, въезжая в пределы Азии, находит отмену против тех обычаев, какие им в его отчизне оставлены, а всякая новость человеку нравится». В «мирных» провинциях «бряцать оружием» не рекомендовалось: «Следовало пройти через мусульманские и татарские провинции без какой-либо демонстрации военной силы, доверяясь единственно уважению, какое питали в стране к русскому могуществу, и тем самым дать свидетельство доверия к туземцам»¹⁷⁵. В декабре 1834 года вышел приказ начальника штаба Отдельного кавказского корпуса, генерала В.Д. Вольховского «О поручении подпоручику Ф.Ф. Торнау «скрытого» сбора сведений о народах Кавказа»¹⁷⁶. В 1879 году на Кавказе побывал известный путешественник, офицер Генштаба России Н.М. Пржевальский¹⁷⁷. Первые общие сведения о растительном покрове Горной Чечни содержатся в трудах русских военных и историков, писавших о событиях Кавказской войны. К их числу относятся работы К. Самойлова (1855), Г.К. Властова (1856), Ф.Ф. Торнау (1869), Н.Ф. Дубровина (1871), А.Л. Зиссермана (1879, 1888), М.Я. Ольшевского (1893) и Э.В. Бриммера (1894)¹⁷⁸.

Кавказ посещался и иностранными естествоиспытателями. Так, например, еще в конце XVIII века Кавказ посетил и изучал местную флору известный французский путешественник и ботаник Жозеф Питон Турнефор (1656-1708). В последующий период флору Кавказа изучают И.Х. Буксбаум (1694-1730), Гмелин (1745-1774), Маршалл Биберштейн (1768-1826). В начале XIX века, несмотря на трудности, связанные с войной против Шамиля, на Кавказ едут многие зарубежные ботаники: Х.Х. Стевен (1781-1864), Дюмон-Дюрвиль (1790-1842), Э.К. Эйхвальд (1814-1856), А. Нордманн (1803-1868), К. Кох (1809-1879), Ф.И. Рупрехт (1814-1870), Р.Э. Траутфеттер (1809-1889)¹⁷⁹.

После завершения войны началось систематическое изучение территории Кавказа различными учёными и специалистами. Из исследователей необходимо отметить неутомимого путешественника по Кавказу – Н.Я. Динника – ставропольского учителя, натуралиста. Его работа «Звери Кавказа» считается лучшим трудом о млекопитающих этого региона. Неоднократные и длительные поездки Н.Я. Динника по Чечне позволили ему подготовить капитальные сводки о животном мире

Кавказа. Наибольший вклад в изучение горной фауны Чечни внесли Я.Я. Верлин (1870), М.Н. Богданов (1879), К.Н. Россиков (1884) и Н.Я. Динник. В 1871 г. М.Н. Богданов для исследования фауны позвоночных посетил окрестности города Грозного, крепости Ведено, аулов Харачой, Хой и Элистанжи, а также побывал на озере Кезеной-Ам. Во время поездки по Горной Чечне К.Н. Россиков в Аккинской котловине и долине Шаро-Аргуна обнаружил степных животных (черноватых и обыкновенных хомяков, полевок).

Проведение биологических описаний Кавказа

Первые сведения о животных Кавказа дал академик Иоганн Антон Гюльденштедт (1745-1784), начавший свои исследования 23 января 1770 г, приехав в Кизляр из Астрахани со своими спутниками – студентами Андрианом Соколовым, Алексеем Беляевым, Борисом Зряковским, Семеном Тарбиевым и художником Григорием Белым. Результатом этого путешествия было описание и некоторых новых видов животных, в том числе и одной из разновидностей туров¹⁸⁰. Огромное наследство, оставленное академиком Гюльденштедтом, составляет около 1200 мелко исписанных листов, богато иллюстрированных и снабженных картой Кавказа. Эти богатые материалы еще ждут своего исследования. Они восстаноят немало ярких страниц замечательного путешествия И.А. Гюльденштедта из Петербурга на Кавказ¹⁸¹. Преждевременная смерть Гюльденштедта помешала ему продолжить работу. Зоологические коллекции поступили в Академию наук, но почти все погибли из-за моли¹⁸².

И.А. Гюльденштедт принадлежит к плеяде ученых XVIII века, первыми осуществивших комплексное обследование обширных территорий Российской империи, в том числе и Кавказа. Это были люди, получившие образование, преимущественно, естественно-научное в городах Европы и большей частью приглашенные в Россию из Германии. Поездки И.А. Гюльденштедта по региону открыли новый этап в истории российского кавказоведения, когда в центре внимания оказались новые географические области и новые политические приоритеты. Путешествие Гюльденштедта на Кавказ началось в июне 1768 года и закончилось в 1773 году. Покидая же Кавказ, ученый записал в своем дневнике такие слова: «Моя душа, звавшая меня из-за преобла-

дания больших опасностей обратно, в высокие русские границы, была спокойна после того, как моя цель – приобретение знаний о природе и народах этих местностей, очень мало известных миру, – некоторым образом выполнена в честь Создателя, для славы Монархии, к пользе Академии и приращения наук»¹⁸³.

В 1829 и 1830 годах Кавказ посетила экспедиция, снаряженная Академией наук; в ней принимали участие Купфер, Ленц, Мейер и Менетрие. Пробыв до 15 августа в Пятигорске, Менетрие и Мейер, через Кабарду, проехали в крепость Грозную, откуда позже выехали в Баку. В результате проделанной работы Менетрие представил первую сводку о фауне Кавказа в своем труде «Описательный каталог зоологических предметов, собранных во время путешествия по Кавказу». Это сочинение появилось в 1832 г. и много десятилетий оставалось единственным произведением, охватывающим всю фауну Кавказа¹⁸⁴. 1 февраля 1832 г. Менетрие в Академии наук представил свой отчет, в котором излагал свои наблюдения над 205 видами птиц, найденных им во время путешествия по Кавказу. Также Менетрие первый определил зоологические пояса Кавказа, и в конце отчета дал таблицу вертикального распределения животных по этим поясам.

В 1835-1837 годах профессор Харьковского университета И. Крыницкий совершил путешествие в бассейн рек Терека и Кубани. Во время путешествия Крыницкий простудился и, вернувшись в Харьков, вскоре (12 сентября 1835 г.) умер. Его наблюдения, содержащие материал по орнитологии Кавказа, были обработаны и изданы его товарищем, профессором Калениченко¹⁸⁵. В 1871 г. Казанское общество естествоиспытателей поручило Модесту Богданову съездить на Кавказ для исследования фауны позвоночных в этом регионе и сравнить их с фауной Черноземной области России.

Летом 1871 г. М. Богданов из Петровска проехал в Хасав-Юрт; затем взял курс на крепость Грозную и Владикавказ; откуда отправился в Тифлис. Из Тифлиса Богданов вернулся в Грозную, откуда выехал в Ведено, где совершил две экскурсии: в Элистанжи и на озеро Кезеной-Ам. На высокогорном озере М. Богданов наблюдал в бинокль в течение 20 минут редких белоголовых грифов. Белоклювый орлан попался на глаза исследователю только раз, в дельте реки Терек. Всячески способствовал в работе Богданову помощник начальника Терской области Д.С. Старосельский. И.Стебницкий снабдил М. Богданова картами, которые помогали ему ориентироваться на местности. В конце исследования Модест Богданов

пришел к заключению, что в пределах Кавказского края всего было найдено 323 вида птиц, многих из которых он описал в своем отчете¹⁸⁶.

В 1889 г. И.Я. Акинфеев – известный ботанико-географ, флорист, получил от Харьковского общества испытателей природы субсидию в 200 рублей для изучения флоры Северного Кавказа. На следующий год ученый получил субсидию от Кавказского отдела Императорского Русского географического общества для изучения флоры Сванетии. Иван Яковлевич, в общей сложности, был на Кавказе 24 раза. Впервые сбор кавказских растений он осуществил в 1882 г. До 1889 г. И.Я. Акинфеев обычно путешествовал один или в сопровождении жены, Анны Евдокимовны, всегда помогавшей ему в ботанических сборах. В дальнейшем более продолжительные путешествия в глубь Кавказа Иван Яковлевич совершал как один, так и в составе ботанических экспедиций, в которых принимали участие и многие другие известные ученые. Одной из основных работ Акинфеева стала книга «Флора Центрального Кавказа», которая была опубликована в 1894 году. Список сосудистых растений центральной части Кавказа, приводимый Акинфеевым в этой книге, содержал 795 видов¹⁸⁷.

Имя К.М. Бэра, выдающегося биолога-эволюциониста, тесно связано с историей биологических и географических исследований в России. Наиболее значительные исследования Бэра относятся к периоду его деятельности в Каспийской экспедиции в 1853-1857 гг., которая снаряжалась с целью всестороннего научного исследования Каспийского моря и его фауны, на основании которого можно было бы составить правила промыслового рыболовства. Поводом же к экспедиции послужили жалобы рыбопромышленников на оскудение Каспия рыбой. Организатором экспедиций наряду с Министерством государственных имуществ было и Русское географическое общество. Участники экспедиций предпринимали длительные поездки по северному, восточному и западному побережью Каспийского моря. К.М. Бэр одним из первых после П.С. Палласа обратил внимание на физико-географические условия Прикаспийской низменности. По его мнению, как и Палласа, когда-то она была дном древнего моря. Образование микрорельефа Прикаспийской низменности он связывал со стоком вод древнего моря. Ученый связывал образование Каспийского моря и колебание уровня воды в нем с тектоническими процессами и отрицал постепенное его усыхание¹⁸⁸.

После окончания Кавказской войны растительный покров Горной Чечни изучали натуралисты: Я.Я. Верлин (1870), Н.И. Кузнецов (1890),

В.И. Липский (1891,1894), В.В. Маркович (1897), Г.И. Радде (1880), М.А. Иванов (1904,1906). Разрозненные сведения о растительности Горной Чечни встречаются в работах Н.К. Зейдлица (1873), К.Н. Россикова (1884), А.Е. Россиковой (1896), К.Ф. Гана (1900) и других авторов¹⁸⁹. Благодаря работе ученых-биологов, в гербарии Кавказского музея появились растения из различных земель Терской области, в том числе и из Веденского, Аргунского и Грозненских округов¹⁹⁰. С исследовательской целью на Кавказ отправился и профессор Медико-Хирургической Академии, Падновский. Благодаря его усилиям в число свода дикорастущих лекарственных растений была включена шпанская мушка¹⁹¹. Видными представителями российской науки, исследовавших Северный Кавказ, были академики А. Шагрэн, В.С. Миллер и др. Особо следует отметить деятельность Броссе, первого в России академика, избранного в 1836 г. специально для разработки кавказоведческих проблем¹⁹². Проводили исследовательскую работу и энтузиасты своего дела. Так, суходольную растительность в продольных долинах Горной Чечни выявил лесовод М.А. Иванов. (1904). Он также приводит сведения о широколиственных лесах, произраставших на Чеченской равнине и в Черных горах.

Густав Иванович Радде считал Кавказ наиболее интересным для изучения регионом. Г.И. Радде со стороны Грузии (из хевсурского аула Шатили) пробрался в труднодоступный малхистинский аул Джарего. На левобережном склоне ущелья Чанты-Аргуна, на абсолютной высоте свыше 2000 м., Радде обнаружил уникальные растения. Г.И. Радде и Е.Г. Кениг впервые описали в Горной Чечне аридную растительность. Вблизи укрепления Евдокимовского на сухих сланцевых склонах они обнаружили держи-дерево, крушину, барбарис. Не доезжая до этого укрепления, ими был встречен дикий виноград. Много интересных находок удалось сделать ученому на Кавказе. Густав Радде обладал и прекрасными организаторскими способностями, в течение 49 лет он стоял во главе Кавказского музея. Интересно, что Густав Радде был иностранцем, родившимся в 1831 году в Данциге. На родине Радде изучал фармацию, но затем, увлеченный естествознанием, уезжает в Россию и принимает русское подданство. Не смотря на то, что Г. Радде исколесил почти всю северо-восточную часть России, он остановил свой выбор на Кавказе. В «Коллекциях Кавказского музея» он пишет: «Кавказ стал для меня второй родиной». Г. Радде часто организовывал боьшие экспедиции по дальним маршрутам и собирал гербарии, зооэкспонаты и материалы этнографического характера¹⁹³.

Много энтузиастов своего дела работало в тот непростой период на Кавказе. Исследователь В.И. Липский проехал по маршруту Владикавказ-Слепцовская-Грозный-станция Умахан-Юртовская – аул Исти-Су – слобода Хасав-Юрт. Особое внимание Липский уделил изучению степной растительности Передовых хребтов, где собрал много растений¹⁹⁴. В 1858 году вышла в свет работа А. Оверина и Н. Ситовского под наименованием «Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту», в которой были представлены многие растения, найденные на побережьях рек Терек и Аргун. Помимо описания растений, указывались их качественные характеристики, а также сообщалось о применении их чеченцами в хозяйственных и лечебных целях¹⁹⁵. Одним из первых профессиональных ботаников, посетивших послевоенную Чечню, был Ф.С. Байерн, который экскурсировал в районе Шатоевского укрепления и в Кейское ущелье. Известны его сборы, датируемые 1860-61 гг. Значительный вклад в проведение ботанических исследований на Кавказе внес Н.И. Кузнецов (1864-1932) – крупнейший ботаник своего времени, профессор Юрьевского университета. Его работы знаменуют переход на качественно новый уровень в изучении кавказской флоры. В мае 1895 г. он маршрутно прошел часть территории современных Ножай-Юртовского, Веденского и Гудермесского районов Чеченской Республики. Н.И. Кузнецов был первым, кто сделал общее описание растительности горной Чечни (1890-1892), установив здесь две высотные зоны: альпийскую луговую, ограниченную снизу березой, и зону широколиственных лесов с преобладанием типичных буковых формаций.

Наиболее полное описание растительности Веденского округа было выполнено в 1870 г. Я.Я. Верлиным. Почти вся Ичкерия (юго-восточная часть Чечни), согласно автору, была в то время покрыта густыми лесами, состоящими из бука восточного, граба кавказского, кленов, липы, ясеня и дуба. Списки русских и латинских названий деревьев, кустарников и трав Ичкеринского округа Терской области опубликовал Я.Я. Верлин (1870). Автор привел также результаты фенологических наблюдений (сроки цветения растений). Первое геоботаническое исследование Горной Чечни осуществил в апреле-июне 1889 года Н.И. Кузнецов (1890). Он обследовал бассейны рек Ассы. Хулхулау, Аргуна и сделал вывод о том, что растительность Чечни имеет «западноевропейский облик»¹⁹⁶. В 1898 г. частную коллекцию растений собирал в Чечне Ф.И. Горепекин, часть которой была описана Кузнецовым¹⁹⁷.

Капитальный труд Ф.К. Маршалла – Биберштейна «*Flora Taurico-Caucasia*» (1808-1819), в котором впервые собран и подытожен весь имеющийся к тому времени материал о флоре Кавказа и Крыма, является важным этапом в научно-ботаническом изучении. Ботанические сведения о Чечне и Ингушетии начала XIX в. связаны также с именем историка-этнографа С.М. Броневского, который в работе «Кавказцы» (1823) дал ботанико-географическое описание Чечни и Ингушетии, разделив приводимые растения (109 видов) на три группы. Небольшие гербарные сборы в окрестностях крепости Грозной в 1829 году произвел известный ботаник К.А. Мейер. В 1900 и 1901 гг. Б.Б. Гриневецкий совершил две ботанические экспедиции на Кавказ. Результатом этих исследований стала крупная ботаническая коллекция (около 5 000 гербарных экземпляров местных растений)¹⁹⁸.

А.Н. Краснов, ученик В.В. Докучаева, был одним из наиболее талантливых и оригинальных русских географов своего времени. Любовь к Кавказу у исследователя была горячей и устойчивой. С Кавказом связаны первые шаги его самостоятельной научной работы. Позже Кавказ стал для Краснова местом почти ежегодных экскурсий. Всецело Кавказу посвятил он последние годы своей жизни. Многие районы Большого Кавказа и Закавказья Краснов посетил пешком или на лошади, один или в сопровождении студентов Харьковского университета. Большая часть научного наследства Андрея Николаевича о Кавказе касается растительного покрова. К изучению растительности Кавказа А.Н. Краснов подходит как географ и палеогеограф. В своих исследованиях ученый приходит к выводу, что для объяснений особенностей современной растительности и фауны надо знать не только современные природные условия, но и прошлые, в особенности ледниковые эпохи. Красновым был собран богатый гербарий, насчитывающий около 600 видов преимущественно альпийской и субальпийской флоры. В горной лесной зоне Краснов нашел представителей вечнозеленой флоры, когда-то имевшей широкое распространение не только на Кавказе, но и на Русской равнине.

В своих работах А.Н. Краснов призывал географов к дальнейшему исследованию природы Кавказа. К числу вопросов, ждущих разработки со стороны географов, Краснов относит: уточнение геолого-геоморфологической истории формирования Кавказа; выяснения числа и характера четвертичных оледенений Большого Кавказа; изучение почвенного покрова Кавказа; антропологическое изучение коренного населения Кавказа; изучение древних очагов земледелия. Много лет спустя Н.И. Вавилов от-

несет Кавказ к числу древнейших сельскохозяйственных очагов. По убеждению ученого, в прошлом земледелие максимальное развитие получило не в наиболее легких для освоения регионах, а, наоборот, в суровых условиях горной зоны Кавказа, в пустынях Египта, Месопотамии и т.д.¹⁹⁹.

Изучение Кавказа географом В.В. Докучаевым

Огромную роль в ботаническом изучении Кавказа и его областей сыграли как крупные научные центры (Академия наук в Санкт-Петербурге, ботанические сады Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, Московское общество испытателей природы), так и функционировавшие на Кавказе научно-ботанические учреждения: Тифлисский ботанический сад, Кавказское общество любителей естествознания, Кавказский музей, Кавказское общество сельского хозяйства. Особенно значителен вклад в изучение флоры края Императорского русского географического общества (ИРГО) и его Кавказского отдела (1872-1916 гг.), по заданию которого были проведены отдельные экспедиции и экскурсии²⁰⁰. Материал для статьи «Нагорная флора Сванетии» был собран А.Н. Красновым летом 1890 г. на средства Русского географического общества. 22 декабря 1890 г. Краснов выступил с отчетом о результатах поездки на совместном заседании двух отделений Общества – математической и физической географии. Сообщение его было встречено с большим интересом. Ботанико-географов заинтересовали данные о растительности, геологов и геоморфологов – открытие Красновым одного неизвестного ранее озера и установление широкого распространения следов древних ледников в Сванетии. А.Н. Краснов обладал редким даром делать зримым и осязаемым самое далекое и непонятное для читателя и слушателя. Научно-популярные очерки А.Н. Краснова читаются как настоящее художественное произведение²⁰¹.

В 1870-х гг. в степях южной России происходили регулярные катастрофические засухи. Если ранее помощь пострадавшим сводилась собственно к спасению голодавших, то после засух 1873 и 1875 гг. Вольное экономическое общество решило заняться изучением причин засух. Естественноисторическое исследование черноземной области было поручено Докучаеву. С решения этой прикладной задачи и начались его работы, ставшие фундаментом генетического почвоведения. Взгляд, согласно которому истребление лесов вызывает губительные

последствия для сельского хозяйства (падает уровень грунтовых вод, развивается почвенная эрозия), был широко распространен в среде естествоиспытателей с начала XIX в. Однако, только работы Докучаева и его последователей (почвоведов, агрономов и ботаников), обосновали это мнение экспериментально, а также то, что негативные последствия вызывают истребление естественной растительности вообще. К концу XIX в. почти полная распашка степей в южной России, вызывавшая почвенную эрозию, породила и другие проблемы – в первую очередь размножение вредителей и сорняков. Регулярные неурожаи привели, наконец, местные власти к осознанию необходимости осуществления постоянных исследований естественнoисторических условий своих губерний, организации агрономической помощи, а также некоторых действий в области охраны природы²⁰².

В 1899 г. научная экспедиция под руководством профессора В.В. Докучаева (1846-1903)– величайшего русского естествоиспытателя, основоположника генетического почвоведения и современной физической географии с целью изучения почв Восточного Кавказа совершил поездку по маршруту: Владикавказ – Грозный – Ведено – Ботлих. В результате проведенных исследований В.В. Докучаев установил существование на Кавказе вертикальной зональности почв и растительного покрова и показал роль рельефа и растительности в почвообразовании. Он также отметил, что все пространство от Грозного до Ведено и, несколько дальше на юг, еще сравнительно недавно, было покрыто сплошными непроходимыми лесами, о чем свидетельствуют типичные серые почвы в этих местах. Докучаев не только увековечил свое имя как создатель науки о почве, но и одним из первых стал много внимания уделять озеленению российских регионов. Он считал, что самое верное спасение от засухи – лесонасаждения. Докучаев учил также, что в степях, помимо защитных лесных насаждений, нужно создавать «магазины влаги» – копать пруды, каналы и т.д. А чтобы не менялись русла рек, озеленять их берега²⁰³.

В.В. Докучаев родился в 1846 г. в Смоленской губернии, в семье священника. Еще студентом В. Докучаев начал интересоваться новейшими геологическими исследованиями. Первая его научная работа (1869 г.) была посвящена геологическому описанию берегов реки Качни, в окрестностях родного ему села Милуково²⁰⁴. Будучи уже всемирно известным ученым, Василий Васильевич Докучаев выступал неоднократно на заседаниях различных научных обществ, докладывая о результатах своих исследований. На Всемирной Парижской выставке

1900 г. из экспонатов почвенного отдела особое внимание посетителей обращала на себя новая почвенная карта Кавказа, составленная профессором В.В. Докучаевым. Русский почвенный отдел имел большой успех среди иностранных ученых и агрономов, признавших, что в отношении исследования почв Россия стоит выше других государств²⁰⁵. Своим успехом ученый был обязан и прекрасному образованию, полученному в юности. Василий Васильевич Докучаев учился в смоленской духовной семинарии, закончил Санкт-Петербургский университет (физико-математический факультет)²⁰⁶.

Отдавая всю свою жизнь, все труды и все свободное время своему любимому делу, В.В. Докучаев деятельно стремился к популяризации геологических знаний и к ознакомлению с ними большой публики. Для этого он не раз читал публичные лекции по почвоведению. Крупный ученый-почвовед С.А. Захаров так характеризовал выступления В.В. Докучаева: «Перед нами выступал не просто профессор, знающий и любящий свое дело, а перед нами вещал пророк, создатель нового учения. Докучаев импонировал и своей представительной фигурой, и своим голосом, и необыкновенной точностью и убедительностью и красочностью своего изложения. Впечатление от лекции В.В. Докучаева было исключительное, я бы сказал, потрясающее, если бы не спокойный, и какой-то величавый тон лектора».

В.В. Докучаев и его ученики убедительно доказали, что плодородие сельскохозяйственных земель и условия их обработки зависят не только от свойств почв. Они производные природного комплекса в целом, в том числе и таких его составляющих, как климат, рельеф, грунты и др. Такая ориентация и послужила началом формирования ландшафтного подхода в сельскохозяйственной деятельности человека²⁰⁷. Многие положения, изложенные в трудах В.В. Докучаева, предвосхитили появление ряда фундаментальных наук, в частности, таких, как экология, биогеоэкология, биогеохимия²⁰⁸. Академик В.И. Вернадский так охарактеризовал своего учителя В.В. Докучаева: «...по немногим деталям пейзажа он схватывал и рисовал целое в необычайно блестящей и ясной форме. Каждый, кто имел случай начинать свои наблюдения в поле под его руководством, несомненно, испытывал то же самое чувство удивления, какое, испытал, помню и я, когда под его объяснениями мертвый и молчаливый рельеф вдруг оживлялся и давал многочисленные и ясные указания на происхождение и характер геологических процессов, совершающихся и скрытых в его глубинах».

Докучаев впервые в науке определил почву как самостоятельное естественно-историческое тело, глубоко отличное от горных пород, к которым оно ранее причислялось²⁰⁹. Почвенные (земельные) ресурсы Чечено-Ингушетии были представлены почти 20 типами почв и более 300 почвенными разновидностями, большинство из которых находились в горной Чечне²¹⁰. Интересные исследования провел также К. Самойлов. Согласно мнению ученого К. Самойлова (1855), поля равнины на Кавказе были покрыты высокими и густыми травами, среди которых встречалось много разноцветной ржи, полевого горошка, местами дикой люцерны. Таким образом, растительный покров Чечни изучали как профессиональные ботаники, географы, так и историки, этнографы и другие специалисты²¹¹.

Первые географические описания Кавказа

В начале XIX века появляется первое печатное географическое описание Кавказской губернии (Ровенский, 1803)²¹². Первоначальное исследование водных объектов связано было с практическими запросами русских войск в Чечне. Поэтому много сведений о реках (водность, характер берегов и дна, наличие бродов) и целебных источников (химический состав, лечебное значение) горной Чечни приводилось в военно-исторической и медицинской литературе. В частности, отметим работы И. Иванова (1851), Н.Зыбина (1853), Ф.С. Панточка (1853), К.П. Грума (1855), К. Самойлова (1855) и Э.В. Бриммера (1894). После замирения края изучение водных источников (рек, минеральных и соляных источников, питьевых вод, ледников, озер) продолжалось в хозяйственных целях. В горной Чечне работали М. Кедров (1862), Г.В. Абих (1867), К.В. Долгов (1878), Н.А. Вертепов (1892, 1893), М.О. Омаров (1892), А.Х. Григорьев и А.А. Штакман (1903) и др.²¹³.

При исследовании летом 1861 г. Аграханского залива и ближайших к нему вод, был сделан предварительный осмотр реки Терека. Для этой цели были командированы подпоручик Трофимов и прапорщик Марышев, которым вручили компас, другие измерительные приборы и плот. На этом плоту они опустились в них по реке от Шелкозаводского моста до устья реки, исследуя ее судоходность. Они измеряли глубину и течение Терека, а также форму его побережья. Глубина реки измерялась через 1,5 – 2 минуты (оказалась от 1 до 20 футов). Было сделано заклю-

чение, что в летние месяцы по Тереку могут ходить до Кизляра пароходы не длиннее 80 футов, с маленькими баржами на буксире²¹⁴. Отчет экспедиции был издан в 1863 году Гидрографическим Департаментом в Санкт-Петербурге.

Первые упоминания об исследованиях горных, в том числе приледниковых озер можно найти в отчетах К.Н. Россикова. По поручению Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества он исследовал состояние ледников и озер центральной части северного склона Кавказского хребта. Наблюдения на некоторых озерах датированы 1884 годом. Первые специальные наблюдения над группой озер, расположенных в предгорьях Северного Кавказа и в высокогорной части, были произведены в 1892-1895 гг. К.Н. Россиковым. Он изучал изменение уровней озерных водоемов, находящихся в различных высотных зонах. Для озер, описанных К.Н. Россиковым, было отмечено усыхание, за исключением озера Кезеной-Ам. В то время это альпийское озеро называли еще «Русским Цюрихом». Анализируя полученный материал, Россиков делал выводы, которые не утратили своей актуальности даже в наши дни. Он доказал, что озера низкогорно-среднегорной зоны Кавказа активно мелеют и заболачиваются. Основная причина – вырубка лесов и неумеренный выпас скота²¹⁵.

Некоторые сведения о высокогорных озерах Кавказа, в том числе о приледниковых водоемах, были получены А.К. Мекком (1894), А. Россиковой (1895), Н.Я. Динником (1899-1905), Н.А. Бушем (1905). Однако исследования эти ограничивались, как правило, описаниями и не сложными измерениями контуров и площадей озер. Таким образом, работы немногочисленных исследователей XIX – начала XX вв. положили начало организованным экспедициям в высокогорные ледниковые районы Кавказа²¹⁶.

Изучение селей в Российской империи началось в 60-е годы XIX века. Тогда для исследования причин ледово-каменных завалов дороги, пересекающей Кавказский хребет, были организованы первые селевые экспедиции. В 1859 г. Болеслав Статковский ввел в научный оборот термин «sel», использовавшийся тюркскими народами Кавказа. Термин имеет арабские корни. В 1877 году Б.И. Статковский следующим образом описывал селевые потоки на Кавказе: «...Обыкновенно после грозы, разразившейся над горами, из некоторых оврагов, кои по-местному своему расположению способны образовать подобные явления, выходят громадные массы целых скал, камней и грязи, которые, увлекая на своем

пути все встречаемое, прекращают иногда путь на долгое время»²¹⁷. В конце XIX и начале XX вв. проводились опыты по противоселевому облесению склонов на Кавказе (Б.Н. Лисневский). Изучались последствия отдельных селей (М.П. Псарев, К.И. Богданович).

На Кавказе выше 3 700 м. над уровнем моря начинается пояс вечных снегов и ледников. Из растительных организмов здесь встречаются только водоросли, нередко придающие снегу красную окраску; голая поверхность камня часто бывает разукрашена корочками лишайников. Но даже в этом казалось бы безжизненном пространстве всегда можно встретить зверей и птиц: сюда залетают альпийские галки, жарким летом спасаются от зноя у ледников туры²¹⁸. Изучение ледников позволило проследить временную динамику экологических изменений на Кавказе. Стало известно, что за 100 лет размеры оледенения Кавказа изменились. Так, например, за период 1881-1975 гг. площадь оледенения Западного Кавказа уменьшилась на 111 кв. км., а число ледников – на 98²¹⁹.

Геолог А. А. Висковатов занимался исследованием кавказских ледников. Он автор очень содержательной и интересной статьи «С Казбека» («Русский вестник»). Работа основана на собственных наблюдениях автора и содержит ценные сведения о состоянии ледниковых «языков», об охоте на туров, о легендах и преданиях вайнахов²²⁰. В 1881 году, во время геологической экспедиции на Кавказ И.Мушкетов исследовал кавказские ледники и геологические залежи. По его подсчетам ледники занимали на Кавказе 120 кв. километров. Он обнаружил также на Кавказе месторождение нефрита²²¹.

Начало геологическому изучению Чечни было положено в середине XIX в. известным исследователем Кавказа академиком Германом Аби-хом. В 1870 году Г.В. Аби-х на заседании Кавказского отдела Русского Географического общества сделал доклад, о распространении на Кавказе ледников в эпоху ледникового периода. Эта работа вошла в его большой труд, посвященный климатологии Кавказа²²². Первыми исследователями ледников Восточного Кавказа стали военные топографы. В 1881 г. Кавказским военно-топографическим отделом были начаты съемки высокогорной зоны Кавказа в масштабе 1: 42 000. В пределах Восточного и Центрального Кавказа эти работы продолжались до 1890 года. Военные топографы, кроме съемки ледников, провели первые наблюдения за их движением, дали описание некоторых из них. Новые, довольно подробные топографические карты, позволили получить более полное и

правильное представление об оледенении, как всего Кавказа, так и отдельных его районов. К.И. Подозерский, участник топографических работ по съемке высокогорной части Кавказа, детально изучив полученный картографами материал и, используя личные наблюдения, составил первый каталог ледников Кавказа, в котором привел краткую характеристику всех ледниковых групп Кавказского хребта с указанием площади каждого ледника. Несмотря на некоторые неточности, эта работа до сих пор не утратила своего значения. Ее особая ценность заключается в том, что она дает возможность сравнивать размеры ледников по состоянию на 1881-1910 годы с их современными величинами, а на этом основании судить об их эволюции. Несколько экспедиций по изучению ледников Центрального и Восточного Кавказа в 1885-1910 годах было организовано Кавказским отделом Русского географического общества под руководством К.Н. Россикова²²³.

Изучением Кавказских гор занимались и иностранные исследователи. Единственными английскими путешественниками, которым удалось исследовать горы между Дарьяльским ущельем и Эльбрусом, были: Фрешфильд, Мур и Тэкер, совершившие в 1868 г. длинное и трудное путешествие, которое Фрешфильд описал в своем сочинении «Центральный Кавказ и Басхан»²²⁴. В 1870-х годах геологические исследования гор велись геологом Ф. Кошкулем и в 1890-х годах А. Коншиным. Ими выявлены, в общих чертах, нефтегазоносность передовых складчатых хребтов (Сунженского и Терского). А. Коншин первым из геологов детально обследовал Старогрозненское нефтяное месторождение и указал на блестящие перспективы развития Грозненского нефтяного района. В 1905 г. Г. Михайловским были начаты разведки нефти в Черных горах; в 1913 г. И. Стрижов открыл Новогрозненское (Октябрьское) нефтяное месторождение²²⁵.

Зарождение кавказской картографии

Русская картография развивалась как государственное дело в отличие от западноевропейской, которая фактически являлась частным делом. Присоединение новых земель к Русскому государству обуславливало развитие географических исследований и картографирования этих территорий, что влекло в свою очередь отражения населения на этих чертежах (картах). Поэтому представляется, что в России составление

карт с усиленной этнической нагрузкой (обычно обозначаются надписями народы в местах их расселения) издавна было широко развито в силу многонациональности страны и обширности ее территории²²⁶. Некоторые экспедиции попадали в очень сложные условия. Например, в 1771 году Лович и Иноходцев отправились во главе экспедиции на Кавказскую Линию для определения высот и географических пунктов. Они работали здесь до 1776 года, но попали в плен к горцам. Лович был убит, а Иноходцеву удалось бежать, но все приборы и материалы шести лет работы пропали. Он сумел сохранить только данные о трех пунктах. В 1785 году Черный вместе со студентом Арнольди попытался восстановить утерянные сведения. Но и на эту экспедицию, как и на предыдущие, по сведениям Лео Багрова, после завершения работ напали горцы, которые уничтожили все инструменты и бумаги и увезли с собой Арнольда в качестве пленника. Больше о нем никто не слышал; возможно, он умер в плену. В 1786 году Румовский собрал данные всех экспедиций и опубликовал их в Берлине²²⁷.

Картография служила власти и отражала комплекс идей и целей, которые власть полагала важными и приоритетными. Картографы находились на службе государства, которое «заказывает» те или иные картографические произведения, определяет требования к ним и осуществляет явную и неявную цензуру. Карты содержат символические «сообщения», направленные от власти к подданным. Карты могут декларировать определенные государственные интересы, претензии, служить поддержкой определенного политического курса или территориальных требований. Карта служит одним из наиболее выразительных средств «конструирования» виртуального образа той политической реальности, которую в этом географическом пространстве хотелось бы иметь власти и элите, поскольку политические абстракции «накладываются» на знакомую и узнаваемую читателям физико-географическую реальность – контуры рек, очертания хребтов, создавая впечатления, что умозрительные политические и идеологические понятия обладают такой же объективной реальностью и незыблемостью, как континенты, горы и реки. Карта осуществляет пропаганду и «конструирование» устраивающей власть реальности специфическими изобразительными средствами, так, что даже привыкший к «чтению между строк» скептик оказывается, не столь критичен к языку карты. Таким образом, карта является мощным идеологическим рычагом для власти, использующим его в своих интересах²²⁸.

До XIX века в Российской империи не было института подготовки военных топографов. Топографические, картографические, геодезические и смежные с ними работы проводились либо силами зарубежных специалистов, по преимуществу из Германии и Франции, либо гражданскими службами, научными сообществами, например, Академией наук. Военно-топографическое депо возникло в 1797 году как Собственное е.и.в. депо карт, которое было переименовано. 28 января 1822 г. издается Положение, по которому ранее существовавшее Военно-топографическое депо, занимавшееся проведением топографических съемок и изданием карт, переименовывается в Корпус военных топографов (КВТ). Данное событие свидетельствует о создании нового учреждения, которое специализировалось на масштабных военно-топографических работах²²⁹. Солдаты и офицеры этого корпуса создавали точные карты огромного Русского государства.

В 1828 г. на Кавказ направляется группа офицеров корпуса военных топографов во главе с капитаном Гецелем, вооруженная специальной «Инструкцией для снятия земель в тылу действующего Кавказского корпуса лежащих». Эта инструкция была составлена начальником Военно-топографического депо генерал-майором Ф.Ф. Шубертом и представляла собой первый известный на сегодня методический документ, определявший правила и последовательность действий «съемщиков» (топографов) на Кавказе. Впервые применительно к территории была сформулирована методика топографических работ, основанная на астрономическом определении координат, которые легли в основу дальнейших топографических съемок. К этому же периоду относится и такое новшество в совершенствовании съемочного процесса, как передача рельефа в горизонталях. Необходимо отметить, что автором введения этого метода в топографию стал непосредственно император Николай I. Будучи профессионально знаком с постановкой инженерного дела в империи, он знал об использовании нивелировок в масштабе 25 саженей в дюйме для проектирования крепостного строительства и настоял на усовершенствовании топографических съемок. Рассматривая результаты геодезических работ 1848 г., он «изволил повелеть,... чтобы на будущее время планы городов и позиций были вычерчиваемы горизонтальными линиями...», и одновременно всем, производившим съемки была направлена специальная инструкция с новыми правилами топографических работ. В результате на Кавказе этот метод в инженерном деле стал применяться раньше всех в империи. В этот же

период развивался и такой специальный вид карт, как маршрутные и дорожные²³⁰.

С 1833 г. – после формирования роты топографов при Отдельном Кавказском корпусе – стали проводиться систематические съемки Кавказа. В том же году руководителем этих работ в «Закавказских провинциях» генерал-майор В.Д. Вольховский – начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса – разработал применительно к условиям Кавказа инструкцию по топографической съемке. Все главные дороги и реки предписывалось снимать инструментальной техникой. Серьезное внимание в инструкции уделялось съемке населенных пунктов, гор, а также топографическому описанию местности. Академик Вишневский, в путешествии своем, 1806-1815 годов, по Северному Кавказу, с помощью астрономических наблюдений определил расположение нескольких пунктов: Ставрополя, Моздока, Пятигорска и горы Эльбрус²³¹. В 1831 г. Норденстам провел съемки гор, со стороны северной части восточного Кавказского хребта²³².

В первой половине XIX века была составлена «Карта представляющая расположение чеченских деревень с указанием числа жителей». На карте отражена часть Чечни в районе бассейна реки Сунжи. Составленные военными карты, несущие и этническую окраску, характерны для первой половины XIX века. Видимо, такое положение дел связано с учреждением в августе 1845 года Русского географического общества, где этническая картография получила большое развитие. Во время пребывания Шамиля в С.-Петербурге, он посетил Военно-топографическое депо, где ему показали рельефную модель Кавказа. Он долго вглядывался в нее и сам указал место, где находились Гимры²³³.

В 1825 г. полковник Жихарев представил карту Чечни (бассейн р. Сунжи). Барон фон – дер – Ховен в 1837 г. составил подробную карту Малой Кабарды и части Чечни (между р. Терек и его притоками); в 1838 г. – подробную карту Чечни. Обе карты были сделаны с помощью инструментальных съемок. В 1846 г. генерал-майор Вольф представил «План крепости Грозной с окрестностями (Терской области на р. Сунже); «План укрепления Ачхоевского». В 1848 г. Вольф представил карту Малой Чечни²³⁴. Военно-историческая карта Северо – Восточного Кавказа, составленная Е.Д. Фелицыным с обозначением русских укреплений с 1859 года до окончания Кавказской войны давала много ценной информации, прежде всего военным²³⁵.

Якоб Рейнегтс (Кристиан Рудольф Элих, 1744-1793), уроженец Саксонии в течение трех лет (1781-1783 гг.) по заданию Российского

правительства совершил 5 экспедиций по Кавказу. Рейнегтс составил карту Кавказа. Двухтомное «Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа» Рейнегтса было опубликовано сначала на немецком, а затем и на английском языках. В книге Рейнегтса довольно много внимания уделяется вайнахам. Я. Рейнегтс писал о том, что земледелие и пчеловодство – главные источники пропитания чеченцев. Чеченцы, по его наблюдениям, возделывали ячмень, просо, редис, табак, лук²³⁶.

Полковник Иоганн Густав Гербер, родом из Саксонии, поступил на службу в русскую армию в 1710 году. В 1722 г. с армией Петра I прибыл в Дагестан и служил в этих местах еще 7 лет. В 1728 г. И.-Г. Гербер составил описание местностей и населения «по побережью Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой» и карту этого района. Сочинение И.-Г. Гербера сначала было издано в 1760 г. на немецком языке академиком Миллером, а затем в том же году – на русском в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих». По широте охватываемых вопросов, так и достоверности сообщаемых сведений работы И.-Г. Гербера занимают особое место. Особая значимость труда Гербера состоит в том, что он, как принято это считать, был составлен на основе личных наблюдений автора²³⁷. В данном сочинении Гербер упоминает и об общественном строе чеченцев. По поручению царя Гербер составил также карту приграничных с Турцией и Персией районов Кавказа и написал подробный комментарий к этой карте²³⁸.

Подполковник Штедер – в 1781 году совершил экспедицию на Кавказ, преодолев путь от Моздока через земли кабардинцев, чеченцев, ингушей и осетин в Грузию. Он получил задание составить военно-топографическую карту, описать население гор и степей и провести геологическую разведку. «Дневник» Штедера был опубликован Палласом в 1797 году без указания имени автора. О вайнахах Штедер пишет, что к ним приходят только армянские торговцы с различными товарами, «иностранные же купцы их посещают редко, потому что они бедны, и у них нечего взять...»²³⁹.

Несомненный интерес представляет и «Генеральная карта Кавказских гор с границами обитающих в них народов». Ее составлял в 1786 году капитан Семен Вистицкий, служивший при князе Г.А. Потемкине. На карте подробно показана гидрография района. Реки отмечены арабскими цифрами, указаны их названия. На карте латинскими буквами обозначены владения князей, ханов, народов. Показаны земли чеченцев, ингушей, кистин²⁴⁰. Карта российских владений за Кавказом» была со-

ставлена корпусным топографом, поручиком Колоколовым в 1836 году. На ней к чеченцам отнесены: кистины, шубузы, пшихойцы, чарбили, ичкеринцы, луховцы, качкалыковцы. Кистины на карте обозначены около с. Шатиль (Шатой); шубузы около с. Нуй; пшихойцы около с. Миар-Су; чарбели около с. Хунзах; ичкеринцы около с. Холотль; луховцы около с. Хиндах; качкалыковцы около с. Бежута²⁴¹. В период существования имамата Шамиля (1834-1859) предположительно наибом Хаджи-Юсуфом Сафаровым была составлена карта Чечни на арабском языке, исследованная востоковедом А.Н. Генко (1933)²⁴².

В Кавказском военном округе существовал военно-топографический отдел при Штабе округа, в состав которого входили съемщики, производители геодезических, астрономических и картографических работ. Присутствовали гравировальня, литография и фотографические павильоны. Топографические отделы обязаны были снабжать картами войска округа и выполнять текущие работы по съемке и изданию карт в данном военном округе. Каталоги атласам, картам, книгам, эстампам и геодезическим инструментам продавались при Военно-топографическом депо²⁴³. Военно-топографические отделы были подчинены начальникам окружных штабов и, кроме того, в техническом отношении, начальнику штаба корпуса Военных топографов²⁴⁴.

После окончания войны Кавказским военно-топографическим отделением проводились инструментальные топографические съемки (на геодезической основе) территории Кавказского края в масштабе 2 версты в дюйме, а в некоторых районах – в масштабе ½ версты в дюйме. Это позволяло создавать топографические карты масштаба 2 версты в дюйме и обеспечивать ими – полнее, чем в некоторых других округах – войска Кавказского военного округа²⁴⁵. В конце XIX в. перед военно-топографическим отделом была поставлена серьезная задача: на основе точных, вновь произведенных съемок составить подробную карту Кавказа. К составлению военных карт предъявляются строгие требования, недаром говорится, что карта – глаза армии. Над созданием таких точных карт Кавказа пришлось самоотверженно потрудиться большому отряду топографов. В 1881 году Кавказским военно-топографическим отделом были начаты съемки высокогорной зоны Кавказа в масштабе 1 верста в 1 дюйме. Эти работы с перерывом продолжались на всем Кавказе до 1912 года²⁴⁶. Незаурядными способностями, всесторонним образованием и любовью к природе отличался русский офицер топограф А.В. Пастухов. С 1882 г. он работал в топографическом отделе Кавказского военного

округа. Особенно много труда и энергии ему пришлось вложить в топографические съемки почти не исследованных горных областей Центрального Кавказа. Делая съемки, Андрей Васильевич совершил восхождения на самые высокие горы Кавказа, составил подробные карты этих горных мест. В 1896 г. А.В. Пастухов совершил восхождение на восточную вершину Эльбруса, высота которой составляла 5621 м. А.В. Пастухова по праву считают зачинателем русского альпинизма²⁴⁷.

Горы всегда притягивали к себе людей своей необыкновенной красотой, недоступностью и загадочностью. В Индии говорят, что раньше горы умели летать. Но царь небес, бог войны Индра молнией отсек им крылья. И они упали на землю²⁴⁸. Кавказский хребет с высоты птичьего полета напоминает гигантского ящера: «...Хвост его остался в Черном, а голову он опустил в Каспийское море. С окаменевшими, вмерзшими в складки кожи ледниками, взмывшими на пятитысячную высоту пластинами панциря, за миллионы лет он превратился в Главный, Боковой, Скалистый, Пастбищный и Лесистый хребты. Кто поверг дракона на землю и почему он продолжает нести наказание вместе с людьми, здесь живущими, остается загадкой»²⁴⁹.

Первоначальное описание рельефа (топографии местности) можно встретить в военной и краеведческой литературе. В частности, сведения о местонахождении хребтов и долин горной Чечни можно найти в работах К. Самойлова (1855), А.П. Берже (1859), У.Л. Лаудаева (1872) и Г. Мерцбахера (1901)²⁵⁰. В 1875 году, по инициативе Императорского Русского географического общества была издана «Этнографическая карта Европейской России» А.Ф. Риттиха. При составлении карты автор взял за основу материалы последней, 10-й ревизии 1858 г., списки населенных мест Российской империи, собранные Министерством внутренних дел в начале 1860-х годов, статистические материалы по состоянию на 1867 год. Всего на карте показано 46 народов, каждый из которых обозначен своим цветом. Впервые в истории отечественной этнической картографии народы сгруппированы по лингвистическому принципу и родственные в языковом отношении этносы отмечены в единой цветовой гамме. К кавказско-каспийской группе на карте А.Ф. Риттиха отнесены чеченцы, аварцы, лаки и другие народы²⁵¹.

В 1864-65 гг. была изготовлена рельефная десятивёрстная карта Кавказа. В редактировании этой карты принимал участие Г.В. Абиx. При выполнении съёмки геодезистам и топографам неоднократно приходилось совершать восхождения на высочайшие вершины Кавказа. По трас-

сам проектировавшихся дорог велись геодезические изыскания²⁵². В результате проделанной работы была создана карта вновь проектируемого административного разделения Северного Кавказа. В 1865 году генерал-лейтенант Ходзько создал десятиверстную карту Северного Кавказа. К 1866 году триангуляционные и съемочные работы, в масштабе 2-х верст в дюйме, были проведены в Терской области под руководством генерала Ходзько. В 1868 г. была издана сорокаверстная карта Кавказа, на которой было указано новое административное разделение Терской области²⁵³. К числу важных картографических материалов для Кавказского края относятся также и работы, произведенные при гидрографическом исследовании Каспийского моря, под руководством контр-адмирала Ивашинцева в 1858-1866 гг. На основании топографических съемок берегов и особых гидрографических съемок и промеров, была составлена общая подробная морская карта Каспийского моря и специальные карты бухт, рейдов, заливов и др.²⁵⁴.

В 1868 году появилась почтовая карта европейской части Российской империи и Кавказского края, а в 1864 году Тороповым была представлена карта распространения перемещающихся лихорадок на Кавказе (санитарная карта)²⁵⁵. Первый фотографический план укрепления аула Ведень появился в 1859 году. В 1880 году этнографическую карту Кавказа составил главный редактор Кавказского статистического комитета Н.К. Зейдлиц. Ее масштаб составлял 1: 1 080 000. В 1881 году этнографические карты Кавказского края представил публике Л.П. Загурский²⁵⁶. Карты, на которых был изображен Кавказ, эта «загадочная и дерзкая земля», пользовались большим интересом у самой разнообразной публики. Профессиональный уровень работы топографов был на Кавказе одним из самых высоких в стране, он пользовался заслуженным уважением. На Всемирной выставке в Антверпене в 1894 г., тифлисский топограф Н. Клементьев за рельефную карту Кавказа был удостоен золотой медали²⁵⁷. Изготовлением карт занимались и учащиеся реальных училищ. В 1889 году на Кавказской выставке Владикавказское реальное училище представило рельефные карты: Европейской и Азиатской России, Кавказа, Европы и Африки, а также был экспонирован изготовленный детьми зоологический атлас²⁵⁸.

Новейшие карты составляли в своих экспедициях и геологи. В 40-х годах XIX века французский геолог Ксавье Оммер де Гель находился в длительной (1839-1841) геологической экспедиции на юге России. К. Оммер де Гель открыл железную руду на берегах Днепра, за что был

удостоен высокой российской награды – ордена Владимира 1-й степени, а также выполнил нивелировку долины Маныча. В то же время, занимаясь геологическими изысканиями, он составил топографическую картину Кавказа – края, о котором, по его же собственным словам, во Франции на рубеже XVIII – XIX вв. было известно лишь то, что он находится южнее Северного Ледовитого океана. В кабинете эстампов Национальной библиотеки Франции находятся рисунки К. Оммера де Геля, на которых отображены события Кавказской войны, этнографические сюжеты о кавказских горцах. Французский геолог издал трехтомный труд, посвященный изучению Кавказа²⁵⁹.

Изучение этнографической истории края

Немец Готлиб Шобер (1670-1739) – родом из Саксонии, имел медицинское образование, в Россию приехал в 1713 г. по приглашению царя. В 1717 г. был командирован в Астрахань и Терки для исследования свойств вод реки Терек и теплых источников, расположенных в этих районах. В «Описании Петровских теплиц у города Терки» Шобера содержатся лишь краткие заметки по земледелию и скотоводству в прикаспийских районах. Очерк Шобера был опубликован на русском языке Г.Ф. Миллером в издаваемых им «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», на немецком языке – в «Сборнике по русской истории». По Шоберу, в окрестностях г. Терки черкесы выращивали хорошую пшеницу, а удобрением почвы им служил пепел жженой пшеничной соломы. Шобер также сообщает, что черкесы занимались сбором меда и воска для продажи и охотой на диких животных и птиц (зайцы, козы, лоси, кабаны, тетерева, фазаны и т.д.) и добавляет, что Терек снабжает жителей страны рыбой²⁶⁰.

В начале XIX в. Кавказ посетил академик Генрих Юлиус Клапрот, член Российской Академии наук. Выдающийся ученый родился в семье известного ученого-химика. В 1801-1803 гг. он изучал классическую филологию в университете в Галле. В 1804 г. был приглашен Российской Академией наук в качестве адъюнкта восточных языков и словесности. В 1807 г. стал академиком и был командирован на Кавказ для историко-филологических и этнографических исследований. Кроме изучения быта и обычаев горцев, он интересовался и сведениями о древних караванных путях. Впоследствии он писал о существовании в древности до-

роги, направлявшейся от Каспийского моря к Азову²⁶¹. Владея многими восточными языками и имея прекрасную общелингвистическую подготовку, Клапрот с большим успехом справился со стоявшими перед ним на Кавказе сложными научными задачами. В частности, ему принадлежит заслуга подробного описания племенного состава населения Северного Кавказа, уточнение его лингвистической классификации и многое другое. На Северном Кавказе Клапрот был дважды – в 1807 и 1808 гг. В результате этих экспедиций ученый дал всестороннее этнографическое описание народов Северного Кавказа, их хозяйства, социально-политического строя, нравов и обычаев²⁶².

Во втор. пол. 50-х годов XIX века немецкий академик А. Шифнер по материалам исследований И. Цискарова издает в Берлине работу «Характеристика тушинского языка». В те же годы он публикует монографию на немецком языке о грамматической структуре тушинского языка. С большим уважением отзываясь о вкладе Иова Цискарова в изучение грамматической структуры родного языка, А. Шифнер в предисловии к монографии писал: «К сожалению, до сих пор не оказалось ни одного человека среди чеченцев, который смог бы сделать столько же, сколько сделал священник И. Цискаров для родного языка». Иван Цискаров (1820-1860), военный по образованию, выпускник Тифлисской классической гимназии, воспитанный на традициях европейской, русской и грузинской литературы, был человеком наблюдательным, обладал тонким художественным вкусом. Литературная деятельность Ивана Цискарова продолжалась не более 10 лет. В 1846-1856 гг. в газете «Кавказ» и альманахе «Зурна» печатались его историко-этнографические рассказы и очерки. В 1855 году в газете «Кавказ» был опубликован очерк-рассказ «Картины Тушетии» первого чеченского писателя – цова-тушинца Ивана Цискарова.

Из истории известно, что выходцы из чеченцев: цова-тушинцы (бацбийцы) и кистины – переселились и обжились в Грузии (где живут и поньине). В «Истории Грузии» сказано, например, что «в XIII веке передвижение горцев Северного Кавказа ущельями Главного хребта на юг охватило всю северную пограничную линию Грузии». Из числа этих горцев вышло не мало деятелей науки, искусства и литературы. Христианский священник Иов Цискаров был фольклористом и языковедом. И. Цискаров составил первую грамматику тушинского языка, словарь из трех тысяч слов и перевел на тушинский язык «Новый Завет». Эта работа получила высокую оценку академика М. Броссе. На чеченский язык «Новый Завет»

был переведен и издан только в 2007 году²⁶³. И. Цискаровым за короткий, непродолжительный период творческой деятельности было написано и опубликовано более десятка легенд, очерков и рассказов по истории и быту цова-тушин, об их традициях и верованиях. Из них наиболее известны «Дикло и Шанако» (о колонизаторской политике царизма), «Картины Тушетии», «Записки о Тушетии», «Лозы любви» и др.²⁶⁴.

Многие русские люди очень активно и на добровольных началах интересовались этнографической историей края. Так Фома Иванович Горепекин (1874 г.р.), член Терского областного статистического комитета, вел самостоятельное изучение чеченского и ингушского народа «по собственному методу и программе...». На основании собранных материалов он написал 11 томов рукописей. Многие рукописи утеряны. При жизни автора была опубликована лишь одна работа. В.Н. Акимов, член географического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1890 г., является автором статьи «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей». Данная работа была выполнена автором по материалам, собранным во время поездки в 1886 г., и содержит очень ценные этнографические материалы²⁶⁵.

Геологическое исследование Чечни

В самом конце Кавказской войны целенаправленный характер приобретает геологическое изучение горной Чечни. Так, на Передовых хребтах горный инженер есаул Г.И. Литевский (1857) и ученый-химик Р.Ф. Герман (1858) обследовали проявления асфальтовой нефти (возле станицы Михайловской и крепости Грозной). В 1878-1879 гг. обстоятельные геологические исследования на территории Большой и Малой Чечни осуществил горный инженер Фридрих Германович Кошкуль (1830-1886). Результаты его работы были обобщены в статье «Геологические исследования, производимые в хребтах Терском и Кабардино-Сунженском и в находящейся между ними долине Алхан-Чурт». Они обозначили принципиальные направления дальнейших поисковых работ на нефть в этом районе²⁶⁶.

Еще в годы Кавказской войны высокогорную часть Чечни впервые обследовал горный инженер штабс-капитан К.В. Гилев (1860), прикомандированный к отряду генерала Н.И. Евдокимова, действовавшему в Аргунском ущелье. В окрестностях села Башин-Кале К.В. Гидев открыл

крупное Чинхоевское месторождение гипса (так называемая «Чинхоевская скала»). Он же впервые осмотрел и труднодоступное жильное месторождение сурьмяного блеска в глинистых сланцах правого берега р. Комель-Эхк около с. Хуландой. Донесения Гилева за 1860 г. Кавказскому горному управлению показывают, что им были найдены залежи железной руды (в правобережье р. Шумохк, в 2-х верстах юго-западнее крепости Ведено; между Ведено и р. Аржи-Ахк; между Ведено и с. Дарго и по левому берегу р. Белгатой – Ясси у Дарго).

Горный инженер штабс-капитан Д.В. Пиленко сообщил о нахождении следов свинцового блеска в сланцах бассейна р. Кей (Гешичу) в Чечне. Залежи железной руды в бассейне р. Хулхулау проверил в 1864 г. горный инженер Карпинский. В 1868 г. он обнаружил нефтяные проявления в ущелье р. Гехи, в 10 верстах от места ее выхода на Чеченскую равнину. По правому притоку Хулхулау, в 2- верстах ниже устья Аржи-Ахк, горный инженер Кольчевский в 1867 г. проследил пласты горючего сланца. Ф.С. Байерн (1871,1873) в поисках строительных материалов обследовал ущелье Хулхулау (Эрсеноевское укрепление – Ведено), Аргуна (укрепление Воздвиженское – Аргунское – Шатоевское – Евдокимовское – р. Кей) и Фортанги (которое примечательно соляными источниками). В окрестностях укрепления Башин-Кале им был описан «сахаровидный доломит» с трещинами зернистого гипса. Материалы о колодезной добыче нефти в Ичкерии (около с. Беной) издал А.М. Коншин (1892), а обстоятельное описание соляных источников Большого и Малого Датыха выполнил горный инженер М.О. Омаров (1892)²⁶⁷.

Геологическое строение местности в полосе проектируемой Перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет исследовала группа ученых во главе с А.А. Иностранцевым (1896). Северный участок предполагавшейся магистрали, расположенный на территории Горной Ингушетии, был изучен геологом Н.И. Каракашем. А.Н. Рябинин изучил геологическое строение территории Чечни, расположенной к востоку от ингушского участка проектируемой дороги. А.Н. Рябинин маршрутным способом обследовал труднодоступную высокогорную местность возле селений: Басты, Верхний Кий, Зенгили, Галанчож, Ялхорой. Здесь им были найдены серый колчедан, свинцовый блеск и пластины угля. В 1898 г. геолог Луи де Ратце сделал первое описание труднодоступного Тюалойского месторождения халькопирита²⁶⁸.

Общие замечания о климате горной Чечни содержатся в работах К. Самойлова (1855), Н. Торопова (1864), Н.Ф. Дубровина (1871) и др. Спе-

циально изучался климат Н.В. Фигуровским (1912), который приводит данные о температурах воздуха и атмосферных осадках (метеостанция Ведено, Воздвиженская, Грозный, Михайловская, Ножай-Юрт). Первым исследователем, отметившим засушливость климата во внутригорных котловинах Чечни, был военный инженер Н.А. Волконский (1859). На засушливый характер климата в продольных долинах горной Чечни обратили внимание натуралисты Г.И. Раде и Е.Г. Кениг²⁶⁹. Сейсмические явления в горной Чечне почти не изучались. Одно из редких упоминаний о землетрясениях в бассейне Терека имеется в работе И.Л. Дебу (1829), писавшего о двух землетрясениях Первое из них произошло 9 ноября 1770 г. в окрестностях аула Брагуны, а второе – 19 ноября 1773 г. в станице Новогладовская. Из ранних метеорологических исследований хотелось отметить работу Фридриха Паррота (1791-1841) – естествоиспытателя и врача. В 1807 г. он поступил на медицинский факультет Дерптского университета. В 1811 г., будучи еще студентом, вместе с минерологом М. Энгельгардтом совершил путешествие по Южной России, Кавказу, Крыму; произвел нивелировку между Черным и Каспийским морями, проводя при этом не только метеорологические наблюдения, но и ведя сбор историко-этнографического материала о местных народах. Их результаты изложены в изданном совместно с Энгельгардтом сочинении: «Путешествие в Крым и Кавказ фон Энгельгардта и Фридриха Паррота» (Берлин, 1815). Мориц Энгельгардт (1779-1842) был профессором минералогии и геологии в Дерпте. Он основал при местном университете минералогический кабинет. Совершил ряд путешествий, в том числе в 1811 г. на Кавказ²⁷⁰.

Основоположники музейного дела на Кавказе

Даже в тяжелые военные годы люди интересовались культурными ценностями и старались сохранить их для потомков. Одним из энтузиастов музейного дела стал Иван Диомидович Попко (1819-1893) – историк, казачий генерал, участник Кавказской войны с 1841 года. Он создал первый на Кавказе краеведческий музей – по его приказу на полковую штаб-квартиру в станице Ключевой была перевезена «срубная горская сакля», в которой размещались предметы быта, собранные в опустевших горских селениях. Кроме этнографической части, в музее существовали палеонтологический и минералогический отделы; археологи-

ческие материалы добывались Н.Л. Каменевым при раскопках местных курганов²⁷¹.

28 июля 1865 г. вышел Указ Александра II (Положение Кавказского комитета, высочайше утвержденное) «Об утверждении положения о Кавказском музее в Тифлисе». Цель музея – сбор материалов о Кавказе. В составе Кавказского музея были открыты отделы этнографии и археологии. 8 мая 1884 г. был опубликован Указ Александра III (мнение Гос. Совета, высоч. утв.) «О новом штате Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе: об увеличении сметы этих учреждений с 8400 руб. до 12950 руб». Среди главных статей расхода музея были указаны – «научные потребности», «ученые экспедиции»²⁷². Кавказский музей являлся постоянным участником выставок. Данный музей участвовал в работе Московской 1872 года и Венской 1873 года выставках, экспонируя ценные коллекции по этнографии и естествознанию. Однако из-за небрежности устроителей довольно значительная часть представленных публике предметов была утеряна²⁷³.

Повышенный интерес к истории, характерный для рубежа веков, проявился в создании Кавказского военно-исторического музея («Храма славы»). Инициатором считается наместник А.М. Дондуков-Корсаков, при котором за 3 года к приезду в Тифлис Александра III (1888 г.) было построено внушительное здание в центре города²⁷⁴. Опорами для кованой решетки вокруг музея стали 38 трофейных пушек. Сама экспозиция была довольно скромной – несколько портретов (на момент посещения царем там уже находились, кроме того, полотна Ф.А. Рубо и Н.С. Самокиша) и предметов военного быта того времени. По воспоминаниям В. Сидорова, путешествовавшего по Кавказу: ««Храм Славы» не только не производил впечатление, но наводил на раздумье: неужели все тысячи тысяч подвигов, которые была проявлена на войне нашими героями, заслужили такой плачевный и жалкий памятник, вдобавок поставленный на место целого вырубленного участка общественного сада?»²⁷⁵. И.И. Воронцов-Дашков, прибывший на Кавказ в 1905 г., обратил внимание на «неподобающее» состояние музея и передал его (март 1906 г.) в ведение Военно-исторического отдела при Штабе Кавказского округа. В это время начальником отдела был известный историк и военный писатель В.А. Потто, автор нескольких книг по истории «умиротворения» Кавказа.

Щедрое государственное финансирование и значительные личные пожертвования самого Воронцова-Дашкова вкупе с энтузиазмом любителей военной истории края настолько изменили вид «Храма славы», что

11 февраля 1907 г. прошло его новое открытие и освящение. О стремлении составителей экспозиций соблюдать политкорректность говорят слова путеводителя: «Кавказский военно-исторический музей – это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа – русские, армяне, грузины, мусульмане – найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью свою беззаветную преданность Царю и Родине». Одним из средств достижения этой цели был состав портретной галереи «Храма славы»: с каждого третьего полотна на посетителя смотрел местный уроженец²⁷⁶.

22 марта 1828 года в Москве был учрежден «Румянцевский музей», образованный по завещанию и на средства графа Румянцева. В фондах музея хранились книги, рукописи, монеты по Востоку. Основная цель музея – изучение его собраний «всеми желающими». Музей просуществовал до 1917 года. Этнографические предметы с Кавказа также хранились в Румянцевском музее. Сразу после завершения Кавказской войны вышел приказ («предписание») Начальника главного управления при наместнике на Кавказе А. Николаи за № 32 22 «О сборе сотрудниками Кавказского музея этнографических предметов на Кавказе и в Закавказье для Румянцевского музея в Москве»²⁷⁷. Большой интерес для любителей оружия представлял Царскосельский музей. В «Русской комнате» – (трофейном отделении № 11) хранились знамена и значки горских народов (чеченские, лезгинские и др.), отбитые русскими войсками на Кавказе. Знамена и значки были покрыты надписями, заимствованными из Корана. В сентябре 1859 года, Шамиль посетил Царскосельский арсенал и был поражен необычайным богатством восточного оружия, собранного здесь. Так, например, в «Турецкой комнате» было представлено оружие чеченское, лезгинское, кабардинское, турецкое, иранское и др. Шамиль осматривал сабли, обнажал их, вслух читал арабские надписи, и даже узнал свое оружие, представленное в «Русской комнате»²⁷⁸.

Сбор коллекций Российского этнографического музея начался с 1904 года. В 1904 году хранитель отдела Кавказа К.А. Иностранцев привез довольно полную по составу коллекцию чеченских этнографических материалов. Но она была собрана только в одном крупном плоскостном селении – Урус-Мартане и очень плохо описана. В 1907 году, по поручению музея, сбором коллекций занимался студент С.А. Гатуев. Его коллекция, содержащая утварь, одежду, орудия

труда ремесленников, является хорошим дополнением к сборам К.А. Иностранцева, но в ней не указано место сбора. Несмотря на то, что коллекции по чеченцам и ингушам недостаточны, они все же представляют большую ценность, т.к. в других музеях материалы этих народов незначительны. В 1904 году в Петербург были доставлены чеченские: орудия земледелия, орудия по обработке волокнистых веществ и кожи, средства обработки дерева и металла, оружие, домашняя утварь, мебель, игрушки. С.А. Гатуев в 1907 году предоставил Этнографическому музею: орудия, используемые в земледелии и скотоводстве, средства передвижения; предметы, используемые при ткачестве, обработке дерева, металла и кожи; мужскую и женскую одежду, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, предметы культа. Материалы по чеченцам были очень разнообразны и, представляли собой большую историческую ценность²⁷⁹.

Интерес к возникновению обычного права народов, населяющих Кавказ, был весьма велик со стороны русских исследователей, кавказоведов. С этой целью на Кавказ постоянно направлялись исследовательские экспедиции, главная цель которых заключалась в изучении истории культуры и обрядовых обычаев, которые являются источниками права. Вследствие того, что проблемам Кавказа уделялось пристальное внимание, в 1876 году под патронажем Русского географического общества была создана особая комиссия для составления новой программы, суть которой состояла в сборе и обобщении юридических обычаев. Результатом кропотливой десятилетней работы, проделанной данной комиссией, стало издание Программы народных юридических обычаев. Этот фундаментальный труд стал отправной точкой для формирования последующих исследований в области обычного права²⁸⁰.

Конец XIX – начало XX веков принесли новый всплеск интереса к Кавказу. В 1886 году Н. Салоцким был издан обстоятельный очерк орографии и геологии Кавказа. В работах этого автора даётся представление о Сунженском и Терском хребтах, что представляет значительный прикладной интерес в ходе разработок нефтяных месторождений²⁸¹. К началу XX в. относятся климатологические исследования Кавказа, выполненные И.В. Фигуровским (1905). Он изучал климаты Кавказа в связи с местными физико-географическими условиями, характером строения земной поверхности, выясняя связь между климатом и растительностью, разработал классификацию климатов Кавказа и вопросы климатического районирования²⁸².

Интенсификация развития симбиоза культуры на Кавказе в XIX веке

Культура относится к типу открытых систем, способных воспринимать и обрабатывать поступающую извне информацию. Межкультурный контакт неизбежно приводил к взаимодействию и обмену. Поэтому в культуре любого этноса, наряду со специфически этническим элементом, всегда присутствовал и элемент интернациональный, то есть определённая сумма усвоенных инноваций²⁸³. Кавказ в прошлом назывался Прикаспийской провинцией римской католической церкви и в то же время нес на себе печать Византии. В свое время Ибн Баттута и Марко Поло показали, что к югу от Москвы была очень самобытная культура. Эту атмосферу иллюстрирует фраза Ибн Баттуты: «Я увидел церковь, направился к ней, застал в ней монаха, и на одной из стен церкви увидел изображение мужчины арабского, в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке. Перед ним горела лампада. Я спросил монаха: «Что это за изображение?» Он ответил: «Это изображение пророка Али», – и я удивился его ответу...»²⁸⁴. Имам Шамиль изучал Евангелие и сравнивал его текст с Кораном. При посещении дворцов в Царском селе Шамиль долго смотрел на статую Иисуса Христа и сказал полковнику Богуславскому: «Он многому прекрасному учил вас; я тоже буду Ему молиться. Он мне счастье даст»²⁸⁵.

Первый урок веротерпимости преподавал мусульманам сам пророк Мухаммад. Он говорил, что проповедуемое им учение не противоречит христианству. Когда мусульмане вошли в Мекку и стали рушить идолов в Каабе, один воин хотел смыть водой настенное изображение Богородицы с Христом. Муххамад запретил ему это, прикрыв ладонями лики Богородицы и младенца²⁸⁶.

Ислам всегда процветал вступая в контакт с другими культурными традициями. Его происхождение тесно связано с христианством и иудаизмом. Далеко не все знают, что после гибели античной цивилизации именно «исламский ренессанс» в эпоху раннего Средневековья сохранил и отшлифовал мысль древних греков. Исламская цивилизация добилась впечатляющих высот в практических искусствах и науках, которые через несколько веков во многом послужили основой европейского Ренессанса и дали начало идеям, которые лежат в основе современной западной культуры²⁸⁷. Для мусульман не являлось характерным разделение науки на религиозную, и светскую²⁸⁸.

Даже в теократическом государстве, под влиянием российской инженерной мысли Шамиль предпринимал попытки использовать сложные гидротехнические сооружения при обороне стратегически важных центров имамата. В частности, в районе Гергебиля была возведена целая система плотин, которые могли быть легко взорваны для затопления узких мест на пути продвижения противника. Темпы строительства были беспрецедентными. Это, вероятно и привело к тому, что плотины рухнули задолго до их использования. Шамиль прекрасно вооружал свою армию. Артиллерия была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов.

Горская культура поразила русских вначале своей экзотичностью, а потом не меньшей разумностью и целесообразностью. Изобретённые горцами в Ведено новые, приспособленные к горным условиям, орудийные лафеты были даже использованы затем русскими инженерами. В Ведено был построен во время Кавказской войны целый литейный завод, на котором было налажено изготовление собственных пушек и ядер. Лились пушки из железа и меди, добываемых в горах и привозимых из других мест. На отлитых пушках обычно ставилась печать Шамиля. Процессом отливки заведовал оружейник Джабраил. Всего на Веденском литейном заводе было отлито 50 орудий²⁸⁹. Шамиль организовал учёбу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Результаты, им затеянного, были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья – Хаджи²⁹⁰. Чеченец из села Алды, Хаджи Юсуф служил у имама инженером, картографом, командовал войсками, был администратором и советником по политическим и правовым вопросам. Как инженер он отвечал за фортификационные вопросы. Как бывший офицер на службе у Мехмет Али он помог Шамилю создать регулярную пехоту – низам. В 1854 г. Шамиль отправил его в ссылку, обвинив в несанкционированных контактах с русскими (по другим источникам – с турками). Спустя два года он бежал к русским, где вскоре и умер. Последним проектом Юсуфа было создание для русского командования карты владений Шамиля²⁹¹.

Этнокультурный массив Кавказа – феноменальное явление, сформировавшееся на протяжении веков в результате конвергенции в этом географическом регионе локализованных культур, как местного субстрата, так и контактного происхождения. Кавказ – это сложившееся

историко-культурное сообщество, представленное многими народами и конфессиями; это – своеобразная социально-этническая среда, развивающаяся по своей внутренней логике, стремящаяся сохранить свою самобытность и заимствовать лучшие качества других культур²⁹².

У народов, издавна проживавших друг с другом рядом, было особенно много заимствований. Исследователь военного дела В.Б. Вилинбахов пишет, что «Кавказские казаки, заимствовав от горцев, в первую очередь от кабардинцев, буквально всё, начиная от одежды и кончая тактикой ведения боя, резко выделялись среди всех казачьих войск». Во время русско-турецкой войны бритые «по – чеченски» головы выделяли чинов «охотничьих команд» (добровольных антидиверсионных подразделений). По пути в Петербург, в Курске Шамиль как-то увидел офицера в мундире Кавказской армии. Он подошел к нему и спросил: «Что значит ваш черкесский убор?» «Я служил на Кавказе» – ответил военный. «Вы мой земляк и мне приятно видеть вас» – сказал Шамиль²⁹³.

Влюбленность и заинтересованность в Кавказе была велика. Композитор М.А. Балакирев писал: «Здесь все ходят в черкесском платье, я увлекся общим духом и снял свою карточку в черкеске и папахе у вновь прибывшего фотографа Индицкого, чтобы была память о пребывании на Кавказе»²⁹⁴. Бурки, башлыки, черкески и прочая «татаромания» (так иронически называли современники склонность к ношению горского костюма и вооружения) была особенно популярна у офицеров. Один из современников замечает: «Снисходительный взгляд начальства на форму одежды офицерства устранил всякое стеснение в этом отношении, и при встрече на улице иного офицера трудно было отличить его от чеченца...»²⁹⁵. Заимствования, лучшее знание культуры, истории коренных народов формировали бережное отношение друг к другу²⁹⁶.

Длительное проживание в непосредственном соседстве не могло не сказаться не только на бытовом, военном, экономическом и другом уровнях, но даже в известной мере на этническом типе. «Терские ведомости» (1892 г.) сообщали: «Браки между горцами и казаками составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый тип гребенского казака... Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестна.... Сплошь и рядом среди казаков часто попадает тип красавца-горца». Казаки в социокультурном плане были недостаточно абстрагированы в годы Кавказской войны от противника. «В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обы-

чаи. В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности». Широкую известность получило, например, «дело Атарщикова», сотника, перебежавшего на сторону горцев и в 1840-е гг. не только активно принимавшего участие в военных действиях на их стороне, но и ведшего пропагандистскую работу среди казачества, солдат и офицеров царской армии, призывая последовать его примеру. Исследователи отмечают, что данный случай не был единичным – казаки действовали, в том числе и в качестве командиров отрядов на стороне горцев вплоть до окончания Кавказской войны²⁹⁷. Особая связь всегда сохранялась между Кавказом и Польшей. Не случайно тогда утвердилась поговорка: «Кавказ это наша Польша в Азии, а Польша это наш Кавказ в Европе». Поляки, не имея успех на собственной территории, формировали отряды для участия в боях на стороне Шамиля. Их довольно много было в имамате в годы Кавказской войны²⁹⁸.

Основой развития хозяйственно-культурного взаимодействия между чеченцами, с одной стороны, и русским населением Терека в лице казачества – с другой, была реальная взаимозависимость и взаимозаинтересованность, возникшая в процессе укрепления многовекового соседства. В XVIII в. многие гребенские казаки хорошо знали северокавказские языки, в том числе и чеченский. Интересно отметить, что чеченцы стремились обучать своему языку даже русских пленных. Документ 1757 г. рассказывает, что пленного казачьего мальчика «хозяева содержат в хороших условиях и обучают по-татарски грамоте». В то же время в чеченском языке был усвоен ряд слов, которые по форме и значению совпадают с русскими²⁹⁹.

Именно Кавказская война отличалась тем, что на форму и оружие русской армии оказали особое внимание военно-культурные традиции местных народов. Вместо ранцев солдаты стали использовать холщовые мешки, а сапоги, которые они берегли для парада, заменялись на кожаные горские чуваки и шерстяные портянки, перевязанные до колен ремнями. Это была наиболее целесообразная обувь по своей простоте, дешевизне, легкости и способности быстро высушиваться. На Кавказе у офицеров считалось большим шиком иметь под сюртуком толковый бешмет и на поясе кинжал³⁰⁰.

Начиная с 1800-х гг., и более активно – с 1810-х гг., в ходе военных действий, многие офицеры русских войск на Кавказе начали сочетать предметы своего обмундирования с элементами горского националь-

ного костюма и вооружения, или же полностью заменять форменный мундир данным комплектом. Не обращал внимания на строгое соблюдение формы и М.Ю. Лермонтов, дважды служивший на Кавказе. Белая холщовая шапка, вечно расстегнутый сюртук, из-под которого выглядывала красная канаусовая рубаша – таким он запомнился сослуживцам. Во время поездок по Кавказу поэт проявлял большой интерес ко всему, что его окружало. Стараясь запечатлеть все виденное, он много рисует: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию...», – писал Лермонтов С.А. Равевскому с Кавказа. Известно, что многие из своих рисунков Лермонтов дарил друзьям, знакомым³⁰¹.

Мода на кавказское оружие и одежду получает широкое распространение среди нижних чинов, и даже прислуги. Многие офицерские слуги и войсковые маркитанты «были в черкесском платье»: папахи, архалуки (бешметы), чекмени (черкески) и бурки. В целом, причину перехода на местные образцы и казаков, и гражданского населения, и военных предугадать нетрудно: они были красивы, удобны и приспособлены как нельзя лучше, к местному климату и роду войны. В красоте и одновременно простоте и надёжности кавказской одежды – залог её исключительной популярности среди офицеров Отдельного Кавказского корпуса.

Статистические данные о потерях русской армии во время Кавказской войны свидетельствует о том, что не боевые потери в десятки, а в ряде случаев в сотни раз, превышали боевые. Одна из причин такой смертности заключалась, отчасти, в недостатках военной формы, которая не во всем соответствовала своему защитному назначению. Так, например, белоснежная амуниция выглядела очень эффектно, но лучшей мишени, чем скрещенные на груди перевязи трудно было найти, особенно в условиях боев на пересеченной местности. В Приказе по войскам Кавказской линии и Черномории от 19.01.1849 г. за № 1, в связи с большим числом обморожений из-за отсутствия теплой обуви и очень тесных сапог у нижних чинов, предписывалось при зимних экспедициях обращать внимание, прежде всего на обувь³⁰². Долгожданная форма, более пригодная для войны на Кавказе, была введена непростительно поздно. Тридцать лет понадобилось официальному Петербургу, чтобы решиться на такой шаг. Для сравнения скажем, что во время Египетского и Сирийского походов Наполеону достаточно было нескольких месяцев для разработки и внедрения специальной формы, учитывавшей условия театра военных действий.

Еще в 1818 г. генерал А.П. Ермолов предлагал заменить на Кавказе униформу: «Одежду для солдат предлагал я более с климатом согласованную, различествующую от теперешней, всюду единой для знойной Грузии и для Камчатки ледовитой», – вспоминал впоследствии А.П. Ермолов. Однако на эти предложения из Петербурга ответа не последовало. Столица империи была охвачена «парадоманией»; русских самодержцев заботило, главным образом, чтобы она соответствовала европейской военной моде, была красивой, яркой, а потом уже удобной и функциональной. В таких условиях А.П. Ермолову оставалось только одно – взять инициативу в свои руки, а точнее, передать ее в руки офицеров и нижних чинов, которые теперь получили возможность обмундироваться так, как того требовала конкретная боевая обстановка.

4 июня 1850 г. гражданским чином, находящимся при войсках Отдельного Кавказского корпуса, а 7 июля 1852 г. и чиновникам, состоящим при штабах и управлениях этого корпуса, было разрешено носить новое обмундирование по форме, утвержденной для войск на Кавказе. Вместо мундира им полагался полукафтан, низкая круглая папаха вместо шляпы и сабля на плечевой портупее. Такая форма устанавливалась исключительно на время нахождения чиновников на Кавказе³⁰³.

В Кавказской армии не все сразу перешли к единой форме одежды, часто военные предпочитали удобство требованиям командования. Генерал А.А. Вельяминов, в канун приезда на Кавказ Николая I, приказал, чтобы нижние чины и офицеры были все одеты «по форме», но это не дало желаемых результатов. Даже генерал-майор Линген в присутствии императора был в сюртуке, с шашкой через плечо, «а из под сюртука на целую четверть виден был бешмет из турецкой шалеовой материи». Всего этого не мог не заметить Николай I. «Я очень рад, что не взял с собою вел. Князя Михаила Павловича, он бы этого не вынес!», – сказал по поводу увиденного самодержец. Цесаревичи Михаил, Александр и Николай, подобно своему отцу, страдали «мундироманией». По этому поводу Д. Давыдов заметил: «... на службе, во время похода или дороги, цесаревич, не позволявший себе ради удобства ни малейшего отступления от формы, был поистине мучеником безумно понимаемого им долга»³⁰⁴.

Интересно, что кавказцы научились перед парадами маскировать недостатки своей обносившейся одежды. В. Солтан вспоминал, что для торжества по случаю окончания Кавказской войны солдаты «красили свои синие чадровые шаровары, которые были испещрены белыми нитками и всех цветов заплатками». Для окраски своей нижней пары они

использовали «ольховую кору, сваренную с железным осадком, найденным в корытцах, при точилах возле саклей...». Характерно, что войска, служившие в Центральной России, называли солдат Кавказской армии за их внешнюю «невыправленность» – «разбойниками»³⁰⁵.

И, тем не менее, несмотря на все запреты и ограничения элементы кавказского костюма прочно вошли в обиход русской армии и не только из-за функциональности и простоты, но и из-за красоты местной одежды. Нельзя не отметить изящный дизайн костюма горца, наиболее удовлетворяющий эстетике мужской фигуры, формировавший своего рода культ мужественности, таивший скрытую угрозу. «Мужская одежда у черкес, – сообщает Хан – Гирей, – красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе...» Возвращавшиеся в Россию офицеры увозили с собой черкесский костюм и оружие³⁰⁶. В 20-30 гг. XX века многие чеченцы стали носить одежду, скроенную на манер военного кителя и брюки – «голифе», это заимствование можно часто наблюдать на сохранившихся старых фотографиях³⁰⁷.

ГЛАВА II.

ИСКУССТВО, КАК ФОРМА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАВКАЗЕ

Музыкальные заимствования и обмен

В конце XIX века известный литературовед А. Веселовский впервые выдвинул теорию взаимодействия культур. Им утверждалось, что заимствуемые элементы в культуре могут иметь два пути развития: либо активно развиваться, либо постепенно отмирать, в зависимости от внутренних запросов самой культуры. Формирование и развитие музыкальных традиций с новыми компонентами в каждой национальной культуре имело свою траекторию процессуальности, при которой одни элементы получали яркое воплощение, другие – «уходили» в тень после взятых «художественных проб»³⁰⁸.

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты – зурна, свирель, горская двухструнная балалайка и даже барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, а на гармонике – обычно женщины. Это же мы видим и у чеченцев. «В 80-90-е годы XIX века, – пишет Б.А. Калоев, – значительное распространение у плоскостных чеченцев получили русские гармоники. На гармониках, как правило, играли женщины, но были и мужчины гармонисты, а на местных музыкальных инструментах почти исключительно играли мужчины...»³⁰⁹.

Гармоники проникли на Кавказ и в Среднюю Азию с 1840 года по одной схеме: «... путь их проходил из Тулы в Нижний Новгород, затем по Волге в Астрахань, оттуда и расходились они морскими и сухопутными путями по южным областям». В 1875-1877 гг. открылась железнодорожная ветвь «Ростов-Владикавказ», ставшая главным связующим путем, т.к. к тому времени Ростов являлся одним из крупных поставщиков и реализаторов гармоник в Кавказском регионе. Гармоники, попадавшие к горцам через солдат, разнообразили различные типы инструментов, т.к. они призывались на службу из различных регионов России, где имело место изготовление разнообразных разновидностей гармоник. Среди горцев бытовали гармоники как немецкого, так и венского типа, а также разных модификаций русских мастеров. Наибольшую популярность получили вятские гармоники.

В 1784 году петербургский мастер Ф. Киршник впервые изготовил инструмент со свободно двигающимися язычками. В 1824 г. английский физик Ч. Уитстон создал концертино-гармонику, состоявшую из двух частей, между которыми располагался мех. В 1829 г. венский мастер К. Демиан придал гармонике современный вид. Впоследствии возникло много однорядных и двухрядных гармоник: немецкие, венские, французские, английские, итальянские, русские – вятские, ливенские, тульские, саратовские, Елецкие, «северянки», «черепашки» («варшавки»). Появляются гармоники, приспособленные к национальным ладам и особенностям. Удобство и легкость инструмента было одним из важных требований к гармонике. Для облегчения инструмента шел постоянный поиск породы дерева для корпуса мастерами – кустарниками. Потребность в легкой гармонике определялась сложившейся кавказской традицией танцевального круга, в котором гармоника не просто создает музыкальное сопровождение танцу, а активно включается в процесс³¹⁰. При изготовлении гармоник на Кавказе мастера использовали доступные им материалы. Некоторые из них заказывали материалы, инструменты для работы и даже части гармоник (голосовые планки) из регионов России, где было развито гармонное производство, и даже из Германии.

Первые гармоники, появившиеся в сер. XIX в., являлись сувенирами и игрушками, которым девушки и дети охотно выделяли место в своих комнатах. Изначально на гармониках играли только девушки что, возможно, также повлияло на выбор более легких типов инструментов. Появление гармоники как бы стало новой точкой отсчета в становлении «новых» исполнительских традиций на музыкальных инструментах, формированием традиции женского исполнительства. В конце 20-х годов XX века Андриан Митрофанов писал: «...интересно отметить, что исполнителями на гармонике являются главным образом девушки и женщины, выделившие отличных музыкантов – гармонистов». И далее: «Мужчины же долгое время считали, а во многих случаях и сейчас считают неприличным для себя пользоваться этим инструментом. Однако этот консерватизм, этот скрытый протест против наступающего нового инструмента, которым к тому же овладели с легкостью женщины, не играющие вообще на национальных инструментах, постепенно побеждается, и мне приходилось слышать мужчин – подлинных виртуозов на гармонике». Приход в традиционную кавказскую музыкальную культуру гармоники стал новым фактором для изменения устоявшегося традиционного мужского исполнительства и, дифференциации исполнительства

на музыкальных инструментах на женское и мужское. Традиция игры на музыкальных инструментах была изначально прерогативой мужчин и существовала веками. Она выполняла акт священнодействия, угодный богам, и была связана с магико-сакральным ритуалом. Несмотря на то, что женское исполнительство и становилось традиционным, играло ведущую роль в обрядах и ритуалах повсеместно, оно также имело и много ограничений и табу, особенно это касалось религиозной сферы³¹¹.

Традиционные чеченские музыкальные инструменты

В Чечне и Ингушетии в музыкальном быту флейте придавали большое значение. С помощью духового инструмента чабаны могли управлять стадом овец специальной пастушьей мелодией. На флейте ночью играть не разрешали, так как считалось, что скот ночью должен отдыхать³¹². В классификации чеченских музыкальных инструментов ведущее место занимают струнно-смычковые (адхоку – пондур, атух – пондур, дечик – пондур, чандырг). Атух – пондур – 3-х струнный смычковый инструмент. Основная его составляющая – деревянный долбленный корпус в виде чаши, поверх которого натянута кожаная мембрана; на дне и мембране имеются сквозные отверстия. Дечик – пондур – 3-х струнный щипковый инструмент, семейства от пиколло до контрабаса. К следующей группе относятся духовые инструменты: дутра, маа, цузам, шедаг. Дутра – продолговатая открытая флейта из камыша, калины, орешника с 7 игровыми отверстиями. Маа – бычий рог с 6 игровыми отверстиями. Цузам – духовой инструмент из тростника или гусяного пера с нарезным язычком. Шедаг – разновидность зурны, но без раструба. Также у чеченцев широко были распространены гармоники будьхара и бузика. Будьхара – «кавказская» гармоника с 18 и более клавишами. Бузика – однорядная «восточная» гармоника, которая звучит более сильно и резко. Музыкальное исполнение обычно дополнялось игрой бубнов (жирга, жиргия)³¹³. Интересно, что самые распространенные и любимые среди чеченцев струнные инструменты являются и самыми древними, они появились на Кавказе примерно в I тыс. новой эры³¹⁴.

В 1905 году, в «Русской Музыкальной Газете» Д.И. Аракчеев опубликовал список кавказских инструментов, находившихся в музее Московской консерватории³¹⁵. В музее Московской консерватории в 1905 году экспонировалось десять музыкальных инструментов: 8 гру-

зинских, 1 осетинский и 1 инструмент не выявленного происхождения. По описанию, сделанному Д.И. Аракчеевым, это был деревянный инструмент, напоминавший ладью с двумя «носами». Струны из конских волос были надеты на довольно высокую «кобылку». Общая длина инструмента составляла 17 верш. Смычок – длинный, дугообразный, из конских волос. Звук его напоминал комариное жужжание. Данные инструменты, за исключением пальцевого фандыра, выставлялись и в Дашковском Этнографическом музее. Некоторые из кавказских музыкальных инструментов хранились также в музее Филармонического училища³¹⁶.

Музыкальная культура была хорошо развита у чеченцев не только на риторическом, но и на высоком профессиональном уровне. Первым чеченским композитором стал Абдул-Муслим Магомедович Магомаев, уроженец Старых Атагов. Его потомком является известный советский певец Муслим Магомаев. Будущий композитор получил образование в Грозненской горской школе, где обучался с 1892 по 1900 год³¹⁷. В Грозненской горской школе уроки пения проводил Дмитрий Терентьевич Кононенко. Он был очень строгим преподавателем и ученики у него в основном получали «2» и «3». Заработная плата у учителя пения являлась одной из самых низких в школе и составляла 75 рублей³¹⁸. В начальных школах досоветской России (в том числе и в городских училищах) азы музыкального образования давались в рамках уроков пения, в средних учебных заведениях и старших классах высших начальных училищ для православных учащихся – «церковного пения». О государственных приоритетах в преподавании пения можно судить уже по утвержденной Министерством народного просвещения в 1896 г. программе испытаний на звание народных учителей, которая предполагала знание нотной грамоты, практическое знакомство с обычными песнопениями православного богослужения, умение пользоваться камертоном и партитурой, организовать детский хор и руководить им. В основной своей массе преподавание музыки осуществляли те же учителя, которые преподавали обязательные предметы. В некоторых учебных заведениях обучение музыке было поставлено так хорошо, что учащиеся выступали с публичными концертами.

Частные музыкальные учебные заведения открывались официально с разрешения властей и вели образовательный процесс по утвержденным учебным планам и программам. Срок обучения в них длился от одного года до двух-трех лет. Занятия проходили, как правило, по рас-

писанию на квартире педагога или в специально нанятом помещении. В течение года учащиеся сдавали контрольные задания, экзамены, выступали с отчетными концертами на публике. Кроме специальных предметов (фортепиано, скрипка, пение), преподаватели знакомили учеников с основными элементами теории музыки, сольфеджио, хорового пения.

Кроме частных, существовали и государственные музыкальные учреждения. Немало талантливых музыкантов воспитало Екатеринодарское (Краснодарское) музыкальное училище. Яркая страница истории Екатеринодарского училища связана с именем композитора М.Ф. Гнесина (ученика Римского-Корсакова), преподавателя училища с 1911 по 1913 гг. Гнесин читал курс специальной теории музыки. Музыка учились в одинаковых условиях дети всех сословий и национальностей. По данным на 1910-1911 учебный год состав учащихся Екатеринодарского училища по национальностям был представлен: русскими, армянами, евреями, поляками, немцами, греками, грузинами, черкесами и др.³¹⁹.

Кавказ, как источник вдохновения для великих русских композиторов

Русский композитор М.И. Глинка (1804-1857), подобно А.С. Пушкину в поэзии, стал первооткрывателем Кавказа в музыке. Очень точно это отобразил в своем стихотворении С.Н. Рыбалко:

*«Неповторимой музыкой Востока
Он был заворожен. Ущелий гул,
И шум лесов, и горный шум потоков
В мелодию «Лезгинки» он вдохнул*

*В ней все кипит: веселье, дух свободы.
В ней колорит восточной старины,
И темперамент горского народа,
И бубна ритм, и пение зурны.*

*Еще никто так не пленялся сердцем.
И муза гор была его удел.
Лишь он впервые красоту Кавказа
Так гениально в музыке воспел»³²⁰.*

М.И. Глинка

Прекрасно знал и высоко ценил музыкальное творчество кавказских народов М.И. Глинка. Михаил Иванович Глинка путешествовал по Кавказу в 1823 году³²¹. Знаменитая «Лезгинка» из оперы «Руслан и Людмила», в основу которой были положены национальные напевы, музыка, танцы кавказских народов, сконцентрировала в себе национальное своеобразие, колорит, яркую и богатую палитру музыкального дарования горских народов³²². Лезгинку, услышанную на Кавказе М.И. Глинка переложил, как говорил он, «на один оркестр» для концерта в Париже, и она привела в восторг французского композитора Берлиоза. Пражская газета после постановки оперы «Руслан и Людмила» в 1867 году особо отметила лезгинку. «Необыкновенно оригинальная», – писал о ней «Пражский дневник»³²³. Неповторимо прекрасны у Глинки образы Востока: достаточно напомнить партию Ратмира в «Руслане и Людмиле», колоритнейшие танцы в волшебных садах Черномора. Здесь рождалась одна из самых поэтичнейших традиций русского искусства – «русская музыка о Востоке», запечатлевшая чувства романтического восхищения темпераментным и пленительным искусством Кавказа. Ей отдали дань и Балакирев, и Рубенштейн, и Мусоргский, и Бородин, и Римский-Корсаков, и Глазунов, и Рахманинов³²⁴.

Находясь на Кавказе Грибоедов не только писал «Горе от ума», но и сочинял музыку. Будучи «замечательным музыкантом – музыкантом не только ученым, но и страстным», Грибоедов, с первых же шагов в Грузии проявил интерес к местному фольклору. Он записывал народные мелодии, и одна из них очень понравилась М.И. Глинке. «Провел около целого дня с Грибоедовым, писал композитор. – Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А.С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне...»³²⁵. Как всесторонне одаренная личность, Грибоедов был не только отменным литератором, прекрасно знающим человеческую натуру, но и талантливым музыкантом, умеющим виртуозно играть на фортепиано, органе, флейте. Он сочинял такую музыку (сохранилось два вальса), которая по глубине, мелодичности и чувству была сравнима с вальсами И. Штрауса и П. Чайковского³²⁶.

М.А. Балакирев

Михаил (Милий) Алексеевич Балакирев (1836-1910), русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный и общественный деятель – глава «Могучей кучки», издал «Записки кавказской народной музыки», куда вошли 11 северокавказских народных мелодий, из которых две были чеченские³²⁷. В 60-е гг. XIX в. он неоднократно посещал Кавказ, знакомился с музыкой местных народов и, вдохновленный красотой горной природы, создал симфоническую поэму «Тамара». В 1862 году он посетил Кавказские Минеральные Воды. Среди благодарных слушателей были и горцы, которые оценили то, как он переложил их национальные мотивы на фортепиано. Был случай, когда один почтенный старец начал танцевать, услышав знакомую лезгинку. Композитор стремился ознакомить народы Кавказа с европейской музыкой, открыть здесь Русское музыкальное общество³²⁸. В 1868 году Балакирев приехал на Кавказ в третий раз и прожил здесь около 3-х месяцев. В одном из писем Михаил Балакирев замечает: «Мне осталось одно, чем я и пользуюсь, наслаждаться природой и рассматривать девственные породы людей, не тронутых цивилизацией. В красивом и честном лице черкеса я нахожу еще кое-какие соки, меня питающие; с другой стороны Эдъбрус, яркие звезды, утесы, скалы снеговые, грандиозные пропасти Кавказа – вот то, чем я покуда живу...»³²⁹. В 1869 году Балакирев на основе изучения адыгских мелодий написал восточную фантазию «Исламей» – фортепианную пьесу с яркой звуковой картиной. Активным пропагандистом и исполнителем «Исламея» был выдающийся композитор и пианист Ференц Лист³³⁰.

С самого раннего детства увлекался Сережа Рахманинов историей седого Кавказа, где все дышало Лермонтовым, поэзию которого он боготворил. В 1916 году, посетив Кавказ, С. Рахманинов сообщал своему другу – композитору Н.К. Метнеру: «Здесьние места мне очень близки и дороги. Люблю Кавказ...»³³¹. Астафьев в балетной сцене и Кюи в опере возродили образы «Кавказского пленника». Всем известны музыкальные сценические воплощения лермонтовской «Беллы». Кавказские мелодии звучали в опере Рубинштейна «Демон» и в симфонической поэме Римского-Корсакова «Шехерезада»³³².

А.А. Алябьев

«Музыкальным иллюстратором романтического Кавказа» без преувеличения можно назвать Александра Александровича Алябьева (1787-1851). Впервые Алябьев приехал на Кавказ в 1816 г. По ложному обвинению в убийстве в 1828 г. он был сослан в Сибирь, и затем переведен на Кавказ. В период жизни на Кавказе музыкант, пользуясь расположением генерала А.А. Вельяминова, получает все возможности для занятий музыкой и с полной отдачей сил их использует: сочиняет замечательные по музыкальному строению музыкальные циклы, записывает мотивы горского фольклора, сочиняет оперу «Аммалат-бек»³³³. Именно Алябьев стал автором первой в истории музыки кавказской оперы, созданной по известной одноименной повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек». На темах кавказского песенного фольклора композитор построил «французскую кадрили из азиатских песен», где использовал национальные мелодии – черкесскую, кумыкскую, азербайджанскую. В 1833 году Алябьев создает две «Мазурки кавказские». Безусловным успехом автора стал сборник песен и романсов под названием «Кавказский певец» (1834)³³⁴. Алябьевым было написано свыше 150 романсов, среди них «Черкесская песня» на слова М.Ю. Лермонтова и др.

По наблюдениям Д. Семенова, горцы с жадностью слушали и легко принимали мотивы музыки, и русской народной и европейской. «Россини, Моцарт и Беллини, – отмечал краевед, – могут заставить горца простоять на месте неподвижно целый час. Они не турки и не китайцы, которым больше нравится настройка музыкальных инструментов, нежели сама музыка. Поэзия их песен, похоронных, предсмертных, воинственных и страдных, известна нам по некоторым переводам, а увлечение, с которым они предаются всякому чувству, дружбе, любви, мщению, даже чувству к своему коню, показывают вовсе не расчетливую, а исключительно положительную натуру...»³³⁵. По воспоминаниям И. Ограновича, приглашенный к чаберлоевскому наибу Дубе старик – музыкант много играл народных песен, лезгинку. В заключении он сыграл несколько военных сигналов и, наконец, «подъем», пояснив, что все это он заучил, когда ходил с Шамилем в качестве трубадура и поэтому часто слышал, как русские музыканты играли в лагерях³³⁶.

Имам Шамиль интересовался музыкой. После пленения, находясь в Курске, Шамиль сходил в Итальянскую оперу. В тот вечер давали отдельные акты: «Trovatore», «Bardier de Seville», «Columello». Шамиль был

растроган пением и игрой актеров до слез. Бывшие вместе с ним в опере Кази-Магома и мюриды также не сдерживали своих эмоций. В Москве Шамиль был в театре на балете «Наяда». Балет он смотрел вместе с сыном в бинокль и в узкую зрительную трубу, сохранившуюся еще со времен Кавказской войны. В Петербурге Шамиля возили в Итальянскую оперу, на балет «Катарина» и «Пери». В Калуге капитан Руновский купил Шамилю орган, когда узнал, что тот любит музыку³³⁷.

С 40-х годов XIX века в Тифлисе, как и в других городах, процветала итальянская опера, на которую правительство не жалело средств. В Россию приглашались лучшие итальянские певцы, хор и оркестр также выписывались из Италии. Многие итальянцы, женившись на местных уроженках, прочно обосновались в Тифлисе, и таким образом там сложились музыкальные династии – Фиделио, Думы, Туорто, Лонго, Феррари и др. В конце XIX века главным дирижером Тифлисской оперы стал М.М. Ипполитов-Иванов. В 1882 году он выехал из столицы в Тифлис. По пути на новое место работы остановился во Владикавказе, на почтовой станции. Здесь же узнал, что шутники называют Владикавказ «штаб-квартирой дождя, откуда он расходится по всему Кавказу и снова сюда возвращается».

Природа, красота Кавказа покорили сердце Ипполитова-Иванова и, «просто заставили» писать прекрасные музыкальные произведения. В 1894 году М.М. Ипполитовым-Ивановым была закончена сюита «Кавказские эскизы», вскоре занявшая видное место в репертуаре не только русских, но и западноевропейских оркестров. Позже Ипполитов-Иванов написал симфоническую поэму «Мцыри». Основные черты творчества М.М. Ипполитова-Иванова, проходившие через всю жизнь, – это искренность, непосредственность, ясность, простота и спокойствие. «Музыки без сердца я не понимаю» – не раз заявлял композитор.

«Кавказские эскизы», – первая оркестровая сюита, написанная под впечатлением природы и народной музыки Кавказа. Первая серия «Кавказских эскизов», законченная в 1894 году, вскоре стала очень популярным произведением во всем мире; сохранилось много ее записей, в том числе и на американских пластинках. Успеху «Эскизов» содействовала и красочная контрастная инструментовка с использованием малых восточных литавр (доул). Первая часть сюиты, «В ущелье» – суровый горный пейзаж. Слышатся сигналы рожка, записанные композитором от кондуктора почтовой кареты на Военно-Грузинской дороге. Эхо отражает сигналы в горах, в то же время звучит неумолкающий гул горной реки

(фигурации скрипок и альтов). Вторая часть сюиты, «В ауле» – идиллическая картинка вечера в ауле. Девушка, сидя на плоской кровле дома, поет песню, переходящую в танец. Третья часть сюиты, «В мечети», инструментирована для состава духовых и валторн, что придает ей своеобразный приглушенный колорит. «Сюита имела большой успех и увлекла меня в сторону кавказской музыки», – писал М.М. Ипполитов-Иванов в своих воспоминаниях.

П.И. Чайковский

В конце XIX столетия Тифлис становится на Кавказе значительным музыкальным центром; сюда стали приезжать крупные музыканты, артисты. М.М. Ипполитов-Иванов старался разнообразить музыкальную жизнь Тифлиса и наряду с итальянскими произведениями стал включать в репертуар театра русскую музыку. В 1885 году в Тифлис приехал П.И. Чайковский. Тифлисцы, знакомые уже с его произведениями, приняли его необыкновенно горячо³³⁸. В то время в Тифлис переехал на службу брат П.И. Чайковского Анатолий Ильич, который состоял членом дирекции Музыкального общества. Он и уговорил Петра Ильича приехать на Кавказ. П.И. Чайковский очень любил ландыши и в честь его приезда весь театр украсили ландышами, которых выписали из Кутаиса целый вагон. Праздник удался на славу и закончился блестящим банкетом. 25 апреля, в день рождения Петра Ильича, концерт и праздник в Тифлисском театре продолжился к всеобщей радости и одобрению.

Большим событием в музыкальной жизни Тифлиса был второй приезд П.И. Чайковского – уже в качестве дирижера симфонического оркестра. Программу он наметил из своих произведений. 20 октября 1890 года концерт прошел в бесконечных овациях любимому композитору и дирижеру. Петр Ильич провел в Тифлисе больше месяца. Тифлис, по словам Чайковского, напоминал ему его любимую Флоренцию. В Тифлисе у него зародилась «Спящая красавица», «Иоланта» и «Пиковая дама». «Иав нана» – кавказская колыбельная песня, послужившая темой для арабского танца в «Щелкунчике» Чайковского, очень красива и содержательна в музыкальном плане³³⁹.

С отъездом из Тифлиса его брата Анатолия Ильича на службу в Ревель порвалась та притягательная сила, что так крепко связала его с Кавказом. Петр Ильич Чайковский был лично знаком и преклонялся пе-

ред другим знатоком Кавказа, Л.Н. Толстым. Он считал его гениальным писателем, но очень мало ценил его разговоры об искусстве вообще и о музыке в частности, находя его рассуждения любительскими и поверхностными. Мнение Толстого, что Бетховен бездарен, глубоко возмущало Петра Ильича, спорить же с Л.Н. Толстым и доказывать обратное при упрямстве и настойчивости последнего, считал занятием бесполезным, поэтому всячески избегал беседовать с ним на эту тему, причем не раз, при встрече с Толстым на улице, пользовался проходными дворами, как он сам в этом признавался, чтобы избежать встречи и разговоров о музыке.

Тем временем Тифлис оставался притягивающей силой для многих известных людей России. С Саввой Ивановичем Мамонтовым Ипполитов-Иванов познакомился в Тифлисе, куда Мамонтов приезжал по делам. Будучи прирожденным меломаном, он был постоянным посетителем Тифлисской оперы. В Москве Мамонтов основал первую частную оперу. К постановочной части были приглашены лучшие художники – братья Васнецовы, Поленов, Серов и др. Савва Иванович одним из первых почувствовал в Ф.И. Шаляпине исключительное дарование и немедленно пригласил его в свою группу. Театр С.И. Мамонтова в Москве процветал, принося любителям оперы истинное наслаждение³⁴⁰.

Культовая музыка чеченцев

Музыка традиционно играет значительную роль в жизни северокавказских обществ, осуществляя не только эстетические функции, но и магические, лечебные, коммуникативные и многие другие. Она практически не потеряла их и в исламское время. Празднества, в том числе и религиозные, сопровождалась не только обязательными молитвами, но и песнями. Очень важной чертой музыкальной культуры Северного Кавказа может быть назван ее синкретический характер, т.е. неразрывность разных ее компонентов: инструментальной музыки, песни, танца. Якоб Рейнегтс описывал синкретический танец кистов, который, по его наблюдению, не сходен с танцами других народов Кавказа. Во время праздника присутствующие садятся в большой круг, поют и вызывают молодых танцоров звуками гобоев, волынок и флейт, чтобы они показали свою ловкость. В начале танца исполнители совершают различные прыжки, в ходе танца они часто вприпрыжку в круг, разрывают и

замыкают его и завершают танец теми же прыжками, какими начинали его. Взявшись за руки и образуя длинные цепочки, вместе с солистами танцуют и все присутствующие. Жены и дочери вайнахов предпочитали отыскать слепого музыканта и развлекаться под его музыку в удаленном от мужчин месте³⁴¹.

В исламе нет своей культовой музыки, хотя известно, что музыка – источник самого сильного, эмоционального и психического воздействия на человека. В суфизме этот пробел восполнен: музыка введена в арсенал средств, используемых для общения с Богом, она является ритуальной частью зикра. В обрядовый ритуал зикра Вис-Хаджи в дополнении к барабану ввёл музыкальный инструмент, напоминающий скрипку. Висхаджинцы считают, что игра на скрипке во время зикра улаживает их слух, что и ангелы прислушиваются к её мелодии. Поэтому они с умилением слушают музыку, считая это особой благодатью Аллаха, ниспосланной им, чтобы смягчать и очищать чувства и мысли верующих.

Суфии всегда смотрели на музыку, как на самое лучшее средство при постижении гармонии души. Руководитель суфийского братства муалавийя Джалал-ад-дин Руми, известный как Муалана (Наш господин), ввёл музыку в свой орден, как обязательное занятие. Слушая музыку, прославляя блаженную память своих учителей, считал он, ученики испытывают высокое наслаждение. В сурах Корана отсутствовал прямой запрет на музыкальное исполнительство. Факихами были созданы положения, разрешающие музицирование, суть которых сводилась к следующему: «Вполне допустимо слушать музыкальные инструменты, если они не используются для развлечения и если это не ведёт к греховности». Таким образом, музыкальное исполнительство прочно внедрилось в коллективное радение суфиев кадирийя и других братств³⁴².

Философия и эстетика суфизма влияли на музыку. В отличие от ортодоксального ислама суфии уделяли музыке много внимания, но также как ортодоксы подходили к ней дифференцированно. Музыка подразделялась ими на развлекательную, гедонистическую и экстатическую. Первую они упрекали в «возбуждении плотских чувств» и, если не запрещали ее (как это делали представители ортодоксального ислама), то и не уделяли ей значительного внимания. Вторую, к которой относилась вся обрядовая культура, суфии считали способной доставить эстетическое удовольствие, но лишенной божественной

красоты. Поэтому данный тип музыки использовался суфиями ограниченно. И, наконец, экстатическая музыка, входящая в суфийские радения зикр, считалась наиболее соответствующей требованиям красоты и гармонии. Зикр обычно включает в себя речитацию Корана и хадисов, специальные танцевальные и песенные, сольные и ансамблевые инструментальные виды музицирования. Целью зикра всегда является достижение экстатического состояния, в котором человек может воспринимать сверхчувственный мир. Музыкальная часть зикра называется «сама». На Востоке она включает в себя чаще образцы классической музыки; специально сочиняемые музыкально-религиозные поэмы; духовные песни.

Исторически сложилось так, что именно культовые формы музыки лучше всего сохраняются среди памятников музыкальной культуры, зачастую оставаясь для потомков единственными ее представителями. Обладая высоким социальным статусом в обществе, культовая музыка становится своего рода эталоном, образцом для подражания в целом ряде пластов музыкальной культуры, особенно в обрядовой музыке, эпосе, духовных песнях. В различных направлениях и толках ислама, существует определенная разница и в музыкальной их стороне. Наиболее свободно музыкальные традиции используются в суфизме; шиитский ислам интересен своими музыкально-театральными формами; суннитский толк выглядит на его фоне строже, выделяя стержневую исламскую музыку и культуру как главного репрезентанта религиозной культуры.

Музыка является одним из ярких репрезентантов национального характера и темперамента, будучи одним из самых эмоциональных проявлений человеческой психики. Музыкальный ритм, часто являющийся единым с поэтическим, определяет не только своеобразие национальной музыки, но и поэзии, а также рифмованной прозы (садж – в Коране); можно говорить и о музыкальности речи, языка (ритмика обыденной речи тоже имеет музыкальные корни). Вопреки расхожим мнениям об интернациональном языке музыки, она вовсе не является общепонятным явлением, имея свои музыкальные языки и диалекты. Их своеобразие определяется всем контекстом культуры, а также способностями народа. Музыка закрепляет важнейшие для национального самосознания моменты существования народа. Музыкально озвучиваются исторические события (эпос, историческая песня, легенда); религиозные догмы (речитация Корана); важнейшие моменты повседневной жизни народа³⁴³.

Историко-героические, лирические песни, илли, религиозные назмы

Каждый из жанров фольклора выполнял свою функцию и нес определенный объем информации о создателе. Наиболее информативными являются историко-героические песни и сопровождающие их историко-героические сказания, прославляющие знаменитых воинов, сражавшихся за свою землю. Именно в них получили отражение факты политической и социальной истории. Превалирование героической тематики закономерно для общества, в котором главным достоинством мужчины считалась воинская доблесть. Главными функциями историко-героических песен и сказаний являются фиксация, хранение и трансляция информации. При этом надо учитывать, что фиксация событий происходит выборочно, т.е. не каждое событие остается запечатленным в фольклоре. Информация, содержащаяся в песне или сказании, может быть как локального, так и всеобщего характера; произведения фольклора имеют разный жизненный срок: одни закрепляются в памяти народа, другие быстро забываются. Исторической песне в ряду фольклорных жанров больше всего подходит определение «исторической памяти» народа³⁴⁴.

Особого внимания заслуживают героико-эпические илли (песни) чеченцев, сложившиеся как жанр в XVI – XVIII вв. – в период роста и утверждения национального самосознания чеченского народа. Лейтмотив эпоса илли – гимн человеческому разуму, предотвращающему вражду между людьми, приносящему им равноправие и свободу, реализующему стремление чеченского народа жить в мире и дружбе с другими народами. Следует отметить, что сложные по исполнению героико-эпические песни-илли вызвали появление профессиональных «илланчи», живших за счет исполнения песен и передававших тексты от отца к сыну. Их надо отличать от «пондарчи», также профессиональных музыкантов, но исполнявших танцевальные и лирические мелодии, а также шуточные песни³⁴⁵.

Чеченцы, создавая свои героико-эпические песни, незамедлительно откликались на проявление у своих соседей дружеских чувств. В песне и сказании «Ахмат Автуринский» поется о том, как перед смертельным поединком станичный казак предлагает чеченскому юноше свою дружбу. Еще более выразительно воспевается дружба в песнях – сказаниях «Эли, сын Умаров из Акки», «О русском и че-

ченском юношах», где русский молодец отбивает у царских властей горца, помогает своему чеченскому другу в его женитьбе³⁴⁶. Горская поэзия по восточному тонкая, мудрая, философичная как бы сама ложилась на музыку, произвольно «заставляя» создавать лиричные произведения³⁴⁷.

Интерес представляет и песенный жанр, в котором на смену героико-эпическим, историческим песням приходят другие жанры – религиозные назмы, лирические песни, песни тюрем, каторги, ссылки. Если традиционные песни отражали типические явления в образе одного или нескольких персонажей, то песни тюрем, каторги, ссылки чаще всего не воспроизводили непосредственно общественные конфликты, а показывали их отражение в индивидуальной человеческой судьбе. Они строились на сюжетных ситуациях, характерных для жизненного пути лирического героя: ссылка в Сибирь, причины ссылки, отношение ссыльного к Сибири:

*«Не зная вины, я томлюсь
в этой мрачной Сибири
Звонят кандалы на ногах,
Я навеки в безрадостной шири»*³⁴⁸.

Первая публикация чеченской народной песни в нотной записи состоялась в «Азиатском музыкальном журнале», выходившем под редакцией Ивана Добровольского в 1816-1818 годах в Астрахани. В этом издании также были помещены напевы чеченцев, для исполнения на фортепиано в две руки³⁴⁹. На страницах «Азиатского музыкального журнала» было опубликовано более 30 нотных записей кавказских песен и музыкальных мелодий. В 1885 году по дороге в Сванетию С. Танеев останавливался у балкарского просветителя И. Урусбиева, знатока и исполнителя северокавказского музыкального фольклора, с уст которого он записал 20 чеченских, кабардинских, балкарских, осетинских песен и инструментальных наигрышей, и на этой основе опубликовал статью «О музыке горских татар»³⁵⁰.

С появлением фонографа, давшего возможность более точно фиксировать и сохранять музыкальные записи длительное время, начинается новый этап в изучении и документировании музыкального фольклора. Фонографические записи в конце XIX века производились в Хасав-Юрте и Темир-Хан-Шуре кавказоведом А. Диррером.

Эти фонограммы, хранящиеся в архиве Пушкинского дома, до сегодняшнего дня не нотированны. Там же хранятся и другие записи кавказской народной музыки из коллекции Георга Шюнемана: аварские, кумыкские и одна лезгинская песня. Это копии из Берлинского архива фонограмм³⁵¹.

В архиве русского писателя, критика, музыканта и фольклориста Владимира Федоровича Одоевского сохранились нотные записи шести чеченских песен, сделанные И.А. Клингером. Сама рукопись И.А. Клингера была посвящена описанию его пребывания среди чеченцев, в ней было много этнографических материалов и наблюдений талантливого исследователя над жизнью и бытом чеченцев³⁵². Российский боевой офицер капитан И.А. Клингер, проведя в плену два года в чеченском селении Осман-Юрт, выучил чеченский язык, составил нотную запись чеченских песен, а также сделал несколько акварельных зарисовок из жизни чеченцев³⁵³. В XIX веке вышел в свет сборник «Чеченские мелодии», записанный (1847-1850 гг.) штабс-капитаном Клингером³⁵⁴. В 1916 году А. Д. Шерипов подготовил к изданию собранные им чеченские народные песни. Этот горский общественный деятель, краевед родился в 1897 году в чеченском селении Сержень – Юрт в семье офицера русской армии. Учился он в Полтавском кадетском корпусе, из которого в 1915 году перевелся в Грозненское реальное училище³⁵⁵.

В самые тяжелые для себя минуты чеченцы начинали петь, так было и в годы Кавказской войны. В 1831 г., во время восстания, 3 000 чеченцев оборонялись в Герменчуге. Когда артиллеристы обстреляли село гранатами и подожгли его, чеченские мужчины запели предсмертную песнь, сначала громко, а затем все тише и тише, по мере того, как число поющих умирало от огня, выстрелов и дыма³⁵⁶. Европейская публика очень интересовалась всем, что происходит на Кавказе, и очень сочувствовала горцам в ходе Кавказской войны. В Европе узнавали о музыкальных способностях горцев не только из произведений российских композиторов, использовавших фольклорные мотивы, но и из лекций, публичных чтений. 20 января 1904 года В.Д. Корганов на заседании берлинской секции Интернационального музыкального общества прочитал доклад под названием «Музыка на Кавказе». Позже он был опубликован в берлинских и парижских изданиях³⁵⁷.

Роль музыки в различных сферах деятельности чеченского народа

Очень неординарной у чеченцев была музыка народных маршей, исполняемая в темпе кавалерийских маршей. Для инструментальной народной чеченской музыки характерны небольшие перерывы – короткие паузы, поэтому звучание ее отличается от исполнительской манеры других народов. Интересными, оригинальными по своему философскому содержанию и напевности были лирические песни чеченцев. Приведем для примера слова одной старинной чеченской песни, сохранившейся до наших дней:

*«Если бы мир, где живем мы с тобою,
Старою мельницей был водяною,
Если бы он совершал аккуратно
В год по два круга – туда и обратно,
Если б вращеньем огромных камней
Он бы давил вероломных людей,
Если б утративших честь безвозвратно
Жернов давил бы, вращаясь обратно...»³⁵⁸*

Музыка применялась чеченцами и в народной медицине. Резкие боли успокаивали игрой на балалайке специальной музыкой. Мотив этот под названием «Мотив для облегчения нарыва на руке» был записан композитором А. Давиденко и нотная запись его дважды публиковалась (1927 и 1929 гг.)³⁵⁹. Чеченцы много и с удовольствием танцевали. По мнению известного в Ингушетии специалиста национальных боевых искусств М.-Г. Сукиева, танец – трансформация древнейшей системы боевого и физического тренинга воинов, а также комплекса различных приемов и упражнений³⁶⁰.

Традиционные виды спортивных состязаний чеченцев

Чеченцы, как и другие народы, считали здоровье самым большим богатством, истинным счастьем. Одновременно они были глубоко убеждены в том, что здоровье, физическая сила не приносят подлинного счастья, если они не соединены с духовной культурой, высокой нравс-

твенностью. По традиционным представлениям чеченцев сущность человека состоит из трех начал: физического, душевного и умственного. Гармоничной может быть лишь та личность, у которой все три начала занимают соответственно отводимые им по иерархии места, дополняя друг друга³⁶¹.

Северному Кавказу принадлежит важное место среди отдельных историко-этнографических областей Российской Федерации, имеющих богатые традиции в области народного спорта. История и этнология народов Северного Кавказа свидетельствует о большом разнообразии средств физического воспитания, которые, однако, до сих пор еще полностью не выявлены и не изучены³⁶². Чеченцы уже в глубокой древности занимались спортом. Об этом свидетельствует старейший на Кавказе стадион, находящийся на земле общества Пешха (пешхой). Древнейший стадион предназначался для военных и спортивных игр³⁶³.

Особенно популярной у чеченцев была «конная борьба». А.И. Краснов писал: «...в Чечне и Ингушетии широко была распространена борьба на лошадях — так называемый «поединок». Всадники старались стащить друг друга с лошади или же крупом своей лошади свалить с ног другую лошадь. Эта борьба требовала от всадника умения в совершенстве управлять лошадью и самому прекрасно держаться на ней. История возникновения этого «поединка» относится к далёкому прошлому»³⁶⁴. Содержание коня, уход за ним, его внешние признаки описываются очень подробно в вайнахских илли, что свидетельствует о привязанности и любви горцев к коню, о знании ими правил ухода за конем. В большинстве героико-эпических песен высокий, гнедой (или серый), коротковолосый, тонконогий конь обгоняет ветер, топчет копытами врагов, подставляет во время боя свой бок под свинцовый дождь вражеских пуль, защищая тем самым своего хозяина. По мнению Р.С. Липец, конь в эпосе является не только участником походов, помогающим своему хозяину добиться победы. Он еще и «покровитель и руководитель своего хозяина, превосходящий его в даре предвидения, быстроте реакции в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющий себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость»³⁶⁵. Широко известно, что у многих народов мира воспитание будущего наездника начиналось в раннем детстве. Первым и наиболее серьезным испытанием было знакомство с необъезженной лошадью, на которую сажали 7-8 —летнего мальчика. Такой способ воспитания ребенка помогал преодолевать страх,

развивал терпение, сноровку, силу воли и усердие, готовил горца к дальнейшим жизненным испытаниям³⁶⁶.

О распространении лазанья на столб у чеченцев и ингушей А.И. Краснов пишет: «Это состязание проводилось главным образом по национальным праздникам и предназначалось для подростков 13 – 16-летнего возраста. В землю вкапывали толстый столб, гладко обструганный и намазанный сверху салом. На верху столба прикрепляли корзину, наполненную различными предметами. Наиболее догадливые мальчики набирали в карманы, а иногда и за пазуху песок и золу, обтирали ими столб и руки, добирались до корзины и забирали себе ее содержимое. Еще долго после праздника вокруг столба шумели, спорили, толкая друг друга, ребята, оспаривая первенство в лазании по столбу»³⁶⁷.

Особенности физического воспитания мужчин и женщин

В прошлом физическое воспитание женщин и мужчин мало, чем отличалось, так как им наравне с мужьями приходилось скакать на лошади, метко стрелять, охотиться, выполнять тяжёлые работы с поднятием тяжестей. Обри Де-Ля-Мотре, иностранный путешественник, посетивший Кавказ в начале XVIII столетия, писал о том, что горянки «...такие же хорошие всадники, как горцы, настоящие джигиты»; они «...подобно мужчинам ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука.... Это достаточно подтверждает истинную или ложную историю амазонок... Действительно, в дальнейшем я видел множество всадниц с колчанами за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке. Всадницы мчались галопом, сидя верхом, как мужчины». Есть также сведения, что чеченские женщины участвовали в скачках вместе с мужчинами³⁶⁸. Подростков девочек учили верховой езде и умению обращаться с оружием, но во втор. пол. XIX в., после окончания многолетней войны, это уже выходило из обыкновения.³⁶⁹ Издревле вплоть до XIX века ежегодно горянки на один день уходили, оставив семьи и даже неотложные дела, в безлюдную местность. Там, собравшись в круг, избирали самую мудрую, благочестивую и авторитетную своей царицей. Выделяли ей из числа юных, красивых, сильных девушек свиту и охрану. Одетые во все мужское и при полном вооружении предавались далеко не женским делам: пиршествовали, плясали, по-мужски, состязались в стрельбе, джигитовке, проводили скачки и т.д.³⁷⁰.

Чеченские праздники

Все праздники горцев сопровождались играми и спортивными состязаниями. Повсеместно были распространены бег (один из видов – бег в гору), борьба на руках, прыжки (когда прыгали с места, то в полете отталкивались от зажатых в руках булыжников, отбрасывая их назад), прыжки со скал в воду, фехтование, поднятие тяжестей, метание камней, бросание аркана, борьба, акробатика, перетягивание каната над рекой или ямой, хождение по канату, на руках, на лыжах и ходулях, плавание, гребля, альпинизм.

Праздник зимнего солнцестояния относится к числу наиболее забытых. Период солнцестояния отмечался чеченскими общественными жертвоприношениями солнцу, которые предназначались благополучному, счастливому выходу солнца «из дома». Празднование рождения солнца сопровождалось в прошлом у вайнахов интересной обрядовой игрой. Молодые люди, собравшись в определенном месте, шумной ватагой возводили снежную крепость, символизирующую солнечный дом, и заготавливали снежные ядра. В день, когда солнце «достигало своего дома», у этой крепости собирались все сельчане. С веселыми криками, ликованием начинали они разрушать эту крепость – дом, бросая в нее снежные ядра. Разрушая снежную крепость, люди как бы символически разрушали и «дом» солнца, помогая тем самым солнцу благополучно выбраться из своего зимнего «дома», покинуть «тот свет» и вернуться к живым³⁷¹.

Май в мусульманском календаре характеризуется тем, что он являлся месяцем выявления зрелости, мужества и доблести молодых людей, особенно у подростков до 15 лет. В этом месяце ежегодно проводятся разного рода игры, скачки, джигитовка, выявляются знания обычаев и традиций своего народа. К этим своего рода экзаменам юноши готовятся целый год. Выдержавшим этот экзамен присваивается звание джигита. Те, кто не выдержал этот экзамен, готовятся к нему уже к маю следующего года. А тому, кто трижды не преодолел этот экзамен, присваивается звание «ленивца». Он, как правило, не пользуется уважением у односельчан³⁷².

Интересно сообщение Чаха Ахриева о наличии у горцев Чечни и Ингушетии так называемых постельных поминок, на которых широко проводились скачки и стрельбы в цель из лука с призами. Горцы верили, что, пока не будут проведены такие поминки, дух покойного не

покинет погребальную постель. В таком случае можно допустить, что проведение конных скачек являлось средством, помогающим душе покинуть тело покойного. У народов Кавказа существовало поверье, что дух покойного выбирал себе лошадь для езды в «вечном мире» во время посвященных ему похоронных или поминальных скачек. Считалось, что побеждает та лошадь, которую избрал усопший³⁷³.

Чеченское фехтование можно назвать спортом с многовековой историей. Взрослые фехтовали для тренировки. Особенностью чеченского фехтования является то, что удар противника парируется и шашкой и щитом. В истории Чечни известны конные фехтовальные встречи, в которых принимали участие одновременно сотни всадников, представителей разных районов. Такие состязания начинались обычно с поединка двух наиболее опытных всадников и заканчивались массовыми боями между всеми горцами, приехавшими на праздник. Фехтовальные поединки наездников собирали много зрителей. Они проводились следующим образом: на верхушку шлема прикреплялся пучок зелени или верхушка молодого деревца. Цель поединка – срубить зелень со шлема противника. Всадник, у которого была срублена зелень, под смех и крики зрителей слезал с коня и поднимал руки. Так он признавал себя побежденным. Эти соревнования именовались в народе «бои султанчиков»³⁷⁴. Чеченский вид фехтования был разнообразным и имел спортивный характер. Этому виду спорта дети обучались на деревянных саблях изготавливаемых специально для обучения детей, поэтому чеченские дети умели отражать удар противника не только щитом, но и шашкой.

Большой популярностью в Чечне и Дагестане пользовались упражнения на канате; канатоходцы были своеобразными народными акробатами. У чеченцев существовал такой вид занимательного зрелища, как акробатические номера канатоходцев – «пелхью». Их искусство отличалось большим мастерством и смелостью (например, скольжение по канату, стоя обеими ногами в медном тазу)³⁷⁵. Детей начинали учить искусству хождения по канату с самого раннего возраста: в своеобразных народных школах канатоходству обучались и мальчики, и девочки³⁷⁶.

Коллективные игры

Чеченцы очень любили игры, особенно коллективные. Одна из чеченских игр напоминала по содержанию современное регби. Это «сырная игра». Мячом в ней служила головка сыра, завернутая в кожаный

мешок. Играли две команды. У каждой был свой «сырный мешок». По сигналу «судьи» – старейшего жителя аула – одна команда пыталась отнять у другой сыр и принести оба мешка в условленное место. В борьбе за сыр допускались любые приемы. Можно было сбить противника с ног, схватить его за голову, за руки, за ноги. Правилами разрешалось поднимать и нести противника, если он владел мешком с сыром. Игра могла продолжаться несколько часов. Зрители были активными болельщиками и подбадривали свои команды возгласами, скандировали боевые призывы. Эту же игру проводили и верхом на лошадях³⁷⁷.

В особом почете у чеченцев были конно – спортивные игры, скачки³⁷⁸.

А.С. Пушкин в поэме «Тазит» так описывает скачки и игры горцев:

*«Ущелий горных поселенцы
В долине шумной собрались –
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют – и гул лесной
Далече вторит их напевы»³⁷⁹.*

Конно-спортивные состязания

У чеченцев одна из конных игр называлась «марх»: барана спускали в яму и закрывали ее плетнем, по краям которого клали большие камни. Из отверстия в плетне выглядывала голова барана, которого всадник на полном скаку должен был вытащить из ямы. Игра эта требовала большой силы и ловкости. Особым развлечением были пастушьи и собачьи бои, бои баранов и быков, которые устраивались в аулах, между аулами и между обществами³⁸⁰. В Чечне также играли и в «Конное поло». Эта игра особенно популярна была среди пастухов, которые вместо мяча играли войлочной шляпой и шапкой набитой травой, а ракетки заменяли им пастушьи палки из березы. Игроки де-

лили на две команды. Старший забрасывал мяч в степь, и обе партии бросались его искать. Игра в основном происходила в лунные зимние и летние ночи. Выигрывала та команда, которая первая находила мяч. Партия нашедшая мяч, стремилась привести его к центру поля, в чем ей препятствовала другая партия игроков³⁸¹.

Интересными являются соревнования под названием «Скачки до обрыва». Участники соревнований демонстрировали смелость и умение ловко управлять лошадью. Примерно в 15-20 шагах от пропасти намечалась линия, у которой всадник должен был остановить своего скакуна, соревнуясь с соперником. И лишь миновав черту, разогнавшийся всадник мог остановить своего скакуна. Наиболее искусные наездники останавливались даже в шести шагах от пропасти. Добивались они такого результата, тренируя лошадь садиться на задние ноги. Нередко были случаи падения лошади и всадника в пропасть. В скачках до пропасти принимали участие только взрослые и опытные наездники. Молодежь не допускалась к участию в этих соревнованиях³⁸².

Подростки участвовали в менее сложных конноспортивных состязаниях, которые оставались излюбленным праздничным развлечением народа. У некоторых юношей, участвовавших в соревнованиях, уже были собственные кони. Существовал обычай, по которому 15-16 летний чеченец шел с подарками к своему дяде (по материнской линии), и тот одаривал его конем, после чего он считался взрослым³⁸³. Традиционное воспитание всадника является составной частью этнокультурного комплекса всадник-лошадь. Конечной целью в овладении тонкостями верховой езды было полное покорение своей воли лошади и управление всеми ее движениями при минимальном напряжении сил, искусном использовании природных качеств лошади, доведенных традиционными способами дрессировки до совершенства. Седло у горцев было маленькое и узкое, но очень удобное. Оно было сделано так, чтобы никогда не причинять боль лошади, ибо оно не касалось ни ее позвоночника, ни загривка (холки). Шпоры горцы заменяли коротким хлыстом. Подковы для лошадей были очень удобны в горах, ведь гвозди располагались в два ряда, что позволяло лошади держаться, не падая на голых скалах и ледниках высокогорья. Благодаря этим подковам лошадь не могла поранить себя нижнюю часть копыта, которое было закрытым, и, кроме того, у нее не могла оторваться часть подковы с частью копыта³⁸⁴.

В конце XIX века по числу лошадей Россия являлась самой богатой страной в мире. В одной только европейской части насчитывалось

более 21 млн. голов. Кавказские породы значительно отличались по своим качествам от остальных. Вот как современник их описывает: «Горские лошади сильны, резвы, полны огня, смелы, крепки ногами и очень осторожны, так что в состоянии благополучно пробираться по таким горным тропинкам, которые совершенно недоступны для других лошадей; при этом настолько чутки, что в самую темную ночь не сбиваются с дороги, если только седок предоставляет им полную свободу. Выносливы, не менее киргизских, или калмыцких лошадей и, подобно им, способны переносить всякий климат»³⁸⁵. Горцы удивляли своей ловкостью и неутомимостью в верховой езде, искусством накидывать аркан, умением на быстром скаку соскользнуть с лошади, чтобы подобрать с земли кольцо или монету. Во время войны чеченцы поражали русских необычайным мастерством владеть лошадьёю. Им ничего не стоило кинуться на штыки русской пехоты, тотчас на всем скаку повернуть лошадей и «исчезнуть с быстротой молнии»³⁸⁶. После присоединения Северного Кавказа к России скачки на длинные дистанции стали проводиться по европейскому образцу, как было принято в то время называть подобные состязания в официальной литературе. Проведение конских скачек по европейскому образцу имело исключительно большое значение не только для развития конного спорта в более прогрессивном направлении. Это давало возможность сравнить результаты, показываемые лошадьми разных пород в разных местах Северного Кавказа, сделать соответствующий анализ относительно их скорости и выносливости³⁸⁷.

Соревнования по стрельбе в глиняный кувшин пришли из глубокой древности. Этот вид спорта требовал исключительной ловкости наездника и большого искусства в стрельбе из лука, позднее – из огнестрельного оружия. В старину в «стрельбе в кувшин» принимали участие преимущественно молодые люди из знатных семей.

Метание камня на Северном Кавказе было очень популярно. Об этом не раз писали дореволюционные исследователи и путешественники. Метание камней разного веса и формы, которые подбирались с учетом возрастных особенностей, проводились на дальность, в цель, в высоту и на крыши домов. Наиболее популярным было метание с места плоских камней весом от 1-2 до 16 и более килограммов. В ряде мест небольшие плоские камни метали с поворота, как диск. По свидетельству информаторов из Урус-Мартана Шахида Малигова, Вахи Эдильсултанова, Абдулы Муцаева и Нукмана Мунаева, это является влиянием русской

народной физкультурной традиции. Любопытно, что молодежь увлекалась метанием камня с ноги. В горах Северного Кавказа имело место и катание по земле камня, обтесанного в круглый диск. Камень катили как на дальность, так и в цель по склону горы, по небольшим скатам и нередко на ровном месте. Победителем считался тот, кто катил камень дальше всех и попадал им в цель.

Подобная увлеченность молодежи скатыванием камней с гор на дальность и в цель неслучайна – она имела в горах военнопприкладное значение. В этой связи интересно замечание Н.И. Пирогова во время пребывания на Кавказе он писал: «...осажденные бросали при удобных случаях огромные камни с удивительной меткостью. Рассказывают, что они, будучи детьми, приучаются метать и стрелять камнями в птиц». Кроме метания камня, большую популярность как средство физического воспитания среди горцев Северного Кавказа имело и метание других предметов: дубинки, кирки, кувалды, как в длину, так и в цель³⁸⁸.

Развитие спорта в имамате Шамиля

Имам Шамиль большое внимание уделял спорту. Он учредил в имамате соревнования по стрельбе, борьбе, метанию камня, прыжках и других видах состязаний. Главным же зрелищем были скачки, к которым горцы питали врожденную склонность. Призы лучшим джигитам Шамиль установил из собственных средств. Победители получали десять, пять или три рубля серебром, а если победителем становился мюрид – то ему полагался бык³⁸⁹. Правила соревнований довольно часто отличались сложностью и оригинальностью. Например, при скачках со стрельбой, всадники, приблизившись к линии огня, должны были спешиться, заставить лечь коня, спутать ему ноги ремнем и, используя лошадь в качестве упора, вести стрельбу по мишеням. Побеждал тот, кто быстрее всех приходил к финишу, поразив при этом все мишени³⁹⁰. Готовя к соревнованиям, лошадей купали в холодной воде по 3-4 раза в день, и кормили чистым зерном. Некоторые наездники кормили своих лошадей жареной кукурузой и поили чаем. Во время тренировок лошади пробегали по 30-40 км. за один пробег в различных горных условиях. Смелые всадники приучали своих скакунов бросаться стремглав с утесов и крутых берегов в реку, не разбирая высоты и глубины³⁹¹. Перед скачками лошадей тщательно чистили скребницей, щеткой и купали по несколько раз в день.

Обычно при подготовке лошади к состязанию уход за нею поручался мальчикам, которые под наблюдением старших кормили лошадь и тренировали ее³⁹².

Шамиль сам часто в молодости участвовал в спортивных состязаниях, любил гимнастику, занимался фехтованием, летом и зимой, в любую погоду, ходил босиком. Когда кто-то, а не он, получал приз во время стрельбы в цель или на скачках, Шамиль менялся в лице и целыми неделями не показывался на люди, так сильно было задето его самолюбие. Старики рассказывали, что Шамиль в молодости отличался от товарищей «угрюмой» наружностью, непреклонной волей, любознательностью, гордостью и властолюбивым нравом. Но ничто человеческое и ему было не чуждо. Шамиль, например, любил животных. В имамате рядом с Шамилем всегда находилась пестрая кошечка, которую Шамилю принес беглый солдат. Имам так любил эту кошку, что даже не садился за стол, пока она не появлялась рядом. Ела она только куриное мясо, порезанное на мелкие кусочки³⁹³. В двадцать лет Шамиль перепрыгивал через веревку, которую двое горцев, выше него ростом, держали, поднимая руки вверх. Он ловко перепрыгивал через глубокие ямы, шириной в 20 аршин; был необыкновенно силен и отважен. Тело его было гибко, как у акробата. Редко кто мог его догнать на бегу. Шамиль был хорошим борцом и с удовольствием рассказывал, что дрался с самим Ермоловым. Один из соотечественников так описывает Шамиля в молодости: «Шамиль отличается от своих соплеменников, белизною лица, тонкостью кожи, замечательною красотою рук и ног. Речь его поэтична, увлекательна, как грозна и величественна его наружность. Из глаз его брызжет огонь, а из уст сыплются розы». Хорошая физическая подготовка не раз спасала жизнь имаму во время Кавказской войны. Так, при взятии русскими войсками крепости Ахульго, обстреливаемый со всех сторон, Шамиль спустился по веревке к обрыву, к реке Койсу, неся на плечах шестилетнего сына Казии-Магома и, таким образом спасся³⁹⁴.

Спортивные соревнования, проводившиеся в Терской области

В Терской области регулярно проводились официальные спортивные состязания. В основном спортивные скачки проходили на ипподроме в Хасав-Юрте (Хасав-юртовское скаковое общество, ос-

нов. в 1887 г.), во Владикавказе (Владикавказское скаковое общество, основ. в 1889 г.) и Моздоке (Моздокское скаковое общество, основ. в 1891 г.). В то время скаковой и рысистый спорт получил в России необыкновенно широкое развитие. Число спортивных обществ, устраивавших соревнования лошадей и состоящих в ведомстве Главного Управления государственного коннозаводства, увеличиваясь с каждым годом, к 1 января 1896 г. возросло до 73-х. До 1883 г. для улучшения кавказского коневодства существовали Майкопские и Елисаветпольские конские депо. С преобразованием в 1886 г. этих депо в заводские конюшни (Терскую и Тифлисскую) состав лошадей постоянно обновлялся и улучшался. К 1896 году в этих конюшнях содержалось 42 чистокровных жеребца. Ипподромные борцы, приобретая на соревнованиях сноровку, силу и стойкость, по окончании своей призовой карьеры поступали на конезаводы и конюшни, передавая потомству свои лучшие качества. С 1888 г. на Кавказе везде, где существовали испытания на скачках, были открыты выставки годовалых жеребят самых лучших пород³⁹⁵.

Ещё в 1838 году возле крепости Грозной прошли первые крупные соревнования, в которых принимали участие не только офицеры и солдаты гарнизона, но и казаки, и чеченцы из близлежащих селений – всего около 400 человек. В джигитовке лучшими были признаны чеченец А. Битаев и гребенской казак У. Родионов; в стрельбе и рубке лозы победила команда, составленная из офицеров, а в прыжках через поставленную бурку – казак Лисенко. Массовым увлечением грозненцев был альпинизм и футбол. В Грозном было две футбольные команды, в том числе одна команда рабочих – нефтяников. В конце XIX века в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии, Кабарде, Балкарии начинают свою деятельность общество любителей велосипедного спорта, общество пешеходов, охотников, кружки любителей шахматной игры³⁹⁶. В Грозном создается англо-русское Максимовское общество и Крикет-лаунтеннис клуб³⁹⁷. В различных населенных пунктах Кавказа организовывались состязания, спортивные занятия, игры. Олимпийские игры 1912 г. (Стокгольм), в которых впервые приняли участие российские спортсмены, и последовавшие за ними I и II Всероссийские олимпиады (Киев, 1913; Рига, 1914) и I Северо-Кавказская олимпиада оказали определенное влияние на распространение идей физической культуры, олимпийской идеи в России и на Северном Кавказе в частности³⁹⁸.

Спортивное обучение в учебных заведениях Кавказского края

На юге России, в Ставропольской губернии, одними из первых футболистов были учащиеся Ставропольской мужской гимназии (русские, армяне, евреи, черкесы, ингуши, чеченцы, дагестанцы и т.д.). В ее стенах учитель физической культуры Карл Францевич Гавелко создал одну из лучших команд, в течение двух лет подряд занимавшую самые высокие места в городе³⁹⁹. В 1859 году был утвержден Устав горских школ на Северном Кавказе, который предусматривал введение, по возможности, при пансионатах гимнастики. Постепенно в школы Северного Кавказа стали вводить занятия по физической культуре, оснащались специальным оборудованием и инвентарем залы и площадки. 18 июня 1889 г. была введена в процесс обучения военная гимнастика, которая должна была знакомить детей с началами воинской дисциплины, развивать патриотизм, способствовать физическому развитию. Для преподавания военной гимнастики приглашались нижние воинские чины. В программу обучения для начальных училищ входили: 1) строевые упражнения; 2) вольные упражнения; 3) упражнения с подвижными снарядами (с палкой, мячом); 4) упражнения на неподвижных снарядах (прыжки, упражнения на лестницах, лазание на шестах, упражнения на бревне). Программа гимнастики для городских (по Положению 1872 г.) училищ была следующей: 1) Строевые упражнения; 2) Вольные упражнения; 3) Упражнения с палками; 4) Упражнения с гирями, булавами, бокс; 5) Упражнения на снарядах (брусья, перекладина, лестница, лазание на шестах и канатах, упражнения на кольцах и бревне). Разрешалось устраивать игры на свежем воздухе.

С 1909 года Кавказский учебный округ приступил к массовой подготовке руководителей для гимнастических упражнений и детских игр в низших учебных заведениях, а также для младших классов средних учебных заведений. Курсистами стали те преподаватели, которые изъявили желание получить новые знания и умения в области физической культуры и спорта. В 1909 и 1910 годы состоялись краткосрочные курсы гимнастики в 5 пунктах округа: а) в Закавказье – в гг. Кутаиси, Новороссийске и Тифлисе; б) на Северном Кавказе – в гг. Екатеринодаре и Ставрополе. Всего на этих курсах было подготовлено 471 человек: 326 мужчин и 145 женщин. Все обучившиеся на курсах и выдержавшие экзамен лица, получили от руководства Кавказского учебного округа соот-

ветствующие удостоверения⁴⁰⁰. За два года на курсах были подготовлены и выдержали экзамен 6 учителей из Терской области, в том числе С.П. Гусев (помощник классного наставника Владикавказской мужской гимназии), Ф.Г. Кононов (учитель при реальном училище в Нальчике), Н.С. Сыроваткин (учитель подготовительных классов Грозненского реального училища), Г.П. Губанов (учитель Грозненского городского училища), И.А. Датиев (учитель Червленского училища), И.И. Райский (учитель Владикавказского городского училища). На курсах изучалась гимнастика (теоретическая и практическая часть), игры (около 90 наименований). Для более основательного изучения физических упражнений участникам курсов была подарена профильная литература⁴⁰¹.

Гимнастика была обязательным предметом обучения для всех мужских заведений Министерства народного просвещения Российской империи⁴⁰². Преподавалась гимнастика и в мужской классической гимназии г. Владикавказа. Уроки вели отставные офицеры и прапорщики русской армии. Страстным пропагандистом развития физической культуры на Кавказе был Коста Хетагуров, который предлагал основать во Владикавказе гимнастическое общество. Но царские власти не разрешили горцам открыть свое гимнастическое общество⁴⁰³. С 1872 года гимнастика была объявлена во всех реальных училищах России обязательным предметом, а с 1873 года было рекомендовано прохождение гимнастики и в сельских школах⁴⁰⁴.

Охота являлась для горцев формой военно – физического воспитания. Облавная охота проводилась несколько дней. В ней принимало участие большое количество людей. Облавная охота, как правило, проводилась на большой и сильно пересеченной местности с большим количеством собак, орлов и соколов. Каждый из охотников выполнял свои функции: одни из них были загонщиками, другие находились в засаде и являлись непосредственными охотниками-стрелками. Иногда выстрелы и прыжки зверя вызывали горные обвалы, которые нередко увлекали за собой и охотников⁴⁰⁵.

Народная борьба

Характерной особенностью народных видов борьбы на Северном Кавказе является борьба только в стойке. Она проходила у некоторых народов под аккомпанимент национальных музыкальных инструментов,

причем борцы непосредственно перед схваткой исполняли танец. Однако к концу XIX века музыкальная прелюдия перед схваткой стала исчезать. Вполне возможно, что на это повлиял низам Шамиля, по которому имам запретил танцы и музыку. Специальной формы одежды у народных борцов не было. В Ичкерии, например, боролись в вязаных (вязка была плотной) из козьей или овечьей шерсти или конского волоса куртках с длинными рукавами⁴⁰⁶. Широкое распространение борьбы вызывало опасения у руководства. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе в 1893 году направил специальный циркуляр всем губернаторам Кавказского края. В нем указывалось: « Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, принимая во внимание, что устраиваемая в садах и других гульбищных местах борьба в виде публичного зрелища весьма часто сопровождается увечьем борцов и нарушением общественной тишины и порядка со стороны присутствующей публики, признал нужным на будущее время вовсе воспретить таковые публичные зрелища во всех городах края. Об этом имею честь сообщить губернаторам Кавказского края для соответствующих распоряжений»⁴⁰⁷.

В годы Кавказской войны русские солдаты в рукопашном бою часто применяли главное оружие – мощный и быстрый кулачный удар. В своих воспоминаниях М.Я. Ольшевский подчеркивал, сто «приклад и даже кулак повергал чеченца наземь замертво. – О, урус крепкий человек, большой рука у него, – говорили чеченцы, поднимая вверх сжатый кулак». Таким образом, базовую технику русского рукопашного боевого искусства составляли различные виды борьбы. Эти навыки не были потеряны, и после завершения войны. Во время спортивных соревнований бывшие военные, казаки соревновались с чеченцами в борцовых поединках⁴⁰⁸. В то же время, как отмечали современники, «русский солдат был исключительно вынослив, но отличался полным отсутствием представлений о спорте. Силач – подковы гнет – но не может подтянуться на 5-6 ступеней по наклонной лестнице: пот катится градом, ... и опускает беспомощно и виновато грузное тело»⁴⁰⁹. Чеченцы, много и с самого детства, занимавшиеся различными видами спорта, были всесторонне развиты и потому часто побеждали русских в спортивных состязаниях.

Чеченцы прекрасно владели всеми техниками борьбы, т.к. это был самый популярный вид спорта с древнейших времен среди горцев. Традиции боевого искусства передавались из поколения в поколение. Многолетние тяжелые боевые условия оттачивали технику боевых искусств. От качества поединка нередко зависела сама жизнь, поэтому борьба

велась с максимальной силой. Чеченцы физически были прекрасно развиты, что хорошо помогало им в бою. После войны состязания получили новый импульс, поединки уже проходили между прежними противниками, но на другом уровне, по правилам спортивного соревнования. Чеченцы показывали в борьбе прекрасные результаты, часто выигрывая поединки у русских. Это объяснялось, прежде всего, тем, что чеченцы с самого юного возраста начинали вести спортивную подготовку мальчиков, спортивные состязания проводились очень часто, что не практиковалось у русскоязычного населения Терской области. Как и другие народы Кавказа, чеченцы и ингуши имеют свой вид национального спортивного единоборства – «Лотор». Этот вид борьбы пользуется большой популярностью среди населения, особенно в сельской местности⁴¹⁰.

Свое мастерство в различных видах борьбы чеченцы доказали всему миру, неоднократно выигрывая золотые медали на Олимпиадах. Практически за сто лет вольной борьбы Буйвасар Сайтиев стал вторым трехкратным олимпийским чемпионом (первый – Александр Медведь) в соревнованиях борцов вольного стиля в весовой категории до 74 кг.⁴¹¹ Б.Сайтиев – многократный чемпион России по вольной борьбе, шестикратный чемпион Европы (1996-2001, 2006 гг.), шестикратный чемпион мира (1995, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005 гг.), победитель Олимпийских игр в Атланте (1996 г.), Пекине (2008 г.), Афинах (2004 г.). По итогам 1998 г. он вошел в десятку лучших спортсменов России.

33-летний Б. Сайтиев был символом российской борьбы на Олимпиаде в Пекине. После победы он растянул посреди борцовского ковра российский флаг, демонстрируя всему миру величие своей державы. Во время поединка Сайтиев сделал на ковре ровно столько, сколько было необходимо для победы. И ни одним движением больше. Как писали корреспонденты одной из газет: «В этой его расчетливости и сдержанности кроется мудрец. Сайтиев – как художник-минималист, опасющийся лишним движением кисти испортить всю картину, заложить в ней больший смысл, чем это на самом деле необходимо». В Пекине-2008 Б. Сайтиев победил 24-летнего С. Тигиева⁴¹². О себе Сайтиев говорит так: «Я родился в Хасав-Юрте, по национальности чеченец, но живу в Красноярске. Я хорошо знаю Дагестан, обычаи и традиции этого народа. То есть я в какой-то мере и дагестанец, хотя уже 13 лет, как я сибиряк. У меня много друзей во всех городах. И русские, и чеченцы, и дагестанцы считают меня своим. Очень много во мне объединяющего сложилось. Так и запишите: Сайтиев – типичный россиянин. Гражданин России»⁴¹³.

На Пекинской Олимпиаде 2008 года 19-летний И.-Б. Альбиев, представлявший ЦСКА, стал самым молодым борцом-победителем Олимпийских игр. И.-Б. Альбиев принес России на Олимпиаде вторую золотую награду. Юноша из Грозного, всего девять лет занимавшийся борьбой, за один только день одолел серьезных конкурентов из Турции, Кубы, Киргизии и Азербайджана. И как писали газеты: «... легким и маневренным танком, промчавшимся по телам противников, пришел прямо в финал. Он не оставил соперникам ни одного шанса...»⁴¹⁴. Альбиев воспитывался в простой семье. Мама была педагогом, отец работал на мебельной фабрике. Кроме него в семье еще три брата и четыре сестры. Чемпион по греко-римской борьбе и на вручении золотой медали вел себя очень скромно. Как заметил олимпиец в своем интервью: «Я не считаю, что на пьедестале надо прыгать и смеяться...». И пожелал всем здоровья и благополучия⁴¹⁵. Золото Олимпиад завоевывали по различным видам спорта И. Арсамаков, Х. Бисултанов; призерами становились братья Вараевы, И. Самадов. Чемпионами мира, Европы были в разное время Бисултанов, Хасимиков, Орцуев, Себиев, Тарамов и многие другие чеченцы⁴¹⁶.

Традиционные соревнования по бегу

Одними из самых древних и популярных были у горцев соревнования по бегу. Чеченская устная традиция рассказывает о скороходе Ибрагиме, жившем в притеречье в начале XX века. Ибрагим прославился тем, что легко обгонял самую резвую лошадь... На соревнованиях, дождавшись, пока всадники его догонят, он вновь их опережал и был у финиша первым⁴¹⁷. К состязаниям по бегу, которые приурочивались к разного рода празднествам, готовились специально. Нередко тренировались в тяжелых шубах, в массивной обуви или с грузом за спиной. Победа на состязаниях по бегу, равно как и в других видах, считалась у горцев большой честью. Имелся ряд приемов колдовства, с помощью которого, якобы обеспечивали удачу одним и проигрыш другим. В некоторых районах Чечни (Ведено, Старые Атаги, Ачхо-Мартан и др.) было принято держать во рту пулю, чтобы выиграть забег. Интересно, что бегуны в прошлом зачастую не снимали черкеску, бешмет, папаху, кинжал и пистолет, что серьезно увеличивало нагрузку, но добавляло зрелищности и азарта⁴¹⁸.

У северокавказских народов имелось несколько разновидностей бега: на скорость, на выносливость по сильно пересеченной местности, часто на подъем. Был популярен и комический бег, при котором правая нога одного бегуна привязывалась к левой ноге другого. Несколько таких пар участников пускались бежать, и победившая пара щедро награждалась, под одобрительный смех зрителей. За 10-15 минут до старта среди горцев было принято ходить в тяжелых сапогах (иногда даже привязывали камни к голенищам), шубе, а снимали их лишь перед бегом⁴¹⁹. В самобытной системе физического воспитания горцев для развития мышц ног, выносливости, ловкости была распространена форма бега на дистанции от 100 и более метров; бегуна на длинные дистанции сопровождал всадник⁴²⁰.

После прибытия на финиш бегуны обычно не садились (как бы они не уставали) – это считалось неприличным. В некоторых селах Ингушетии (Барсуки, Джейрах и др.), особенно когда бежали дети, применяли устный счет. Один наиболее доверенный человек начинал считать от одного и дальше с момента старта. Так определялся победитель. Однако этот способ определения времени редко практиковался ввиду того, что бегуны бывали недовольны считающим. На этой почве возникали и споры. Старожилы вспоминали, что из-за этого даже иногда убивали тех, кто вел счет. Обучение бегу начинали с раннего (3-5 – летнего) возраста. Среди детей и молодежи горских народов Северного Кавказа издавна пользовались популярностью и состязания в ходьбе. Имела место и ходьба на подъем, спуск, преодоление препятствий: рвов, невысоких заборов и т.д.⁴²¹.

Зимние виды спорта

Известно, что катание на лыжах и коньках были известны человеку с древнейших времен. Наскальные изображения лыжников, обнаруженные в районе Белого моря, относятся к концу III и началу II тыс. до н.э. Самые древние коньки нашли археологи в Казахстане, возле озера Боровое. Ученые полагают, что находке около 3 тысяч лет⁴²². На Северном Кавказе широко практиковалось катание на санках, которые в бытовых целях использовались горцами с древнейших времён. На санях катались и девочки до 9-10 лет. Спуски на санках, как и на горных лыжах и коньках, производились на скорость, на дальность и сложность маршрута.

Встречались спуски сидя (ноги по бокам волочатся, ноги впереди, на корточках, по-турецки), лежа боком, на животе (головой вперед), на спине (головой назад).

Всевозможные скатывания со склонов гор бывали одиночные и групповые, когда несколько человек, взявши друг друга за талию, образовывали цепочку. При этом тех, кто в конце упадёт, наскочит на другого, вовремя не встанет, осуждали; нередко таких даже не пускали кататься цепочкой. Один из катающихся на коротких лыжах становился на старте, остальные, человек 10-15, катающиеся с горки взяв друг друга за бока, садились как бы на корточки, но чаще полу приседая, и с помощью наиболее опытного лыжника, искусно направлявшего их, вместе скатывались вниз. Игра доставляла всем огромное удовольствие, потому что в процессе катания подшучивали друг над другом, стремились к тому, чтобы все вместе упали на бок или кувырнулись⁴²³. Катание на горных лыжах начиналось в 5-6 лет, катание на коньках с 8-9 – летнего возраста. Почти в каждом селении имелось 1 – или 2-3 катка, куда собирались обычно к концу дня дети и катались на коньках. На горных лыжах с более широкими полозьями подростки летом спускались со склонов гор по сухой, выжженной солнцем траве⁴²⁴.

В начале XXI века ученые подсчитали, что отдельные высокогорные участки Чечни пригодны для возведения горнолыжных центров. Так, М.Ч. Залиханов и Н.Н. Подрезов отмечают, что весьма удобное место для строительства горнолыжной трассы (до высоты 3392 м.) и канатной дороги имеется на гребне хребта в бассейне правого притока Шаро-Аргуна. Несравненно большие перспективы имеет альпинизм. Для строительства альпинистских баз подходят многие склоны на высокогорном Боковом хребте Кавказских гор⁴²⁵.

Горская молодежь присутствовала на русских праздниках и принимала активное участие в различных состязаниях и играх русского народа. Горцы охотно воспринимали русские игры, дополняя их своими национальными элементами. Дети горцев учились совместно с русскими и играли с ними в свободное от занятий время в «городки», «лапту», «чехарду», «прятки», «гуси-лебеди», «третий лишний». Русский народ воспринял различные северокавказские игры: в шашки, в «альчики», игры с метанием ножей и кинжалов в цель и на дальность. Некоторые из средств физического воспитания горцев входили в программу подготовки кубанского и терского казачества⁴²⁶.

С ранних лет чеченцы развивали в детях силу, ловкость и умение преодолевать различные препятствия. Детей с ранних лет всячески зака-

ливали. Русский ученый Н.П. Тульчинский отмечал, что «выносливость горцев при всех невзгодах поистине изумительна. К холоду они так привыкают, что ходят босиком и в одних рубашках даже зимой по снегу». Трудные условия горного края приучали детей к безропотному перенесению всяких лишений: голода, опасностей, физических недомоганий с завидным терпением⁴²⁷. Было принято отдавать детей семилетнего возраста на воспитание опытному человеку. В такой спортивной группе обучалось до 14 мальчиков. Помимо уроков верховой езды и владения оружием наставник совершал с воспитанниками многодневные походы в горы. В такие походы продуктов с собой не брали: питание дети должны были добывать в пути. Кроме того, воспитатель нередко проводил в заранее выбранном ущелье тренировки для отработки разнообразных навыков: учащиеся занимались рубкой лозы, стрельбой из лука, борьбой, лазанием по деревьям и скалам, плаванием и переправами с одеждой и оружием через реку, фехтованием, метанием камня, поднятием тяжестей, маскировкой⁴²⁸. Незаменимым физическим упражнением являлось хождение по тонкому бревну, переброшенному через бурную горную реку. После проведения таких усиленных тренировок домой дети возвращались окрепшими и возмужавшими⁴²⁹.

Многовековой опыт северокавказского традиционного физического воспитания подрастающих поколений, являющийся частью духовной культуры горских народов, может быть востребован в практике современного воспитания и образования, если этнокультурное наследие будет рассматриваться и использоваться не только как средство воспитания физически развитой и психически здоровой личности, но и как составляющая специфического механизма детерминации поведения детей в их деятельностной функции⁴³⁰.

Древнейшая история чеченского народа

Любые сообщества интересуются прошлым. Оно всегда рядом, вокруг, оно призрачно, волнующе, таинственно, иногда оно дает уроки настоящему. Прошлое важно потому, что общественная жизнь простирается сквозь время, но она находится в рамках культурных ценностей и ожиданий. Во многих сообществах прошлое является ценным культурным достоянием и к нему относятся принципиально отличным образом, нежели это делают представители других культур. Прошлое

воплощается не только в науке, но и в быту, в общине, в кровных узах и на территориях. Никто не может претендовать на полную объективность описания исторических процессов. Исследователи могут оценивать силу различных интерпретаций, учитывая различные свидетельства, и всю представленную информацию. Для многих народов прошлое очень персонализировано и принадлежит предкам. Нам не следует забывать о том, что существуют альтернативные и часто «охраняемые» от посягательств извне предания о древних временах, которые играют важную роль для сохранения многими народами своего культурного наследия в том виде, как оно существовало до прихода официальной науки⁴³¹.

Первичное заселение человеком тех или иных территорий считается результатом либо миграций, либо автохтонного возникновения и развития. На сегодняшний день остатки наиболее ранних гоминид выявлены в Северо-Восточной Африке; для иных регионов предполагается передвижение древних человеческих групп из мест более раннего обитания. Начальное появление человека на Кавказе и его антропологический тип в настоящее время фиксируется находками в Дманиси (Южная Грузия). Обнаруженные гоминиды отнесены к африканской разновидности ранних архантропов. Каменная индустрия также определена как сходная с олдованской в Африке, отложения датированы 1,7 млн. лет назад. На Северном Кавказе не обнаружены пока антропологические находки домусьерского времени, хотя известен ряд стратифицированных памятников и местонахождений. Первое появление человека на Северном Кавказе фиксируется около 600 000 лет назад, по окончании самого крупного оледенения; связывается с проникновением его из Закавказья со стороны Западной Азии. Севернее, на юге Русской равнины, древнейшие следы обитания человека отмечены не ранее 300-250 тыс. лет назад⁴³².

Как утверждает наука, большая часть народов населяющих в настоящее время Европу, пришла сюда из Азии. Миграция древних популяций шла медленно, сначала по Азии, через северную ее часть. Затем, повторное заселение Западной Европы прошло уже из Передней Азии. Исторически европеоидная и монголоидная расы разделились еще в эпоху Великих переселений. Кластер финно-угров, германцев и северных монголоидов сначала разделился на два субкластера, содержащие: один – предков финнов, эстонцев, чеченцев, венгров, русских, коми, чувашей, удмуртов, испанцев, татар, шведов, немцев, белорусов; а другой – предков монголов, якутов, эвенков. Вычисление генетических расстояний 55 человеческих популяций, принадлежащих к четырем

большим человеческим расам, по локусам белков, ферментов и групп крови и построение по результатам этой матрицы дендрограммы популяций выявило определенное родство славянских, финно-угорских и германских популяций. Так, русские оказались в одном субкластере с поляками, иранцами, коми, чувашами, удмуртами, ненцами, осетинами и азербайджанцами⁴³³.

Новейшие геногеографические исследования человеческих популяций

Одним из самых достоверных и современных методов изучения древней истории народов является метод генетического анализа популяций. С помощью этого метода в настоящее время подтверждено происхождение всех народов из одной или нескольких семей. Генофонд претерпевает непрерывные изменения в процессе генных миграций, связанных с перемещениями значительных масс людей. Вихрем миграций гены из одной части ареала генофонда переносятся в другие, подчас весьма чужеродные, но память ДНК продолжает жить на молекулярном уровне. Воссоздание достоверной историко-этнической и генетической карты Чечни, выявление главных этапов ее формирования представляется важным и нужным с точки зрения правильного осмысления проблем истории чеченского народа.

Благодаря объединенным усилиям генетиков и математиков в настоящее время разработаны принципиально новые методы геногеографии, составлены генетические карты и таблицы. С помощью самых современных исследований удалось выявить по составу генетических локусов ближайшее родство русского и чеченского народов. На второе место по степени родства с чеченцами неожиданно вышли представители финно-угорской группы: эстонцы, удмурты. Но если рассмотреть миграционные течения, то можно увидеть в этом определенную закономерность. В эпоху древних миграций финно-угры и русские входили в одну семью, были близкородственными народами и через Азию мигрировали на Север. Можно предположить, что часть этого пути пролегла через Кавказ, где они надолго задержались и смешались с местным населением, что сейчас и отражается на большой схожести их генотипов с чеченскими. Третью позицию занимают азербайджанцы, татары, казахи. Особенно сильно эта ветвь представлена у равнинных чеченцев.

Соперничает с этой тюркской группой Кавказская языковая семья, где на ведущее место выдвигаются грузины и черкесы.

А есть ли родственники у чеченцев в Западной Европе? Попытаемся ответить на этот вопрос опять с помощью статистико-генетических исследований. По количеству генотипов, схожих с чеченскими, на первое место выходят немцы, второе место делят русские с испанцами. Исследователь Г. Винклер утверждал, что баски жили на Северном Кавказе «... в соседстве с финно-уграми и тюрками». Популяцию басков и ирландцев объединяет кельтский антропологический субстрат, поэтому можно предположить, что кельты тоже когда-то находились на Кавказе и вынесли отсюда свою древнюю, неповторимую культуру. По степени родства с чеченцами на третье место вышли англичане. Более того, во всей Евразии только у чеченцев и англичан генетический показатель нуклеотидной замены (G) не равен нулю: у чеченцев он самый высокий 0.154, а у англичан составляет 0.014, у всех остальных народов он равен 0.0000. Чеченцы уникальный народ в Европе не только по этому показателю. У чеченцев самый высокий генетический код нуклеотидной замены (C) в Евразии, который составляет 0.231, на втором месте – русские, у них он равен 0.120⁴³⁴.

По мнению известного исследователя кавказских языков П.К. Услара «...Всеобщая история обнаруживает, что именно к кавказской расе принадлежат все народы, которые играли первенствующую роль на поприще всемирной истории. Древнейшими пришельцами на Кавказ были, вероятно, доисторические аборигены Европы. В языке нохче (чеченском) присутствует финский элемент»⁴³⁵. Об этом же писал и майор Властов: «Сходство некоторых чеченских слов с латинскими, немецкими и английскими поразительно. Скажу более: я нашел в чеченском языке формы, встречающиеся только в образованнейших языках древнего мира. Я говорю об употреблении дательного с причастием и двух дательных независимых с причастием, которые согласованы с одним из них»⁴³⁶.

Знаменитый географ Риггер, уже в XIX веке полагал, что «...род людской мог расселиться по земному шару только из Кавказа, как центра своего...». Предания о выходе из «страны Азов» сохранилось в древних скандинавских сагах, где часто говорится о стране «Азов» и городе Азов, жители которых перенесли с юга язык, религию, сказания старой Скандинавии⁴³⁷. Из древней истории и мифологии народов известно, что предки германских народов – асы – жили в регионе Средней Азии и на рубеже нашей эры под руководством своего вождя Одина (впоследствии он был обожествлен в эпосе древних германцев), мигрировали

из Средней Азии на север Европы. Возможно, миграция близкородственных скандинавов и германцев проходили по Северному Кавказу, стране «Азов». Археологические раскопки говорят о большом влиянии скифской культуры на аборигенное население Кавказского края. Ряд историков считают, что русские происходят от древнеиранских скифских племен, мигрировавших ранее по Азии и Кавказу. По дороге из Азии в Европу возникало несколько естественных преград – полноводная река Волга, Каспийское и Черное море, для преодоления которых требовались определенные навыки. При отсутствии данных умений и наличии большого количества перемещающегося населения, одним из немногих сухопутных путей становился Кавказ.

Л.П. Загурский, изучая языки, пришел к выводу, что «...На основании имеющихся лингвистических данных, можно безошибочно указать на то, что предки горцев Восточного Кавказа пришли с севера и продвигались на юг...»⁴³⁸. По рассказам чеченских старожиллов далекие предки эгишбатовцев пришли из Шема («Shem»), т.е. чеченцы имеют наследственную связь с франко-готами. При Хлодвиге I, объединившем все племена франков, в том числе и так называемых «рипуарских», т.е. береговых франков, живших по обоим берегам Рейна вплоть до Майна, они порвали связь с Римской империей, захватили почти всю Галлию и образовали самостоятельное Франкское государство (кон. V – сер. IX в.). Есть предположение, что после разгрома Аварской державы франкским императором Карлом Великим в 803 году представители племени хаттов – «франков» основали чеченские села Хаттуни, Гуни, Агишбатой⁴³⁹. В одном из архивных документов говорится: «... Чеченцы отличаются от прочих своих соседей. Братское общество в прежние века претерпело великое гонение в Богемии и Моравии, отчего многие отдалились в восточные пределы и, в частности, на Кавказ». Моравия – историческая область в современной Чехословакии. Она была заселена кельтами, которых в начале новой эры вытеснили германские племена маркоманов и квадов. В середине I тыс. территорию заселили славяне. Богемия – первоначальное название территории, на которой впоследствии образовалась Чехия. Произошло название от имени кельтского племени бойев, населявшего страну в древности. Сейчас уже известно, что обитавшие в I тыс. н.э., уже на территории современной России и Украины племена руссов смешивались с вытесняемыми из Центральной Европы кельтскими и германскими племенами. А еще раньше на Кавказе руссы смешались с кавказскими племенами⁴⁴⁰.

После завершения Кавказской войны по Чечне стали путешествовать многие исследователи, в том числе ученые-антропологи. Так, в 1882 г. по решению Императорского Русского географического общества в Аргунском ущелье побывал ученый Д.Н. Анучкин⁴⁴¹. В 1904 г. К. Харичков в своем исследовании «Кавказская Швейцария. Из путешествия по Чечне и Дагестану» отметил некоторые антропологические особенности чеченцев Шатоевского района: «... При взгляде на здешние лица, безусловно, бросается в глаза весьма совершенный индоевропейский тип. По-видимому, далеко не легкая историческая задача выяснить происхождение и генеалогию этих кавказских племен, представляют ли они осевших в горах и обособившихся древних колонистов, или же зашли сюда во время Великого переселения народов»⁴⁴².

И.И. Пантюхов в своей работе «Расы Кавказа» пришел к выводу, что возможно предки чеченцев, осетин и кабардинцев пришли на Кавказ из Западной и Северной Европы. Предварительно ученый провел в 1880 г. исследование среди чеченцев в возрасте 20-21 года. Этих людей он определил в группу высокого роста (1 671 см.-1 690 см.), наравне по показателям с немцами и русскими. И.И. Пантюхов обследовал 35 чеченцев: у 15 человек был обнаружен карий цвет глаз, у 9 – серо-голубой, у 7 – серый, у 4 – голубой цвет глаз. Этот показатель также приближал чеченцев к европейскому типу, т.к. больше половины составлял светлый цвет глаз. По данным ученого Эркerta «Голубой цвет глаз был обнаружен у 8-10 % чеченцев, серые глаза дали 20 %»⁴⁴³. Таким образом можно сделать вывод, что европейцы были не только выходцами с Кавказа (в период Великого переселения народов), но и возвращались периодически на свою историческую родину в более позднее время в силу сложившихся обстоятельств (с территорий современной Германии, Чехии, России и т.д.).

Первые археологические исследования Кавказа

Археологи также указывают на связь чеченцев с народами Западной Европы. Оригинальные бронзовые манжетовидные браслеты из тонкого гладкого листа, найденные у села Сержень-Юрт (Чеченская Республика) не имеют аналогов ни в ближайшем культурном окружении, ни на Кавказе вообще. Их цилиндрический контур с острыми отогнутыми наружу краями отдаленно напоминает лишь европейские

браслеты из ранних памятников унетического круга. Это самые поздние отзвуки связей Северного Кавказа с культурами средней бронзы Центральной Европы. Перстни с двойными спиралями – одно из проявлений влияния ранней культуры Средиземноморья на Северный Кавказ через Центральную Европу⁴⁴⁴. В конце 60-х годов XIX века на территории Терской области были сделаны важные археологические открытия. Один из исследователей Северного Кавказа, А.П. Ипполитов открыл в 1867 году в отрогах хребта между реками Андийским-Койсу и Шаро-Аргуном замечательный памятник древности. Это были медные литые статуэтки, величиной не больше нескольких дюймов, изображавшие людей совершенно обнажённых, со шлемами на голове и с дротиками в руке. Между тем у горцев Мароевского общества они были известны под именем «христианских богов».

Весной 1869 г. паводок разрушил берег реки у селения Кобан, произошли обвалы, и в образовавшихся обнажениях почвы люди обнаружили торчащие человеческие кости и бронзовые вещи. Влиятельный в этих краях человек, богатый землевладелец Хабош Кануков собрал некоторые предметы и переправил их в Тифлис, в Кавказский музей. В своеобразное раломничество к затерянному среди Кавказских гор аулу стали отправляться как российские, так и иностранные ученые. Многочисленные находки бронзовых вещей послужили толчком к изучению кобанской культуры⁴⁴⁵. В 1880 г. погребальное поле у селения Кобан исследуют француз Эрнест Шантр и немец Рудольф Вирхов, видные ученые, отдавшие много труда изучению далекого прошлого Кавказа. Знаменитый чешский историк Любор Нидерле писал о могильнике у села Кобан: «Давно уже ни один могильник не производил такого волнения в археологическом мире, как этот».

Еще до того, как кобанские материалы вошли в научный оборот, некоторые ученые были убеждены в особо важной роли Кавказа в развитии древнейшей металлургии. Первые раскопки в Кобане почти совпали с выходом в свет в Париже труда французского исследователя Бертрана, в котором провозглашалось решающее значение кавказского края в возникновении культуры бронзы в Европе. Бертран заявил, что центр бронзового века находился «не в Италии, не в Греции, а у подошвы Кавказа, откуда он пустил свои радиусы...». Именно Кавказ рассматривал Бертран в качестве новых влияний, породивших западную бронзовую культуру. Кавказ в древности называли «муравейником народов». Страбон указывал на одном только Западном Кавказе 70 различных народов⁴⁴⁶.

По мнению А.С. Уварова, «культура кавказских племен предшествовала многими веками культуре остальной Европы»⁴⁴⁷. Европейские археологи придавали Кавказу высокое значение. На международном Археологическом съезде в Стокгольме в 1874 г., многие ученые указали на Кавказ, как на место, от изучения которого можно ждать самых интересных находок периода каменного века⁴⁴⁸.

Стихийные археологические раскопки начались с того, что по Чечне пронёсся слух, будто – бы около Алдов кто-то нашёл в кургане необычайной величины алмаз. Эти слухи сами по себе уже взбудоражили чеченцев, а тут ещё кто-то пустил в ход молву, что жители Малой Кабарды давно уже обогащаются за счёт курганных находок. К концу января 1888 года много курганов уже были разрыты⁴⁴⁹. Представители научных обществ, комиссий, работники музеев, краеведы, коллекционеры выкупали у местных жителей уникальные археологические предметы, а порой и целые комплексы вещей. Именно таким путём были приобретены в XIX веке известным австрийским археологом Фр. Ганчаром замечательные археологические коллекции 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. в обществе «Чинахой» в Аргунском ущелье и вывезены в Австрию (сейчас хранятся в Венском музее). К сожалению, подобная скупка древних предметов приезжими людьми способствовала развитию кладоискательства.

Много ценных находок было продано за границу. Музеи Европы дотягивались до Кавказских гор, увеличивая свои фонды скупкой столь привлекавших их внимание кобанской бронзы. Обширнейшим собранием предметов из Кобана стал обладатель Музея национальных древностей Сен-Жермен-ан-Ле в Париже⁴⁵⁰. XIX век, как известно, был отмечен значительным интересом представителей европейской общественности к Кавказу. Данный интерес старались удовлетворить западные ученые, издававшие свои научные труды по древней истории кавказских народов. Среди них заметное место принадлежит английскому археологу, члену-корреспонденту Финно-угорского общества, лорду Джону Эберкромби (1841-1924). В июле-августе 1888 г. он совершил путешествие по Восточному Кавказу, а уже в 1889 г. издал солидную научно-популярную книгу, в которой описал свое турне, привел свои кавказские наблюдения, впечатления от увиденного. Это объемистое сочинение (376 стр.), написанное в стиле путевых заметок, содержит десять глав и включает 3 карты, 6 таблиц, 15 иллюстраций⁴⁵¹.

Стихийные археологические раскопки

В конце XIX века хищническое разрушение памятников старины приняло катастрофические размеры⁴⁵². Практически всё население Сержень – Юрта занялось раскопками курганов. Между Джалкой и Урус – Мартаном было найдено множество бронзовых и серебряных изделий. Все эти предметы перешли в руки ремесленников и были переплавлены в слитки, а бронзовые находки выбросили, т. к. их стоимость была очень низкой. Крест с серебром или платиной был найден в кургане недалеко от аула Чечен. В Аргунском ущелье, в древнем могильнике около села Соной нашли бронзовый полушарик с рельефным изображением женского лица, окружённого зубчатым венчиком. В одной из древних башен Аргунского ущелья был обнаружен крест лепной работы⁴⁵³. За рекой Аргун нашли в кургане золотой пояс с драгоценными камнями, в Грозном он был продан за 200 рублей. В Герменчуке откопали шашку, печать и две медали. Муллы предупреждали население о греховности их действий. Они говорили: «...грешно отрывать кости покойников». Местная администрация также поспешила запретить археологические раскопки «любопытных джигитов»⁴⁵⁴. Общество любителей кавказской археологии приняло на себя как исследование памятников древности и приобретение археологических редкостей, так и охрану от разорения археологических памятников⁴⁵⁵. Многие чеченцы опасались вести раскопки, т.к. существовали предания и легенды, гласившие о том, что «холмы нельзя разрывать». В случае нарушения данного запрета могли обрушиться разные беды и несчастья не только на непосредственного «разрушителя могил», но и на весь его род⁴⁵⁶.

Многие археологические открытия чеченцы делали случайно. Осенью 1911 года житель села Шатой, Махмуд Гаирбеков охотился на зверей в районе 4 участка Грозненского округа, где и обнаружил пещеру, а в ней находились «два металлических предмета старой древности, изображающих истуканов, напоминающих какой-то символ». Первый предмет изображал обнажённого мужчину, сделанного из меди или бронзы и напоминавшего куклу. Руки у этого истукана были отбиты, а соски были как у женщины. Второй был тоже мужчиной, но у него было два лица. Правая рука его была сложена на груди. После того, как находки были сделаны, М. Гаирбеков не стал их продавать, как все остальные, на рынке в Грозном, а написал письмо и отправил посылку с предметами древности в Музей Его Императорского Величества Александра III, в С.-

Петербург. Житель села Шатой просил купить музей высланные предметы и ещё предлагал для продажи старинные, разнообразные монеты. Между М. Гаирбековым и музеем завязалась переписка, о результатах которой нам неизвестно⁴⁵⁷.

Кавказ давно привлекал научный мир своей непознанностью, но исследователям мешали военные действия, проводившиеся там. Как это ни прискорбно, мы можем констатировать, что широкомасштабные грабительские раскопки на Северном Кавказе начались в XIX веке с приходом российских войск. В большинстве случаев изделия из драгоценных металлов продавались ювелирам и переплавлялись, лишь малая толика их попадала в частные коллекции, либо музеи. В тот сложный период музеев на Кавказе почти не было⁴⁵⁸. Так, например Терский областной музей (г. Владикавказ) был основан только в 1897 году⁴⁵⁹. Из полицейских управ и волостных правлений «древние вещи» и клады, поступающие по постоянно подтверждающемуся указу Петра I, при отсутствии местных музеев, переправлялись в губернские статкомитеты. Очень часто полицейские управления занимались разбором дел, связанных с обнаружением археологических предметов, их хранением и отправкой в Археологическую комиссию или Ставропольский губернский статкомитет. Через полицейские управления чаще всего и рассылал свои запросы Ставропольский комитет, выполняя различные поручения Императорской Археологической комиссии, Московского археологического общества и Кавказского общества истории и археологии. Уже на I Археологическом съезде в 1869 году был поставлен вопрос об участии статистических комитетов в сборе сведений о памятниках древности и предложена программа их изучения. В начале XX века Ставропольский статкомитет получал циркуляры МВД, в которых предписывалось присылать все исторические сведения о губернии, а также результаты проводимых членами комитета историко-археологических и этнографических исследований. Так, в 1901 г. вышел циркуляр МВД за номером 10 «О собрании сведений о всех имеющихся в губернии остатках древних замков, крепостей и других зданий древности»⁴⁶⁰. В Ставрополе Кавказском было открыто епархиальное церковно-археологическое общество. Целью Общества было всестороннее изучение церковно-религиозной жизни в пределах епархии «в начале христианской жизни на Кавказе»⁴⁶¹.

На всем протяжении Кавказской войны российские власти старались не трогать «святых мест» – ни «языческие», ни исламских. Отношение к ним было подчеркнуто миролюбивое. Комитет министров в 1833 г.

даже изъял «магометанское» население региона из переписи, указывая, что это «может нарушить водворяемое на Кавказе спокойствие». Командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области в 1831-1837 гг. генерал А.Л. Вельяминов в проекте «Правил для управления покорными горцами северных покатоостей Кавказа» декламировал: «горцам предоставляется совершенная свобода следовать Магометанской или другой какой-либо вере. Никто не должен принуждать их к перемене веры или делать за веру какие-либо притеснения». Никаких ограничений по «святым местам» ислама и паломничеству к ним не установлено и в «Положении об управлении Кавказской Армией» 1858 г., сыгравшем большую роль в «умиротворении горцев»⁴⁶².

Первое упоминание о монетных находках в Центральном и Восточном Предкавказье в годы Кавказской войны известно из рапортов и донесений. Так, в 1832 г. известный востоковед и нумизмат Х.М. Френ описал ряд монет, обнаруженных на правом берегу реки Терек. Кроме монет эпохи Золотой Орды находили также и древние европейские монеты. Первая находка золотых древнегреческих монет в Ставропольской губернии относится к 1836 г. Деятельный коллекционер-любитель полковник Д.В. Вырубов (он был казачьим офицером, в одно время начальником Нальчикского округа) продал в 1897 году Археологической комиссии ряд античных и византийских монет, происходивших из разных пунктов Балкарии. Найденные монеты из исследованных памятников попадали в Кавказский музей в Тифлисе, но были случаи, когда найденные монеты попадали в музеи Европы. Так, П.С. Уварова упоминает о найденной у села Кобан в катакомбе Сасанидской монете VI века, которая была перекуплена представителями Венского музея⁴⁶³.

В 1844 году в горах Чечни военный отряд, строя крепость у Чахкиринского аула нашел большой каменный крест. Он был высечен из глыбы известкового камня и, повидимому, привезен сюда. Во время Чеченской войны, в 2001 году, заместитель начальника Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы РФ генерал-майор В.И. Городинский передал в Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве интересную находку. Доспех, состоящий из сложного боевого оголовья и кольчатого доспеха, был обнаружен в Аргунском ущелье Чеченской Республики, в районе дислокации Итум-Калинского погранотряда. Самое раннее свидетельство бытования такого доспеха на Северном Кавказе мы можем видеть на рисунке Я. Потоцкого конца XVIII в.: знатный чеченский воин

одет в кольчатый доспех, очень схожий по покрою с найденным в земле российскими военными в Итум-Калинском районе. Обнаруженный в 2001 г. итум-калинский панцирь датируется 2-й пол. XVIII – XIX в., а весь комплекс защитного вооружения – началом Кавказской войны, на что указывает религиозный орнамент боевого оголовья⁴⁶⁴.

Первые официальные археологические раскопки на Северном Кавказе и Кавказские археологические съезды

Первые официальные археологические раскопки на Северном Кавказе были проведены в 1849 году А. Фирковичем, представителем Русского археологического общества. В Чечне же, в 1850 году у крепости Воздвиженской на реке Аргун (близ современного села Старые Атаги) во время строительных работ были найдены бронзовые и железные предметы. С этих находок и начинается археологическое изучение Чечни⁴⁶⁵. В 1871 году известный кавказовед А.П. Берже представил II Всероссийскому археологическому съезду записку об археологии Кавказа. В то время это была сенсация. Изучению мусульманских древностей было уделено существенное внимание лишь на IV Казанском съезде в отделении «древности восточные», причем значительную часть вопросов (из разряда «древности мусульманские») составили вопросы истории Волжской Булгарии и этнографии поволжских татар.

В программе Тифлисского съезда был поставлен лишь один вопрос, аккуратно выделенный в отдельный раздел «древности мусульманские» – про особенности погребального обряда мусульманского населения Кавказа⁴⁶⁶. Археологический съезд, состоявшийся в 1881 г. в Тифлисе показал, «как много жатвы для серьезной научной работы на Кавказе и как мало жнецов»⁴⁶⁷. Как справедливо отмечает Е.И. Крупнов, «поворотным моментом в изучении археологии Северного Кавказа явился V Археологический съезд, состоявшийся в 1881 году в Тифлисе. Его влияние на общее развитие историко – археологического и этнографического изучения всего Кавказа в дореволюционный период России было исключительно велико». В частности, начался бурный процесс накопления археологического материала благодаря учёным, работникам музеев, краеведам и коллекционерам – Г.Д. Филимонову,

В.Б. Антоновичу, А.С. и П.С. Уваровым, А.А. Руссову и другим⁴⁶⁸. Наиболее распространенным было восприятие Археологического съезда, основанное на традиции уважения к науке и просвещению, особенно сильной в 1860-70-е гг. Обозреватели с восхищением писали о приехавших ученых, публичных заседаниях, усердно посещавшихся публикой. V Археологический съезд был назван одной из газет «недельным пребыванием университета в Тифлисе». Украшением съездов были выставки. Археологические съезды действительно становились просветительским мероприятием, беспрецедентным для российской провинции⁴⁶⁹.

В 1874 году М. Смирнов выступил на страницах газеты «Кавказ» с предложением Археологическому обществу работать над этнографией Кавказа параллельно с Географическим и при участии Медицинского общества. В своей статье он настаивал на невозможности основывать классификацию происхождения народов по изучению особенностей языка как элемента слишком непостоянного и призывал больше внимания уделять физическим и психологическим чертам кавказских горцев. С возражениями по этому поводу выступил Г. Загурский, который находил «странным, что здешнему Археологическому обществу, находящемуся еще в пеленках, приняться за антропологические исследования». «Да и дело ли археологии братья за исследование анатомио-физиологических признаков живых субъектов» – добавлял он. Его оппонент, М. Смирнов, привел для сравнения положение во Франции, где уже удалось в то время составить карты народонаселения по показателям роста людей. В Европе, как правило, эти исследования проводились во время рекрутских наборов и при приеме больных в лечебные учреждения. На Кавказе он предлагал организовывать научные экспедиции для антропологических исследований населения⁴⁷⁰. Однако предложение М. Смирнова не нашло поддержки у археологов.

Московские археологические съезды, так много сделавшие для науки, были созданы Алексеем Сергеевичем Уваровым. Московское археологическое общество также было создано и функционировало благодаря А.С. Уварову. Уваров иногда слыл за резкого и неуживчивого человека, он не мог ужиться с интригами и казнокрадством. Но, в тоже время он имел много друзей. Немало людей, действительно преданных науке, находили в графе Уварове реальную помощь, видели в нем «каменную стену». Когда А.С. Уваров скончался, то его жена и сподвижница П.С. Уварова продолжила дело мужа⁴⁷¹.

Вклад археолога графини П.С. Уваровой в исследование Кавказа

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840-1924), археолог, председатель Московского Археологического общества, жена и сподвижница А.С. Уварова, основателя Московского Археологического общества и Российского исторического музея, часто посещала Кавказ, как с археологическими экспедициями, так и с семьей. В ее воспоминаниях говорится о том, что она специально предпринимала поездки в те нагорные области, которые пугали исследователей – мужчин своей отдаленностью от больших дорог, а также отсутствием удобных ночлегов и хорошей пищи. Впоследствии Московское археологическое общество издало ряд ее научных работ, посвященных археологии Кавказа⁴⁷². Выпущенный обществом VIII том Археологии Кавказа содержал 134 таблицы фототипий и 316 цинкографий, т.е. более 1500 изображений отдельных предметов кавказской археологии. Текст данной работы принадлежит перу графини Уваровой⁴⁷³. П.С. Уварова написала небольшое предисловие к своей работе «Путевые заметки», которое ее очень ярко характеризует, как чрезвычайно тонкого и скромного человека. «Издаваемые ныне «Путевые заметки о Кавказе, – пишет она, – не назначались к печати. Писались они для собственного удовольствия; велись постепенно; писались в вагоне, дорожной карете, верхом на лошади.... Рассчитываю на снисхождение читателей и льщу себя надеждой, что путевые мои заметки послужат хоть к некоторому ознакомлению с тем дивным и далеким краем, который описываю»⁴⁷⁴.

Прасковья Уварова, получила домашнее образование. Мать П.С. Уваровой до замужества числилась в штате фрейлин императрицы. Прасковья Борисовна была любимицей В.А. Жуковского. Список учителей Паши (П.С. Уваровой) был очень солидным: словесность ей преподавал профессор Ф.И. Буслаев, музыку – Н.Г. Рубинштейн, живопись – А.К. Саврасов. По некоторым сведениям Л.Н. Толстой, вернувшийся с Кавказа и уже создавший свое «Детство» и «Отрочество» и роман «Казачество» сватался к Прасковье, но и в тот раз, и впоследствии ему было отказано. В воспоминаниях самой П.С. Уваровой проскальзывает, что «появился среди наших кавалеров и граф Лев Николаевич Толстой... Он усердно танцевал, знакомился, ухаживал, носился сам с собою и искал везде и во всех, по собственно-

му признанию, героев и героинь для своих будущих произведений; ...осталось при своем мнении, что у него на «чердаке» уже и тогда не все было в порядке». Знаменательно оказалось знакомство Прасковьи Сергеевны со Львом Толстым. Большинство исследователей склонны полагать, что фамилия Щербацких в «Анне Карениной» появляется благодаря тому, что Толстой «списывает» эту семью с семейства милой ему барышни Прасковьи Щербаковой (в замужестве-Уваровой)⁴⁷⁵.

П.С. Уварова, будучи замужем за председателем Московского археологического общества А.С.Уваровым, принимала активное участие в работе общества, являлась почетным членом этого общества (с1885 г.), почетным членом Императорской Академии наук (с1895 г.). В библиотеке П.С. Уваровой в имении Карачарово Муромского уезда Владимирской губернии и московском доме было около 3000 рукописей, литература (около 5000 томов) по археологии, истории русского и зарубежного искусства, истории отечества. После смерти мужа, Прасковья Сергеевна считала своим долгом продолжить начатые ее мужем дела – и в Историческом музее, и в Археологическом обществе, и в деле охраны памятников. И. Е. Забелин записал в своем дневнике: «Графиня выбрана (главой Московского археологического общества). Сказала скромную, умную и прекрасную речь...»⁴⁷⁶. В конце XIX века, когда женщине было сложно даже получить высшее образование, П. Уварова возглавляла научные общества, проводила раскопки в таких сложных регионах, где не решались работать даже мужчины, боролась за охрану исторических памятников. После смерти мужа, П.С. Уварова, благодаря своей неутомимой энергии, существенно расширила деятельность археологического общества, обогатила ценными научными изданиями, собраниями древностей. При ее содействии и участии возникли новые комиссии: Восточной и Славянской археологии и археографии. Она способствовала финансированию систематического изучения Кавказа в археологическом отношении. При ее редактировании вышло 10 томов «Материалов по археологии Кавказа». Уже при большевиках, в возрасте 80 лет Прасковья Сергеевна продолжает заниматься изучением Кавказа, работает в Майкопе и Ессентуках⁴⁷⁷. И все-таки, из-за большевистского диктата, П.С. Уварова вынуждена была эмигрировать в Югославию⁴⁷⁸.

Развитие археологических исследований Чечни во второй половине XIX века

В 1879 году Всеволод Фёдорович Миллер в первый раз посещает Кавказ и обследует предгорья Главного Кавказского хребта. В 80-х годах XIX века он бывал на Кавказе практически ежегодно. Летом (июнь-июль) 1886 года, Императорское Московское археологическое общество командировало В.Ф. Миллера для сбора сведений об остатках древнего христианства на Кавказе и с целью обследования древних памятников и могильников Терской области. На масштабные исследования Кавказа в 1886 году специальную сумму выделил лично император Александр III⁴⁷⁹. Исследование проходило в западной и южной части Чечни – между Сунжей, Аргуном и Тереком: через укрепление Аргунское – в укрепление Шатой, через Нихалой, Барзой, Мазарой – в Хайбах – Галанчодж – Воуги. В селе Хайбах В.Ф. Миллером были сделаны зарисовки плиты с крестом, а также он зарисовал другую плиту с крестами, найденную в башне Хайбаха⁴⁸⁰. Одним из итогов работы экспедиции послужил доклад «О результатах сделанных исследований в Чечне»⁴⁸¹.

В 1888 году В.Ф. Миллер публикует ряд зооморфных находок, собранных им во время археологических разведок в 1886 году по Терской области из Балкарского и Чегемского ущелий, некоторые из них имели скифские черты. Исследователь отмечает своеобразие этих находок, по поводу «лежащего на коленях оленя с головой повернутой назад», он делает заключение, как о мотиве, известном в греческом искусстве. Исследователь находит тождество некоторых зооморфных находок с дигорскими, кумбултскими в Северной Осетии и ичкерийскими в Средней Чечне, считая, что они были изготовлены местными мастерами⁴⁸². При раскопках в курганах в 1888 году, находившихся около города Грозного, был найден «целый дом». Об этой находке было сообщено в Петербург, в связи с чем ожидался приезд археологической комиссии⁴⁸³.

В фундаментальном обзоре археологических исследований на Северном Кавказе (Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960) указывается на заслуги А.А. Бобринского, проводившего раскопки на территории Чечни и Ингушетии. Граф Алексей Александрович Бобринский (1852-1927) принадлежал к одному из самых почетных семей российской аристократии. В числе множества должностей и званий А.А. Бобринского – «сенатор, вице-президент Академии Художеств, член Государственного Совета, член III Государственной думы, министр

земледелия...» – должность председателя Императорской Археологической комиссии, которую он занимал в течение трех десятилетий (с 1886 по 1917 гг.)⁴⁸⁴.

Главное руководство Кавказским краем уделяло большое внимание культуре и древностям региона. Особенно явно это проявилось при управлении краем А.М. Дондуковым-Корсаковым, который сам, в свое время, совершил открытие, над разгадкой которого ученые всего мира бьются до сих пор. В 1874 г. князь А.М. Дондуков-Корсаков обнаружил в деревне Пневище под Смоленском камень, обе стороны которого были покрыты странными надписями. Он скопировал эти надписи. Однако опубликованы они были только в 1916 году. До настоящего времени загадка этих таинственных надписей так и осталась не разгаданной⁴⁸⁵.

В 1888 году археологические исследования в Чечне провёл председатель Археологической экспедиции А.А. Бобринский. Им были обследованы окрестности сёл Алхан – Юрт, Алхан – Кала, Урус – Мартан, Куллары и другие. Раскопки Бобринским могильника кобанской культуры близ с. Урус-Мартан выявили зооморфные находки скифо – савроматского стиля. Эти находки привлекли внимание учителя Владикавказского реального училища В.И. Долбежева, который отметил, что отлитые из бронзы звериные головки и фигуры зверей, домашних животных несут оригинальный фантастический характер.

Во время работ под г. Грозным А.А. Бобринского в 1886-1888 г. вблизи ст. Ермоловской было обнаружено городище, в котором присутствовали слои скифского и сарматского времени. Золотые серьги, украшения в виде барашков, перстни с разными цветными камнями, части конского убора, бляхи со вставленными красными стеклами и аметистами и другие вещи, были найдены при раскопках курганов в Грозненском и Хасав – Юртовском округах Терской области⁴⁸⁶. Особый интерес вызывают исследования А.А. Бобринского, проведенные им в Алхан-Чуртской долине. Здесь, в районе г. Грозного и селений Алхан-Юрт, Алды, и далее на юго-запад до с. Урус-Мартан им было зафиксировано огромное количество курганных насыпей. Значительным итогом этих работ было обнаружение на левом берегу р. Сунжи большого городища недалеко от с. Алхан-Кала, привлечшего внимание исследователей лишь в советское время. Ряд раскопанных курганов содержал интересные комплексы скифской и сарматской культур⁴⁸⁷.

Председатель Императорской Археологической комиссии А.А. Бобринский был весьма удачливым коллекционером, составившим

чрезвычайно обширное археологическое собрание. Входящие в него памятники кобанского круга со временем образовали самую большую коллекцию древнекавказских бронз Эрмитажа. До 1917 года Императорская Археологическая комиссия помещалась в том же здании, что и Императорский Эрмитаж. И комиссия и музей находились в ведении Министерства двора русских царей. Неудивительно, что очень многие археологические находки из разных мест России первое учреждение передавало на хранение второму, а председатель Императорской Археологической комиссии был в курсе всех новейших археологических открытий в стране⁴⁸⁸.

В 1900 году в ходе раскопок Г.А. Вертеповым могильника у с. Урус-Мартан был найден железный нож с зооморфно оформленной бронзовой рукояткой. Эта находка вызвала интерес у А.Спицина, который посвятил ей свою статью, изданную в 1902 году⁴⁸⁹. Краевед Вертепов, в 1900-1901 годах раскопал более двадцати курганов около села Урус-Мартан, а материалы этих раскопок были переданы в Эрмитаж. В 1891 г. в окрестностях села Хатуни была найдена большая бронзовая поясная пряжка, выполненная в зверином стиле (VI – IV вв. до н.э.). Вблизи села Ножай-Юрт в конце XIX в. также была найдена бронзовая поясная пряжка – умбон, относящаяся к VI – IV вв. до н.э. В настоящее время они хранятся в Государственном Эрмитаже⁴⁹⁰. Коллекция К.И. Ольшевского в Эрмитаже содержит 202 предмета. Материалы, когда-то принадлежавшие А.А. Бобринскому, состоят из семи отдельных коллекций. Самая большая из них насчитывает 748 инвентарных номеров. Это бронзовые, керамические и др. предметы, найденные в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и др. В Эрмитаже представлена поясная бляха с изображением двух хищных животных (сер. I тыс. до н.э., Чечено-Ингушетия), браслеты и «накосник» – с. Шали (Чечено-Ингушетия)⁴⁹¹.

В то же время археологические раскопки, коллекционирование древних вещей проводили и представители местной военной администрации, например, помощник начальника Грозненского военного округа Н.С. Семёнов, написавший несколько интересных работ по краеведению⁴⁹². Исследуя археологические памятники Чечни в 1882 году Н.Семенов также обнаруживает зооморфный материал, в частности пряжки «типа Исти-Су». В первые десятилетия XX века у станицы Фельдмаршальской (на левом берегу р. Аргун у ее выхода из гор на равнину) погребения VII – IX вв. были исследованы подъесаулом Ф.С. Панкратовым, который публиковался под псевдонимом Ф.С. Гребенец⁴⁹³.

Всемирную известность памятники майкопской культуры получили уже в конце XIX века после открытия Н.И. Веселовского в Адыгее в 1897 году Большого Майкопского кургана. Следы майкопских захоронений обнаружены у с. Бачи-Юрт на территории Чеченской Республики. Культура майкопских племен была приспособлена к особенностям климата того времени с его малоснежными или бесснежными зимами. Заметные трансформации климата в конце атлантического периода – в начале суббореального периода голоцена по данным Е.А. Спиридоновой принесли в Предкавказье снежные покровы. Изменения были столь резкими, что позволяют ставить вопрос об экологической катастрофе для ранних земледельцев и скотоводов. Например, на Тереке, там, где была степь, начали расти леса с широколиственными и хвойными деревьями. Именно на этом фоне глобальных перепадов климата исчезает майкопская культура⁴⁹⁴.

Археологические источники по майкопско-новосвободненской общности иллюстрируют феноменальную культуру населения Кавказа, сформировавшуюся именно в зоне стыка культурных традиций земледельцев и скотоводов Передней Азии и племен раннего бронзового века юга Восточной Европы. Общество майкопских племен было своего рода культур-трегером на границе степной зоны Восточной Европы, создавшим здесь даже свою зону или провинцию влияния. Интересные коллекции кавказских археологических объектов были экспонированы на антропологической выставке в Москве, в 1878 году. В Политехническом музее. Они привлекли внимание научной общественности своей новизной и оригинальностью и послужили стимулом для активизации археологических исследований Кавказа⁴⁹⁵.

За пределами основного ареала майкопских племен металлическая посуда встречается редко. Способы изготовления майкопской металлической посуды еще во многом не ясны. Поражает высочайшее искусство майкопских медников производить сосуды с толщиной до 1 мм. Независимо от размера. Как правило, майкопская металлическая посуда не имеет швов (Бамутские бронзовые сосуды). Майкопские племена первыми изобрели настоящее металлическое ведро. Для керамики майкопско-новосвободненской общности характерны миски. Вероятно, это связано с широким использованием в быту каш, разных похлебок и другой растительной пищи. Миски знали и кочевники, например, бедуины, но нет данных, чтобы они производили в массовом порядке круговую и лепную керамику внушительных форм, которую трудно транспорти-

ровать. Огромные пифосы, чаны, большие лепные горшки скорее всего свидетельствуют об их производстве в среде оседлого или полuosедлого населения. Самый крупный пифос достигал в высоту 102 см. при диаметре до 100 см. Чаны также могли достигать в диаметре 100 см. при высоте более 50 см. По свойствам бытового назначения майкопская посуда Терского региона уже была подразделена на холодную, круговую, столовую и горячую, лепную, кухонную⁴⁹⁶.

Присутствие антропологических представителей южно-европейской расы в составе майкопско-новосвободненской общности, безусловно. Наличие лексических заимствований из северокавказского в праиндоевропейские и в отдельные индоевропейские группы заставило ученых предполагать, что индоевропейский в Европе «наложился» на северокавказские и близкие им языковые группы. В лексиконе праиндоевропейцев присутствуют довольно высокие горы с большим количеством различных типов скал и острых или больших круглых камней. Иногда эти горы покрыты лесом. Имеются слова, обозначающие узкие проходы, ущелья, пещеры, обрывы и пропасти, речные долины и заливные луга. В связи с этим можно предположить, что прародина европейцев находилась в умеренной зоне горного леса, возможно, это был Кавказ. По мнению археолога А.С. Уварова, «...культура кавказских племен предшествовала многими веками культуре остальной Европы»⁴⁹⁷.

Носители прасеверокавказского языка уже к моменту его распада находились на довольно высоком уровне развития. Лексический анализ позволяет констатировать у них наличие скотоводства (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади), земледелия (с возделыванием проса, ячменя, пшеницы), а также по меньшей мере начальную стадию металлургии. Современные ученые пришли к выводу о вхождении в северокавказскую языковую семью таких языковых групп, как хуррито-урартская, хаттская, баскская и, возможно, тирренская (этрусский с его ретийским диалектом) и бурушаски-вершикская (Памир)⁴⁹⁸. При раскопках Сержень – Юртовского поселения было выявлено поквартальное размещение бытовых комплексов (жилищ, производственных и культовых сооружений), разделенных узкими улицами. Улицы были вымощены булыжником среднего размера. Всего в слое конца XI – VII вв. до н.э. были открыты 4 такие мостовые. Мостовые Сержень – Юртовского поселения пока уникальны в археологии Кавказа даже на современном этапе. Они являются ценным свидетельством бытования элементов сельского благоустройства у населения восточного варианта кобанской

культуры. Мостовые – явление местное, порожденное конкретными условиями быта, но возникшее на Северо – Восточном Кавказе, возможно, еще в конце II тысячелетия до н.э.⁴⁹⁹.

Этнографический отдел Русского музея Александра III был очень заинтересован в пополнении своих коллекций чеченскими экспонатами. В связи с этим, музей командировал в горную Чечню сотрудника геологического кабинета Киевского университета С.А. Гатуева. Командировка оплачивалась в размере 300-х рублей. С.А. Гатуев передал музею собранные им чеченские вещи (с обозначением их названий на чеченском языке). Коллекция музея пополнилась следующими вещами: ботфортами, подхвостником, серьгами, кольцами, ошейником для вола, скрипкой и смычком⁵⁰⁰.

С 1886 года начинается плодотворная деятельность на Северном Кавказе одного из пионеров местного краеведения, преподавателя Владикавказского реального училища В.И. Долбежева. Долбежев много лет самоотверженно трудился над накоплением археологических материалов по истории Кавказа. По поручению археологической комиссии В.И. Долбежев в течение 20 лет (с 1884 по 1904 г.) проводил большие разведочные и стационарные работы по изучению разнообразных памятников материальной культуры Северного Кавказа, начиная с эпохи бронзы и заканчивая средневековым периодом. В 1891 году им были исследованы курганные погребения у села Мескеты. Еще раньше, в 1882 году вместе с Д.Н. Анучкиным он посетил и тщательно исследовал Аргунское ущелье⁵⁰¹. Долбежев исколесил весь край – выискивал и покупал древности у чеченцев, интенсивно проводил раскопки памятников разных эпох. Своими разысканиями он в полной мере отдал должное кавказской бронзе. Отдельные коллекции бронзовых вещей, в большей части добытых им самим в 1886-1893 годах, составили одно из эрмитажных собраний – собрание В.И. Долбежева⁵⁰².

Судя по запискам посещавших Чечню и Ингушетию, башенные произведения вайнахских строителей воспринимались путешественниками, учеными довольно восторженно, но суть увиденного сводилась к самым общим словам (Н.К. Зейдлиц, В.И. Долбежев, Н.А. Буш, А. Россикова и др.). Не избежал подобной лаконичности и известный исследователь Чечни А.П. Берже, хотя благодаря его запискам мы все же знаем те места, где некогда стояли башни. Почти также отнесся к башенным постройкам А.П. Ипполитов, если не считать воспроизведенного им рисунка башен у с. Шатой, сделанного Дюсдердиком⁵⁰³. Древняя

архитектура горной Чечни (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляют собой уникальное явление в мировой культуре. На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом⁵⁰⁴. С приходом капитализма на Кавказ и из старинных башен дельцы пытались извлечь выгоду. В 70-е годы XIX века одним из примечательных мест села Герзель-аул была каменная башня, возвышавшаяся над мостом. Башню продали, но из-за очень прочной кладки стен, ее не смогли разобрать и она получила статус «памятника искусства»⁵⁰⁵.

Власти старались упорядочить археологическое изучение кавказского края. 17 июля 1863 г. был издан Приказ («предписание») наместника на Кавказе Михаила Николаевича за № 4964 (на имя председателя губернского статистического комитета в Тифлисе) «О сборе сведений об археологических памятниках края» – на основании циркуляра Центрального статистического комитета за № 63 от 27 апреля 1863 года. 23 марта 1873 г. вышел Приказ начальника Главного управления наместника Кавказа Николаи «Об утверждении устава Общества любителей кавказской археологии». Цель общества – изучение памятников древности, сбор археологических «редкостей», охрана архитектурных сооружений на Кавказе. Официально общество было открыто 9 декабря 1873 года. 29 апреля 1900 г. вышел Указ Николая II «О назначении пособия (10 000 руб.) Императорскому Археологическому обществу на издание трудов по исследованию археологии Кавказа и восточных губерний». 21 марта 1901 г. вышло постановление учредительного собрания Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества «Об открытии в Тифлисе отделения МАО» для изучения памятников Кавказа⁵⁰⁶.

Не смотря на усилия учёного мира, исследования Кавказа были не столь велики, и одной из причин этого явления, было слабое бюджетное финансирование, в основном всё строилось на энтузиазме отдельных учёных и научных обществ. Вот как эту ситуацию комментировал один из исследователей Кавказа: «Всё, что в этой стране находится под Российским владычеством, открыто для всех учёных исследований но, к сожалению, исследования произведённые здесь, весьма незначительны. Они ещё не имеют никакого соотношения с неизмеримыми материалами»⁵⁰⁷. В 1914

г. все археологические изыскания на Кавказе были прекращены в связи с началом 1-й мировой войны, а потом революции 1917 г. и гражданской войны 1918-1920 гг. После этих событий наступает новый и более яркий и плодотворный период в археологическом изучении горного края⁵⁰⁸.

Только в последнее время ученые начали осознавать социальную значимость археологических исследований. Они пришли к пониманию того, что археологией нельзя заниматься независимо от общества. Декларации об этике профессиональных организаций теперь включают в себя пункт о правах коренного населения и необходимости считаться с их интересами при археологических исследованиях. Закон о религиозной свободе американских индейцев от 1978 г. гарантирует, например, доступ к священным местам, требуя от федеральных агентств отрегулировать свою политику управления таким образом, чтобы обеспечить это право, и признает существование святых мест. Этот Закон, а также Закон о защите и репатриации могил коренных американцев сильно повлияли на археологию в США, т.к. теперь ученым необходимо консультироваться с вождями и религиозными лидерами племен, чтобы можно было «потревожить» памятники, имеющие отношение к вере. Индейцы также резко реагируют на проведение строительных и прочих работ на священных землях, которые находятся в частной собственности. Некоторые коренные американские народы (хопи, зуни), сегодня тесно взаимодействуют с археологами, используя при этом свои собственные археологические группы⁵⁰⁹.

Кавказские музейные коллекции

В XIX веке особенно богатыми чеченскими коллекциями располагал Кавказский музей, находившийся в Тифлисе. Сюда уже в ходе Кавказской войны начинали поступать интересные предметы, случайно найденные в ходе боевых действий. Так, в 1856 году барон Вревский подарил музею несколько интересных древностей, найденных в источниках Валерика. Князь Михаил Николаевич тоже сделал музею подарок – археологические предметы, найденные в Аргунском ущелье: «Бронзовая фигурка стрелка: удлиненный корпус, короткие ноги, острая, резкая физиономия в шлеме; одежда из шкуры, за спиной голова козла; изображение коровы грубой отливки из бронзы, но весьма натуральной по форме и др.»⁵¹⁰.

Коллекции музея были бы ещё полнее и интереснее, если бы он располагал соответствующим статусом и необходимыми, для покупки у населения предметов – средствами. Официально Кавказский музей был открыт только 2 января 1867 года и в тот – же год соответственно получил бюджетное финансирование⁵¹¹. В 1875 году в зале № 1 музея, в котором находились предметы роскоши, экспонировались чеченские серьги, женский пояс и пуговица. На стенах музея висели таблички, извещающие посетителей о том, что костюмы и чучела зверей пропитаны ядом, поэтому до них не рекомендуется дотрагиваться⁵¹². В 1899 году в зале № 1 и № 2, помимо чеченских женских серёжек и пояса появились подвески. Особенно ценными считались музейные коллекции, которые в большинстве своём документированы – к ним приложено краткое описание, они привязаны к определённом месту и историческому периоду. В 1889 году, с целью изучения древностей, на Кавказе побывал слушатель историко-филологического факультета Я.И. Смирнов. В коллекциях Кавказского музея в Тифлисе он отметил две бронзовые звериные (волчьи) головки, найденные около с. Аллерой⁵¹³.

Многие музеи в Российской империи располагали богатыми кавказскими коллекциями, предметами, отображавшими историю этого края. В Государственном Историческом Музее хранится рисунок художника Бегерова, относящийся к концу 80-х годов XIX века, на котором изображён состоятельный чеченец. В основном коллекции этого музея были собраны на Кавказе историко – бытовой экспедицией в 1936-37 годах⁵¹⁴. В родовом имении Барятинских Марьино, была собрана богатая коллекция кавказских редкостей времён Кавказской войны. Домашний музей Барятинских в то время по собранию подобных экспонатов, может быть, уступал только Военно-историческому музею «Храм славы» в Тифлисе. Собирателем кавказской коллекции был князь А.И. Барятинский, бывший главнокомандующий Кавказской армии и наместник Кавказа. Неудивительно, что коллекция «победителя Шамиля» пополнялась такими редкими вещами как личная шашка Шамиля, богатое кавказское оружие, ордена Шамиля, а также картины И. Айвазовского, Т. Горшельта, Н. Сверчкова и др., преподнесённые или выполненные по заказу для князя, на которых был запечатлён Кавказ.

Творческая деятельность представителей русского художественного искусства на Кавказе

В XIX веке на Кавказе побывало около 160 русских и западноевропейских художников. Многие художники, писавшие на тему Кавказа, были здесь по долгу службы, и суровый край свободы вдохновлял их на создание возвышенных живописных произведений. Военные действия, непрерывно сопровождавшие все перемещения русских по районам Кавказа, требовали по обязательным правилам того времени присутствия художников, которые непременно входили в свиты великих князей, отправлявшихся на осмотр завоеванных территорий. Кроме того, художники выезжали на Кавказ в «творческие командировки», иногда даже по воле самого императора или членов его семьи⁵¹⁵. В 1869 году профессор баталической живописи (с 1883 г.) Н.Д. Дмитриев – Оренбургский (1838 г.р.) сопровождал вел. кн. Николая Николаевича в его поездке на Кавказе⁵¹⁶. В результате этой поездки художник составил для князя альбом из 42 карандашных рисунков, относящихся к путешествию⁵¹⁷.

Война – как одна из форм межкультурного взаимодействия, открывала широкий фронт для восприятия инокультурного опыта. Этот канал знакомства «отворялся» государством и стягивал большие массы людей, в том числе и творческую интеллигенцию. Таким образом, война давала невольную возможность наблюдать жизнь и быт за пределами своей исторической родины представителям разных культур. Это стало началом колоссального опыта межкультурной коммуникации и привело к масштабному диффузионному процессу представителей различных цивилизаций⁵¹⁸.

На Северном Кавказе жили и работали русские художники разных уровней подготовки и одаренности. Среди русских офицеров и чиновников, служивших на Кавказе, можно найти несколько десятков представителей дворянской элиты, которые в соответствии с принципами классического образования получили навыки работы карандашом и кистью в полевых условиях. Экзотика и обаяние Кавказа были настолько велики, что даже дилетанты – художники не могли отказаться от того, чтобы в меру своих способностей запечатлевать виды природы, портреты горцев и батальные сцены. Великолепная природа Кавказа стала «декорацией», «сценой» кровопролитных военных действий и человеческих страстей. На лесных полянах солдаты разжигали костры, у подошвы горы

разбивали походный лагерь, а через глубокое ущелье перекидывали висячий мост. Все здесь дышало романтикой и опасностью, окружающая действительность сама заставляла взяться за перо или кисть, чтобы запечатлеть неповторимость момента и передать свои ощущения другим людям. Капитан артиллерии А.Н. Нисченков занимался живописью с 1858 года⁵¹⁹. Александр Никанорович получил от Академии художеств две серебряные медали – малую в 1864 г. и большую в 1867 г. Большую серебряную медаль Нисченков получил за работу «Вид аула Ходжал – Махи в южном Дагестане»⁵²⁰.

Кроме дилетантов на Кавказе работали многие художники-профессионалы, получившие академическую художественную подготовку в России и европейских культурных центрах. Русскими художниками на Кавказе было создано много первоклассных живописных и графических произведений. Одну из важнейших причин плодотворности «кавказского направления» в русском искусстве можно видеть в том, что приезжавшие на Кавказ художники неизменно пользовались поддержкой имперских властей, заинтересованных в прославлении и популяризации военных подвигов Русской армии. Более того, сами эти поездки зачастую предпринимались по рекомендации официальных учреждений и на их средства⁵²¹. В Академии художеств, созданной еще Петром I, самым важным считался исторический жанр. Из него особо выделялась батальная живопись – картины, посвященные значительным событиям, «в коих означает время и которые служат к прославлению военных дел какого-либо великого государя или знаменитого народа, и принадлежат к большой истории...» – писал один из теоретиков русского искусства XVIII в. И. Урванов⁵²².

В.Ф. Тимм

Имя «блестящего рисовальщика» Василия Федоровича (Георга-Вильгельма) Тимма (1820-1895), родившегося в Лифляндии, тесно связано с развитием критического реализма в изобразительном искусстве. С детства, проявляя большую любовь к рисованию, юноша Тимм в четырнадцатилетнем возрасте поступает в Петербургскую Академию художеств вольноприходящим учеником. В 1839 году 19-летним юношей Василий Тимм заканчивает Академию художеств с большой серебряной медалью⁵²³. Тимм обучался в Академии художеств по классу

батальной живописи. В 1848 году В. Тимм подал прошение о командировании его для художественных работ на Кавказ, на театр военных действий. С осени 1848 года Тимм уже находится в отряде, осаждавшем крепость Чох в Дагестане. Тимм принимает участие в военных операциях и наравне со всей солдатской массой переносит трудности военной службы. В ходе боевых столкновений Тиммом были сделаны зарисовки пехотинцев, он правдиво показывает типы русских солдат и горцев. Его внимание привлекают люди мужественные, закаленные в боях, привыкшие к походам и лишениям. Много сделал Тимм и пейзажных набросков на Кавказе⁵²⁴. За свои многочисленные работы Василий Федорович Тимм получил звание профессора Прусской академии художеств⁵²⁵.

П.Н. Грузинский

Академик батальной живописи (с 1872 г.) Петр Николаевич Грузинский (1835-1892) родился в Курске. Он был сыном небогатого помещика Курской губернии. В 1851 г. П. Грузинский поступает в Академию художеств в ученики к Б.П. Виллевальде⁵²⁶. В 1865 г. художник во время путешествия по Кавказу, исполнил этюды к картине «Оставление горцами аулов при приближении русских войск», за которую в 1872 г. получил звание академика⁵²⁷. Позже эту картину приобрел император Александр II. П.Н. Грузинский выполнил также пейзажи: «Вид Кавказа», «Зимний вечер», «Черкесы в горах». Картины П. Грузинского экспонировались на выставках: в 1872 г. в Лондоне – «Взятие Гуниба»; в 1873 г. в Вене – «Бегство горцев из аула при наступлении русских войск»; в 1882 г. в Москве на всероссийской выставке – «Взятие Гуниба» и «Переселение горцев на Кавказе»⁵²⁸. П.Н. Грузинский был довольно успешным художником – баталистом, жанристом, пользовавшимся известностью не только в России, но и за рубежом⁵²⁹.

Князь Г.Г. Гагарин

Замечательного художника князя Г. Гагарина можно назвать первооткрывателем Кавказа в русском искусстве. Григорий Гагарин (род. 29 апреля 1810 г. – умер 18 января 1893 г.) до 13 лет жил с родителями во

Франции и Италии⁵³⁰. После возвращения на родину, в 1841 г. он был причислен к военному ведомству. Г. Г. Гагарин участвовал в Кавказской войне, был награжден многими медалями и произведен в полковники, являлся Тайным советником⁵³¹. Гагарин был далек от традиционного направления официальной батальной живописи. Он достигал непосредственности и правды в передаче событий, да иначе и не могло быть. Зарисовки Гагарина в то время не экспонировались в выставочных залах, их первыми зрителями и ценителями были свидетели событий, изображенных художником⁵³².

После ссылки М. Лермонтова на Кавказ, Г. Гагарин последовал за ним вместе с друзьями поэта. Гагарин высоко ценил Лермонтова как художника, сделал для себя несколько копий с его рисунков. В походе они жили в одной палатке. Г. Гагарин – автор альбома литографий «Костюмы Кавказа» (Париж, 1857), а также множества рисунков и акварелей⁵³³. Именно с кавказским периодом связаны циклы портретных, жанровых и пейзажных зарисовок, составивших лучшую часть графического и живописного наследия художника. Страсть к рисованию у Гагарина доходила до смешного. Достаточно было во время застольного разговора подсунуть князю карандаш, как его рука начинала машинально рисовать, на чем попало, будь то конверт или салфетка. Масса его рисунков разошлась по рукам друзей и знакомых⁵³⁴. В советское время в картинной галерее г. Грозного находилось прекрасное полотно Гагарина с видом на Бештау. О судьбе гагаринской картины теперь остается только гадать⁵³⁵.

Поэзия обыденного родственна той, какую несут в себе произведения Лермонтова, отличает большинство работ Гагарина того периода. К ним относятся также зарисовки солдат, чеченцев, людей, которых художник встречал в поездках по Большой и Малой Чечне, в казачьих станицах и на горных тропах, тех, чьи образы сконцентрировали в себе многих представителей сурового и воинственного народа. На первый взгляд эти изображения, лишённые какой-либо сюжетной канвы, воспринимаются исключительно как типологические. Однако, всматриваясь в сильные и стройные фигуры, красивые, полные достоинства лица, невольно ощущаешь доброжелательность и симпатию, которую испытывал художник по отношению к этим уроженцам станиц и аулов. Одними из самых необычных и колоритных картин Г.Г. Гагарина являются: «Древняя гробница в Чечне» и «Лезгинка».

Однажды, в одном из боев, Гагарин, оставшись один на один с горцами, не растерялся, и продолжил рисовать объект. Когда об этом сообщили Николаю I, он воскликнул: «Стыдно такому молодцу не носить военного мундира!». Г. Гагарину присвоили звание поручика и, одновременно он был награжден орденом «за личную храбрость и хладнокровное мужество». Впоследствии он получил звание полковника и стал флигель-адъютантом⁵³⁶. Даже сделав замечательную военную карьеру, Гагарин не потерял интереса к живописи. В 1847 году в Париже выходит в свет замечательная книга художника «Живописный Кавказ, рисунки с натуры князя Григория Григорьевича Гагарина» на французском языке с цветными и черно-белыми изображениями. Книга пользовалась большим успехом. В 2007 году в Петербурге вышло репринтное издание (тиражом всего 100 экземпляров) данного труда. Один из экземпляров этого прекрасно оформленного широкоформатного фолианта в кожаной обложке хранится в научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки Российской академии наук. Здесь представлены не только многочисленные репродукции работ Гагарина, но и дано авторское подробное описание климата Кавказа, его населения, исторического прошлого горских народов. В конце книги приложена карта Кавказа⁵³⁷.

Григорий Григорьевич Гагарин – личность универсальная. Редко кто из современников сочетал в себе столь разнообразные дарования, воплотившиеся в разных сферах творческой деятельности. Этот талантливый, европейски образованный художник проявил себя в живописи, и в графике, где он иллюстрировал произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Соллогуба, и в архитектуре – в строительстве храмов русско-византийского стиля, которые сам же часто и расписывал. Нее менее важны научные изыскания Гагарина в области археологии, а также его деятельность в роли вице-президента императорской Академии художеств (1859-1872 гг.)⁵³⁸. В 1872 году Гагарин покинул этот пост, считая «бесчестным занимать место, которое лишено всяких занятий и, следовательно, всякой пользы»⁵³⁹. Григорий Григорьевич основал при Академии Древнехристианский музей. Он являлся действительным и почетным членом Русского археологического общества (1862 г.). Богатейшая библиотека Г.Г. Гагарина была унаследована его сыном князем А.Г. Гагариным – директором Политехнического института. После Октябрьской революции часть этой библиотеки была передана в Эрмитаж⁵⁴⁰.

Т. Горшельт

Большой вклад в описание Кавказской войны внёс немецкий художник Теодор Горшельт (16/28 марта 1829 г.-1871 г.). По национальности, месту рождения, воспитанию Горшельт (Хоршельт) – баварский немец. Т. Горшельт учился в Мюнхенской академии художеств. Уже в ранней юности он мечтал о поездке на Кавказ, представляя его себе по романтическим описаниям поэтов. Первыми произведениями Горшельта были рисунки и картины из вымышленных «Кавказских сцен». Наконец, художнику удалось побывать на Кавказе⁵⁴¹. Получив необходимые материальные средства от продажи алжирских картин, он отправился в Россию⁵⁴². В 1858 г. Т. Горшельт выехал на Кавказ по приглашению русского посла в Мюнхене графа фон Северина с рекомендательным письмом к командующему генералу Барятинскому и далее с таким же письмом от выдающегося русского придворного художника Александра фон Котцюба к его зятю, государственному советнику в Тифлисе Крузенштерну. В результате всех этих рекомендаций Т.Горшельт был причислен волонтером к штабу главнокомандующего Кавказской армией князя Барятинского⁵⁴³.

Т. Горшельт принимал непосредственное участие в боевых походах 1858-1859 гг. Пять лет провел Горшельт на Кавказе, разделяя трудную жизнь русских солдат. Он принимал участие в 1858 году в Дагестанской экспедиции с Вревским, а в 1859 году в зимнем походе Евдокимова в Чечню. Недалеко от Ведено Горшельт решил сделать зарисовки пейзажа. «Как только вы возьмете в руки листок бумаги, они тут же начнут стрелять, – сказал ему один из офицеров. – По крайней мере, это было вчера, когда офицер инженерных войск сделал несколько шагов в этом направлении, кажется, они где-то припрятали свой бинокль, т.к. от них невозможно ничего утаить...». Так и случилось, едва Горшельт прислонился к дереву, и взял в руки карандаш, как со стороны редута раздалась залпы. Художник продолжил рисовать, как он позже заметил «...отчасти из честолюбия...». Но в следующее мгновение над его головой пролетела граната и Горшельту пришлось временно оставить свое занятие⁵⁴⁴.

Т. Горшельт – очевидец пленения Шамиля в Гунибе в 1859 году, где сделал с натуры несколько набросков, на основе которых позднее были написаны картины «Пленение Шамиля», а также «Штурм укрепления на горе Гуниб». Образы Шамиля и его окружения поражают силой духа, чувством собственного достоинства, благородством и величием.

Горшельту присуща взыскательность к себе, доходившая до самопожертвования: однажды художник уничтожил половину почти уже оконченной картины, засел на целые недели за этюды и затем написал картину заново. Несмотря на то, что Горшельт учился в Академии (1847-1848 гг.), он все же основные свои знания и умения черпал из богатого фонда врожденного таланта, железного прилежания и рационального жизненного опыта⁵⁴⁵.

Картины его имели большой успех, особенно в Европе⁵⁴⁶. Горшельту на всемирной Парижской выставке 1867 г. была присуждена Большая золотая медаль за картину «Штурм укрепления на горе Гуниб», которую он в этом же году и написал. Картина «Пленение Шамиля» поразила соотечественников Горшельта, немецких художников, своим реализмом. Рисунок Горшельта «Русская артиллерия в Чечне» получил на Мюнхенской выставке 1886 г. почетную золотую медаль. Этот рисунок выполнен особым способом, который выработал сам художник, он выполнялся смесью пера, мела и угля.

Теодор Горшельт в 1860 г. вернулся в Петербург. В том же 1860 году с Высочайшего соизволения он получил от Академии художеств звание академика батальной живописи⁵⁴⁷. Последние годы жизни художник-баталист провел в Германии⁵⁴⁸. В июне 1870 г. Горшельт намеревался отправиться на Кавказ, но болезнь помешала этому. Вернувшись в Мюнхен в 1871 г. художник тяжело заболел и вскоре скончался в возрасте 42 лет. Будучи заядлым и смелым охотником и скалолазом, отличным стрелком и наездником, а также искусным фехтовальщиком, Горшельт прочно закалил свой организм, который был приспособлен к любому климату, к любым физическим нагрузкам, что обещало ему долгие годы жизни. И такая сильная натура не устояла перед заболеванием, которое длилось всего три дня...⁵⁴⁹.

После безвременной кончины художника альбомы с его кавказскими эскизами были приобретены императором Александром II и подарены Академии Художеств. Кроме художественных материалов, после Горшельта остались письма о путешествиях и записки о пребывании на Кавказе, отражающие несомненный литературный талант художника⁵⁵⁰. В течение жизни Горшельт очень сблизился с русским художником-баталистом В.В. Верещагиным. После смерти Горшельта его мастерская перешла к Василию Васильевичу Верещагину.

В 1896 году были опубликованы Кавказские походные рисунки Горшельта. Эти изображения были сделаны чёрным и цветными каран-

дашами – что вполне естественно для условий военных походов. Перед многочисленной публикой впервые представили изображения: чеченского аула, наивов, детей, казаков, сделанные очевидцем в условиях реального времени. Чеченцы переставали быть далёкими и грозными, почти мифическими героями. Т. Горшельт изображал чеченцев в бытовой обстановке, они представляли перед зрителем такими же, как тысячи других россиян⁵⁵¹. В России достоинства рисунков Горшельта были оценены на самом высоком уровне еще при его жизни. Так, император распорядился выдать художнику 500 рублей серебром за рисунок, изображавший Ведено⁵⁵².

П.И. Бабаев

Живописец Полидор Иванович Бабаев (1813-1870) родился в Харьковской губернии, скончался в Тифлисе. Он был вольноприходящим учеником Петербургской Академии художеств, где в 1848 г. получил золотую медаль за картину «Сражение на Кавказе при Михайловском укреплении». П.И. Бабаев был учеником Карла Брюллова. К.П. Брюллов покровительствовал талантливым молодым художникам. Так, например, он считал чеченца Петра Захарова одним из лучших портретистов Российской империи 40-50-х гг. XIX века⁵⁵³. Картина Бабаева «Осада крепости Ахты» (1849) была написана под чутким руководством К. Брюллова, со знанием ратного дела и, по всем правилам академической живописи⁵⁵⁴. Полидор Иванович в чине подпоручика служил в Тифлисе, где писал иконы для церквей⁵⁵⁵.

И.С. Богатырев

Художник Иван Семенович Богатырев (1864-1942) был уроженцем Тверской губернии, получившим художественное образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1894 году. В 1894-1899 годах И. Богатырев учился в Академии художеств, в том числе у великого живописца И.Е. Репина. И.С. Богатыреву в серии портретов соратников Шамиля принадлежат графические произведения: «Хамзат – наиб Чантинский», «Хаджи Мурат – наиб Аварский» и др.⁵⁵⁶ Интерес для историка представляет также работа художника К. Беггрова

«Чеченец», так как она является одним из ранних живописных полотен, изображавших горцев в обыденной жизни (1822 г.)⁵⁵⁷.

Знаменитый художник Илья Ефимович Репин в поисках натуры дважды побывал на Украине, но снова возвращался на Кавказ. В 1888 году Репин совершил круговое путешествие по Кавказу с сыном Юрием. «Здесь я видел так много нового, грандиозного, интересного, что поездку эту считаю одной из самых интересных в моей жизни» – писал Репин Стасову, закончив путешествие по Военно-Грузинской дороге и Черноморскому побережью⁵⁵⁸.

Ф.А. Рубо

Ф. Рубо – автор ряда известных картин о Кавказской войне. Показав в кавказской серии общечеловеческую трагедию⁵⁵⁹, всю нелепость войн и несокрушимость духа людей, отстаивающих свою свободу и родину, Ф. Рубо занял почётное место в мировой батальной живописи⁵⁶⁰. Франц Алексеевич Рубо родился в Одессе в 1856 году. Девяти лет он был определен учиться в городскую рисовальную школу. Отъезд родных заставил двадцатилетнего юношу переехать с ними в Мюнхен, где Рубо продолжает учиться живописи и успешно оканчивает Баварскую Академию художеств по классу И. Брандта. Рубо были выходцами с Корсики. В 1881 году Ф. Рубо совершает поездку во Францию, в Париж, затем на юг Франции, чтобы познакомиться с местами, откуда происходила его семья⁵⁶¹.

Живя и учась за границей, Рубо не прекращает тесной связи с Россией. Ежегодно летом он приезжает на Кавказ, пишет этюды природы, наблюдает жизнь и нравы горцев. Накопленные за лето впечатления служат молодому художнику исходным и направляющим материалом для работы зимой в его мюнхенской мастерской. По поручению Академии художеств Рубо в 1897 и 1901 годах устраивает в Мюнхене русские отделы Международных художественных выставок, отдавая порученному делу не только горячую энергию, но и скромные свои денежные средства. Заслуги Рубо на этом общественном поприще были дважды отмечены русскими орденами⁵⁶².

После окончания Академии художеств Рубо пишет ряд батальных картин на темы Кавказской войны и приступает к работе над огромной картиной панорамы «Штурм аула Ахульго». Впоследствии

панорама выставлялась в Мюнхене и Париже и принесла Ф.А. Рубо широкую известность. За эту работу Баварская Академия художеств избрала Рубо своим профессором⁵⁶³. При создании панорамы Ф. Рубо пользовался советами офицеров русской армии, служивших на Кавказе. К созданию данной панорамы художник приступил в 1889 году и работал без официального заказа. В этом же году он совершает поездку на Кавказ на места исторических событий. В 1890 г. панорама «Штурм аула Ахульго» экспонировалась в Мюнхене. Названная там «Покорение Кавказа», панорама имела необычайный успех. В 1891 г. панорама выставлялась в Париже. После зарубежных выставок в 1896 г. панорама выставлялась на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. На этой выставке к панораме вела широкая лестница. По ней зритель попадал на крышу сторожевой башни, откуда перед ним раскрывалась перспектива величественного кавказского пейзажа. Построенные в натуральную величину сабли, части моста через реку, различные укрепления через реку, различные укрепления были мастерски исполнены, переход от предметного плана к живописному изображению на холсте был почти не заметен и вызывал чувство реальности происходящего. На исполнение панорамы художник истратил 35 тыс. рублей, из которых 15 тыс. рублей занял в Германии, надеясь на то, что во время демонстрации эти деньги будут выручены. Но случилось иначе. Пять лет после создания художник не мог реализовать панораму, и кредиторы преследовали его в течение всего этого срока. Ф. Рубо пришлось обратиться к царю с просьбой приобрести у него панораму «Штурм аула Ахульго» за 15 тыс. рублей. В 1897 г. панорама была приобретена правительством Российской империи и передана Кавказскому военному округу⁵⁶⁴.

В 1908 году Рубо стал академиком, через два года — действительным членом Императорской Академии художеств. Современники знали о Рубо немного. Кто-то называл его загадочным. Кто-то, напротив, говорил о «веселом и остроумном французе». По словам учеников Франца Алексеевича, он был общительным и душевным человеком, очень остроумным и веселым. Его энергия и необычайная работоспособность, сохраняемая, несмотря на болезнь, поражали всех, кто с ним сталкивался. Финансовые условия его жизни были таковы, что в молодости ему приходилось работать воспитателем, счетоводом, дворником⁵⁶⁵. «Я родился и жил более двадцати лет в России, где получил свое образование... я всегда пишу картины из русского быта и русской боевой жизни, по

всем этим признакам меня следует считать русским художником...» – писал известный баталист Франц Алексеевич Рубо, не получивший русского подданства и проживший большую часть жизни за пределами России⁵⁶⁶.

В конце XIX столетия известному художнику-баталисту Ф.А. Рубо для «Храма Славы» в Тифлисе были заказаны 17 полотен, которые должны были изображать с официальной точки зрения важнейшие события на Кавказе: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляровским 31 декабря 1812 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года»; «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года». Таким образом, в глазах командования войсками на Кавказе, определявшего список сюжетов, российское оружие покорило себя славой в этих краях в 1722-1878 гг.⁵⁶⁷. Для каждого своего произведения художник был обязан предварительно изготовить эскиз и представить его на рассмотрение комиссии и на утверждение «главного начальника Кавказского края»

До революционных событий 1917 года вся серия Рубо находилась в Тифлисском музее, картины пользовались огромной популярностью и неоднократно репродуцировались в различных изданиях⁵⁶⁸. В 1944 году картину известного художника «Пленение Шамиля» (1895 г.) привезли на Лубянку, и Лаврентий Берия распорядился повесить ее у себя в кабинете. Но уже в 1959 году отреставрированную картину Рубо перевезли в Грозный⁵⁶⁹.

В Чеченском республиканском музее изобразительных искусств им. П.З. Захарова в Грозном среди полотен второй половины XIX века своей значимостью и масштабом особенно выделялись батальные полотна Ф.А. Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 29 августа 1859 года» и «Смерть генерал-майора Слепцова». В конце XX века, во время Чеченской войны музей очень сильно пострадал. Гигантское

полотно Ф.А. Рубо «Взятие аула Гуниб...» пытались похитить, но компетентным органам это удалось предотвратить⁵⁷⁰. Поврежденное полотно сразу не смогли вывезти в Москву, на реставрацию – по своим размерам оно не поместилось в самолет. Позже его перевезли в Москву вместе с «Портретом И.Ф. Ладыженского», созданным в 1844 году знаменитым художником, чеченцем по национальности, Петром Захаровым, работы которого очень ценятся и находятся в Третьяковской галерее и Русском музее⁵⁷¹.

В течение всего «кавказского периода» (1888-1900-е гг.) Ф. Рубо создал около 200 картин, большое количество этюдов и рисунков. В работах художника отчетливо проявляются черты складывающегося индивидуального стиля: следование подлинной действительности, пластическая цельность, ясность композиции, строгий отбор главного, наиболее существенного, цветовая выразительность и интерес к передаче освещения, особая реалистичность образов. При этом пейзаж у художника начинает играть большую роль в создании не только среды, но и эмоционального строя композиции⁵⁷². Для картин Рубо характерен «простор действия». Мастер батальной композиции, Рубо умел передавать динамику боя и в замкнутом пространстве, не показывая «просторы действия». Однако батальные произведения Рубо, при их несомненном реализме и при высоком профессиональном уровне и композиционном мастерстве их автора, имеют и ряд недостатков. В них нет большой глубины. Их живописный язык виртуозен, бравурен, но порой несколько эскизен. Рубо был противником длительного изучения натуры. «Баталист, – говорил он, – должен развивать в себе способность быстро схватывать общее, характерное, передавать модель в движении, уметь рисовать и писать по впечатлению, по памяти...». В этих словах, при всей их относительной истинности, была опасность скатывания к эскизности, этюдности, незаконченности. Тем не менее, не смотря на все его индивидуальные особенности, а зачастую и благодаря им, Франц Рубо достиг больших вершин в мировой живописи и оставил неизгладимый след в душах людей своим творчеством⁵⁷³. Ф. Рубо стал учителем для многих поколений художников. Так, например, Грекова (Малеева) Антонина Леонидовна (1887-1960) посещала мастерскую Ф.А. Рубо в Академии художеств (1905-1960). Среди ее произведений: «Вечер в горах», «В горах Осетии»⁵⁷⁴.

Н.С. Самокиш

Среди мастеров русской живописной школы не было столь одаренного художника, которому была бы подвластна передача сцены боя так, как Н.С. Самокишу (1860-1944). В его работах – безудержная стихия войны, ошеломляющий вихрь борьбы. Николай Семенович Самокиш, известный художник-баталист, родился 13 сентября 1860 г., в семье почтальона. После окончания двухклассной начальной школы Самокиш поступил в Нежинскую классическую гимназию, где когда-то учился великий русский писатель Н.В. Гоголь. Там хранилась большая коллекция картин, собранная основателем этого учебного заведения. Получив аттестат зрелости, Николай Самокиш сказал родным, что намерен стать живописцем. В Академию художеств Самокиш поступил со второго раза, обучался у Б.П. Виллевальде. Расхождение с Виллевальде во взглядах на идейные задачи, стоявшие перед батальным искусством, вызывало, как следствие, разногласия ученика и учителя по вопросам техники живописи. Однако пойти на полный разрыв с официальной батальной школой Самокиш не решался. В 1887 г. Самокиша «причислили» к войскам для батальных работ. Он побывал в центральной части России, на Волыни и на Кавказе⁵⁷⁵. В 1888 г. Самокиш посетил Кавказ. Самокиш отправляется на Кавказ, сопровождая знатную даму – княгиню Клейнмихель, которая покровительствовала художнику. В 1889 г. кавказский наместник Дондуков-Корсаков предложил Самокишу написать картины для Тифлисского военно-исторического музея «Храм Славы»⁵⁷⁶. В ходе этой работы и была создана знаменитая картина Н.С. Самокиша «Защита Наурской станицы»⁵⁷⁷.

Б.П. Виллевальд

Профессор баталической живописи, Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальд (е), сын немца из Баварии, родился в г. Павловске⁵⁷⁸. Богдан Павлович являлся воспитанником Академии художеств, получил звание профессора в 1848 году. В 1860 г. он был командирован на Кавказ с целью сбора материала для картин, изображающих подвиги русского оружия⁵⁷⁹. В 1870 г. им была написана картина «Охотники Ширванского полка на Гунибе». Несколько ранее, в 1847 году он создал

картины: «На тройке с конвоем по Кавказу» и «Джигитовка»⁵⁸⁰. Главной особенностью батальных произведений заслуженного профессора в том, что на них выдвинута, на первый план человеческая личность⁵⁸¹. Работы художника высоко ценились не только при царском дворе, но и на международном уровне. В 1867 году на Всемирной Парижской выставке экспонировалась картина Виллевальде, принадлежавшая императору, «Сдача Шамиля». Она пользовалась большим интересом у французской публики⁵⁸².

Французы Шарль-Мариус Ребуль и Флориан Жиль

Француз Шарль-Мариус Ребуль (1815-1898) свою молодость провел в России, где обучался живописи, создав небольшую коллекцию эскизов и этюдов, написанных маслом или акварелью. Он был довольно популярным художником во Франции втор. пол. XIX века. В 1853 и в 1894 годах Шарль Ребуль вновь посетил Россию. Причем, целью пристального внимания Ребуля были крепости, стратегически важные пункты России на Северном Кавказе. В 1853 г. он опубликовал во Франции работу, посвященную описанию кавказской крепости «Внезапная». Как видно, интересовали французского путешественника и события Кавказской войны. Вполне возможно, что в рамках этого интереса он зарисовывает и Константиногорскую крепость, находящуюся в окрестностях Пятигорска. Шарль Ребуль является одним из немногих иностранных художников, изобразивших русскую военную крепость на своих рисунках. В настоящее время один из рисунков Шарля Ребуля «Вид окрестностей Пятигорска на Кавказе с Эльбрусом» хранится в Муниципальном музее французского города Драгинян. Рисунок датирован 1894 годом, то есть он был выполнен за 4 года до смерти художника⁵⁸³.

В 1858 году на Кавказ отправляется француз Флориан Жилль. Он был библиотекарем российского императора. Приехав на Кавказ, и будучи очарован красотой этих мест, Ф. Жилль принялся зарисовывать с натуры все понравившиеся ему места. Издание книги Ф. Жилля «Записки о Кавказе и Крыме» иллюстрировано тридцатью гравюрами, выполненными по рисункам автора. Среди них: «Тарантас в степи», «Мост через Подкумок», «Пятигорский Провал», «Христианские статуи», «Хумаринский храм», «Линейный казак»⁵⁸⁴.

Английский художник Джордж -Эдуард Доу

Английский живописец, сын гравера, Джордж – Эдуард Филлипович Доу (1781-1829) учился в Королевской академии искусств, в Лондоне. Вначале занимался гравированием, но в 1802 году обратился к портретной живописи. В 1819 году по приглашению императора Александра I для создания портретной галереи русских военачальников, участвовавших в войне 1812 года. За 7 лет пребывания в Петербурге Доу вместе со своими помощниками А.В. Поляковым и В.И. Голике написал более 300 портретов русских генералов⁵⁸⁵. За первый год пребывания в России Дж. Доу написал около 80 портретов. В мастерской Доу сменяли друг друга именитые заказчики. Изумленные стремительностью кисти, уверенной техникой, незаурядными способностями живописца в два-три сеанса передавать в эффективных портретах разительное сходство с оригиналом, они разносили весть об искусстве художника из Англии. Доу получал баснословные гонорары. Его окружили почетом и уважением. Портреты военачальников создавались в модной тогда романтической манере, чем достигался их «победительный» облик. Всякий раз, приступая к очередному изображению, Доу находил точные художественные детали, придавал каждому лицу особое выражение, избегая неминуемого, казалось бы, при столь обширном числе портретов, утомительного однообразия⁵⁸⁶. Уделил английский художник внимание и кавказским военачальникам, в том числе и знаменитому генералу А.П. Ермолову⁵⁸⁷. На гравюре Дж. Доу Ермолов был изображен с нахмуренными бровями, задрапированным в мохнатую бурку. А.С. Пушкин замечал о генерале: «Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом»⁵⁸⁸.

Венгерский художник Михай Зичи

Венгерский художник Михай Зичи (Михаил Александрович Зичи) более полувека прожил в России. М. Зичи родился в Венгрии в родовитой дворянской семье. В Россию попал в возрасте 20 лет. В апреле 1858 г. российская Академия художеств возвела Зичи в звание академика акварельной живописи, а в следующем году художник был «пожалован в звание живописца Его Императорского Величества»⁵⁸⁹. Зичи служил придворным художником трем русским царям. Работая при императорс-

ком дворе, художник мечтал о путешествии на Кавказ, хотел своими глазами увидеть картины ожесточенной войны с горцами. В разрешении на поездку ему отказали, но художник поступил все же по-своему: изобразил далекий горный край таким, каким видел его в своем воображении. Его «Кавказские сцены» представляют собой серию выразительных, динамичных по композиции работ.

Мечта Зичи сбылась в 1881 году – художник совершил поездку на Кавказ, где провел почти год. Имя Зичи оказалось навсегда связанным с лермонтовским Кавказом. Художник писал: «Путешествуя по Кавказу, с целью изучить природу и типы страны для иллюстраций сочинений М. Лермонтова, я был поражен необыкновенною точностью его описания...». Художественным итогом поездки Зичи на Кавказ стал вышедший в 1891 году в Петербурге альбом под названием «Живописное приложение к роману М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери»». Он содержал 200 иллюстраций, причем автор счел необходимым поместить и краткое предисловие, где поведал читателям о своих впечатлениях и истории создания этих работ⁵⁹⁰.

Предложение об избрании Зичи в почетные члены Академии художеств было внесено профессором В.А. Беклемишевым, М.К. Клодтом и Г.Р. Залеманом. Показательно, что из 4 кандидатур, баллотировавшихся 23 февраля в почетные члены Академии, избран был лишь М. Зичи. Стремясь сохранить свои работы, Зичи добился согласия царя поместить все созданные им за долгие годы придворной службы произведения, законченные и незаконченные, акварели и наброски в специальное помещение Зимнего дворца. Там они могли быть под надежной охраной, а в случае необходимости художник мог получить их обратно. Передавая свои работы, Зичи одновременно систематизировал их. Коллекция работ Зичи, хранящаяся в настоящее время в Эрмитаже, состоит как раз из произведений художника, переданных им в Зимний дворец⁵⁹¹.

К.Н. Филиппов

Художник Константин Николаевич Филиппов (1830-1878) в 1850 году поступил в Академию художеств, в батальный класс. В начале Крымской войны он был послан на фронт в качестве военного корреспондента⁵⁹². Только в 1864 году художник попал на Кавказ, когда основные битвы нелёгкой борьбы за этот край уже остались в прошлом. Фил-

липов поехал на Северный Кавказ для «художественных занятий при наместнике»⁵⁹³. К.Н. Филлипов стал свидетелем трагического исхода части горского и кочевого населения с территории своего традиционного проживания. Позднее его впечатления лягут в основу картин: «Выселение аула на Кавказе», «Караван верблюдов на перевале», «Горцы в ущелье Дагестана», «Всадник-кавказец», «Погоня», «Продавец оружия», «Эпизод русско-чеченской войны 1859 г.», «Северный Кавказ. Арба. Этюд. 1864», «Арба с сеном»⁵⁹⁴. Художник в них осуществил «...первые попытки новой трактовки батальной темы в живописи, а именно: изображение войны преимущественно со стороны тех тягот и бедствий, которые она несёт народу – солдатской массе и мирному населению»⁵⁹⁵. К.Н. Филиппов получил художественное образование в Академии художеств. В 1864 году живописец поехал на Кавказ для работы при кавказском наместнике, вел кн. Михаиле Николаевиче Романове⁵⁹⁶.

Чеченский художник П.З. Захаров

Безусловной гордостью чеченского народа является художник П.З. Захаров (Захаров-Чеченец). Он родился в чеченском селе Дади-Юрт. Во время Кавказской войны, при штурме села были убиты почти все из 500 его жителей⁵⁹⁷. «Искупительной жертвой» был выбран богатый надтеречный аул Дади-Юрт., жители которого, по мнению военных «были поголовно разбойниками, умевшими весьма искусно хоронить концы, а между тем более всех тревожившие казачьи станицы». Начался отчаянный, кровопролитный бой. Некоторые чеченцы, видя, что им не устоять, на глазах солдат резали своих жен и детей; многие из женщин сами бросались на солдат с кинжалами, или, напротив, кидались от них в горевшие дома и живыми гибли в пламени. Потери с обеих сторон были высоки. Русские потеряли более четверти своего отряда. В плен было взято 140 чеченских женщин и детей. Многие женщины и дети были ранены⁵⁹⁸. 15 сентября 1816 г. аул по приказу А.П. Ермолова был сожжен, на краю села, солдаты подобрали у тела погибшей матери израненного трехлетнего мальчика, который был доставлен командующему. А.П. Ермолов передал его казаку Бороздиновской станицы, находившемуся при хозяйстве командующего, З. Недоносову.

Известно, что юный Захаров три года прожил в крепости Грозной. Здесь же вместе со своими сверстниками лезгинами, доставленными

в крепость после сражения в Дагестане, он был крещен полковым священником. При крещении мальчику было дано имя Петр – в честь христианского апостола, а фамилия – в честь того, кто его выводил, заменил отца – то есть солдата Захара Недоносова. Осенью 1822 г. Петра Захарова отвезли в Тифлис к генералу П.Н. Ермолову. Генерал Ермолов принял решение забрать П. Захарова к себе на воспитание, о чем был составлен 25 августа 1823 г. специальный документ – «Свидетельство» за № 3610⁵⁹⁹. Страсть к рисованию проявилась у Захарова еще в раннем детстве. «Странный мальчик Петруша, – делился П.Н. Ермолов наблюдениями с матерью, – он рисует все, что попадает под руку. Видимо, будет художник, и неплохой»⁶⁰⁰. Свыше 6 лет занимался Петр у портретиста Л.А. Волкова. Хотя по Уставу, детей недворянского происхождения не принимали в Петербургскую Академию художеств, через своих друзей и знакомых П.Н. Ермолов добился-таки для своего воспитанника возможности поступления в эту Академию⁶⁰¹. В 1833 г. П.Захаров блестяще сдает экзамены, и его зачисляют «посторонним учеником» в Петербургскую Академию художеств. За значительные успехи в учебе молодой художник был принят на содержание Общества поощрения художников. Но, несмотря на это, денег не хватало. Из-за материальной нужды художник работает не только в учебное время, но и в каникулярное. Так, в период летнего отдыха 1835 г. он написал картину «Гадание в карты», за что получил от Общества поощрения художников 250 рублей. В 1836 г. Петр Захаров успешно заканчивает Академию.

Петр Захарович жил в Тифлисе (до 1828), в Москве (до 1830, и 1842-46) и Петербурге (1830-42). Будучи еще «посторонним» учеником Академии художеств, учился у А.Н. Зауервейца. В последствии он стал учеником живописца К. Брюллова. П.З. Захаров, как воспитанник Общества поощрения художников, получает право на копирование картин мастеров в Эрмитаже. С начала 1830-х гг. по 1836 год Захаров копировал картины и портреты в Эрмитаже («Молодой принц» А. Ван Дейка и др.). Написал картины на библейские и исторические сюжеты («Велизарий с мальчиком, просящий милостыню», «Клеопатра»)⁶⁰². За свои копии и участие в выставках П.З. Захаров неоднократно получает денежные вознаграждения и медали. В 1835 г. он получил «за экспрессию» в картине «Старуха, гадающая в карты» малую серебряную медаль. В 1842 г. удостоен звания «назначенного», 1843 г. за «Портрет генерала А.П. Ермолова» – академика⁶⁰³. Художественный талант чеченского живописца был оценён очень высоко – Петру Захарову присвоили высокое звание

академика в возрасте 27 лет. По мнению некоторых исследователей, «...в лице Петра Захарова русская школа имела большую художественную силу, и можно только удивляться, почему он оказался мало известным большой публике...»⁶⁰⁴. Искусствовед Г.М. Очман, говоря об особенностях живописных полотен П.З. Захарова, пишет, что в этих работах «романтизм сказывается в виртуозности мазка, в легкости кисти, в тонкой лессировочной технике, в красивом подборе тонов»⁶⁰⁵.

Уже в звании академика Петр Захаров создает ряд своих шедевров – портретов, в том числе портрет знаменитой красавицы А.В. Алябьевой, принесший Захарову такую славу, что о нем заговорила вся Москва и весь Петербург. О живописце-чеченце теперь рассуждали не как о самородке-диковинке, а всерьез, как о крупнейшем мастере живописи. Петр Захаров по праву завоевал славу одного из лучших художников России. Изданный в Германии, в Лейпциге «Словарь художников всех времен и народов» отводит достойное место П.З. Захарову как одному из виднейших дореволюционных художников, чьи произведения заслужили всеобщее внимание⁶⁰⁶. П. Захаров был превосходным рисовальщиком. Художник всегда считал рисунок самой сильной стороной живописи. В его графике много теплоты, свежести, изящества. В произведениях Захарова жизненная верность натуре доводится до высшей степени. К.П. Брюллов заслуженно считал П.З. Захарова лучшим после себя портретистом⁶⁰⁷.

Кисти П.З. Захарова принадлежит серия талантливо выполненных портретов: портрет М.Ю. Лермонтова, портрет генерала А.П. Ермолова, портрет поэта Н.А. Некрасова, портрет Н.А. Постниковой, будущей жены П. Захарова (подпись: Захаров-чеченец 1845)⁶⁰⁸, портрет доктора Ф.И. Иноземцева (подпись: Захаров из чеченцев 18 2/10 44), «Портрет неизвестного» (подпись: П. Захаров 18-40), «Портрет рыбака», «Юношеский автопортрет», «Автопортрет Петра Захаровича Захарова», «Портрет детей Ермоловых» (внизу картины процарапана по – сырому подпись: П. Захаров.1839), портрет писателя А.Н. Муравьева, портрет историка М.О. Семенова, портрет выдающегося профессора Московского университета Т.Н. Грановского (подпись: Захаров – чеченец 18-45) и др.⁶⁰⁹.

К серии замечательных полотен периода расцвета творчества художника относится и портрет выдающегося русского ученого и общественного деятеля, профессора всеобщей истории Московского университета Тимофея Николаевича Грановского, написанный в 1845 г. Нелишне отметить, что мысль заказать портрет Т.Н. Грановского возникла у группы молодых людей во главе с А.И. Герценым. После долгих поисков

лучшего портретиста выбор пал на П.З. Захарова, несмотря на то, что в Москве жили и другие видные художники. Портрет Т.Н. Грановского, выполненный П.З. Захаровым демонстрировался на художественной выставке. О Захарове заговорила вся Москва.

Портреты Тимофея Николаевича Грановского, родившегося в Орле в 1813 г., известны нам благодаря картинам двух художников – П. Захарова и К. Горбунова⁶¹⁰. В Третьяковской галерее в начале XX столетия находились три портрета, написанные Захаровым, а также карандашные рисунки, среди которых был и автопортрет Петра Захарова⁶¹¹. В 1957 году автопортрет Петра Захаровича Захарова был приобретен для Тамбовского краеведческого музея у А.Н. Смирнова, где он затем и экспонировался⁶¹². В 1838 г. П. Захаров пишет портрет историка А.Н. Муравьева маслом, а затем акварелью. Характерно, что в то же время портрет А.Н. Муравьева пишет и М.Ю. Лермонтов.

П.З. Захарову пришлось около двух лет (1840-1842) служить в Департаменте военных поселений Военного министерства, где он рисовал форму. Это была сухая, казенная работа, далекая от творчества. Но, исполняя ее с особой добросовестностью, П.З. Захаров оттачивал свое мастерство. Портреты Захарова получались отменного качества, а та тщательность и точность, с которой он выписывал все детали военного обмундирования была настолько высока, что на эту сторону его таланта обратили более пристальное внимание в Военном министерстве. 20 декабря генерал-адъютант граф Клейнмихель подписывает приказ за № 189 по Департаменту военных поселений Военного министерства, в котором «свободный неклассный художник Петр Захаров определяется в Департамент военных поселений, для усиления занятий по составлению рисунков обмундирований и вооружения Российских войск»⁶¹³. Материальная нужда вынудила художника пойти в военное ведомство, чтобы рисовать форму для солдат и офицеров. С болью в душе он сообщает об этом своему воспитателю: «... я уже не свободный художник, а служащий в Департаменте военных поселений. Конечно, Вы захотите знать, что все это значит. Потеряв здоровье и притом надежды быть отправленным за границу, я, покорный судьбе, решился избрать хоть немного, но верный кусок хлеба»⁶¹⁴.

Постепенно творчество П. Захарова становилось известно широкой публике. Похвальные отзывы о работах П. Захарова неоднократно помещаются в «Художественной газете» Нестора Кукольника, а также в других периодических изданиях того времени («Санкт-Петербургские

ведомости», 1845. С.1263. «Северная пчела», 1839. С.919). Его относят к молодым талантам, «которые без сомнения будут принадлежать к числу людей, наиболее украсивших Академию». Исторические картины П. Захарова, под напором интереса публики, начинают периодически демонстрироваться в залах Панорамы Бородино 1812 года⁶¹⁵. Высокую оценку творчеству Петра Захарова дает Александр Бенуа. Бенуа впервые делает попытку определить художественный уровень П. Захарова, называя его одним из лучших «среди русских портретистов... брюлловского поколения». Более конкретно выражает отношение к художнику Н.Н. Врангель, который в статье о портретной выставке в Таврическом дворце Петербурга пишет, что имя Захарова могло стоять «на одной доске» с Тропининым⁶¹⁶.

14 января 1846 года Петр Захаров женился на А.П. Постниковой, дочери московского купца I гильдии. Венчание прошло в Кудрине, в Покровской церкви Никитского собора. Однако счастье молодых было недолгим. П. Захаров в 30-летнем возрасте скончался от чахотки. Петра Захаровича Захарова похоронили на Ваганьковском кладбище в Москве⁶¹⁷. Незадолго до смерти П.З. Захаров сделал множество набросков к задуманной картине «Моление о чаше...», на библейскую тему, но... мечте так и не дано было осуществиться. Молодой, перспективный чеченский художник умер в середине 1846 года⁶¹⁸. Работы П.З. Захарова в настоящее время имеются в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Музее В.А. Тропинина, музеях Воронежа, Грозного, Тамбова, Твери, Якутска и в других музейных хранилищах⁶¹⁹. В 1961 г. в Грозном был открыт первый Музей изобразительных искусств, которому присвоили имя Петра Захаровича Захарова

В ходе военной операции в Лаби-Юрте кроме будущего живописца Петра Захарова в плен попал ещё один двухлетний малыш – Озебай Айбулат. Его взял на воспитание прапорщик Нижегородского драгунского полка барон Михаил Карлович Розен. После Кавказа он служил в Польше. В Варшаве мальчика крестили и нарекли по имени восприемника – великого князя Константина. Под этим именем Константин Михайлович Айбулат-Розен вошёл в историю русской поэзии. Его романтической лирике были свойственны восточные мотивы, а стихотворение «Смерть» часто перепечатывалось и даже приписывалось М.Ю. Лермонтову⁶²⁰.

Среди чеченцев было мало художников из-за запрета ортодоксального ислама изображать живых существ. Коран не содержит категорического запрета изображать человека и животных. Запрет на изобра-

жение живых существ был отчетливо сформирован несколько позже, в составленных мусульманскими богословами сборниках хадисов. Хадисы прямо предлагали писать «только деревья, цветы и неодушевленные предметы». Они предупреждали, что художники «хуже всех людей будут наказаны в день страшного суда», т.к. изображая людей и животных, они «подражают творению Аллаха», а творцом всего сущего может быть только один всемогущий Аллах, и состязаться с ним – страшный грех. Особенному порицанию подвергались объемные изображения, «отбрасывающие тень», т.е. памятники скульптуры. На Северном Кавказе одновременно с исламизацией стали распространяться и специфические формы искусства, присущие культуре мусульманских стран Востока. Жесткие рамки религиозных канонов и правил в определенной степени дали толчок к специфическому развитию художественного творчества, декоративно-прикладного искусства, поиска народными умельцами работки новых самых разнообразных орнаментальных мотивов⁶²¹.

Коста Хетагуров был одним из ярчайших представителей кавказской интеллигенции. «Леонардо да Винчи осетинского народа» назвал его А.А. Фадеев в день его восьмидесятилетия со дня рождения. Важную роль в развитии художественно-эстетических интересов Коста сыграл его педагог по рисованию В.И. Смирнов, руководивший его первоначальными занятиями в этой области и выставлявший его картины для обозрения. В 1877 году он добился представления картин на Всероссийскую выставку художественных работ учащихся средних учебных заведений. В 1881 году при поддержке своих педагогов, прежде всего В.И. Смирнова, Коста, выдержав конкурсные экзамены, поступает в Петербургскую Академию художеств. Однако из-за отсутствия стипендии летом 1885 года К. Хетагуров вынужден был оставить учебу в Академии и вернуться во Владикавказ. Здесь он увлекся живописью и театральным делом: организует художественные выставки, пишет пьесы. Таковы были разносторонние интересы талантливого сына осетинского народа К. Хетагурова⁶²².

Л.Е. Дмитриев - Кавказский

Лев Евграфович Дмитриев-Кавказский (псевдоним Арслан) (1849-1916) – академик гравирования, рисовальщик, живописец родился на Кавказе⁶²³. Учился Дмитриев-Кавказский в Академии художеств, был вольнослушателем. Живописец много путешествовал по Кавказу (1870-

1879), исполнял рисунки и офорты: «Портреты славных туземцев Кавказа»; сцены из быта («Чтение Корана» – тушь, перо); типы кавказских народов – «Горцы», «Чеченская девушка», «Ингуши», «Кавказец» и множество других; пейзажи – «Северный Кавказ» (тушь, перо)⁶²⁴. Художник также выполнял офорты с картин Горшельта: «Лезгинь», «Разоренный аул», «Горец с лошадей», «Пластуны». В первый выпуск альбома Л. Дмитриева – Кавказского вошли рисунки: 1) Чеченец (из Большой Чечни); 2) Чеченская девушка (из Большой Чечни); 3) Чеченский мост (в окрестностях Шатоевского укрепления). Данный альбом продавался в магазине Фельтена, в Санкт – Петербурге, на Невском проспекте. Подписная цена на каждый выпуск составляла 2 руб. 50 коп, доставка и пересылка – 50 коп. Рецензии на этот альбом были не однозначны. В одной из них говорилось: «...Все эти офорты скучны, сухи, жестки, а главное крайне неудачны по содержанию. Тип чеченской девушки, – это профиль какого-то глупого деревянного лица; тип чеченца такого-же свойства. Кавказец в художественном отношении представляет громадный материал; но для такого художественного материала, для того, чтобы представлять типы, сцены и виды Кавказа, необходимо обладать талантом Горшельта и вообще каким-нибудь талантом, а не одним усердием...»⁶²⁵. В то же время были и положительные отзывы на работы кавказского художника, отмечавшие его экспрессию и талант.

В.В. Верещагин

Особое место в искусстве занимают работы В.В. Верещагина (1842–1904). Он был не простой иллюстратор военной истории, а оригинальный художник, своими отдельными баталистскими картинами и целыми их сериями красноречиво протестовавший против войны и проповедовавший идею мира. Верещагин в своей работе осуществлял следующие принципы: «ни одного мазка от себя, все от природы», «художник должен быть впереди, в разгаре боя». «Я никогда не видал, – писал он, – правдивых картин битв, и твердо решил представить все так, как оно есть в действительности»⁶²⁶.

Баталист Василий Васильевич Верещагин прожил яркую, своеобразную, кипучую жизнь. Скульптор И. Гинцбург в своих интересных воспоминаниях пишет: «В наружности и в характере Верещагина было что-то орлиное. Как орел, он поднимался высоко и улетал далеко. Рамки

нашей городской жизни казались ему тесны, его влекли к себе экзотические страны, военные трагедии народов побуждали облетать его весь мир и погружаться в ужасы войны». В.В. Верещагин завоевал при жизни мировую славу. Везде общественное мнение по поводу его выставок раскалывалось на два лагеря – его или любили, или ненавидели⁶²⁷. Как-то выставку художника посетил и царь Александр II. Она ему понравилась, лишь картина «Забытый» вызвала его недовольство. В связи с этим настоящий разнос Верещагину устроил командующий туркестанской армией Кауфман, обвинив художника в том, что он позорит славу русского оружия. Верещагин в раздражении сжег «Забытого» и еще несколько картин из своей военной серии. Не дожидаясь окончания выставки, художник вместе с женой уехал в Индию⁶²⁸. В 80-х годах Верещагин, устав от напряженной работы, пишет Стасову: «Больше батальных картин писать не буду – баста! Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу, выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого...»⁶²⁹.

Верещагин происходил из дворянской семьи с военными традициями, получил военно-морское образование, но отказался затем от военной карьеры ради тернистого пути художника-реалиста. Проучившись три года в Петербургской Академии художеств и столько же в Парижской, он не окончил ни ту, ни другую и пошел самостоятельным, независимым путем. В 1874 году В.В. Верещагин был удостоен звания профессора Академии художеств, но вскоре отказался от него⁶³⁰. В Мюнхене Верещагин устраивает себе мастерскую за городом. Вдова Т. Горшельта отдает в его распоряжение мастерскую мужа. В Мюнхене художник знакомится с немкой Элизабет Марией Фишер, которая впоследствии стала его женой и самым близким и верным другом. Эта хрупкая женщина всегда была с ним рядом, даже в самых далеких и опасных путешествиях⁶³¹.

Первые работы, выполненные Верещагиным на Кавказе в середине 60-х годов, носили этнографически-жанровый характер. Несколько раз побывав на Кавказе, художник создал множество живописных и графических работ, посвященных этому краю. Василий Васильевич рисовал бытовые сцены и виды Кавказа, которые публиковались во французском журнале «Le Tour de Moude» и в русском «Всемирном путешественнике»⁶³². По дороге на Кавказ Верещагину приходилось экономить на всем, даже на еде. «Чтобы сделать эту поездку, немало времени я питался одним молоком и хлебом», – писал впоследствии художник. До отъезда на Кавказ Василий Васильевич познакомился с художником Л.Ф. Лагорио и его акварелями. Сын неаполитанского консула Л.Ф. Лагорио – был од-

ним из самых известных русских пейзажистов (Л.Ф. Лагорио «Пейзаж с козами»). Его учителем в Академии художеств являлся авторитетный живописец М.Н. Воробьев. В 1863 году Лагорио участвовал в боевых сражениях на Кавказе и был награжден за храбрость⁶³³.

Лагорио и его работы послужили той притягательной силой, которая заставила Верещагина оправиться на Юг. По дороге ему вспоминались рассказы Льва Феликсовича о снежном Эльбрусе, встречах с горами, восточном колорите закавказских городов. Лагорио, в третий раз выехавший на Кавказ, будучи прикомандированным к свите наместника и командующего войсками Кавказского военного округа вел. Кн. Михаила Николаевича, обещал Верещагину использовать свое влияние и знакомства в свите наместника, чтобы помочь своему младшему коллеге найти какую-нибудь работу, обеспечивающую средствами существования. Это было для бедствовавшего Верещагина немаловажным фактом, и он обрадовался готовности Лагорио помочь ему.

Путь Верещагина лежал через Ставрополь, Георгиевск, Пятигорск, Владикавказ. В дороге художник сделал немало эскизов и зарисовок, из которых далеко не все сохранились. Из Владикавказа художник отправился на Юг по Военно-Грузинской дороге, проложенной над живописными обрывами и кручами, по стиснутому отвесными горными склонами Дарьяльскому ущелью. Въезжая в Тифлис, В.В. Верещагин подумал, что весь его наличный капитал составляет всего лишь сто рублей. Лагорио помог художнику, сдержав свое слово. Благодаря рекомендациям профессора живописи, приближенного к вел. Кн. Михаилу Николаевичу, Верещагин получил сначала возможность давать частные уроки рисования в семье начальника штаба округа А.И. Карцова, а затем в межевой школе, женском училище св. Нины, военном училище и одном частном пансионе. Это в общей сложности давало неплохой заработок – около тысячи пятисот рублей в год. «Только молодость и свобода моя, – писал впоследствии художник, – были причиной того, что эта масса уроков не задавила меня. Трудно передать, как я был живуч и как пользовался всяким получасом времени для пополнения моих альбомов. От этого времени, помню, у меня были три толстые книжки, совершенно полные рисунками и акварелями.... Все эти альбомы потеряны или украдены у меня...»⁶³⁴.

Осенью 1864 г. В. Верещагин отправился на обучение в Парижскую Академию художеств. Здесь кроме намерения посещать Академию им овладело несколько авантюристическое желание – издавать совместно с начальником фотослужбы штаба Кавказской армии З.Г. Гудимой га-

зету или журнал под названием «Кавказский художественный листок». Иллюстрировать это издание художник предполагал собственными рисунками, сделанными на Кавказе. Однако эта затея не осуществилась. Удалось напечатать только несколько пробных листов. Гудима не увлекся идеей, да и средствами, необходимыми для издательских целей, партнеры не располагали. Еще до окончания учебного года Верещагин снова решил отправиться на Кавказ. Этот край привлекал его как этнографической и ландшафтной пестротой, так и возможностью пользоваться при зарисовках самой разнообразной натурой. Верещагинские работы этого времени отличаются более высоким уровнем мастерства, нежели выполненные в первую кавказскую поездку 1863 года. Это относится и к технике исполнения, композиционному решению, тщательности рисунка и психологической углубленности образов⁶³⁵.

Был Верещагин и в Туркестане, где не только рисовал, но и воевал, заслужил орден Святого Георгия. Но реалистичные произведения, созданные им по впечатлениям от событий в Средней Азии, вызвали столько недовольства своим пафосным обличением войны, что он даже уничтожил несколько своих работ. «Апофеоз войны» – одно из самых известных своих полотен, на котором изображена гора черепов, Верещагин сопроводил надписью: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим»⁶³⁶. Не скрывая своего отношения к войнам и уже став всемирно известным художником, он остался верен своему призванию, продолжал работать на театрах военных действий и погиб в Порт-Артуре на борту взорвавшегося броненосца «Петропавловск», который наткнулся на мины⁶³⁷. Из 700 с лишним человек команды подоспевшие корабли подобрали лишь 7 офицеров и 52 матроса. Верещагина среди них не оказалось...⁶³⁸.

И.К. Айвазовский

Знаменитый русский художник Иван Константинович Айвазовский был непосредственным свидетелем участия сил Черноморского флота в Кавказской войне. набросок рисунка, испачканного кровью раненого черкеса, бережно хранил он всю жизнь как память о пережитом⁶³⁹. Айвазовский в своем творчестве неоднократно возвращался к теме Кавказа и войны. Художник написал такие работы, как «Аул Гуниб в Дагестане. Вид с восточной стороны», «Цепи Кавказских гор. Вид с Каранайских

гор на Темир-Хан-Шуру и Каспийское море». Примечательна судьба художника, навсегда связавшая сына выходца из Галиции Константина Гавриловича Гайвазовского (Айвазовского) (знавшего шесть языков) с Югом России. Иван Айвазовский родился 17(29) июля 1817 г. в Феодосии⁶⁴⁰. Рано проявивший свои способности, Айвазовский в детстве много рисовал и читал. Большое влияние на общее и эстетическое развитие И.К. Айвазовского оказала близость к Гоголю. Гоголь писал: «...если бы я был художником, я бы изобрел особого рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут! Все ясно, все разобрано, прочтено мастером, и зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот такие пейзажи надо писать!»⁶⁴¹. И. Айвазовский прекрасно учился. Об успехах Айвазовского в 1842 году писали следующее: «Быстрые успехи г. Гайвазовского, еще до окончания Академического курса, уже давно обратили на него внимание публики и любителей художеств. Смелые эффекты, бойкая кисть, удачный выбор предметов, новость в манере, вполне нравятся большинству; но можно не без основания сказать, что молодой художник напрасно пренебрегает простотою стиля и увлекается манерностью иностранных акварелей. Впрочем, дарование г. Гайвазовского, будучи еще только в первой поре своего развития, по мере его занятий непременно пойдет вперед и сбросит с себя недостатки, неразлучные с пылкостью молодого воображения и нетерпеливостью самобытного дарования»⁶⁴².

И. Айвазовский рисовал не только замечательные пейзажи, но и занимался портретной живописью. В Государственном Литературном музее хранится портрет графа М.Т. Лорис-Меликова, автором которого является И.К. Айвазовский. Портрет был нарисован маслом на холсте в 1888 году. На нем известный государственный деятель изображен в форме генерал-адъютанта с многочисленными наградами⁶⁴³. В 1836 году Айвазовский познакомился с А.С. Пушкиным на выставке в Академии художеств. В 1887 году им была создана картина «Пушкин у моря»⁶⁴⁴. В 1839 году, по приглашению начальника Кавказской прибрежной линии генерала Н.Н. Раевского Айвазовский написал картину «Десант отряда в долине Субаши». Император Николай I приобрел эту картину и, покровительствуя молодому таланту, пожелал «использовать его талант для изображения подвигов флота». Айвазовский был назначен живописцем Главного Морского штаба е.и.в. За свою плодотворную жизнь Айвазовский создал почти 5 000 произведений искусства.⁶⁴⁵

Л.Ф. Лагорио

Лев Феликсович Лагорио (1827-1905) – один из интереснейших пейзажистов XIX века. Лагорио считается первым учеником Айвазовского. В его творчестве кропотливость и безмятежность итальянской школы слились с русским психологизмом. Неаполитанец по происхождению, он родился 9 (21) декабря 1827 года в Крыму, где его отец служил консулом. В 1843 году Лагорио поступил в Петербургскую Академию художеств. Творческие достижения Лагорио были отмечены золотыми медалями Академии художеств. В 1851 году художник уехал на Кавказ – за новыми впечатлениями⁶⁴⁶. В 1852 году Лев Лагорио представил совету Академии художеств свои отчетные работы, выполненные на Кавказе. Рассмотрев эти работы, совет отметил отличные успехи молодого художника. Кавказская природа своей красотой просто покорила художника и он в 1861, а затем и в 1863 гг. вновь отправляется на Кавказ. Изображение гор и кавказского побережья Черного и Каспийского морей стало сюжетом многих его картин: «Горное озеро», «В долине», «Кавказский вид»⁶⁴⁷. Прекрасно владея акварельной техникой, Лагорио довольно часто рисовал лесистые горные долины в Крыму и на Кавказе с широко разлившимися горными реками. Он мастерски оживлял их фигурами всадников, сопровождающих экипажи или едущих цепочкой по узкой горной тропинке.

Л.Ф. Лагорио довольно долго пробыл на Кавказе, участвовал в боях с горцами. После поездки по местам сражений Лагорио сделал эскиз картины, изображающей войну на Кавказе («Переправа через Терек»). Домой привез новые картины: «Дарьяльское ущелье», «Эльбрус», «Гут-гора», «Ущелье в горах» (1873), «Туман в горах. Кавказ» (1878), «Горный пейзаж» (1886), «В горах Кавказа» (1879), «Кавказское ущелье» (1893)⁶⁴⁸. Почти все картины из кавказской серии художника – прежде всего пейзажи, в которых война занимает не так уж много места. Лагорио больше любит изображать любимые им кавказские утесы и горные долины в золотистой знойной дымке. В его картинах, как правило, нет того напряжения, неистового динамизма, который обычно свойственен батальному жанру⁶⁴⁹. В 1905 году, накануне своей смерти, Лев Феликсович Лагорио был избран почетным членом Академии художеств⁶⁵⁰. На посмертной выставке Лагорио, устроенной в 1906 году, демонстрировалась 961 работа художника⁶⁵¹.

В Академии художеств регулярно проводились выставки, на которых достойным живописцам присуждались награды. П.С. Косолап

– есаул Кубанского казачьего войска, обучавшийся в Академии с 1861 по 1869 г., на академической выставке 1867 г. получил золотую медаль за картину «Последние минуты Шамиля в Гунибе». Почетный вольный общник (с 1872 г.) Александр Никанорович Нисченков, занимавшийся живописью с 1858 г., получил большую серебряную медаль за картину «Вид аула Хаджал-Махи в южном Дагестане» (1867 г.)⁶⁵². На выставке в Академии художеств представлял свои картины и О.П. Ковалевский. Его картины: «Черкес в степи», «Черкес с убитой лошадей», «Кавказский вид» высоко оценила публика⁶⁵³.

А.И. Куинджи

Архип Иванович Куинджи (1842-1910) являлся учеником школы профессора Айвазовского. В наследии Куинджи много работ, посвященных теме гор, – «Снежные вершины гор Кавказа», «Эльбрус. Лунная ночь» и многие другие. Восприимчивость Куинджи к цветовым градациям так совершенна, его зрительная память так безукоризненна, что эскизы порой трудно отличить от натуральных этюдов. Горы притягивали внимание художника недоступностью, как далекий свет луны. В работе «Снежные вершины. Кавказ» горы светятся активной синевой, что лишает их материальности. Облегченные, дематериализованные светом, они готовы оторваться от земного основания и улететь в небо. Романтический пафос, которым было пронизано изображение горных кражей, сияющих недоступных вершин, манящих притягательной силою и влекущих человека к познанию неизведанного, у Куинджи перерастает в некий символ прекрасного и недостижимого мира⁶⁵⁴.

Р.Г. Судаковский

Тщательность и документальная точность исполнения всегда были отличительной чертой произведений Р.Г. Судковского (1850-1885). В этом отношении знаменательна его картина «Дарьяльское ущелье», которая вошла во многие географические хрестоматии. В своем творчестве Руфим Гаврилович Судковский ставил перед собою сложные задачи, что заметно по исполнению его работ «Дарьяльское ущелье» и «Казбек», написанных уже в конце жизни. Художнику постоянно требовалось вдох-

новение, без которого он не мог творить. Вот как об этом пишет его дочь М.Р. Легранж: «Мой отец был очень мягкий человек, впечатлительный, увлекающийся и впадающий легко в отчаяние. Иногда ему казалось, что он не в силах что-то передать в картине и тогда он по нескольку дней лежал на атаманке и жаловался, что у него нет таланта, что он несчастный человек, и требовал утешения и ободрения от близких. Затем наступал перелом в настроении. Он хватался за работу, иногда сразу за несколько картин, и неутешимо, целыми днями писал, пока опять какая-нибудь заминка не портила ему чудесное вдохновение. Вообще, это был человек чувства...»⁶⁵⁵.

Профессор живописи И.И. Соколов

Профессор живописи (с 1860 г.) Иван Иванович Соколов родился в Астрахани в 1823 году. Обучался И.И. Соколов в Академии художеств. В 1849 г. он отправился на Кавказ. С этого времени стали известны его акварели. В 1851 г. художник вторично был на Кавказе. В 1854 г. Соколов написал «Кавказский пейзаж». Все его картины отличались самобытностью, покупались они раньше, чем были закончены. В 1867 году картина Соколова «Цыганский табор на Кавказе», хранившаяся в Царскосельском дворце, экспонировалась на Всемирной выставке в Париже⁶⁵⁶.

Передвижник Н.А. Ярошенко

Среди русских художников, имена которых связаны с Кавказом, особое место занимает Н.А. Ярошенко – известный передвижник. В 1874 году 28-летний художник впервые посетил Кавказ и стал его первым живописцем, «портретистом гор», как назвал его В.В. Стасов. Плененный величественной красотой, он все чаще посещает полюбившиеся места. Восторгается и мечтает прочно обосноваться на Кавказе⁶⁵⁷. На XI выставке Товарищества передвижных выставок в 1883 году были выставлены первые кавказские этюды Н.А. Ярошенко. Среди них: «Путевые заметки из путешествия по Кавказу», «Привал татар» и немало других. Безгранично любя родину, пристально ее изучая, Н. Ярошенко много путешествовал по стране. Он побывал на Волге, на Урале, в Крыму, не раз посещал свою родную Полтаву. Неутомимый путешественник, он изъез-

дил весь Кавказ. Бывало, Николай Александрович возвращался из аула не один, а привозил с собой талантливых юношей, которых у себя дома обучал искусству живописи. С большим восторгом и любовью пишет он жителей гор: «Житель Дагестана», «Якуб», «Горянка», создает картины «Песни о былом», «В горах Кавказа». В 1883 году на Петербургской выставке экспонировались 18 кавказских этюдов Ярошенко. В.В. Стасов называл эти этюды прекрасными. И.Е. Репин писал П.М. Третьякову: «Ярошенко пишет пейзажи. Я был бы более доволен, если бы у него они выходили хуже... Может быть, он поскорее бы бросил эту блажь. Он так хорошо изучил человека и вдруг променял его на природу»⁶⁵⁸.

В пейзажах начала 1880-х годов, входивших в серию «Путевые заметки из путешествия по Кавказу («Горный пейзаж», «Аул в горах») наместились те черты построения композиции, которые впоследствии стали характерными для пейзажей Ярошенко. Это выбор низкой точки зрения, композиционная «сжатость» в расположении элементов ландшафтов. Не случаен был и выбор кавказского пейзажа. Он объясняется не только объективной причиной – частыми приездами на Кавказ в связи с приобретением дачи. Сам характер пейзажа, необыкновенно привлекательной в своем разнообразии, был неисчерпаемым источником в его художественных решениях и открытиях в творчестве последних десятилетий. Заслуга Ярошенко заключалась в том, что в обращении к кавказскому пейзажу он был, по сути, первым из художников, входивших в Товарищество передвижных художественных выставок, в чьем творчестве последовательная работа с натуры делала серьезные и значительные результаты в решении непростой задачи – отхода от традиционного литературного восприятия природы Кавказа. Ярошенко проявлял свойственные ему честность и верность жизненной правде. Прделанная за два десятилетия работа над натурными этюдами дала такое разнообразие пейзажей, посвященных горным ландшафтам, которого до Ярошенко не знало русское искусство⁶⁵⁹.

В 1890 году было написаны сразу две картины: «Терек» и «Терек ночью», а в 1896 году Ярошенко заканчивает картину «Забытый край». Во время странствований в Кавказских горах Ярошенко написал развалины древнего храма. Чтобы изобразить стадо овец, загнанных на ночлег в эти развалины, Ярошенко «привел к себе во двор с десятка полтора овец, долго бился, располагая их в разные группы, снял с этих групп несколько фотографий, зарисовал их себе в альбом и только после этого решился вставить их в картину». В период, когда в русском искусстве

стал культивироваться этюд вместо картины и начал заметно снижаться уровень работы над сюжетно-тематическими произведениями, пример такой тщательной подготовки к созданию даже небольших произведений говорит о необычайной требовательности Ярошенко к себе, о его верности заветам своих учителей. Ярошенко рассказывал, как при создании пейзажей ему приходилось передвигаться по песчаным, почти отвесным, как стена, отвалам, чтобы отыскать красивый горный вид. Художника привязывали к общей веревке, и он, и все привязанные должны были бежать вверх, как против быстрого течения реки, и так добирались до противоположной стороны горного перехода или впадины⁶⁶⁰.

В результате преодоления сложных природных условий, разнообразных трудностей, художнику удалось создать неповторимые произведения искусства. Они отличались не только удивительной композицией, но и прекрасной цветовой гаммой. Красив по цвету этюд «Горянка», изображающий молодую горянку с мягкими чертами лица и большими черными глазами, одетую в национальный костюм. На серебристо-сером фоне красиво выделяются ее сиреневый платок и розовато-сиреневая одежда. Золотой пояс с узорами и зеленая юбка усиливают цветовую насыщенность этюда, написанного свободными ударами кисти. Напротив, «Старый горец» довольно сдержан по цвету. Старик сидит на фоне темной зелени, освещенной солнцем. Очень внимательно проработано его смуглое лицо с усталым взглядом старческих глаз; коричневая же куртка, белая шапка и белые холщовые штаны написаны широко, эскизно. Разнообразен был талант художника, многое он сделал для прославления любимого им Кавказа, где пожелал быть и похороненным⁶⁶¹.

М.Ю. Лермонтов

М.Ю. Лермонтов был не только прекрасным поэтом, но и обладал замечательным талантом живописца. Биограф Лермонтова П.А. Висковатов, пользовавшийся материалами, полученными непосредственно от родственников и друзей поэта, говорил, что «Михаил Юрьевич имел дарование к музыке и большой талант к живописи. Он его не выработал, но был момент в его жизни, когда он колебался между живописью и поэзией». Не будучи художником – профессионалом, Лермонтов все же не был и дилетантом-самоучкой: в юности он брал уроки рисования

у «акварельного живописца» А.С. Солоницкого. Лермонтов не только рисовал, но и писал акварелью и маслом. Содержание его картин и рисунков разнообразно: среди них есть и батальные сцены, и пейзажи, и портреты, и иллюстративные работы. Но первенствует военная тематика: после возвращения из первой кавказской ссылки им написаны две батальные картины маслом: «Атака гусар под Варшавой» (1837) и «Перестрелка в горах Дагестана» (1837-1838), семь акварельных батальных сцен и до двадцати рисунков батального характера. Необычно в картине «Перестрелка в горах Дагестана» то, что зритель как бы находится в стане горцев: отстреливающиеся горцы помещены на первом плане, а наступающие русские войска – на втором. Такое построение противоречит традиционной композиции академических батальных картин, но производит на зрителя неизгладимое впечатление⁶⁶².

В области техники диапазон Лермонтова – художника очень разнообразен. Он работал в живописи, акварели, рисунке и даже в литографии. Из художественного наследства Лермонтова известно 13 картин маслом: «Вид Тифлиса» (1837), «Портрет А.Н. Муравьева», «Воспоминание о Кавказе» (1838), «Черкес» (1838) и др. Художественное наследие Лермонтова долгие годы было не известно широкой публике. За первые 50 лет, протекших со дня смерти М.Ю. Лермонтова, в печати появились лишь 4 его живописные работы⁶⁶³.

Изучение лермонтовской живописи в соотношении с его поэтическим творчеством позволяет нам увидеть нечто такое, что приближает нас к пониманию основного его секрета – двуединства таланта поэта. Пейзажи и рисунки М.Ю. Лермонтова интересны и ценны тем, что не всегда поэту удастся высказать словами. Рисунком, пейзажем поэт как бы проверяет то, что хочет выразить словом: верно ли оно найдено, соответствует ли оно общему замыслу произведения. Возникает потребность в четких графических картинках, выражающих идею в целом. «Соображения Лермонтова сменялись с необычайной быстротою, – вспоминал Святослав Раевский, – и как бы ни была глубока, как ни долговременно таилась в его душе мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко». Остается только сожалеть о том, что сохранилось так мало живописных произведений М.Ю. Лермонтова⁶⁶⁴. За свою короткую жизнь Лермонтов написал десятки акварелей, пейзажные картины, портреты, карандашные наброски: «Воспоминания о Кавказе», «Два горца у реки», «Сражение при Валерике», «Черкес, стреляющий на скаку», «Эпизод из сражения при Валерике» и др.

Особого внимания заслуживают такие полотна, как «Сражение при Валерике» и «Воспоминания о Кавказе». Обе эти картины написаны маслом и имеют интересную историю. До 90-х годов XX века, в кругах искусствоведов считалось, что «примечательное место», изображенное на картине «Воспоминания о Кавказе» является долиной Кубани. Такого мнения придерживались не только современники поэта, но и исследователи советского периода. Новые исследования, проведенные под руководством известного лермонтоведа И. Андроникова показали, что «примечательное место» на картине является видом с Терского хребта на Чеченскую долину. Слайды, снятые с этой местности, в точности передают и дорогу, идущую на запад (вымощенную булыжником), и вершину хребта, закрывающего заходящее солнце для жителей современного Толстой-Юрта. Вид с Терского хребта поражал не только писателей и художников, но и людей, далеких от искусства. Русский офицер К. Самойлов, служивший на Кавказе, так описывал Чеченскую долину, которую он увидел, взобравшись на сторожевую башню, построенную в 1848 году недалеко от того места, с которого сделал набросок для своей картины Лермонтов: «Я думаю не много можно встретить таких видов, какой открывается из амбразуры этой башни. Вся Чеченская плоскость рисуется перед вами как будто на плане, с ее бесчисленными речками, лесами, из которых то там, то сям поднимаются дымки, обозначающие места укреплений или аулов, и все заканчивается чернеющей массой гигантских гор, увенчанных белым гребнем...»⁶⁶⁵.

Акварель «Эпизод из сражения при Валерике» изображает жаркую рукопашную схватку между русскими и чеченцами на каменистом холме на фоне горного пейзажа. На первом плане, у ствола срубленного дерева, лежат тела двух убитых горцев. В центре небольшая группа горцев отражает штыковую атаку русской пехоты, чтобы дать возможность двум горцам вынести с поля боя тело смертельно раненого товарища. Один из защищающихся горцев протягивает вперед ладонь правой руки, как бы стремясь этим жестом остановить, хоть на несколько мгновений, неудержимый натиск русских. Надвигающиеся слева плотные ряды русских солдат в белых рубахах оставляют впечатления грозной, уверенной в себе силы, контрастируя с тревожной взволнованностью горцев. Справа видны отступающие к лесу горцы. Выбирая для композиции характерный драматический момент, Лермонтов показал себя знатоком нравов и обычаев чеченцев. У горских народов издревле считалось необходимым выносить с поля битвы тела павших товарищей, даже рискуя при этом

жизнью. М.Ю. Лермонтов, глубоко интересовавшийся жизнью народов Кавказа и не раз делавший их нравы и легенды мотивами своих стихотворений, знал этот благородный обычай и воспроизвел его в живописном произведении⁶⁶⁶.

Давнишний интерес к Кавказу и горцам заставлял поэта серьезно и глубоко изучать азербайджанский язык. Далеко не случайно шутивное, восточное начало письма Лермонтова к ставропольскому родственнику П.И. Петрову начинается так: «... приехав в Петербург после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний». Издатель «Отечественных записок» А.А. Краевский, рассказывая первому биографу поэта профессору П.А. Висковатому, что Лермонтов говорил ему: «Я многому научился у азиатов, и мне хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Поверьте мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений». В 1830 г., вспоминая подробности своего пребывания на Кавказе, Лермонтов заносит в свою тетрадь красноречивую строчку: «Горы Кавказские для меня священные»⁶⁶⁷.

Определенную роль в формировании масштабной личности Лермонтова, в ощущении им себя и патриотом России, и гражданином мира, родственным представителю любого ее народа, сыграла родословная поэта, в которой сплелись три ветви: русских дворян Столыпиных – по бабушке с материнской линии; татарских князей Челебеевых – по деду с материнской стороны; шотландских танов (баронов) Лермонтов – по отцу. М.Ю. Лермонтов не знал о своих татарских корнях, это было установлено одним из представителей рода Арсеньевых гораздо позже⁶⁶⁸. Интересно и сложносоставленное происхождение другого великого русского поэта – Александра Сергеевича Пушкина. Арап Петра Великого – Абрам Петрович Ганнибал, знаменитый предок А.С. Пушкина, получил образование во Франции и всю жизнь посвятил служению России в качестве военного инженера, а затем генерал-аншефа русской армии. Мало кому известно, что он был женат на Кристине Регине Шеберг, корни рода которой уходят в Норвегию. Один из десяти детей Ганнибала и Шеберг стал впоследствии делом великого поэта⁶⁶⁹.

Несомненно, что Лермонтову было свойственно именно живописное видение мира. Его поэтической системе присущи такие эпитеты и сравнения, которые помогают создать впечатление живописной картины

с определенно красочной гаммой и светотеневыми контрастами. В своих литературных произведениях он нередко прибегает к законам композиции пространственных искусств. Сравнительно немногие знают, что Лермонтов был незаурядным художником. Одна из главных отличительных особенностей Лермонтова – умение в обобщенном и лаконичном рисунке подметить живое и индивидуальное. Двумя-тремя линиями он передает характер пейзажа, создавая иллюзию то горной местности, то леса, то воды. Этими чертами отмечены, например, рисунки «Два горца у реки», «Черкес, стреляющий на ходу»⁶⁷⁰.

Как поэтические, так и живописные работы М.Ю. Лермонтова проходили строгий цензурный контроль. Особенно явно это проявлялось в условиях военного времени. В 1840 г. находясь в крепости Грозной, М. Лермонтов писал письма родным и знакомым, но ответов не получал. Дело в том, что целый ряд писем поэта, отправленных с Кавказа, не дошел по своему назначению. М.Ю. Лермонтов не совсем строго подчинялся требованиям умалчивать в письмах об экспедициях. В письме от 12 сентября 1840 г. он, как известно, описал вкратце бой при Валерике и даже указал, какие силы принимали участие в бою и как велики были потери⁶⁷¹. «Всегда первый на коне и последний на отдыхе», – так характеризовал М.Ю. Лермонтова князь Голицын⁶⁷².

За время путешествия (вместе с А.И. Одоевским) из Ставрополя в Тифлис в 1837 году Лермонтов создал множество карандашных зарисовок горных пейзажей. По наблюдениям И.Л. Андроникова, «рисунки и картины Лермонтова – это не развлечение странствующего офицера. Их следует считать записными книжками поэта, частью его вдохновенной, упорной работы. В них подлинный живописный дневник жизни и странствий». В работах М.Ю. Лермонтова, прежде всего, поражает точность, почти документальность того, что он изобразил на картинах и рисунках⁶⁷³. К сожалению, из всех рисунков, привезенных поэтом в 1837 году с Кавказа уцелело всего восемь⁶⁷⁴. Лермонтов часто, и с любовью изображал Кавказ, тот Кавказ, которым был увлечен с самого детства и который был фоном большинства его произведений. Лермонтов со своей бабушкой был на Кавказе в 1818, 1820 и 1825 гг. Детские впечатления остались у поэта очень яркими. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы возлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах; облаками меня одевали...» – читаем мы в его юношеских записях⁶⁷⁵.

Офицер Бобарыкин, встретившийся с Лермонтовым в 1837 году во Владикавказе, рассказывает, что он, зайдя в «заезжий дом», застал там

поэта в обществе француза – путешественника; они сидели за столом, пели французскую песенку и заканчивали свои рисунки, набросанные в Дарьяльском ущелье. В годы Кавказской войны одновременно с Лермонтовым в отряде Галафеева служил Дмитрий Петрович Пален. Пален был хороший рисовальщик и в своем альбоме изобразил много местностей из летней экспедиции 1840 года. Его рисунки были выполнены в «памятных книжках» Военного ведомства в 50-х годах XIX века⁶⁷⁶.

А.С. Пушкин

У Александра Сергеевича Пушкина был также хороший запас рисуночных навыков, полученных еще в лицее. Создавая графические изображения, А.С. Пушкин ни с кем из художников не соревновался и мастером в области «чужого искусства» не был. У него был свой талант, свой стиль и свой почерк. В 1829 г. Пушкин создал «Автопортрет в бурке, верхом». Часто А. Пушкин делал зарисовки для себя, не предполагавшие постороннего взгляда. Они, также как и у Лермонтова, были органической частью работы над текстом. Нередко Пушкин изучал работы других художников, в частности, живопись А. Орловского. «Бери свой быстрый карандаш, рисуй, Орловский, ночь и сечу!» – эти пушкинские строки обращены к Александру Орловскому. В Орловском его привлекала живая наблюдательность романтика-этнографа. Можно предположить, что описание черкеса из «Кавказского пленника» («Черкес оружием обвешан; он им гордится им утешен; на нем броня, पिщаль, колчан, кубанский лук, кинжал, аркан и шашка вечная подруга его трудов, его досуга» производилось прямоком с рисунков Орловского, подобных гуаши «Всадник-черкес»⁶⁷⁷.

Популярный художник А.О. Орловский

Александр Осипович Орловский (1777-1832) был одним из самых популярных художников России первой трети XIX в. В 1802 г. Орловский приехал из Варшавы в Петербург. В 1809 г. за картину «Бивуак казаков» Орловский удостоился звания академика батальной живописи. Десять лет спустя он был причислен к Военно-топографическому депо Главного штаба е.и.в. для «сочинения мундиров российских войск»⁶⁷⁸.

В то же самое время художник продолжает совершенствовать свое мастерство, рисует как батальные полотна, так и пейзажи, портреты, карикатуры.

Современников особенно увлекал его талант блестящего, острого рисовальщика, они высоко ценили его бытовые зарисовки, остроумные, смешные, а подчас и злые карикатуры. Ведущее место в его искусстве было отведено батальным и военно-бытовым сценам. В качестве фона для развертывания батальных и разбойничьих сюжетов художник избирает обычно мрачные пейзажи с тревожным лунным светом, с грозовым небом, с согнутыми от ветра деревьями. Тем же характером отличаются и самостоятельные пейзажные произведения («Пейзаж с водопадом»). Дикое нагромождение скал, сквозь которые пробивается бурный поток, создает тревожно-лирическое настроение.

Интересной по своей технике является работа Орловского «Битва грузин с горцами», появившаяся, вероятно, в 1826 году. На этой литографии взгляд художника сосредоточен на первом плане, что привело к увеличению размеров фигур всадников и коней. Великолепный знаток оружия восточных народов и казаков, Орловский, блестяще владея трудным искусством анималиста, смог развернуть в изображении жаркой схватки весь пыл своего темперамента⁶⁷⁹. Любопытной по своему этнографическому колориту является картина А.О. Орловского «Кавказский всадник»⁶⁸⁰

Александр Осипович любил Кавказ, с уважением относился к его жителям. Очень часто он выходил из дома в одежде горца – в папахе и с кинжалом. Он был высокого роста, смуглый, черноглазый и этот наряд ему очень шел. Свой автопортрет художник исполнил также в необычной форме, представ перед публикой в черкесском костюме («Автопортрет в черкесском наряде»)⁶⁸¹. В своем автопортрете Орловский изобразил себя в коричневом бешмете с нашитыми на нем патронами, в меховой папахе с эфесом сабли⁶⁸².

Н.Г. Чернецов

Никонор Григорьевич Чернецов (1805-1879) был крупным художником. Он исколесил почти весь Кавказ. В 1829 г. он был командирован Академией художеств специально, чтобы сделать зарисовки Кавказа. Вернувшись в 1831 г. в Петербург, он привез с собою около 300 рисунков

и набросков, на основании которых писал картины. Одна из них – «Вид Дарьяла» – украшала кабинет А.С. Пушкина⁶⁸³. Во время первой поездки на Кавказ в 1829-1831 гг. он побывал в предгорьях Северного Кавказа. Свой альбом художник заполнял многочисленными разнохарактерными зарисовками. Как утверждают специалисты, за эти два года он написал своего рода «живописный дневник путешественника». Н.Г. Чернецов являлся первым создателем своеобразной живописной энциклопедии юга России и «зачинателем» художественного прославления Кавказа⁶⁸⁴. Путешествие по Кавказу оказало огромное влияние на художника. Путь его пролегал по живописной Военно-Грузинской дороге. Он без устали заполнял свой альбом зарисовками крепостей, мечетей, бытовыми сценами и, конечно же, пейзажами. Несмотря на скрупулезную точность произведений, они полны глубокой непосредственности.

Одну из интереснейших работ, изображавшую кавказские горы, Чернецов привез в Петербург. Она настолько понравилась императору Николаю I, что он заказал живописцу написать еще три вида гор, а Совет Академии художеств представил Никанора Чернецова на звание «назначенного академика». В своих письмах из Европы, цесаревич Александр, сообщал своему отцу, императору Николаю I: «После обеда смотрели рисунки Чернецова, собранные в его летнюю поездку, которые прекрасно сделаны и очень верны»⁶⁸⁵. Существует мнение, что одна из картин Чернецова была создана специально для А.С. Пушкина и висела в его петербургской квартире на Мойке. Она напоминала поэту о его собственной поездке на Кавказ. На одном из подготовительных рисунков, изображающем Дарьяльское ущелье, была сделана надпись «Писана для поэта А.С. Пушкина». Произведения кавказской серии, экспонировавшиеся на выставке 1833 г. в Академии художеств, были встречены публикой с одобрением, особенно картины «Ночь перед бурей», «Кавказские горы»⁶⁸⁶, «Путешественники в предгорьях Кавказа» (1849)⁶⁸⁷.

Тему Кавказа развивали в своем творчестве многие художники, перечислим работы некоторых из них: Ахриев Х.–Б.Б. «Аул Нью Церинского общества. Ингушетия», «Женщины, идущие на покос», «Защита аула Эбан в 1830 г.», «Лечение сумасшедшего»; Байков Ф. «На Кавказе. Горцы у источника»; Геевский А.П. «Взятие штурмом горского аула 2-м батальоном Тенгинского полка 27 сентября 1836 г.», «Рубка леса в ущелье Хан-Кала с 10 по 15-е марта 1820 г.», «Угон скота из аулов. 5 мая 1821 г.»; Грекова А.Л. «В горах Осетии»; Животовский С. «Горная

дорога в Дагестане»; Занковский И. «Гора Казбек», «Горная долина, освещенная солнцем», «Горный поток», «Кавказ»; Кившенко А.Д. «Зивин. Кавказ (этюд) .1885 г.»; Ковалевский П. «Переход через перевал», «Горец», «Кавказ»; Коровин К.А. «Пейзаж. Кавказ. Монастырская стена»; Косолап П.С. «Последние минуты Шамиля в Гунибе»; Лансере Е. «Кавказский натюрморт»; Лебедев К. «Кавказский базар»; Левитан И.И. «Горный пейзаж»; Никонов В. «Крепость Дербент»; Овсянников В.П. «У подножия Кавказа»; Паули Т. «Чеченец и дагестанец. 1862 г.»; Политаки Е.И. «Горы», «Утро в горах», «Хумаринское ущелье»; Руссель П.-М. «Кавказские горцы»; Селиванов «Горец»⁶⁸⁸.

Ингушский художник Х.-Б. Б. Ахриев

Рассмотрим подробнее биографию ингушского художника Хаджи-Бекира Бачиевича Ахриева. Он родился в 1895 году. Еще до революции Х.-Б. Ахриев поступил в Строгановское художественное училище, скульптурное отделение которого окончил в 1917 году. Ахриев, вернувшись на Кавказ, был одним из создателей краеведческого музея в г. Грозном. Здесь он работал с 1921 года, занимаясь художественным творчеством и участвуя в музейных историко-этнографических экспедициях. В 1934 году Х.-Б. Ахриев был репрессирован по политическому доносу и отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. Он умер в ссылке в 1940 году. Хаджи-Бекир Ахриев был человеком разнообразных дарований. Он занимался живописью, скульптурой, графикой, резьбой по кости. Имеются сведения, что до 1934 года Ахриев создал несколько сотен произведений. Подавляющее большинство его работ было утрачено во время депортации в годы Великой отечественной войны. Назовем некоторые из его картин: «Защита аула Эбан в 1830 г.», «Женщины, идущие на покос», «Лечение сумасшедшего»⁶⁸⁹.

Скульпторы

Романтика свободолюбивого Кавказа привлекала и наиболее значительных русских скульпторов XIX столетия. В творчестве Е. Лансере, В. Грачева, Ф. Ходоровича есть целые серии образов кавказских горцев. Сами авторские названия скульптур Е. Лансере демонстрируют интерес

автора именно к повседневной жизни горцев: «Мальчик-пастух накинув армяк, гонит трех овец, одну овечку и одного барана», «Грузинская арба, запряженная парой буйволов, и одна коза в тележке». Скульптура В.Я. Грачева «Черкес с черкешенкой на коне спускаются с горной кручи» – трогательная композиция, чем-то напоминавшая знаменитое «Прощание казака с казачкой» Е. Лансере.

Серию правдивых и выразительных работ создал малоизвестный сегодня скульптор Феликс Ходорович. Будучи сосланным на Кавказ, в действующую армию, с 1864 г. скульптор оказался в Грузии и по окончании военной службы поселился в Тифлисе. Он много путешествовал, внимательно изучал типы, нравы, обычаи и утварь народов, населявших Кавказ. Собрав обширный материал, он приступил к созданию портретов и жанровых композиций. Ходорович задумал создать коллекцию кавказских типов, чтобы показать их на Всемирной выставке в 1889 г., эта коллекция должна была состоять из 30 бюстов и 30 жанровых групп. Неизвестно, удалось ли ему полностью осуществить свой замысел, но сохранилось несколько небольших жанровых композиций. В его скульптуре «По пути на базар» вооруженный по обычаю горец неспешно направляется на своей привычной к горным кручам лошади, нагруженной дорожным подсушком, из которого с одной стороны выглядывает младший сынишка, а с другой – молочный ягненок, сзади отца обнимает удерживающаяся за спиной дочка постарше. Еще одна редкая скульптура из кавказского цикла Ф. Ходоровича изображает юного погонщика волов, который сидит на одном из них, грустно понутив голову. Мальчика укусил овод, и один его глаз припух, а волы выразительно мотают головами⁶⁹⁰.

Русские фотографы на Кавказе

История развития фотоархива и его фондов – это история развития нашего государства. Фотография имеет значение исторической хроники, как в событийном, так и этнографическом, антропологическом и ландшафтном контекстах. В широком смысле фотография – источник познания и, при научном осмыслении, иллюстрированная энциклопедия быта и бытия цивилизаций. Около 1000 фотографий было сделано на Кавказе. Абсолютное большинство сохранившихся снимков выполнено русскими учеными и фотографами В.Д. Смирновым, Я.И.

Смирновым, И.Ф. Баршевским, Д.И. Ермаковым, А.К. Энгель, Ф.Ордэ, Л. Рогозиным, И.Г. Ностиц, С.Л. Левицким, Г.И. Раевым, Джанаевым – Хетагуровым А.К. и др.⁶⁹¹. Благодаря работе фотографа Окуловского до нашего времени сохранились подлинные изображения полковника Касима Курумова, ротмистра Чуликова, полковника Арцу Чермоева (фото 1862 г.). Уже генерала Арцу Чермоева в 1871 году сфотографировал А.Д. Иванов⁶⁹².

Начало великолепной фотолетописи Кавказа было положено фотографическим отделом Генерального штаба Кавказской армии. На ее пополнение были направлены и значительные силы Кавказского отдела Русского Географического общества. Одним из первых стал членом-сотрудником РГО профессиональный фотограф А.К. Энгель, художник по образованию. Его артистически выполненные снимки типов и видов Северного Кавказа заслуживали самого высокого одобрения. Особенно много сохранилось фотоснимков, произведенных Кавказским военно-топографическим отделом («Тушины и тушинские женщины», «Хевсурские женщины» и т.д.). Большой интерес представляют снимки Д.И. Ермакова («Продавец ковров и покупатели». 1890-е гг.); Ф. Ордэ («Чеченка. Чеченец». 1880-е гг., «Портреты горцев». 1880-е гг.); Л. Рогозина («Аул Мони. Мост через реку Андийское Койсу». 1890-е гг.)⁶⁹³.

В восьмидесятых годах начал работать и другой известный фотограф – художник Г.И. Раев. В конце XIX века художники нередко стали составлять свои композиции по фотографиям и, нередко переквалифицировались в фотографов⁶⁹⁴. Григория Ивановича Раева можно с полным основанием назвать исследователем Кавказа. Ему были подвластны все жанры: портреты, пейзажи, памятники архитектуры, виды и типы Кавказа. В России первое упоминание о нем в печати относится еще к 1898 году, когда газета «Новое время» поместила информацию о прекрасных Раевских снимках Военно-Грузинской дороги. За ландшафтные снимки Кавказского края Раев получал награды на русских и международных выставках. По своим фотографиям он наладил выпуск открытых писем, фотографических серий «Виды Кавказа, Закавказья, Крыма, Нижегородской ярмарки». Снимки Г.И. Раева послужили основой для создания более чем ста открыток с видами Кавказа. Именно он первым из фотографов России запечатлел процесс становления железнодорожной сети на Кавказе. За плодотворное сотрудничество с Кавказским Географическим обществом он был избран его почетным

членом. На основе работ Раева археологи и историки имеют возможность воссоздать многие события того времени. Чего только стоит уникальный альбом с видами Кавказа: Военно-Осетинская дорога, Аллагирское ущелье, тропа на леднике Цей... Русское Географическое общество за мастерство наградило Г.И. Раева большой серебряной медалью; ранее подобную медаль он получал от Русского технического общества⁶⁹⁵.

Еще один популяризатор Кавказа – Д.И. Ермаков. Кроме великолепных пейзажей горной Сванетии, Военно-Грузинской дороги он снял множество этнографических сцен и археологических памятников⁶⁹⁶. Во Владикавказе, на Александровском проспекте находились салоны замечательных фотомастеров и фотохудожников прошлого – А.К. Джанаева-Хетагурова, братьев Рудневых, Воюцкого, Алонкина, Квитона, братьев Хмара, – привлекавшие горожан и гостей столицы Терской области не только возможностью сфотографироваться, но и посмотреть выставки фотографий и фотопластических картин⁶⁹⁷. Интересные виды Кавказа сохранил для нас и фотограф С.Л. Левицкий (1819-1898) – член Парижского фотографического общества, двоюродный брат А.И. Герцена. Во время пребывания на Кавказе он делал дагерротипы (аппаратом с объективом французского оптика Шевалье) видов Кисловодска, Пятигорска и других мест Кавказа.

Выпускник Пажеского корпуса, граф, командир Нижегородского полка (с 1858 г.), расквартированного на Кавказе, генерал – майор свиты императора Александра II (с 1863 г.) – Иван Григорьевич Ностиц (1824-1905), фотографией занялся с 1840-х годов. И.Г. Ностиц стал одним из первых в России фотографов-любителей. В 1859 году он снимал в Чир – Юрте плененного имама Шамиля⁶⁹⁸. Сам Шамиль очень заинтересовался искусством фотографии еще на Кавказе. После пленения, прибыв в Санкт-Петербург, по его желанию состоялась встреча с профессором А.К. Казем-Беком, признанным в Европе востоковедом. Всего более Казем-Бека, по его словам, поразила в Шамиле любовь к разговорам о науках... Речь шла не только об исламе, но и о «разных неожиданных ученых предметах», например, «о механизме фотографического изображения», затмении Солнца и т.п., в чем проявлялся любознательный ум Шамиля⁶⁹⁹. В Петербурге Шамиль посетил фотоателье Александровского, где был сделан его портрет. Когда Шамиль жил в Калуге, местная публика неоднократно обращалась к нему с просьбой сделать фотопортреты его жен, но каждый раз получала

решительный отказ. Но в конце-концов Шамиль сказал: «Хорошо, я позволю снять портреты с жен и дочерей, но с тем, чтобы снимала их женщина». Вскоре капитан Руновский представил ему женщину-фотографа и Шамиль, не хотя, согласился сделать их портреты. Когда ему показали фотографию любимой жены Шуанаты, он сказал: «Лучше бы я увидел ее голову, снятую с плеч!»⁷⁰⁰.

Изобретение фотографии отвечало двум назревшим к XIX столетию потребностям – в получении документально точных изображений, в том числе и портретных, и в дешевом и быстром, а потому массовом изобразительном языке. Фотография – не только свидетельство, но и образ, произведение особого искусства, для которого адекватность отображения реальной натуры является не только технической неизбежностью, но и важнейшим эстетическим принципом. Она стремится быть выразительной в пределах строгой достоверности, быть образной – без нарушения подлинности. Художественный строй фотографического, как и всякого другого искусства, изменчив. Стиль времени накладывает на него определенную печать, задавая и выбор мотива, и композицию снимков, группировку и поведение людей перед камерой. Фотография чутко воспринимает влияние современной ей живописи и графики, но и в свою очередь оказывает на них существенное влияние. Так живописный портрет получил новый эталон достоверности. Этюды для портретной живописи нередко стали делать фотографическими⁷⁰¹.

В Кавказском музее была представлена богатая коллекция фотографий, изображавших мусульманские светские здания, а также христианские монастыри и церкви Кавказа. На Тифлисской выставке кустарных промыслов (1889 г.) Этнографическим отделом Кавказского музея были приобретены многочисленные фотографии и целые коллекции предметов быта народов Кавказа⁷⁰². Ф.П. Кеппенен, побывавший в Кавказском музее, отмечал: «...мне не помнится, чтобы я где-либо в музеях Европы видел такое счастливое сочетание изящества с целесообразностью». Корреспонденты «Терских ведомостей» объясняли секрет «живой фотографии», «волшебных фонарей» механизмом действия электрофотоаппарата – прибора, с помощью которого воспроизводятся «натуральные движения фотографированных субъектов»⁷⁰³. Н. Алексеев, в 1858 году из станицы Старогладовской в письме к Л.Н. Толстому сообщает: «Фотография явилась здесь и скоро она познакомит Русь с прелестными местами Кавказа»⁷⁰⁴.

Создание образа Кавказа в творчестве русской интеллигенции

Образ Кавказа по разному рисовался, с одной стороны, в официальном петербургском освещении и, с другой, в освещении дворян, побывавших там, поучаствовавших в военных кампаниях и получивших непосредственные впечатления от увиденного, правда, увиденного сквозь дымку характерного для того времени романтизма. Образ Кавказа, рисуемый официально государством, был наиболее простой по своему смыслу. В представлениях Петербурга горское бытие принадлежало к «низшей реальности», на которую не распространялись принципы поведения, принятые в европейском мире. Эта «низшая реальность» была некоей глиной, сырым материалом, сферой реализации властных фантазий. Отсюда непоследовательность, смена методов, нарушение своих обязательств перед горцами, высокомерное игнорирование их требований. Одним из первых в XIX веке к кавказской теме обратился В.Т. Нарезный. В своем романе «Горный год, или Горские князья» он в иносказательной форме одним из первых подверг критике кавказскую администрацию, ее действия по отношению к местным жителям⁷⁰⁵.

Для активной части дворянства Кавказ был как вариант иного мира, в котором раскрывалось иное качество пространства (горы), который был населен иными людьми – свободными от европейских условностей, был воплощением принципа, который можно определить как принцип психологической компенсации дворянскому сознанию. Кавказ – не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление, давал возможность ощутить бытийную полноту чеоловеческого сознания. Горы очаровывали русского дворянина. Это был символ мятежа природы против унылой упорядоченности⁷⁰⁶.

Кавказ, как экзотический край, противопоставлялся в творчестве русских писателей пространству обыденному. Так могли смотреть на Кавказ именно романтики, для которых двоемирие было как характерной особенностью мышления, так и необходимой эстетической категорией. Кавказская война интерпретировалась в творчестве русских романтиков как явление, возможное только в подобном экзотическом пространстве, как своего рода неотчуждаемая характеристика Кавказа. При этом война оказывалась в романтическом сознании безусловной ценностью, поскольку именно она обеспечивала состояние свободы – высшего предела для романтического сознания. И именно этим мотивируется глубокая симпатия русских

поэтов и писателей к горцам: люди, готовые идти на смерть ради свободы, вызывают уважение безотносительно к тому, с кем они воюют. Проблема самоопределения человека, соприкоснувшегося с другой культурой (в данном случае с совокупностью культур народов, населявших Кавказ), не ограничивается проблемой политического самоопределения. Неприятие политической несвободы – это всего лишь частный случай неприятия романтическим сознанием своей культуры как враждебной в своей монотонности, предсказуемости. Здесь возникает вопрос о культурном статусе человека не только на Кавказской войне и шире – в Российской империи. На кавказском материале решаются проблемы бытия человека в мире⁷⁰⁷.

То напряжение, которое возникало в русской литературе между ощущением неизбежности и, даже необходимости включения Кавказа в Российскую империю и сочувствием к горцам, стало одним из моментов, приведших, в конце концов, к деконструкции в русской культурной традиции евроцентрической модели цивилизаторства. И дело даже не в возможной логике – идеи цивилизаторства хороши, а воплощение – ужасно. Дело в предощущении русской литературой XIX столетия порочности тотального цивилизаторства как процесса, разрушающего обе культуры. Состояние «культурного билингвизма» оказывалось, в конце концов, крайне неустойчивым в силу того, что героям не удавалось сделать четкий выбор между империей и Кавказом (империя плоха, ибо недостаточно европеизирована; Кавказ плох, ибо не принимает чужака в принципе), и – шире – между Кавказом и Европой⁷⁰⁸.

В пламени Кавказской войны, опалившей судьбы Бестужева, Лермонтова, Толстого, поэт и воин Александр Полежаев одним из первых поднял голос против бессмысленной бойни:

*«Да будет проклят нечестивый,
Извлекивший первым меч войны,
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый...»*

Поэт А.И. Полежаев

Русский поэт Александр Иванович Полежаев (1804-1838), отданный Николаем I в солдаты, с 1829 по 1833 г. принимал участие в военных экспедициях на Северном Кавказе⁷⁰⁹. Все события Кавказской

войны, сквозь адское пламя которых судьба провела поэта, отразились в его стихах и поэмах. По названиям произведений Полежаева можно составить карту его кавказских походов: Чири-Юрт, Герменчук, Акташ-Аух.... В октябре 1831 года Полежаев участвовал в штурме Чири-Юрта в Чечне и назвал эту битву «достойной примечания в летописях Кавказа». После возвращения отряда из экспедиции в крепость Грозную он в течение одиннадцати дней написал поэму «Чир-Юрт», в которой запечатлел картины минувшего боя⁷¹⁰. А.И. Полежаев в своих произведениях изображает не только ратные подвиги, но и «непоэтичный» быт войны. Исторические комментарии Полежаева создают «эффект присутствия». Русские писатели и поэты, писавшие о Кавказе, редко напрямую осуждали империю, но военная агрессия всегда связана с пролитием крови, жестокостью и насилием, и отказаться от критики войны они не могли. Стихотворения и поэмы кавказского периода творчества А.И. Полежаева сыграли заметную роль в развитии реализма в русской поэзии⁷¹¹.

«Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиною!» – писал В.Г. Белинский⁷¹². Упоминания о Кавказе можно найти в одах М.В. Ломоносова, в стихотворной повести «Бова» А.Н. Радищева и его поэме «Песнь историческая»⁷¹³. Г.В. Державин впервые дает поэтическое описание природы Кавказа в оде «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В.А. Зубова». В.А. Жуковский в своем послании Воейкову посвящает несколько стихотворений описанию Кавказа. Хотя сам он не был на Кавказе, но живо интересовался его населением. Жуковский писал:

*«Ты зрел как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом»*⁷¹⁴.

Н.Г. Чернышевский осуждал и называл многолетнюю войну на Кавказе «язвой, которая истощала Россию». Н.А. Добролюбов осуждал установленную систему управления горцами, «ошибки» центральных властей, когда все отношения с горцами решались с позиции силы⁷¹⁵. В статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе», опубликованной в 1859 году, Добролюбов признавал, что на Северном Кавказе

«...царское управление выказывало себя именно с такой стороны, что не могло возбудить неудовольствия во вновь покоренном народе» и что «борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». Умело обходя цензурные препятствия, он выражал дружеские чувства русского народа к кавказским народностям: «Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательною перемена его на какое-нибудь другое – тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены»⁷¹⁶.

А.С. Грибоедов

Грузинский общественный деятель Г.Д. Эристави, анализируя взгляды А.С. Грибоедова по отношению к Кавказу и его жителям, делает вывод: «Он один из первых, если не первым, сумел понять, что на Кавказе живут, и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли...»⁷¹⁷. Для Грибоедова кавказская тема ассоциировалась со свободолюбием, борьбой против социального и политического угнетения. Герои стихотворения «Хищники на Чегеме» нарисованы с большой симпатией. На фоне величавой и дикой природы вырисовываются образы смелых и сильных горцев, обитающих «будто быстрые орлы под челом крутой скалы». Нет ничего для них дороже, чем свобода отчего края:

*«Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущелиям разлита!»*

«Хищники на Чегеме» наряду с четко выраженными вольнолюбивыми мотивами характеризуются сочувствием к борьбе горцев с колониальной политикой самодержавия:

*«Наши камни, наши кручи!
Русь! Зачем воюешь ты
Вековые высоты?»*

Страстность, сила стремлений, решительность, волевая настойчивость смелых и свободолюбивых горцев, жертвующих всем ради свободы, как бы противопоставлены безвольным и бессильным пленникам, скованным цепями рабства (это противопоставление найдет дальнейшее развитие в кавказских поэмах М.Ю. Лермонтова). Не случайно, в первой публикации стихотворения («Северная пчела», 1826. № 143) цензурой была изъята девятая строфа, в которой говорится о русских пленниках:

*«Узы – жребий им приличный,
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли, обмен?
Дома – цепи! В чуже – плен!»⁷¹⁸.*

Отпрыск древнего и богатого рода, Грибоедов с детства имел очень широкий кругозор. Чтобы познакомиться с мировым разнообразием, он изучил сначала европейские, а затем и восточные языки. Н. Муравьев (Карский) в 1822 году записал в своем дневнике: «Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было, поражают. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским...»⁷¹⁹. Знание многих языков стало решающим моментом в карьерном росте и судьбе Грибоедова.

19 февраля 1822 года А.С. Грибоедов был назначен чиновником по дипломатической части при Ермолове. В 1819 году Грибоедов приезжал к Ермолову в Чечню, чтобы обговорить будущее его назначение на должность. В некоторых отрывках из эпистолярного наследия Грибоедова можно найти следующие откровения поэта: «Чтобы больше не иовничать, пускаюсь в Чечню, Алексей Петрович не хотел, но я ему навязался. – Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгрегов; будем вешать и прощать, и плюем на историю... Имя Ермолова еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню!» – писал А.С. Грибоедов своему другу С. Бегичеву ⁷²⁰. В другом письме к своему приятелю Грибоедов очень точно объяснил причины своего многолетнего существования «на колесах»: «Судьба, нужда, необходимость... рукою железною закинула меня сюда (на Кавказ) и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами...», – в словах этих заключена почти формула всей жизни Грибоедова⁷²¹.

Встретившись осенью 1825 года в станице Екатеринославской с генералом Ермоловым, Грибоедов упросил его взять с собой в Чечню. По-видимому, желание участвовать в чеченском походе и все увидеть своими собственными глазами, связано с изменившимися взглядами писателя на кавказскую политику России, с попытками определить свое отношение ко всему здесь происходящему, осмыслить пути решения исторических судеб коренных кавказских народов. Сначала Грибоедов с Ермоловым прибыли в Червлennую, где узнали о восшествии на престол Николая I, а затем отправились в крепость Грозную. Именно здесь Грибоедов и был подвергнут аресту на основании привезенного фельдегерем Уклонским приказа начальника Генерального штаба И.И. Дибича.

При аресте очень важную услугу оказал Грибоедову А.П. Ермолов, приказавший своему адъютанту И.Д. Талызину позаботиться об уничтожении «опасных» бумаг писателя. Об этом имеется немало сведений, в частности, подробные воспоминания присутствовавшего при аресте Н.В. Шиманского: «Талызин, Сергей и я, пригласивши с собой фельдъегеря, пустились на рысях прямо к дому коменданта крепости Грозной. Алексей Петрович Ермолов сидел за большим столом и, как теперь помню, раскладывал пасьянс. Сбоку от него с трубкой сидел Грибоедов. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдъегеря, генерал немедленно приказал позвать его к себе. Уклонский вынул из сумки один тонкий конверт от начальника Генерального штаба Дибича. Генерал разорвал конверт, бумага заключала в себе несколько строк... Я не обратил внимания на Грибоедова, но Талызин мне после рассказывал, что он сделался бледен, как полотно.... Талызин отдал приказание одному из ординарцев генерала, ... чтобы он скакал в обоз, отыскал арбу Грибоедова и Шиманского, и чтобы гнал в крепость.... Когда я возвратился к А.П. Ермолову, ... то Грибоедова не было в комнате. Он выходил куда-то, но скоро возвратился, был, по-видимому, спокоен и слушал рассказы Уклонского, который назвал многих арестованных. Приказано было подавать ужин...». Далее Шимановский продолжал: «Тут нужно возвратиться к арбе с нашими вещами. Урядник Рассветов ловко исполнил возложенное на него поручение. Он отыскал арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь – «Горе от ума». Не более как в полчаса

времени все сожгли на кухне Козловского, а чемодан поставили на прежнее место в арбу»⁷²².

22 января 1826 года Грибоедов был арестован в крепости Грозной по постановлению Следственного комитета по делу декабристов и пробыл под арестом несколько месяцев. В апреле 1828 г. Грибоедов был назначен министром-резидентом в Персию, где и погиб при разгроме русского посольства. Ермолов, спасая Грибоедова от ареста, спасал и себя самого, зная неприязненное к себе отношение Николая I и то, что в Петербурге подозревают о существовании тайного общества на Кавказе. Возможно, именно поэтому Ермолов не только своеобразно помог Грибоедову при аресте, но и всячески старался обелить его, дав писателю благоприятнейший отзыв в письме к барону Дибичу. В нем особо подчеркнул, что «Грибоедов взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются...». По свидетельству секретаря канцелярии Главноуправляющего на Кавказе, П.М. Сахно-Устимовича, этот отзыв Ермолова, «как сам Грибоедов сознавался после, много ему помог при его оправдании». Оправдание же писателя одновременно способствовало и оправданию Ермолова. И об этом со всей определенностью писал Э.В. Бриммер: «... Скоро возвратился Грибоедов чист, как голубь, и более не было подозрений на Кавказский корпус». Случилось это в сентябре 1826 года. По свидетельству В.К. Кюхельбекера, «он (Грибоедов) в Москве и Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских, ... где посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым».

Грибоедов был одним из первых русских писателей, долго проживших на Кавказе. А.С. Пушкин писал: «Совершенное знание такого края, где начиналась война, открыло ему новое поприще.... Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни». Действительно, именно с Кавказа Грибоедов увез не только богатые впечатления, но и первые акты комедии «Горе от ума», которая обессмертила его имя. Как свидетельствуют «Акты Кавказской археографической комиссии», первые любительские постановки комедии «Горе от ума» состоялись в Тифлисе в конце 1820-х – начале 1830-х годов в салоне Александра Чавчавадзе и в зале Армянской духовной семинарии Нерсисян. Сам Грибоедов, по имеющимся сведениям, в 1828 году присутствовал в Тифлисе на концертном исполнении «Горе от ума» в доме Багратиони. Отношения между Грибоедовым и Ермоловым были не всегда радуж-

ными. Ермолов, высоко отзывавшийся о произведениях А.С. Пушкина, писал Д.В. Давыдовы: «Это не стихи нашего знакомого Грибоедова, от жевания которых скулы болят ...». В.А. Андреев писал, что Грибоедов «разошелся с Ермоловым», что «у Ермолова Грибоедов составлял только роскошную обстановку его штаба; что Грибоедов был умным и едким собеседником; что Ермолов его любил, но никогда не был к нему близким человеком»⁷²³.

В июле 1888 года А.П. Чехов «шатался по Крыму и Кавказу», как писал он в августе журналисту Н.М. Ежову. О своих впечатлениях от поездки по Кавказу Чехов восторженно писал редактору журнала «Осколки» Н.А. Лейкину. «Кавказ Вы видели. Кажется, видели и Военно-Грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ездили по этой дороге, то заложите жен, детей, «Осколки» и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ...»⁷²⁴. В сентябре 1899 года великий норвежский писатель Кнут Гамсун совершил поездку через Россию на Кавказ. Результатом этой поездки явилась вышедшая в 1903 году книга «В сказочном царстве», которую один из английских исследователей творчества Гамсуна назвал самыми субъективными путевыми очерками⁷²⁵.

А.С. Пушкин

А.С. Пушкин очень любил Кавказ, неоднократно здесь бывал и посетил Кавказу многие свои произведения. Одним из самых значимых среди них был «Кавказский пленник». Никто из русских литераторов не писал так тепло о горах, как это сделал А.С. Пушкин в «Кавказском пленнике». Красной нитью через это произведение проходит мысль, что «лишь угроза порабощения заставляет братья за оружие горцев». Вынужденно взяв оружие, они, как подчеркивал Пушкин, проявляли храбрость и стойкость, с большой любовью защищали свою родину и с честью умирали за свою свободу и независимость. Но произведение поэта нередко подвергалось и критике. Друг А.С. Пушкина, поэт П.А. Вяземский, в письме от 27 сентября 1822 года к А.И. Тургеневу, критикуя поэта относительно эпилога к «Кавказскому пленнику», писал: «Мне жаль, что Пушкин окровавил стихи своей повести. Что за герои – Котляровский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, губил, уничтожал племена? От такой славы кровь стынет в жилах и

волосы дыбом становятся. Если бы мы прсвещали племена, то было бы что воспеть...»⁷²⁶.

Вышедшее в 1822 г. первое издание «Кавказского пленника» Пушкино было распродано за несколько месяцев. В 1824 г. Пушкин, нуждаясь в средствах, ухватился за предложение брата – продать второе издание «Кавказского пленника» одному из книгопродавцев за 2000 рублей. В это время в Петербурге неожиданно для самого Пушкина, так и для его друзей и издателей, вышло новое издание «Кавказского пленника». Издание Е. Ольдекопа являлось прямой контрафакцией, грубым нарушением авторских прав Пушкина. Вяземский написал Пушкину, что продажу ольдекоповского издания в Москве остановить уже невозможно, и советовал ему жаловаться министру А.С. Шишкову. Пушкин, которому вся эта история изрядно надоела, ответил Вяземскому: «Ольдекоп, мать его в рифму, надоел! Плюнем на него и квиты»⁷²⁷.

В 1934 году профессор А.И. Некрасов среди литературных источников «Кавказского пленника» Пушкина назвал опубликованную впервые в Париже на французском языке в 1815 году повесть К. де Местра «Кавказские пленники». Когда Ксавье ехал из Петербурга в Тифлис, то останавливался во Владикавказе, где общался с генералом Дельпоццо, который «был в плену у чеченцев». Он с ним также беседовал и по поводу того, что «четыре иезуита сделают больше, чем десять тысяч солдат, чтобы завоевать эти места, где расположены самые лучшие долины в мире». Местр высказал также предположение, что и чеченцы в древности были христианами, но «сейчас все горцы или язычники, или наполовину мусульмане». Семья К. де Местра жила с 1825 по 1839 г. преимущественно в Италии, куда в 1832-1833 гг. приезжал В.А. Жуковский. Он поддерживал с Местрами дружеские отношения⁷²⁸.

А.С. Пушкина волновала тема Кавказской войны не только с теоретической точки зрения, Александр Сергеевич сильно тревожился о судьбе своего брата, который служил на Кавказе. В мае 1829 года А.С. Пушкин предпринял путешествие на Кавказ, где и встретился с братом. Брат А.С. Пушкина – Лев Пушкин был «в походах против неприятеля и в самих сражениях» на Кавказе и в те дни, когда хоронили А. Пушкина. О печальных событиях он узнал только в марте 1837 года. В воспоминаниях П.А. Вяземского есть такая фраза: «После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на

дуэль барона Геккера (урожденного Дантес), но приятели отговорили его от этого намерения». Лев Пушкин был неоднократно награжден орденами и медалями. Старший сын поэта, Александр Пушкин, тоже выбрал ратное дело. Он участвовал в Русско-турецкой войне, освобождал Болгарию, за что был пожалован золотой саблей и орденом Св. Владимира⁷²⁹.

Некоторые поэты больше уделяли внимание повседневной жизни на Кавказе, всем ее трудностям и радостям. В кавказских стихах Я.П. Полонского представлен российский чиновник, живущий на Кавказе, который ощущает здесь свою чуждость. Но чуткий и заинтересованный человек, по мнению поэта, многое перенимает у местного «особенного народа». Он ведет себя как «Учтивый Гость», который не смеет нарушать установленный порядок, а только старается его изучить, ведь ему здесь жить и работать, хотя и положение его несколько двойственно...⁷³⁰.

Писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский

Изображение кавказской действительности привело к освоению новых художественных форм, к развитию важнейших эпических жанров. Кавказские события, характеры, нравы горских народов диктовали необходимость их отображения в новых формах и побуждали все чаще и чаще обращаться к такой сложной эпической форме, как повесть. Писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, предшественник М.Ю. Лермонтова на Кавказе, создал романтические повести «из кавказской жизни», которыми зачитывалась вся Россия. В.Г. Белинский неоднократно отмечал в своих работах ту особую роль, которую сыграл Марлинский в становлении русской повести. Именно благодаря А.А. Бестужеву-Марлинскому, по мнению критика, повесть становится одним из наиболее распространенных жанров в русской литературе, обретает свои характерные черты, освобождаясь от классической высокопарности и тяжеловесности, сентиментальной плаксивости и приторно-навязчивой нравственности ранних романтических повестей⁷³¹.

С авторитетом А. Бестужева-Марлинского как кавказоведа считались многие. Примечательно, что Л.Н. Толстой в период работы над повестью «Хаджи-Мурат», продолжая сбор географических и этнографических материалов о Кавказе, перечитал пересланную из Москвы дочерью Татьяной Львовной повесть «Мулла-Нур» А. Бестужева-Марлин-

ского. Названная повесть декабриста выделяется своей описательностью и исключительно разнообразным обилием краеведческого материала⁷³².

Александр Бестужев – гвардейский офицер, печатавшийся в петербургских журналах (Марлинский – его литературный псевдоним), был переведен рядовым в Кавказскую армию в 1829 году из Сибири, где отбывал в далеком Якутске ссылку за участие в декабрьском восстании. Кавказ поразил его своей первозданной красотой. В одном из своих очерков он писал: «Кто видел Кавказ в грозу и ведро (проливной дождь), тот может умереть, не завидуя Швейцарии. Вдали, как исполинские волны застывшего океана, вставали горы над горами, увенчанные алмазною пеною снегов; угрюмо, как минувшие столетия, висели надо мною громады и над ними сверкал снежный Перун лавин, готовый низречься от жаркого луча солнца, от крыла ветра. Далеко под стопами моими бродили облака, подобно стадам золоторунных овец. В стороне горные потоки, надменные дождями, ниспадали млечной струей и едва вятно роптали в глубине...».

В военных походах Бестужев проявлял чудеса храбрости и самообладания. В письме к братьям в Сибирь он писал: «Я дышал эту осень своею атмосферою: дымом пороха и туманом гор. Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги! Какие куклы перед ними персы и турки! Как искусно умеют они сражаться, как геройски решаются умереть!» За неоднократные боевые отличия Бестужев был произведен в июле 1835 года в унтер-офицеры, а в мае 1836 года – в прапорщики. Это производство, по его словам, он «выстрадал и выбил штыками». В начале лета 1837 года Бестужев участвовал в высадке десанта в Абхазии, у мыса Адлер. Накануне операции, находясь на борту фрегата «Анна», он пишет завещание. По рассказам очевидцев, во время вылазки десанта Бестужев попытался вернуть далеко ушедшую в лес цепь стрелков, но в завязавшей схватке был ранен двумя пулями в грудь и изрублен окружившими его горцами. Подошедшие на подмогу части отбросили неприятеля и подобрали раненых и тела убитых, но Бестужева среди них не было. В мемуарах кавказского офицера М.Ф. Федорова передается рассказ о том, что на 4 день после десанта, во время набега на аул, при одном убитом мулле нашли пистолет Бестужева. Лазутчики рассказали, что горцы, уважая храбрость и необыкновенную ловкость русского офицера при защите себя шашкой, взяли его тяжелораненого в село, где он от большой потери крови на другой день скончался⁷³³.

М.Ю. Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов по праву занимает одно из ведущих мест в кавказоведческой художественной литературе. «Хаджи-Абрек» – первое произведение Лермонтова, появившееся в печати. Оно было напечатано в XI томе «Библиотеки для чтения» Сенковского за 1835 г. Вот что пишет А.П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях по поводу появления этой поэмы в печати: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе Николай Дмитриевич Юрьев, который после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал, тихонько от него, поэму «Хаджи-Абрек» Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанной в «Библиотеке для чтения». Лермонтов был взбешен, но, по счастью поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать»⁷³⁴. В лирике М.Ю. Лермонтова проявляется отношение поэта к миру, к чужому сознанию. При помощи сопоставления Востока и Запада Лермонтов надеялся выявить сущность русской культуры, которая представляется ему юной, только начинающей вступление на мировую арену. Он пытается оценить сложный образ «русского европейца», представляющего собой дворянина, его современника. Этот человек гибок, способен к восприятию чужих обычаев, культуры, сознания. В какой-то степени этот образ был списан Лермонтовым с самого себя. Интересно, что в 1837 году в одном из писем, отправленных с Кавказа, Лермонтов, между прочим, заметил, что он «уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским...»⁷³⁵. В произведениях Лермонтова часто находит продолжение образ «полуевропейца», о котором говорил еще Грибоедов. Образ такого «полуевропейца» описывается поэтом в стихотворении «Портреты» (1829 г.)⁷³⁶.

Отправленный царскими властями на Кавказ, М.Ю. Лермонтов вынужден был принимать участие в походах царских войск против горцев, как офицер, здесь он был представлен к награде, но Николай I отказал в ней поэту. Таких людей, которые дружелюбно относились к горцам, а во многих случаях и с любовью, среди русского офицерства на Кавказе было немало – и это была лучшая его часть. Многие из них, как и сам Лермонтов, не по своей воле принимали участие в Кавказской войне. Таких офицеров он изобразил в совсем небольшом

очерке, который назвал «Кавказец»⁷³⁷. Кавказская война привлекала наивную и восторженную часть дворянской молодежи возможностью подвига, приобретения воинской славы. Об этих доблестях молодого офицера и пишет М.Ю. Лермонтов в очерке «Кавказец»: «Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты...». Для «кавказцев» война в силу своей деятельности стала судьбой, главным содержанием их жизни. В подавляющем большинстве случаев они не сомневались в необходимости и справедливости дела, которому посвятили всю жизнь. Историческое самосознание кавказского офицера определялось твердой уверенностью в монументальности совершаемого: они не просто расширяли пределы родного, могущественного государства, что само по себе было императивом для русского военного человека, – они преобразовывали мир. В этом плане Кавказская война не знала «гуманистических предрассудков» – цель оправдывала средства⁷³⁸.

Лермонтов погиб на дуэли с Н.С. Мартыновым в июле 1841 г. Интересно, как в творчестве Мартынова отразились реалии того времени. Есть в нем, например, упоминание о знаменитых кавказских калычугах:

*«Джигиты смело разъезжают,
Гарцуют бойко впереди;
Напрасно наши в них стреляют...
Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди...»*

Главное же сочинение Мартынова – поэма «Герзель-аул» – основано на личном опыте. Оно является документально точным описанием июньского похода в Чечню в 1840 г., в котором сам Мартынов принимал деятельное участие. Схожие сцены можно увидеть и у Лермонтова, в знаменитом стихотворении «Валерик», созданном на материале той же летней кампании 1840 г. Однако взгляды на войну были различны. М.Ю. Лермонтов воспринимал происходящее на Кавказе как трагедию, мучаясь вопросом: «Зачем?» Мартынову эти сомнения были неведомы. Он находился в полной уверенности в праве России применять против неприятеля тактику «выжженной земли»⁷³⁹.

Одна из самых важных проблем современного Лермонтову общественного сознания: «можно ли совместить борьбу за свободу с человечностью, гуманистическим началом?» Лермонтов не огра-

ничивал свои поиски решения проблем человечности и гуманизма историей. С необыкновенной для своей эпохи смелостью, М.Ю. Лермонтов привлекает в стихотворении «Валерик» (1840 г.) свои личные впечатления о войне на Кавказе и, показывает ее жестокость, бессмысленность и бесчеловечность⁷⁴⁰. О вдохновляющем воздействии Кавказа на нравственное состояние поэта писал М.Ю. Лермонтов в своем письме С.А. Раевскому: «...если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом...»⁷⁴¹.

Чеченцы, не имея письменной литературы, издавна создавали довольно развитую народную поэзию, причём эта поэзия у них обладала известными особенностями. Чеченская поэзия спокойно описывает шаг за шагом, без особого восхищения, само событие во всех его подробностях. Это является типичным признаком так называемой эпической поэзии. Некоторые из произведений чеченской поэзии поражают своей художественностью, замечательными образными выражениями и представляют интерес не только для чеченцев, но и для мировой литературы⁷⁴². Мир, отраженный в фольклорном материале не был простым и примитивным. Это сложная, многомерная, иерархическая система, в рамках которой существует метафизическое и земное, истинное и ложное. Различные природные формы и проявления не так одухотворены, как хотелось бы человеку. В связи с этим вся северокавказская поэзия по-своему пронизана потребностью сделать мир осмысленнее, добрее, обнаружить высшие типы одухотворенности в различных явлениях бытия, родственных человеку. Отсюда возникает феномен всеобщей персонификации, наивного очеловечивания окружающей природной среды и уподобления человека природе⁷⁴³. Высоко ценил народную чеченскую поэзию Лев Николаевич Толстой⁷⁴⁴.

Л.Н. Толстой

Л.Н. Толстой, к середине XIX века несколько раз приезжал на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу, служившему сначала в станице Старогладовской, а затем в укрепленном лагере, возле чеченского селения Старый Юрт. Заинтересовавшись жизнью гребенских казаков и их соседей горцев, Толстой стал приобретать почти всю издававшуюся в то время на Кавказе этнографическую литературу⁷⁴⁵. Первые посещения

Толстым горских аулов относятся к 1851 году. Впечатления Толстого о Старом Юрте переданы в его письме к Т.А. Ергольской в июле 1851 г. В этом письме говорилось не только о новой для молодого человека кавказской природе, но и приводилось много этнографических наблюдений. Толстой, например, обратил внимание на устройство горских мельниц, построенных «совсем особенным образом», и на одежду горских женщин, и даже на их обычай стирать белье – ногами⁷⁴⁶.

Около 2-х месяцев Л.Н. Толстой прожил в чеченском селении Старый Юрт, куда был переведен взвод орудий 4 батареи, которым командовал его брат Николай. 26 мая 1904 г. С.А. Толстая записала рассказ о том, как писатель «ходил» в набег и «поступил на военную службу»: «Когда Л.Н., проигравшись в Москве в карты и прокутив много денег, решил ехать на Кавказ к служившему брату своему, Николаю Николаевичу, он в мыслях не имел поступать в военную службу. Ходил он на Кавказе в штатском платье, и когда ходил в первый раз в набег, то надел фуражку с большим козырьком и простое свое платье». На опасной дороге в Хасав-Юрт Толстой встретил командовавшего левым флангом русской линии А.И. Барятинского. Последовали настойчивые уговоры поступить на военную службу. Князь Барятинский «хвалил Льва Николаевича за спокойствие и храбрость, которые он выказывал во время набега». Вскоре Л.Н. Толстой стал военным⁷⁴⁷.

В Старом Юрте Лев Николаевич познакомился с одним из жителей села, чеченцем Садо Мисербиевым, с которым они вскоре стали кунаками (побратимами). В письме к своей тетушке Т.А. Ермольской Толстой сообщал: «Садо позвал меня к себе и предложил быть кунаком. Я пошел; угостив меня по их обычаю, он предложил мне взять, что мне понравится: оружие, коня, чего бы я захотел. Я хотел выбрать что-нибудь менее дорогое и взял уздечку с серебряным набором; но он сказал, что сочтет это за обиду и, принудил меня взять шашку, которой цена, по крайней мере, 100 рублей серебром... После моего посещения я подарил ему Николенькины серебряные часы, и мы сделались закадычными друзьями. Часто он доказывал мне свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня...». В Старом Юрте Л.Н. Толстой много играл в карты. В конечном счете, он проиграл с офицерами все свои наличные деньги, 150 рублей, занятые у брата, и еще 500 рублей под вексель. Деньги по тому времени были большие, на них он мог бы прожить на Кавказе около года. Какова же была его радость, когда в очередном письме от брата из станицы Старогладовской он нашел свой

разорванный вексель, отыгранный у подпоручика Кнорринга верным кунаком Садо. Толстой немедленно написал в Москву и присылке на Кавказ в качестве подарков для Садо шестиствольного пистолета и музыкальной шкатулки. Но чеченец Садо и без подарков был счастлив оказать услугу своему другу⁷⁴⁸.

Говоря о влиянии горцев, в частности чеченцев, на гребенских казаков, Л.Н. Толстой писал: «Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски»⁷⁴⁹. В 1852 году Лев Николаевич Толстой записал со слов своих приятелей (кунаков) Балты Исаева и Садо Мисирбиева две чеченские песни. Это первая известная нам запись чеченского текста с подстрочным переводом⁷⁵⁰. В своих письмах с Кавказа Л.Н. Толстой сообщает, что много читает, совершенствуя свои знания иностранных языков (английского и немецкого), а также изучает чеченский язык⁷⁵¹.

В январе 1854 года Л.Н. Толстой уехал из станицы Старогладовской в Ясную Поляну. Пребывание на Кавказе он расценивал как знак судьбы: «Мною руководила рука Божья... я чувствую, что здесь я стал лучше...»⁷⁵². Утратив веру в 14 лет, Толстой лишь спустя десять лет, уже на Кавказе ощутил потребность в ней. Уезжая с Кавказа на родину, в пути, Толстой отметил в дневнике важное нравственно-этическое приобретение минувших лет: терпимость, способность непредвзято судить о людях, воспринимать их в сложном переплетении противоречивых свойств и качеств⁷⁵³. Действительно, Толстой пытался по-новому открыть смысл, суть таких понятий, как свобода, честь, дружба. Именно на Кавказе, ему открылись поэтические и политические видения. В дневнике от 5 ноября 1853 года Толстой отмечал: «Я совершенно убежден, что я должен приобрести славу»⁷⁵⁴. Будущий гений мировой литературы Л.Н. Толстой, зная Кавказскую войну, как участник, называл ее священной и «признавал за горцами право применять против неприятеля любые формы и методы обороны...»⁷⁵⁵.

В 1875 году Толстой пишет А.А. Фету: «Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические, необычайные...». Речь идет о двух чеченских песнях: «Высохнет земля на могиле моей» и «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой», которые позднее Л.Н. Толстой ввел в повесть «Хаджи-Мурат». Привед отрывок одной из песен:

*«Высохнет земля на могиле моей,
и забудешь ты меня, моя родная мать.
Порастет кладбище могильной травой,
заглушит трава твою горе, мой старый отец.
Слезы высохнут на глазах сестры моей,
улетит и горе из сердца ее...»⁷⁵⁶.*

Чеченское народное творчество

Ценность народного поэтического произведения состоит в том, что оно передаёт ощущение от происходящего события, духовное состояние его героя, показывает неординарный взгляд на событие, казалось – бы, уже давно изученное. В 1877-78 годах в Чечне вспыхнуло крупное восстание под предводительством У.-Х. Дугева. Что двигало его участниками, какие мысли, чувства заставляли людей рисковать жизнью – об этом мы не узнаем из официальных хроник, но можем ощутить с помощью поэтического слова. Духовное состояние народа, его представителей может передать только фольклор, народное творчество.

Сразу после восстания была записана песня, оценить которую мы предлагаем читателю, так как её содержание не опишешь в нескольких предложениях – здесь каждое слово аллегорично и ценно:

*«Сказывать песню поры-времени у меня не было:
Со зрячего глаза хмурым был я,
С резвой ноги слабым стал я.
Пришло мне время перемигиваться с вдовами,
Прошло моё время перемигиваться с девушками.
Рассказать ли мне вам о войнах-боях?
-Я не удалец, бившийся на войне.
Сказать ли вам женский – детский рассказ?
Я не трус, сидящий с бабами.
Я скажу вам тихую песню.
Я буду говорить вам бедного человека слово.
Как мать-овца и без времени родившийся убитый ягнёнок,
Друг с другом и с Богом вы не разлучайтесь:
Потеряв доверие народа,
Лучшие по земле не ходить;*

*Спереди пусть не накаплиется к вам зависть,
Сзади пусть не одолеет вас нападение;
Да получите вы пользу-удачу,
Как Уми, сын Ду,
Как тот Уми, сын Ду, в
Чинхоевском ущелье!*⁷⁵⁷

Перевод чеченской песни также представил читателям на страницах «Русских ведомостей» В. Немирович-Данченко:

*«Я с русскими дрался и ночью и днем,
Как вдруг говорят мне – «В ауле родном
Твоя умирает Фатима»
Как трус я позорно от русских бежал –
И ветер тоскливо мне в душу свистал:
«Твоя умирает Фатима»
Лишь только домчался в аул я родной –
Гляжу, засыпают могилу землей –
Землей засыпают Фатиму!
Я кинулся, землю открыл я едва:
Лежит она, вижу – бледна и мертва...
– Что делать? – Спросил я Фатиму...
Куда же отсюда отправлюсь я?
«Изменник и трус» меня встретят друзья
– Куда мне деваться, Фатима? ...
Одно остается мне: смелой рукой
Кинжал себе в сердце вонзить и с тобой
В могилу улечься, Фатима! ...»*⁷⁵⁸.

Другим фольклорным источником, позволяющим изучать историю духовного развития народа, являются сказки и легенды. Одним из первых народную прозу стал собирать Н.С. Семёнов. Чиновник российской государственной администрации, служивший в Грозненском и Владикавказском округах увлёкся чеченским устным народным творчеством. Будучи несколько лет членом Ичкеринского (Веденского) окружного управления, Н.С. Семёнов овладел чеченским языком, что само по себе было большой редкостью в среде кавказской администрации. Он впервые придал значение и такому своеобразному источнику

по истории края, как арабоязычные фамильные или личные записи («таптиры»)⁷⁵⁹.

Благодаря Н.С. Семёнову, мы в настоящее время можем ознакомиться с текстами древних сказок и легенд Чечни. «Сказка про то, какие в Чечне жили богатыри» была записана в Ичкерии и не предназначалась для публицистического издания. Однако руководство газеты «Терские ведомости» сумело уговорить Н. Семёнова опубликовать сказку в газете и затем выразило собирателю фольклора глубочайшую благодарность. Такие ценные публикации развенчивали миф о бесчеловечном чеченце-злодее, способствовали культурному воспитанию населения.

«Терские ведомости» также рекламировали изданную Н. Семёновым книгу «Сказки и легенды чеченцев». Книга продавалась в 2-х владиавкавказских магазинах и в книжном магазине Попова (Юдина) в Хасав – Юрте. Книгу можно было приобрести и по почте, что было важно для населения высокогорных районов. Цена её, с пересылкой, в 1880 году составляла 75 копеек⁷⁶⁰.

Первая публикация в собственно фольклористических целях в этот период была осуществлена Чахом Ахриевым. В разделе «Народные сказания кавказских горцев» (четвёртый выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах»), наряду с чеченскими сказками, баснями, им были включены пословицы и поговорки.

П.К. Усларом – автором первого чеченского алфавита, в 1862 году при помощи информатора чеченца Кеди Досова был составлен первый чеченский букварь, в который вошли пословицы и поговорки на языке оригинала.

В 1866 году И. Бартоломей издаёт новый букварь, в состав которого входит значительное количество пословиц и поговорок (51) как на чеченском языке, так и в собственном переводе⁷⁶¹. Приведем для примера некоторые из них:

«Когда хочешь быть здоровым, то будь умерен во всем»;

«Бог людям дал жизнь для трудов»;

«Нам для того даны два уха и один язык, чтобы мы больше слушали и меньше говорили»;

«Что можешь сдать сегодня, не откладывай до завтра, ибо завтрашний день не в твоей воле»;

«Не делай другому того, что себе не желаешь»;

«Не довольный ничем теряет все, что имеет»;

«Когда ты один, то думай что Бог с тобою»;
«Рассуждай при начале всякого дела о конце, и ты никогда ничего дурного не сделаешь»;
«Праздность научает многому злу, а трудолюбие сохраняет чистоту нравов»;
«Никогда не говори о том, чего не знаешь»;
«Кто почитает себя умнее всех, тот всегда бывает обманут»;
«Враги часто оказывают нам больше пользы, нежели ложные друзья, потому что враги часто говорят нам правду, ложные друзья никогда не говорят правды»;
«Любить друзей справедливо, но несправедливо ненавидеть врагов»;
«Приятные советы редко бывают советами полезными»;
«Бедный нуждается во многом, а скупой во всем»;
«Нет ничего труднее для людей, как познать самих себя»;
«Лучше терпеть зло от других, нежели самому быть причиною зла»;
«Прощение лучше мщения, первое есть признак кроткой души, второе – свирепой»;
«Шутки, подобно соли, должно употреблять с бережливостью»;
«Лошадку похвали, а садись на коня»;
«Не будь сладок, а то всякий тебя съест; не будь горек, а то всякий тебя бросит»⁷⁶².

В пословицах и поговорках мы часто находим изображение чеченского народа во всей полноте и многообразии его характеров, качеств, достоинств и недостатков⁷⁶³. Пословицы и поговорки выделяются в системе жанров устного народного творчества не только повседневностью бытования, своеобразием коммуникативности, но и тем, что они являются хранилищем как исторического, социального так и трудового опыта всего народа. Пословицы формируются на социально – практичной почве стихийным образом, они в краткой и сжатой форме передают итоги длительных и внимательных наблюдений за жизнью. Приведём несколько примеров чеченских пословиц: «своё береги, о чужом не мечтай», «пьяный протрезвеет и, может быть, придёт в себя, опьянённый же своим состоянием протрезвеет только в могиле», «если летом не кипит мозг, то зимой не будет кипеть котёл», «шутка – начало ссоры»⁷⁶⁴.

Пословицы, поговорки, притчи отчасти отражают содержание правовой нормы, выражают как бы её формулировку, отчасти советуют, как действовать в области права. Мы имеем перед собой первичный

феномен правосознания, базирующийся на фольклорных данных, включаемых иногда в специфическую систему, называемую «фольклорным правом». Это – «двойник» обычного права, поднявшаяся над ним народная мудрость, свободно оценивающая его достоинства и недостатки, позволяющая себе учить человека, как надо соблюдать норму права и как можно её обойти в случае, если она становится тягостной, обременительной. Народ, который был талантливый и в древние времена делал это изящно и остроумно. Иносказание смягчает серьёзность ситуации: крупные изменения в праве происходят при полном признании его могущества и авторитета⁷⁶⁵.

Средствами нравственно-эстетического воспитания горцев были музыка, танцы, колыбельные песни, сказки, пословицы, легенды, героические песни, близкие детям по национальному духу и мелодичности звучания. К искусству во все времена предъявлялись определённые требования: оно должно было в красивой художественной форме выражать глубокое содержание, правдиво и искренне отражать жизнь, выражать чаяния и надежды народа, передавать глубокие и сильные чувства⁷⁶⁶. Культура любого народа является частицей культуры человечества. Изучение, пропагандирование культуры народа обогащает наши знания о происхождении земной цивилизации⁷⁶⁷.

ГЛАВА III.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Особенности эволюции системы образования в контексте российского интеграционного процесса

Организация образования для различных этнических групп в полиэтничном государстве является одной из сложных составных частей внутренней и национальной политики. Образование часто выходило за рамки чисто педагогических (и этнопедагогических) вопросов, наполняясь разным содержанием, преломляясь через менталитеты различных этносов. Просветительские мероприятия русской администрации, имевшие конечной целью русификацию нерусского населения, объективно способствовали распространению русской культуры и технических знаний через работу школ, училищ и других учебных заведений. Это развивало просвещение и повышало культурный уровень народов. Вплоть до конца XIX века Российская империя давала народам, проживавшим на ее окраинах, многое: рушилась территориальная и культурная замкнутость, обеспечивался мир, устанавливался единый закон, и функционировало общее экономическое пространство, развивалось образование и наука.

В имперских законодательных актах прослеживается стремление самодержавия адаптировать местное население к решению вопросов с использованием российского законодательства. Данный процесс осуществлялся двумя способами. На начальном этапе освоения региона, наряду с обычным правом, постепенно «вкрапывались» положения российского законодательства. На основном и окончательном этапах применялся метод «временных изъятий» из действующего российского законодательства. Применение обоих способов осуществлялось четко, целенаправленно и в итоге способствовало постепенному распространению российского законодательства в регионе. Юридические акты, посвященные образованию горцев, свидетельствовали об особом внимании властей к подрастающему поколению кавказцев. На наш взгляд, это был один из самых благородных путей приближения горцев к Российскому государству⁷⁶⁸.

В то же время исследованием установлено, что действия самодержавного правительств в области этнического образования и общего решения национального вопроса в стране в исторической ретроспективе событий конца XIX века не успевали за требованиями времени. Катастрофически малое число светских школ, библиотек, других образовательных учреждений вызывали недовольство у местного населения. Особые нарекания подвергалась организация преподавания родных языков, быстро перешедшая из области педагогики и дидактики в сферу политики. Все этносы, как правило, требовали расширения прав родных языков, в то время как государство стремилось сузить сферу их применения, что вызывало конфликтные ситуации⁷⁶⁹.

Установление российской государственной системы образования

Образование формировало у представителей разных национальностей чувство причастности к единому государству. Но оно же, при искажении его функций принудительной русификацией или гипертрофированным превознесением этнических ценностей в ущерб общероссийским, способно заложить предпосылки потенциального сепаратизма. В тех случаях, когда усилия власти были направлены на искоренение национальной самобытности, это вело не столько к насаждению русской культуры, сколько к ее отторжению. Школа для нерусских народов своеобразно преломляла в себе процессы имперского строительства и нередко становилась эпицентром межконфессионального соперничества.

В результате смягчения политики имперской централизации в период реформ 60-х гг. XIX века были созданы предпосылки для успешного решения проблем «инородческого образования». Кавказское руководство стало больше учитывать местную языковую и этнопсихологическую специфику. Общественно-педагогическое движение в «инородческих» губерниях добивалось придания школе большей открытости для разных сословий, национальностей, вероисповеданий. Одновременно с этим в русском образованном обществе зрело понимание того, что «ограничение прав по происхождению неизбежно превращает обездоленных инородцев во внутренних врагов». Постепенному преодолению неприязни народами империи русской школы, культуры и государственности способствовала возможность развивать собственное образование на

родном языке. Таким образом, в пореформенной России уживались две противоречивые тенденции. Одна – центристская – отражала естественное стремление единого социально-экономического организма империи к языковой и культурной однородности. Другая, будучи результатом усложнения этнокультурной палитры сообщества, имела центробежный характер и вела к обособлению отдельных народов. Несмотря на внешнюю противоречивость, обе эти тенденции определялись единым вектором развития многонационального государства, в геополитическом устройстве которого постепенно «вырисовывались» признаки будущей федерации.

В результате длительного сосуществования народов и религий в Российской империи сформировалась своеобразная «многослойная» самоидентификация нерусских народов. Нередко она одновременно отражала принадлежность личности к этнической, религиозной и общеимперской общностям. Сложная система российских регионов исторически складывалась в логике имперской парадигмы. Среди фундаментальных ценностей российской геополитической традиции приоритетной являлась способность центра поддерживать имперскую целостность державы. Естественно, что прочное и органичное включение нерусских народов в систему российской государственности отставало от темпов ее территориального расширения. Только в XIX веке площадь Российской империи увеличилась на одну треть. Из-за этого империя периодически переживала интенсивные геополитические сдвиги. Параллельно и во взаимосвязи с этими процессами культурно-образовательное пространство тоже подвергалось перманентным трансформациям. «Собирание» империи осуществлялось различными методами, среди которых немаловажное место занимало целенаправленное воздействие на этнический менталитет⁷⁷⁰.

В конце XIX столетия в Российской империи преобладающей формой общего образования была начальная, как правило, одноклассная школа с трехгодичным курсом⁷⁷¹. Она составляла более 90 % всех учебных заведений в стране. Среднее и высшее образование в это время имели лишь 1,36 % мужского населения и 0,85 % женщин. Перепись 1897 г. констатировала более низкий уровень грамотности среди русского населения по сравнению со средним показателем по России (19,8 % среди русских, 21,1 % – по стране). Однако при недостаточном развитии грамотности русские имели более высокий процент с образованием выше элементарного. В этих фактах, конечно, отражалась политика

правительства, дававшая преимущество в получении образования выше начального, прежде всего русским⁷⁷².

Особенностью образовательной политики в Российской империи, как в южных, так и в западных губерниях было привлечение «русского элемента» в регионы, где влияние центра было непрочным, а национальная интеллигенция навлекала на себя подозрение властей своим участием в освободительном движении. Лица, документально подтверждавшие свое русское происхождение, принадлежность к православной конфессии и наличие российского диплома, получали целый комплект льгот и пособий от Министерства народного просвещения. Так, русские учителя получали вознаграждение в среднем на 2—25 % больше, чем их коллеги в Центральной России. Обращает на себя внимание и тот факт, что надбавки для служащих учебного ведомства нередко были выше, чем для прочих государственных чиновников. Примечательно, что Северный Кавказ был исключен Министерством народного просвещения из числа «привилегированных областей», как только центральная власть его сочла «усмирненным»⁷⁷³.

Важным средством формирования пророссийски настроенного слоя общественной и культурной элиты на Северном Кавказе служила школьная политика Российской империи. Российская администрация стремилась привязать к себе горцев Северного Кавказа как путем формирования на российские казенные деньги системы начального, среднего и высшего образования на Северном Кавказе, так и путем приглашения горцев на учебу в столичные учебные заведения: институты, университеты, академии, кадетские корпуса. Первые светские русские школы возникли на Северном Кавказе еще в конце XVIII века. Так, в 1788 году в Екатеринодаре (ныне г. Краснодар), было открыто первое светское училище, в 1840-е гг. – первые северокавказские пансионы для горских детей⁷⁷⁴. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1864 года провозгласил всеобщность образования и, по сути, открыл представителям нерусских народов империи двери в средние и даже высшие учебные заведения. Но при этом ведомство народного просвещения не располагалось монопольно даже начальной школой, многие учебные заведения находились в подчинении духовного, военного и других ведомств⁷⁷⁵.

Немало образованных людей, ставших подлинными просветителями своих народов, вышло из числа Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона е.и.в. конвоя. Для преподавания чинам полуэскадрона

«разных диалектов», кавказских языков приглашались сведующие в этом вопросе люди, в частности, Ш.Б. Ногмов. Император Николай I 19 декабря 1834 года издал Указ, согласно которому предписывалось «детей почетных мусульман Кавказского края присылать в Кадетские корпуса, от 20 до 30 в год...». В 1836 году командующий Кавказской Линией отдал распоряжение принимать детей горцев в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса. Было утверждено «Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского корпуса», одобренное императором. По указанию наместника на Кавказе князя А.И. Барятинского на смену школам военных воспитанников пришли горские школы, Устав которых был принят 20 октября 1859 года⁷⁷⁶.

История образования – одна из важнейших частей отечественной истории, пронизывающая своим присутствием практически все сферы жизни общества – от экономики до духовной жизни, включая повседневный быт людей. Но, прежде всего это история интеллигенции – того социального слоя, который, несмотря на свою относительную малочисленность в недавнем прошлом, всегда играл роль важнейшего фермента в сложном процессе взаимодействия общественных сил, аккумулировал и выражал чаяния всех элементов социума. Тем более усилилась значимость изучения интеллигенции в современную эпоху, что объясняется как ее резким количественным ростом и увеличением удельного веса в населении, так и усложнением общественной жизни. Поэтому, помимо решения узко прагматических задач «извлечения уроков», история образования существенно дополняет наши представления о культурной и духовной жизни российского общества, обогащает интеллектуальный багаж современности⁷⁷⁷.

Кавказский учебный округ

Развития учебного дела на Северном Кавказе начинается с 40-х годов XIX века, когда по представлению наместника Кавказа князя Воронцова в 1848 году, в виде опыта, на три года было утверждено положение о Кавказском учебном округе (до этого Северный Кавказ принадлежал к Харьковскому учебному округу)⁷⁷⁸. «Положением» 1848 года Кавказский учебный округ подчинялся непосредственно наместнику Кавказа и Министерству Народного просвещения, объединив обе части Кавказа – За-

кавказскую с Северокавказской⁷⁷⁹. В 1849 году увидело свет высочайше утвержденное Положение относительно развития системы образования на Кавказе. Основной упор делался, во-первых, на «приготовлении сыновей кавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы» на Кавказе. Во-вторых, на «доставлении детям торговцев и других сословий средств к приобретению познаний, в будущем их назначении необходимых, и с помощью которых они могли бы содействовать успешному развитию в крае торговли и промышленности»⁷⁸⁰.

С 1860 года по инициативе наместника Кавказа князя А.И. Барятинского был упразднён Кавказский учебный округ и функции управления учебными заведениями были переданы губернаторам и начальникам областей. Однако правительство, в виду малой эффективности, вынуждено было отказаться от децентрализации и с 1864 года ввело должность Главного инспектора учебных заведений на Кавказе, который с восстановлением Кавказского учебного округа в 1868 году станет его попечителем⁷⁸¹. Особенностью управления учебной частью на Кавказе заключалось в том, что в отношении некоторых вопросов власть попечителя ограничивалась властью главноначальствующего на Кавказе. Попечитель обязан был представлять на разрешение главноначальствующего дела: о выборе и зачислении воспитанников на казенные (бесплатные) вакансии в пансионах; о принятии в учебные заведения лиц, перешедших установленный возраст; об оставлении на 2-й и 3-й год обучения в тех же классах; об определении уроженцев кавказского края на казенный счет в высшие учебные заведения. Главноначальствующий на Кавказе сам устанавливал число и размер стипендий и распределял их по всем учебным заведениям края⁷⁸².

В 1864 году Кавказский учебный округ возглавил Я.М. Неверов, с 1879 года К.П. Яновский, в 1901 году его сменил М.Р. Завадский. Учебный округ – территориальная единица, в рамках которой осуществлялось управление учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения⁷⁸³. В Терской области в конце XIX в. из 389 школ на долю Министерства народного просвещения приходилось менее трети (28,8%). Наиболее представлены были мусульманские учебные заведения – 39,6% от общего числа начальных школ области. Православное ведомство располагало 24,4% учебных заведений⁷⁸⁴. В Терской области на 10 000 жителей (к 1 января 1899 г.) приходилось 149 учащихся (на 100 учащихся мальчиков – 33 девочки); в Тифлисской губернии на такое же

число жителей – 189 учащихся (на 100 мальчиков – 58 девочек); в Дагестанской области – на 10 000 жителей приходилось 29 учащихся (на 100 мальчиков – 22 девочки) и в Черноморской губернии – на 10 000 жителей было 366 учащихся (на 100 мальчиков – 56 девочек).

Плотность учащихся в учебных заведениях Кавказского учебного округа была различной. Больше всего детей обучалось в мужских гимназиях (среднее число учащихся в гимназии составляло 530 человек); меньше всего в начальных училищах (в среднем в училище обучался 71 человек); в горской школе в среднем обучалось 125 человек. Самые большие классы были в начальных училищах (до 50 человек); в городских училищах число учащихся доходило в среднем до 41 человека; в горской школе – до 30 человек. Из всех учебных заведений Кавказского учебного округа больше всего дворян обучалось в гимназиях (женских – 50 %; мужских – 48,4 %), меньше всего дворян было в начальных училищах (2,7 %) ⁷⁸⁵. Интересно, что в учебных заведениях постоянно следили за средним объемом воздуха, приходящегося на одного учащегося. Эта величина зависела с одной стороны от площади помещения, а с другой, от изменения количества учащихся. По сведениям руководства Кавказского учебного округа, на протяжении 20 лет (с 1879 по 1898 гг.) на учащихся в гимназиях и прогимназиях округа приходилось в классах по 17,9 кубических аршина воздуха, а в спальнях пансионеров по 45, 1 кубическому аршину воздуха ⁷⁸⁶.

Особенно быстро увеличивалось количество учебных заведений в городах. К 1 января 1881 года в городе Грозном функционировало: 1) ремесленное училище (казенное учебное заведение); 2) православное приходское училище (духовное); 3) Грозненская горская школа (казен. уч. завед.); 4) двухклассное начальное училище (общественное); 5) школа грамотности (частная). К 1 января 1899 года в Грозном работали: 1) Грозненская горская школа (казенное уч. завед.); 2) городское училище (казен. уч. завед.); 3) двухклассное женское училище (общественное уч. завед.); 4) одноклассное училище (обществен. уч. завед.); 5) начальная школа (частная); 6) начальная школа (благотв. общ.) ⁷⁸⁷. Распределение расходов на нужды учебных заведений было в различных регионах Кавказа не одинаково. В Терской области к 1881 году правительство выделяло на нужды образования 45,7 %; городские общества – 15 %; сельские общества – 11,3 %; благотворительные общества – 6,9 %; казачьи войска – 6,2 %. В Ставропольской губернии правительство выделяло 42,5 %; сельские общества – 25,7 %; казачьи войска – 4,5 %. Средний расход на

1 учащегося в Терской области составлял 31,9 руб.; в Кубанской области – 23,1 руб.; Тифлисской губернии – 50,8 руб.; Дагестанской области – 68,4 руб.⁷⁸⁸. В Российской империи выделялись ассигнования из казны, которые преимущественно направлялись в районы с «инородческим» населением. За счет этих средств были построены 15 школ в ингушских и 35 школ в чеченских селениях⁷⁸⁹

На различных этапах своего существования руководство Кавказского учебного округа осуществляло разные учебные программы, в основном это зависело от воли центрального руководства страны и личных качеств попечителей округа. Но, безусловно, все они были согласны с мнением, высказанным еще декабристом Михаилом Орловым: «Покорить чеченцев и другие народы региона также трудно, как выровнять Кавказские горы. Во всяком случае, этого нельзя добиться палками; этого можно достигнуть только со временем, путем просвещения»⁷⁹⁰. Прогрессивная деятельность русских ученых и педагогов, способствовала ускорению введения и развития системы правительственных школ. П.К. Услар, Я.М. Неверов, К.П. Яновский разработали научно-педагогические основы образования и просвещения горских народов северного Кавказа. Они никогда не работали из соображений выгоды, а сближение русской и горской культур предлагали проводить гуманными методами – распространением грамотности и образования. Просветители доказали практическую значимость своих исследований, организовав школы для горцев, они показали, что горцы стремятся к образованию и обучение их является необходимостью и легко осуществимо. Именно их научные изыскания и педагогические идеи способствовали рациональной постановке проблемы воспитания и обучения детей горцев на материнском и русском языках.⁷⁹¹

Рассмотрим биографии руководителей системы образования на Кавказе. Неверов Януарий Михайлович (18.08.1810 – 24.05.1893) – тайный советник. Из обер-офицерских детей. Окончил словесный факультет Московского университета в 1838 году со степенью кандидата. К началу XX в. в российских университетах существовали 2 ученые степени: магистр (1-я степень) и доктор (2-я степень). До принятия университетского Устава 1884 г. существовала еще низшая ученая степень – кандидат (...наук). Затем Неверов отправился для работы на Северный Кавказ.

Я.М. Неверов, будучи директором Ставропольской гимназии, много заботился о подготовке учительских кадров для Кавказа. В марте 1851 г. в Ставропольской гимназии он создал педагогические классы. Они учреждались как университетский и учительский классы. Сверх вось-

ми уже существовавших в гимназии классов с полуторагодовым сроком обучения; предназначались для подготовки из числа выпускников гимназии будущих учителей начальных училищ и для подготовки их в институты. Важное значение придавалось методической и профессиональной подготовке гимназистов – будущих учителей, приобретению ими профессиональных навыков и умений. Преподавались педагогика, дидактика и другие педагогические дисциплины. Воспитанники – старшеклассники давали в младших классах пробные уроки, а после выпускных испытаний становились учителями. Также Неверов приглашал из России на Кавказ хорошо подготовленных педагогов, которые, по его твердому убеждению, своим трудом и добросовестным отношением к делу должны были вызывать к себе симпатии у местного населения, привыкшего относиться с недоверием к российским чиновникам. Неверов также ратовал за организацию прохождения педагогами курсовой переподготовки кадров. Особенно внимателен был Неверов к молодым педагогам, чьи профессиональные устремления умело направлял и поддерживал⁷⁹². С 1864 по 1878 г. Я.М. Неверов был попечителем Кавказского учебного округа. Неверов добивался осмысленного, творческого преподавания, сам создавал учебные программы. Выступал против телесных наказаний, запрета как основного принципа воспитания, низкоклонства. Проводил реформу учебного дела на Кавказе, ориентированную на идею русификации края⁷⁹³.

Яновский Кирилл Петрович (18.03.1822-12.07.1902) – действительный тайный советник. Образование получил на физико-математическом факультете Киевского университета, который окончил со степенью кандидата. С 1879 по 1901 г. – попечитель Кавказского учебного округа. Его деятельность на Кавказе была направлена на русификацию школы. Основным в учебно – воспитательной работе считал разностороннее развитие личности и связь школы с семьей. Большое внимание уделял улучшению методов преподавания, организации примерных уроков, оснащению школ наглядными пособиями. К.П. Яновский не был удовлетворен существовавшей системой образования и характером часто проводимых сверху школьных реформ, которые не всегда учитывали условия быта и национальных особенностей народов, населявших кавказский регион⁷⁹⁴. Под руководством Яновского был подготовлен «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Надо сказать, что К.П. Яновский, поощряя учителей к исследованиям Кавказа в различных направлениях: географическом, этнографическом, естественноистори-

ческом, обобщил эти труды, из которых и был составлен «Сборник...», вышедший в нескольких томах. Опыт К.П. Яновского по исследованию местностей и народов Кавказа был отмечен. Он был избран почетным членом Академии наук. По поводу избрания в почетные члены Академии наук, сам он говорил так: «Высокая честь, выпавшая на мою долю... должна ободрить нас в нашей деятельности и напомнить нам, что труд учителя, даже в школе, находящейся в какой-нибудь глухой уединенной местности, привлекает к себе внимание первенствующего в России учебного учреждения и находит с его стороны поощрение...»⁷⁹⁵.

Завадский Михаил Ромулович (20.09.1848 – после 1917 г.) – тайный советник (гражданский чин III класса по «Табели о рангах», соответствовал чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала). Из дворянского рода, польского происхождения. Образование получил на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. С 1901 по 1906 год состоял попечителем Кавказского учебного округа; составил первые мингрельские и абхазские буквари⁷⁹⁶.

Терская дирекция народных училищ была учреждена в 1876 году⁷⁹⁷. Из профессиональных училищ на Кавказе существовало только два ремесленных: Владикавказское и Ставропольское. В некоторых учебных заведениях Владикавказа, в том числе и в училищах, обучались чеченцы. По сведениям на 1 января 1877 года в городе Владикавказе находилось 76 чеченцев. В 1897 году во Владикавказе проживало уже 82 чеченца⁷⁹⁸. Содержание в год профессиональных училищ обходилось дорого, не менее 3000 рублей составляла смета расходов⁷⁹⁹. Особый интерес представляют училища, находившиеся на содержании акционерного общества Владикавказской железной дороги, где, кроме общеобразовательных и специальных предметов, велось преподавание телеграфа. Впервые преподавание указанной дисциплины было введено в Кавказском мужском двухклассном училище. В Екатеринодарском Александровском шестиклассном училище, согласно приказу № 18518 Министерства народного просвещения от 31 августа 1895 года был введен почтово-телеграфный класс с годичным сроком обучения для подготовки служащих по данной специальности. Принимались только русские православного вероисповедания, преимущественно выпускники данного училища. В программу обучения входили: почтовые и телеграфные правила, а также техническая часть телеграфа и практические занятия на аппарате; кроме того, предусматривалось знание иностранных языков – французского и немецкого⁸⁰⁰.

Учебные заведения Терской области

В 60-70-х годах XIX века учебные заведения Терской области подразделялись на правительственные, общественные и частные. К правительственным учреждениям относились начальные училища в Моздоке, Георгиевске, Кизляре, которые подчинялись Ставропольской дирекции. Правительственная Владикавказская прогимназия подчинялась непосредственно попечителю Кавказского учебного округа и состояла в ведении Министерства народного просвещения. Горские школы с пансионами при них также считались правительственными, находились в ведении Кавказского горского управления и содержались за счёт государственного казначейства. В октябре 1859 г. вступает в силу «Высочайше утвержденный проект Устава горских школ». В нем особо подчеркивалось, что «горские школы, находясь на местах, состоящих в военном управлении, содержатся за счет казны и определенные на них по штату суммы отпускаются военным ведомством». Лица, окончившие курсы начальных школ, приобретали право поступления во вторые классы уездных училищ или гимназий. Учебными планами горских школ предусматривалось изучение русского языка, всеобщей и русской географии. Учащиеся знакомились с административным уставом Российской империи⁸⁰¹.

В каждом из образовательных учреждений, будь то начальные (в Грозном, Сухум-Кале) или окружные (в Темир-Хан-Шуре, Владикавказе), наравне с православным состоял и мусульманский законоучитель, с жалованьем от военного ведомства (в местностях с военно-народным управлением)⁸⁰². В 1870 году постановлением министров народного просвещения от 2 февраля было урегулировано преподавание в начальных училищах России основ ислама. Дети мусульман теперь освобождались от уроков «Закона Божия», а также, с целью облегчения обучения, в сельских и городских начальных училищах – от чтения по церковно-славянским книгам, а в уездных училищах – от изучения церковно-славянского языка. В 1871 году в Уставе гимназий и прогимназий впервые было заявлено о преподавании в качестве учебного предмета основ ислама – «Закона Божия иноверческого исповедания»⁸⁰³.

Много детей на Кавказе обучалось в общественных учебных заведениях. Общественными учебными заведениями являлись начальные училища в станицах Терского казачьего войска и аульные школы, учреждённые на собранные общественные средства. Общественными считались

также полковые школы, готовившие писарей⁸⁰⁴. Новым для данного региона было появление в пореформенный период частных школ. Уровень преподавания в частных учебных заведениях был гораздо выше, чем в казенных. Объяснялось это личной материальной заинтересованностью учителей, боявшихся потерять выгодных клиентов. Не выдерживавшие конкуренции, казенные учебные заведения даже обращались за поддержкой к полиции с просьбой пресечь деятельность частных лиц. Но главной проблемой для «партикулярных» учебных заведений было то, что учить в них своих детей могли позволить себе лишь состоятельные люди, а для большинства они были недоступны. Поэтому зачастую даже ответственные содержатели частных школ не всегда могли собрать необходимое количество учеников и содержать пансион.

По мере фактического освоения Кавказа российское правительство все активнее стало заниматься учреждением в крае преимущественно государственных школ и училищ, ограничивая частную инициативу в этом вопросе⁸⁰⁵. Основной формой народного образования во второй половине XIX века на Северо-Восточном Кавказе являлись начальные одно – и двухклассные училища Кавказского учебного округа и Министерства народного просвещения. По проекту Устава горских школ от 20 октября 1859 года эти школы учреждались на степени уездных и первоначальных училищ. Плата за обучение взималась в размере трёх рублей в год, бедные учащиеся от взноса денег освобождались. Средства, внесённые за обучение, шли на зарплату учителям, на закупку учебных пособий, на покупку книг и одежды для бедных учеников. Горцы, окончившие с отличием горскую школу, могли обучаться в гимназии за казённый счёт. Во всех типах учебных заведений учащиеся делились на своекоштных (обучающихся за свой счет) и казеннокоштных (бедные дворяне, разночинцы, учащиеся на казенные деньги). Они могли иметь и другие источники финансирования: научные общества, премиальные фонды, субсидии, пожертвования и стипендии частных лиц⁸⁰⁶.

Большую роль в жизни края играли учебные заведения, открытые различными обществами и организациями. Крупная община горских евреев сформировалась в период Кавказской войны в Чечне. Ее основателями были выходцы из села Андреево. Они переселились сначала в село Старый Юрт, а оттуда – с разрешения русской военной администрации – в крепость Грозную. Позднее численность грозненской общины выросла за счет постоянного притока населения из Дагестана. До начала эмиграции в Израиль там жило около 3 тыс. горских евреев⁸⁰⁷. Благодаря

стараниям Ильи Шеребетовича Анисимова и других членов еврейской общины, в Грозном была открыта горско-еврейско-русская школа. И.Ш. Анисимов долгое время возглавлял Комитет горских евреев г. Грозного, который вел большую культурно-просветительскую работу среди грозненских евреев, он также возглавлял городскую нефтяную комиссию⁸⁰⁸.

В XVIII – перв. пол. XIX в. в России система начального и среднего художественного образования практически отсутствовала. Наибольшее количество художественных школ открылось во 2-й пол. XIX – начале XX в. Как правило, художественные школы работали на общественном начале. При благоприятном стечении обстоятельств они входили в тесный контакт с Академией художеств, пользовались утвержденными ей учебными программами, методическими разработками и учебными пособиями. В начале XX века семь школ, в том числе и Школа живописи и скульптуры Кавказского общества поощрения художников – официально находились в ведении Академии художеств. В 1873 году при Тифлисском художественном обществе была основана Рисовальная школа; в 1877 году при Кавказском обществе поощрения изящных искусств были основаны классы рисования и живописи; в 1886 году эти классы были преобразованы в Школу рисования и живописи при Кавказском обществе поощрения изящных искусств; 29 августа 1901 года Академия художеств учредила среднее Художественное училище; в 1906 году после присоединения к школе рисовальных классов среднего Тифлисского художественного училища, школа была преобразована в Тифлиские художественные классы при Кавказском обществе поощрения изящных искусств. В 1909 году она была заново преобразована в Школу живописи и скульптуры Кавказского общества поощрения изящных искусств, а уже в 1922 году преобразована в Академию художеств Грузии⁸⁰⁹.

Помимо находившихся под протекторатом Академии художеств школ и училищ, во многих городах России при местных Обществах любителей изящных искусств открывались самостоятельные художественные школы или курсы рисования. Они существовали на плату за обучение (в случае, если она взималась), а также на субсидии города или Академии художеств. Городские художественные школы открывались и существовали также на средства состоятельных горожан и обществ. В конце XIX – начале XX вв. возникло также большое количество частных художественных студий, которые открывали знаменитые художники. Так в 1865 г. в Феодосии И.К. Айвазовский организовал художественную школу («Общую мастерскую») при своей мастерской. В 1884 г.

К.И. Кеппен основал в Тифлисе рисовальную школу. В 1911 г. была открыта Школа живописи и рисования Н.В. Склифосовского, которая просуществовала до 1922 года. 1 ноября 1911 г. при Екатеринодарском художественном кружке, при картинной галерее имени Ф.А. Коваленко открылась Школа рисования и живописи⁸¹⁰. Академия художеств также организовывала конкурсы по рисованию среди учащихся классических учебных заведений. В 1885 г. Темир-Хан-Шуриновское реальное училище участвовало в конкурсе Академии художеств. Тогда было представлено 104 работы учеников I-IV классов по рисованию «с оригиналов, с проволочных и непрозрачных геометрических моделей»; учащихся VI – VII классов «по математическому черчению и начертательной геометрии» и учеников VIII класса «по исполнительному черчению частей машин». Комиссия присудила награду ученику VI класса Адиль-Султану Ибрагимову. С 1890 по 1899 г. училище участвовало в трех конкурсах по рисованию, проводившихся Академией художеств⁸¹¹.

Российская система образования предусматривала еще один вид учебных заведений – коммерческие. Они стали открываться в начале 90-х гг. XIX века. Законом 1894 г. эти учреждения были подчинены Министерству финансов. Оно выработало «нормативное Положение о коммерческих учебных заведениях», которое получило законодательное утверждение 15 апреля 1896 года. Документом устанавливались типы коммерческих учебных заведений: торговые классы, торговые школы, коммерческие училища, курсы коммерческих знаний. Так, например, коммерческое училище было открыто в Екатеринодаре (ныне г. Краснодар) в 1908 году⁸¹².

Одним из условий поступления в институт или университет – было успешное окончание гимназии⁸¹³. По положению об учебной части на Кавказе 1867 года, к гимназиям и прогимназиям был применен общий устав Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 года, деливший их на классические и реальные. Высочайше утвержденный 30 июля 1871 года устав гимназий признавал классическими только те средние учебные заведения, в которых преподавалось два древних языка. Классические гимназии, находившиеся в Ставрополе и Тифлисе, открывали своим выпускникам доступ в университеты. В полуклассических гимназиях преподавался один из древних языков, в реальных гимназиях древние языки не преподавались. По законодательному акту от 15 мая 1867 года в некоторых уездных училищах на Кавказе было введено преподавание латинского, немецкого, английского и французского

языков (для желающих). Среди учащихся в Терской области появился спрос на знание латинского и западноевропейских языков, так как эти знания помогали в дальнейшем при поступлении в классические гимназии. Многие знатные горцы, желая, чтобы их дети получили высшее образование, стремились устроить их на обучение именно в Ставропольскую и Тифлисскую классические гимназии⁸¹⁴.

В 1870 году Министерство народного просвещения впервые начинает отпускать средства на развитие просветительского дела в стране. Ассигновав около 8 тыс. рублей на устройство школ и классов для взрослых, оно впоследствии увеличило сумму и расширило сферу ее приложения⁸¹⁵. В 1900 году на народное образование в Терской области из казны было выделено 170635 рублей, общественных денег было собрано гораздо больше – 511868 рублей⁸¹⁶. Для получения казённых средств на нужды образования было необходимо учебным заведениям составлять ходатайства, для представления в Гос.Совет, в которых бы указывалось какими денежными средствами они располагают и сколько необходимо денег на их дальнейшее содержание⁸¹⁷. Принятие на Кавказе лишь четверти (26%– в 1910 году) школьного бюджета и возложение остальных $\frac{3}{4}$ на местное население, едва ли могло считаться перегрузкой казны из-за нужд просвещения сравнительно молодой окраины. Невольно приходила мысль, что 2,5 млн. рублей, ежегодно взимаемых из земских сборов на содержание полицейской стражи, будучи в своё время направленными на народное просвещение, за 8 лет составили бы почти 20 млн. и могли дать ту жатву, о которой Кавказ мог лишь мечтать⁸¹⁸. В одной из газетных статей, вышедшей в 1899 году, автор с горечью писал: «...Стыдно сказать, а утаить грешно: на всю Терскую область только 3 горские школы и 2 сельские»⁸¹⁹. И это происходило не смотря на то, что многие высокие кавказские чины считали горцев талантливыми людьми, склонными к обучению. Н.Н. Муравьёв писал П.П. Ермолову о Чечне: «Дарования здесь встречаются более чем в России, но всё погрязло в лени и усыплении»⁸²⁰.

Наказной атаман Терского казачьего войска во всеподданнейшем отчёте за 1892 год признавал низкий уровень развития системы начального обучения: «Низшее образование в Терской области обнаруживает явные признаки не только застоя, но даже прямого упадка, как это показывают данные отчётного года»⁸²¹. В 1875 году в Терской области насчитывалось 230 учебных заведений и 7498 учащихся (6028 мужчин, 1470 женщин). Одно учебное заведение приходилось на 2500 жителей,

1 учащийся на 76 человек, 30% учащихся составляли горцы⁸²². В 1884 году число учащихся выросло до 8447 человек, из которых 765 было лютеран и всего 294 мусульманина⁸²³. Интересные данные привела в своем отчете Терская дирекция народных училищ, отметив, что в 1899 году из общего количества учащихся в области «несмотря на преобладание магометанского населения, более 70 % учащихся дают русские»⁸²⁴. Социальный состав воспитанников горского отделения Ставропольской гимназии был разнообразен, но все же доминировали представители горцев из семей военнослужащих; в целом в гимназии больше было представителей русскоговорящего населения. К 1877 году из 27 воспитанников из Терской области (по квоте) 9 человек было из низшего офицерского состава, 4 – из семей офицеров. В 1879–1880 учебном году число горских воспитанников из детей военнослужащих увеличилось. Из 25 воспитанников из Терской области 6 были из нижнего офицерства, 11 – из офицерских семей более высокого ранга⁸²⁵.

Ещё древние мудрецы замечали: «Мир управляется из детской: ибо воспитание гражданина начинается с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии». Понимание этой аксиомы пришло к кавказскому руководству только в начале XX века, когда появилась программа введения всеобщего обязательного начального обучения⁸²⁶. В конце XIX века безграмотность была почти поголовной. Из отчёта начальника Терской области за 1870 год мы узнаём, что 1/3 всего числа офицеров (32,7%) не проходила курса обучения ни в каком учебном заведении. Только 1,6% офицеров обучались в высших учебных заведениях. А ведь офицеры составляли элиту страны, самый привилегированный её слой. Что же говорить о более обездоленных её гражданах, не имевших возможность позволить себе платное обучение детей?⁸²⁷ Вопрос, волновавший умы всех педагогов на рубеже XIX и XX веков – достижение всеобщего обязательного начального обучения – упирался главным образом в коренные различия просветительных систем центральных и окраинных территорий страны.

В марте 1870 года Министерство народного просвещения России приняло «Правила о мерах к образованию инородцев». В них устанавливалось подразделение нерусского населения на три категории: 1. весьма мало обруселых; 2. живущих в местностях, где много русских; 3. достаточно обруселых. Для первой категории населения предписывалось открывать школы с первоначальным обучением на родном языке, но по учебникам, написанным русскими буквами. Для второй категории

населения должны были учреждаться русские школы, в которые принимались дети русских и других национальностей, преподавание должно было вестись на русском языке учителем, знающим национальный язык. Для третьей категории населения обучение должно было проводиться только на русском языке⁸²⁸.

Русское просвещение, русская школа частью населения воспринималась как инородное тело, как прямое покушение на национальную культуру. Зачастую это происходило из-за вытеснения национального языка из сферы обучения. Однако, вскоре, с развитием торговли, экономики, где знание русского языка было крайне необходимо для успешной жизнедеятельности, многие горцы стали осознавать необходимость обучения своих детей в светских русских школах. Однако мест для всех желающих обучаться стало очень не хватать. Желание некоторой части дагестанцев учить детей светским наукам было столь велико, что они даже соглашались строить школы на свои средства. Дочь шамхала Тарковского Солтанат Тарковская, проживавшая в Париже, для сельскохозяйственной школы в Кафир-Кумухе выделила 3 дес. земли. По этому поводу она в 1898 году писала на имя военного губернатора Дагестана: «Желая принести свою посильную лепту на дело народного образования в родном мне крае, покорнейше прошу Ваше превосходительство исходатайствовать для устройства предполагаемой школы принадлежащий мне в родовом имении сад при селении Кафир-Кумух в Темир-Хан-Шуринском округе близ города Темир-Хан-Шуры».

Государство в течение второй половины XIX века пыталось найти пути развития просвещения, но только к началу XX века наметились небольшие сдвиги в этом направлении⁸²⁹. 28 октября 1902 года состоялось заседание Терского областного комитета, на котором его Председатель и члены комитета высказались за необходимость введения обязательного всеобщего образования, что должно было привести к улучшению экономического состояния области. Было высказано пожелание привлечь к всеобщему обучению и мужское и женское население, однако по материальным соображениям ограничились только программой обучения мальчиков. Конфессиональные школы Дагестана до 1900 года по количеству охваченных учебой девочек опережали светские школы, а с начала XX века роли поменялись. Светские школы по количеству обучающихся девочек опережают религиозные учебные заведения. В 1900 году в 662 конфессиональных школах области обучалось 542 девочки, в 40 светских училищах – 933 девочки⁸³⁰. В приобщении дагестанских девушек

к светскому образованию определенный вклад внесло Бакинское четырехгодичное русско-мусульманское Александрийское женское училище, открытое в 1898 г. с целью дать элементарное образование девушкам. В училище уроки рукоделия преподавала Айшат Хамилова (Дибирова) из Дагестана. Это училище в разное время окончили: аварка П. Маликова, табасаранка Ф. Табасаранская, лезгинка Ш. Алкадарская, кумычка Казиханова, И. Гайдарова из Дербента и другие девушки, которые начали педагогическую деятельность в дореволюционных школах Дагестана⁸³¹.

По статистическим сведениям, в Терской области из общего числа коренного населения, 10% т.е. 26 875 человек (1902) были дети школьного возраста. Если рассчитывать каждую школу не более чем на 50 человек, в области потребовалось бы построить 537 школьных зданий. Для всего населения Терской области расход правительства выразился бы в 949000 рублей единовременно и 459500 рублей ежегодно. Комитет, предполагая, что государственная казна не сможет выделить такие деньги, предложил ввести специальный школьный годовой налог, по 1 рублю на каждого мужчину, проживавшего в Терской области⁸³².

Терский областной комитет постановил:

- 1) введение в Терской области обязательного начального обучения детей мужского пола в возрасте от 8 до 14 лет;
- 2) устройство и содержание всех начальных училищ принять на счёт государства путём прямого, косвенного сбора;
- 3) продолжительность курса обучения детей – 4 года⁸³³.

В начале XX века правительство даже назначило премию в размере 25 рублей (для того времени весьма значительную) тем родителям, которые будут отдавать детей в учебные заведения⁸³⁴.

После завершения Кавказской войны для распространения образования среди горского населения учреждались так называемые «горские школы»⁸³⁵. Таких школ было всего 5: в Нальчике, Грозном, Назране, Сухуме и Майкопе. При Грозненской горской школе был открыт пансион на 65 воспитанников, в числе которых для детей горцев выделялось 25 казённоштатных вакансий (5 из которых для уроженцев Аргунского округа) и 15-для детей русских чиновников⁸³⁶. Грозненская горская школа воспитывала и обучала детей разных национальностей, в основном: русских, чеченцев, грузин, армян, евреев. В 1894 году в школе обучался осетин Цугушев Александр⁸³⁷. По свидетельству попечителя Кавказского учебного округа в Грозненской школе случаев исключения за дурное поведение не было.

В получении светского образования чеченское общество видело наиболее верный способ улучшения экономических навыков ведения хозяйства. Прежде всего, о необходимости обучения детей русской грамоте и с требованием об открытии школ выступили наиболее мыслящие, передовые слои общества. Особенно преимущества знания русского языка видели растущие слои бизнесменов, торговцев и зажиточных крестьян, которым было выгодно продавать продукты не только на рынках Грозного, но и в соседних казачьих станицах и, особенно, за пределами Чечни и Ингушетии. В пользу этого свидетельствует неизвестный автор публикации «Школа или розги», который в 1900 г. писал: «Смышленные и способные в торговле чеченцы с первых же шагов на этом пути чувствовали себя бессильными, связанными по рукам и ногам. Неграмотные, они зависели от других, грамотных». В торговом же деле грамота необходима была на каждом шагу, и это ощущалось всеми заинтересованными в торговле чеченцами⁸³⁸.

В 1866 году И. Бартоломей привел в своей книге чеченский народный рассказ, иллюстрирующий стремление чеченского народа к грамотности: « Был один маленький мальчик; отец его посылал учиться грамоте; мальчику не хотелось идти учиться. «Мальчик сказал отцу: ведь ты, когда был маленьким, не учился грамоте, зачем же ты теперь меня посылаешь учиться? Отец ответил сыну: в то время, когда я был мальчиком, не было у нас грамоты на чеченском языке; теперь же, к счастью молодежи нашей, составили чеченскую грамоту. Прежде, когда я был мальчиком, если бы была эта грамота, то я сам бы учился ей. В то время у нас была только арабская грамота; на изучение ее требовалось много времени и труда; отчего приходилось бросать все домашние работы; кроме того, обучение сына этой грамоте родителям стоило больших издержек. Теперь вот видишь, когда мне нужно что –нибудь написать или прочитать, я хожу к муллам и упрашиваю их. Если ты теперь выучишься грамоте, и если случится тебе быть в отлучке и писать домой письма, или читать получаемые, и в случае, если бы были какие-нибудь тайны, то не нужно будет тебе ходить к другим, кланяться им, а сам будешь читать и писать», – сказал отец мальчику. Мальчик, послушав совета отца, увидел, что слова его справедливы, стал ходить учиться, занимаясь прилежно и, как сказал ему отец, скоро выучился родной грамоте. И вместо того, чтобы ходить к другим и просить писать и читать ему, теперь с подобными просьбами стали обращаться к нему; он получил уважение в народе и стал счастливым»⁸³⁹.

В горских школах Терской области обучали огородничеству и садоводству, столярному, токарному мастерству⁸⁴⁰. В Грозненской школе работала столярно-токарная мастерская, которая содержалась за счёт средств, получаемых от продажи ученических изделий. На Кавказской выставке, проводившейся в 1889 г. Грозненская горская школа экспонировала лесопилку в отделе слесарного, кузнечного и литейного производства⁸⁴¹. На овощи и фрукты школа также денег не тратила – они шли со школьного огорода. К 1898 году учениками было высажено: 185 плодовых деревьев, 130-тутовых, 160 декоративных деревьев и 75 плодовых кустов⁸⁴². При Грозненской горской школе находились две библиотеки (единственные в городе): фундаментальная – хранила книги общего содержания и педагогическую литературу, ученическая – выдавала книги для детского чтения и для народа.

Ремесленные отделения открывались в городах и селах при низших общеобразовательных учебных заведениях. Продолжительность курса обучения в ремесленных отделениях не закреплялась обязательным сроком. Доход от продажи изделий и выполнения заказов расходовался на нужды учебного заведения и вознаграждения лиц, участвовавших в изготовлении ремесленных изделий. Учащиеся, окончившие полный курс ремесленного обучения получали специальные свидетельства. Ремесленные отделения могли открываться на суммарные средства казны, общественных учреждений и частных лиц. Данные отделения имели право экспонировать произведенные изделия на выставках, а также продавать их местным промышленным предприятиям.

Ремесленные отделения предназначались, прежде всего, для обучения простым видам ремесел и получения профессиональных знаний, причем в прямой зависимости от рода преобладающих занятий в данной местности. Они могли быть организованы по следующим направлениям: плотнично-столярному, столярно-токарному, резному, кузнечному, бондарному, конско-тележному, кузнечно-слесарному, слесарно-токарному, переплетному, картонажному, портняжному, белошвейному, шапочному, ткацкому, лепному, игрушечному, гончарному, печному и т.п.

Подготовка учителей ремесленных отделений для горских школ осуществлялась во Владикавказском ремесленном училище (столярно-токарное, модельно-литейное, кузнечно-слесарно-токарное ремесло). В качестве стипендиатов могли направляться в это учебное заведение не только подростки, прошедшие курс 2-х классов училищ, но и взрослые. Обучение и содержание стипендиатов обходилось в 180 рублей в

год. Далее выпускники принимались на работу в начальные учебные заведения, на ремесленные отделения⁸⁴³. Средняя стоимость обучения одного учащегося во Владикавказском реальном училище определялась в 111 рублей в год, а содержание одного воспитанника в пансионах – в 226 рублей. Цифры эти несколько ниже соответствующих для гимназий и прогимназий (119 и 236 руб.). Средняя стоимость обучения одного ученика горской школы определялась в 43 рубля, а содержание пансионера в 105 рублей⁸⁴⁴.

Многие родители хотели определить своих детей на обучение в Грозненскую горскую школу. Так, например, в начале 1894 учебного года на 6 ученических вакансий было подано до 50 прошений. Громадный наплыв желающих учиться наблюдался в конце XIX века. Многие из детей и даже родители, после отказа, выходили из школы со слезами на глазах⁸⁴⁵. Из-за отсутствия школ в родных сёлах некоторые из чеченцев приводили своих детей в станичные школы и просили научить их читать и писать по-русски и даже шли на то, чтобы их детям преподавали русский Закон Божий⁸⁴⁶. В 1884 году начальник Терской области во всеподданнейшем отчёте написал о необходимости открытия новых горских школ в главных центрах проживания местного населения. Император начертил на этом отчёте «Весьма желательно». Однако для открытия учебных заведений требовалась не только добрая воля, но и немалые средства, а их казна так и не выделила⁸⁴⁷. Только в 1892 году, по ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта С.А. Шереметева для устранения двойственности подчинения горских школ Терской области – военному начальству и дирекции народных училищ – эти учебные заведения окончательно были переданы Министерству народного просвещения. При этом все существовавшие в этих школах казённые стипендии остались в распоряжении начальника Терской области⁸⁴⁸. На основании проекта Устава горских школ, Высочайше утверждённого 20 октября 1859 года, в пансионы этих школ, на бюджетные вакансии должны были принимать детей не моложе 9 лет. Однако практика обучения показала, что это крайне неудобно, т. к. поступавшие в школу, не зная русского языка, много времени тратили на его изучение и заканчивали школу в том возрасте, в котором их уже за-прещалось принимать в гимнастические пансионы. Для предоставления возможности способным ученикам поступить после гимназии в высшие учебные заведения, было решено разрешить принимать горцев в школы с 8-летнего возраста⁸⁴⁹.

Основной формой народного образования на Северном Кавказе являлись начальные одно – и двухклассные училища Кавказского учебного округа и Министерства народного просвещения. По положению об учебной части на Кавказе, высочайше утверждённому 15 мая 1867 года, в начальные училища допускались мальчики из всех сословий, достигшие 7 лет. В одно-классных училищах они изучали следующие предметы: 1) Закон Божий того исповедания, к которому принадлежало большинство жителей города, села, где училище учреждено; 2) Чтение и письмо на русском языке; 3) Чтение и письмо на местном языке.

В двухклассных училищах преподавался: 1) Закон Божий (христианский и мусульманский); 2) Чтение на русском языке с объяснением, пересказом прочитанного, заучиванием текстов; 3) Разучивались части речи, писались диктанты; 4) Обучались чтению по-арабски (мусульмане); 5) Изучались понятия о мере и весе, частях света и земле. Ученики в этих училищах были приходящими и представляли все сословия. Для каждого класса был годичный срок обучения, но горцам разрешалось оставаться на 2 года и более, чтобы лучше ознакомиться с русским языком⁸⁵⁰. В 1897 году в Грозненском городском училище обучался единственный из чеченцев – Арсанукаев Ахмет⁸⁵¹. К 1898 году список чеченских учеников Грозненского 3-х классного городского училища вырос до 4-х; здесь обучались: Арсанукаев Ахмет, Батукаев Абдулла Рахман, Айдемиров Ахмат, Дадыгов Султан⁸⁵².

Во Владикавказском ремесленном училище, которому было присвоено наименование «Лорис – Меликовское», в 1870 году обучалось более 40 человек из разных уголков Терской области. Кроме ремёсел здесь обучали русской грамоте. Михаил Тариелович разработал прогрессивный для того времени Устав Владикавказского ремесленного училища, согласно которому училище ставило целью дать образование детям бедных жителей городов и округов Терской области, без различия национальности и звания. М.Т. Лорис – Меликов был строг к самому себе и взыскателен к подчинённым. Как замечали его сослуживцы, он не проводил даже часу без дела и мало заботился о собственных удобствах. 14 июля 1888 года, незадолго до своей кончины, М.Т. Лорис-Меликов откликнулся на обращение председателя попечительского совета училища о предоставлении пособия ученикам. С этого времени самые способные ученики стали получать персональные стипендии⁸⁵³. В 1873 году 10 «Лорис – Меликовских стипендий» по усмотрению Михаила Тариеловича направлялись во Владикавказскую гимназию, Веденское ремесленное

училище и другие учебные заведения. Свои пожертвования за этот год для стипендиатов внесли: чеченцы – 3 600 руб.; отдельно жители Ведено 1000 руб.; казачье население 5000 руб.; ингуши 4344 руб.; жители Ку-мыкского округа (в т.ч. чеченцы) 1500 руб. – всего «Лорис – Меликовские стипендии» собрали в 1873 году 16957 рублей⁸⁵⁴.

В слободе Воздвиженской, благодаря содействию областного руководства была открыта низшая лесная школа Министерства земледелия и государственных имуществ⁸⁵⁵. На Второй Кавказской выставке продуктов садовых культур, прошедшей в 1898 году в Тифлисе, похвальные отзывы Министерства земледелия и государственных имуществ получили: Закан – Юртовское станичное училище – за ведение садового хозяйства и Наурское двухклассное училище, также за ведение садового хозяйства⁸⁵⁶. В 1901 году начальник Терской области генерал-лейтенант С.Е. Толстой настоятельно рекомендовал открыть школы в селах, расположенных вдоль железной дороги: «Прошу начальствующих лиц обратить на это внимание сельских старшин и обществ, коим объявляю, что для их хозяйства и правильной жизни с каждым годом увеличивается необходимость уметь говорить по-русски и быть грамотным человеком, почему устройство в них начальных училищ послужит на пользу их же детям»⁸⁵⁷.

Учителя и преподаватели на Кавказе

В Терской области катастрофически не хватало учителей – представлявших коренные этносы региона. Местное руководство пыталось исправить эту ситуацию, но почти безуспешно. В 1863 году в области насчитывалось всего 14 педагогов, 6 из которых работали во Владикавказе. Примечательно, что в калмыцкой школе с. Терекли-Мектеб Кизлярского округа Теркой области учителем работал чеченец Шамсутдин Мамакаев, которому помогали старшеклассники Бультинов Бембя, Торлчиев Чудг, Доржакаев Улюмджа, Манглилуев Тертун⁸⁵⁸. В историографии существует обвинение царских властей в сознательной политике сдерживания подготовки учителей из коренных жителей области. Действительно, основная масса учителей начальных школ не имела специального педагогического образования. Однако по сравнению со Ставрополем педагоги министерских школ Терека имели более высокое образование. Так, если в Ставропольской губернии из 295 человек в институтах и на педагоги-

ческих курсах учились 37 человек (12,6%), то в Терской области из 320 – 98 человек (30,6%)⁸⁵⁹.

15 марта 1866 года в Нальчике были открыты трёхмесячные курсы для подготовки учителей начальных школ. Из числа принятых 12 человек окончило курсы со званием сельского учителя всего 6 учащихся. Второй набор в школу с двухгодичным сроком обучения попросту был провален, ни один из 11 учеников не получил звание сельского учителя. В селениях, куда направлялись учителя, не было самого главного – школ, в которых они должны были преподавать. Учителям, возраст которых был 17-18 лет, не было оказано никакой поддержки со стороны местного начальства. А ведь хорошая администрация, хорошие школы и хорошие дороги были бы гарантом благосостояния региона⁸⁶⁰. С 1869 года все мужские школы в Терской области были вверены учителям, получившим педагогическое образование в Тифлисской Александровской учительской семинарии, а женские были поручены учительницам, подготовленным во Владикавказской Осетинской девичьей школе.

В 1898 году в учительский Институт в Тифлисе поступило 25 человек, из которых 4 обучались в учительских семинариях, 1 в духовном училище, 17 в городских и 4 в горских школах. В 1899 году в Институт поступил 31 человек, из которых 3 закончили горские школы и 1 был самоучкой. При поступлении в институт надо было выдержать конкурс. В 1897 году желающих поступить в институт было 93 человека, а поступило только 34; в 1898 году было подано 108 прошений, а принято только 25 человек. Более половины поступающих в учительский Институт в Тифлисе, приезжали из внутренних губерний России.

В конце XIX века в общем составе работающего населения России число интеллигенции, занятой в сфере науки, просвещения, здравоохранения и культуры, было сравнительно небольшим, всего 262 тыс. человек; сюда же входило около 173 тыс. учителей и других работников учреждений просвещения (65 %). И это на страну, с общим населением в 125 млн. человек. Учительство России не было однородным слоем интеллигенции. В самом тяжелом положении находились учителя начальных школ, которые получали нищенские оклады – от 15-20 до 30 рублей в месяц. Сравнительно высоким было жалование учителей средних учебных заведений: от 60 до 170 рублей в месяц. И самые большие оклады были у профессоров вузов – от 170 до 250 рублей в месяц⁸⁶¹.

На Северном Кавказе учителя в 1900 году получили 604 рубля 20 копеек, как и в Центральной России, хотя на Кавказе жизнь была в 1,5

раза дороже, чем во внутренних губерниях России⁸⁶². Однако, сельские учителя, даже работавшие в училищах, открытых на средства населения, пользовались правами на пенсию и получали единовременное пособие⁸⁶³. Учителя, работавшие в государственных учебных заведениях на Северном Кавказе пользовались двойными привилегиями: службы в Министерстве Народного Просвещения и службы в отдалённых местностях империи. Так, например младший член Тифлиского комитета по делам печати, подчинявшийся Министерству Народного Просвещения, получал 2000 рублей в год и через 5 лет службы получал прибавку в 200 рублей, через 10 лет ещё 200 рублей, а через 20 лет пенсию в размере 1000 рублей в год.⁸⁶⁴ Сыновья чиновников, служивших на Северном Кавказе, независимо от их происхождения (русского или из местной среды) могли претендовать на стипендии в учебных заведениях Кавказского учебного округа⁸⁶⁵.

Преподаватели гимназий, других средних учебных заведений значительно отличались от учителей начальных училищ и школ. Учителя гимназий получали с выслугой лет официальные государственные чины. Например, старший преподаватель словесности мужской гимназии производился в титулярные советники, что соответствовало армейским чинам капитана, ротмистра, есаула. Чин титулярного советника (8-й разряд табели о рангах) давал право на получение личного дворянства. Были преподаватели, имевшие классные чины коллежских асессоров и даже – в отдельных случаях – статских и надворных советников (право получения потомственного дворянства)⁸⁶⁶. «Жалованье» учителя гимназии в 4-5 раз превышало заработок учителя начальной школы. В 1911 г. оклады преподавателей мужских гимназий были установлены в размере 1500 и 1250 рублей, за счет различных доплат они поднимались, как правило, до двух, а нередко и значительно более двух тысяч рублей. В империи существовала система аттестации учителей. Но не всегда законные требования к учителям выполнялись. Так, в низшем педагогическом звене было немало людей, не имевших никакого образования⁸⁶⁷. Законоучителя «инославных исповеданий» пользовались в государственных учебных заведениях такими же правами, как и другие учителя: получали государственное жалованье и приглашались с правом голоса на заседания педагогического совета⁸⁶⁸.

В 1872 году при Владикавказской реальной гимназии были организованы педагогические курсы для учителей школ, на которых обучались молодые люди из Грозненского округа: Матушев Магомед, Джантими-

ров Тарсин, Батукаев Генездико, Османов Дошука, Джанкуев Хаджимат, Мамилов Косболат. Чеченцы сдали экзамены по русскому языку, арифметике и приёмам педагогики. Самые лучшие показатели были у Джанкуева Хаджимата и Матушева Магомета. Более всего обучающиеся были знакомы с приёмами педагогики и русским языком, хуже всего дело обстояло с арифметикой⁸⁶⁹.

В 1912 году во Владикавказе и Грозном открываются двухнедельные и месячные курсы по подготовке учителей физической культуры. Перед ними была поставлена следующая задача: «...подготовить руководителей и руководительниц, знакомых со строем, гимнастическими упражнениями и детскими играми с пением»⁸⁷⁰. На Кавказе проводилась подготовка народных учителей живописи и рисования на специальных курсах. В 1891 г. в Кубанском Александровском реальном училище открылись курсы по черчению и рисованию для взрослых. С 1911 г. такие курсы стали проводиться и в Майкопе. Кроме того, в исследуемый период существовали также курсы рисования и лепки для учителей народных школ. 9 февраля 1897 г. в Новороссийске, при женской прогимназии открылись курсы рисования, черчения и живописи, обучаться на которых могли все желающие, без различия пола и возраста⁸⁷¹.

В 90-е годы XIX века в педагогической науке России образуются разные течения. Именно к этому периоду относятся два основных для того времени течения, связанные с именами известных ученых и общественных деятелей. Это направления экспериментальной педагогики и теории свободного воспитания. Экспериментальную педагогику представляли В.М. Бехтерев, П.Ф. Лесгафт, А.П. Нечаев, П.Ф. Каптерев. Лесгафт, например, отстаивал концепцию физического воспитания детей. В своей книге: «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», вышедшей в 1888 году, он утверждал, что «... умственная и физическая деятельность должны быть в полном соответствии между собой, ибо только тогда будут существовать все условия для более точного сознательного разьединения и сравнения между собой как получаемых представлений, так и действий». По представлению этого ученого выходило, что правильное психическое развитие человека невозможно без его физического развития. Научная позиция П.Ф. Каптерева охватывала физиологическую, психологическую, философскую и педагогические сферы. Особенный интерес представляют идеи Каптерева в сфере трудового воспитания. Он полагал, что «утилитаризм и мастеровщина» в школе приносят еще больше вреда, чем «мертвая книжность». Поэтому,

признавая для школы пользу и необходимость ручного труда, Каптерев, прежде всего, видел в такой работе средство к физическому совершенству человека, более полезного для младших школьников⁸⁷².

Учителями становились люди разных способностей, с различными взглядами на жизнь и неодинаковым творческим потенциалом. Рассмотрим для примера педагогическую деятельность двух учителей Грозненской горской школы: Абдул-Межида Кужуева и Таштемира Эльжуркаевича Эльдарханова. А.-М.Кужуев окончил курс Александровского Тифлисского учительского Института и в начале 90-х годов XIX века работал в Грозненской горской школе сначала помощником учителя подготовительных классов, а затем учителем мусульманского закона. В 1894 году Абдул-Межид, которому к этому времени исполнился 21 год, подал руководству прошение, в котором говорилось: «Не желая служить среди своих туземцев, прошу ходатайствовать о переводе в Закавказский край. Если это окажется невозможным, то уволить меня в отставку для поступления на военную службу»⁸⁷³. В связи с поданным заявлением руководство провело опрос школьников, в ходе которого выявило для себя весьма интересные факты. Приведём показания воспитанника 2 класса Рашид-Султана Бархаматова: «Кунжуев высказывался, что он весьма сомневается в том, что вообще среди чеченцев есть развитые люди, как он. Много раз он говорил, что он ухаживал за дочерью генерала Чермоева и дочерью акцизного надсмотрщика Батукаева, на что ему отказали, но у него много невест во Владикавказе и Тифлисе. Кунжуев ставил ученика Цициева у двери и разговаривал всегда на чеченском языке. Он говорил, что чеченцы, служащие милиционерами приносят большой вред нашему народу, что правительство нарочно придумало эту меру, чтобы завлечь чеченцев на свою сторону. Он говорил «Этими красными погонами Русское правительство старается уничтожить обычаи, язык и веру, после чего половина чеченцев уйдёт в Турцию, а у оставшихся здесь, отберут оружие, смешают с русскими и тогда чеченцы потеряют решительно всё».

Кунжуев говорил, что если его уволят, то для него это большое добро, потому что он может поступить на военную службу»⁸⁷⁴.

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов родился в селе Гехи Урус-Мартановского района, в семье крестьянина-середняка. В 7-летнем возрасте Таштемир был определён учиться в сельскую арабскую школу⁸⁷⁵. Любопытного и смышлёного мальчика, обнаружившего склонность к учёбе с большим трудом удалось определить в единственную на всю

Чечню горскую школу в Грозном. В школе он проявил исключительные способности и усердие, что дало ему возможность продолжить учёбу во Владикавказском реальном училище⁸⁷⁶. В 1889 году Таштемир поступает в Тифлисский учительский Институт. В 1890 году, в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» Таштемир публикует свои первые записки сказок, легенд и притчей вайнахов. Собранный им фольклорный материал имеет научное значение не только в плане изучения истории и культуры вайнахов, но и представляет большой интерес как литературный опыт⁸⁷⁷. В 1893 году Эльдарханов успешно окончил Тифлисский учительский Институт и получил звание народного учителя. В том же 1893 году он назначается учителем-надзирателем горских школ города Майкопа, где совершенствует своё педагогическое мастерство⁸⁷⁸. В Майкопской горской школе Т. Эльдарханов преподавал русский язык и арифметику в двух старших классах. Как учитель и воспитатель он был вежливым, к ученикам относился с родительской теплотой. Он упрекал тех учителей, которые пользовались палкой и плеткой. Т. Эльдарханов говорил: «Не плетью завоевывают авторитет, а трудом упорным и личным примером»⁸⁷⁹. Старшеклассники, которым он преподавал математику, отмечали: «У него будешь знать предмет, он объясняет легко и понятно. Мы не смеем приходить на его уроки неподготовленными». Наряду с педагогической деятельностью Т. Эльдарханов активно участвует и в общественно-политической жизни. Он организует кружок из старшеклассников, пропагандирует среди них идеи свободы, демократии. В работе кружка принимают участие и рабочие. В выходные дни и в канун праздников они собирались где-нибудь за городом. «Обычно это была лесная опушка у Белой речки, – вспоминал его ученик Х. Нефлящнев. – Чтобы замаскировать свою интеллигентскую внешность, Таштемир Эльжуркаевич надевал картуз и высокие охотничьи сапоги». Учитель и рабочие обсуждали текущие события в стране, говорили о бедственном положении народа. Деятельность Эльдарханова не осталась незамеченной для полиции. За учителем был установлен негласный надзор. Дальнейшее пребывание в Майкопе становится опасным, и он хлопочет о переводе его в Грозный⁸⁸⁰.

В 1898 году Эльдарханова переводят исполняющим должность учителя в Грозненскую горскую школу. Из-за своего мусульманского вероисповедания он не был утвержден в этой должности местной Дирекцией народных училищ. Эльдарханов подал прошение в Министерство народного просвещения с просьбой утвердить в должности; на его

прошение министр народного просвещения Н.П. Боголепов собственноручно отметил: «Удивляюсь, как могли принять». Т.Э. Эльдарханов был утвержден в звании учителя после рассмотрения этого вопроса в Правительствующем Сенате⁸⁸¹. В Грозном Эльдарханов, помимо педагогической, продолжает вести научную работу по сбору и систематизации вайнахского фольклора. Её итогом было издание сборника «Чеченские тексты», ставшего заметным событием в культурной жизни Чечни⁸⁸².

16 мая 1906 г. Т. Эльдарханов был избран в 1-ю Государственную думу Терским областным избирательным собранием от не казачьего населения. Он входил в Мусульманскую фракцию, являлся членом комиссий: аграрной, по местному самоуправлению, по Кавказу. Подписал проект «42-х» по аграрному вопросу. Являлся инициатором запроса о неправомерности привлечения горцев (чеченцев и ингушей) к охране помещичьих владений во внутренних губерниях России, что, по его мнению, приводило к массовым столкновениям горцев с местным населением. Агенты – вербовщики предлагали добровольцам-охранникам высокую оплату (460 руб. в год), а также бесплатную еду, одежду, коня и пр. Стражники были нужны для охраны помещичьих владений в России. Первая партия в 200 человек была отправлена еще до выступления депутата⁸⁸³. Эльдарханов активно выступал во фракционных прениях и дискуссиях и по другим актуальным вопросам.

6 февраля 1907 г. Т.Э. Эльдарханов был избран во 2-ю Государственную думу. Входил в Мусульманскую фракцию, выступал в Думе по аграрному вопросу. После октября 1917 года являлся председателем Грозненского окружного исполнительного комитета (1920). В 1921 г. – член горской делегации по разработке конституции Горской автономной социалистической республики при Наркомате по делам национальностей РСФСР. В 1922 г. был заместителем народного комиссара просвещения Горской АССР. В 1923 г. – председатель Чеченского областного ревкома⁸⁸⁴.

Халил Дударович Ошаев, один из выдающихся представителей чеченской интеллигенции, литератор и общественный деятель, родился в 1898 году в слободе Воздвиженской в семье лесного объездчика. Близко общаясь с обитателями слободы, будущий писатель хорошо узнал русский язык, а родным чеченским владел безукоризненно. В 1916 году он окончил Грозненское реальное училище. С 1930 по 1936 год являлся директором Горского педагогического института во Владикавказе⁸⁸⁵.

Дирекцию народных училищ Терской области возглавлял С.Ф. Грушевский – талантливый организатор учебного дела и педагог, взгляды

которого были основаны на лучших традициях русской демократической педагогики и научной мысли. С.Ф.Грушевский организовал учительские съезды и курсы для повышения педагогического мастерства, учительские вечера, поддерживал научные и благотворительные общества, занимавшиеся просвещением горцев.

Будучи попечителем Кавказского учебного округа, Я.М. Неверов пришёл к выводу, что в системе обучения должно превалировать классическое и реальное направление, считая наиболее оптимальным для местных условий последнее, т.к. у кавказских народов наиболее востребованы специалисты средней и высшей квалификации. Огромную заботу Я.М. Неверов проявлял в отношении учителей. В статье «Что нужно для народного образования в России», опубликованной в журнале «Русский педагогический вестник» в 1857 году, он писал о необходимости улучшения положения учителей в обществе, считая нынешнее отношение «нравственным злом»: «Где та внимательность, та предупредительность, то нежное участие, которые вознаграждают наставника за его труд? Учитель нуждается в чуткости, уважении и внимании общества...». Поэтому попечитель требовал поднятия его престижа, материального и морального положения⁸⁸⁶.

Благодаря начинаниям Кирилла Петровича Яновского на Кавказе учителя начали издавать свои учебные руководства, они работали над улучшением методов преподавания, обогащались наглядными пособиями по всем предметам, создавались и увеличивались фундаментальные и ученические библиотеки. С 1866-67 годов он начал практиковать созывы учительских съездов в Тифлисе, Ставрополе, Владикавказе и других городах, на них обсуждались актуальные проблемы образования. В 1869 году в Тифлисе созывались краткосрочные учительские курсы, а для учителей начальных школ создавалась «выездная учительская школа», работавшая 3-4 месяца. Многие сельские общества, прослышав о высокой квалификации окончивших такие курсы учителей, старались приглашать их к себе, делали прибавки к заработной плате⁸⁸⁷. За свои многолетние и плодотворные труды К.П. Яновский был избран почетным членом не только Академии наук, но и многих русских и европейских ученых обществ.

Государство, заботясь о содержании структуре школьного образования, постоянно в поле зрения держало вопрос об учебной литературе. Держать под контролем образование значило держать под контролем авторов, составителей учебников. В 1883 г. были введены три степени

оценки книг: рекомендация, одобрение, допущение. Самой высокой степени – рекомендации – удостоивались книги, «выдающиеся по своему научному и ученому значению». «Одобрительную оценку получали пособия, «удовлетворяющие потребностям и целям обучения, но стоявшие на одном уровне со многими другими». «Допускались» те книги, которые при наличии определенных недостатков могли все же принести «известную долю пользы в преподавании». Выбор учителем того или иного учебника определялся, как правило, следующими факторами: соответствием программным требованиям; принадлежность учебного заведения (государственное, ведомственное или частное); популярностью и научно-методическим уровнем; собственными симпатиями и общественно-политическими взглядами педагога⁸⁸⁸.

В число учебных заведений, сыгравших наряду со столичными институтами самую благотворную роль в просвещении горцев, входила и Ставропольская мужская гимназия. Усвоение горцами русского языка и русскими – местных языков достигло здесь значительных успехов. Этому способствовало включение «татарского» и черкесских языков в программу обучения Ставропольской гимназии. Для горцев, по поручению князя Воронцова, были составлены особые буквари с применением арабского алфавита⁸⁸⁹. Сохранилось большое количество прошений от чеченцев и ингушей, стремившихся дать своим детям образование в Ставропольской классической гимназии. При гимназии имелась богатая библиотека. Кроме того, гимназисты в складчину выписывали лучшие периодические издания, выходившие в России.

В 1866 году в пансионе Ставропольской гимназии было выделено всего три вакансии для уроженцев Терской области, причём одну из них должен был занимать дагестанец. На данные вакансии принимали тех горцев, кто свободно говорил по-русски и выдерживал вступительный экзамен в соответствующий по возрасту класс гимназии. Поступавшие в гимназию должны были воспитываться в горских школах, где уже выявлялись их способности и успехи в учёбе, особенно по русскому языку⁸⁹⁰. Из гимназий на Кавказе в основном исключали за неуспеваемость по русскому и латинскому языкам⁸⁹¹.

С учреждением в 1871 году среди горских народов Северного Кавказа гражданского управления был введён и новый порядок распределения казённых (бюджетных) горских вакансий: от горцев Кубанской области – 15; от Терской области – 21. В 1883 году в пансионе Ставропольской гимназии находилось 20 осетин, 1 чеченец, 3 ингуша, 3 кабардинца. В тот

период во всех четырёх военно-учебных заведениях Кавказа обучалось 14 осетин, 4 кабардинца и 2 чеченца⁸⁹². В 1884 году в Ставропольской гимназии обучался 21 горец. Терскую область представлял Ахтаханов Абдул-Керим⁸⁹³. К 1892 году количество представителей Терской области увеличилось до 23 человек. В это время в гимназии обучался Токаев Тембулат, поступивший 20 августа 1887 года и Шахмурзиев С., поступивший 29 августа 1888 года⁸⁹⁴. В 1867 году в пансионе Ставропольской гимназии проживал Чах Ахриев вместе с Анзором Сулеймановым⁸⁹⁵. В 1870 году в гимназии обучалось уже шесть ингушей, в том числе Чах Ахриев, Асланбек Базоркин, Саадула Ахриев, Киляр Дагиев и др.⁸⁹⁶.

Будущий просветитель Чах Ахриев поступил в Ставропольскую гимназию вместе со своим двоюродным братом Саадулой, благодаря содействию и помощи дяди Темурко Ахриева, офицера русской армии. В 70-х годах XIX века появятся первые труды Чаха Ахриева по этнографии и экономике родного края в авторитетном Тифлисском издании «Сборник сведений о кавказских горцах» и во Владикавказской газете «Терские ведомости». В 1870 году он поступил в Нежинский лицей князя Безбородко, по окончании которого в 1874 году получил высшее юридическое образование. Чах Ахриев – первый представитель ингушского народа, получивший в России законченное высшее образование. В Ставропольской классической гимназии получил образование также известный осетинский поэт Коста Хетагуров⁸⁹⁷.

Ставропольская мужская гимназия была открыта 18 октября 1837 года, когда ещё шла война и называлась она – Кавказская областная⁸⁹⁸. Кроме Ставропольской губернии гимназия обслуживала Дагестанскую, Терскую, Кубанскую, Сухумскую, Карскую области и Закатяльский округ. В 1866 году гимназия была преобразована в классическую и, в связи с этим, значительно увеличилась программа обучения, были введены для изучения: латинский, греческий, немецкий и французский языки⁸⁹⁹.

Из 100 номера «Кавказа» за 1858 г. населению стала известна информация о том, что вышло правительственное распоряжение, по которому детей горцев прекратили принимать в кадетские корпуса, но стали зачислять в Ставропольскую гимназию. В своей статье «Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии» Ф.В. Юхотников писал: «Прошло пять, шесть лет и из 20 горцев – учеников гимназии большинство не только начало соперничать с русскими, но и стало заметно выдаваться вперед»⁹⁰⁰.

К прошению о принятии в гимназию, вместо метрических свидетельств мусульманам разрешалось подавать свидетельства кадиев. В 1

класс принимались дети от 8 до 14 лет. Ученики вносили определённую плату за обучение, за полгода вперёд. В Ставропольском пансионе в 1867 году за счёт казны содержалось 142 воспитанника: из них 30 детей местных дворян и чиновников, 65 детей почётных горцев и 47 детей офицеров казачьего войска⁹⁰¹. При Ставропольской гимназии было создано горское отделение (дата не установлена), где в 1877 году обучалось 85 человек, а в последующие годы там училось по 40-60 детей почётных горцев – дворян, князей, высшего духовенства. В 1880 году горское отделение было ликвидировано и на его основе создано реальное отделение с 6-классным обучением. Министр просвещения, своим циркуляром, в 1887 году запретил принимать учениками в прогимназии и гимназии детей кучеров, лакеев, кухарок и поваров, социальный статус родителей стал иметь доминирующее значение, способности ученика стали отходить на второй план⁹⁰². Окончившие курс гимназии с золотой (серебряной) медалью, а как и студенты духовных семинарий могли без различия сословий быть приняты на государственную службу с чином XIV класса Табели о рангах⁹⁰³.

Народные школы

В 60-70 годы в России было довольно значительное движение в поддержку народной школы, неслучайно XIX век считается веком доступа к образованию народа. Выдвигалось требование создания не просто школ, а школ национальных, где родной язык не только изучают, но и ведут на нём обучение. П.К. Услар писал: « Мнение, будто бы безграмотного человека всё равно – учить грамоте на родном языке или на неизвестном ему языке, до того странно, что мы оставим его без опровержения».

Интересно, что в этот период чеченские сельские общества на свои средства открывают и содержат не только арабские школы, но и светские учебные заведения, где изучался русский язык, знание которого становилось жизненно необходимо⁹⁰⁴. На обширной чеченской территории действовала всего одна государственная горская школа. Ежегодный выпуск школы составлял 8-9 человек и выглядел просто жалким на фоне 200-тысячного населения Чечни⁹⁰⁵. Одна из первых народных школ была открыта в посёлке Тембулат-Юрт (отсёлок села Дуба-Юрт). Чеченец Шугаип Алиев, житель слободы Воздвиженской со времени её основания, был инициатором открытия народной школы. На общественном сходе

жители села поддерживали намерения Ш. Алиева открыть школу с двумя отделениями, для преподавания русской, арабской и чеченской грамоты. Школу строили всем селом, жители собрали деньги на содержание школы. Сельское общество избрало попечителя школы. Шугаип Алиев назначил от себя мулле жалованье, а его брат – полковник Эрнеаль Алиев платил жалованье русскому учителю. В школу пришли записаться более 200 детей из соседних сёл, однако было принято всего 40 мальчиков в возрасте от 7 до 10 лет⁹⁰⁶.

В 1863 году, по приказу начальника Терской области, прапорщику Кади Досову было поручено составить проект открытия в аулах народных школ. В своём рапорте К. Досов сообщал: «Для распространения в Чеченском племени их грамоты требуются следующие средства: непременно нужно основать чеченское народное училище, там, где само чеченское общество укажет и построить дома так, чтобы в них помещалось свободно 100 человек учеников с учителями. На все расходы требуются средства от казны. Дети горских народов, в особенности чеченцев, имеют природное дарование и охоту к изучению наук, но, к сожалению, не имеют на то средств. Пока постройка народного училища надобно приготовить учителей. Для этого необходимо собрать желающих от чеченцев 10 человек взрослых учеников, знающих Арабскую грамоту, для изучения читать и писать по – чеченски.»⁹⁰⁷. В 1864 году начальник области в своём рапорте отмечал: «...в туземцах сильно стремление к образованию...», в связи с чем предполагалось открыть школы в Шатое, Ведено, Назрани, Хасав-Юрте⁹⁰⁸. Было запланировано при начальных школах в укреплениях Ведено и Шатой учредить пансионы на 10 человек из туземцев. В программу обучения входило: 1) русское чтение и письмо, практическое обучение разговорному русскому языку; 2) чтение и письмо по-татарски (по – чеченски); 3) изучение четырёх действий арифметики; 4) Закон Божий православного исповедания; 4) Закон Божий мусульманского вероисповедания, уставы и чтение Корана⁹⁰⁹. В начале 1870 года жители Ичкеринского округа с помощью общественного приговора заявили властям о желании учредить школу для обучения детей русской грамоте, арабскому языку и арифметике. На содержание школы жители решили ежегодно собирать 1/3 часть закята. Общественный приговор подписали по-арабски по 2 представителя от каждого селения⁹¹⁰. 8 ноября 1870 года в укреплении Ведено была открыта школа. В этой школе обучались 20 жителей Ичкеринского округа и 5 русских мальчиков, проживавших в Ведено. Арабский язык преподавал окруж-

ной кадий Шамиль Каратаев. Переводчиком и надзирателем был житель села Дарго-Хатан Мусаев⁹¹¹. Веденская горская школа просуществовала до 1877 года – во время восстания она была закрыта якобы из-за утери имущества, а на самом деле, по мнению руководства «вследствие дурного влияния на туземное население». Директору народных училищ Терской области сообщили, что из Веденской школы мальчики выходили «даже не умея объясняться по-русски, т.к. после года пребывания больше в школу не возвращались». Причину данного положения видели в недостатке средств, из-за чего на работу не могли принять квалифицированных учителей. В связи с закрытием Веденской горской школы было принято решение учредить 8 стипендий уроженцам Веденского округа при обучении их в Грозненской горской школе⁹¹².

Жители Ичкерии в 70-х годах XIX века добровольно обложили себя школьным налогом по 30 копеек с дыма для образования школьного капитала. 30 лет население платило этот сбор. Сумма достигла 140000 рублей, но школа так и не была открыта⁹¹³. Во время посещения чеченских округов попечителем Кавказского учебного округа, горцы каждый раз просили его открыть школы или прекратить сбор денег на их открытие. Однако учебное ведомство даже не подозревало, что происходит такой сбор средств и начало расследование по этому вопросу⁹¹⁴. При ревизии шнуровой отчетности о переходящих суммах начальника 8 участка Грозненского округа за первое полугодие 1891 года Контрольной Палатой было выявлено, что 1054 рубля 20 копеек, взысканных с сельских обществ на содержание стипендиатов Грозненской горской школы и других учебных заведений – в шнуровой книге не значатся. Подобная же картина воровства народных средств наблюдалась и на других участках⁹¹⁵.

В 1894 году чеченцы из 12 селений Грозненского округа возбудили ходатайство об открытии в одном из сёл, на их общий счёт, с пособием от казны в размере 1500 рублей в год, низшей сельскохозяйственной школы второго разряда на 200 учеников. В областном правлении был выработан Устав школы и выслан на рассмотрение просителям⁹¹⁶.

Ознакомившись с этим Уставом, жители 12 селений общественными приговорами вновь постановили ходатайствовать об открытии школы с 2-х летним сроком обучения. Со своей стороны они обязались:

- 1) Построить здание на 160 учеников;
- 2) Завести инвентарь и рабочий скот;
- 3) Выдавать на содержание школы по 5600 рублей ежегодно, собирая их подымно с 12 селений;

- 4) Выделить 400 десятин земли для школьного хутора;
- 5) Содержать школу не менее 12 лет.

У правительства местные жители просили прирезать земли и выделять ежегодно пособие в размере 3500 рублей⁹¹⁷.

В 1900 году Министерство земледелия и государственных имуществ разрешило открыть в селе Урус – Мартан общественную низшую сельскохозяйственную школу на 160 учеников. Министерством был отведён для неё земельный участок в 300 десятин и назначена в течение 12 лет ежегодная денежная субсидия в размере 2500 рублей⁹¹⁸.

11 февраля 1913 года состоялся съезд чеченского народа, на котором постановили обложить всё чеченское население по 60 копеек с дома на плоскости и по 30 копеек с дома в горах – ежегодно, чтобы образовать фонд школьного дела в Чечне, в память 300-летнего юбилея Дома Романовых. Таким образом, ежегодный сбор должен был составить 28 тыс. рублей⁹¹⁹.

Благотворительные общества, содействовавшие поднятию уровня образования на Кавказе

Делу образования помогали в Терской области различные благотворительные общества. Газета «Терские ведомости» сообщала о двух попытках создания благотворительного общества по развитию образования в городе Грозном. Первая была предпринята офицерами Тенгинского пехотного полка в 1876-1877 годах, стоявшего в то время в Грозном. Все офицеры этого полка изъявили желание и готовность выделять из своего содержания 1% на стипендию одному или двум бедным ученикам Грозненской горской школы при поступлении в среднее или высшее учебное заведение. Эта акция была поддержана и представителями городских гражданских учреждений, которые также заявили о готовности к отчислению 1%. К сожалению, авторы статьи не располагали информацией о реальном состоянии дел, о собранных суммах, об оказанной помощи. Кроме того, в Грозном в 1880 году было основано «Благотворительное общество помощи бедным ученикам городских училищ». Были составлены подписные листы, установлен размер членского взноса – 3 рубля в год, однако не удалось собрать денег и общество не состоялось⁹²⁰.

В конце 90-х годов XIX века Грозненскому городскому училищу и другим учебным заведениям помогало Общество взаимного вспомо-

ществования учащимся и учителям Терской области. Членами этого общества являлись Арсемик Арцуевич Чермоев и Юсуп Чуликов, жертвовавшие немалые взносы на развитие системы обучения в регионе⁹²¹. Благотворительное общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области было образовано 18 октября 1882 года. Устав благотворительного общества был утверждён правительством. Общество ставило своей целью содействовать школьному образованию среди горского населения Терской области и распространять технические и ремесленные знания. Главная цель общества – дать горцам средства для обучения. Общество имело печать со своим наименованием, ему предоставлялось право приобретать и принимать в дар недвижимость. Благотворительное общество имело право открывать школы для горцев в Терской области по программам, изданным Кавказским учебным округом⁹²². Для открытия горской школы в 1883 году обществу сделали пожертвования сельские общины: Гудермеса (6 руб.), Исти-Су (6 руб.), Кошкельды (6 руб.), Ишхой (5 руб.), Аллерой (10 руб.), Цонторой (6 руб.), Бачи-Юрт (10 руб.), Кади-Юрт (5 руб.). Содержание одного чеченского мальчика во Владикавказском ремесленном училище обходилось обществу в 130 рублей ежегодно. На средства благотворительного общества в 1884 году, в присутствии горцев было произведено испытание сельскохозяйственных машин. Некоторые из них горцы затем купили. Также благодаря правлению общества горцы получили несколько новых сортов хлебных и травяных семян⁹²³.

Общество попечения о сиротах и бедных детях города Грозного было утверждено 4 марта 1906 года. В Уставе общества было указано, что оно создано с целью «...оказывать всякого рода помощь сиротам и детям бедных родителей всех сословий и вероисповеданий в районе города Грозного и прилегающих к нему нефтяных промыслов». Для достижения этой цели общество могло устраивать убежища, приюты, ясли, детские амбулатории, начальную школу, мастерские, а также помещать детей в школы. Средства общества составлялись из членских взносов, пожертвований и из доходов от устраиваемых спектаклей, концертов, публичных лекций. Ответственность за благосостояние общества возлагалась на правление, находившееся в г. Грозном. Город Грозный, с бурным развитием нефтяной отрасли постепенно превращался в богатый, большой, насчитывающий (с промыслами) до 70 тыс. населения город, коммерческие обороты которого ежегодно исчислялись миллионами рублей⁹²⁴. Благотворительное общество имело Председателя, помощ-

ника, казначея, секретаря, члена комитета. Годичные отчёты общества печатались в местных газетах и отдельными брошюрами. Они представлялись в военное министерство через начальника Терской области⁹²⁵.

Жена начальника Терской области Д.И. Святополк-Мирского, Софья Яковлевна являлась главным организатором создания благотворительного общества, в которое вошли представители интеллигенции края. Князь и княгиня Д.И. и С.Я. Святополк-Мирские стояли не только во главе (являлись председателями) Владикавказского женского училища, но и выступали инициаторами проведения денежных сборов, а также участвовали в составлении комплекта учебно-методических материалов. Собранные ими средства, как в результате добровольных пожертвований, так и посредством устройства различного рода благотворительных мероприятий, шли в фонд деятельности училища⁹²⁶.

Первые школы для чеченцев открылись сразу после завершения Кавказской войны, но работали они крайне мало. В 1862 году генерал-майор П. Услар предпринял попытку открыть школу, где занятия велись на чеченском языке. Эта Грозненская школа просуществовала всего семь недель⁹²⁷. В 1865 году была открыта школа в селе Старый Юрт, в 1867 году – в Ведено, в 1869 году в селе Большой Чечен, в 1870 году – в Брагунах, Новом Юрте, Кень-Юрте, Али-Юрте и других местах⁹²⁸. Школа в Старом Юрте состояла из 2-х классов – подготовительного и первого (53 ученика). Изучались русская и арабская грамота, арифметика, чистописание. В 1867 году в Веденской школе было всего 4 ученика, а в селе Большой Чечен – 25 учеников. Просуществовали эти школы недолго – из-за отсутствия средств⁹²⁹. В 1897 году были открыты училища для чеченцев в Нижнем Науре и Старом Юрте, с которых и начинается история просвещения чеченского народа, если не иметь в виду горские школы. От казны ежегодно выделялось по 600 рублей: 400 рублей учителю, 100 рублей мулле и 100 рублей на ученические принадлежности. В то же время, все доходы царской фамилии от эксплуатации удельных имуществ, земель и предприятий в конце XIX века составляли более 52 млн. руб. в год, что вдвое превышало расходы государства на народное просвещение всей Российской империи, включая и Кавказ⁹³⁰.

Грозненское городское училище было открыто в 1896 году, хотя планировалось открытие ещё в 1879 году. Училище вначале состояло из 3-х классов, а в 1899 году было преобразовано в 6-классное и стало называться Пушкинским. Сама по себе норма 60 человек в классе, установленная для начальных училищ, не выдерживала критики, но даже

эта норма не выполнялась. В специальном распоряжении попечителя Кавказского учебного округа говорится о недопустимости перегрузки классов, доходящей до 70-80 человек и вредно отражающейся не только на здоровье учащихся, но и на учебном процессе⁹³¹.

Одним из первых озаботился вопросом обучения горских женщин князь Барятинский. В декабре 1862 года он обратился в письме к наместнику Кавказа с просьбой об открытии женских училищ. Своё мнение он обосновал так «...Воспитание туземных женщин занимает, конечно, первое место; женщина, по влиянию своему на семейство, как на хранительнице народных нравов, действует одинаково и на привычки дитяти, и на возмужалого горца»⁹³². Князь Барятинский предлагал даже открыть во Владикавказе женский институт. К этому времени уже было открыто женское училище (21 июня 1861 года). Здесь обучались девушки не моложе 8 лет всех вероисповеданий и сословий. В 1864 году в училище насчитывалось 74 ученицы. Преподавались здесь следующие предметы: Закон Божий, чтение на славянском языке с переводом на русский, русский язык, история России, арифметика, чистописание, рукоделие, шитьё, вязание и вышивка. 1 марта 1867 года в Грозном было открыто женское бесплатное училище, состоящее из двух классов – подготовительного и первого. Грозненскому женскому училищу был присвоен 3 разряд, оно подчинялось Министерству народного просвещения⁹³³. Состоятельные люди из числа чеченцев стремились дать хорошее образование не только сыновьям, но и дочерям. Зейнаб Баммад, Тамара, Митта и Дара Чермoeвы и многие другие были известны не только богатством, но и прекрасным образованием⁹³⁴.

И мужским и женским учебным заведениям Терской области не хватало самого насущного – учебников. Преподаватели Грозненской горской школы Дмитриев и Хасанов создали первый русско-чеченский словарь на буквы «А» и «Б», однако получив похвальные отзывы, не нашли необходимой поддержки у руководства для продолжения столь необходимой работы⁹³⁵. Книги и учебники написанные на языках местных жителей посылались в Кавказский учебный округ для просмотра. Цензурой их занимался третий окружной инспектор⁹³⁶. В 1912 году вышла в свет «Иллюстрированная география Кавказа», написанная Ф.А. Смирновым, директором Закавказской учительской семинарии. Учебник предназначался для детей – первоклассников средних учебных заведений и учащихся 2-х классов городских училищ. Учебник содержал следующие разделы: наш класс, наше село, наше сельское общество, уезд, губерния.

Он обобщал сведения о Кавказской губернии, её климате, реках, озёрах, растительности, животных, о фабриках, сельском хозяйстве, населении, торговле, городах. Книга была хорошо проиллюстрирована фотографиями (в т.ч. чеченок) и рисунками, а также содержала большое количество стихов Пушкина и Лермонтова⁹³⁷.

Проблема введения обучения на русском языке в национальных школах

Особенно пристальное внимание в системе образования на Кавказе уделялось русскому языку. Разрастание господствующего народа, это – расширение области его языка, а не подчинение, не подвластность народа народу. Форма, выражающая собой национальную индивидуальность – это язык. Язык, это исключительное орудие объединения народа, государственного организма⁹³⁸. Стремление нивелировать национальную самобытность российских народностей и по образу преобладающей русской нации создать единый для всех национально-культурный тип привело к ликвидации существующей у многих народов национальной школы, фактическому запрещению преподавания на родном языке. Подобная школьная политика вызывала резкую негативную реакцию среди инородческого населения и во многом способствовала усилению противостояния между окраинами и центром⁹³⁹. Вытеснение местных языков из программ гимназий, школ и училищ происходило постепенно, дабы не вызвать массовых народных выступлений в регионе против насаждавшейся политики в сфере образования. По Уставу 1848 года два туземных языка были обязательны для изучения учащихся во всех классах гимназий на Кавказе. Интересно, что «Положением» 1848 г., в частности, «...обращено было внимание на преподавание туземных языков в гимназиях: Ставропольской (татарский и черкесские языки), Екатеринодарской (черкесский язык)». Скоро, однако, это «Положение» подверглось пересмотру. С 1853 года обязательность двух языков сохраняется только в трёх младших классах, а в остальных – только один. В новом «Положении» (об учебном округе) 1853 г. был принят курс «на сближение устройства учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено подобными заведениями внутренних губерний»⁹⁴⁰. В 1867 году министр народного просвещения выступил против обязательного преподавания туземцам местных языков. В этом же году

было издано «Положение о начальных училищах», с обязательным преподаванием в них предметов на русском языке. В 1873 году оно было вновь подтверждено. Тем не менее, не смотря на общий курс правительства, в феврале 1877 г. вышел приказ попечителя Кавказского учебного округа Я.М. Неверова «О введении в программу городского училища при Учительском институте в Тифлисе «туземных языков»⁹⁴¹.

Родной брат императора, князь Михаил Николаевич, одной из своих задач по народному образованию в крае поставил окончательное сближение всей системы образования на Кавказе, с программой, принятой Министерством народного просвещения в Российской империи⁹⁴². Начальник Главного управления наместника на Кавказе откровенно заявлял о том, что потребность в знании местных языков уменьшается в связи с ростом понимания и употребления горцами русского языка. Он был абсолютно уверен в том, что русский язык совсем вытеснит местные диалекты. Но, как показал опыт и весь ход исторического процесса, распространение в Чечне русского языка, усилившееся с 70-х годов XIX века, не привело даже к возникновению двуязычия. Русский язык продолжал употреблять горцами наряду с арабским, кумыцким и другими языками⁹⁴³.

На заседании Государственного Совета соединённых департаментов 18 марта 1867 года развернулась дискуссия. Одни члены Совета выступали за необязательность обучения туземным языкам в гимназиях и училищах. Другие же члены Совета настаивали на обязательности изучения туземного языка, чтобы «не вызывать толки в подавлении народности». 15 мая 1867 года Государственным Советом было утверждено увеличение числа уроков русского языка⁹⁴⁴. К концу XIX века, в результате проводимой правительственной политики по русификации края, горские языки были почти полностью вытеснены из программ обучения подрастающих поколений⁹⁴⁵. Начиная с 80-х годов школьная политика на Кавказе резко направилась на борьбу с местными языками «...отразившись на понижении умственного развития обучаемых в низшей школе, эта политика в то же время дала новую силу местным языкам, сделав знание их вопросом национальной чести и самолюбия»⁹⁴⁶. По свидетельству отчёта попечителя учебного округа за 1903 год, на Кавказе, из 2086 начальных школ в 1928 школах, что составляло 92,4% – языком преподавания служил русский язык и только в 158 школах родной язык допускался в помощь при изучении русского языка⁹⁴⁷.

Реакционную реформаторскую политику системы обучения начал Министр народного просвещения Д.А. Толстой. В целом его деятель-

ность диктовалась стремлением государственной власти обезопасить самодержавие. Одной из уступок, которые правительство сделало обществу, была отставка Д.А. Толстого с поста министра. 5 февраля 1880 г. наступил период «диктатуры» М.Т. Лорис – Меликова, сочетавшей полицейские меры с некоторыми уступками обществу. В этих условиях подготовка контрреформы в образовании была приостановлена. После 15 лет управления Министерством народного просвещения граф Толстой был уволен 24 апреля 1880 года, потому что, как обвинил его тогда всемогущий М.Т. Лорис – Меликов, слишком сильно «натянул вожжи» и создал в школах такой режим, который подготовил тысячи недовольных существующим строем. После работы нескольких либеральных министров снова был взят курс на проведение реакционной политики. В 1901 году Министром народного просвещения был назначен член Государственного Совета, генерал-адъютант П.С. Ванновский. Политика Ванновского была ярким примером преемственности Толстовским реформам и отражала страх власти перед просвещенной массой⁹⁴⁸. Проведение русификаторской политики в обучающем процессе стало вводиться повсеместно в директивном порядке.

Как это ни странно, но русские в своё время, как и чеченцы, также боролись с засильем чуждого языка, отстаивая свою национальную самобытность и культуру. С Ломоносовских реформ началась в России национальная, научно поставленная педагогическая система, построенная великим педагогом на основе гуманистического просвещения, патриотизма и демократии. По мнению М.В. Ломоносова, ввести детей в сокровищницу знаний можно только посредством родного языка. В его время специальным регламентом Академии наук в 1747 году было запрещено русским студентам изучать русский язык. В итоге оказалось, что большая часть студентов писала по-латыни лучше, чем по-русски. Ломоносов и здесь был реформатором, введя русский язык как основу обучения. В 1758 году им были основаны «российские классы», «чего, – как справедливо говорит Ломоносов, – с начала гимназии до него не бывало»⁹⁴⁹.

С упразднением Кавказского наместничества «...обрусение туземцев, – как констатировали власти позднее, – было признано первейшей задачей новой кавказской администрации, – а школа лучшее к тому оружье»⁹⁵⁰. Кавказский учебный округ не считал возможным сделать местные языки основными в процессе начального обучения, хотя и признавал за горскими языками, имеющими письменность, важное значение, для полного и всестороннего развития местных жителей⁹⁵¹. Кавказские

языки совершенно были изгнаны из всех учебных заведений вплоть до того, что чтение книг на родном языке считалось проступком⁹⁵².

Многие российские просветители и администраторы выступали за возвращение горских языков в систему обучения. Свои взгляды они обосновывали тем, что «...обучая родному языку в начальной и даже средней школе, инородцем облегчается усвоение русского языка, потребность в котором выдвигалась самой жизнью»⁹⁵³. Даже если горца принимали на военную службу рядовым всадником, требовалось знание разговорного русского языка, не говоря уже о работе в административных органах и в сфере бизнеса⁹⁵⁴. К сожалению, кавказская школа не давала хорошего знания русского языка, из-за возникавшего языкового барьера, в связи с чем признавалась повсеместно вредной, т. к. только отрывала от домашних работ детские руки, отучала их от занятий сельским хозяйством и не способствовала получению новых навыков⁹⁵⁵. В газете «Терский край» А. Томаревский предлагал создать для туземцев особый тип школы: «Если мальчик горец будет читать на материнском языке про хорошие дела разных героев, про свои горы, про своё хозяйство и как его улучшить, про разные природные явления, а главное на родном языке будет читать избранные места из Корана, то, разумеется, такой ученик будет мил своему семейству и каждый отец и мать будут рады такому ученику и охотно будут посылать своих детей в школу». Томаревский предлагал в туземной школе первые два года уроки вести исключительно на родном языке⁹⁵⁶.

Н. Сперанский, в своей работе «Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России» также с горечью отмечал недостатки системы образования. «И вот лишь нам, – писал он, лишь нашему просвещённому времени дано было увидеть в жизни школы, ведущейся по «немому методу», – школы, где учитель, которому во имя государственного единства запрещено осквернять свои уста произнесением слов родного языка для учеников – всю тяжесть настоящего положения. В этой школе учитель должен слова национального языка делать понятными путём мимики, жестов и даже нечленораздельных звуков, чтобы дать понять ученикам что значит «собака лает», он должен, дабы не прибегнуть к местному языку, лаять по-собачьи. Припомним, как о подобных школах с дрожью кровной обиды в голосе повествовал 4 мая 1907 года с трибуны II Думы депутат Махмудов. Всякая народная школа, лишённая возможности свободно пользоваться народным языком в своей образовательной деятельности, подрезается под корень».⁹⁵⁷

В начале XX века инициатором возвращения местных языков в систему образования, выступил наместник на Кавказе, граф И.И. Воронцов – Дашков. В 1905 году наместник дал указания по предъявлению к учительскому персоналу инородческих школ требования к достаточному знанию ими местных языков. И.И. Воронцов – Дашков предложил:

1) ввести в первом учебном году, в низших школах, преподавания на родном языке;

2) преподавать по системе Ильинского, основанной на почве уважения к национальности ученика.

В это же время Министерство Народного Просвещения высказало мнение сделать необходимым и обязательным на окраинах обучения местным языкам для русских учащихся, чтобы создать контингент знающих местные языки русских служащих⁹⁵⁸.

Результатом одностороннего господства в местных государственных школах так называемого натурального или немого метода, при полном пренебрежении к речи детей – оказался почти всеобщим протест кавказских инородцев против упомянутого метода, так и приютившей его системы школ общего типа. Школы эти стали ненавистны горцам, которые с удовольствием указывали на систему Ильинского, особенно напирая на внешнюю её оболочку – родной язык.

Школе Ильинского вполне было обеспечено место, как школе центральной по методу и задачам, между неумеренными крайностями школы государственной с одной стороны, а конфессиональной или националистической – с другой. В начальной школе Ильинского родной язык дети изучали по 4 часа в неделю, в старших классах – по 2 часа. Русский язык в его школе был одним из предметов изучения. Ильинский допускал включение в инородческие буквари текстов в арабской транскрипции. Он работал а Казанской учительской семинарии и владел татарским языком. Н.И. Ильинский одобрительно отзывался о порядочности татар – мусульман и избегал религиозных споров с ними, следуя наставлению апостола Павла⁹⁵⁹. Николай Иванович показал бесспорные достоинства конфессиональной школы мусульман: близость к народу, отсутствие формализма, автономное управление. Н.И. Ильинский начал создавать свою школу в 60-х годах XIX века. Его школа не была продуктом отвлечённого мышления, а создавалась в силу насущных потребностей народа Волжско – Камского края. Его школа была открыта для всех: язычников, крещённых татар и мусульман. Н.И. Ильинский считал, что инородцы должны быть убеждены,

что педагоги хлопочут об их образовании исключительно ради их, инородцев пользы, их счастья

Когда в период господствовавшего в России национализма, после подавления польского восстания 1863 года Б.Н. Чичерин высказался против притеснительных и мстительных мер, его заподозрили в попустительстве сепаратизму. Однако исходной точкой для отношения Б.Н. Чичерина к полякам был тот внутренний голос совести, который Кант назвал категорическим императивом. Ильинский пришёл служить инородцам, потому что искал правды в жизни и возможного осуществления этой правды в отношении малых народов⁹⁶⁰.

Одним из прогрессивных людей XIX века, посвятивших себя народному образованию, являлся Януарий Михайлович Неверов. Я.М. Неверов был сторонником гласного обсуждения учебных программ и методов обучения, для чего созывались съезды учителей. На съезде учителей – историков в 1867 году он доказывал «пользу обучения истории Кавказа» и на этом съезде потребовал внесения в программы истории Кавказа попутно и в связи с всеобщей и русской историей. Это мнение его вполне разделяли лучшие кавказские педагоги. Я.М. Неверов убедительно доказывал необходимость научного изучения горцами родного языка. Он придерживался мнения, что «...нет образования без возможно полного знания своего родного языка, как орудия мысли»⁹⁶¹.

К.П. Яновский, являвшийся попечителем Кавказского учебного округа в 70-90 годы XIX века предлагал не увеличивать расходы на земскую стражу и армию, а передать эти деньги школе, улучшив её качество. Он планировал увеличить в 7 раз число школ в Кавказском учебном округе. С 1885 по 1893 год число русскоязычных школ на Кавказе увеличилось с 49,8 % до 73,4 % от общего числа школ⁹⁶². Но, не смотря на все предпринятые усилия, школ было крайне мало. В «Отчете попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1897 год...» говорилось: «Если припомнить, что при обсуждении вопроса об обязательности народного образования во Франции еще в конце прошлого столетия было принято за норму, чтобы на каждую тысячу жителей существовало не менее одной школы, то окажется, что для достижения такого идеала число существующих в крае учебных заведений следовало бы увеличить еще в 6 или 7 раз». Таким образом, Россия отставала от Франции в деле просвещения на целое столетие⁹⁶³.

В 60-е годы XIX века в Дагестане открываются учебные заведения, где наряду с русским языком изучаются и родные. Создание этих школ связано

с именем П.К. Услара. Этим школам был чужд сословный принцип, а сам педагог в организации школьного дела стоял за его всеобщность и доступность. Выделив поначалу небольшие суммы на открытие школ в Хунзахе, Гунибе, Кази-Кумухе, правительство в последствии прекратило их финансирование и тем самым отказалось от более приемлемого для широких горских масс приобщения к русской культуре через родной язык⁹⁶⁴.

В своих письмах П.К. Услар отзывался с большой похвалой о деятельности лиц, интересовавшихся образованием горцев, но в силу чрезвычайной скромности, умалчивал о своих заслугах. Барон Пётр Карлович Услар родился в деревне Курово Тверской губернии 20 августа 1816 года. Прадед Услара – уроженец Ганновера⁹⁶⁵. П.К. Услар получил образование в инженерном училище, в 1835 году был произведён в прапорщики корпуса военных инженеров. В 1836 году он отправился на службу на Кавказ, в 1838 году был переведён в кавказский сапёрный батальон. За боевое отличие в Дагестане он был произведён в поручики. В 1840 году поступил в академию Генерального штаба, в 1844 году её закончил. В 1850 году принимал участие во многих экспедициях в Чечне. А уже в 1858 году Пётр Карлович был причислен к Главному штабу Кавказской армии, где на него был возложен обширный и важный труд по составлению истории Кавказа. Изучение древнейшей истории края привело его к лингвистическим исследованиям. П.К.Услар при жизни не был оценён по достоинству. Он скончался у себя на родине, после продолжительной и тяжёлой болезни, на 58 году жизни. Генерал-майор Генерального штаба, барон П.К. Услар являлся почётным членом Императорской Академии наук⁹⁶⁶.

Рассказы, песни, и пословицы, записанные П.К. Усларом, позволяют ознакомиться с плоскостным чеченским диалектом середины XIX века. Вместе с тем надо сказать, что им первым дана подробная характеристика звуков чеченского языка и сравнение их с другими языками мира. В 1862 году П.К. Услар написал «Чеченский язык», объём книги составлял 30 печатных листов. Впервые работа была издана в Тифлисе в 1862 году, а затем переиздана в 1888 году. «Чеченский язык» – первая капитальная работа по чеченскому языку, которая с точки зрения лингвистической, является чрезвычайно ценным трудом, не утратившим своего значения и по сей день. Удачно уловив и изучив структуру чеченского языка, талантливый учёный со всей серьёзностью и глубиной исследовал собранный им обильный фактический материал и оставил нам очень ценную грамматику⁹⁶⁷.

Философ Ж. Деррида утверждает в своей работе «О грамматологии»: « Нет бесписьменных человеческих сообществ, потребность фиксировать, записывать, оставлять след есть общечеловеческий феномен, и если бы была наука, изучающая его, то это и была бы не столько конкретная дисциплина, но наука о письме вообще и о различии форм, в которых реализуется эта способность»⁹⁶⁸. В начале XVI века, в связи с проникновением в Чечню ислама заимствуется арабский алфавит. Первые попытки приспособить его к чеченскому языку делаются ещё в период Кавказской войны, но передать богатую фонетическую систему чеченского языка арабским алфавитом было трудно. Поэтому первый чеченский алфавит на основе арабского насчитывал всего 29 букв⁹⁶⁹. В конце XIX века в Чечне делаются попытки приспособить арабский алфавит с довольно значительными изменениями к чеченскому языку в количестве 31 буквы. Так, в 1910 году Сугаип Гайсумов выпускает книги, используя этот алфавит, которые печатались в Буйнакске. Этот алфавит с изменениями (в него было добавлено ещё 8 букв) просуществовал до 1925 года. В основном преподавание на чеченском языке с арабским алфавитом велось в мусульманских школах. В 1862 году в Тифлисе был издан на чеченском языке букварь Кеди Досова, а в 1911 году Т. Эльдарханов выпустил также чеченскую азбуку и первую книгу для чтения⁹⁷⁰. Эльдарханов Таштемир Эльджуркаевич был депутатом Государственной думы первого и второго созывов от Терской области, входил в мусульманскую фракцию⁹⁷¹.

Арабский язык, с влиянием которого пришлось столкнуться России, являлся для мусульман отражением их духовной жизни. Язык Корана связывал в единый конгломерат субкультуры Кавказа и весь мусульманский мир. Ислам принёс письменность, и через неё проникали все достижения культуры Ближнего Востока. С окончательным вступлением территории, населённой чеченцами, ингушами, кабардинцами, осетинами, ногайцами, кумыками под управление Российской державы, в роли межрегионального языка стал активно утверждаться русский, являвшийся государственным языком империи. В результате этой политики в основу местного административного управления, издания периодики и книг, создания письменности кавказских народов, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык. Со временем русский язык активно вытеснил арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в просвещение и печать. Печать на Кавказе являлась немаловажной об-

ластью бесправия родного языка. Отсутствие прав у языков коренного населения Северного Кавказа являлось оскорблением национального самолюбия и официальным признанием приниженности данной народности в глазах русского населения, кроме того, порядок этот фактически лишал население всякой судебной и административной защиты. На месте судьи и закона становился пресловутый писарь и профессиональный переводчик, для которых открывались большие возможности для вымогательства и произвола. Очевидцы тех событий свидетельствуют: «Достаточно видеть беспомощного инородца, выслушивающего резолюцию начальника или получающего копию решения на непонятном ему языке, чтобы понять обиду и злобу, загорающуюся в его душе»⁹⁷². Чтобы успешнее повлиять на смягчение горских сердец, кавказское руководство предложило посылать на воспитание не только местных мальчишек, но и горянок. Император заметил на это, что «...для девушек будет трудно приискать, куда их помещать». После этой резолюции вопрос больше не поднимался⁹⁷³.

Чеченцы были хорошо знакомы с русским языком ещё до Кавказской войны. В чеченском языке обнаруживались специфические диалектные (терские) русские формы, усвоение которых осуществлялось при контактах с русским населением Притерской полосы. Также было характерно и обратное языковое влияние. В дореволюционных лексических материалах по терским русским говорам фиксировались вайнахские (чеченские и ингушские) слова⁹⁷⁴. Употребление терскими казаками в качестве средства общения с соседними чеченцами и ногайцами и даже между собой «татарского» (кумыкского) языка нашло последовательное отражение в повести Л.Н. Толстого «Казаки»⁹⁷⁵. Царизм не был заинтересован в просвещении народных масс. В то время, не могло быть и речи о развитии среднего и высшего образования, науки на Северном Кавказе. В результате в духовной жизни горца господствовало религиозное образование⁹⁷⁶.

Опыт российских властей в деле развития образования на территории Кавказа отличался гибкостью и терпимостью. Еще в 1838 году в рапорте военному министру Чернышеву командующий отдельным Кавказским корпусом генерал Головин писал, что «необходимо везде, где только возможно, устраивать школы мусульманские для воспитания духовенства, через которые можно действовать на умы народа». Кавказские руководители не спешили закрывать мусульманские школы, пытаясь воспользоваться ими как очагами распространения образования. По инициативе князя М.С. Воронцова в Тифлисе еще в 1847-48 годах открываются два

мусульманских училища. Третье такое же училище, как было сказано, «для детей мусульман», появляется в городе Дербенте, которому суждено было превратиться впоследствии в реальное училище. И.С. Воронцов довел количество таких училищ до восьми. Ему же было разрешено использовать необходимые на их содержание средства и суммы, находившиеся в распоряжении наместника. С 1849 по 15 января 1855 года правительство израсходовало на Дербентскую мусульманскую школу 13 404 рубля⁹⁷⁷.

В 1849 году правительство создает восемь духовных школ для мусульман Кавказа, в том числе три школы для суннитов. Российские власти полагали, что в стенах этих учебных заведений им удастся подготовить новое поколение горских мусульманских мулл, которые будут способствовать проведению государственной политики среди горских народов «...с большим ручательством в успехе, нежели муллы иноплеменные, местным обычаям чуждые...»⁹⁷⁸. Ученикам было предоставлено право заниматься русским языком по их усмотрению. В то же время, в целях привлечения учеников к изучению русского языка, учитывались преимущества, даруемые окончившим курс по уставу тифлиских школ. Это оказало определенное воздействие. В короткий срок некоторые учащиеся научились читать по-русски довольно свободно⁹⁷⁹. Перед выпускниками школ была поставлена негласная задача «внушать горцам доверие к русским».

Конфессиональные учебные заведения на Кавказе

Наряду с русскими школами во второй половине XIX века продолжала действовать широкая сеть конфессиональных школ, открываемых при мечетях. В 1859 году Н. Августович замечал: «Тот, кто знаком с бытом горцев на Кавказе, знает, что выстроить в ауле мечеть – не стоит ничего; при общей работе жителей она поспевает в несколько недель, а в Чечне и, в несколько дней...»⁹⁸⁰. Во все времена в вайнахском обществе большим почетом пользуются те, кто обладает знаниями, и учат свой народ. Не случайно вайнахская этика учит, что знающие – наследники пророков, они заслуживают большого уважения. С давних времен учитель и духовное лицо в селе пользуются заслуженным уважением, как у старших поколений, так и среди младших. Никто не имеет право перейти им дорогу или же не уступить место в соответствующих условиях. Эти нормативные акты закреплены в семейном Кодексе вайнахов. Вайнахская этика учит, что ученые на земле как звезды: по ним нахо-

дят путь во мраке, на суше и на море. Если они скрываются, то вскоре люди теряют верный путь. Вайнахская этика учит, что стремление к знаниям является обязанностью каждого человека. Аллах направил к людям своего Посланника с тем, чтобы он научил их Священной Книге, мудрости, закону и ликвидировал их неграмотность. Коран говорит о важности чтения и побуждает к изучению наук⁹⁸¹.

Стремление к знанию, помимо земных соображений – выделиться из общей массы, поднять личный социальный статус и материальный достаток, – было обусловлено, в гораздо большей степени, тем, что знание в мусульманской цивилизации приравнивается к самой вере или сказать точнее, знание рассматривается как необходимое следствие веры. Не случайно в Коране понятие «верить» и «знать» выступают в качестве синонимов. Знание понималось, прежде всего, как результат обучения. Функцию распространения знаний в обществе призваны были нести мусульманские школы. Когда ученик заучивал наизусть определенную часть текста (суру, половину Корана), его родители устраивали своеобразное застолье, в знак благодарности учителю, в котором принимали участие и ученики.

Кораническая школа, мектебе, медресе

Чаще всего детей в мусульманские школы приводили в возрасте семи-восьми лет, низшей возрастной границей для начала обучения было пять лет. Сроки обучения не были регламентированы. Способные ученики могли окончить школу за 3-4 года, менее способные тратили на прохождение курса до 8 лет. Одним из средств обучения в древнем Востоке считалось наказание розгами, хотя однозначного мнения по этому поводу не было. Детям из богатых семей нанимали репетиторов, которые обучали их канонам религии. В домашних коранических школах, как правило, обучались девочки. В основном в таких школах преподавали грамотные родители или родственники, которые считали своим священным долгом дать образование своим детям. В домашней школе обучались арабской азбуке, молитвам и чтению Корана⁹⁸². Частные занятия могли проходить не только на дому у ученика, они также имели место в гостиницах, которые входили в комплекс крупных мечетей. Они содержались за счет вакфа, а также арендной платы, которую платил учитель, имея в своем распоряжении отдельную комнату для занятий.

Девочкам разрешалось обучаться Корану. «Не обучайте дочерей своих письму, и не читайте им стихов; обучайте их только Корану...» – говорилось в одной из священных мусульманских книг⁹⁸³.

Основными звеньями мусульманской системы образования являлись кораническая школа, мектебе и медресе. Первой ступенью была кораническая школа. Главной её функцией было обучение детей чтению Корана. Второй ступенью мусульманской школы был мектеб. В мектеб отдавали наиболее способных мальчиков в возрасте от 8 до 10 лет. По содержанию образования это была начальная школа, где детей учили читать, писать, считать. В дореволюционной русскоязычной прессе звучала резкая критика мектебов, которых упрекали за отсутствие преподавания русского языка, арифметики и других предметов, принятых в русской начальной школе того времени. Медресе ругали еще голословнее, обвиняя их преподавателей в «фанатизме» и «ненависти ко всему русскому и не мусульманскому». Русские критики просто не могли ничего понять в программе среднего и высшего исламского образования. Существует тезис об отсталости средневекового Кавказа. В представлении многих людей мусульманская школа, как сложилась в X веке, так и не менялась до XIX века, а затем неожиданно устарела и с тех пор медленно умирает. Но даже поверхностное знакомство с источниками показывает, что мусульманского образования на Кавказе испытывало немало взлетов и падений, связанных, в том числе и с политической ситуацией в крае. В зависимости от эпохи и района менялись значение исламской школы, ее специализация и формы обучения⁹⁸⁴.

Во время Кавказской войны, в имамате Шамиля большое значение уделялось образованию. Часть средств от закята шло на содержание религиозных школ. В пользу учителей и содержание образовательных учреждений шла пятая часть военной добычи и трофеев (при благополучном состоянии казны). Глава имамата считал, что горские дети должны, прежде всего, в совершенстве изучить Коран, а затем и другие религиозные книги. Военное дело при Шамиле стало одним из составных частей системы образования. В Ведено было создано несколько школ, где молодежь проходила военную подготовку и становилась важным дополнением армии имамата⁹⁸⁵.

В годы Кавказской войны российское правительство старалось проводить среди мусульман такую политику, которая вызывала бы симпатии не только среди простого населения, но и у образованной мусульманской элиты общества, дабы «перетянуть» ее на свою сторону. 18 декабря 1848

г. Николай I утвердил «Положение о Кавказском учебном округе и учебных округах, ему подведомственных», по которому в Екатеринодарской войсковой гимназии начал работу учитель «Магометанского закона». В 1853 г. воспитанники-мусульмане военно-учебных заведений империи получили официальное право на освобождение от учебных занятий в дни религиозных праздников и постов. Приказом военного министра за № 260 от 15 июля 1869 г. было утверждено «Положение о постоянных военных госпиталях», в котором не только прописывались права и обязанности православного госпитального священника, но также отмечалось, что «для больных иноверцев духовные требы исполняются по возможности, духовными лицами их исповеданий, по назначению их духовного начальства». Во втором издании постановлений о военно-врачебных заведениях находим уже правила для погребения больных, умерших в госпиталях, в том числе и в соответствии с религиозными нормами мусульман. В продолжение вышеизложенного, в 1870 г. выходит приказ по военному ведомству за № 368 «Об отпуске вещей и денег на погребение нижних чинов разных вероисповеданий, умерших в госпиталях»⁹⁸⁶.

Но вернемся к системе мусульманского классического образования. Какого-то точного времени начала занятий в мектебах не было. Ученик мог прийти и записаться на учёбу, когда ему заблагорассудится. Кроме того, среди преподавателей существовала своего рода конкуренция: ученики имели право переходить к более известному или знающему преподавателю и пользовались этой возможностью. В течение дня занятия проходили с раннего утра, после утреннего намаза вплоть до вечера, когда уже невозможно было разобрать письма в книгах. Все ученики находились в одном помещении, но обучались они индивидуально: учитель задавал каждому мутаалиму уроки в день три раза. Тот, кто не успевал приготовить их, лишался перерыва и снова должен был возвращаться к невыполненному заданию. Поэтому кто-то заканчивал курс обучения в мектебе за 3-4 месяца, а кто-то задерживался на год – два – три⁹⁸⁷.

В медресе, школу повышенного типа, поступала незначительная часть окончивших мектеб и стремящихся углубить свои знания в богословских и общеобразовательных науках. В основном это были дети мусульманского духовенства и состоятельных горцев. По некоторым данным, в конце XIX века в медресе шли только 5% тех, кто окончил мектебе. Открывались медресе в основном при главных мечетях политических и административных центров и в домах известных учёных. Вслед за

правилами чтения и правописания изучали логику. За логикой изучалась риторика, объясняющая правила красноречия арабского языка. В медресе изучали толкование Корана и жизнеописание пророка Мухаммеда. Изучались в медресе и предметы общеобразовательного цикла.

Основной целью исламского образования на первой ступени было освоение Корана и правил религии, и все прочие предметы должны были в этом помогать. Например, арабская грамматика изучалась для того, чтобы верно понимать смысл религиозных текстов, не искажать его; география – для точного определения сторон света и направления на Мекку, куда следовало обращать лицо во время молитвы; астрономия – для верного вычисления времени молитв, начала и окончания постов; математика была нужна при решении наследственных вопросов. Следующие ступени уже давали более широкие знания и призваны были способствовать погружению учащегося в исламские науки⁹⁸⁸.

Окончившие медресе горцы играли весьма видную роль в жизни населения и имели на него большое нравственное влияние. Они также занимали духовные посты – мулл, кадиев; общественные и государственные должности. Судя по документу 1912 года, из 27 мулл, официально действовавших на территории Назрановского округа Терской области, 16 обучались в мусульманских учебных заведениях в Чечне⁹⁸⁹. Отдельные выпускники продолжали учёбу в высших мусульманских учебных заведениях Сирии, Йемена, Дамаска, Багдада⁹⁹⁰. Рассмотрим биографию одного из чеченских религиозных, общественных деятелей. Митаев Али родился в 1890 г. в селе Автуры, Шалинского участка Введенского округа Терской области. Он был сыном известного религиозного мыслителя, шейха Баммат-Гирея-Хаджи. А. Митаев окончил Грозненскую горскую школу и медресе; прошел курс высшей мусульманской школы. Али Митаев после окончания обучения основал в Автурах медресе и «русскую» (светскую) школу. После смерти отца, в 1914 году возглавил религиозную общину последователей Кунта-Хаджи в Чечне⁹⁹¹.

До 1870 года правительство России пассивно относилось к медресе и мектебе. В. Череванский в своей работе «Мир ислама и его пробуждение» так описывал данный принцип невмешательства: «Не страдая, подобно католическим странам религиозной навязчивостью, Россия счастливо избежала прекрасного в теории, но опасного на практике, миссионерского давления на умы и сердца населения.... Не вступая на этот скользкий путь, Россия должна изыскать иные средства, чтобы ввести в замкнутую среду мусульманских училищ зачатки европейских знаний и культуры»⁹⁹².

В 1870 году наместник Кавказа разрешил некоторые льготы для мулл при обложении их налогами. Согласно «Положения о начальных училищах» от 20 ноября 1874 года мусульманские конфессиональные школы стали подчиняться органам Министерства Народного Просвещения⁹⁹³.

Правилами 26 марта 1870 года во всех открываемых мектебе и медресе должны были быть классы русского языка, учителя их содержались за счёт мусульманских обществ⁹⁹⁴. В мае 1877 года Министерство внутренних дел внесло в Гос.Совет предложение о мерах по распространению русского образования среди мусульман, в том числе – требование знания русского языка от назначаемых мулл. Гос.Совет решил, что лучше не вызывать смущение среди мусульман и отложить дело⁹⁹⁵. В пореформенный период в Терской области желающие открыть школы грамотности для обучения детей местным языкам или молитвам должны были представить начальнику по учебным вопросам удостоверение о нравственном поведении. Эти школы открывались с ведома местной полиции⁹⁹⁶. С 1897 года учебное начальство Кавказского учебного округа стало добиваться перевода в его ведение мусульманских школ. Возник вопрос об их бюджетном финансировании. Весьма оригинальной была аргументация против расхода бюджетных средств на мусульманское образование. Было сказано о том, что мусульмане не пьют, а, следовательно, и не платят питейных сборов, в связи с чем казна не досчитывается 70 млн. рублей, а, следовательно, не стоит расходовать средства, полученные с христиан, на приверженцев ислама⁹⁹⁷. Несмотря на все создаваемые администрацией преграды, в Терской области насчитывалось большое количество мусульманских школ. Только в одном Веденском округе при аульных мечетях было 28 школ.

После водворения в областях распространения ислама русской государственности повседневный образ жизни мусульман не претерпел резких изменений. Была сохранена традиционная система образования (мектебе и медресе). Более того, поощрялось открытие новых исламских духовных школ. На Кавказе их насчитывалось до 2000. По количеству открывавшихся мусульманских учебных заведений Россия тогда, пожалуй, опережала даже зарубежные мусульманские страны. Тенденция эта замедлилась лишь при нарастании государственно-политического кризиса в начале XX века, но, в общем, сохранилась до 1917 года⁹⁹⁸.

В 1910 г. в Кизляре открылись две небольшие светские школы для мусульман «Хаят» (жизнь) и «Гумет» (энергия). В них было по два

учителя и примерно 40 учащихся в каждой. Дети обучались русскому, тюркскому, фарсидскому, арабскому языкам и некоторым общеобразовательным предметам. Обе школы содержались главным образом за счет родителей. Дисциплина в этих школах была особенно строгой. Правила поведения учащихся школы «Хаят» включали пункт: «За проступки ученику делаются замечания до 8 раз, а на девятый он исключается из школы»⁹⁹⁹. Знание восточных языков высоко ценилось на Кавказе в XIX веке. Многие чеченцы достигли высокого уровня в обучении арабскому языку. Ученый-востоковед А. Барабанов похвально оценил деятельность ученого-арабиста Сапи из чеченского аула Энгеной – за первый и наиболее верный перевод с арабского на русский язык «Хроники Мухаммеда Тахира Аль – Карахи». Литературное дарование чеченца-переводчика благотворно сказалось на популярности этого крупного исторического произведения¹⁰⁰⁰.

Именной указ от 18 июня 1860 г. «О дозволении обращаться в Христианство Магометан и язычников в Кавказском и Закавказском крае» открывал возможность к миссионерской деятельности не только православному духовенству, но и представителям «терпимых в России Христианских церквей иностранных исповеданий»¹⁰⁰¹. Но, не смотря на это разрешение, ведущее место в христианизации края занимало православие – государственная религия Российской империи. В 1868 году Обществом восстановления Православного христианства на Кавказе был издан букварь на чеченском языке, в количестве 1200 экземпляров¹⁰⁰². В 1869 году в «Журнале Министерства Народного просвещения» была опубликована статья Я.М. Неверова «К вопросу об образовании инородцев». В своей работе автор выступил против миссионерского направления школьной работы. Неверов заявил, что на Кавказе существует 40 христианских школ для горцев с обязательным обучением на русском языке¹⁰⁰³.

Церковноприходские школы

Горцы обучались в церковноприходских школах. В зависимости от формы обучения церковноприходские школы делились на одноклассные и двухклассные. Курс обучения в одноклассных школах был рассчитан на 2 года, а в двухклассных – на четыре. Дети принимались в школы с согласия родителей, в возрасте не младше 8 лет, из всех без исключения сословий, независимо от материального положения. Обу-

чение в школах церковного ведомства было бесплатным. Учителями назначались церковнослужители местного прихода. В одноклассных школах преподавались чтение и письмо на местном языке¹⁰⁰⁴. В 1893-1894 учебный год в церковно-приходских школах Терской области обучалось 748 мальчиков и 249 девочек, всего 997 человек. Из них 3 – были детьми из мусульманских семей. В 1894-1895 учебном году обучалось в церковно-приходских школах 967 мальчиков и 342 девочки (обучение было совместным), всего 1309 человек. Из них 20 человек были детьми мусульман¹⁰⁰⁵.

По решению Синода лица коренной национальности бесплатно принимались в Ставропольскую духовную семинарию, им выплачивалась государственная стипендия. По определению Синода от 15 января 1883 года разрешалось проводить православную церковную службу на языках народов Кавказа, что требовало от священнослужителей знания горских языков¹⁰⁰⁶. В городских училищах Кавказского края разрешалось в послеобеденное время, на русском языке преподавать для желающих иных исповеданий христианский Закон Божий. Для этого было необходимо письменное заявление от родителей учеников¹⁰⁰⁷. Одной из проблем получения общего образования в православных духовных училищах для мусульманского населения региона была не только «боязнь смены религиозного убеждения», несмотря на заявление «о не стеснении его вероисповедания», но и отсутствие материальной возможности. Известно, что обучение в этих заведениях являлось платным и его продолжение во многом зависело от состоятельности родителей ученика. Дети из малообеспеченных семей, стремившихся получить образование, имели возможность рассчитывать на обучение только в мусульманских школах и за счет исламской общины¹⁰⁰⁸.

Обучение горцев в высших учебных заведениях

Кавказ нуждался в высшем учебном заведении. Ежегодно более 700 человек уезжали учиться или во внутренние губернии России или за границу (где дешевле). В правительственных кругах вопрос об открытии на Кавказе университета поднимал в 1898 году Боголепов, но тогда это было признано несвоевременным. Боголепов доказывал, что создание вуза нужно для изучения края, ведущегося бессистемно; для культурного

и экономического процветания народов Кавказа¹⁰⁰⁹. Желание открыть на Кавказе университет не встретило сочувствие ни у главного кавказского начальства, ни у центрального правительства, главным образом из – за опасения, что это учреждение будет способствовать развитию в местном обществе сепаратистских тенденций.¹⁰¹⁰ По словам князя Дондукова – Корсакова «...О высших учебных заведениях для Кавказа не может быть и речи, как в виду вообще низкого уровня развития местного населения, так и потому, что туземцы и русские могут продолжить образование во внутренних губерниях России»¹⁰¹¹. Отмечая причины отсутствия вуза на Кавказе, руководство обычно указывало на: недостаток средних учебных заведений, отсутствие профессоров и денежных средств, опасение возможных студенческих беспорядков. Только в декабре 1905 года император Николай II утвердил «Всепоподданнейший доклад» министра народного просвещения И.И. Толстого, в котором признавалось необходимым разрешить открытие в стране свободных, частных учебных заведений, дающих образование «выше среднего»¹⁰¹².

В 1903 году один из крупных нефтепромышленников письменно обратился к министру народного просвещения и Главнона начальствующему гражданской частью на Кавказе с предложением принять от него крупное пожертвование на учреждение высшего учебного заведения в Тифлисе, в размере 700 тыс. рублей. Предполагаемый ежегодный расход на 1 факультет равнялся 80 тыс. рублей. И это предложение предпринимателя осталось без ответа. Насколько велика была потребность в высшем образовании на Кавказе можно видеть на опыте открывшихся частных высших курсов по кавказоведению, работавших в 1907-1908 учебном году. За год была прочитана 141 лекция. На курсах побывало 8256 слушателей¹⁰¹³.

В 1843 году император разрешил воспитывать за казённый счёт в разных высших учебных заведениях империи определённое количество уроженцев Кавказа. Во время пребывания в учебных заведениях кавказские воспитанники состояли под покровительством Кавказского комитета. В целях обеспечения лояльности населения, для воспитания преданных империи кадров управленцев из местных жителей 11 июля 1849 года было издано «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев за счет казны в высших учебных заведениях империи»¹⁰¹⁴. В декабре 1843 года вышел Указ императора Николая I «О помещении при первой возможности нескольких воспитанников Лазаревского института восточных языков, на казенный счет, в Московский императорский уни-

верситет – для подготовки чиновников гражданской службы в районах Кавказа и Закавказья». 17 октября 1883 г. был опубликован Указ Александра III «О содержании в Лазаревском институте восточных языков 15 кавказских воспитанников»¹⁰¹⁵.

Вакансии для кавказских студентов во второй пол. XIX века были открыты во многих высших учебных заведениях Российской империи, однако в основном в них обучались те, чьим родным языком являлся русский, и за небольшим исключением – горцы. Работники Кавказского комитета, пользуясь служебным положением, на казённые вакансии определяли своих детей или за взятку устраивали на эти бесплатные места тех, кого считали нужным. Направление кавказских воспитанников в высшие и специальные учебные заведения России зависело непосредственно от наместника Кавказского. Ввиду этого многие горцы, желая дать своим детям высшее образование, с конца 60-х годов XIX века стали отправлять их для обучения в высшие учебные заведения за свой счёт¹⁰¹⁶.

Обычно в университеты поступали те молодые люди, которые с отличием заканчивали обучение в гимназиях. Если бюджетные вакансии не были заняты, то их предоставляли тем кавказским уроженцам, которые за свой счёт обучались в университетах, но из-за недостатка средств не могли продолжить обучение. Сумма в количестве 38680 рублей, ежегодно причитающаяся на содержание кавказских воспитанников, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях империи, отпускалась из государственного казначейства. Кавказский воспитанник, обучавшийся за счёт казны был обязан, в случае требования наместника, явиться на службу туда, куда укажет кавказское руководство и прослужить не менее 6 лет¹⁰¹⁷. Правительство, тратя средства на обучение горцев, предполагало, что в дальнейшем они займут должности на всех уровнях государственной службы на Кавказе, не исключая даже самых высших¹⁰¹⁸. Кавказские воспитанники отправлялись в места обучения за свой счёт. Возвратившимся на родину оплачивалась обратная дорога¹⁰¹⁹. Закончившим вуз горцам кавказское руководство сразу выплачивало годовое жалованье. Во время службы на Кавказе выпускники пользовались теми же преимуществами, что и русские чиновники¹⁰²⁰. Те кавказские воспитанники, которые не получали после окончания обучения вызова наместника с Кавказа, могли оставаться во внутренних губерниях России и выбирать себе род занятий или службу по своему усмотрению¹⁰²¹. Кавказские воспитанники обходились казне довольно

дорого, в среднем на одного студента государство тратило 2200 рублей. Самым дорогостоящим было обучение в университетах. Здесь в год на обучение горца затрачивалась 21000 рублей. Сумма была столь велика в силу того, что часть денег покрывала расходы на контроль за горцами, а часть шла на содержание дополнительных платных уроков, дабы «подтянуть» кавказских воспитанников до приемлемого уровня¹⁰²². Высочайшим повелением от 17 ноября 1847 года было разрешено всем кавказским уроженцам, воспитывающимся в российских университетах за счёт казны, предоставлять один льготный год на весь университетский курс, если они не справляются с программой, не исключать их, а позволить остаться на том же курсе на второй год, на бюджетной основе. Приказом от 19 ноября 1863 года кавказские стипендиаты освобождались от платы за слушание лекций¹⁰²³.

Установлением числа и размера стипендий в пределах назначаемой суммы, а также распределением этих стипендий по учебным заведениям занимался Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе, по соглашению с соответствующими Министерствами¹⁰²⁴. В связи с большими материальными расходами на обучение кавказских воспитанников в 1867 году были утверждены изменения существовавших постановлений о кавказских воспитанниках. В частности, было сокращено количество вакантных мест в университетах и институтах, а также уменьшено число выделяемых государством средств для обучения уроженцев Кавказа¹⁰²⁵.

Следует отметить, что наблюдение за «наполняемостью кавказских вакансий» в учебных заведениях центральных губерний было одним из постоянных направлений переписки местной администрации с Петербургом. Так, в 1855 году наместник на Кавказе Н. Муравьев отмечал, что всего по стране выделено для кавказских воспитанников 160 вакансий в разных учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и Одессы¹⁰²⁶. Тем не менее, многие «кавказские стипендии» в высших учебных заведениях империи долгое время оказывались невостребованными. В 1870 году оставались незамещёнными в Санкт-Петербургском университете 2 вакансии; в Московском университете на историко-филологическом факультете – 2, на медицинском – 4, на физико-математическом и юридическом факультетах – 7; в Новороссийском университете – 3; в Историко-филологическом институте – 2; в училище правоведения – 6; в Институте инженеров путей сообщения – 4 и т. д.

Это объяснялось тем, что учебные планы для кавказских гимназий, в том числе Ставропольской, включали в себя региональный компонент, содержание которого было определено спецификой края. Вследствие этого выпускники Ставропольской гимназии, как правило, оказывались, не готовые к университетским занятиям. Для решения данной проблемы кавказским уроженцам предоставлялся один льготный год, в течение которого студенты изучали латынь, греческий язык и другие предметы, по которым требовался более высокий уровень подготовки. Теоретически кавказские воспитанники имели возможность продолжить учёбу и в высших военных учебных заведениях, но на практике это случалось довольно редко¹⁰²⁷.

17 октября 1867 года Александр II утвердил количество вакантных казённых мест для кавказских воспитанников, в столичном Петербургском университете. Их было выделено всего 5 – на факультете восточных языков. Указом императора в этом университете горцы освобождались от изучения славянских языков и экзаменов по данному предмету. В списке стипендиатов Кавказского комитета, состоявшим в числе студентов Петербургского университета числился Ахундов Исмаил, учившийся на юридическом факультете¹⁰²⁸.

В 1902 году было организовано Кавказское общество вспомоществования студентов университетов и других вузов, Устав которого был утверждён распоряжением Министерства внутренних дел 26 февраля 1902 года. Общество оказывало помощь студентам в виде внесения в высшие учебные заведения платы за слушание лекций, в выдаче пособий студентам, единовременных и постоянных¹⁰²⁹. Также существовали и корпоративные стипендии крупнейших промышленных и транспортных организаций на Кавказе. Так, в 1877 году в Институт инженеров путей сообщения было перечислено 6600 рублей участниками строительства Ростова – Владикавказской железной дороги в качестве «Стипендии инженера ст. сов. Барона Штейнгеля», для обучавшихся там кавказских воспитанников¹⁰³⁰.

В начале XX века А. Крымский охарактеризовал кавказцев, как самых образованных среди мусульман России. «Кавказ, – писал он, – это страна, про которую смело можно сказать, что там мусульмане наиболее из всех российских мусульман имеют европейское образование. Всех мусульман – студентов, которые находятся в русских университетах и высших специальных заведениях, ежегодно бывает не менее 50-60 человек, чуть ли не все они – из Южной России»¹⁰³¹. По-

лучение высшего образования для горцев было важно также и в связи с тем, что оно открывало более широкий доступ в элиту российской армии. В 1855 году было разрешено принимать в армию лиц с высшим образованием сразу офицерами. Также было разрешено производить в офицеры выпускников гимназий из дворян через 6 месяцев, а прочих – через половину положенного им срока выслуги. В связи с тем, что доказать свое дворянское происхождение горцам Северного Кавказа было чрезвычайно трудно, и этот вопрос так и не решился в царское время, проще всего было окончить школу, гимназию и университет. В начале XIX века, в связи с увеличением русской армии вдвое, проникновение в ее офицерский корпус не дворян значительно усилилось. К концу первой половины XIX века только на одних бывших крепостных приходилось около 10% производства офицеров из унтер-офицеров. Уже к 1861 году офицерский корпус России на 54 % состоял из лиц, либо окончивших низшие учебные заведения, либо вообще не имевших никакого образования. Чтобы уберечь при этом чистоту сословия потомственных дворян, причислять к ним стали уже с получением штаб-офицерского звания (с 1845 г. – майора, с 1856 г. – полковника), сохранив за обер-офицерами «неблагородного происхождения» права лишь личных дворян¹⁰³².

Вплоть до самых последних своих дней царизм противился стремлениям поднять роль «иностранческой» (в том числе мусульманской) интеллигенции – даже в органах местного самоуправления – и ввести на национальных же окраинах обучение на родных языках. Напротив, либералы активно ратовали за эту меру – не без основания полагая, что лишь таким путём удастся предотвратить переход нерусских народов в лагерь леворадикальной оппозиции. Заметный уже в 60-80-е годы конфликт между консервативными и либеральными платформами в так называемом «иностранческом вопросе» постоянно расширялся и углублялся¹⁰³³. Для политики правительства на национальных окраинах принципиальное значение приобрёл вопрос о школьном образовании нерусского населения. В Петербурге школа рассматривалась как мощный инструмент «русификации» окраин Российской империи. Царское правительство проводило систему мер в области образования, целью которой являлась подготовка из детей влиятельных горцев надёжных проводников своей политики в крае. Конечным же итогом образования царизм считал обрусение и слияние иногородцев с русским народом¹⁰³⁴.

Сравнительная характеристика политики в области образования Российской империи, Великобритании и Франции

Единой программы использования школьного образования для ассимиляции инородцев не существовало, но постепенно сформировались два альтернативных подхода к делу просвещения инородцев. В 1860-х гг. известным педагогом Н.И. Ильинским разрабатывается специальная система «инородческих» училищ, получившая поддержку в лице Министерства народного просвещения. Одним из главных принципов системы Н.И. Ильинского было использование при начальном обучении нерусского населения местных языков, для облегчения усвоения русского языка и других учебных предметов. В 1870 году система Н.И. Ильинского получила законодательное оформление в утверждённых правилах для инородческих училищ. В то же время в 1880-е гг. в западном крае и на Кавказе получает преобладание другой тип школы для нерусского населения, главным принципом которой было ведение всего преподавания только на русском языке. Идея чисто русской школы для ассимиляции населения Кавказа активно поддерживалась Министерством народного просвещения¹⁰³⁵.

Для укрепления своего геополитического положения России было необходимо вовлечь население Кавказа, сравнительно недавно вошедшего в состав империи, в сферу внутригосударственных отношений. Неизбежным было развитие просвещения через школы, максимально приближенные к «русским», использующими единую программу и дающими систему знаний, необходимую для внушения полиэтническому населению региона идей единства в рамках российской цивилизации¹⁰³⁶. Система народного образования рассматривается любым государством не только с точки зрения обучения подрастающего поколения, но и как инструмент проведения государственной внутренней политики. Подход к национальной школе как к инструменту воздействия на подрастающее поколение и формирования особой социокультурной среды в регионах, сравнительно недавно вошедших в состав Российской империи, ярко осуществлялся правительством в конце XIX – начале XX вв. Наиболее жёсткий контроль был установлен государством за национальными школами коренного населения Кавказа – горских и кочевых народов, что объяснимо геополитическими интересами Российской империи.

Линия разлома и борьбы Российской цивилизации и цивилизационного компонента исламского мира на Северном Кавказе ярко проявилась в социокультурном плане. В неё была втянута национальная школа как один из ведущих институтов формирования мировоззрения подрастающего поколения. Для большего вовлечения детей в государственные школы правительство стремилось обеспечить в них высокий уровень преподавания предметов, необходимых коренным народам Кавказа для практической деятельности. Низкий уровень светской грамотности населения «инородческих территорий» явился следствием, прежде всего просчётов государственной просветительской политики¹⁰³⁷.

Характерной особенностью образовательной политики государства в конце XIX – начале XX в. было игнорирование потребностей общества в грамотных людях. Правительство не учитывало тот факт, что развитие в России капитализма создавало особое отношение общества к образованию; изменились духовные ценности; которые теперь виделись в научном понимании мира и овладении практическими навыками¹⁰³⁸.

Не исключается и сознательная практика школьных и административных властей по ограничению приема представителей «покоренных народов» в учебные заведения¹⁰³⁹. По мнению европейских публицистов того времени, невежество – следствие политики Российского правительства, выражавшейся в лозунге «разлагай, чтобы править». Э.Дж. Диллон исходит, например, из двух составляющих в политике правящих кругов России: во-первых, удерживать «основную массу» населения на грани голода, так, чтобы по возможности избежать волнений; во-вторых, довести население почти до «идиотизма» посредством «обязательного невежества и алкоголизма»¹⁰⁴⁰.

В конце XIX века имперские чиновники вдруг обнаружили, что мусульманин, усвоивший достижения европейской цивилизации, становится, возможно, менее предсказуемым, чем его «фанатичный» и «необразованный» единоверец, и что не в последнюю очередь причиной тому служит смешение культур. В России не редко выявлялись такие эпизоды и ситуации «русификации», которые на самом деле несли в себе глубоко «подрывной» для имперского союза потенциал. Таким образом, процесс инкорпорирования предстает как очень неоднозначный и сложный в своем развитии¹⁰⁴¹.

Правительственная линия с конца 1880-х гг. все четче выступает как «систематическое устранение туземцев из состава местной администрации, поход на школы, на родной язык учащихся». Сущность данного пе-

рехода состоит в упрочнении контроля над инородческой периферией, в наращивании самой проницаемости территорий для властных маневров имперского центра. Искомая гомогенность рассматривается как фактор укрепления, если и вынужденной, но необходимости, политической лояльности периферии в отношении «национализирующей» империи. Все более отчетливой становится политика русификации, направленная на жесткую привязку инородческого населения к значительно более ограниченному идентификационному канону имперских подданных. Такая привязка предполагает усиление силового контроля над «объектами имперского поглощения» и осуществляется посредством общего ужесточения репрессивных функций государства. Культурная абсорбция периферии полагается возможной только в качестве следствия абсолютно властного и культурного доминирования над нею. Два неразделенных свойства национально-культурного «тела» империи – многоэтничность и наличие этнического ядра – доминанты – воспроизводятся в поглощении Россией региона¹⁰⁴².

В начале XX столетия, в связи с произошедшими политическими потрясениями в стране, ситуация в области образования несколько изменилась. Понятие «инородческая школа» стало синонимом образования на инородческих языках не только в ведомственной документации, но и в кругах педагогической общественности. В 1910-1911 гг. по инициативе П.А. Столыпина действовало межведомственное совещание «по вопросам о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения», причем в его протоколах понятие «инородец» относилось ко всем нерусским народам. В ходе полемики среди педагогической общественности о развитии национальной школы это понятие настолько закрепилось, что на учительских съездах стали создаваться специальные секции «о развитии инородческих школ», материалы которых были обобщены в специально изданном сборнике. Характерно, что это понятие широко использовалось нерусскими деятелями образования для отстаивания идеи обучения детей на национальных языках¹⁰⁴³.

Дискуссии в Великобритании протекали по тем же вопросам, что и в Российской империи. Главным был вопрос о языке преподавания в национальной школе. Английское правительство, после долгой дискуссии в парламенте, в ходе которой развернулся спор между сторонниками жестких действий и «ориенталистов», пришло к решению поддержать точку зрения последних и строить всю образовательную систему коло-

ний при условиях широкого использования местных языков. «Избран языком обучения английский, – заявил миссионер С. Адамс, – правительство распространяло бы просвещение лишь в высших, богатых слоях индийского общества, откуда оно, как свидетельствует опыт, отнюдь не проникает в народные массы». При этом все образование в национальных школах, по замыслу английских колониальных властей, должно было проводиться для развития экономики колоний, что было крайне трудно сделать без технических знаний¹⁰⁴⁴.

В своей основе английские школы на территории колоний должны были, прежде всего, содержать основы технических знаний: алгебры, геометрии, физики и иметь небольшой гуманитарный раздел. В стороне должны были остаться и все религиозно-нравственные вопросы, чтобы не вмешиваться в конфессиональную жизнь колоний. Для поощрения использования английских учебных пособий в местных школах предлагался целый комплекс мер: наделение учителей участками земли за счет английских колониальных властей, выплата премий за каждого успешного ученика. Как отметило российское Министерство народного просвещения, этот план был очень удачный и, реализованный в северо-западных областях Индии, дал свои результаты.

В 1845 г. английская администрация перешла ко второй стадии распространения образования в колониях: на базе местных школ, по инициативе губернатора А. Томмаса, стали создаваться двухпоточные средние учебные заведения, в которых открывались уже не только этнические, но и английские классы. Преподавание в этих школах осуществлялось по оригинальной методике. На первом потоке, где учащиеся получали базовое начальное образование, оно велось на местных языках, а на втором, дававшем более фундаментальные знания, – на английском. Учащиеся, успешно окончившие второй поток, пользовались правом поступать в университеты. В Калькутте был открыт университет, по образцу Лондонского, где преподавание было максимально приближено к существовавшему в Англии типу, а в 1822 г. была создана «Школа туземных докторов», «для обучения туземцев медицине с перспективой их дальнейшего устройства по гражданской или военной службе», – как отмечалось в ее программе. Для поощрения местного индийского населения к учебе в новых для них типах школ предлагались исключительно поощрительные меры: широкое использование стипендий, льготы по трудоустройству для местных учителей, государственное жалованье окончившим учебные заведения по английской образовательной системе.

Еще в 1860 г. англичане отмечали, что у Великобритании нет целей бесконечно удерживать Индию в своем политическом подчинении. «Пусть туземное население сохранит свои учреждения, верования и обычаи, но пусть экономический быт его получит всестороннее развитие, пусть научится оно дорожить благами промышленности и торговли, пусть железные дороги пересекут страну и ее естественные богатства не пропадут даром, а народ, погрязший в предрассудках, вовлечется в плодотворную экономическую деятельность, и англичане имели бы полное право не считать свое дело проигранным, даже если бы когда-нибудь они лишились власти над Индустаном. Даже в этом случае, если население будет носить наше сукно и работать нашими железными орудиями, в Индии сохранится громадный рынок для наших торговых операций». За 100 лет до объявления Индией своей независимости английский политик отмечал: «Думаю, что время это еще не так близко, но не станем страшиться его: употребим все силы, чтобы улучшить благоденствия подвластных нам народов, и если достигнем этой цели, то никогда не откажутся они, что бы ни случилось в будущем, от тесного союза с нами»¹⁰⁴⁵.

Наиболее перспективный, английский способ ведения национально-просветительской политики был отклонен в Министерстве народного просвещения Российской империи, которое заявило, что для России большой интерес, несмотря на свои недостатки, представляет французская система, так как «у нас есть свой Алжир – Кавказ»! Компенсировать объективные недостатки французской национально-просветительской программы российское правительство пыталось путем усиления идеологического воздействия на «инородческое население». В отличие от англичан, французы не использовали специально составленные на национальных языках учебные пособия. Кроме того, в национальных школах Алжира не существовало даже специальных учебных пособий на французском языке, а просто использовались книги, изданные в Париже, малоэффективные в колонии. При выработке подхода к проведению просветительской политики, французская администрация в Алжире ставила перед собой цель вести не только экономическое освоение колонии, но и осуществлять социокультурную работу по вовлечению страны в сферу влияния Франции. Для этого предполагалось вести активную миссионерскую деятельность на всех уровнях, в том числе и в школах. Российское Министерство народного просвещения, изучая опыт национально-просветительской деятельности Франции, отмечало, что все попытки

колониальных властей вмешаться в постановку религиозного образования в мусульманских школах Алжира встречали сопротивление, даже если они были призваны реально улучшить постановку образования в них. Учитывая этот опыт, на Кавказе российское правительство тоже долгое время вело политику «невмешательства» в мусульманский учебный процесс.

Кроме конфессиональных, в Алжире существовали и школы «для обучения арабов французскому языку». Преподавание в них велось на основе двухступенчатой системы двумя учителями – французским и арабским. Арабский учитель должен был обучать детей арабскому языку, религии и основам французского языка. На второй ступени детей обучал француз, преподававший общеобразовательные предметы и французский язык. Следующий тип школ, существовавший во французских колониях, был представлен «смешанными» школами, в которых французские и арабские дети учились совместно по общей, максимально приближенной к принятой в метрополии, программе. В них, наряду с общеобразовательными предметами и французским языком, активно преподавались католичество, что вызывало недовольство со стороны местного мусульманского населения. Эти школы, подчиненные непосредственно «военному начальству» колониального аппарата, считались главной опорой для проведения идеологической работы среди местного населения колоний. Как видно из проводившейся образовательной политике на Кавказе, очень много французского опыта было заимствовано российскими властями. Но жизнь показала, что более эффективным и целесообразным оказался именно опыт англичан и сейчас не только в Индии, но и на всей земле ведущим межнациональным языком стал английский, большую роль в этом сыграла образовательная политика Великобритании¹⁰⁴⁶.

Характеристика чеченского народа

Чеченцы и ингуши жили на занимаемой ими ныне территории ещё в очень отдалённом прошлом. По свидетельству армянского историка и географа Моисея Хоренского, жившего в V веке н.э. на Кавказе проживало 53 народности. В числе перечисленных им народов упоминаются и «нахчмадьяне». Скорее всего, это и были предки современных чеченцев¹⁰⁴⁷. Изначально чеченцы жили родами – мик-

рокосмосом не только национального, но и социально – политического организма¹⁰⁴⁸.

Многочисленные путешественники, исследователи, побывавшие на Кавказе, в основном доброжелательно отзывались о внешности и характере жителей Чечни: «Чеченцы, как мужчины, так и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народ, – отмечал один из авторов. Они высоки ростом, очень стройны, физиономия их, в особенности глаза, выразительны»¹⁰⁴⁹. В «Вестнике Российского Общества Красного креста» следующим образом описывались чеченцы: « Жители Чечни гордые, стройные, изящные, любят богатую одежду и носят ее с такой же ловкостью. Их женщины, отличающиеся стройностью и грацией, одеваются в красивые платья, обрисовывающие их талию, и широкие панталоны из розового шелка, ноги их обуты в желтые чуваки, а руки украшены серебряными браслетами, суконная накидка, ниспадающая на плечи, скрывает отчасти и прическу. Чеченцы великодушны и всегда сохраняют свое достоинство в речи и в обхождении; они могут убить, но не оскорбить. Гордость чеченца доходила до фанатизма; их гостеприимство, хотя и не без примеси некоторых странностей, было безгранично»¹⁰⁵⁰. В «Зеркале Кавказа» было отмечено: « Чеченцы – трудолюбивый и способный народ, проявляющий склонность к образованию»¹⁰⁵¹.

Н. Семёнов, долго живший и работавший в Чечне обратил внимание на прекрасно развитое чувство юмора у чеченцев, что не вязалось с созданным в прессе образом «злого и коварного чечена». Н. Семёнов писал: «Чеченцы смеются вообще хорошо и много. Малейший намёк на остроту, чуть оригинальнее выходка, иногда одно намерение кого – ни будь посмешить уже достаточно, чтобы заставить этих полудиких сынов природы хохотать до упаду. От меткой остроты не унимаются в течение нескольких часов, и старики обычно заливаются даже более молодёжи. В этом они удивительно похожи на детей. Ум у чеченца бойкий, но лёгкий. Чеченец любит пошутить, посмеяться, поострить, поиграть словами»¹⁰⁵². Остроумие горца, его умение шутить и понимать шутку, веселость, которую не осилила даже война, показывает его устное народное творчество – чеченские сказки и песни:

*«Острый меч – рази верней,
Я смеюся встречной пуле!
Кто скажите всех смелей
Веселее всех в ауле.*

*Это я!... С дороги прочь!
Все равно моя победа!
Не меня ли в эту ночь
Целовала дочь соседа...
Говорить – так говорить!
Смерть врагу... С дороги прочь!
Для нее моя победа!»¹⁰⁵³.*

Н.Я. Динник, неоднократно посещавший Кавказ и Чечню, отмечал: «Мне не раз приходилось слышать о них, как о народе коварном, злом и крайне враждебно относящемся к русским. Не раз говорили мне, что чеченцы гораздо хуже, чем все прочие племена, живущие на Кавказе. По моим личным наблюдениям и рассказам лиц, хорошо их знающих, чеченцы – горцы очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны. Я неоднократно ездил ночью, как зимою, так и летом, по горам Чечни и никогда не случалось со мною ничего неприятного. Наоборот, вежливое и предупредительное отношение к себе я имел случай наблюдать на каждом шагу»¹⁰⁵⁴.

М.П. Ерохин также своими наблюдениями подтверждает мнение Динника: «Чеченцы чрезвычайно вежливы, гостеприимны и приветливы; все мирно занимаются своим трудом и отношение к приезжим самое доброжелательное»¹⁰⁵⁵. Чеченцам с давних времен были присущи этническая и конфессиональная лояльность, стремление к миру, дружбе и роднению с другими народами, в том числе с русскими, терскими и гребенскими казаками. «Вообще все чеченцы желают и ищут мирное житье», – констатировал в начале XIX века комендант крепости Кизляр А.И. Ахвердов. В 50-е годы, когда еще шла Кавказская война, современник тех событий С. Иванов писал: «Русские (из гарнизона крепости) стали ходить в аул поодиночке, без оружия... некоторые из них задерживались у своих кунаков до поздней ночи, случалось, что и ночевали». Многие чеченцы жили среди русских, по разным причинам уходили к казакам и селились в станицах; напротив, русские беглые солдаты и офицеры, крепостные крестьяне, а также казаки приходили к чеченцам¹⁰⁵⁶.

Гр. Москвич отмечал, что: «...чеченцы трудолюбивый и способный народ, проявляющий склонность к образованию. В Чечне можно встретить благоустроенные аулы с опрятными улицами, нередко с каменными зданиями. Земледелие у них находится в прекрасном состоянии и ведётся при посредстве оросительных каналов»¹⁰⁵⁷.

У чеченцев женский пол пользовался несравненно большей свободой, чем у соседей. Не только девушки, но и замужние женщины не прятались, не закрывались покрывалами и не стыдились присутствия мужчин. М.Я. Ольшевский замечал: «Несмотря на свою леность и праздность, мужчины старались по возможности делить с ними свой труд, и ни в каком случае не считали их своими рабынями, как это делалось у их соседей»¹⁰⁵⁸. Н. Семёнов считал, что чеченской женщине нельзя отказать в известной степени силы воли и энергии¹⁰⁵⁹.

Н.С. Иваненков, в своей работе «Горные чеченцы» заключал: «Чеченцы свободолюбивый, в высшей степени чувствительный к оскорблениям народ»¹⁰⁶⁰. Прекрасно охарактеризовал горцев и Е. Марков в своей работе «Очерки Кавказа»: «Наши русские понятия о дворянском и княжеском сословии, о крепостных отношениях, сильно отражающие на себе византийские или немецкие взгляды разнились от представлений кавказского горца. Их невозможно было применить целиком к быту этих народов, вообще гораздо более вольнолюбивых и обеспеченных, гораздо менее утративших в большинстве случаев своё личное достоинство и имущественные права»¹⁰⁶¹.

М.Я. Ольшевский присоединился к мнению Е. Маркова в своих взглядах: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковёрным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жёстки и оглушительны. Чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходивших до измены. Но имели ли мы право укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами. Почему знать, может быть, эти избранные действовали так из своих личных выгод и поступали вероломно против своих же.»¹⁰⁶². Прекрасные человеческие качества чеченцев отмечал и К.П. Белевич: «К характеристическим чертам этого храброго народца следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость»¹⁰⁶³. «Чеченцы горды, тщеславятся своею независимостью и верят в широкую будущность своего народа и своей родины, — сообщает другой знаток Кавказа Н.Ф. Дубровин. — Покидая с трудом свое отечество,

чеченец спешит как можно скорее вернуться под «свое родное одеяло» – так называют они свои леса и горы. Чеченцы считают себя народом, избранным самим Богом, но для какой именно цели они предназначены и избраны, объяснить не могу...»¹⁰⁶⁴

На Кавказе декабристы прониклись уважением к свободолюбивым горцам, изучали их историю и этнографию, их языки. Как точно подметил Д. Семенов «...Кавказ не только для нас, русских, но и для других, более отдаленных народов, даже древних, всегда был заколдованною страной, куда влекла их какая-то магическая сила. Кавказ – обетованная страна для рыцарских стремлений; страна, полная исторических преданий и поэзии, полная цветущей жизни и величия и, вместе с тем, пепелищ, руин, гробниц. Два мира: Европа и Азия, могут назначить себе место свидания на этом перешейке.

Богата и разнообразна натура жителя этого благословенного края. Все, знающие Кавказ, согласны, что вообще население гор и Линии, как русское, так и туземное, состоит из народа, замечательно способного и бодрого. Природа не обидела горцев душевными качествами, в жизни хищнической можно заметить присутствие чувства и даже гуманной души. Это хищничество только нарост, приобретенный воспитанием, обстоятельствами и всем образом жизни; в натуре же горца много ума и чувства, много мужества и силы характера. Честолюбие и славолубие, говоря о горцах вообще, составляют одну из отличительных черт их характера и были едва ли не главною причиной враждебных отношений их к России, их безрасчетных набегов и мужественного сопротивления страшной силе»¹⁰⁶⁵.

В оценке горцев, замечает декабрист Х. Бестужев в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев», две крайности: одни «обвиняют их в жестокости и вероломстве», требуя расправы с ними; другие идеализируют «первобытную простоту» Кавказа, находя в Чечне или Кабарде своего рода республику или утопию Жан – Жака Руссо. «Мой девиз, – писал другой декабрист, А.В. Веденялин, – век живи – век учись. И я, исполняя это правило, в свободное время учусь по-татарски и теперь могу понимать их, ...вникаю в характер побежденных друзей, вникаю в образ их жизни и выкапываю из голов седых муллов древности о народах, малочисленных, но разноплеменных»¹⁰⁶⁶.

В XIX веке не смотря на сложную военно-политическую обстановку такие великие гуманисты и творческие гиганты, как Бестужев-Марлинский, Лев Толстой, Михаил Лермонтов и др., отмечали у чеченского

народа многие положительные качества, «их гостепреимство было безграничным, а душевное понимание слыло бесподобным», – отмечал Л.Н. Толстой. «Чеченцы намного терпимее, чем многие народности Северо-Восточного Кавказа. У них безгранична свобода, что прибавляет им доброты», – добавлял Бестужев-Марлинский. В своей монографии «История взаимоотношений кавказских и закавказских народов» С.Д. Серкулидзе отмечает, что «...Во время Кавказской войны с чеченскими племенами довольно проще было вести переговоры по вопросу пленных, чем с какими-либо иными представителями, в свою очередь, пленники отмечали доброжелательное отношение к ним. «Порою казалось, что они не так уж и переживали за свою судьбу, что обескураживало власти, – замечал один из современников»»¹⁰⁶⁷.

Во время войны чеченцы проявляли по замечанию многих, немыслимую отвагу. Приведем одно из свидетельств: «Чугуна для ядер у горцев не было, и они собирали русские ядра иногда даже в минуты схваток. Случалось иногда, что несколько человек бросались вслед за катящимся ядром и, каждый старался поймать его раньше товарищей. Эта в своем роде «охота» кончалась нередко довольно плачевно...». Ядер, собранных чеченцами на полях битв, было настолько много, что Шамиль уже перестал в них нуждаться. Собранные снаряды изменялись по калибру пушек и при первой же возможности «отправлялись» в русские ряды. Порох делали на заводах: в Ведено, Дарго, Гунибе и Унцукуле. Здесь были устроены водяные мельницы и большие каменные ступы с массивными деревянными пестами, обитыми листовой медью, где и уплотнялась пороховая мякоть¹⁰⁶⁸.

Представление о чеченцах строилось у российского обывателя в основном по информации из периодики и книг. Вот как были описаны чеченцы в книге «Природа и население России»: «Чеченцы красивы и стройны. Они великодушны и во всех случаях жизни сохраняют свое достоинство.... Чеченцы в войне с русскими выказывали наибольшее ожесточение и удивительную отвагу. Они имели такой страшный вид иступленных, безумных существ, что иногда сотня казаков не решалась напасть на небольшую горсть чеченцев-абреков и вступить с ними в рукопашный бой, зная, что они дорого продадут свою жизнь и ни за что не сдадутся, считая плен верхом позора»¹⁰⁶⁹.

Многие русские офицеры и генералы, участники Кавказской войны, с уважением отзывались о своих противниках-горцах. Так, генерал-лейтенант Галафеев, командовавший боем на реке Валерик 11 июля 1840

г. (боем, вошедшим в историю Кавказа и в историю мировой литературы благодаря таланту М.Ю. Лермонтова), писал в реляции Николаю I: «Должен отдать также справедливость чеченцам. Они исполнили все, чтобы сделать наш успех сомнительным. И нам остается вдвойне понять, почему в старину поле боя именовалось полем чести...»¹⁰⁷⁰.

Д.Семенов в своей работе пытался следующим образом объяснить читателю длительность и жестокость прошедшей Кавказской войны: «Почему так долго держались против нас чеченцы, терпели и голод, и крайнюю нужду, умирали и посылали детей на смерть? Нам кажется, не из одной покорности Шамилю и его проповедникам, не из жажды грабежа, как думают многие, – нет, из желания независимости, по естественному побуждению народа, отстаивающего свою свободу, из чести и славы. Натура горца богата и полна; самое нежное и тонкое чувство пробивается иногда сквозь грубую оболочку, нараставшую на племенах гор в течение веков. Чувство изящного и поэзии не только не чуждо ему, но, напротив, составляет принадлежность его природы и, можно сказать, в замечательной степени. Горец изящен в своей оборванной черкеске, в косматой шапке и бурке; он стоит и ходит ловко и живописно, говорит без жестов и интонаций европейского простолюдина; манеры его просты и часто безупречны»¹⁰⁷¹.

Но не всегда и далеко не все были хорошего мнения о чеченцах, да это и понятно, ведь они олицетворяли образ врага в долгой и кровопролитной Кавказской войне, да и образ жизни, духовность их были слишком самобытны и самодостаточны, что также раздражало некоторых представителей «высшей цивилизации». Враг должен быть «плохим», потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Далеко не одним и тем же выступал образ врага в начале и в конце Кавказской войны. Так, обобщенный образ врага, формировавшийся в ходе самой войны включал в себя официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовые образы. А ретроспективный, послевоенный образ соединял в себе индивидуальный образ-воспоминание ветеранов-участников событий, художественно-обобщенный, историко-аналитический и другие типы образа. Можно говорить об определенной эволюции образа врага¹⁰⁷².

В зависимости от исторической эпохи и конфессиональной принадлежности воюющих сторон, в качестве ценностей доминируют или, напротив, исчезают религиозные мотивы и соответствующая оценка

противника с их позиций («язычники», «нехристи», «неверные» и т.п.). Исторически более устойчива оценка противника по критерию «цивилизованности»: враг почти всегда «варвар», причем конкретный смысл в этот оскорбительный термин может вкладываться разный (от нечеловеческой жестокости до несоблюдения правил гигиены). «Принижение» врага происходит путем приписывания ему всех человеческих слабостей: склонность к воровству, мародерству и т.п. Интересно отметить тот факт, что в русском национальном сознании, нашедшем отражение в фольклоре и литературном творчестве, враг «всегда силен, многочисленен, жесток и коварен, но зачастую глуп и некрасив». Причем, победы русских объясняются их естественным превосходством в смекалке, силе духа и воинском умении, тогда как поражение – невезением или Божьим наказанием за грехи¹⁰⁷³.

П.И. Ковалевский имел свой взгляд на характер чеченцев: «Любить чеченец умеет только себя, – сообщал он своим читателям. О себе чеченец замечательно высокого мнения и, ставя свою личность в центре вселенной, тем более понижает своё мнение обо всех других, чем дальше они находятся от центра. Вокруг центра стоит фамилия, за нею идёт племя или народ свой, за народом, уже, вдали, стоит всё остальное, едва достойное, а, пожалуй, и вовсе не достойное внимания. Это чувство самомнения и самолюбия лежит в основе его безграничной любви к свободе. Не признавая никого выше себя, он не может согласиться и с господством над собой кого бы то ни было.

Самолюбивый и обидчивый, как ребёнок, он, как ребёнок, любит похвалы и комплименты. Чеченка, особенно девушка, весела, болтлива, любит посмеяться и хорошо покушать. Она охотно танцует и от тяжёлого дела не отказывается. С мужчинами она не прочь и пококетничать»¹⁰⁷⁴.

Общую территорию расселения «мирных», «независимых» и «горных» чеченцев в период начала Кавказской войны можно было оценить в 7-8 тыс. квадратных километров¹⁰⁷⁵. К чеченцам в годы войны нередко причисляли и кистинцев. Кистинцы Панкисского ущелья Грузии – переселенцы из различных общин Чечни и Ингушетии – население смешанное. Часть из них писались грузинами, часть кистинцами. В то время о них писали: «Кистинцы горделивы, статны, внешне привлекательны. Их женщины преданы семье, трудолюбивы, не избегают тяжелой работы. Любят чистоту – этим известны на Кавказе». После компактного поселения в Грузии представители этой ветви вайнахов занимались в основном скотоводством и земледелием¹⁰⁷⁶.

Многие «отчаянные головы», даже в суровые военные годы путешествовали по Кавказу, чтобы ближе познакомиться с этим краем и людьми, его населяющими. Путешествие, предусматривавшее пребывание в чужой среде, не является только фактом личной биографии путешественника; информация об иных странах и народах, индивидуальный опыт восприятия иного оказывается актуальным для общественного сознания, а сам путешественник выступает в роли посредника между своей и чужой культурой. Русским путешественникам в полной мере был присущ просветительский универсализм, в соответствии с которым все народы и культуры оценивались по единой шкале. Крайними точками на ней были с одной стороны «дикость», а с другой – «цивилизация». Каждый раз, наблюдая ту или иную культуру, путешественник оценивал степень ее «дикости» и «цивилизованности» и отводил ей соответствующее место на этой шкале. Европоцентристское мышление признавало наиболее цивилизованной Европу, к которой причисляла себя и Россия. Таким образом, противопоставление своего и чужого в рамках просветительской картины мира представало, в том числе, как противопоставление «дикости» и «цивилизации»¹⁰⁷⁷.

И если «цивилизованный» полюс находил конкретное воплощение в близком и знакомом примере, то представление о «дикости» было гораздо более абстрактным что, однако, не делало его менее внятным и убедительным. Преимущество «дикарей» перед цивилизованными европейцами объяснялось их близостью к природе. Это свойство нагляднее всего проявлялось в их физических данных. Внешняя красота была явным признаком здоровья. Здоровье же мыслилось неотъемлемым свойством «дикаря». Описание физического совершенства, как правило, сопровождалось сопоставлением с европейцами. Кроме того, общество «дикарей» представлялось как общество «неразвращенное», обладавшее массой «коренных» человеческих добродетелей. Считалось, что «дикарям» особенно свойственны гостеприимство, почтение к старшим, храбрость, добродушие, честность, стыдливость и целомудрие.

Явным признаком «дикости» служит отсутствие собственного просвещения, проявляющееся в неграмотности и слабом развитии образования. Жестокость являлась основанием для сравнения «дикарей» с животными. Их «грубое состояние» соответствовало «грубому искусству». Имея в сознании определенное умозрительное представ-

ление о «дикарях», путешественник при встрече с тем или иным народом воспринимал его в соответствии с этим абстрактным образом, видел в конкретном примере данного народа отражение общей теоретической модели¹⁰⁷⁸. В 1871 году в Тифлисе вышел «Путеводитель по Терской области», в котором о чеченцах давалась следующая информация: «Центральная часть Терской области населена многочисленным и воинственным племенем Чеченским, способным увлекаться до фанатизма и отличающимся крайне непостоянным характером». Безусловно, такая информация закладывала определенные стереотипы у читателей и уже предварительно строила негативное отношение к целому народу¹⁰⁷⁹.

В конце XIX века уже стало заметно влияние «цивилизации» на чеченцев, они стали чаще употреблять спиртные напитки и курить. Приведём наблюдения Н. Семёнова: «...Кто посолиднее, сосали маленькие трубочки, набитые махоркой, у других красовались в зубах свёрнутые как папиросы обрывки кукурузных листьев»¹⁰⁸⁰. По мнению Н.Ф. Дубровина «...Умственное развитие чеченцев далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях»¹⁰⁸¹. В.В. Маркович считал, что: «...чеченец объект весьма податливый, только нужно уметь с ним обойтись. Он страшно ценит, если не нарушать его демократические взгляды и не «корчить из себя начальство». В общем, чеченцы народ девственный, не тронутый ещё псевдокультурой и имеющий широкое будущее, конечно, если выйдет победителем в борьбе с «пиджачной» цивилизацией, приручающей сначала к табаку, водке и картам, а после к более крупным деяниям, вроде измены веры, народности и выработке шпионов, изменников и кляузников»¹⁰⁸².

С. Петин предлагал использовать чеченцев в качестве тайных агентов: «...Чеченцы почитают себя равными всем князьям в мире и не признают над собой никакой власти. Почитаю обязанностью сказать, — отмечал он, — что всякий горец, как бы ни был, он уважаем в своём народе, теряет это уважение и доверие, как скоро начинает действовать согласно с видами нашего правительства. Это, однако — же, не означает, чтобы бесполезно было бы брать в конвой императора горцев; многие из них, по возвращению, могут, по крайней мере, быть употребляемы как тайные агенты»¹⁰⁸³. Как бы в укор приводимым высказываниям, В. Немирович — Данченко заявлял следующее: «Мы не помирим с собой здешнего горца до тех пор, пока не станем относиться с уважением к

его человеческой личности. Он может иметь какие угодно пороки (и есть ли народ без упрека в этом отношении!), но одному он всегда был чужд: чеченец никогда не являлся рабом и всегда отстаивал свою честь и достоинство. Ему легче умереть, чем поступиться тем, и другим. Побежденный он терпит победителя, но не ползает перед ним и не ждет его милостей. Люди ожесточаются, умирают, но не усваивают навязанных им нравов. Победитель – не церемонится, побежденный должен поневоле хитрить и претворяться до тех пор, пока ему не покажется, что сила на его стороне...»¹⁰⁸⁴.

По мнению современного исследователя Ш.А. Гапурова, с которым солидарны большинство кавказоведов, социально-психологические особенности каждого народа надо воспринимать такими, какие они есть в определенный период времени (истории). Не навешивая при этом данным народам априори разные нелестные ярлыки¹⁰⁸⁵. Гипертрофированное восприятие некоторых национальных моделей поведения зачастую нивелирует объективный анализ действительности и пагубно влияет на взаимоотношения разных народов. Некоторые представители чеченского народа, попав в очень сложные, непривычные для них жизненные ситуации начинали и вести себя, по мнению окружающих «несколько неадекватно». Дело в том, что нормы их нового поведения не были заложены в складывавшихся сотнями лет национальных традициях, и они не успевали адаптироваться к изменению жизненного строя. В основном такое поведение было свойственно людям, находившимся на грани жизни и смерти, вдали от родины, среди представителей других культур.

Смысл традиций проявляется в их нормативно-регулятивной функции в социальной жизни этноса, в том, что они позволяют сохранить не только основу содержательную наполненность тех конкретных исторических форм жизнедеятельности общества, которые их породили, но и специфические формы их собственного существования. В ходе исторического развития горские этносы выработали разнообразные формы психологической защиты, которые срабатывали самопроизвольно в трудные моменты жизни этноса и позволяли ему сохраниться как целостному организму. Горский этнос очень жестко реагировал на угрозу своей картине мира. Такая реакция происходила на системном уровне, происходила этнопсихологическая защита от инноваций в культуру, она не зависела от воли конкретных людей. В сознании же горца необходимость участвовать в защите этнической картины мира могла

быть обоснована самыми разными причинами и проявлялась в самой разнообразной форме¹⁰⁸⁶.

Острожная судьба свела Ф.М. Достоевского с «лицами кавказской национальности», о чем несколько строк повествуют в его «Записках из Мертвого дома»: «...их было два: лезгина; один чеченец и трое дагестанских татар. Чеченец был мрачное и угрюмое существо; почти ни с кем не говорил и постоянно смотрел вокруг себя с ненавистью, исподлюбя и с отравленной, злобно-насмешливой улыбкой»¹⁰⁸⁷ Безусловно, острог, тюрьма, каторга не располагают особо к благодушию и веселости. Надо учитывать и то, в каком свете воспринимал сам Достоевский окружающий мир, находясь в подавленном, униженном состоянии. Возможно, что встретившись с этим чеченцем где-либо при других обстоятельствах у него сложилось бы прямо противоположное мнение об этом представителе чеченского народа, но судьба в это время была к ним жестока и не оставляла выбора.

В процессе адаптации к новому социокультурному окружению у чеченцев возникали новые черты. Употребляя понятие «адаптация», мы имеем в виду «процесс взаимного приспособления между культурой и внешней средой, направленный на выживание и стабильность социальной системы... в контексте антропологии адаптация означает, что культура является продуктом взаимодействия между внешней средой и стратегией жизнедеятельности, т.е. особой технологией освоения естественных ресурсов экономикой и социальной структурой». Возросший исследовательский интерес к российскому имперскому типу политической организации и культуры актуализирует изучение особенностей психологической и социокультурной адаптации инородных социумов, вошедших в новую для них структуру. Особенно важен такой аспект проблемы адаптации этносов, как создание региональной элитой адаптационно-деятельных моделей культуры. Развитию культурных инноваций способствовала и активная деятельность национальной интеллигенции¹⁰⁸⁸.

В начале XX века на Северо – Восточном Кавказе чеченцы были самым многочисленным этносом, их количество стремительно приближалось к цифре в 300000 человек¹⁰⁸⁹. Причём здесь не учитывались аккинцы, проживавшие на территории Дагестанской области и кистинцы. Кистинцами (кистами) грузины называли ту небольшую часть чеченцев и ингушей, которые в своё время вынуждены были переселиться на территорию Грузии¹⁰⁹⁰. Во второй половине XIX века на плоскости чечен-

ские сёла были большей частью растянуты, обширны. Строения почти все деревянные, одноэтажные, редко в два этажа, с плоскими крышами. Внутри домов было чисто, опрятно и светло¹⁰⁹¹. В горах также было немало красивых домов. Некоторые из них имели земляные крыши, покрытые травой, а большая часть была покрыта черепицей¹⁰⁹². Безусловно, что даже в начале XX века нельзя было доверять статистическим сведениям, т.к. многие народы не только в России, но и в мире всячески старались уклониться от переписи. Суеверный страх, да и жизненный опыт вызывали опасения у людей за их благополучное будущее, если они подвергнутся пересчету. Из Библии мы узнаем, что сатана внушил царю Давиду несчастную мысль пересчитать свой народ, что привело к самым ужасным последствиям. Сразу после окончания подсчета разразилась моровая язва, в которой народ усмотрел справедливое возмездие за грех переписи.

В Алжире все мероприятия французского правительства, требующие подсчета населения, встречали сопротивление со стороны туземцев главным образом из-за нежелания подвергаться такого рода подсчету. Антипатия эта обнаруживается не только в случаях счета людей, она проявляется также при подсчете мер зерна – операции, носящей у многих народов «священный» характер. В Палестине многие мусульмане, считая меры зерна, говорят при первой мере «Бог один», при второй – «ему нет равного», при третьей – просто «три», затем «четыре» и т.д. Возможно, что с помощью этих постановок рассчитывают обмануть злых духов, которые, быть может, прячутся с намерением украсть или попортить зерно, причем их считают слишком тупыми, чтобы понять эту диковинную нумирацию.

Отвращение к подсчету людей, скота или имущества было широко распространено среди племен Африки. Племя масаи до сих пор не считает ни людей, ни животных, полагая, что от этого люди и животные могут умереть. Сходные суеверия можно найти и в Европе. Лапландцы не подсчитывали свое население и не объявляли его численность, полагая, что это вызовет среди народа большую смертность. Среди рыбаков северо-восточного берега Шотландии ни в коем случае не разрешалось считать лодки, находившиеся в море, а также мужчин, женщин или детей, собравшихся вместе¹⁰⁹³. Схожие суеверия бытовали и у народов Кавказа. Кроме того, чеченцы опасались, что после проведенной царскими чиновниками переписи увеличится тяжесть налогового бремени, горцев могут «забрать в солдаты» и т.д.

После завершения Кавказской войны горское мужское население находилось под влиянием психологического пресса, смены жизненного уклада, под давлением нужды. Это было очень тяжёлое, переломное состояние. Бывший лихой наездник всё более и более превращался в землепашца и скотовода¹⁰⁹⁴. Чеченец 90-х годов XIX века не так мыслил и чувствовал, как его отец – представитель прежнего поколения 60-х годов, он не того хотел и не к тому стремился¹⁰⁹⁵. Молодой чеченец 26 лет писал в 1875 году о сложившемся положении перестройки всей жизни горцев следующее: «Мой отец принадлежал к числу людей, имевших крестьян и мало обращал внимания на чёрную работу, считая её для себя позорною. Теперь подумать некогда о праздных разъездах, иначе семья помрёт с голоду. Позабыв дедовское презрение к чёрному труду, я взялся за этот труд. Обзавёлся несколькими парами волов и лошадей и доставляю балласт на железную дорогу, имею свой кирпичный завод и благоприобретённый дом; пока вкладываю в банк, а там обзаведусь табуном лошадей и баранами. Построил я себе и дом на русский лад. Но я работаю не для своей собственной пользы, приходится работать и на благо своих земляков, которые, скажу, между прочим, относятся к моим начинаниям не особенно благодарно»¹⁰⁹⁶. Новое поколение горцев было озабоченно мыслью, чтобы в их светлом доме были если не стулья и столы (что тоже не редкость), то хорошие ковры, тюфяки и подушки в шёлковых наволочках, чтобы к столу баранина и другие вкусные снеди подавались почаще; чтобы под черкеской были бельё и шёлковый бешмет. Оружие нужно было самое лучшее, в драгоценной оправе из позолоченного серебра. Для заработка уже были необходимы не шашка и пистолет – орудие отца, а плуг, серп, коса, топор, пара хороших волов, аршин, бумага с пером и чернилами, нужны были другие привычки, другие взгляды на вещи. Диалектические способности применялись уже больше в правительственных учреждениях, на суде, у нотариуса или в лавочке с «красным» товаром¹⁰⁹⁷. Казалось, что прошло целое столетие с момента окончания Кавказской войны, а не десятки трудных лет. «Температура» горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчётливой, смотрящей на жизнь с положительной точки зрения, для него наметились перспективы дальнейшего развития, горец успешно приспосабливался к новым условиям существования¹⁰⁹⁸.

Некоторые сведения по истории казачества

По мнению Л.Н. Гумилева, Российское государство обладает уникальными, присущими только ему качествами, которые сложились в силу различных обстоятельств: как объективных, например, месторасположение, так и субъективных – в силу особенных качеств менталитета русского народа: «Наши предки, жившие на Московской Руси и в Российской империи начала XVIII века, нисколько не сомневались, что их восточные соседи – татары, мордва, черемисы, тунгусы, казахи, якуты – такие же люди, как и рязанцы, владимирцы, новгородцы... Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало то, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин – Никон, а русскими армиями руководили потомки черемис – Шереметьевы – и татар – Кутузов». По мнению Гумилева, гармоничное развитие Российского государства прекратилось в тот момент, когда произошла попытка «европеизировать» другие народы, сделать всех людей одинаковыми¹⁰⁹⁹.

На Кавказе долгие столетия горцы жили в дружбе и сотрудничестве рядом с русскими, казаками. Безусловно, на кавказцев оказывали влияние те русские люди, которые навсегда остались в крае, сливались с местным населением, начинали жить его жизнью, его нуждами, его радостями и приучали горцев верить в великодушие русского народа, хотя бы и относящегося к иной религии, говорящего на другом языке¹¹⁰⁰. В арабо-персидских источниках сохранилось довольно много известий о пребывании русов на Кавказе в X – XII в. – Это сообщение о русских наемниках – гулямах на службе у различных кавказских правителей и о походах русских отрядов на Кавказ, об участии их в междоусобной борьбе местных правителей. В небольшой рукописи «История Ирхана» (древнее аварское селение в Дагестане) сообщается о том, что в X – XIV вв., когда шел процесс исламизации, наряду с мусульманскими поселениями существовали и христианские, и иудейские. Среди христианских «История Ирхана» называет, в частности, села Хадар и Авар, жители которых были «чистыми русами»¹¹⁰¹.

Многие западные наблюдатели высоко оценивали характер русского народа. В. Дербан писал в «Современном обозрении»: «Нигде в России не встретишь проявления злобы, свойственных немцам, итальянцам, французам и англичанам. Русские в высшей степени доброжелательны, приветливы к незнакомцам, трогательно привязаны к животным и, не

щая себя, нежно заботятся о детях». Другой автор этого издания отмечал, что русских отличает крайняя человечность, простота, мягкость, не имеющая в Европе себе равных; они же лишены недостатков вроде зависти и чванства. Но в то же время русским недостает, по их мнению, ума, правдивости, энергичности и любви к соблюдению «правил честной игры»¹¹⁰². В представлениях эмигрантской интеллигенции русская нация обладала суммой противоречивых качеств, которые, сосуществуя и взаимодействуя, предопределяли не только непредсказуемость ее деяний, но и действия, противоречащие ее собственным интересам. На эти свойства русской природы обращали в свое время Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, И.Л. Солоневич, С.А. Франк и др. К числу положительных качеств они относили те качества, которые в начале XX века были в концентрированном виде сформулированы выступавшим в качестве журналиста английским поэтом Морисом Бэрингом, а также профессором Сорбонны Жюлем Легра и зафиксированы Н.О. Лосским в заключительной части его книги «Характер русского народа»: природное изящество, гостепреимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, способность к публичной речи, доброжелательность, гуманность, жалость к страдающим, широта натуры, щедрость». Положительный образ русского дополнялся эмигрантами такими свойствами, как смиренное, способность безропотно нести страдания, патриотизм, религиозность, искание царства правды, отсутствие узости европейского человека, бесхитростность, отсутствие подражания чужому авторитету («...русские всегда предпочитали думать глупо, но самостоятельно»). Отрицательные свойства русского народа, отмечал Н.О. Лосский, – «экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание общечеловеческих ценностей, анархизм, чрезмерность критики...»¹¹⁰³.

Высокая миграционная подвижность влияла не только на социально-демографическую структуру русского народа, но и на его психологические особенности, формируя массовую привычку к перемещениям на длительные расстояния, в чуждую этнокультурную и природную среду, а также привычку к индивидуальной (семейной), а не групповой адаптации. Российская колонизация в психологическом аспекте может быть представлена феноменом культурно-психологического освоения нового пространства, зачастую более важного, чем экономическая, политическая или иная адаптация. Попытки адаптировать собственный культурный багаж к новому контексту нередко означали перемены в самой

культуре. Пытаясь сохранить привычный для нее миропорядок, каждая группа переселенцев применяет правила, постепенно изменяющиеся в ходе приспособления к требованиям ситуации. В итоге из этих усилий рождается новый набор ценностей, которые, в свою очередь, становятся основой для будущей борьбы, нацеленной на упорядочение окружающего мира и воздействие на него¹¹⁰⁴.

Новые пришельцы, вступая в ущелья сурового Кавказа, как бы отрекались от всего прошлого; на Кавказе искали они лишь свободы, взамен чего подчинялись строгому уставу горской отчуждённой жизни. Как говорили в старину « Всех без разбора Кавказ принимал к себе, но, раз приняв, не выпускал более никогда»¹¹⁰⁵. Казаки близко сошлись со своими соседями – чеченцами, в которых видели также своего рода казачество, ту же личную вольность, не терпящую никаких ограничений и стеснении¹¹⁰⁶. Интернациональность – четко выраженная черта чеченского характера. Чеченцы не только были лояльны к лицам другой национальности в своей среде, но и покровительствовали им¹¹⁰⁷.

Интересные сведения об этнических союзах можно найти в работах Л.С. Ланда. Любопытно, что, несмотря на тесные связи горских евреев с кавказскими народами, на общие обычаи, одежду, пищу и даже фольклор, между иудеями и мусульманами практически не было смешанных браков. Хотя, конечно, бывали исключения: первый горскоеврейский ученый, этнограф И.Щ. Анисимов в 80-е годы XIX века видел в Грозном семью, в которой женой молодого еврея была чеченка. Причем девушка была украдена, а иудаизм приняла непосредственно перед свадьбой. Кроме того, известен случай, когда из любви к чеченке грозненский еврей принял ислам и переехал в горный чеченский аул. Такой феномен, как еврейское абречество, красноречиво говорит о том, насколько важное место в кавказском обществе занимали обычаи и традиции. В абреки уходили те горские евреи, которые совершили какое-нибудь преступление (к примеру, осуществили кровную месть), и для российских чиновников они оказывались по другую сторону закона, становились в один ряд с горцами¹¹⁰⁸.

Живя долго по соседству с горцами, казаки переняли кавказские обычаи в способах ведения войны, в домашнем и хозяйственном быту. По свидетельствам современников, казак был также «хищен и жесток, как и горец», но не имел при этом того чувства гостеприимства и того страха ответственности, как у горцев. В ночных расправах казака чувствовалась самоуверенная рука хозяина, победителя, а не покорённого¹¹⁰⁹.

С раннего возраста казаки попадали в систему милитаризованного воспитания: с 2-х лет их сажали на коня, с 12 лет разрешали носить кинжал, затем – пистолет и ружье, и после 19 лет – шашку. Юноши учились приемам джигитовки и отточенного владения огнестрельным и холодным оружием. Привыкшие к боевой жизни, казаки не любили заниматься хозяйством и возлагали обязанность эту на своих жён. В средние века казаки особенно не старались заниматься земледелием и даже «побивали тех, кто им занимался, как ремеслом, не сродным казачеству». Среди «мирных» занятий предпочтение отдавалось охоте и рыболовству. Нравственность казаков с древних времен, как пишет В.Д. Сухоруков, представляла собой «смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, которые жили войною. Жадные к добычам, свирепые в набегах на земли неприятельские, казаки в общежитии своем были привязаны друг к другу, как братья»¹¹¹⁰.

Земледелие в период Кавказской войны было развито крайне плохо. В отдельные годы в станицах не вспахивалось ни одной десятины земли. Военная добыча являлась важным фактором в системе жизнеобеспечения терских казаков. Что касается пашенного земледелия, то оно внедрялось с большим трудом. В одном из документов первой половины XIX века хозяйство терских казаков характеризуется, как «крайне скудное, не обеспечивающее минимальных нужд». Но правительство с таким положением мириться не стало, оно считало, что казаки сами повинны в этом. Еще в 1833 году было заявлено, что «решительно должна быть ограничена помощь, которую Кавказские линейные казаки от Правительства ожидать могут, и что за сим от них самих зависеть будет находить дальнейшие способы к своему пропитанию». Правительство решило ограничить поставки казакам продовольствия, но в связи с начавшимся голодом, в этом же году вынуждено было дать казакам двойную норму провианта¹¹¹¹.

Благосостояние казаков зависело, прежде всего, от размеров правительственных пожалований прав и привилегий. Важнейшей привилегией казаки считали освобождение от большинства налогов и повинностей. На терских казаков возлагалось трудоемкое и дорогостоящее укрепление берегов Терека, выполняемое всеми свободными жителями станиц. Лишь однажды, после Отечественной войны 1812 г., правительство помогло жителям левобережья дополнительной рабочей силой – пленными французами. В обязанность станичников входило содержание и конвоирование арестованных. Взятых в знак покорности аманатов

(заложников) в чеченских обществах Кавказская администрация в целях экономии денежных средств также передавала на содержание в казацкие станицы. На терско-гребенских казаков возлагалась и обязанность, в качестве охраны сопровождать важных персон, проезжавших через их станицы. В начале XIX в. Российское правительство возложило на казацкие общины Терека строительство и содержание медицинских пунктов. В годы Кавказской войны «поселения казаков были завалены больными»¹¹¹². Наделение казаков землей являлось привилегией, поскольку казацкие земельные наделы были в 6-10 раз больше крестьянских. Кроме того, казакам предоставлялось право пользоваться озерами и реками, богатыми рыбой. Поэтому не случайно казачество было более зажиточным по сравнению с другим населением России. Казаки были освобождены от подушной подати, рекрутской повинности, государственного земского сбора, имели право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории. Почти во всех казацких войсках были общества торговых казаков¹¹¹³.

Главными чертами характера гребенцов Л.Н. Толстой, два с половиной года проживший в гребенских станицах, считал «любовь к свободе, праздности, грабежу и войне». К труду, особенно земледельческому, отношение было пренебрежительное. Это отношение к земледельческому труду сохранилось и в конце XIX века. Во многих терских станицах можно было услышать: «не мужики мы сиволапые, чтобы копать в земле...»¹¹¹⁴. Казаки в Терской области часто нерадиво и потребительски относились к земле. Краевед Г.П. Губанов сообщал: «Усиливающееся год от года истощение почвы нельзя объяснить ничем другим, как только хищническим пользованием землею, при котором не соблюдаются даже самые элементарные требования разумного земледелия». Терский краевед объясняет этот факт тем, что казаки «избалованы землею с первых же дней своего существования на Тереке и привыкли считать себя вполне обеспеченными ею...». Выводы Губанова неутешительны: «Такое нерадение по отношению к земле и такое хищническое пользование ею, грозит в недалеком будущем полным бесплодием почвы, которое, и теперь уже дает себя чувствовать постоянными недородами...»¹¹¹⁵.

Влияние чеченцев на терских казаков было заметно в одежде и оружии, во внутреннем убранстве домов, снаружи построенных по русскому образцу, а внутри напоминавших дома горцев. Казаки переняли у соседей плуг и манеру пахать. Влияние горцев сказалось особенно сильно на отношении казаков к женщинам. Как у вайнахов (чеченцев и

ингушей), так и у гребенских казаков основными формами брака были браки по сватовству и тайным уводам. В культуре гребенского казачества, в частности в свадебной обрядности, отмечены такие «горские» элементы, как обязательное включение в состав приданого, свадебных подарков, металлических предметов и изделий, оставление части приданого в семье родителей, исполнение лезгинки и игра на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательные игры и состязания, ряд элементов свадебной одежды и украшений¹¹¹⁶.

Гребенцы полюбили чеченцев и охотно вступали с ними в куначеские и брачные отношения¹¹¹⁷. В состав гребенских казаков, как показывают этнографические материалы, вливались даже группы чеченского населения. К числу таких, прежде всего, относятся гуноевцы, жившие в станице Червленной. Согласно данным этнографической экспедиции, гуноевцы, не хотевшие принимать ислам, ушли из горной Ичкерии в Гудермес, откуда часть их переселилась в Червленную (которую чеченцы называли Камышовой крепостью), а часть – в Зибир-Юрт и Старый Юрт. В станице Петропавловской жили чеченцы из тейпа Шикарой, в казачью станицу они ушли по той же причине, не захотев принять новую религию – ислам¹¹¹⁸.

В тяжелые годы Кавказской войны, во время поиска резервов для пополнения казачьих войск Кавказской линии, взоры начальства постоянно обращались в сторону горских аулов, населенных «прирожденными воинами». Признание отваги врагов – один из нравственных принципов воюющих сторон, что подтверждается как в вайнахском, так и в русском фольклоре: «Собиралися чеченцы, все отважные бойцы. Вот от них-то пострадали наши гребенцы» (казачья песня «Пыль клубится по дороге»)¹¹¹⁹. Царское руководство старалось как можно больше отважных горцев зачислить в казачье войско. В 1853 г. на Кавказской линии служило 73 офицера – «азиатца». Конфессиональная принадлежность не была препятствием для зачисления в казаки. Всего в это время в войске было около 2000 мусульман, молившихся в семи мечетях. В 1839-1842 гг. в военном ведомстве обсуждался проект записи в казаки всего населения (и христиан, и мусульман) Кавказской области, но эту меру сочли нецелесообразной.

Терские казаки копировали горцев в быту, в общественном укладе и в боевых приемах. Этому в известной мере способствовало то, что казаки – старообрядцы неприязненно относились к православным солдатам, видя в них не более чем союзников¹¹²⁰. Казаки переняли у чеченцев их

национальный костюм и в своём жаргоне употребляли множество чеченских слов¹¹²¹. Гребенские казаки восприняли у горцев, в частности у чеченцев, также ряд национальных блюд, среди них – лепешки с начинкой из сыра, картофеля и т.д., а также кушанье чеченцев и ингушей из смеси творога с топленным маслом¹¹²². В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников. Конфликт, в который они были вовлечены, порождал своеобразные формы межэтнического взаимодействия. В ходе него происходило сопоставление – противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность и т.п.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры.

В условиях противостояния, некоторые из русских и казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности¹¹²³. Не случайно в 90-х годах было специальным распоряжением запрещено куначество казаков с горцами, а когда начальник Терской области высказал мнение, что столкновения между чеченцами и казаками приносят материальный ущерб и человеческие жертвы, и, следует принять меры к смягчению обстановки (изоляции этих групп населения), то император Николай II подчеркнул, что «именно это соседство и поддерживает в казаках их старую дедовскую удаль, а по сему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой необходимости»¹¹²⁴.

Религиозная принадлежность в дореволюционной России сохраняла превосходство над национальным происхождением. На это свойство государственной политики в отношении мусульман обращал внимание в своей «Автобиографии» афганский правитель XIX века Абдурахман – хан: «в России взаимные браки и социальное общение между нациями гораздо более часто, чем между англоиндийцами и индусами в Индии». Британский политик лорд Керзон указывал 1874 году на то, что Россия на Востоке «вела молча и без помех свою неустанную работу, продвигаясь путем завоевания... и ассимилирования покоренных народов»¹¹²⁵. Об отправке малороссийских казачьих полков на Северный Кавказ упоминала А.Я. Ефименко в своей работе «История украинского народа»: «Когда казаки вернулись из польского похода, два полка из них были отправлены на Кубань к черноморским землякам, а другие – на Терек, где издавна жили казаки великорусские, и отправлены они были под предлогом войны с черкесами, но оставлены на месте и поселены по

преимуществу во Владикавказском округе. Так как у казаков не было семей, поступил приказ о наборе в государственных селениях Полтавской и Черниговской губерний 500 незамужних девиц и отправке их по этапу на Кавказ для венчания с казаками. Такой «девичий» набор происходил в 1832-1834 гг.»¹¹²⁶. Часто казаки просто «воровали» понравившихся им горянок и такие случаи были далеко не редки. После набегов на чеченские села многих девушек и женщин казаки уводили с собой и делали своими женами по христианскому обычаю, т.к. это были весьма набожные люди. Горянки, вынужденные оставаться в чуждой им среде, воспитывали своих детей в рамках традиционных кавказских обычаев, в силу этих, и многих других причин, казаки были очень похожи на чеченцев.

В старину не было твердой грани между разбойниками и казаками. И те, и другие уходили «на волю», в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без осёдлости, без ограничений хозяйственности, но, тем не менее, кормящихся. Расселение в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный. Как отмечал И.А. Ильин, «Его основа зиждилась на не уравновешенности русского темперамента, на незрелости русского добродушия, по-детски увлекающегося в своих действиях»¹¹²⁷. Геннадий Белоглазкин следующим образом пишет о казаках: «...Люди эти пришли на Кавказ из Рязани. Шли Волгой, морем Хвалынским, поднимались вверх по Тереку. Устав от долгого пути, на его берегах и гребнях гор поселились. Построив дома, хозяйками в них приводили горянок. Своих портных не имея, одевались в чеченское платье, воевали кавказским оружием...»¹¹²⁸

Целый ряд особенностей, как внутренней организации казачьего войска, так и его взаимоотношений с Москвой был обусловлен тем, что войско находилось на территории, не входившей в черту Московского государства, что сношения с Москвой были затруднены, что правительство вынуждено было скрывать тот факт, что войско стоит у него на службе и им организовано; а также в силу постоянного опасения, что войско может перейти на службу к другому государству, что не раз и бывало. Некоторые партии донских казаков уходили на службу к литовскому королю, выполняли задание польских королей, служили у персидского шаха, у крымского хана¹¹²⁹. Примечательно, что уже в 1690 году появляется войсковая грамота, запрещающая казакам заниматься хлебопашеством на Дону, под угрозой смертной казни. Казак-хлебопашец ставил под сомнение свою дееспособность как воина. Он становился сверх меры

свободный от власти, обретал экономическую независимость. Это было нечто новое в истории края, и это новое угрожало сложившимся структурам и технологиям власти¹¹³⁰.

Во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия – расселение по обширным пространствам Восточной Европы и Северной Азии, частью пустовавшим, а частью уже занятым раньше другими народами, которые вынуждались вследствие этого жить совместно с пришельцами, а иногда и уходить от них на новые места¹¹³¹. Кавказ стоял каким-то грозным стражем на рубеже двух миров, двух историй, двух разных человечеств, – древнего Азиатского и нового – Европейского и притягивал к себе переселенцев¹¹³². Переселенческое движение было связано с потребностью населения в условиях экстенсивного ведения хозяйственной деятельности, по мере разработки земли и её оскудения осваивать новые территории. Социально активная часть людей стремилась к перемещению на новые земли, благо, существовавшее пространственно-географическое окружение позволяло это.

С первого появления русских на Тереке, в 1567 году, по мнению Н. Шаврова, «...мы применяли один и тот же метод – подвигаясь вперёд, мы заселяли русскими свой тыл»¹¹³³. Гребенские казаки были некогда казаками Ермака. Но по распоряжению правительства они ушли с Дона и поселились между горскими народами, на «гребнях» – горах. Затем казаки переселились на правый берег Сунжи. В 1722 году, в бытность императора Петра I в Дербенте, гребенские казаки совершенно покорили законной власти¹¹³⁴. Автор сочинения «О Кавказской линии» (1829 г.), командовавший левым флангом её, Иосиф Дебу, сообщал, что «гребенские казаки во время жительства своего (хотя и в малом числе) за Терекom защищаемы были чеченцами, коим вспомоществовали в разбоях». Е. Марков так охарактеризовал гребенцов: «Пластуны (казаки-охотники) – самый страшный народ для Черкеса. Черкеска на пластуна всегда изорвана и измазанная, затасканная папаха по-черкесски небрежно сдвинута на затылок, винтовка вся избитая, перечиненная, связанная верёвочками, заплатанная. Но зато этот замухрышка терпеливо пролежит трое суток в камышах по пояс в воде, высматривая переправу горских наездников»¹¹³⁵. Нередко казаками становились лица, ничего общего не имевшие с этим сословием. Так, 16 октября 1829 года Николай I издал указ, по которому «...в казачье войско на Кавказской линии обратить бродяг от 20 до 25 лет с соблюдением правил о годности»¹¹³⁶. Для увеличения сил Терского казачества было приказано бродяг, задерживаемых

в Кавказской области, в малороссийских, новороссийских и некоторых других губерниях, отдавать в работники на 3 года линейным казакам: по истечении 3-х лет эти работники, если они показали хорошее поведение, должны были зачисляться в казачье сословие. В большинстве случаев попадали в казаки принудительно, по распоряжению государственной власти¹¹³⁷.

Основные группы вольного казачества сформировались лишь к первой половине XVII столетия, и каждый из казаков стал относить себя к определенной ветви. Вместе с тем были еще сильны представления о единстве и целостности казачьей общности и возможности свободного перехода из одной группы в другую. Анализ «Дела о сыске (1628 г.) пограбленных вольными казаками на Тереке пожитков сестры крымского Калги Шагин-Гирея» показывает, что в XVII веке уже сложилось определенное деление на коренных гребенских казаков, «прямых» терских казаков и «людей схожих», то есть беглых на Терек, и воровских казаков¹¹³⁸. По некоторым документальным свидетельствам «... Грабеж на стороне и особливо у неприятелей был для них вещью обыкновенною...»¹¹³⁹.

В XVIII веке казаки одевались в самую разнообразную одежду, сочетая элементы русских, кавказских, турецких, персидских костюмов. В 1800 г. Указом Павла I вводится единая форма одежды для казаков и войсковых офицеров. При этом подчеркивалась обязательность ее ношения, а также отмечались особенности покроя, цвета и т.д. Войсковая принадлежность у казаков определялась цветом лампасов, форму без лампасов могли носить только казаки Терского и Кубанского войск. Особое место в комплекте мужской одежды занимала шашка. Казак мог продать или потерять все, но только не крест, шапку или шашку¹¹⁴⁰. В военной форме казаков было особенно много заимствований из традиционной горской одежды. Черкеска (тип традиционной кавказской распашной одежды) была широко распространена в Терском и Кубанском казачьих войсках. С каждой стороны груди на черкеске носили от 9 до 11 газырей. В русской армии газыри употреблялись всеми, кому полагалась черкеска. Газыри представляли из себя небольшие, продолговатые, рассчитанные на один заряд, пороховницы. Крышка, выступавшая из газырницы, зачастую была богато украшена. В регулярной армии газыри были введены с 1834 по 1855 год, сначала в Нижегородском драгунском полку в знак признания его заслуг во время длительной службы на Кавказе. В конце 1830-х годов газыри полагались еще нескольким кавалерийским полкам Кавказского корпуса.

Чекмень (полукофтан в талию со сборками сзади), также применялся в казачьих войсках¹¹⁴¹. Бешмет (архалук) широко применялся казаками. Бешмет представлял из себя длинную (обычно до колен) рубаху с глухим воротником, застегивавшимся от талии до шеи. Застежка была однобортной, на планке или крючках. В войсках бешмет носился под черкеской. Башлык был довольно давно заимствован у горцев. В некоторых частях русской армии он официально был введен в 1862 году. Башлык представлял из себя капюшон с удлиненными концами, завязывающимися в виде шарфа. Изготавливался он обычно из верблюжьей шерсти и обшивался нитяной тесьмой. В 1896 г. для рядовых был введен утепленный башлык, который с изнанки подшивался подкладочным холстом, а под холст вставлялась прокладка из ватина. Одним из самых символических элементов кавказской одежды являлась бурка (длинная меховая или войлочная накидка). По виду изготовления бурки делились: на небольшие без начеса (самые распространенные), и большие с начесом, часто с подкладкой. По своей форме они разделялись на колокольчикообразные (более древние) и трапециевидные, которые считались более нарядными и всегда делались на подкладке. В русских войсках в основном применялась большая с начесом трапециевидная бурка¹¹⁴².

В XIX веке сходство между положением туземцев и переселенцев по отношению к казакам состояло исключительно в том, что как переселенцы, так и туземцы были поставлены в несравненно менее выгодные экономические условия, чем условия жизни казаков. И, тем не менее, представители казачества нередко высказывали претензии на то, что туземцы обложены лишь небольшими налогами в пользу государства. Однако они не хотели понять, что круговая ответственность, наложенная на туземцев, являлась самым страшным налогом, какой только можно было придумать. Суммы, выплачиваемые горцами в силу круговой ответственности, превосходили во много раз всякие подати и налоги, выплачиваемые русским населением.

Был случай, когда один «находчивый» казак поправил свои дела, пользуясь правилом об ответственности туземцев. Он поджог свой дом и т.к. поджигатель не был найден, получил в четыре раза превышающую стоимость своего дома, взысканную с соседних горцев¹¹⁴³. В разговорах сунженских казаков чаще всего прослеживалась зависть по отношению к местным жителям. Завидовали они, прежде всего, ингушам и чеченцам, которым не могли простить некоторые льготы, например, в налогообложении и рекрутской повинности. В 1875 году, приговорами станич-

ных обществ постановили, чтобы никто из казаков не смел продавать или обмениваться своими участками с «азиатцами». Хотя правительство делало всё возможное для улучшения материального благосостояния казаков, сами они не очень много прикладывали для этого усилий. По свидетельству О. Маргграфа «При входе в дом казака, прежде всего, бросается в глаза отсутствие прочной осёдлости и домовитости. Вообще население имеет вид какой-то запуганный, недоверчивый и отчасти апатичный, – точно оно пережило какие-нибудь великие бедствия, или ожидает новых»¹¹⁴⁴. Видно прошлое казачества ещё было очень живо в памяти, чтобы они решились из воинов-джигитов и рыцарей превратиться в «мужиков» или «солдат» и то и другое слово употреблялось у казаков как бранное.

Заинтересованное в сохранении казачества, как системы колониальной политики, а также для несения полицейской службы, царское правительство организовало систему управления в казачьих областях таким образом, чтобы эта вооружённая сила сдерживалась не только за счёт казачества, но и за счёт не казачьего населения¹¹⁴⁵. Казаки находились в привилегированном положении: несли они службу в мирное время лёгкое, хозяйством не занимались, возлагая заботу о нём, по старой привычке, на жён, и, будучи обеспечены довольно высокой арендной платой, получаемой с «иностранцев», вели жизнь обеспеченных рантье¹¹⁴⁶. Главным источником доходов в казачьих станицах служат: отдача в арендное содержание свободных станичных земель; сборы за разрешение питейной торговли: посаженная плата за усадебные места с лиц вневойскового сословия, аренда общественных зданий, мостов, переправ, базаров, ярмарочных помещений; сборы с иностранцев за пастьбу скота сверх нормы и т.д. В Терской области, аренда земли давала некоторым станицам до 78% общей суммы доходов. В Терских станицах, питейный доход составлял от 2 до 49% всех доходов¹¹⁴⁷.

В пореформенный период (и, особенно в конце XIX века), когда меняются приоритеты и ценности и на первый план выступают «мирные» сферы деятельности, в которых казаки были не сильны, снижается их позитивная идентичность, меняется и отношение к русскому населению. В частности, ощущая отставание в сфере образования от центрально-русских областей, казаки говорили: «Мы народ тёмный, вот русские – другое дело, те много знают!». Иным становится и отношение к практическому опыту русского народа в области земледелия. Представления о не престижности (а они постоянно накапливались в этот

период) собственной культурной традиции пробивали брешь, делали менее стойким этническое самосознание¹¹⁴⁸. Низкий уровень агротехнической культуры, рутинная техника не давали должного ускорения развитию земледелия. Так, в станице Прохладной, находящейся на одном из самых плодородных участков Терской области, при обработке применялся малороссийский плуг – очень тяжёлый, для пахоты в него надо было запрягать не менее 5 пар волов. Однако, от предложения приобрести более усовершенствованный плуг казаки, ссылаясь на традиции, решительно отказывались. Ремесло среди терских казаков было развито слабо. Для этих нужд они пользовались услугами ремесленников – горцев, которые в станицах были желанными гостями. Они занимались не только изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, но и ремонтом и изготовлением оружия¹¹⁴⁹. Известная часть казачества обуржуазилась: казаки среди торговцев в казачьих округах Терской области составляли почти 50 %¹¹⁵⁰.

По сведениям 1904 года казачьи войска в России занимали, в общей сложности, территорию, величиной около 66 млн. десятин земли, т.е. около 1/6 части всей площади Европейской России. При этом казачьи земли в большинстве случаев принадлежали к числу самых плодородных в России и 69% их были удобны для обработки. Таким образом, в среднем по России, на 1 казака приходилось 32,5 десятин всей земли, из которых 20 десятин были удобны для обработки. Наиболее крупную статью доходов казачьих войск составляли правительственные субсидии – 32,1% или 3982970 рублей¹¹⁵¹. По сравнению со смертностью населения России (3,5%), смертность населения в казачьих войсках была несколько ниже. Так, смертность в Терском казачьем войске в 1898 году составляла 3,3%, в 1899 году 3,6%, а в 1900 году 3,4%¹¹⁵². Данные о Кубанском и Терском казачьих войсках считались секретными¹¹⁵³. Привилегии казачества были одним из аспектов русского империализма¹¹⁵⁴. Действовавшее «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов», утверждённое 9 февраля 1865 года на казачьи войска не распространялось. Торговля казаков в пределах своих войск не подвергалась никаким пошлинам в пользу казны, но они были обязаны платить установленные сборы в доходы своих войск¹¹⁵⁵.

В 1893 году Терская область занимала пространство в 52036 кв. версты, на её территории проживало 610773 человека, из которых 125651 принадлежали Терскому казачьему войску. Земли же казаки занимали 18717 кв. версты, то есть более 1/3 общей площади¹¹⁵⁶. К 1 января 1899

года общая численность населения Терской области составляла 903 тыс. человек. На войсковой территории проживало 202 тыс. человек или 22% от общего населения области. Войскового сословия в Терской области насчитывалось 177 тыс. человек или 20% от общего населения области¹¹⁵⁷. Более представительными, чем в среднем по стране, слоем на Кавказе являлись военные. Доля офицеров составляла 0,26% от самостоятельного населения Кавказа по сравнению с 0,16% общероссийских показателей. На Тереке армейские офицеры почти в 10 раз превосходили абсолютную численность аналогичной ставропольской группы¹¹⁵⁸.

В Терской области число станичных школ (72 школы с 3696 учащимися), было меньше, чем в Кубанской (260 школ с 12650 учащимися). Численность населения Терского казачьего войска в 1870 году составляла 60 тыс. человек. На территорию войска приходилось 1949610 десятин земли, из которых: удобных – 1601785, малолудобных – 144424 и неудобных – 203400 десятин¹¹⁵⁹. По сведениям В.С. Кривенко, в 1888 году всё казачье население Терской области составляло 165000 человек. Но так как уже говорилось выше, большая часть статистических сведений о Терском войске была засекречена, о количестве казаков приходится только догадываться¹¹⁶⁰. Даже официальные власти признавали, что казачье население области в среднем было наделено землёй с избытком¹¹⁶¹. Земельный надел казачьего населения, начиная с 11 десятин на душу, доходил до 73,7 десятин. В среднем же он не превышал 21,3 десятин на человека¹¹⁶².

Не смотря на обилие земли, казачье население не особенно хлопотало о хлебопашестве. Самая незначительная часть земель была занята полями. Таким образом, к 1875 году в Старогладовской станице при народонаселении в 1100 душ и наделе в 33000 десятин, обрабатывалось под ячмень и пшеницу всего 430 паёв или участков, следовательно, около 200 десятин земли. Главное внимание казаки уделяли виноградарству, которых на дым приходилось около 1500 кв. сажень¹¹⁶³. Казаки в основном практиковали сдачу земли в аренду. Средняя плата сдававшейся в аренду земли в 1903 году в Терском казачьем войске составляла 3 рубля 55 копеек. По сравнению с другими казачьими регионами, это была самая высокая в Российской империи арендная плата¹¹⁶⁴. Наличие огромных пространств земли стимулировало казачество заниматься скотоводством. В 1867 году богатый казак имел 50 лошадей, средний – 6 лошадей и у бедного казака была только одна лошадь¹¹⁶⁵.

Достаточно сложно оценить степень включения «инородческого» элемента в казачьи слои. В разное время в казаки были обращены грузины, армяне, осетины, калмыки, чеченцы. В казаки были зачислены даже французы, принявшие российское подданство. Гребенцы привыкли смотреть на грузин-казаков и пр., как на миролюбивых и неповоротливых инородцев, которым они издавна покровительствовали и которые «по ошибке зачислены в казаки»¹¹⁶⁶. В XIX веке служба в казачьих войсках стала возможной уже без принятия православия. В них несли службу мусульмане, буддисты, иудеи, язычники, что четко отражалось в годовых казачьих отчетах XIX – начала XX вв. В отчете 1879 года Главного управления казачьих войск Военного министерства отмечалось, что в целом по всем казачьим войскам представители народов составляли 3,6%. Из них евреи – 0,1%, и заметны они были своей численностью лишь в Донском и Кубанском казачьих войсках¹¹⁶⁷. В религиозном отношении, население Терской области делилось почти поровну (к 1 января 1899 г.) между мусульманами (51%) и христианами (48%); в числе последних православных насчитывалось 377 тыс. чел. (42%), армяно-григориан – 14 тыс. чел. (1,5%), лютеран – 8 тыс. чел., католиков – 3 тыс. человек. Также было довольно много раскольников – 35 тыс. человек¹¹⁶⁸.

Интересы Терского казачества на высшем государственном уровне отстаивал уроженец станицы Терской, Сунженского отдела, Михаил Александрович Караулов. Он являлся депутатом 2-й и 4-й Государственной Думы от Терской области. М.А. Караулов получил хорошее образование – окончил Екатеринодарскую гимназию с золотой медалью (1897) и историко-филологический факультет Петербургского университета. Был участником русско-японской войны, вышел в отставку в чине подьесаула (1905).

6 февраля 1907 года Караулова избрали во 2-ю Государственную Думу съездом уполномоченный от казачьих станиц. Он входил в Думе в казачью группу. Однако от выборов в 3-ю Государственную Думу его отстранил генерал-губернатор (впоследствии Правительствующий Сенат признал эти действия незаконными). 20 октября 1912 года его вновь избирают в Государственную Думу. М.А. Караулов являлся одним из основателей имперской народной партии (1914). После октября 1917 года он вступил в управление Терским краем (15.11.1919), встал во главе Терско-Дагестанского правительства. Был убит солдатами, дезертировавшими с Кавказского фронта. По законам о выборах в Государственную

Думу имелись квоты думских мест для казаков. Казачья группа представляла из себя в Государственной Думе межрегиональное сословное объединение депутатов-казаков. Думская казачья группа была официально зарегистрирована как думская фракция. Однако Казачья группа не смогла объединить представителей различных казачьих войск и в апреле 1907 года фактически распалась¹¹⁶⁹. На протяжении всего исторического периода существования казачества, на основе жизненного опыта старейшие казаки выработали своеобразные своды нравственных законов и правил, которых казаки стараются придерживаться и до настоящего времени. Огромное воспитательное значение имеет «Кодекс казачьей чести», представляющий собой религиозно-нравственные заветы:

« – Никогда не считай сына другого народа ниже себя, но будь равно добр и открыт всем. Помни, что по тебе судят о народе твоём. Будь прост, доброжелателен, но не лъстив. Храни достоинство свое, но и не гордись! Всем служи честно. Будь законопослушен.

– Не мсти! Оставляй врага своего на суд Божий. Никогда не воюй со слабейшими. Сразив врага – будь милостив! Помни: храбрые – всегда добрые, потому как они сильные! Прощай врагам своим, не трать своей души на ненависть и зависть. Тогда обретешь Царствие Небесное и Славу в потомках.

– Люби Россию, ибо она твоя Мать и ничто в мире не заменит тебе Ее. Люби свою землю, ибо она – единственный маяк в жизни человека. Соблюдай правила и обычаи своего народа. Никогда никого не поучай свысока, но объясняй и советуй только тогда, когда у тебя совета просят»¹¹⁷⁰.

ГЛАВА IV.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

История столицы Чеченской Республики – города Грозного

Градообразующие процессы на Северном Кавказе были двух типов: образование городов как военных крепостей и как экономических единиц, являвшихся результатом экономического развития. Наиболее ранний путь – формирование крепостей военно-стратегического значения вдоль Кавказской линии, по мере упразднения которой крепости были превращены в города: Грозный, Кизляр, Майкоп, Владикавказ. Лишь Ставрополь сразу был основан как уездный город (1802 г.). К началу XX в. города Северного Кавказа делились на четыре категории: аграрно-торговые (Армавир, Екатеринодар), промышленно-торговые (Грозный, Владикавказ, Новороссийск), портовые (Петровск, Ейск) и курортные. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на Северном Кавказе было более 30 городов¹¹⁷¹.

Быстро выросший в эпоху империализма, город Грозный стал естественным экономическим, хозяйственным центром Чечни. Хотя общепринято считать, что город возник как военная крепость, однако немаловажную роль в его быстром росте по обеим сторонам реки Сунжи сыграли чеченские сёла Гаджи-Аул, Новый Чечен, Бухун-Юрт, Сержа-Гала (Старая Сунжа)¹¹⁷². В письме И.И. Меллер-Закомельскому от 15 декабря 1818 года генерал А.П. Ермолов пишет: «...с чеченцами употреблял я кротость ангельскую шесть месяцев...». 25 мая 1818 года около 5 тыс. 600 человек вступило в пределы Чечни. Время переговоров закончилось. В.А. Потто об этом пишет так: «Ермолов начал с Чечни, расположенной к югу за средним течением Терека. Он начал с того, что оттеснил чеченцев за Сунжу». На ней 10 июня 1818 года закладывается первая крепость Грозная, затем ставшая крупнейшим городом на Кавказе¹¹⁷³. В административном отношении город Грозный стоял во главе Грозненского округа. Хотя он и располагался в котловине, окружённой невысокими горами, высота его над уровнем моря достигала 419 футов¹¹⁷⁴.

В первые годы существования крепости Грозной и ее гарнизона, население пользовалось питьевой водой из колодцев. Она была жесткая, с солено-горьким привкусом. Позже стали пользоваться водой из реки Сунжи, которая в летнее время была с большим осадком глинистого ила и песка, требовала длительного отстоя. В сороковые годы XIX в. жители крепости пили воду родниковую из Алдынских источников – чистую, прозрачную, холодную, без запаха, приятную на вкус. Уровень источника был на сорок метров выше уровня крепости, вода шла самотеком по открытой канаве. В большое половодье 1868 года снова население стала вырывать вода из Сунжи. Ее перевозили в бочках, стоила она дорого – по копейке за ведро. Сунженская вода попадала к грозненцам уже «плохой», содержащей большое количество органических веществ и микробов. Желудочно-кишечные заболевания с высокой смертностью стали для горожан обычным явлением. Особо тяжелая эпидемия холеры разыгралась в 1892 г. Тогда впервые начали изыскания хорошей питьевой воды в Грозном. Их проводили ученые Военно-медицинского управления А.Х. Григорьев и А.А. Штокман. Городская управа долго не в состоянии была построить водопровод. Он был проведен только в 1903 году¹¹⁷⁵.

Город Грозный имел большой шанс стать столицей Терской области. Этого не случилось из-за того, что вопрос о выборе областного центра решался не путём коллективного обсуждения и анализа объективных фактов, а на основе личного мнения начальника Терской области. Кавказская администрация предложила в качестве центра области – крепость Грозную, но граф Н.И. Евдокимов, под давлением начальника области, решил, что им должен стать город Владикавказ, «...который хоть и не центральный пункт области, но зато лежит на главном сообщении Закавказья с Россией». Эта точка зрения была законодательно подтверждена Александром II¹¹⁷⁶.

Газета «Каспий» в корреспонденции «Из Грозного» от 10 декабря 1898 года обращала внимание на то, что «город растёт и застраивается не по дням, а по часам», что «каменные двухэтажные дома с изящными подъездами и архитектурой вырастают как грибы»¹¹⁷⁷. Одной из первых гостиниц Грозного стала гостиница «Франция», где любили останавливаться гастролирующие актёры¹¹⁷⁸. В 1897 году городское самоуправление внесло в городскую Думу проект устройства в Грозном телефонной сети. В конце 1898 года было построено специальное 2-х этажное здание телефонной сети¹¹⁷⁹. Появившиеся ещё во второй половине XIX века в Европе, принципиально новые способы художественного творчества

– фотография и кино, медленно, но уверенно входили в российскую городскую среду. Во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Моздоке появились на рубеже веков фотографические общества и кинотеатры¹¹⁸⁰.

Всего в Терской области на ремонт казённых зданий в 1884 году было израсходовано 2410 рублей, ассигнуемых по смете Министерства внутренних дел¹¹⁸¹. Городская реформа 1870 года заменила сословные органы самоуправления бессословными – городскими Думой и Управой, члены которых – гласные – избирались на 4 года. Новые Думы в стране формировались на основе имущественного ценза по специальным куриям, создаваемым в зависимости от размера уплачиваемого налога в городскую казну¹¹⁸². Должностные лица выбирались на основании имущественного ценза. В 1892 году путём его повышения, дававшего право избирать гласных в городские Думы, было сокращено число избирателей¹¹⁸³. В Терской области «Городовое Положение» было утверждено 11 июня 1892 года и введено одновременно в Георгиевске и Грозном¹¹⁸⁴. В «Положении о городе Грозном» запрещалось принимать в «состояние обывателей Грозного» следующих лиц: «Всех, состоящих под следствием, судом или надзором полиции по делам политическим. Злостных банкротов. Недоимщиков. Государственных переселенцев, направляемых в другие губернии. Состоящих на рекрутской очереди. Временно обязанных крестьян». Для того чтобы приписаться к городу, необходимо было представить увольнительное свидетельство с места прежнего жительства и справку об отсутствии препятствий к зачислению в число обывателей города Грозного¹¹⁸⁵.

В мае 1895 года в Грозном была учреждена городская Дума – распорядительный орган городского управления. Исполнительным органом Думы являлась городская Управа. Возглавлял оба эти органа городской голова, который избирался общим собранием гласных Думы и утверждался начальником области. Избирательным правом пользовались:

- 1) лица, владевшие в Грозном недвижимым имуществом, стоимостью не ниже 300 рублей;
- 2) купцы I и II гильдии, содержавшие торгово-промышленные предприятия не менее года;
- 3) акционерные компании и тресты – через своих представителей;
- 4) граждане, достигшие 25-летнего возраста¹¹⁸⁶.

Городские власти, таким образом, представляли интересы очень незначительной части населения и вели себя соответствующим образом. Уже первый состав городской Думы «прославился» тем, что из город-

ской кассы бесследно исчезли 125 тыс. рублей. Впрочем, разного рода афёрами отмечен весь период существования Грозненского городского самоуправления, например, крупными хищениями из городской казны при постройке зданий женской гимназии и реального училища. В конечном итоге злоупотребления власти также способствовали росту недовольства низших слоёв городского населения¹¹⁸⁷. С 1 января 1877 года в городе Грозном было учреждено уездное казначейство¹¹⁸⁸.

Распространение на окраины империи городского Положения, вводившего дискриминационные квоты для нехристианского населения при выборах в городские общественные учреждения, создавало почву для межэтнических конфликтов¹¹⁸⁹.

В 1893 году последовало решение Гос.Совета о запрещении селиться представителям коренных народов в пределах ряда населённых пунктов, в том числе и в городе Грозном. Этой искусственно созданной препоной администрация пыталась оградить от конкуренции русских предпринимателей, потому что всё выше поднимала голову местная национальная буржуазия. Многие состоятельные чеченцы-предприниматели вынуждены были окольными путями заниматься торговлей и приобретать недвижимую собственность¹¹⁹⁰.

В то же время активно росло славянское население города. С 1862 по 1897 год население Грозного увеличилось в 6 раз. В то же время население Владикавказа возросло всего в 2 раза¹¹⁹¹. В Грозном проживало большое количество военнослужащих, бессрочно – отпускных и отставных чинов русской армии¹¹⁹². Значительный общий рост народонаселения после 1871 г. связан с предоставлением крепости Грозной статуса города и установлением 5-летнего срока, в течение которого приписанным к городу гражданам бесплатно выделялись земельные участки под застройку. Окончание пятилетнего срока и затяжной кризис 1880-х годов отрицательно сказались на численности населения города. Произошел заметный отток жителей из Грозного. По официальным данным 1886 г. население г. Грозного сократилось до 6 214 жителей. Очередной приток переселенцев в Грозный начинает нарастать в 1890-е годы в связи с ростом нефтедобычи. Среди жителей Грозного на второй позиции после русских прочно закрепились горские и европейские евреи.

К 1 (13 января) 1893 г. в Грозном уже числилось 13 588 жителей, из них христиан – 11 691, иудеев – 984, мусульман – 913. На численность чеченцев в Грозном повлиял действовавший в 1893-1901 гг. закон «О восприимчивости горцам, не состоявшим на казенной службе или нахо-

дившимся в отставку (не в офицерских чинах), проживать в городе». Согласно этому закону, в 1894 г. из Грозного выслали примерно два десятка чеченцев и вплоть до 1901 г. запрещали селиться в нем чеченским торговцам¹¹⁹³.

Крепость Грозная была построена на землях чеченских сёл Алды и Старая Сунжа¹¹⁹⁴. В крепости Грозной находились в период Кавказской войны не только рядовые горцы, но и бывшие наибы Шамиля. В начале июля 1859 года, почти за 2 месяца до пленения Шамиля русскими войсками, в Грозную приехал главнокомандующий армией князь Барятинский. В крепости представились ему все старшины и почётные люди из чеченцев. «Странно было видеть здесь некоторые лица, – писал А.Л. Зиссерман, – много лет кряду стоявших во главе наших врагов и ещё несколько месяцев тому назад предводительствующих партиями горцев, как, например: бывший наиб Большой Чечни-Тальчик, Малой Чечни-Дуба, Мечиковской-Эски, Ичкеринской-Умалат и Веденской-Идиль»¹¹⁹⁵.

В середине 70-х годов XIX века в Грозном насчитывалось 11810 строений, в том числе 468 каменных и кирпичных, остальные были саманными, деревянными и турлучными. Каменные и кирпичные дома принадлежали купечеству, в том числе зарождавшейся чеченской буржуазии: А. Чермоеву, Д. Мациеву, Г. Мациеву, Арсамирзоеву, Ш. Чуликову, Эльмурзаевым, Арсанукаевым, Башировым и другим¹¹⁹⁶. С 1874 по 1876 годы в Грозном в 2 раза увеличилось количество торговцев, в 4 раза увеличилось число ремесленников, в 2 раза увеличилось количество рабочих промышленных предприятий и в 2 раза уменьшилось число крестьян¹¹⁹⁷. Количество торговавших в Грозном стремительно росло. Уже в 1896 году в городе насчитывалось 323 торгующих заведений с торговым оборотом на сумму около 2,5 млн. рублей¹¹⁹⁸.

Развитие банковской системы началось с 60-70 годов XIX века, с момента усиления роста денежного оборота и превращения сельского хозяйства в аграрно-индустриальный комплекс. Первый банк на Тереке был открыт в 1865 году¹¹⁹⁹. По предложению М.Т. Лорис – Меликова, первый городской банк открылся в городе Кизляре. На собрании городского Кизлярского общества, состоявшемся 20 июля 1868 года, инициатива начальника Терской области была активно поддержана¹²⁰⁰. 1 февраля 1869 года в столице Терской области был открыт первый общественный банк, а 4 января 1881 года во Владикавказе открылось отделение государственного банка, которое выдавало краткосрочные кредиты¹²⁰¹. На основании высочайше утверждённого 6 февраля 1862 года мнения

Гос.Совета и приговора Грозненского городского общества от 30 сентября 1872 года, в городе Грозном был открыт общественный банк на следующих условиях:

1) Основной капитал банка определялся в 10 тыс. рублей и исчислялся из запасных городских капиталов.

2) Из чистых годовых прибылей от оборотов банка, после покрытия необходимых расходов на содержание банка и отчисления от 10 до 20% (по усмотрению Правления банка) на основании банковского резервного капитала, 2/3 дохода – отделялись в городской бюджет, а оставшаяся 1/3 – присоединялась к основному капиталу банка. Грозненский общественный банк мог осуществлять следующие операции: приём вкладов, учёт векселей, выдачу ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценностей, а также недвижимых имуществ, находящихся в городе Грозном. Банк мог осуществлять покупку и продажу, как за свой счёт, так и по поручению государства ценных бумаг, акций и облигаций, подкреплённых гарантией правительства или городского общества¹²⁰².

Общественные банки Кавказского края, возникшие после 1868 года, в течение 8 лет увеличили свои капиталы с 272 тыс. рублей до 673 тыс. рублей и отчислили в пользу городов более 150 тыс. рублей¹²⁰³. Площадь земель, заложенных их владельцами в банки, с каждым годом в Терской области возрастала. Следует подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX в. заложенных в банки земель в среднем в Российской империи было 17 %, а по Терской области – 38,8 %¹²⁰⁴.

С появлением на территории Терской области коммерческих банков крестьяне получили возможность прибегать к получению кредитов не только для развития своего хозяйства, но и для приобретения земли. Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Русский банк для внешней торговли и другие банки субсидировали как отдельные крестьянские хозяйства, так и местные кооперативные общества, осуществляли залоговые и торговые операции. В начале двадцатого века терские крестьяне начинают все шире использовать банковские кредиты, в том числе и для приобретения земли. Получение кредита происходило, как правило, под залог земельного участка, а согласно действовавшему законодательству, банки не могли принимать в качестве залога участки, удаленные от железной дороги более чем на 20 верст. Так как железнодорожные ветки были проложены в основном на территории Терского казачьего войска, то в менее выгодном положении оказывались как раз чеченцы¹²⁰⁵. Русское дворянство и помещики были против массового переселения крестьян

на окраины империи, считая, что это подорвет их полукрепостнические хозяйства. Основанный в 1882 году Крестьянский поземельный банк сдерживал переселение крестьян, ограничивая выдачу ссуд малоземельным крестьянам¹²⁰⁶.

В 1876 году любители театрального искусства Грозного образовали своё общество. Официальное утверждение «Общества любителей театрального искусства» состоялось 6 октября 1877 года. Первые четыре года после утверждения Устава, дела общества шли блестяще. Спектакли, даваемые любителями, приносили большие сборы. Доходы с каждым спектаклем, которых иногда давалось по 2 на одной неделе, заметно возрастали. Со временем встал вопрос о необходимости постоянного помещения под театр. Десять наиболее активных членов общества взяли в банке заём, в размере 6 тыс. рублей и построили театральное здание (впоследствии оно стало Дворцом пионеров и школьников). В театре ставились любительские спектакли. Собранные деньги шли на погашение ссуды. С середины 1880-х годов здание перешло в собственность общественного собрания¹²⁰⁷.

Грозненский театр постановкой пьес А.П. Чехова и Л.Н. Толстого пробудил интерес к сцене у широкой группы любителей культуры. Любительские театральные труппы возникали в Грозном не только в среде интеллигенции, но и среди рабочих нефтяных промыслов. Любительскими спектаклями в Грозном руководил выдающийся русский актер и режиссер Е.Б. Вахтангов. Он поставил в Грозном пьесу Г. Гауптмана «Праздник мира, или Вольные люди» о распаде буржуазной семьи и пьесу А.П. Чехова «Дядя Ваня». В 1912 г. в Грозном на сцене местного парка был поставлен спектакль «На вечеринке» на чеченском языке, в котором участвовал ведущий, пояснявший на русском языке все, что происходило на сцене. Автором и режиссером этого спектакля был Назарбек Шерипов. Наряду с автором в пьесе выступали три местных любителя-артиста, чеченцы, а также танцоры. По сообщению печати, пьеса была написана великолепным драматургическим языком. К ней проявляли большой интерес и русские, и чеченские зрители¹²⁰⁸. Старший из шести братьев в семье Шериповых – Назарбек, следуя примеру отца, сначала стал офицером. Но в 1904 году, решительно прервав армейскую службу, он полностью посвятил себя театру. Это круто меняло семейную традицию, в то время выглядело крайне вызывающе, но, тем не менее, творческое начало победило. В театральной среде сценические псевдонимы скрывали подлинную фамилию, псевдоним Шерипова был обра-

зован из названия родного села Гаттен-Кале; его знали как Назарбека Гаттен-Калинского¹²⁰⁹.

Задаче приобщения к культурной жизни отвечали и появившиеся музыкальные общества. Особой популярностью в Грозном пользовалось «Общество любителей музыки» при Воздвиженском военном клубе. В дни концертов собирались полные залы. Что касается входного билета, то с согласия всех членов любителей музыки, бралась плата в 50 копеек. Этот факт сделал «входную плату доступной... даже для чеченцев и мелких торговцев»¹²¹⁰.

В марте 1892 года в центре Грозного происходила церемония открытия почтово-телеграфной конторы. В городах телеграф помимо средства быстрой передачи правительственных, коммерческих, частных сообщений служил и для научных целей. В телеграфную сеть включались все обсерватории, по телеграфу передавались метеорологические сводки, прогноз погоды. Помимо основной задачи, телеграфы нередко выполняли и другие функции. Так при почтово-телеграфной конторе в Грозном стала впервые действовать государственная сберегательная касса¹²¹¹. В конце XIX в. в Российской империи было 182 телеграфных станции.

В последние два десятилетия XIX века в России появился телефон. Годом его изобретения считается 1876 г., когда впервые на Всемирной выставке в Филадельфии Грехем Белл, учитель школы глухонемых в Бостоне, демонстрировал изобретенный им аппарат, получивший название телефон¹²¹². Франция была богата традициями по созданию телеграфов разных систем и назначений. По решению Конвента первая телеграфная линия была проведена в 1793 г. между Парижем и Лиллем. В 1795 г. оптический телеграф был установлен в Швеции, в 1803 г. – в Пруссии, в 1834 г. – в Англии, в 1839 г. – в России. Практическое применение телеграфа началось в 1840-е годы. В это время он стал широко известен в Англии (1840), в Германии (1843), во Франции и Америке (1844).

В России первоначально, как и в других странах, телеграф использовался для правительственной связи. В 1847 г. в Тифлис приезжает полковник французской армии Куртижис, который соорудил в Тифлисе первый оптический телеграф. В начале 1848 г. были изготовлены и три оптических телеграфа, которые отправили во Владикавказ и Дагестанскую область. В феврале 1858 г. приехавшие из Петербурга телеграфисты провели испытания полученных из Берлина телеграфных аппаратов, и через три месяца началась эксплуатация первой в Закавказье телеграф-

ной линии. Телеграфная линия Москва – Тифлис была большим шагом вперед, в экономической и культурной жизни Кавказа, хотя первые телеграммы, поступающие в Тифлис из Петербурга и «путешествовали» иногда по трое суток¹²¹³. Во Владикавказе работала телеграфная станция II разряда, а в г. Грозном – V разряда. Из Грозного телеграфная линия шла на село Базоркино и в Хасав-Юрт¹²¹⁴.

Ещё в 1895 году в Грозном открыл своё отделение Азово-Донской банк – самый старый из местных кредитных учреждений. Обладая солидной клиентурой, он работал, по словам отчёта «с хорошей прибылью». Хотя, конечно, «дела» каждого предпринимателя были сугубо личными и охранялись коммерческой тайной, банку удавалось через свою негласную агентуру собирать более или менее точные сведения о состоянии дел их клиентов¹²¹⁵. Банки на Тереке в дореволюционное время развивали очень сильно свои операции – баланс 15 кредитных учреждений (из 21) к началу Первой мировой войны достиг 16 с лишним миллионов рублей, причём источники средств банков на 70 % строились за счёт вкладов и текущих счетов населения и местных учреждений¹²¹⁶.

По правую сторону низовьев Терека находилось до 100000 десятин земли, принадлежавших частным собственникам, где путём покупки с помощью Государственного Крестьянского банка или аренды, поселилось до 2000 дворов русских крестьян и колонистов из внутренних губерний России¹²¹⁷. В поисках выхода из земельного кризиса чеченские крестьяне прибегали к покупке земли, причём очень часто земля приобреталась у своих состоятельных соотечественников. Например, в 1910 году 49 крестьян Грозненского округа в складчину купили 125 десятин у землевладельцев Турловых и Чуликовых. В некоторых случаях крестьяне покупали землю через банк, образуя так называемые «инородческие» товарищества. О том, насколько интенсивно шла в Терской области торговля землёй косвенно можно судить по ссудам, ежегодно выдаваемым на эти цели. Так, в 1908 году 148 человек взяли 14585 рублей на покупку земли, в 1909 году – 221 человек взял 23169 рублей, в 1911 году – 193 человека взяли 27672 рубля. В эти же годы на аренду земли выдали ссуды: в 1908 году – 115856 рублей, в 1911 году – 263787 рублей. Какую-то часть получивших ссуды составляли чеченские крестьяне, но, по всей видимости, очень маленькую часть. Дело в том, что для получения ссуды требовалось предоставить залог, а действовавшие правила запрещали банкам принимать в залог земельные участки, расположенные на расстоянии более 20 вёрст от железной дороги. Чеченцам приходилось

пользоваться услугами ростовщиков, которые давали деньги только на короткий срок. При этом взимаемый ростовщиком процент колебался, по наблюдениям современников, в диапазоне от 25 до 120% в год, а иногда доходил и до 200%¹²¹⁸. Таким образом, население старалось снискать себе средства к существованию, не прибегая к благотворительности или нищенству, которого в Чечне не существовало. Чеченцы, видя в деньгах большую силу – изо всех сил старались добыть их и, главное, сберечь на «чёрный» день. В восточной части Чечни деньги отдавали в долг под 20 – 25% годовых, в высокогорных, недоступных районах ссуда доходила до 40 – 50% годовых¹²¹⁹. В горной Чечне сложилась даже своеобразная система учёта долга и процентов не в деньгах, а в баранах, так называемые «бараньи проценты» – «ваттула». Человек, получивший в долг сумму, оценённую, допустим в 10 баранов, через год должен был отдать 10 баранов и 10 ягнят, через 2 года его долг составлял уже 20 баранов и 20 ягнят, через три года – 40 баранов и 40 ягнят и далее, по нарастающей. Х. Ошаев писал, например, что в горном селе Бавлой жил некий Мухуриев, который взял в долг немного табаку (на сумму 5 копеек) и в конечном итоге оказался вынужденным заплатить за него 15 баранов¹²²⁰.

Очень небольшое количество сельскохозяйственных общин получили ссуду из мелиоративного фонда Министерства земледелия и государственных имуществ, из-за длительной бюрократической волокиты и формальных условностей в процессе получения денег. Многие российские заводы, пользуясь своим монопольным положением, начали сбывать на окраины никуда не годные машины, навязывая их через своих агентов местному населению. Под приобретением сельскохозяйственных машин у этих заводов, банки (зачастую в сговоре с промышленниками) выдавали населению ссуды с долгосрочными льготами по платежам. В результате кавказские земледельцы понесли огромные потери из-за неисправной техники, а также выплачивая банкам процентные ставки и штрафы за несвоевременный платёж¹²²¹.

В городе Грозном действовало также Общество взаимного кредита, во главе которого стояли русские и чеченские капиталисты. В состав Совета входили: Ф.И. Воронов, И.Д. Арсанукаев, М.Т. Мациев, А.Ш. Эльмурзаев, А.А. Вишневский, А.А. Арсамирзоев, Э.К. Медеер и др. Общество взаимного кредита стало популярным в кругах местных капиталистов и в его составе к 1 января 1914 г. насчитывалось 680 пайщиков. В этом обществе состояли крупные промышленники, купцы, землевладельцы и другие собственники. Это общество имело текущие

счета на сотни тысяч рублей в Грозненском казначействе, Грозненском отделении Азово-Донского коммерческого банка, Центрального банка, Общества взаимного кредита в Петербурге – всего на сумму 1,5 млн. рублей. Общий оборот Общества по всем операциям составлял более 30 млн. рублей. Открытие в Чечне банков и других кредитных учреждений усиливало ее вовлечение в экономическую систему России¹²²².

Известно, что уже в первой половине XIX столетия Тифлис превратился не только в административный, но и в культурно-экономический центр всего Кавказа. В Тифлисе печатались лучшие произведения современных передовых общественных деятелей и писателей. В 1883 году в Тифлисе была издана азбука чеченского языка, составленная К. Досовым. Лестно отзывался о Тифлисе Лев Толстой: «Тифлис очень цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом; общество избранное и большое, есть и русский театр и итальянская опера...» В Тифлисской семинарии обучался чеченец Умалат Лаудаев. По его мнению, именно годы, проведенные в Тифлисе, были решающими в его становлении как личности¹²²³.

Медицина

В Терской области в конце XIX столетия гражданского медицинского обслуживания местных жителей практически не существовало. По меткому выражению одного из врачей, Терская область представляла из себя «медицинскую пустыню»¹²²⁴. Хотя население и пользовалось услугами традиционной медицины, но потребность в современном медицинском обслуживании также была велика.

Из-за нехватки медицинских кадров и больниц Россия в тот период стояла на первом месте по смертности среди ее жителей, на Кавказе эта ситуация еще больше усугублялась послевоенным положением¹²²⁵. В 50-60-е гг. XIX века обеспеченность медицинской помощью по всей стране была очень слабой. В Рязанской губернии, например, «аптеки и врачи были почти неизвестны простому народу, который не имел обычая обращаться к ним во время болезней». В 1857 г. в губернии было всего 35 врачей, из которых 10 в Рязани, остальные в уездных городах (население Рязанской губернии в это время составляло около 1,5 млн. человек). В губернских центрах один врач обычно обслуживал 500 и более пациентов, в Туле эта цифра доходила до 2,5 тыс., в Москве составляла более

800 человек¹²²⁶. Профессор Рейп в своей речи о народном акушерстве на III Пироговском съезде врачей (1889 г.), заявил, что «более 90 % всех родов в России проходило без помощи сколько-нибудь сведущей повивальной бабки»¹²²⁷. К 1880 г. в стране насчитывалось 62 постоянных военных госпиталя, 16 полугоспиталей (менее 100 мест) всего на 36 681 койку, а также 153 местных военных лазарета. Загрузка как госпиталей, так и лазаретов в разное время была неодинаковой. Так, в период 1872-1882 гг. свободные места в них составляли от 30 до 50 %¹²²⁸.

О состоянии медицинской помощи позволяют судить следующие данные. В Европейской России в 1892 г. работал 12 521 врач, из них пятая часть служила в военном ведомстве. В среднем на одного врача приходилось 6 450 жителей, а в некоторых губерниях около 200 000, в то время как в Великобритании один врач обслуживал 1 730 человек. Мало-му числу медиков соответствовало незначительное количество больниц – 36 698. Исходя из этого можно понять, почему в России болели и умирали чаще, чем в других странах Европы. Средняя продолжительность жизни в России составляла всего 30 лет. Во многом этому содействовала крайне неблагоприятная эпидемическая обстановка в России. От оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша, брюшного тифа в России умирало людей вдвое больше, чем в Бельгии и Германии. Только в 1895 г. от скарлатины в России умерло 119 256 человек, от дифтерии 174 956, от кори 106 451 человек¹²²⁹.

В 1896 году в Терской области врачебная помощь населению оказывалась 17 лечебными заведениями, в число которых входили два военных госпиталя и шесть войсковых лазаретов и больниц. Было 25 частных аптек. Громадную территорию – четыре округа и четыре отдела – обслуживали 114 врачей, 12 ветеринаров, 341 человек младшего и среднего персонала. За период 1897-1904 гг. численность сельских врачей и фельдшеров на Тереке возросла, соответственно на 30% и 37%. Вместе с тем здесь, как и в других частях региона, отмечалось неравномерное представительство медиков. В начале XX века из тринадцати сельских врачей в горских аулах работало четыре, из 152 фельдшеров в национальных округах – только 35. Таким образом, горцы были слабо охвачены медицинской помощью. В отчете начальника Терской области за 1904 год говорилось: «Окружные врачи исключительно заняты судеб-но-медицинскими и медико-полицейскими функциями, при большом протяжении округов, решительно не имеют времени для подачи необходимой врачебной помощи заболевшим». Относительно квалифици-

рованную помощь горское население могло получить от фельдшеров, однако им не хватало медикаментов, да и фельдшера совершали объезд участка всего несколько раз в год¹²³⁰.

Тяжелым было материальное положение врачей на Кавказе. «Многие врачи, – писал профессор Я.С. Кремянский, – получали на службе такое жалованье, какое получали не ученые специалисты, а многие из неграмотной прислуги, как, например, кучера, дворники и др.». Поэтому, например, вполне понятна жалоба ординатора Тифлисского военного госпиталя А.К. Крайского, который сетовал: «Лучше бы мне быть столяром, чем врачом». Тяжелое материальное положение рядовых военных врачей усугублялось их своеобразным социальным положением. «Поступивший на военную службу врач, – писал известный деятель Кавказской военной медицины XIX века И.И. Пантюхов, – становится, как говорится, ни мясо, ни рыба – ни военный, ни штатский». Врачам присваивали штатские чины, обязанности на них возлагались во многих отношениях одинаковые с кадровыми офицерами, но они были лишены прав последних. Поэтому редко кто из выпускников медицинских факультетов спешил отправиться на Кавказ, где помимо кадровых проблем были и еще весьма существенные профессиональные нагрузки из-за частых войн и вооруженных восстаний¹²³¹.

Состояние медицинского обслуживания в годы Кавказской войны

Во время Кавказской войны Шамиль не препятствовал горцам лечиться у русских докторов. Когда старший сын имама Джемалэддин, вскоре после возвращения из России, тяжело заболел неизвестным в горах туберкулёзом лёгких («чахоткой»). Шамиль послал гонцов в русскую крепость – за лучшим на Кавказе врачом С. Пиотровским, причём трое мюридов остались в крепости аманатами (заложниками). Однако спасти сына Шамиля не удалось, слишком запущенной оказалась болезнь. Дочь Шамиля и его жены Зайдаты – Наджават была больна. Из-за падения в юном возрасте, ее ноги были вывернуты внутрь таким образом, что пальцы обеих ног сходились при ходьбе. С помощью народной медицины Наджават долго лечили, но результатов не было. В Калуге капитан Руновский нашел доктора Корженевского, который взялся за лечение дочери Шамиля. Через 2 месяца ноги Наджават

выпрямились, хотя и не до конца, но ходить она смогла уже вполне свободно¹²³². Если в семье горца ребенок в раннем детстве часто болел, народная медицина предписывала в подобном случае переменить имя ребенка. Так, настоящее имя имама Шамиля было Али, по деду. Но в детстве он был худ, слаб и часто хворал. Родители его, уповая на народное поверье, как самое сильное средство, дали ему другое имя: Шамиль, в честь дяди, брата его матери. К великой радости родителей, маленький Шамиль начал поправляться, а с течением времени стал крепким, здоровым юношей, изумляющим всех своей силою. Отец Шамиля сильно пил. Шамиль объявил отцу, что если он еще один раз услышит насмешки соседей над ним, то на глазах у отца зарежет себя. Дэнгау-Магомед сильно любил сына и бросил пить вино, зная, что Шамиль исполнит свое обещание¹²³³.

В государственном совете имама был специальный отдел, который занимался борьбой с болезнями и эпидемиями (во время войны случались вспышки холеры, чумы и брюшного тифа), лечением раненых, их социальным обеспечением и возвращением в строй¹²³⁴. Однажды Н.И. Евдокимов чуть не погиб, если бы не своевременная медицинская помощь горцев. Прибыв на переговоры в один из дагестанских аулов и собрав стариков и старшин, Евдокимов не заметил, как сзади к нему подкрался горец и кинжалом нанес ему рану в спину. Кинжал прошел насквозь, чудом не задев сердце. Евдокимов, не растерявшись, выхватил шашку, быстро обернулся и одним ударом разрубил горца от плеча до середины груди. Старшины подхватили упавшего Евдокимова и отнесли в ближайший дом. Видя, что ротный фельдшер не знает, как поступить, горцы занялись лечением Евдокимова сами. Они розыскали местного искусного хакима (врача), издалека привезли его и поручили выходить Евдокимова, который очнулся лишь на 3-й день после ранения. Благодаря произведенному лечению и заботливому уходу, Евдокимов уже через два месяца отправился в новую экспедицию¹²³⁵.

Резкое возрастание масштабов боевых действий в войнах эпохи капитализма потребовало от ведущих стран коллективной разработки принципов международного права. В конечном итоге подавляющее большинство правительств крупных государств пришло к соглашениям, что война должна вестись только против армии противника, что ведение боевых действий против мирного населения и лиц, выбывших из строя по ранению, болезни или в результате пленения, недопусти-

мо. Эти соглашения были юридически закреплены в принятой ими 22 августа 1864 г. Женевской конвенции. Об этом историческом событии объявляется личному составу русской армии приказом военного министра № 336 от 14 октября 1867 г. «Приказ о преступлении России к конвенции, заключенной в Женеве и объявлении по этому поводу Декларации»¹²³⁶.

Богатейший опыт народной медицины кавказцев был использован русскими врачами даже в суровые годы противоборства российской армии с горцами. В частности, некоторые народные лекари были приглашены командованием русских войск в 1835 г. в качестве полковых или дивизионных врачей для обслуживания войсковых частей, преимущественно состоявших из кавказцев. Для изучения их приемов к горцам прикомандировывались русские фельдшеры. В 1879 г. А. Крестовский писал, что «...в 1877-1878 г. в Терско-горском полку горцы, отправляясь в поход, брали с собой своих лекарей, которые были весьма искусными в лечении некоторых болезней»¹²³⁷.

Эпидемии чумы, холеры, оспы, тифа уносили тысячи человеческих жизней. Для многих народов Кавказа, эпидемии чумы оборачивались подлинной катастрофой, фактически поставив их на грань вымирания. У ингушей, например, по свидетельству Ч. Ахриева, во время одной из эпидемий «вымерла половина населения Заболевшие, боясь, чтобы их тела не остались не погребенными и не были съедены хищными птицами, отправлялись умирать в каши (склепы)...»¹²³⁸. На Среднем Востоке и в Центральной Азии в ту эпоху эпидемии уносили миллионы человеческих жизней. Некоторые эпидемии на юге России, например, вспышки чумы, медики связывали с хаджем.

В 1897 году при Министерстве внутренних дел создается Особая комиссия по борьбе с чумой. Один из главных вопросов – о паломничестве российских мусульман. Сотрудники комиссии изучают донесения о хадже от российского посольства в Константинополе, от консульств в Джидде, Мешхеде и Багдаде. В Джиду спешно командировуют врачей, каждый из которых готовит самостоятельный отчет. Чтобы дать всестороннюю оценку не только медицинской, но и политической, религиозных сторон паломничества, в Мекку отправляют офицера русской армии мусульманского происхождения Абд ал-Азиза Давлетшина. Его отчет публикуется с грифом «секретно». Это объемный обстоятельный документ, где информация тщательно подобрана и перепроверена. Выводы: при отсутствии реальной эпи-

демической опасности отказаться от запретов и облегчить путь для паломников из России в Мекку¹²³⁹.

В 1911-1912 гг. и в 1917-1918 гг. в Чечне свирепствовали эпидемии холеры. Болезнь эта уносила так много жизней и оставила такие следы в памяти народа, что это отразилось в его поговорках и фольклоре. В селении Старые Атаги уже не хватало мест на кладбище для захоронения всех умерших от холеры в период эпидемии. Селяне заблаговременно раздвинули забор кладбища и расширили его территорию. Проходивший мимо острослов-дубоюртовец заметил это и сказал: «Ну и атагинцы, видимо, не собираются оставаться в этом мире»¹²⁴⁰.

Опасными разносчиками заболеваний являлись крысы. Возникнув в позднем плейстоцене на территории современного Китая серая крыса широко распространилась по всему земному шару, освоив широкий спектр ландшафтов. Пассивному распространению серой крысы до середины XIX века в Предкавказье способствовали передвижения войск со всеми их атрибутами во время длительной Кавказской войны, но, учитывая медленность подобных передвижений и очень малые возможности для расселявшихся грызунов, вследствие редкости и незначительных размеров, благоприятных для них сельскохозяйственных центров, рассматриваемый фактор вряд ли мог играть сколько-нибудь существенную роль в расширении ареала серой крысы. Основные предпосылки для эффективного расширения ареала серой крысы создались на большей части региона во второй половине XIX столетия. В результате интенсивного освоения края, быстрого роста населения, широкого развития земледелия и коренных преобразований естественных ландшафтов грызуны получили оптимальные возможности для успешного заселения новых, обширных участков и районов на территории Предкавказья. Особенно благоприятным для крыс явилось развитие путей сообщения, прежде всего железнодорожного транспорта¹²⁴¹. В целом русская экспансия, в отличие от западноевропейской, не сопровождалась ужасными медицинскими последствиями. Русские расселялись внутри одной экологической системы, где население уже имело иммунитет против тех болезней, которые русские несли с собой. Кроме того, славяне имели многовековые торгово-экономические контакты с кавказскими народами, что также способствовало выработке стойкого иммунитета к опасным «экзотическим» заболеваниям¹²⁴².

Деятельность выдающегося русского хирурга Н.И. Пирогова на Кавказе

В 1847 году находился в Чечне выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов. Первые свои военно-хирургические наблюдения Пирогов изложил в опубликованном в 1849 г. «Отчете о путешествии на Кавказ». Пирогов первый из военных врачей указал на преобладание количества заболеваний в армии над ранениями¹²⁴³. Известно, что Пирогов специально интересовался состоянием медицины у горцев и опытом горских целителей. Как выяснил на Кавказе Пирогов, «...Большая часть военных людей, даже образованнейших военначальников, уверены в необыкновенном искусстве и опытности азиатских скимов (лекарей); напротив, большая часть наших врачей признают их лечение грубо-эмпирическим и недостойным внимания». По наблюдениям Пирогова, ампутации кавказские лекари не делали. Во время войны были случаи, когда воевавшие с русскими чеченцы привозили в госпитали своих раненых, которым они считали нужным сделать ампутацию. Врачи делали операции, и чеченцы забирали своих больных для долечивания¹²⁴⁴. Однажды Пирогов перешел линию фронта, чтобы во вражеском стане провести операцию приверженцу Шамиля. Знаменитый хирург ни на шаг не отступил от врачебной этики, когда оперировал Махулау, хотя тот, отказываясь от помощи, замахнулся на доктора кинжалом¹²⁴⁵.

На Кавказе Н.И. Пирогов впервые в мировой практике применил в полевых условиях эфир для наркоза¹²⁴⁶. В своем дневнике Н.И. Пирогов писал: «1847 года 8 июля я отправился по высочайшему повелению на Кавказ, чтобы испытать эфирование при производстве операций на поле сражения». На Кавказ он привез 30 сконструированных им аппаратов, подающих наркоз, и все раздал кавказским госпиталям. В городе Грозном Пирогов провел ряд показательных операций для армейских врачей. Подвижническая деятельность Николая Ивановича Пирогова на Северном Кавказе продолжалась в течение пяти месяцев – с июля по декабрь 1847 г. За это время он убедился в относительной безвредности эфирного наркоза и возможности его применения в различных условиях¹²⁴⁷. Из 100 операций с использованием анестезии (эфира), 6 было сделано мусульманам (3 мирным и 3 воевавшим). Пирогов объяснял мусульманам, что в склянке с эфиром заключается средство, вдыхание которого переносит правоверных « в рай Магомета, в обитель блаженства и гурий». Раненые, к удивлению Пирогова, не только оказывали

меньшее сопротивление анестезии, чем русские солдаты, но даже с удовольствием вдыхали эфирные пары¹²⁴⁸. Хирург отметил, что наркоз действует на горцев в меньших дозах, возможно, потому, что мусульмане непривычны к употреблению спиртного. На русских солдат сходные дозы эфирных паров производят, наоборот, возбуждающее действие. То есть при обезболивании нужно было учитывать и национальные особенности раненых¹²⁴⁹. Во время боев при взятии села Салты Пирогов с опасностью для жизни провел около 100 операций на раненых под наркозом. Особенно Пирогова поразило мужество горцев. На известного хирурга произвел неизгладимое впечатление тот факт, что горец, которому почти оторвало ногу ядром, вел себя на перевязочном пункте совсем невозмутимо¹²⁵⁰. Следует отметить, что медики обеих воюющих сторон всегда оказывались достойными своего профессионального долга и, невзирая на сложные обстоятельства, проявляли гуманное отношение к страждущим вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности¹²⁵¹.

Талант и способности у Николая Ивановича Пирогова (1810-1881) проявились довольно рано. Уже в 14 лет он поступил в Московский университет, в 17 лет его окончил, а в 1847 году получил звание академика¹²⁵². Пирогову было только 22 года, когда он защитил докторскую диссертацию. К этому времени он произвел уже много операций. Операции Пирогова отличались быстротой выполнения. Он, например, делал операции в десять раз быстрее, чем известный профессор хирургии Мойер. Во время Кавказской войны Пирогов лично провел более 800 операций. Пирогов первый ввел в практику во время Крымской и Кавказской войн такие обеззараживающие средства, как йод, хлорная вода, камфорный спирт и др. Таким образом, новая эра в медицине – применение антисептических средств при хирургических операциях – начинается не с 1867 года, когда были опубликованы английским хирургом Листером его первые взгляды на антисептический принцип в хирургической практике, а с 1863 г., когда была издана монография Пирогова, в которой он рассказывал о способах обеззараживания ран¹²⁵³.

В 1852 году в Российской империи был издан Устав лечебных заведений, введены в действие законы по медицинской полиции и судебной медицине, проявлялась забота о развитии медицинского учебного дела, научном образовании врачебного персонала, расширении врачебной помощи населению, разработке санитарной охраны границ империи и т.д. Но слабость центрального управления медициной и здравоохранением,

вытекавшая, прежде всего из несамостоятельности этого управления и ограниченности средств, становилась все более очевидной. В 1880 году лейб-медик С.П. Боткин предложил учредить специальное министерство для управления здравоохранением, но практических последствий это предложение не возымело. Главным недостатком существовавшей в России системы здравоохранения считалась ее ведомственная разобщенность. Так, например, только в МВД вопросами здравоохранения ведали 8 отдельных учреждений¹²⁵⁴.

Военные врачебные учреждения Терской области

Врачебная часть в Терской области существовала на основе особых «Положений», не соответствующих общим правилам, действовавшим в России. Ввести общероссийское медицинское законодательство в Терской области предполагалось только после образования здесь земских учреждений. До тех пор приоритетным положением пользовались военные лечебные заведения и военные медицинские чины. Немаловажно отметить, что военные госпитали занимались также бесплатным лечебным обслуживанием членов семей военнослужащих (жен и детей до 14 лет генералов, офицеров и других членов, состоявших на военной службе; нижних чинов сверхсрочной службы), а также части лиц гражданского населения, состоявших при войсках и госпиталях¹²⁵⁵.

До революции на Северном Кавказе не имелось ни одного гражданского учреждения, обслуживавшего женщин и детей, ни одного санатория и дома отдыха¹²⁵⁶. До 1869 г. на Кавказе для гражданского населения не было никакого специального учреждения для лечения душевнобольных. В 1869 г. при Михайловской больнице (в г. Тифлисе) было открыто отделение для душевнобольных (гражданского ведомства) на 24 человека. За первое десятилетие в отделении лечилось 415 человек (278 мужчин и 137 женщин). До 1895 г. в Терской области не было ни одного приюта для душевнобольных. Больные жили или в своих семьях, или же их приходилось содержать при полицейских управлениях. Только в марте 1895 г. во Владикавказе был открыт приют на 8 мест. Мужчины и женщины здесь жили в одной комнате, где царил антисанитария. Надзор за больными был поручен двум сторожам; фельдшер по штату не полагался. Однако городская Дума и здесь ввела свои ограничения, она разрешила принимать в приют только душевнобольных города Владикавказа¹²⁵⁷.

Больные, вынужденно отправлявшиеся в Ставропольский госпиталь, по словам доктора Якимова, принимались попросту «из милости». Между тем показатель числа душевнобольных на Кавказе был довольно высок. Так осмотр новобранцев в течение 8 лет (1884-1891 гг.) показал, что на Кавказе из числа 93 332 лиц 205 душевнобольных¹²⁵⁸.

Горцы имели возможность получить медицинскую помощь в военных лечебных учреждениях, госпиталях, как за счет казны, так и за плату. Император, по всеподданнейшему докладу Положения Военного Совета, 15 мая 1858 г. распорядился: «...распространить дарованное горцам на Черноморской береговой линии и в Сванетии право получать врачебные пособия и пользоваться в военных госпиталях на счет казны, на все прочие племена как покорных, так и враждебных нам горцев на Кавказской линии, в Дагестане и Лезгинской кордонной линии и сообразно сему дополнить 935-ю статью III книги IV части свода «Военных постановлений»¹²⁵⁹. В «Положении» военного совета, утверждённом 7 марта 1886 года регламентировался порядок оплаты медицинской помощи на Северном Кавказе. Вот что говорилось в этом документе: «Больные войскового сословия пользуются обслуживанием в войсковых лечебных заведениях бесплатно. На свободные места допускаются лица не войскового сословия как гражданского, так и военного ведомства. Плата за содержание и лечение больных гражданского ведомства взимается в размере, ежегодно определяемом Министерством внутренних дел за пользование в городских больницах»¹²⁶⁰.

Лазареты Терской области принимали на свободные места за плату, утверждённую командующим войсками Кавказского военного округа для гражданских лиц. В Шатоевском военном госпитале были 2 кровати офицерские и 48 кроватей предназначались для нижних чинов. За лечение и содержание гражданских больных в сутки брали 49 копеек, но амбулаторных на лечение не принимали. В Грозненском военном госпитале было 7 офицерских мест и 190 для нижних чинов. В сутки оплата составляла 43 копейки, и здесь ежедневно дежурил врач на приёме амбулаторных больных¹²⁶¹. На территории Терской области действовали лишь пять военных госпиталей: Владикавказский, Грозненский, Пятигорский, Хасав-Юртовский, Георгиевский и две больницы Терского казачьего войска – Наурская и Шелковская.

Приказом военного министра за № 260 от 15 июля 1869 г. было утверждено «Положение о постоянных военных госпиталях», в котором прописывались права и обязанности православных госпиталь-

ных священников, а также отмечалось, что «для больных иноверцев духовные требы исполняются по возможности, духовными лицами их исповеданий, по назначению их духовного начальства». Во втором издании постановлений о военно-врачебных заведениях находим уже правила для погребения больных, умерших в госпиталях, в том числе и в соответствии с религиозными нормами мусульман. В продолжение вышеизложенного, в 1870 г. выходит приказ по военному ведомству за № 368 об отпуске вещей и денег на погребение нижних чинов разных исповеданий, умерших в госпиталях.

Приказом по военному ведомству за № 2 «О вознаграждении духовных лиц иноверческих исповеданий за исполнение духовных треб в госпиталях», от 3 января 1871 г. устанавливалась плата священнослужителям, работавшим в госпиталях, полугоспиталях и госпитальных отделениях за каждый исполняемый ими религиозный обряд. По положению Военного Совета «О производстве жалованья Магометанским священникам, за исполнение в военных госпиталях треб для больных чинов Магометанского исповедания» мусульманским священнослужителям, исполнявшим требы в военных госпиталях, должно было производиться жалованье наравне с еврейскими раввинами, т.е. годовое содержание им определялось на уровне 28 рублей 50 копеек, причем без различия классов госпиталей. 20 апреля 1879 г. высочайше утверждено положение «О производстве вознаграждения духовным лицам иноверческих исповеданий, исполняющим духовные требы для воинских чинов регулярных войск, находящихся на излечении в лечебных заведениях казачьих войск». Следует отметить, что организация похорон являлась основной причиной привлечения мусульманского духовенства в военно – врачебные и военно – тюремные заведения. В 1901 г. приказом по военному ведомству за № 435 утверждаются правила погребения умерших от чумы, отдельный пункт которого содержал «Особые правила погребения умерших от чумы магометан». Здесь, в частности, особое внимание уделялось ритуальному омовению умершего и порядку его захоронения¹²⁶².

6 августа 1865 года императором Александром II было утверждено «Постановление об управлении медицинской частью в отделах Кавказского края». Согласно этому «Постановлению», медицинскими учреждениями в Терской области заведовал старший доктор, который назначался военным министром. Старший доктор пользовался правами командира полка и исполнял обязанности войскового доктора Терского казачьего войска. Он ежегодно осматривал все врачебные учреждения,

осуществлял надзор за гигиеной в войске и в казачьих поселениях. По высочайше утверждённому 2 сентября 1865 года штату управления Терской области в каждый из 8 округов было назначено по одному старшему лекарю. Жители отдалённых аулов большей частью пользовались услугами этих лекарей и фельдшеров, когда они посещали сёла.

В связи с преобразованием управлений Терской области на основании высочайших указов от 30 декабря 1869 года, окружные врачи в области, состоявшие по штатам бывшего Кавказского горского управления, были переименованы в уездных врачей и причислены к гражданскому ведомству. То же самое произошло и с ветеринарными врачами. Многие из них, прослужив в военном ведомстве от 10 до 20 лет, лишились уже заслуженных ими преимуществ военно-медицинской службы. Медики военно-врачебного управления, перейдя в гражданское ведомство, теряли право на получение пенсий из эмеритальной кассы военного ведомства, куда они ежегодно отчисляли из своих окладов 6% денежных средств. В связи с этим медики стали оставлять свои гражданские должности и, в массовом порядке, самовольно возвращаться в военное ведомство, в результате чего медицинское обслуживание в области ещё более ухудшилось. 26 ноября 1874 года император утвердил «Положение» – «О предоставлении уездным и ветеринарным врачам Терской и Кубанской области, прослужившим не менее 10 лет в военном ведомстве, некоторых прав военно-медицинской службы». По этому «Положению» врачи могли получать пенсии в военном ведомстве¹²⁶³.

Общесвенные и отраслевые врачебные заведения

27 июня 1867 года во Владикавказе, благодаря содействию городского общества и частным пожертвованиям, была открыта общественная бесплатная «Михайловская» лечебница для приходящих больных. В Терской области функционировали также ведомственные лечебницы. Острая потребность в их открытии возникла после неоднократных отказов военных госпиталей и больниц принимать гражданское население. К 1895 году из всех медицинских учреждений Терской области к Чечено-Ингушетии относилась только городская больница на 15 коек в г. Грозном, больница Терских нефтепромышленников на 40 мест, лечебница Кизлярского благотворительного общества и три покоя Терского казачьего войска на 15 коек. В отчетах начальника Терской

области неоднократно ставился вопрос о необходимости устройства сельско-врачебной части, проект которой был представлен в 1897 году, но за неимением средств не был осуществлен. По проекту признавалось целесообразным открытие больниц в округах с местным населением и безусловная необходимость открытия психиатрической больницы не менее чем на 120 мест¹²⁶⁴.

Нефть и нефтяные промыслы были тесно связаны с медициной. Интересно, что кавказское руководство первоначально заинтересовалось нефтью как лечебным средством. Так, в 1847 г. наместнику на Кавказе был доставлен фотоген, произведенный братьями Дубиниными, на экспертизу. Наместник его передал управляющему медицинской частью на Кавказе, Эрсту Андреевскому. Он дал следующее заключение: «Мое мнение было, что нефть имеет большую будущность; требование белой нефти для аптек, вероятно, со временем увеличится, а техническое употребление оной будет еще важнее»¹²⁶⁵. С 16 по 24 июня 1913 г. в Тифлисе проходил XIII Съезд Русских естествоиспытателей и врачей. Для участников съезда, желавших ознакомиться с нефтяными промыслами в Грозном и Баку были организованы специальная экскурсия по маршруту: Тифлис – Елисаветполь – Баку; Грозный – Беслан – Минеральные Воды – Ростов¹²⁶⁶.

На деньги нефтепромышленников в Терской области открывались различные лечебно-профилактические учреждения. Первоначально на Грозненских нефтяных промыслах были открыты приюты – для оказания первой медицинской помощи и амбулатории – для приходящих больных. В этих первичных медицинских учреждениях имелись аптечки, из которых больным выдавали лекарства бесплатно. Со временем обложение нефтепромышленников попутным сбором на нужды отрасли, устройство больниц на нефтепромыслах, согласно «Постановлению» от 12 марта 1897 года, Кавказского присутствия по горнозаводским делам, стало обязательным¹²⁶⁷. По высочайше утверждённому 30 декабря 1876 года «Положению» Гос.Совета, с 1877 года на содержание больниц при Майкопской, Нальчикской и Грозненской горских школах, стали отпускать из казны по 1500 рублей¹²⁶⁸.

Свои лечебные учреждения были и у Владикавказской железной дороги. В 1875 г. на линии Ростов-Владикавказ было 2 участковых врача (в Ростове и Владикавказе), 1 фельдшерский пункт (в Кавказской). В 1879 г. дорога имела 6 маломощных больниц на 140 коек. Одна больничная койка приходилась на 588 железнодорожников и членов их семей. Вра-

чебно-санитарная организация дороги в это время была малочисленной и не могла в должной степени обеспечить выполнение поставленных перед ней задач, а именно: оказание экстренной медицинской помощи при травмах, оказание медицинской помощи в широком плане (с учетом заболевших в пути пассажиров), освидетельствование рабочих и служащих дороги и их переосвидетельствование, прием амбулаторных больных и посещение тяжелобольных на дому, предупреждение инфекционных болезней и борьбу с ними. Из-за недостатка больничных коек в ведомственных больницах госпитализация больных железнодорожников и членов их семей производилась также в территориальные больницы, частные лечебницы, военные госпитали. За лечение железнодорожников в этих больницах дорога вносила соответствующую плату. Стоимость лечения больных в территориальных больницах и частных лечебницах была почти в 10 раз выше, чем в больницах и приемных покоях дороги.

Даже в начале XX века врачебная служба была самой малочисленной на дороге. В 1912 г. численность врачебной службы составляла 409 человек (в сравнении: жандармская служба – 5 752 чел., телеграфная – 967 чел, служба пути – 13 838 чел.). Только в первом десятилетии XX века на Владикавказской железной дороге были введены должности врачей-специалистов: окулиста, отоларинголога, акушера-гинеколога. До 1907 г. на дороге не было зубных врачей. Ни в одной из больниц дороги до 1912 г. не производились рентгенологические исследования. В 1912 г. числилось 134 735 человек железнодорожного населения. Было зарегистрировано 161 447 первичных больных и 400 126 посещений медицинских пунктов. Более чем в половине случаев больные посещали фельдшеров, т.к. врачей было недостаточно (38 на всю дорогу). В 1913 г. врачебная служба Владикавказской железной дороги имела уже 20 врачебных участков, 15 врачебных и 18 фельдшерских приемных покоев с аптеками, 7 больниц на 385 коек, 4 санатория на 130 мест¹²⁶⁹.

Развитие аптечной сети

Наряду с больницами и госпиталями в крае развивалась и аптечная сеть. Больше всего аптек имели крупные населённые пункты Терской области. В Нальчике работали государственные аптеки, которые обслуживали в основном горское население. В казачьих станицах насчитывалось 8 аптек для казаков. Новым явлением на Северо – Восточном

Кавказе было появление «вольных» (частных) аптек. Указ Петра I от 2 ноября 1701 года учреждал первые частные аптеки для обслуживания населения. К 1864 году во всей России без губерний царства Польского насчитывалось всего лишь 962 частные аптеки. Цены на медикаменты в частных аптеках были высокими, поэтому для большей части населения лекарства были недоступны. В 1884 году в Терской области в частных аптеках трудилось 39 человек. За год к ним поступило 21760 рецептов. Общий валовой доход в «вольных» аптеках в 1884 году составил 87758 рублей 11 копеек.¹²⁷⁰ В 1871 году в городе Грозном начала действовать «вольная» аптека А.И. Приса. В данной аптеке имелись все приспособления для хранения, изготовления и продажи медикаментов. При Хасав – Юртовском окружном управлении действовала казённая аптека для бесплатного «пользования больных горцев». В аптеку Веденского округа в течение 1871 года обратилось 2580 горцев, что составило приблизительно 13 человек на 100 жителей. Существовали также «выездные» аптеки, когда медикаменты, навьюченные на лошадей, передвигались от аула к аулу. В 1876 году во Владикавказе работали также «лавки аптекарских вещей».

Из Российских медицинских списков мы узнаем о том, что в 1894 г. в Терской области всего было 23 аптеки, 11 из которых являлись сельскими. В 1900 г. количество аптек в области выросло до 24 (10 – сельские), а в 1910 г. – до 36 (14 – сельские). Для сравнения возьмем, к примеру Калужскую губернию, где в 1894 г. было 20 аптек, из которых 3 сельские и 7 – земские. В Московской губернии насчитывалось 98 аптек, в Ставропольской губернии – 19. На начало 1900 г. в России было 2 148 сельских аптек, 32 гомеопатические аптеки, 134 аптечных отделений и 6 отделений гомеопатических аптек.

19 ноября 1881 г. специальным циркуляром Министерства внутренних дел были введены правила открытия сельских аптек. Согласно этим правилам, сельские аптеки могли открываться в небольших городах, посадах, сельских местечках и деревнях на расстоянии не менее 7 верст (15 км.) от близлежащих аптек. Сельские аптеки должны были иметь в обязательном порядке медикаменты и прочие медицинские товары по сокращенному каталогу, издаваемому Медицинским советом. Сельские аптеки являлись аптечными предприятиями упрощенного типа. В них не предусматривалось устройство аптечной лаборатории, они были вправе отказывать в изготовлении сложных лекарств и в проведении судебно-медицинской экспертизы. Освобождались они и от обязанности иметь

учеников¹²⁷¹. В рассматриваемый период аптекарских учеников обучали при аптеках. Для того чтобы работать самостоятельно, они сдавали специальные экзамены во Врачебной управе. Среди экзаменационных предметов – грамматика, ботаника, зоология, минералогия, арифметика, чтение печатных книг на русском и латинском языках, знание краткого катехизиса, а также специальные дисциплины – фармакология, фармакогнозия, фармация. Таким образом, от учеников требовалось как знание общеобразовательных предметов, так и тех, которые им были необходимы для работы по специальности¹²⁷².

Развитие аптечного дела в России началось значительно позже, чем в Западной Европе. Изначально аптекарями в России, главным образом, были иностранцы. В XIX веке развитие аптечной сети значительно отставало от потребностей времени. В 1841 году в Российской империи было зарегистрировано всего 1289 аптек (казенных и частных), в том числе в Санкт – Петербурге и Москве – 52 аптеки. Можно представить, как обстояло дело с лекарственной помощью на окраинах Российской империи, если в двух ее столицах ощущалась нехватка аптечных учреждений и несовершенство законодательства в этой области. В 1864 году вышли правила открытия аптек: в столичных и губернских городах устанавливались нормы числа жителей, количества рецептов и денежного оборота. Так, на каждую аптеку должно было приходиться: а) 12000 жителей; б) 24000 номеров рецептов в год; в) денежный оборот в 14000 рублей¹²⁷³.

Помимо вольных аптек, в области стало всё больше появляться вольнопрактикующих врачей, работавших по вызову за плату. Сельские общества нанимали медицинские чины для обслуживания населения. В 1884 году в области было 7 врачей, занимавшихся частной практикой и 71 человек на участках, по найму выполняли работу фельдшеров и оспопрививателей. Больные часто жаловались на недоступность медицинской помощи, которая была им просто «не по карману»: «В городе Грозном врачей немало. Но, если вы заболите, если карман ваш пуст, если вы человек бедный и не имеете никакого официального положения в обществе, тогда.... Зачем слова? Даже доктор Канонов сам разоблачает своих сотоварищей в негуманном отношении к своим пациентам»¹²⁷⁴. Значительную роль со временем стали играть частные медицинские учреждения. Так, в 1897 году в Грозном открылась частная женская больница с родильным отделением, созданная двумя молодыми врачами – А.Ф. Рогожкиным и В.П. Шаковым. При больнице имелась даже собс-

твенная карета скорой помощи. Учитывая высокую стоимость пребывания в больнице (от 2 до 7 рублей в день), пользоваться ее услугами могли только состоятельные семьи¹²⁷⁵. В 1876 году в Терской области насчитывалось всего 14 врачей гражданского ведомства, 3 ветеринарных врача и 10 «повивальных бабок» на полумиллионное население. В каждом округе было по одной аптеке для горцев, которые снабжались за счёт казны. К 1884 году число гражданских врачей в области увеличилось до 52¹²⁷⁶.

Минеральные источники Терской области

Для оздоровления чеченцы часто использовали многочисленные реки и минеральные источники, расположенные на их земле. С давних времен больных чесоткой народные лекари рекомендовали купать в реке Аргун, вода которой была насыщена серой¹²⁷⁷. Чтобы вода минеральных источников оказывала максимальный эффект в лечении всего организма, горцы рыли специальные бассейны для омовения, а также часто использовали минеральную воду в домашнем обиходе. Горячие источники располагались рядом с сёлами: Умахан-Юрт (температура воды от +49 до +50 градусов), Старый Юрт (+71 градус), Чири-Юрт (+45 градусов). Мамакай-Юртовские воды («Теплицы Св.Павла») располагались в 20 верстах к северо-западу от г. Грозного, в пустынной, безводной местности. На Южном склоне Терского хребта, напротив Старых Промыслов был расположен аул Мамакай-Юрт. В районе этого селения, в Мамакаевской балке, существовало до восьми горячих и холодных минеральных источников (солёных и пресных). Эти горячие сернистые источники имели температуру от 5 до 79 градусов. Поток воды от этих источников приводил в движение две мельницы¹²⁷⁸. Мамакай-Юртовские источники содержали нефть. Мамакаевские источники находились в Кизлярском отделе Терской области, в 15 верстах от г. Грозного. Здесь располагались две деревянные ванны и домик для сторожа. Горячие Мамакаевские сернистые источники имели слабые выделения сероводорода (температура от +32 до +46 градусов). В 3-х верстах от г. Грозного располагался Баталинский источник, с горькосолёной водой¹²⁷⁹. Зибир-Юртовские («Константиновские») источники располагались в 40 верстах к западу от Горячеводска, в тесном ущелье отрогов Терского хребта. Эти пять минеральных источников (+27,5 градусов) имели щелочную реакцию и содержали сероводород и нефть. В Сунженском отделе Терской области

близ станицы Аки-Юрт находился холодный сернистый источник под названием «Кульки-Боси». Его вода была прозрачна, с сильным запахом сероводорода. В ½ версты от села Исти-Су располагались Истисуйские источники (+ 75 градусов). Эти источники разделялись на восточные и западные. Источники западной группы находились в 2-х верстах к западу от села и содержали значительное количество сероводорода. Из двух групп минеральных вод только восточная служила для купания. Горячий Ойсунгурский источник находился в 3-х верстах от села Исти-Су¹²⁸⁰. В Грозненском округе, близ села Башен-Кале, на левом берегу реки Чанты-Аргун располагался сернистый минеральный источник¹²⁸¹.

Брагунские источники («Воды Св. Петра») были одними из самыми горячими на Северном Кавказе (+73 градуса). Эти источники находились в 25 верстах от Горячеводских источников. Исток источников был отделан камнем и часто посещался горцами¹²⁸². Вода Брагунских источников была железистой, с примесью серы, отчего её русло было окрашено в ярко-оранжевый цвет. Минеральная вода истекала из грота, где было отверстие, через которое и проникали больные, желающие попариться, предварительно заслонив наружное отверстие буркой. Брагунские источники в конце XIX века принадлежали князю Таймазову, который устроил 10 номеров с ваннами для омовения и построил жилые помещения для проживания больных. Оздоровляться на эти источники приезжали преимущественно горцы Терской и Дагестанской областей. Благодаря дешёвой плате – от 20 до 40 копеек за номер с ванной, число желающих купаться значительно превышало число помещений. Продукты закупались на хуторе князя Таймазова по очень низким ценам. В некоторые месяцы больных пребывало несколько сотен человек¹²⁸³. В 1928 г. курорт Брагуны с температурой воды + 91 градус по дебету воды занимал первое место не только в СССР, но и во всей Европе – до 200 000 ведер целебной воды в сутки¹²⁸⁴.

Михайловские и Слепцовские минеральные источники принадлежали военному ведомству, которое возвело здесь постройки для купален и ванн. Военные использовали воды для лечения огнестрельных ванн, сифилиса, золотухи и ревматизма. Однако затем источники были переведены в гражданское ведомство. Купальни и ванны стали разрушаться, и к 1875 году на Михайловских и Слепцовских минеральных источниках лечение уже не производилось¹²⁸⁵.

Систематическое пользование Горячеводскими источниками началось с 1849 года, когда в разгар Кавказской войны в Горячеводск был

направлен транспорт больных из Грозненского военного госпиталя. В 1850 году на минеральных водах Горячеводска было открыто отделение Грозненского госпиталя для лечения офицеров и нижних чинов Кавказской армии. Лечение проводилось в условиях военной обстановки, под охраной нескольких рот солдат. Было устроено приспособление для принятия паровых ванн в виде домика над источником, пары которого проходили через отверстия в полу. Жили больные в шатрах. В 1851-1852 гг. была устроена третья ванна, и, вместо шатров для жилья, построены деревянные бараки на 420 человек.

С 1886 года по инициативе Кавказского окружного инспектора лейб-медики Реммерта был проведен ряд работ по благоустройству курорта: выстроено новое ванное здание, устроены холодильники, вымощены и отделаны пруды, разбит парк. Здесь был образован специальный военный курорт для лечения солдат и офицеров на 325 человек. Прекрасный водопад горячей минеральной воды наполнял вымощенный пруд. В 1914 году курорт посетило более 8 тыс. человек. В яме, наполненной минеральной водой, ежедневно принимали омовения около 200 человек. Мужчины и женщины купались вместе¹²⁸⁶. Помимо лечения водами, в Горячеводске применялось довольно своеобразное грязелечение. На расстоянии около 2-х верст от восточной группы источников находилось несколько выходов черной грязеподобной массы. Необходимо отметить, что Горячеводские источники, находившиеся на высоте 213 м., делились на две группы: восточную (Ново-Юртовскую) – 18 ключей и западную (Старо-Юртовскую) – 3 ключа, которые затем сливались в одно озеро¹²⁸⁷. Новоюртовские источники отличались сопровождавшей их лечебной грязью, а Староюртовские источники имели важнейшее бальнеологическое значение. Температура грязи составляла +31 – 46 градусов. Натуральная грязь содержала 68,3 % минеральной воды и 31,7 % твердых веществ. Выходы грязи представляли собой несколько больших котловин, в которых могли помещаться не более 2-х человек. Напор газов и давление грязи снизу были настолько сильны, что находившиеся в котловине люди должны были придерживаться около палки, положенной на край ямы.

Станичники не сдавали в аренду землю иногородним и никому не давали на ней строиться. Этот запрет тяжёлым гнѐтом давил на курорт. В станице казаки сдавали в аренду около 100 комнат для приезжих. Средняя оплата составляла 12 рублей в месяц (1902 г.). Руководство Терского казачьего войска не обращало на военный курорт в Горячеводске никакого внимания¹²⁸⁸. Отделение Грозненского Военного Госпиталя

стало самостоятельной военно-санитарной станцией, открывавшейся на летний сезон и рассчитанной на 20 офицеров и 100 нижних чинов. Кроме того, на лето съезжалось значительное число больных из окрестных областей¹²⁸⁹. На время лечебного курса на курорте открывалась аптека и почта. Лечебный сезон длился до 6 сентября¹²⁹⁰. Многим больным Горячеводские источники подарили излечение. Согласно утверждению доктора И.Кедрова, 69% больных, пользовавшихся этими источниками, выздоровело, и у 19% течение болезни приостановилось¹²⁹¹.

Горячеводские источники так же, как и соседние Брагунские, являются единственными из всех минеральных источников Кавказа, сведения о которых проникли в Россию еще задолго до времени Петра I. Древнейшая география России рассматривает эти два «горячих колодезя», как настоящие притоки Терека: «... а ниже Курпы реки 20 верст, пал в Терек с правой стороны колодезь Горячей, а ниже Горячего пала в Терек река Сунжа» («Книге Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 г. в Санктпетербурге. В типографии Горного училища 1627 г.»). Последующие более точные известия о полезных ископаемых и лечебных водах Кавказа относятся к эпохе Петра I. Лейб-медик Г. Шобер по указанию Петра I исследовал и описал в 1717 году горячие минеральные воды, известные под именем «Брагунских» в районе реки Терек. Описание Брагунских (Св. Петра), Терских или Горячеводских (Св.Екатерины) и других источников Чечни были сделаны не только Г. Шобером, но и академиками А.И. Гюльденштедтом и И.П. Фальком. В 1829 году был сделан первый анализ этих источников Р. Германом, а в 1853 году – профессором Н.Н. Зининым. В 1906 году ассистентом Военно-Медицинской лаборатории И.Д. Купцисом были исследованы воды четырёх источников, находящихся на территории Чечни. Вода двух из них была прислана Терским областным врачом из села Калауз, расположенного в 35 верстах от станицы Слепцовой. Доставленные в лабораторию пробы воды были прозрачны, бесцветны и имели слабощелочную реакцию. Вкус – горьковато-солёный. Анализ Купциса показал, что оба эти источника следует причислить к горьким водам, содержащим значительное количество хлористого натрия. Воды двух других источников были получены из сёл генерала Беллика близ Грозного. По данным Купциса, вода одного источника содержала горьковато-солёный вкус, а вкус воды другого источника был более солёный. По своей минерализации вода первого источника считалась одной из богатейших вод в России¹²⁹².

Л.Н. Толстой проходил курс лечения на Горячеводских источниках, и остался очень доволен полученным результатом¹²⁹³. Толстой, побывавший в Горячеводске, в письме к своей любимой тетушке Т.А. Ергольской делился впечатлениями о местных лечебных водах: «Недавно здесь открылись горячие и минеральные источники различных качеств, целебные..., говорят даже, что эти воды лучше Пятигорских...»¹²⁹⁴. Характерной особенностью горячеводских источников являлась их необычайно высокая температура воды (до 88,5 градусов). Температура была настолько высока, что вода доходила горячей до Терека. Из рассказов чеченских старожилов и из описания Горячеводска Л. Толстым, в котором он говорит о мощных потоках горячей воды, с шумом низвергающимся по скалам, видно, что в то время источники были необыкновенно мощные. Старики чеченцы рассказывали, что воды было так много, что пруды, получавшие воду из источников и расположенные в 2-3 км. от них, были настолько горячи, что скот не мог пить воду, и жители Старого Юрта засыпали источник гравием, чтобы уменьшить температуру и иметь возможность получить более холодную воду¹²⁹⁵. Главным недостатком Горячеводска, мешающим его развитию, было отсутствие холодной воды. В радиусе нескольких верст даже если и показывался на поверхности родник, то при расчистке он давал сначала теплую, а затем и горячую воду. Жители вынуждены были пить минеральную воду, которая специально охлаждалась¹²⁹⁶. Радиоактивность Горячеводских вод была незначительна. Несмотря на малую радиоактивность и слабую минерализацию вод, при лечении ими больных получались поразительные результаты, о чем свидетельствовали не только окружающие жители, но и отчеты врачей. По замечанию современника: «Этот факт только подтверждает, что в водах есть еще кое-что, чего мы не знаем.... В прежние время немцы приписывали необъяснимую причину хорошего действия своих вод так называемому духу источников, возможно и нашим водам это присуще»¹²⁹⁷.

Кавказские целебные воды пользовались большой популярностью. Нарзан с Кавказа уже в 1864 году можно было купить в Москве, в магазине Кистера¹²⁹⁸. Тем не менее, не смотря на такую известность кавказских минеральных вод, из России ежегодно отправлялось на заграничные курорты в начале XX века до 100 000 человек. Российские минеральные источники посещали главным образом только бедные слои населения и военнослужащие, дислоцированные в этом регионе, да и то лишь тогда,

когда больному «другого исхода не было»¹²⁹⁹. Между тем российские источники не только не уступали зарубежным минеральным водам, но часто превосходили их по качественным характеристикам. Всемирно известный хирург Н.И. Пирогов в своем отчете писал, что вода Серноводских источников не уступает по качеству лучшим минеральным водам Франции. Согласно утверждению доктора И. Кедрова, 69 % больных, пользовавшихся этими источниками, выздоровели, и у 19 % больных течение болезни приостановилось¹³⁰⁰. Особенностью Горячеводской воды являлось малое содержание в ней солей кальция и магния и, вследствие этого, ее чрезвычайная мягкость. Весьма интересно в ней было и содержание мышьяковой кислоты в количестве не меньшем, чем в водах знаменитого курорта Баден-Бадена, что придавало ей необыкновенные целебные свойства¹³⁰¹.

К недостаткам кавказских курортов относились: сложное послевоенное положение региона, слабая инфраструктура, истощение минеральных источников. Добыча нефти в зоне Передовых хребтов существенно изменила циркуляцию подземных вод. В результате одни минеральные источники полностью исчезли, а другие источники потеряли свой некогда высокий дебит. В недавнем прошлом (100-200 лет назад) ресурсы минеральных вод в Чечне являлись достаточно высокими. Большинство минеральных источников были термальные и сероводородные. Однако встречались и холодные источники разнородного химического состава. В частности, железистые, серно-щелочные, солено-железистые и щелочные источники имелись на Михайловских минеральных водах. С течением времени полностью исчезли Горячеводские минеральные источники, выходившие на поверхность двумя группами. Другие, также полностью исчезнувшие Мамакай-Юртовские минеральные источники, имели в 1917 г. суммарный дебит 7 500 ведер в сутки при максимальной температуре +69,1 градус, но и эта добыча сошла на нет. В первые годы советской власти были предприняты попытки по восстановлению утраченных минеральных источников, но в условиях нарастающих объемов нефтедобычи в Грозненском промышленном районе они не увенчались успехом¹³⁰².

Термальные минеральные источники были очень полезны и необходимы для лечения многочисленных заболеваний, диагностируемых на Северном Кавказе. В Терской области в послевоенный период были распространены рахит и сифилис, золотуха и кожные нарывы, перемежающаяся лихорадка, ревматизм и глазные болезни. Перепись 1897 года впервые определила уровень заболеваемости у разных народов Российской империи. Была определена статистиками степень распространения слепоты.

На 1000 человек: у чеченцев было 1,25 слепых и 0,96 ослепших. Самый лучший показатель был выделен в стране у кара-киргизов, у них слепых от рождения выявлено 0,48; а ослепших 0,06. Самый худший показатель зафиксирован у чувашей – слепых 11,46, а ослепших 9,26. По высказываниям многих квалифицированных специалистов, степень увеличения слепых напрямую зависела от условий жизни народа. По Первой всеобщей переписи, на 1897 год у чеченцев было 118 слепых мужчин (25 от рождения, 93 ослепших) и 154 слепых женщин (36 с врождённой слепотой и 118 с приобретённой). Также было подсчитано число глухонемых чеченцев – 50 мужчин и 40 женщин; немых – 20 мужчин и 24 женщины; а также умалишённых – 89 мужчин и 37 женщин. Это довольно низкие показатели по отношению к многотысячному населению Чечни¹³⁰³.

Врачи, курирующие детство, всегда отмечали особую ранимость здоровья детей кавказских народностей (чеченцев, ингушей в частности) в период их учебы во время отрыва от родных условий жизни, при их недостаточной подготовленности к новым бытовым условиям и к новой работе, особенно в «толще городского населения». Врачи указывали, что неуспешное обучение детей в школах в 73% зависит от наблюдаемых болезненных явлений. На каждые 3 случая смерти в школьном возрасте один приходился на туберкулез¹³⁰⁴.

Возможности получения медицинского образования на Кавказе

На Тереке отмечалось неравномерное представительство медицинского персонала в казачьих отделах и национальных округах. В начале XX века из 13 сельских врачей в станицах работали 9, а при округах только 4; а из 152 фельдшеров в национальных округах – только 35. Если в отделах врач обслуживал территорию с 68 тыс. населения, а фельдшер – 5 тыс., то в округах плотность медицинских работников была намного меньше: в аналогичных показателях – 108 тыс. и 15 тыс. человек. Таким образом, горцы являлись самыми необеспеченными по медицинскому обслуживанию. Это вынуждено признавали и представители царской администрации¹³⁰⁵.

В начале XX века для подготовки средних медицинских работников на Дону и Северном Кавказе работало четыре медицинских учебных заведения (в Новочеркасске, Ростове – на – Дону, Екатеринодаре, Ставрополе),

что позволило выпустить около 800 медиков, среди которых были и первые фельдшеры из числа северокавказских народов. Выпускники, как военных, так и гражданских фельдшерских школ, получившие образование бесплатно, должны были несколько лет отработать в лечебных учреждениях губернии или области. В 1851 году по инициативе штаб-лекаря И.С. Костемерецкого в дагестанском ауле Большой Джэнгутай была открыта медицинская школа, в которой обучались помощники фельдшеров. Число стремящихся получить медицинское образование было столь огромным, что полковой командир выделил для школы новое помещение, т.к. старое уже не вмещало всех желающих. Всего было отобрано для обучения 30 человек. Помимо специальных знаний, дети обучались русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, истории, географии; узнавали об изготовлении стекла, бумаги, устройстве железных дорог и т.п.¹³⁰⁶. Горцы, проживавшие в Терской области направлялись для обучения в ремесленную и коновальную школы во Владикавказе и Тифлисскую фельдшерскую школу, а также причислялись к различным лечебным заведениям для обучения фельдшерскому искусству и оспопрививанию. Как отмечено в отчете наместника на Кавказе, вел. кн. Михаила Николаевича, «во всех этих заведениях горцы по большей части отличаются способностями, охотою к учению и хорошим поведением. По успехам они в общей массе не отстают от русских мальчиков и очень многие из них первенствуют...»¹³⁰⁷.

В конце XIX века горцы получили возможность получить высшее медицинское образование в крупнейших институтах, университетах и академиях Российской империи. Реформы 60-х гг. коснулись медицинского образования. Согласно университетскому уставу, в каждом из вузов должен был быть медицинский факультет. На медицинских факультетах работало больше кафедр и преподавателей, чем на других факультетах. Медиков обучали пять лет (по остальным специальностям срок подготовки не превышал четырех лет), за слушание лекций взимали плату: в столичных вузах – по пятьдесят рублей в год, в прочих – по сорок¹³⁰⁸. Горцы посылались для получения высшего медицинского образования в Медико-хирургическую академию, на медицинские факультеты университетов и других учебных заведений. В 1868 г. 1 горец-мусульманин, а в 1869 г. уже 4 горца – поступили на медицинские факультеты¹³⁰⁹.

Обучение специалистов в собственных учебных заведениях позволило приблизить медицинскую помощь к населению, обеспечить снижение заболеваемости и смертности¹³¹⁰. Удельный вес горцев среди медперсонала равнялся порядка 11-13%. Исключение представлял

лишь Хасав-Юртовский округ, где преобладали представители горских народов: чеченцы, кумыки, лезгины¹³¹¹. Первым чеченским врачом, имевшим высшее образование, стал уроженец селения Гойты Магомет Ахтаханов. В семь лет он сдал экзамены в Ставропольскую гимназию. На собранные населением средства он обучался на медицинском факультете Московского университета, который окончил в 1917 году. В мае 1917 года, получив звание врача, он вернулся в родное село, где не только организовал врачебный участок, но и вел обучение медицинских сестер¹³¹². Однако вскоре тяжелая болезнь оборвала жизнь первого чеченского врача. К числу первых врачей из чеченцев относятся Д. Курумов и Ю.К. Эльдарханов, окончившие в 1928 г. медицинский факультет Российского государственного университета. Гордостью вайнахского народа, первым кандидатом медицинских наук стала врач Асият Идрисовна Тутаева, окончившая в 1928 г. медицинский факультет Северо-Кавказский государственный университет в городе Ростове-на-Дону. Работая на кафедре микробиологии I Ленинградского медицинского института, она осуществляла большую научную и педагогическую работу. В октябре 1944 г. врач А.И. Тутаева была схвачена фашистами и повешена в села Колодина Вишневецкого района Тернопольской области¹³¹³.

Сельское хозяйство являлось основной отраслью производства на Северном Кавказе, поэтому особенно актуальным в Терской области было здоровье домашних животных, используемых в животноводстве и земледелии. Нередко от состояния скота зависело здоровье и жизнь населения, т.к. многие болезни были заразными и для людей тоже. В 1883 году из соседней губернии в Терскую область была занесена чума скота, в результате которой было потеряно 2340 голов – 44,5% от всего заболевшего скота. Сибирская язва, благодаря принятым мерам, была только в двух областных округах. Из общего числа заболевшего скота пало 83,5%.

Ветеринарное дело

Юг России и Северный Кавказ всегда отличались высокой заболеваемостью животных и людей сибирской язвой. С 1896 по 1914 гг. здесь зарегистрировано 4916 неблагополучных пунктов, в которых пало более 48 тыс. голов скота и заболело около 12 тыс. человек с летальностью

в отдельные годы до 23%. На территории бывшей Чечено-Ингушетии сибирскую язву начали официально регистрировать с 1879 года. Практическое отсутствие ветеринарного надзора и санитарной просвещенности населения приводило к беспорядочному захоронению трупов павших от сибирской язвы животных, либо выбрасыванию их в балки, овраги, заросли, что способствовало образованию стойких почвенных очагов инфекции. Наиболее неблагополучными по сибирской язве были 1898, 1901, 1908, 1909, 1910 годы, отличавшиеся сильной засухой и неурожаями, что, вероятно отразилось на росте вспышек сибирской язвы¹³¹⁴.

В 1883 году в Грозном и Владикавказе у лошадей был обнаружен сеп. Чтобы избежать эпидемии, лошади были пристреляны. В 1884 году в Веденском округе произошла вспышка ящура. Пало 30% заболевших лошадей¹³¹⁵. Ветеринарной службе в области уделялось совсем мало внимания. На покупку медикаментов для ветеринарной службы Терским областным правлением выделялось в год всего 150 рублей. В 1883 году в городе Грозном возникает организация под названием «Общество покровительства животным». Организатором выступил местный ветеринарный врач. В задачу Общества входило содействие сохранению фауны и «наблюдения за охотой на местную и перелётную птицу и на красного зверя». В прессе, по этому поводу, приводилось мнение, что «...охота во всей области ведётся на таких хищнических началах, как будто имеет цель конечное истребление в области диких животных и птиц...»¹³¹⁶.

Медико-санитарное состояние Терской области

В одной из заметок газеты «Терские ведомости» клеймилось халатное отношение к медицинскому обслуживанию в области: «...Заботы о здоровье целых населений и об оздоровлении станиц в Терской области остаются до сего времени красивыми словами для отчётов и бойких разговоров. Мы не разделяем взгляды тех, которые говорят, что заболеваемость и смертность в станицах и аулах значительно меньше, чем в городах»¹³¹⁷. Эпидемиологическое положение в регионе было довольно сложным и требовало принятия современных медицинских средств, для профилактики и лечения населения. В 1884 году в Терской области разразилась эпидемия натуральной оспы – умерло 505 человек, от скарлатины скончалось 126 человек, от кори умерло 58 человек.

В Терской области наблюдалась чрезвычайно высокая летальность инфекционных больных, являвшаяся следствием исключительно малой эффективности применяемых в то время методов профилактики, диагностики и лечения заболеваний. Так, 1895 г. в Терской области при заболевании оспой летальность составила 18,3 % (2 216 заболевших – 415 умерло); при скарлатине летальность была 18,3 % (1 018 заболело – 259 умерло); при дифтерии 42,2 % (2 146 заболело – 906 умерло); при кори 14 % (891 заболел – 125 умерло); при коклюше 7 % (438 заболело – 31 умер); при тифе (сыпном) летальность составляла 7,8 % (51 заболел – 4 умерло); при брюшном тифе – 13,3 % (110 заболело – 30 умерло); при дизентерии 6,6 % (330 заболело – 22 умерло); при холере летальность составляла 16 % (167 заболело – 27 умерло). Приводимые данные, взятые из официальных отчетов по Терской области, лишь частично отражают истинную эпидемическую заболеваемость населения. Можно предположить, что при существовавшей тогда диагностике множество болезней проходило под другими диагнозами.

С годами летальность от ряда инфекционных болезней не только не сократилась, а даже увеличилась. Так, от оспы в 1895 г. умерли 18,3 % к числу заболевших, а в 1913 г. – 28 %; от сыпного тифа – 7,8 % в 1895 г. и 20,8 % в 1913 г.; от крупозного воспаления легких соответственно 3 % и 10,7 %. Меры по снижению заболеваемости, особенно эпидемической, принимались лишь в случаях, когда эти заболевания представляли непосредственную угрозу обществу. Для предупреждения высокой заболеваемости натуральной оспой широко проводилось оспопрививание. Так, в 1913 г. были привиты против оспы 55 609 детей¹³¹⁸.

Из «Годового отчёта о медико-санитарном состоянии Терской области за 1871 год» мы узнаём о том, что муллы занимались оспопрививанием, лечили горцев в основном «туземные лекари». Село Майсты славилось своими мудрыми лекарями. Майстинцам ещё задолго до появления русских на Кавказе, известна была прививка оспы¹³¹⁹. Х.Д. Ошаев сообщал о том, как в 1925 г. на базарной площади а с. Итум-Кале ему пришлось видеть майстинца, который детишкам прививал оспу. Когда Ошаев спросил лекаря о том, что находится в пузырьке, из которого он делал прививки, тот ответил, что в этой жидкости имеются струппя человека, болевшего оспой. На вопрос, сколько времени держал он струппя в воде и добавлял ли что-нибудь, молодой человек не пожелал ответить (секрет цеха). Издавна детей пугали, что «...майстинец к тебе придет с клещами оспу прививать»¹³²⁰.

Медицинское искусство чеченцев

Искусство трепанации черепа чеченским лекарям было известно не менее 300 лет назад. В 1930 г. в ущелье Малхесты в средневековом некрополе «Цай-пхада», состоящем из надземных склепов, были обнаружены на черепах скелетов явные следы трепанации. Исследователь жизни и быта чеченского народа И. Пантюхов (1901 г.) писал, что «...для лечения болезней в каждом ауле были свои лекари. С давних воинственных времен особенно славятся у чеченцев хирурги... Кроме искусных перевязок ран и вправления вывихов смелые чеченские хирурги делали даже трепанацию черепа. Для этого при ушибах и вдавления черепа, а иногда и просто при беспокойных головных болях, хирурги особым долотом выскабливают череп до самых оболочек мозга»¹³²¹.

Русский врач Н.Дубровин подчёркивал, что «нет ни одной раны, за исключением чисто смертельной, которую бы туземные врачи не вылечили». В народной медицине на свежую рану часто накладывали паутину, которая способствовала остановке кровотечения¹³²². Во многих медресе, по указанию Шамиля, изучали народную медицину¹³²³. У мусульман в Терско – Горском полку, воевавших в русско-турецкую войну 1877-78 годов, был свой мулла, который нёс службу наряду со всеми. Он служил и за медика. Горские врачи очень хорошо лечивали переломы, ушибы, холодные и огнестрельные раны, почти никогда не прибегали к ампутации. Весь секрет счастливого исхода болезни, по их мнению, заключался главным образом в чистом, опрятном уходе за раной. В состав медицинских средств, входили преимущественно, бараний жир и припарки из бараньих внутренностей¹³²⁴. Если в селе не было своего хирурга, то больные всегда обращались к пастухам, т.к. последние разбирались в анатомии, умели ухаживать за больными и травмированными животными. Если хирургические болезни лечили мужчины, то излечением внутренних болезней занимались старые, опытные женщины. Лечение внутренних болезней осуществлялось в основном такими приемами, как кровопускание, вытяжение и массаж головы, тепловые процедуры, прием лекарств и тонизирующих средств, специальная диета или непродолжительное голодание¹³²⁵.

У чеченского народа лекари пользовались всеобщим уважением, а убийство знатока народной медицины считалось тягчайшим преступлением против всего общества. Чеченским лекарям давно было известно использование пиявок, минеральных вод, трав, лечебное питание и

т.д.¹³²⁶. Северный Кавказ издавна являлся географической зоной распространения медицинской пиявки. Пиявки в большом количестве водились в тихих, болотистых местах, где рос камыш¹³²⁷. Лечение медицинскими пиявками использовалось чеченцами при опухолях, отеках, а также при заболеваниях десен, сосудов нижних конечностей. При головных болях ставились пиявки на темя и на затылочную кость¹³²⁸. Белена употреблялась против зубной боли; лук, с жженым сахаром, также лечил зубную боль; черемша помогала бороться с цингой; из желтых цветов альтейского корня делали отвар, которым мазали лоб, щеки при тифе; отвар из дымянки, растущей высоко в горах, клали на раны. Травя володушка применялась при лечении ран. Эту траву пережевывали и клали на рану или порез. Травя володушка была распространена на горных лугах¹³²⁹.

Повсеместно применялись в народе «дикий» методы лечения, основанные на стихийном, случайном опыте. Например, в момент приступа малярии больного неожиданно обдавали холодной водой или бросали за ворот живую лягушку. Внезапное психическое потрясение иногда выводило больного из состояния приступа¹³³⁰. Музыка помогала при лечении больных. Многие европейские авторы обратили внимание на особый церемониал лечения раненых и тяжелобольных у горцев. Вот как описывает И.Ф. Бларамберг эту традицию в отношении раненого: «... в его комнате не должно находиться никакого оружия, а на пороге его дома ставится миска с водой, куда опускается яйцо. Юноши и девушки играют при входе в жилище раненого и поют песни, сложенные в его честь. Этот обычай – производить шум в комнате больного – необходим для того, чтобы изгнать из комнаты злых духов...». Большой популярностью при лечении пользовались танцы и шутки ряженных, клоунов. Обряд с перерывом на световой день длился до тех пор, пока больной находился в опасности¹³³¹.

Выносливость и выдержка, воспитанные суровой жизнью горцев, имели большое значение при производстве операций без обезболивания. Отвлекающую роль играла монотонная мелодия балалайки (дечиг-пондура), которую наигрывали во время операции. Болезнь панариция по чеченски называется «пондур локхург» – заболевание, при котором требуется игра на балалайке (дечиг-пондур). Для успокоения более при панариции приглашался пондурист, который непрерывно играл мелодию – «мотив для излечения». Больной при игре, якобы, чувствовал значительное облегчение. Мотив этот под названием «Мотив для излечения нарыва на руке» был записан композитором А. Давыденко, нотная запись опубликована в 1927 и в 1929 г.¹³³².

Основное направление горской «народной хирургии» – берегательное лечение ранений и переломов, благодаря Н.И. Пирогову – стало достоянием медицинской науки, и некоторые элементы опыта горских лекарей вошли в русскую военно-полевую хирургию. В этом отношении велики заслуги Н.И. Пирогова, который высоко оценил опыт горцев в области лечения огнестрельных ран¹³³³. Во время Кавказской войны врачами были и перешедшие на сторону горцев поляки. Один из них, оказавшийся позже в Нью-Йорке, собрал полученные им на Кавказе знания практического и мистического характера в замечательном труде под названием «Кавказская йога»¹³³⁴. Народная медицина усердно изучалась членами Кавказского медицинского общества. В 1872 году на Московской Политехнической выставке Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при Московском университете, Кавказскому медицинскому обществу был присуждён знак почёта 2 степени за сортировку лекарственных веществ, употребляемых знахарями на Кавказе¹³³⁵.

Чеченцы часто прибегали к помощи молитв при лечении людей. Аллах трижды указал в Коране, что Коран обладает целительной способностью, что Коран является Целителем. Передают, что византийский император однажды пожаловался халифу Умару на не проходящую головную боль. Халиф послал за головным убором. Когда император надел его, головная боль прошла, но как только он снимал его, боль возвращалась. Император был очень этим удивлен. Из любопытства он отогнул полы шапочки и увидел слова Би – сми – ллах, написанные внутри нее. Также из преданий мы узнаем, что один человек, который славился умением лечить зубную боль, жил в Басре. Он никогда никому не открывал своего секрета, чтобы никто не смог превзойти его в искусстве снятия боли. Только на смертном одре он решил передать свои знания. Лекарь написал слова Священного Корана, при помощи которых он лечил людей, взяв за большой зуб большим и указательным пальцами и читая отрывки из Корана¹³³⁶. Согласно суфизму, дело исцеления больного считается самым важным из всего того, что дано человечеству Всемогущим Аллахом. Даже наивысшая самоотверженность в богослужении не дает человеку право рассчитывать на Божие прощение или иную награду; однако есть одно дело, которое Всемогущий Аллах ни при каких обстоятельствах не оставляет без вознаграждения, и это – беззаветная служба больным людям. Для лечения болезней суфии употребляли четыре средства: молитвы, лекарства, совершение предписанного и воздержание от запретного¹³³⁷.

Народный лекарь Муслим Эпендиев из селения Шали, прекрасно знал арабский язык, пользовался при лечении больных арабскими книгами, но больше лечил методами народной медицины, особенно часто применял травы. Очень часто Эпендиев уходил за Терек лечить казаков. Бывал в Червленой, Щедринской, Старогладовской. За свое лечение он не требовал вознаграждения. Муслим хорошо знал владельца Грозненской аптеки Бояржинского, который по его просьбе отпускал ему любые сильнодействующие лекарства по рецептам, переписанным латинскими буквами из арабской книги. Муслим часто лечил больных пиявками, которых сам ловил. Другой лекарь, Исраил Моцахаджиев из села Чир-Юрт избрал своей профессией лечение душевнобольных. Во дворе его усадьбы был построен специальный дом для содержания душевнобольных, где постоянно находилось 15-20 человек. В 1925-1926 гг. Исраил прекратил лечение душевнобольных: на него стали подавать жалобы о том, что он использует больных как батраков¹³³⁸

Сведения о составе медицины и особенностях оказания помощи казакам Терека показал в своих произведениях Л.Н. Толстой. По его наблюдениям фельдшеров и особенно врачей не хватало. Подавляющая часть казаков была вынуждена заниматься самолечением или полагаться на искусство знахарей. В казачьих станицах Терека медиков не было вплоть до 1820 г., и только после рапорта генерала А.П. Ермолова ситуация начала меняться в лучшую сторону. 26 мая 1820 г. генерал Ермолов написал начальнику Ген.штаба: «Казаки на Линии прибегают к старым бабам и разного звания людям, выдающим себя за лекарей, которые почти всегда лишь умножают их страдания и нередко причиняют самую смерть». В том же году состоялось высочайшее повеление о назначении в каждую из поселенных на Линии казачьих частей одного младшего лекаря, одного фельдшера и двух цирюльников. Причем казачьим обществам было предоставлено право самим учреждать у себя военные лазареты, «А построение лазаретных зданий и содержание больных во всех частях как пищею, так и одеждою, лежало на иждивении казачьих войск и полков». Гребенское войско построило свой первый лазарет в станице Червленой в 1828 году и расходовало на его содержание более 2000 рублей в год, не считая дров и питания. Число больных, лечившихся в войсковом лазарете, доходило до 7 000 человек в год. Заведение это не отказывало в приеме больных из регулярной армии, и поэтому после образования Кавказского линейного войска в 1832 году Гребенской лазарет стал получать от казны положенное для лазаретов денежное пособие¹³³⁹.

Тем не менее, не смотря на то, что в начале XIX века стали появляться первые медики и открываться госпитали, казаки и даже офицеры и чиновники продолжали больше доверяться знахарям. Та же ситуация складывалась и у горцев. Интересно, что даже в начале XXI века в Москве отмечался тот же феномен «недоверия медикам». Профессор нейропсихотерапии Медико-психологического центра индивидуальности Евгений Шапошников, среди причин, вызывающих нежелание обращаться к врачам, назвал наиболее часто упоминающееся пациентами сомнение в компетентности доктора, которое не возможно проверить. Многие люди также жаловались на бюрократизм врачей, отсутствие у них элементарной культуры общения и благожелательности. В то же время москвичи охотно направлялись к целителям, «бабкам» и колдунам, у которых находили недостающее понимание и психологическую поддержку¹³⁴⁰.

В лечебной магии вайнахов широко применялись заклинания и заговоры. Чтобы болезнь покинула человека, «ушла» от него, старались «ласкать» ее, задабривать. Таким было и отношение к духу эпидемий и болезней Ун-нана (матери эпидемий). Ун-нана представлялась женщиной невзрачного вида с котомкой за плечами. Болезнь человека считалась признаком присутствия в нем Ун-наны. С уходом же ее болезнь покидала человека. Ун-нана представлялась вечно и всеми недовольной женщиной, угодить ей было почти невозможно. Поэтому схема магических формул была постоянно одной: «ты хорошая, золотая, мы все тебе очень рады, но просим уйти...»¹³⁴¹.

Эпидемии, свирепствовавшие на Кавказе

В XIX веке на Северном Кавказе свирепствовали эпидемии чумы, холеры (1830, 1870, 1892), сибирской язвы, дифтерита (1879-1880) и других опасных заболеваний. В повести Л.Н. Толстого «Казаки» Ерошка вспоминал молодые годы, что пришлось как раз на ермоловские времена и хвастал перед Лениным, как он со своим другом Гирчиком «из-за Тереку во время чумы бурки переправлял», соответственно, тайно, в обход кордонов и оцеплений¹³⁴². Кардоны и оцепления были выставлены не только с военной целью, но и из-за опасности распространения эпидемий в войсках. Для защиты от эпидемий на Северном Кавказе была создана система карантинных. Был утвержден проект

карантинного устава, который должен был служить «с одной стороны усилению безопасности, а с другой к облегчению торговли». Также предусматривалось очищение товаров соляной кислотой и серой. Тщательно был регламентирован порядок прохождения через карантинные кордоны. Проезжавших опрашивали, имеют ли они сведения о наличии заразных заболеваний в сопредельных территориях, откуда они приехали. При этом их показания письменно фиксировались. Выждав определенный срок и подвергнув одежду и товары соответствующей обработке, люди покидали карантин и отправлялись по своим делам. В целом противозидемические мероприятия, характерные для Центральной России, постепенно распространялись и на ее окраины. Так, например, на Кавказе стали создавать специальные карты распространения эпидемий, перемежающихся лихорадок и др. На картах было ясно видно, что опасные болезни распространялись обычно по руслам рек – на юг до Шатоя, на запад до Закан-Юрта, на север до Умахан – Юрта, на восток до Герзель – аула¹³⁴³. При появлении эпидемий устраивались заставы, карантинные, временные лазареты, для того чтобы не допустить распространения болезней. В первой половине XIX века на Северном Кавказе вакцинацию проводили только против одного заболевания – оспы. Перечисленные меры сыграли определенную роль в снижении заболеваемости и смертности населения от инфекционных болезней¹³⁴⁴.

Холера

В XIX веке холера, получившая название «азиатской», трижды посещала Северный Кавказ. До начала XIX в. холера была практически не известна европейцам. Первая пандемия холеры (1817-1823 гг.) поразила Азию и Африку, слегка затронув территорию Российской империи, вторая (1826-1837 гг.) уже охватила все континенты. В июле 1823 г. холера проникла из Персии в Закавказье. Весной 1830 г. холера вновь появилась на Кавказе. Ничем не сдерживаемая, она быстро продвигалась к центру Европейской России. В 1830 г. холера поразила в Российской империи 31 губернию. Заболело 68 091 человек, из которых погибло более половины (37 595 чел.). Под давлением медицинской общественности и нараставшей паники 12 сентября 1830 г. был издан указ Сената «О принятии карантинных мер противу болезни холеры»¹³⁴⁵.

В мусульманских селениях Оренбургской губернии на холеру смотрели как на «кару Божию». Большая часть жителей стойко держалась взгляда на вредность официальной медицины. Такое настроение шло и от населения, и от сельских мулл, которые убежденно отстаивали мнение, что вмешательство врачей недопустимо, ибо жизнью людей волен распоряжаться лишь Аллах. Среди татар и башкир ходили слухи, будто народ отравляют поляки, евреи и доктора, подкупленные поляками и евреями, чтобы в больницах морить людей. Выдавали за достоверное, что каждое утро во все дома будут являться подкупленные доктора и осматривать всех живущих, а если кто и здоров, но доктору покажется больным, его сейчас же посадят в закрытую фуру под конвой и увезут в холерный барак.

Учитывая эти настроения, губернатор обратился к Духовному собранию с тем, чтобы муфтий и заседатели воздействовали на единомышленников. Муфтияту было поручено вести разъяснения среди башкир и татар с тем, чтобы убедить их в необходимости принимать помощь врачей. Решено было также собрать татарских и башкирских детей и послать их в Казань учиться на врачей. Муфтий Г. Габдрахимов разослал фетву, в которой обратился с увещанием, в котором говорилось что «медицина благодарная, поощряемая Богом наука, потому что предмет ее есть человеческое тело, которое по природе для нас важно, ибо в целостности и сохранности оно более всего испытываем нужду». Муфтий соглашался с тем, что медицинская наука по степени необходимости для человека находится на втором месте, уступая богословию и заботе о душе, что является процессом непрерывным и продолжающимся целую жизнь, но необходимо исцелить и организм, что достигается не только молитвами, но и помощью, которую оказывают человеку целебные лекарства и медицина. Факихи говорили: «Изучение медицины является фард кифаба, а для правителя – ваджий. В своем государстве он должен иметь столько врачей, что каждому подданному должен находиться врач на расстоянии одного дневного пути»¹³⁴⁶.

Работа врачей, поддержанная местным духовенством, давала хорошие результаты. В 1848 году в Оренбургской губернии холерой болело 47 397 человек, из них умерло 27 799. Хотя эпидемия продолжалась, в следующем году умерло уже в 3 раза меньше, а к 1850 году в результате массового применения профилактики и вакцины эпидемия совсем прекратилась. Муфтияту приходилось участвовать и в разбирательстве

конфликтов, постоянно возникавших между медицинскими работниками и священнослужителями.. Лекари часто выражали сомнения в пользе применения религиозных обрядов для борьбы с холерой, а некоторые из них обращались к командующему башкиро-мещерским войском, утверждая, что «муллы и другие усердные посетители мечети после вечерней молитвы толпой обходя свои дома, поют до полночи на арабском языке гимны богу (такбир), производя беспокойство, тоску и уныние». Командующий войском генерал-майор Жуковский попросил Духовное собрание запретить подобные обряды в деревнях, где свирепствует холера. Но муфтият от подобного шага решительно отказался, ибо, по словам муфтия, «цель гимнов состоит в том, чтобы располагать сердца поющих и слушающих к усердной молитве Богу для умилоствления ею оного и раскаяния в беззакониях своих»¹³⁴⁷.

В годы эпидемий – 1830, 1870, 1892 – во многих селах на Кавказе болело почти все население¹³⁴⁸. Учитывая негативный опыт предыдущих эпидемий, администрация края уже в 1890 г. для надзора за санитарным состоянием населения Терской области учредила санитарные комиссии, на которые было возложено наблюдение за чистотой домов и дворов, воды, пищи и т.д. В начале июня 1892 г. было составлено для населения «наставление», переведенное на местные и арабский языки, которое зачитывали во всех мечетях. В «наставлении» разъяснялись меры по предупреждению болезни. По распоряжению власти были закрыты все базары. Тюрьмы Шатоя и Ведено освободили от арестантов, в школах были прекращены занятия. Во все участки были разосланы дезинфицирующие средства и медикаменты¹³⁴⁹.

Не смотря на все предпринятые усилия властей, Терская область в холерную эпидемию 1892 г. оказалась одной из наиболее пораженных в Российской империи местностей. Только с 12 июля по 10 августа здесь заболело 24 724 человека и умерло 11 967 человек. Холера повысила существовавшую в крае смертность почти в 10 раз¹³⁵⁰. Из-за малочисленности врачебного персонала в разгар эпидемии, не смотря на самоотверженную деятельность врачей, население Терской области понесло такие утраты, что потребовалось командирование врачей, студентов и фельдшеров из других округов России. В селе Старый Юрт (3 500 жителей), например, был только 1 фельдшер, хотя ежедневно заболевало и умирало до 20 человек. Дезинфекцию вынуждены были проводить сами жители. Больных чеченцы лечили с помощью мяты. Ее обмакивали в воду, кропили ею больных и здоровых, а также натирались свежей мя-

той, и устилали ею постель¹³⁵¹. Опасаясь эпидемии, население Беноя и Дарго ушло в горы, к ледникам.

В войсках Кавказского военного округа первые случаи заболевания холерой появились 14 июня 1892 года. Особенно много больных было в полках, расположенных на Северном Кавказе. Больше всего заболевших холерой было в 79 пехотном Куринском (97 чел.) и в 80 пехотном Кабардинском (81 чел.) полках, квартировавшихся в Грозном и Хасав-Юрте¹³⁵². Эпидемия была занесена в Грозненский округ как приезжими, так и проходившими частями войск: в начале июля прошел из Хасав-Юрта во Владикавказ зараженный холерой Кабардинский полк; в середине июля прошла из Владикавказа в Шуру зараженная 21 артиллерийская бригада; для них жители выставляли подводы. В селе Дарго первый умерший был дагестанец и местные жители не решались прикоснуться к трупу 3 дня, но позже эпидемия здесь также вспыхнула.

В казачьих областях холера появилась 18 июня (ст. Прохладная) и быстро охватила большую часть Терской области. Особенно от холеры пострадали плоскостные села: Старый Юрт, Наур, Зибер-Юрт, Энгель-Юрт, Бачи-Юрт, Кади-Юрт. Заболеваемость здесь была от 6 % до 17 %. Наибольшая смертность наблюдалась в селах: Шали (103 чел.), Урус-Мартан (102 чел.), Автуры (46 чел.), Алхан-Юрт (42 чел.). В особо тяжелых случаях смерть наступала в первые сутки после заражения при полном сознании и сильных мучениях больного. Чаще всего смерть наступала на 4-6 сутки течения болезни.

Эпидемия холеры в Грозненском округе продолжалась 3,5 месяца. Заболело 4 362 чел. (24 на 1 000), умерло 2 862 (16,8 на 1 000)¹³⁵³. Холера быстро распространилась на 106 населенных мест Грозненского округа, с общим числом жителей – 140 802 человека. В начале августа болезнь поразила 19 поселений в Грозненском округе и 2 в Хасав-Юртовском. Дольше всего эпидемия была в селе Старые Атаги (70 дней). Болезнь обошла стороной Аргунский и Веденский округа. В Терской области был объявлен карантин. На всех дорогах стояли вооруженные стражники и из зараженных сел никого не выпускали. На расстоянии 1 версты от города Грозного в поле, установили лагерь для проезжавших, которые обязаны были пробыть здесь на карантине строго определенный срок¹³⁵⁴. Таким образом, эпидемию удалось в какой-то степени локализовать, а затем и полностью ликвидировать.

Борьба с проказой в Терской области

О проказе в Терской области имеются указания еще в литературе XVIII века. По мнению исследователей, она была завезена сюда с Дона и Волги переселенцами. Первые официальные сведения о проказе в Терской области относятся к 1843 году. Первые попытки организованной борьбы с проказой относятся к 1850 г., когда было предложено устроить лепрозорий в станицах Наурской и Горячеводской для изоляции больных всей Терской области. Но фактически был открыт лишь один приют в станице Наурской. Наурская лечебница для прокаженных больных была открыта 6 июля 1850 года. В связи с социальной опасностью заболевания, больных проказой в лечебницу зачастую доставляли насильственно. Прокаженных лечили минеральными водами, мышьяком, ртутью и т.п. Наурская лечебница просуществовала с 1850 по 1872 год; за это время в ней побывало 55 больных (25 муж. и 30 жен.), из которых 46 умерло (22 муж. и 24 жен.), 2 убыло и 7 после закрытия больницы разъехались по домам. В медицинских кругах к этому времени утвердилось мнение о том, что проказа не является заразным заболеванием, в связи, с чем приют и был закрыт, а больные отданы на попечение родственников. Потребовалось более 20 лет для того, чтобы высокая заболеваемость проказой вызвала тревогу правительственной администрации Терской области, и был открыт новый лепрозорий¹³⁵⁵.

После закрытия Наурской лечебницы в Терской области была введена регулярная регистрация заболевания проказой. Как выяснилось, главным очагом распространения проказы, как по количеству больных, так и по давности существования этой болезни, была признана станица Александрийская, где в 1897 г. и состоялось открытие частного приюта для прокаженных. 23 июля 1899 г. распоряжением Кавказского окружного военно-медицинского инспектора врачебное попечение о больных лепрозория и заведывания медицинской частью приюта было возложено на Георгиевского городского врача¹³⁵⁶.

Распространение венерических заболеваний на Кавказе

В начале XX столетия в Чечне фиксировалось большое количество заболевших сифилисом. Этому способствовали широко распространенные тогда такие привычки как коллективное раскуривание «Шамилев-

ского табака», коллективное употребление «сякиз» – «серной жвачки», которая применялась для очистки зубов. Многоженство, частые разводы и повторные женитьбы являлись дополнительными факторами распространения сифилиса. Хотя случаи полового заражения не были единичными, распространение сифилиса среди чеченцев носило в основном бытовой характер. Кроме того, чеченец, служивший в царской армии, мог привезти этот «дар» на родину и передать своей жене. Дальнейшее распространение болезни шло уже в основном бытовым путем. Горский обычай «молочного братства», когда младенец отдавался на кормление чужой матери, также способствовал распространению сифилиса.

В 1925 г. в горной Чечне под руководством Л.Ф. Раухваргера было сделано венерологическое исследование. Венерологическим отрядом в пяти аулах одного Введенского района было осмотрено 898 семей (3 146 чел). В числе осмотренных оказалось семей сифилизированных – 251 (28 %), здоровых – 362 (42 %) и неопределенных – 275 (30 %). Сопоставляя эти данные с данными обследования населения в других аулах, Л.Ф. Раухваргер останавливается на 25 % как на средней цифре, дающей представление о размерах распространения сифилиса в горной Чечне. Подводя итоги деятельности бригады специалистов, он заключает: «Нелишне, в нескольких словах обрисовать отношение, которое выявилось к нашему отряду. Население, жаждущее врачебной помощи, относилось к нам в высшей степени гостеприимно, доверчиво, благожелательно. В речах часто отмечали, что «цари не заботились о Чечне, а вот Советская власть хочет знать, как мы живем, и думает, как нам помочь». Врачам чеченцы вручали «благодарственные адреса», написанные по-арабски»¹³⁵⁷.

Широкое распространение венерических заболеваний фиксировалось и у других народов. Особенное недовольство мусульманского населения Оренбургской губернии вызвали мероприятия властей по борьбе с венерическими болезнями. В 1846 году Духовное собрание согласилось с предложением командующего войсками требовать, чтобы имамы до совершения брака брали у жениха и невесты свидетельства фельдшера или врача, а если те обнаруживали признаки заболевания, регистрация брака категорически запрещалась. Против этого положения выступило и население, и медицинский департамент Министерства внутренних дел. Стали известны случаи, когда имамы заявляли, что будут лично осматривать жителей, собирали с них деньги, а затем исчезали.

Волнения и протесты вызвало обследование мусульманок Челябинского уезда медиками-мужчинами. Рассказывая о произволе, мулла

этого уезда с горечью писал в муфтият, что, «имея от роду семьдесят восемь лет, служа имамом уже тридцать пять лет, такого срамления веры не видел». Генерал-губернатор В.А. Обручев своим распоряжением запретил врачам и фельдшерам самолично осматривать женщин. Если и возникали какие-то подозрения, то освидетельствование разрешалось производить только повивальным бабкам. Позже по просьбе генерал-губернатора, муфтий обратился к единоверцам с фетвой, в которой предлагал родителям вступающих в брак в присутствии приходских имамов и свидетелей удостоверить подписью отсутствие у молодоженов венерических заболеваний. В этой же фетве подчеркивалось, что эпидемия холеры в крае явилась посланием Аллаха за недостойное поведение¹³⁵⁸.

Кавказские медицинские общества

Во второй половине XIX века по всей стране открывались медицинские общества, в этом отношении Кавказ не был исключением. 5 апреля 1864 г. в Тифлисе было основано Кавказское медицинское общество. Инициатор основания Кавказского медицинского общества врач П.И. Соболевский поставил перед обществом задачу «возможно широко распространять медицинские знания среди населения, в особенности санитарии и гигиены»¹³⁵⁹. 66 врачей стали первыми членами новой корпорации. До этого медицина на Кавказе была представлена в основном, военными врачами, обслуживавшими почти сотысячную армию. За 25 лет существования Кавказского медицинского общества число его членов возросло до 500. В числе почетных членов Общества были виднейшие деятели медицины зарубежных стран¹³⁶⁰.

Разрешая основание общества, правительство России преследовало свою цель. Открытие медицинского общества явилось либеральным жестом в адрес кавказской интеллигенции. Кроме того, по Кавказу были разбросаны части армии, которым приходилось жить и действовать в непривычных климатических условиях. Необходимо было изучить местный климат и те заболевания, которые пагубно влияли на здоровье личного состава. Большое значение для распространения медицинской помощи имело основанное в 1893 году Терское медицинское общество, которое ставило целью «способствовать научному совершенствованию врачей Терской области, способствовать, возможно, более широкому

применению медицинской науки на пользу края». При обществе была создана библиотека, а с 1894 г. стали выходить «Записки Терского медицинского общества», публиковавшие рефераты по актуальным проблемам медицины. При содействии медицинского общества в Терской области был изобретен инъекционный шприц с поллой иглой и риханотрефин, которым на протяжении десятилетий пользовались хирурги – отолгии всего цивилизованного мира¹³⁶¹. По инициативе Терского медицинского общества в январе 1911 г. состоялся Первый съезд врачей Терской области, где обсуждалась ситуация с постановкой медицинского дела в области и вырабатывались меры по его улучшению. В то время в Терской области работали такие известные врачи, как К.И. Чудовский, Л.Б. Газданов, К.И. Захаров и др., которые также принимали участие в работе общества¹³⁶².

В начале XX столетия представители грозненской интеллигенции объединив свои усилия, образовали своё медицинское Общество. Учредителями выступили врачи Рутенберг, Смолевич, Владимиров, Копытко, Поляпин, Заградский и провизор Тези. Общество ставило широкие задачи: («...а) изучение города Грозного, округа в санитарном отношении и составление его медицинской топографии; б) изучение условий, под влиянием которых развиваются и поддерживаются в этом городе эпидемические и другие болезни, с изысканием средств к предупреждению и ограничению их; в) соби́рание и учёная разработка статистических материалов о болезненности и смертности; г) устройство публичных чтений и издание популярных сочинений, в видах распространения в народе здравых понятий по гигиене...»). Все новшества в области медицины выносились членами Общества на обсуждение. Организация закупала новые медицинские инструменты, выписывала специальные периодические издания, планировала открыть свою библиотеку¹³⁶³.

Масштабному возникновению общественных объединений второй половины XIX в. способствовало несколько факторов. Основной причиной возникновения общественных организаций в России являлось постепенное упрощение процедуры их открытия. Интересно, что священник Н. Шумовский изучив уставы обществ трезвости в Казани, Тобольске, Одессе, по их примеру открыл Общество трезвости в городе Грозном. Священник проводил беседы о вреде и последствиях пьянства. Первоначально в общество записался 21 человек, затем их число увеличилось¹³⁶⁴.

Следует отметить, что до 60-х гг. XIX в. правом утверждать уставы организаций обладало только правительство, с согласия императора, через предварительное рассмотрение ходатайств Комитетом министров, что, соответственно, затрудняло процедуру учреждения обществ. Исходя из того, что функционирование общественных организаций было выгодно правительству, так как во многом сокращало государственные расходы на социальные нужды населения, начиная с 60-х гг. порядок открытия общественных учреждений начинает упрощаться. К концу XIX в. в России насчитывалось более 100 общественных организаций врачей и медицинских обществ, а к 1905 году их было уже около 130. Инициаторами создания здравоохранительных обществ выступали образованные медики, стремившиеся всеми силами повлиять на улучшение положения здравоохранения в регионе¹³⁶⁵.

ГЛАВА V.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Роль ислама в истории Российской империи

Сила России была в том, что, будучи светским государством, она не подавляла иновере, а сохраняла духовный и социокультурный плюрализм. Русская светская культура, появившаяся в XVIII веке, постепенно превращалась в мощный межнациональный транслятор. В мусульманские районы пришло светское образование в виде русской школы, началось формирование светской культуры, что представляло собой колоссальный исторический перелом, который начался раньше, чем в большинстве стран мусульманской цивилизации. Светская культура создавала условия для формирования гражданского самосознания и гражданского общества, включала мусульман в общероссийскую общественно-политическую жизнь, разрушая замкнутость мусульманского анклава. Становление светской культуры в мусульманских регионах способствовало развитию традиционной культуры¹³⁶⁶. Основные законы империи признавали, что все, не принадлежавшие к господствующей (православной) церкви, подданные России и иностранцы пользуются, каждый повсеместно, свободным отправлением их веры и проводят богослужения по своим обрядам. Признание свободы вероисповедания имеет своим последствием невмешательство светской власти в дело «веры и богослужения», т.е. предполагает неприкосновенность догматической и обрядовой стороны каждого вероисповедания¹³⁶⁷.

Екатерина II именным указом Правительствующему Сенату от 5 мая 1785 года учредила Кавказское наместничество, состоящее из двух областей: Кавказской и Астраханской¹³⁶⁸. Увлечённая западными принципами веротерпимости и следуя насущной необходимости многотысячного мусульманского населения России, императрица в 1788 году учредила в Уфе Оренбургский муфтият. В 1794 году появился второй муфтий – Таврический, в его ведомстве состояли крымские татары. С 70-х годов XIX в. в правительственном политическом лексиконе появилось понятие «мусульманский вопрос», что означало не только признание наличия мусульманских подданных в империи и необходимость их «слияния с коренным населением», но и возникновения в мусульманском мире признаков национального и религиозного «пробуждения»¹³⁶⁹.

Известно, что в 60-х гг. XIX в. в верхах империи обсуждался вопрос о целесообразности упразднения существовавших мусульманских духовных правлений и введения «прямого русского управления» духовными делами мусульман. Сторонником этой точки зрения был тогдашний оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, противником – министр внутренних дел П.А. Валуев, чье мнение в конечном итоге и возобладало¹³⁷⁰. В 90-х годах XIX века правительственной комиссией по татарским делам, образованной при МВД был поставлен вопрос: учреждать ли в России третьего муфтия – во Владикавказе? Представители мусульман Терской области на своем съезде признали желательным: скорейшее учреждение на Северном Кавказе, в г.Владикавказе, мусульманского духовного правления, состоящего из муфтия и четырех членов-советников; признали необходимым подробно разработать порядок выбора этих лиц, очертив их компетенцию, права и обязанности; учредить на средства казны мусульманский духовный семинарий, для подготовки образованных мулл с преподаванием предметов исламской религии и светских наук на арабском и родном языках с параллельным преподаванием на русском языке. С данными предложениями представители мусульманского сообщества в 1910 году обратились к Кавказскому руководству¹³⁷¹. Однако этот вопрос так и остался открытым, т.к. многие российские деятели считали, что открытие муфтиятов было важной государственной ошибкой, т.к. в этом случае русское правительство само поддерживало антирусские элементы в России¹³⁷².

Интересно, что в схожем положении находились и христиане Терской области. Первоначально они (по духовным делам) находились в двойственном подчинении – епископу Кавказскому и экзарху Грузии. В 1870 г. наместник на Кавказе в рескрипте на имя Синодального оберпрокурора указал на неудобство такого положения и предложил учредить Владикавказскую епископальную кафедру. Высшие власти согласились с этим мнением, задержка вышла из-за отсутствия необходимой суммы денег в Министерстве финансов (10 тыс. руб. – одновременно и по 5 тыс. руб. ежегодно). В конце концов, Владикавказская епархия была образована, завершив этап двойственного подчинения христиан Терской области¹³⁷³. О том, что законодатели при проектировании российских муфтиятов имели перед собой образ Русской православной церкви синодального периода, говорит известное количество явно не случайных совпадений в частных правилах имперского законодательства о культах. В частности, в 1886 г. постановлением Государственного Совета коли-

чество «прихожан» при одной пятничной мечети было определено в 200 человек (м.п.). Ранее оно составляло 150 человек, точно также, как Петр I, пытаясь сократить численность духовенства, определил минимальное число прихожан для одного православного прихода¹³⁷⁴.

Жизнью мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 году Суннитские и Шиитские духовные управления, подведомственные царской администрации края. Центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российских мусульман, по-прежнему оставался Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел¹³⁷⁵. А.И. Ногманов, казанский учёный, даёт детальную периодизацию истории взаимоотношений между царизмом и исламом в России. Он выделяет 50-60 гг. XIX – 1917 г. как период «цивилизованного» или скрытого отрицания ислама. Отрицание отныне было не столько законодательного, сколько идеологического плана. «Цивилизованность» выражалась в завуалированности действий властей, в создании системы правовых ограничений для мусульман на уровне подзаконных и ведомственных актов. Качественно новый поворот в отношении Российского государства к исламу связан с реакцией российских мусульман на Крымскую войну, усилением отпадения крещённых татар, резким увеличением мусульманского населения империи за счёт новых территориальных приобретений. Со второй половины XIX века ислам начинает рассматриваться уже как сила «опасная» для самой самодержавной власти, единства государства, а не просто как чуждое православному государству вероисповедание¹³⁷⁶. На рубеже XIX – XX вв. империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии». Два последних десятилетия XIX века совпали с царствованием Александра III и первыми годами правления Николая II, стали временем торжества охранительной политики «православно-го консерватизма», попыток «великодержавного» наступления на нравы неправославного населения империи¹³⁷⁷. Российское правительство всячески препятствовало созданию самостоятельного северокавказского мусульманского духовного управления. Когда в 1889 году командующий войсками Кавказского военного округа возбудил перед военным министром ходатайство об учреждении Управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей, ему было отказано ввиду того, что «при таком устройстве муфтий и духовное управление будут затруднять непосредственное воздействие администрации на духовенство»¹³⁷⁸.

Неоднократно высказывались пожелания, как чиновников, так и местных духовных лидеров, об образовании нового муфтията для Северного Кавказа. В 80-х гг. XIX в. был выработан проект «Положения» об управлении мусульманскими духовными лицами у суннитов Кубанской и Терской областей. Текст проектируемого регламента был подготовлен в Тифлисе, откуда поступил в Военное министерство. Главной целью представленного в 1889 г. «Положения», по мнению главы края, было обеспечение таких условий, при которых мусульмане Северного Кавказа были бы «вполне взяты в руки администрации» и оказались бы «отсечены» от суннитов Закавказья. Тем самым, как казалось, решалась важнейшая задача имперской политики в регионе – любыми способами помешать опасному для интересов монархии Романовых объединению мусульман всего Кавказа. «Положение» практически предполагало замкнуть решение всех вопросов на правителе Кавказа, и отсутствовали даже малейшие намеки на необходимость согласования тех или иных проблем мусульманской жизни со столичным МВД. В конечном счете, не поддержало проект А.М. Дондукова – Корсакова и непосредственно ведавшее Кавказом в тот период времени Военное министерство, в итоге чего данный документ не был принят, и все связанные с ним бумаги были отправлены в архив¹³⁷⁹.

В 1890 году Дондуков – Корсаков предлагал создать духовное управление мусульман во Владикавказе. Этот проект был отклонён по настоянию МВД: усиление влияния служителей мусульманского культа уменьшило бы значение русского воздействия на население, духовенство и школы. По мнению министерства, между властями и ими встали бы муфтии и духовные правления. За образование муфтията на Северном Кавказе высказывался и начальник Терской области¹³⁸⁰. Во всеподданнейшем отчёте за 1909 год, наказной атаман Терского казачьего войска писал, что упорядочить религиозный вопрос можно лишь путём учреждения самостоятельного мусульманского духовного управления и семинарии с преподаванием в ней кроме богословских и светских наук на арабском и родном языках, русского языка. На полях данного отчёта император Николай II начертил: «С этим я не согласен»¹³⁸¹. В 1893 году в Военном министерстве возник план переподчинения духовных дел мусульман Северного Кавказа местным не военным, а гражданским властям. Но и этот план не был приведён в жизнь¹³⁸².

Очень неудобным для горцев Терской области было расположение их духовного мусульманского правления. В Закавказье имелось в тот

период Шиитское и Суннитское духовные правления, но ведомство их не распространялось на Терскую и Кубанскую области. Мусульманское население этих областей подчинялось учреждённому в Уфе магометанскому духовному собранию.

Оренбургское магометанское Духовное собрание непосредственно главенствовало над всем исламским духовенством, исключая область Таврического Духовного управления, с центром в городе Симферополе. Западные губернии империи и Закавказье¹³⁸³. Оренбургское магометанское Духовное собрание воздерживалось от управления духовными делами мусульман Северного Кавказа, ссылаясь на то, что последние до сих пор не были переданы в его ведение. По суждению Комитета министров, магометанские приходы на Северном Кавказе и в Средней Азии не состояли в ведении Оренбургского Духовного собрания, как присоединённые к Российской империи после издания закона, определяющего территориальные пределы ведомства Духовного собрания¹³⁸⁴. Сама кавказская администрация не знала, к кому надлежит в случае необходимости обращаться – к муфтию закавказскому или оренбургскому и неоднократно были случаи, что лица, имевшие удостоверения на право занятия должности сельского муллы от Оренбургского муфтията направлялись к Закавказскому муфтияту для выдержки новых испытаний¹³⁸⁵.

Положение мусульманского духовенства на Кавказе

Государственный Совет, рассмотрев в 1894 году представление Военного министерства об устройстве управления мусульманского духовенства на Северном Кавказе постановил, что хотя по действующим законоположениям духовные дела мусульман названного края (Терской области) подчинены Оренбургскому Духовному Управлению, с центром в городе Уфе, но, за обширностью подведомственной ему территории, данное Управление не проявляет своего влияния в отношении Терской области¹³⁸⁶. Таким образом, фактически Северный Кавказ, в духовном отношении, не подчинялся Оренбургскому Духовному правлению, в Терской и Кубанской областях религиозная жизнь находилась под контролем военных¹³⁸⁷.

В Терской области проживали в основном мусульмане-сунниты (шиитов было мало, в основном они появлялись во время сезонных работ). В 1880 году была создана «Карта народностей Кавказа по ве-

роисповеданиям», в которой указывалось, что на территории Терской области находилось 53,11 % (от общего числа жителей) мусульман-суннитов, в то же время православных насчитывалось 39,48 %¹³⁸⁸. Сунниты – приверженцы Сунны (традиции). Суннизм окончательно оформился в X веке, выражая обычаи, теорию и практику большинства мусульманской общины. Это, прежде всего ориентация на умеренную доктрину, являющуюся «золотой серединой». Отсюда и характерный для суннитского ислама прагматизм, установка на узаконение утвердившихся убеждений, обрядов и институтов. Особенность ислама заключалась в том, что он не разделял «духовное» и «мирское», а соединял их в единую реальность, где цель и средства находились в гармонии¹³⁸⁹.

Русский закон создал мусульманское духовенство как сословие: мулл, с правами и обязанностями; установления, чуждые мусульманскому миру, не предусмотренные мусульманским правом (шариатом)¹³⁹⁰(шариат (араб.) – свод мусульманских религиозных и бытовых норм, основанных на Коране и сунне¹³⁹¹). Так, например, муллы и кадии избирались местным мусульманским населением после соответствующего документированного «испытания в вере» и полицейского подтверждения их «лояльности». Утверждались они в должности местной царской администрацией¹³⁹². Права и привилегии легализованной части мусульманской духовной элиты на Северном Кавказе были меньше, чем в Закавказье. Сельские имамы и кадии, за исключением областных кадиев, не имели налоговых льгот. Они не получали прав личного дворянства и звание почетных граждан, оставаясь в податном крестьянском сословии как простые члены сельских обществ¹³⁹³. В российском государстве из мусульманской духовной элиты были исключены руководители-шейхи и члены-муриды суфийских братств Накшбандийа и Кадирийа, которых власти боялись как источника мусульманского повстанчества (мюридизма), с которым они неплохо познакомились как во время Кавказской войны, так и в первые годы после ее завершения¹³⁹⁴.

Не смотря на все предубеждения, царское правительство стремилось привлечь мусульманское духовенство на свою сторону. В этих условиях военным властям на Кавказе, в частности, вменялось: «Начальник не должен вести себя открыто против духовенства: он должен избегать беседы с ним о религии.... Но если обстоятельства поставят его в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их соглашаться с ними во многом даже против собственного убеждения»¹³⁹⁵. Мусульмане в Российской империи владели большой

площадью вакуфных земель. Вакуфные земли – земли, завещанные владельцами особым юридическим актом в вечное пользование каким-либо общественным или религиозным учреждениям с благотворительной или богоугодной целью, так сказать – «в вечный помин своей души». Такого рода недвижимость обычно не отчуждалась никакой властью. Различались три ее вида: вакфы, принадлежавшие конфессиональным учреждениям – медресе, мечетям и т.п.; вакфы, завещанные в пользу рода или потомства завещателя и носившие название «семейных вакфов»; вакфы, завещанные в пользу общественных учреждений для поддержания их исправности (дорог, колодцев и т.д.). Вакуфные земли сдавались в аренду, например, крестьянам за определенную долю урожая. Вакуфными доходами заведовали экононы – мутавалии¹³⁹⁶.

В пореформенный период количество пророссийски настроенных лиц на Северном Кавказе вообще, в том числе и среди мусульманского духовенства, постепенно увеличивалось. Российскую власть поддерживали старшины, представители высших сословий в тех обществах, где была сословная иерархия; состоявшие, как правило, на военной службе в русской армии, а также некоторые мусульманские служители. Этому способствовал усилившийся контроль за совершением хаджа в Мекку, введение экзаменов для мусульманского духовенства, введения правил утверждения духовных лиц российской администрацией. 8 января 1893 года начальник Терской области издал распоряжение «...чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались»¹³⁹⁷. Показателен тот факт, что в соборных мечетях по пятницам, где собирались мусульмане данного поселения и читались проповеди, проповедующему полагалось упоминать имя здравствующего правителя¹³⁹⁸. В 1834 г. Кавказским суннитским муфтием был назначен видный представитель мусульманского духовенства Казани Таджеддин-эфенди, получивший за свою деятельность на этом посту воинское звание капитана. В 1837 г. он обратился к воюющим кавказцам с призывом подчиниться русскому царю. Сопротивляющихся правительственным войскам он называл «не знающими шариата, искажающими сущность учения Пророка Муххамеда, причиняющими вред населению»¹³⁹⁹.

Очерчивая, в 1911 году, важнейшие стороны тогдашней русской жизни, фельдмаршал Д.А. Милютин полагал целесообразным представить лицам «иноплеменного» населения, в том числе и мусульманам, все «общие права по службе государственной и общественной, так же

как и по всем легальным видам деятельности»¹⁴⁰⁰. Однако, в жизни российских мусульмане были лишены многих прав, в отличии, например, от христианского населения страны. Например, необходимо было учредить во Владикавказе духовную семинарию для подготовки кадиев и мулл, с преподаванием предметов ислама и светских наук как на арабском, так и на родном языке, с параллельным преподаванием русского языка. Этого сделано не было¹⁴⁰¹. В то же время христианские духовные семинарии и школы действовали на Кавказе почти повсеместно. На рубеже XIX – XX веков на Северном Кавказе существовало более 2 тыс. мечетей, православные церкви составляли примерно только 20% от общего количества мусульманских мечетей¹⁴⁰².

Чечня славилась учёностью своих мулл, в числе которых были духовные лидеры, известные на всём Кавказе¹⁴⁰³. Мулла обыкновенно договаривался с обществом об исполнении богослужений и других обязанностей на один год, по прошествии которого, по обоюдному согласию, договор мог быть оставлен в силе и на следующий год. Но часто бывало, что обществу не угодил в чём-либо мулла, или мулле не понравилось жить в обществе, и договор терял силу. Насчёт духовенства всё было просто: сегодня ты мулла, а завтра можешь стать простым смертным. В таком случае исполнение обязанностей муллы брал на себя кто-либо из членов сельского общества, знавший арабский язык. Нередко сельский старшина бесплатно брал на себя обязанности муллы.

Мечети являлись особым юридическим лицом. Они владели недвижимым (мечетные загоны и покосы) и движимым (мечетные овцы) имуществом. Население выражало беспокойство – как бы правительство не уничтожило право мечетей на эти земли. По дорогам, вдали от поселений, встречались маленькие молельни, устроенные благочестивыми людьми над родником, выбивающимся из-под земли. Молельни составляли общее достояние. Здесь останавливались отдохнуть и помолиться Богу¹⁴⁰⁴.

До установления российской власти муллы не вели учёта рождённых детей. По распоряжению наместника на Кавказе по мечетям стали рассылаться в 2-х экземплярах метрические книги, куда муллы были обязаны вписывать всех новорожденных. Велись книги на арабском языке, с обязательным переводом на русский язык, засвидетельствованным аульным старшиной. Проверкой метрических книг занимались кадии¹⁴⁰⁵. Кади (араб.) – судья, решавший дела на основе Корана и шариата¹⁴⁰⁶. На кадиях лежало общее наблюдение за духовенством, мечетями и мечет-

ными школами. Кроме того, кадии, как непреременные члены горского словесного суда, решали брачные дела и принимали экзамены на утверждение духовных должностей. В случае обжалования решений кадия или горских судов по религиозным вопросам, эти жалобы сообщались начальником области на заключение Оренбургскому магометанскому Духовному собранию или же Закавказскому суннитскому Духовному правлению и, после получения такого заключения, начальник области выносил окончательное решение¹⁴⁰⁷. Кроме кадиев на Кавказе существовали и мюриды (мюрид (араб.) – добровольный последователь, ученик муршида (наставника); мюрид, мюридизм – причастия от арабских глаголов, в переводе означают «пошёл по дороге или показал дорогу» и захотел, пожелал)¹⁴⁰⁸.

Для облегчения благонадёжности призванных в царскую армию мусульман в каждом военном округе была введена должность штатного муллы¹⁴⁰⁹. Азиатский департамент МВД составил особую форму военной присяги для мусульман с учетом требований Корана и мусульманского права, так как содержание многочисленных мусульманских законов давало возможность произвольно истолковывать смысл многих постановлений правительства. Слово «должен» стало предшествовать клятве, как и положено по исламским законам, а словосочетание «законный Государь» было заменено на «истинный». Все эти особенности были учтены специалистами по исламу и перекрыли возможность использовать расхождения в гражданском и мусульманском праве¹⁴¹⁰.

Для арестантов мусульманского вероисповедания праздничные дни устанавливались с учетом их религии, но таким образом, чтобы их количество не превышало количества дней христианских праздников. В праздничные дни мусульманские арестанты имели право на отдых. Дело в том, что в январе 1886 г. Гос. Советом были установлены новые правила об арестантских работах. Труд заключенных становился обязательным. Таким образом власти старались добиться удешевления содержания каторжных заключенных и ужесточения самого наказания¹⁴¹¹.

Когда почти все религиозные организации получили возможность предоставлять доступ к гражданскому статусу своим приемникам, у государства возросла необходимость установления различий между религиозными конфессиями. Например, согласно ст.44 «Городового положения»: «Число гласных из не христиан не должно превышать 1/5, а в городах Кавказского края 1/2 общего числа гласных»¹⁴¹². В Российской империи главенствовала монополия религии и церкви в пропаганде

своего учения: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии».

На Северном Кавказе проживало большое число христианских сектантов, или убежавших сюда в свое время от власти, или насильно сюда высланных ею же. Правительство много внимания уделяло представителям различным «течений» христианства, что отнимало много времени и сил и мешало сконцентрировать внимание на исламе и его последователях. Во второй половине XIX века беглым священникам было запрещено въезжать в Терскую область, где и так проживало огромное количество сектантов. В одном только Грозном, например, были распространены секты духоборов, молокан, баптистов и «иудействующих» (славян, участвовавших в богослужении евреев)¹⁴¹³.

Христианская миссионерская деятельность

Миссионерской деятельностью на Кавказе занималась и западно-христианская церковь. В начале XIX века школу для ингушских детей в Назрани учредила Шотландская миссия. Шотландскому миссионеру Г. Блаю удалось снискать уважение у ингушей. Население смотрело на него «как на друга и отца, так что ему, возможно, стало между ними ходить с полной безопасностью, даже и без охранительной стражи, чего дотоле ни с кем из европейцев не бывало». Шотландец стал «немедленно учиться языку жителей и в скором времени, мог объясняться с ними». Изучив язык, Г. Блай перевел на ингушский язык молитву Господню и напечатал ее в Астрахани. Г. Блай намеревался пореложить Священное писание на ингушский язык, чтобы облегчить его восприятие «новокрещенными». Однако российское правительство и православная церковь, не желая конкуренции, и потому что в 1821 г. в Петербурге было принято решение «не допускать иноверным миссионерам проповедовать христианскую религию», сделали все, чтобы выдворить иностранца. А.П. Ермолов, находившийся в 1822 г. в Ингушетии, узнав о том, что здесь находится «шотландский миссионер, выдававший себя за лекаря», посчитал «неприличным» оставить его среди ингушей. Г. Блай был отозван¹⁴¹⁴. В

структуре Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД империи входил Секретный отдел, осуществлявший сбор секретной информации о переходе в другую веру, разработку и проведение тайных мероприятий как внутри страны, так и за рубежом. Переход в любое христианское вероисповедание мусульман, буддистов и язычников осуществлялось по разрешению губернаторов. Особо указывалось, что «заграничные мусульмане, проживающие близ границ империи, могут быть приводимы в христианство любой терпимой в империи христианской конфессии»¹⁴¹⁵.

В утверждении православия на Северном Кавказе большую роль сыграло образование в Кизляре в 1745 г. Осетинской духовной комиссии. За время работы комиссии, с 1771 по 1825 гг., в христианство было обращено 53 000 человек. Святейший Синод дал ей определенную инструкцию, в которой вменялось в обязанность избегать насильственных действий в отношении к осетинам и другим горцам, «крестить только по надлежащем испытании их и по удостоверении в искреннем желании их сделаться христианами». По указу Синода было разрешено проводить церковную службу на языках народов Кавказа. Это в свою очередь, требовало от священнослужителей знания горских языков. Лиц коренной национальности стали бесплатно принимать в Ставропольскую духовную семинарию, им выплачивалась государственная стипендия, предоставлялись другие льготы¹⁴¹⁶.

Всероссийская перепись 1897 г. выявила среди чеченцев приверженцев православной веры. Хотя число их по отношению к мусульманскому населению было незначительным (132 чеченца и 13 чеченок), сам факт открытого заявления о своей вере говорит, о религиозной толерантности чеченского народа. По свидетельству А. Сулейманова до революции в начальной церковно-приходской школе училось несколько чеченцев. В конце XIX века некоторым чеченцам даже удалось стать церковнослужителями. В 90-х годах XIX столетия во Владикавказских епархиальных ведомостях публиковались списки горцев, принявших крещение. Приведем некоторые примеры: 1) житель села Мудар-Юрт, Грозненского округа Магомет Саралиев, 23 лет был крещен, с наречением ему имени Николай; 2) священником Грозненского собора Николаем Жумовским 5 января 1895 г. житель села Старый Юрт Джамалдин Керимов, 18 лет, был крещен, с наречением ему имени Александр; 3) Стали православными чеченка Хава Асанова с детьми Магометом и Айшат, с наречением их в крещении именами Марией, Владимиром и Ольгой¹⁴¹⁷.

Мусульмане в конце XVIII века составляли всего 4 % населения России; их доля заметно выросла только в XIX веке. Волжские татары были первой большой группой носителей нехристианской мировой религии, которые с середины XVI века оказались под российским господством. Позднее к ним добавились башкиры, сибирские и крымские татары; все эти группы принадлежали к суннитскому направлению в исламе¹⁴¹⁸. По материалам переписи 1897 года мусульмане являлись второй по численности после православных вероисповеданий группой населения империи. Их насчитывалось 13889421 человек. На Кавказе мусульмане составляли 1/3 его населения¹⁴¹⁹. У мусульман, в ходе присоединения, были отняты богатейшие земли в Сибири, в Поволжье, на Кавказе, в Крыму, Туркестане. Миллионы десятин награбленной земли составляли государственный земельный фонд. Мусульмане твёрдо верили, что русский народ в лице своего Учредительного Собрания возвратит им земли, где покоятся остатки их дедов; верили в совесть русского народа. Мусульмане говорили, что аграрный вопрос нельзя решать захватами и насилием, что нужно беречь страждущую Россию, и все личные вопросы, даже вопросы существования, необходимо отложить до Учредительного Собрания. Приверженцы ислама утверждали: «Сила да повинуется совести»¹⁴²⁰. 12 апреля 1894 года Оренбургский муфтий Хаджи Мухаммед Яр Султанов выступил с обращением к мусульманам России: «До моего сведения дошло, что в народе и даже между муллами ходят слухи, что, будто бы, магометан будут крестить в русскую веру. Слухи эти нелепы и вздорны, потому что правительство не имеет никакого намерения крестить нас, а напротив, разрешает нам свободно исповедывать ислам, открыто, и без стеснения, исполнять обряды нашей веры и строить мечети для богомоления...»¹⁴²¹.

В царское время мусульмане имели возможность издавать литературу как на арабском языке, так и на своих родных языках. Только в период с 1853 по 1859 год, в начавших тогда функционировать частных татарских типографиях, было издано 82300 экземпляров Корана, 169900 экземпляров его частей (хавтиак). В XIX веке в Темир-Хан-Шуре были изданы учебники арабского языка с религиозными наставлениями, экземпляры которых сохранились до настоящего времени в двух чеченских семьях¹⁴²². Востоковед Амирхан Исаев подсчитал, что в 1905-1910 годах в типографии Мавраева в Темир-Хан-Шуре было издано 30 книг на языках народов Северного Кавказа, из которых 15 – на чеченском языке на основе аджамской письменности¹⁴²³.

Каждый успех, достигнутый Россией на пути развития науки, техники, культуры и просвещения сказывался в какой – то мере на её мусульманском населении: среди него появились обученные солдаты и офицеры, технически грамотные рабочие и специалисты, нарождалась гуманитарная интеллигенция, в основном образовавшаяся из среды мусульманского духовенства, развивалось образование, книгопечатание, журналистика, подчас опережавшие аналогичные явления в остальном мусульманском мире¹⁴²⁴. 5 мая 1901 г. был издан Указ Николая II «О введении преподавания мусульманского права в Лазаревском институте Восточных языков (с целью подготовки кадров для практической деятельности среди мусульманских народов в Персии и Турции и на окраинах России)»¹⁴²⁵. В 1910 г. в Тифлисе были открыты курсы «Кавказоведения», на которых преподавались история и основы арабского языка¹⁴²⁶. В начале XX века на Кавказе действовало «Кавказское Мусульманское Благотворительное Общество», которое выдавало пособия учащимся гимназий, училищ, школ, студентам, а также другим нуждающимся¹⁴²⁷.

На Северном Кавказе во второй половине XIX века приходилось быть по отношению к исламу особенно осмотрительными. К «нецивилизованным» средствам «отрицания» ислама власть старалась прибегать в редких случаях и только тогда, когда она вполне была уверена в своих силах и возможностях. Наместник на Кавказе (1862-1881 гг.) Михаил Николаевич Романов, во всеподданнейшем отчёте главнокомандующего за 1863-1869 гг., сожалел о том, что «как ни желательно, в интересах православия и русской власти, уменьшить, по возможности, преобладание в горском населении мусульманского элемента, но, с одной стороны свойственная той же власти веротерпимость, а с другой – опасение неблагоприятных для спокойствия края последствий побуждают ограничиваться одними паллиативными средствами». Эти паллиативные средства, по мнению наместника, должны заключаться в поддержании христианства в крае и противодействие мусульманству в тех случаях, когда оно ведёт свою пропаганду насильственно, с явно политическими целями¹⁴²⁸.

Начальник Терской области, в своём всеподданнейшем отчёте за 1892 год показал некоторые моменты положительного влияния ислама на население вверенной ему территории. «Учение кунтистов, – писал он, как в нравственных своих основаниях, так отчасти и в сфере мистической не только не вредно для туземного населения, но в значительной мере оказывает на него, безусловно, полезное влияние, налагая на своих

последователей обязательство – делать добрые дела и постоянно стремиться к общению с Богом...»¹⁴²⁹. Чеченская устная традиция сохранила слова Кунта-Хаджи, ещё в эпоху имамата Шамиля требовавшего прекратить войну, чтобы спасти народ от истребления. Так же устная традиция приписывает шейху Дени Арсанову следующие слова: «Как раньше для войны требовалась шашка, так сегодня нам нужны наука и знания»¹⁴³⁰. В 1852-1853 гг. много чеченцев перешло к русским, были даже случаи перехода чеченских наибов. Это обстоятельство, видимо, послужило причиной того, что в Чечне на линиях соприкосновения с русскими стали нести охрану наибы из Дагестана. Имам был очень недоволен поведением некоторых чеченских обществ. По мнению руководства имамата Шамиля «...чеберловцы начали распространять по земле порочность и устранять шариатское правление... они сказали с насмешкой: «Мы собрали Шамилевский шариат в бурдюк и завязали его горло. Пусть приходит и заберет этот бурдюк...». Шамиль в одном из своих писем призвал подчиненных пойти на джихад «с теми проклятыми чеберловцами...». Последующее сражение произошло весной 1843 года¹⁴³¹.

В 1904 году Терский областной комитет выступил с инициативой установить образовательный ценз для мусульманского духовенства¹⁴³². В 1894 году МВД запретило преподавать в мусульманских школах иностранным подданным, а также пользоваться религиозными книгами заграничного издания¹⁴³³. Министерство просвещения упорно пыталось распространить свой контроль на мусульманские конфессиональные школы, но в этом вопросе не встречало поддержки МВД, боявшегося усиления недовольства мусульман¹⁴³⁴. С конца 30-х гг. XIX века, времени начала своей службы на Кавказе, и вплоть до последних месяцев своей жизни Д.А.Милютину приходилось неоднократно обращаться к оценке тех или иных сторон «мусульманства». Милютин, как рационально мыслящий прагматик, понимал, что лишь силой «подавлять религиозность» мусульман-горцев Кавказа нельзя, это занятие не даст никаких положительных для интересов империи результатов, и поэтому надо изыскивать более гибкие способы и обходные пути воздействия на местное «мусульманство». Первостепенное значение в «успокоении» кавказских мусульман, по словам Д.А. Милютина, могла сыграть организация Российской системы образования горцев «у себя самих» при участии местных по отношению к монархии Романовых исламских духовных лиц¹⁴³⁵.

Генерал А.П. Ермолов не был сильно религиозным человеком. У известного в те времена публициста Д.Б. Мертваго мы находим такую

характеристику А.П. Ермолова: «... человека умного, хитрого и как слышно – безбожного...». В связи с этим любопытный факт дает исследователь Кавказа Д.Л. Ватейшвили: «Одним из первых изданий, Тифлисской корпусной типографии (учрежденной Ермоловым в 1819 году) была «Молитва на татарском и арабском языках». Книга была литографирована по приказу и дана Тифлисскому магометанскому духовенству для чтения в молитвенные дни, праздники и особенно в торжественные дни». В то же время, известны были случаи, когда по его приказу казнили мулл за измену и предательство¹⁴³⁶.

Мусульмане в Российской империи XIX века представляли собой значительную силу. Это учитывали российские власти, старавшиеся привлечь их на свою сторону, и не без успеха. В частности, известно, что османский консул в Тифлисе Хасан Хасиб жаловался в Стамбул на кавказского муфтия Хусейна Гаябова как главного проводника политики России среди мусульман, награждённого за это царским орденом Св.Владимира. К концу XIX века мусульман в России было столько же, сколько и в Османской империи, – 18 млн. Вместе с тем верхушка мусульманских общин в России XIX века при всей своей внешней зависимости от царских властей на деле обладала весьма реальной, как бы неформальной самостоятельностью и умело ею пользовалась. «Дореволюционное мусульманское духовенство Русской империи, – писал известный на Западе чеченский историк Абдурахман Авторханов, – выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но представляло собой одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно было также и экономической силой – мусульманские учреждения владели вакфами – движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпиталями, приютами для стариков, вдов, сирот). В их распоряжении имелись также земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими»¹⁴³⁷.

Русское государство, расположенное в евразийском пространстве, в течение многих веков является общим домом для представителей различных верований: христиан, мусульман, буддистов, язычников¹⁴³⁸. Сотни лет, проведённых в мирной работе бок – о – бок с татарами, научили русских верить и уважать братьев-мусульман¹⁴³⁹. По мнению Н. Данилевского: «Ненависть, которую магометане питают здесь к христианам, обнаруживается менее чем в прочих местах Азии ...»¹⁴⁴⁰. Хотя

многочисленное мусульманское население России и представляло для русского государства крайне неудобный социокультурный феномен, не поддавшийся ассимиляции и интеграции в общество по той модели, которая представлялась власти оптимальной, тем не менее, государству удавалось находить «общий язык» со своими подданными с помощью определенных компромиссов¹⁴⁴¹.

На протяжении пореформенного периода можно наблюдать, как общество шаг за шагом приближается к признанию равных прав православного и мусульманского населения, отказываясь от мелочной регламентации всех сторон повседневной жизни мусульман. За свободой отправления религиозных обрядов, внутреннего устройства жизни общины следует право выбора фасадов при строительстве мечетей, самостоятельное распоряжение вакуфным имуществом. Мусульмане наравне с православными служат в регулярной армии, получают правительственные награды, государственные пенсии¹⁴⁴².

Во второй половине и, особенно в конце XIX века на Северном Кавказе началось бурное строительство вместо прежних деревянных, существовавших в начале XIX века, каменных мечетей со специальными минаретами. Массовое строительство каменных мечетей в этом регионе началось в 1880-е годы. По архивным данным видно, что Циркуляром от 9 октября 1885 г. начальник Терской области установил порядок, в соответствии с которым для возведения капитального здания мечети из кирпича и камня необходимо было иметь архитектурный проект, утвержденный областным правлением, и особое разрешение главы администрации области. Не смотря на новые бюрократические препятствия, количество мечетей увеличилось до такого уровня, пик которого не достигнут и в настоящее время. Многие посетители этого региона отмечали значительную посещаемость многочисленных мечетей и молельных домов, как в Чечне, так и на всем Северном Кавказе¹⁴⁴³. Наряду с христианскими церквями, мечети в конце XIX в. стали вовлекаться правительственными и общественными учреждениями в финансирование различных социальных проектов: сбор средств в пользу пострадавших от неурожая, в пользу семей солдат в действующей армии в годы Русско-Японской и Первой мировой войн, раненых – защитников Отечества¹⁴⁴⁴.

Перемены в жизни общины в индустриальную эпоху вызвали перемены, в частности, и в мировоззрении людей. Индустриальная эпоха провозглашает права и свободы индивида, а не общества. Урбанизация создает условия, при которых происходит поляризация общества, от-

чуждение людей. Одним словом, реалии нового времени подрывали общинный конформизм. В жизненный уклад мусульман стали проникать новые установки и ценности¹⁴⁴⁵. Реформирование было инициировано «сверху», происходило ускоренно (а потому травмировало общество) и привело к смене общественно-политического уклада и ряда параметров политико-культурной идентичности. Модернизация вызвала острейший духовный кризис, спровоцировавший в какой-то степени ценностный хаос¹⁴⁴⁶.

Ислам на Северном Кавказе имеет многовековую историю, в ходе которой им пройден сложный путь адаптации к изменявшейся этнокультурной реальности в регионе. Процессы модернизации также отражались на исламе и на его региональных формах, тесно связанных с традициями, придающими ему местное своеобразие и колорит, но, тем не менее, фундаментальные основы исламской жизни всегда оставались неизбывными, при любых реформах и разнообразных формах политического устройства¹⁴⁴⁷. Культуре ислама есть, что дать другим народам, но и есть что получить. Минимальное решение этой задачи заключается в рассмотрении культуры ислама в глобальном контексте, при обязательном отказе от претензий на исключительность или превосходство над другими культурами, как бы они ни были развиты в социально-политическом и экономическом отношении¹⁴⁴⁸.

Сближение и взаимодействие различных культур в Российской империи

Начало познания, и сближения двух мировых культур началось для России очень давно. Россия, быть может, является единственной страной, перед которой история поставила вопрос сознательного выбора религий. Князь Владимир отправлял послов в Хорезм для непосредственного ознакомления с исламом. Интересно, что эти послы стали мусульманами, что дало повод средневековым мусульманским авторам думать, что ислам стал официальной религией русских¹⁴⁴⁹. Даже такой сторонник «западной» ориентации России, как известный писатель и историк Н.М. Карамзин, признавал, что в IV – VI вв. одним из названий древнерусской земли было Хунигарт, т.е. «Страна гуннов». С учётом сказанного можно понять следующий тезис Н.С. Трубецкого: «Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антро-

пологически, ибо в русских жилах несомненно течёт, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь. То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими “азиатами”, основано на этих невидимых нитях расовой симпатии»¹⁴⁵⁰. Русские составляли 2/3 жителей всех улусов Золотой Орды, казачьи войска в Орде так и называли «Ордынская Русь». Ранее преобладавшие в южнорусских степях кыпчаки – половцы составляли значительную часть казаков. Постоянная экономическая связь с русскими городами, где казаки сбывали продукты охоты, скотоводства и рыболовства, смешанные браки, нескончаемый приток беглецов из русских земель (по экономическим и религиозным причинам, но чаще – по политическим соображениям или в поисках безопасности) создавали условия для формирования в казачьей среде особого варианта русского этноса с обычаями, чертами языка и быта, заимствованными у других народов. А среди этих народов были потомки самых разных этносов. В частности, установлено наличие потомков хазар как среди татар Астрахани (мусульман), так и среди казаков Северного Кавказа (христиан)¹⁴⁵¹.

В годы Кавказской войны беглых русских солдат и офицеров, казаков у Шамиля было очень много, и он очень ценил их. Для пленных и перебежчиков вблизи Ведено был построен отдельный посёлок с церковью и костёлом. Русских крестьянок или казачек, отбившихся от родного гнезда, Шамиль посылал в это поселение, и они вольны были выбрать там себе мужей, причём один из поселенцев, по общему избранию, исполнял при венчании обязанности священника. Если же кто из поселенцев добровольно принимал ислам, то такому предоставлялось право жениться на мусульманке и давался земельный надел. В имамате поляки даже создали полковой оркестр, игравший мазурку во время наступления горцев¹⁴⁵². При несомненном стремлении Шамиля придать войне религиозный характер связи между горцами-мусульманами (в первую очередь чеченцами) и русскими-христианами (прежде всего казаками) не прерывались. Об этом горско – казачьем содружестве было немало написано в XIX веке, в частности о гребенском казаке, в 1819 году переплывшем буйный Терек, чтобы предупредить чеченцев о предстоящем штурме их селения Дады – Юрт; о бегстве к Шамилю казака Яхонтова с пятью товарищами в 1849 году, восьми казаков и казачек в 1850 году, 33 казаков и двух священников-старообрядцев в 1851 году.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что в целом ислам в России никогда не искоренялся. Правящая династия Романовых даже роднилась

с касимовской знатью: тётка Петра I Евдокия Васильевна Нарышкина (жена брата царицы Натальи Кирилловны) была внучкой касимовского царя Алп Арслана, происходившего по прямой линии от Кучума. При этом Москва всячески подчёркивала своё уважение к исламу. «Мой государь – говорил в Стамбуле русский посол Иван Новосильцев в 1570 году, – не враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саип Булат, господствует в Касимове, царь Кайбула в Юрьеве, князья ногайские в Романове, все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях»¹⁴⁵³. Служилый касимовский хан Шах-Али (одно время бывший ханом Казани) командовал армией Ивана Грозного в Ливонской войне. Сам Иван Грозный со стороны матери происходил от князей Глинских, возводивших свой род к бежавшим в Литву в XIV веке потомкам золотоордынского правителя Мамай Царевич Худайкул (в крещении Пётр Ибрагимович) четырежды замещал в Москве уходившего в военные походы великого князя Василия III (1505-1533). В 2007 г. в Тайницком саду Московского Кремля проводились раскопки. Сенсацией стали находки двух берестяных грамот. Ранее в Москве была найдена лишь одна берестяная грамота. Московская грамота № 3 – самый большой берестяной документ, в нем 52 строки, 300 слов. Эта грамота – первый попавший в руки археологов хозяйственный документ конца XIV – начала XV века из Московского Кремля, сохранившийся в оригинале. Грамота представляет собой опись имущества некоего Турабия. В грамоте перечисляются кони – использовавшиеся для верховой езды, скот, домашняя утварь, зависимые люди и слуги. Некоторые из упомянутых лиц, как и владелец имущества, носят восточные имена – Ахмед, Байрам и др.¹⁴⁵⁴.

Многие русские фамилии имеют «восточные корни». Так, знаменитому роду князей Юсуповых положил начало предводитель ногайских татар Юсуф-мирза, поступивший на службу к Ивану Грозному. Князья Урусовы происходили от Едигея (одного из полководцев Тамерлана), князья Черкасские – от мамлюкского султана Египта XV в. Сайф ад-Дина Иналя. Эмиры и князья, а также прибывшие с ними соплеменники (дружинники, родственники, друзья, единомышленники) постепенно смешиваясь с русскими, дали впоследствии начало множеству фамилий российского дворянства. «Так появились на Руси, – пишет Л.Н. Гумилёв, – Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Булгаков, Бунин, Бутурлин, Бухарин, Гоголь, Годунов, Горчаков, Державин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамзин, Корсаков, Кочубей, Кро-

поткин, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строгонов, Талызин, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Тютчев, Уваров, Ушаков, Чаадаев, Шереметьев»¹⁴⁵⁵. К Корану и вообще учению ислама неоднократно обращались русские писатели и философы: А. Пушкин, И. Бунин, П. Чаадаев, Л. Толстой, В. Соловьёв и Г. Федотов. Большим достоинством ислама В. Соловьёв считал неразделимость веры и дел веры. Философ считал ислам последовательным и искренним византизмом. Тем самым он выдвигал тезис родства и преемственности между православием и исламом¹⁴⁵⁶.

Характерно, что арабо-мусульманская культура и теология изучалась в России по первоисточникам. Ещё в 1716 году по приказу императора Петра Великого был переведён на русский язык Коран. В отличие от первых переводов, сделанных с французского и английского языков, в 1878 году впервые был создан перевод оригинального арабского текста Корана. Переводчиком был Гордий Саблуков, казанский миссионер и востоковед, учитель Н.Г. Чернышевского по Саратовской гимназии. В 1787 году в типографии Академии наук по приказу Екатерины II впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана. В 1800 году в России было разрешено печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу, чем и занялась специально открытая для этого в 1802 году типография в Казани. К 1806 году она издала ряд книг по исламу общим тиражом свыше 40000, в том числе 3500 экземпляров Корана. В 1832 году Коран был здесь же переиздан тиражом 6000, в 1852 году – 23600, к 1859 году тираж достиг 82300 экземпляров. Все эти издания получили широкое распространение среди мусульман не только в России, но и за её пределами. Они послужили образцом для последующих изданий Корана в Османской империи, Индии и Египте. Характерно, что арабо-мусульманская культура и теология изучались по первоисточникам в научно-учебных заведениях империи, например в Казанском университете, в Ришельевском лицее Одессы: Л.Н. Толстой изучал арабский и турецкий языки в Казанском университете. В городах России (Петербурге, Казани, Баку, Оренбурге, Тифлисе, Бахчисарае, Ташкенте, Темир-Хан-Шуре) работали типографии с арабским шрифтом. В 1911-1914 гг. делались попытки перевода Корана на татарский и азербайджанский языки для мусульман, плохо знавших арабский¹⁴⁵⁷.

Всё это происходило далеко не в светском государстве, где религиозные вопросы тоже стоят довольно сложно, а в стране, государственной

религией которой являлось православие. К XIX веку русское правительство в основном поняло необходимость сотрудничества с мусульманами, а общественное мнение России стало проявлять постоянный интерес и уважение к исламу. По мере того, как с середины XIX века происходило стремительное расширение границ Российской империи, постепенно менялась официальная позиция относительно исламоведческой подготовки чиновников. С конца XIX – нач. XX вв. наличие в области исламоведения стало входить в перечень профессионально значимых показателей компетентности российских государственных служащих в регионах традиционного распространения ислама. В это время начинают действовать курсы по изучению основ мусульманского вероучения и шариата при Министерстве иностранных дел и Министерстве внутренних дел¹⁴⁵⁸.

До сих пор остаётся без удовлетворительного ответа вопрос: а в чём, собственно, причина столь длительного и ожесточённого противостояния между северокавказскими народами, прежде всего чеченцами, и Россией? Попытки объяснить его, прежде всего религиозными противоречиями, ничего на самом деле не объясняют¹⁴⁵⁹. Христианство и ислам имеют очень много общего в теоретическом плане, зачастую они высказывают похожую точку зрения на разные проблемы, но подавая её в своей оригинальной форме. Из всех течений христианства и ислама особенно близки по своей сути и духу православие и суннизм. Между приверженцами этих верований никогда бы не было серьёзных конфликтов, если бы они были хорошо знакомы со своим вероучением и последовательно соблюдали все его предписания. Священные Писания хранят бесценный опыт становления и развития собственно межэтнических отношений. Говоря современным языком, в них отражены практически все стороны межнациональных отношений своего времени: бытовые, правовые, морально-этические, культурные, религиозные, политические и многие другие. В каждом из Писаний присутствуют «вечные» для подобного рода отношений проблемы и даны способы их разрешения: положение «пришельца», «иноземца» внутри более или менее однородного этнического сообщества, характер взаимодействия различных этнокультур, если судьба тем или иным образом сводит народы вместе; в связи со спецификой текстов, в них особое место занимают этнорелигиозные отношения¹⁴⁶⁰.

Сходство и различие во взглядах на мир в исламе и христианстве

Особенности исламской святости изучены недостаточно, но и без этого уже ясно, что она принципиально, с точки зрения догматического обоснования и организационного строения социальных институтов ислама, отличается от христианской святости. Главное отличие заключается в отсутствии в исламе легитимного института канонизации святых. Мусульманские святые никакими специальными решениями не утверждаются, в исламе нет процедуры определения святости того или иного человека, не существует никаких исчерпывающих списков святых. Существует только народная молва и мнение различных богословов, уважаемых людей, правителей, которые, кстати, вправе спорить и не соглашаться друг с другом. Но, не смотря на это принципиальное отличие понятия «святости» в догматике ислама и христианства, типологически эти явления в обеих религиях не просто схожи, но идентичны. Когда речь идёт о способах поклонения святым, механизмах формирования легенд, ритуальной практике, оформления святых мест и т.п., совпадений оказывается намного больше, нежели различий¹⁴⁶¹. Необходимо отметить, что морально-этические и правовые нормы мало интересовали представителей европейской культуры, а если и интересовали, то они рассматривались в основном под углом воззрения западных цивилизаций, то есть исследовались в преломлении христианской религии, а не мусульманской¹⁴⁶². Широкая терпимость Корана к изучению иноверных исповеданий не нуждалась бы в объяснении, если бы люди были знакомы с содержанием Корана в его подлинном виде. Некоторая часть мусульманского мира не усвоила духа учения Корана и придерживалась только наружных обрядов религии. Никогда у мусульман ереси не преследовались вооружённой силой. Наоборот, устраивались публичные беседы с оспаривающими догмы ислама. В 209 стихе Корана говорилось о том, что некогда люди составляли один народ. За Иисусом признавалось в Коране множество чудес, совершённых им, и самое важное, заслуживающее внимание, то обстоятельство, что по учению Корана, Иисус не умер после распятия, а лишь вознесён на небо и придёт на землю перед концом мира для страшного суда. Коран в отношении святой Девы Марии (Мариам) целиком согласен с Ее почитанием христианами. Можно совершенно определенно сказать, что Святая Мариам Корана, Дева Мария западных христиан, Пресвятая Богородица православных

– бесспорный примиряющий и объединяющий христиан и мусульман религиозный символ почитания и преклонения¹⁴⁶³.

В Коране вопросам межэтнических отношений посвящено несколько аятов. Один из них, запрещая брать друзей среди неверных, хватать и убивать неверных, делает важную оговорку: «кроме тех, которые связаны с народом, между которыми и вами есть союз». В смешанном браке мать-христианка остаётся по мусульманскому обычаю воспитательницей своих детей¹⁴⁶⁴. Ислам призывает людей на путь Божий мудростью и кроткими увещаниями. «Если ты входишь в спор с христианами и жидями, – говорилось в Коране, то веди его честнейшим образом. Скажи им, будем ли спорить с вами о Боге, который и наш Господь и ваш! Мы имеем свои дела, а вы – свои»¹⁴⁶⁵. Сами народы осознают себя всего лишь как орудие божьего промысла в своих взаимоотношениях с другими народами¹⁴⁶⁶.

Учение Библии о том, что Бог «от одной крови...произвёл весь род человеческий» исключает любую мысль о расовом превосходстве. В Библии говорится, что ни одна нация или раса не лучше другой¹⁴⁶⁷. Христианское религиозное выражение осознания равенства народов вне зависимости от этнической принадлежности перед Богом подталкивает народы к отказу от этнической замкнутости и ограниченности к союзу на более широком основании. В чем же равны люди разных этнических групп перед Богом? Ответ один: «Как Иудей, так и Эллины все под грехом, как написано, нет праведного ни одного». Авторитет Бога помогает людям по-новому взглянуть на межэтнические отношения и «возлюбить ближнего своего как самого себя». В христианстве национальные различия и границы признаются как существующая реальность. Однако, новая парадигма взаимоотношения людей и народов: не око за око и зуб за зуб, а добром побеждать зло и поступать с другими так, как ты бы хотел, чтобы поступали другие с тобой, выходит за этнические границы, возвышается над ними, делает громадный шаг от раздоров и войн к единению народов на основе единой религии.

Коран решительнее и последовательнее других священных Писаний порывает с делением людей по этническому признаку. Согласно исламскому учению, люди и народы делятся и отличаются друг от друга не по этническим признакам, а чисто по религиозному принципу: мусульмане – истинно верующие; люди Писания – христиане и иудеи, у них тот же Бог, что и у мусульман, Аллах через посланников передал им священное Писание, но они его исказили; неверные – последователи остальных

вероисповеданий. Коранический закон устанавливает и регулирует взаимоотношения этих трех больших социальных групп¹⁴⁶⁸. Исламский мир, как никакой другой, близок христианско-европейскому наследию в своих теологических основах (монотеизм, трактовка религии как Откровения, религиозное обоснование этических норм, почитание Иисуса и Девы Марии), но далек от этого наследия в плане социокультурном, выдвигая на первый план не особенности внутренней жизни личности (как в христианстве), но приверженность общине единоверцев, «умме». Мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии в менталитете и традициях осознают свою принадлежность к некоей общности. Принадлежность к мусульманскому сообществу порождает особого рода солидарность, базирующуюся на едином вероисповедании, на вытекающем из самих устоев ислама мироощущении, отношении как к отдельным людям, так и к обществу в целом¹⁴⁶⁹.

В России свобода веры давалась не только христианам, но и магометанам, евреям и язычникам¹⁴⁷⁰. Православная церковь на Северном Кавказе с самого начала не проявляла особой миссионерской активности в отношении коренных горских народов, вследствие чего, в XVIII – XIX веках, одновременно с процессом становления в регионе православных церковных структур среди славянского населения, происходило завершение исламизации кавказских горцев¹⁴⁷¹. Живя и творя на своём языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами с замиренными и присоединёнными соседями, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы, их одежды, и просто-сердечно и искренно – считал их своими братьями¹⁴⁷². С христианской точки зрения, понятие нравственной правды в международных отношениях должно опираться на следующие основные принципы: любовь к своим ближним, своему народу и Отечеству: понимание нужд других народов; убеждение в том, что благу своего народа невозможно служить безнравственными средствами. Слова апостола Павла: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты собираешь ему на голову горящие уголья. Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром»¹⁴⁷³.

В самом начале Чеченской войны Алексей, Патриарх Московский и всея Руси выступил с «Заявлением в связи с обострением трагических событий в Чечне»: «Продолжающееся кровопролитие на земле Чечни вызывает в Русской Православной церкви большую тревогу. В этих

условиях Церковь возвышает голос в защиту невинных жертв кровопролития. Никакие, даже самые справедливые и законные соображения государственной пользы – не могут оправдать жертв и страданий мирного населения; Никакие, даже самые благие цели не должны достигаться методами, могущими привести к огромной несправедливости и в итоге породить многократное умножение насилия, что будет губительно для всей России»¹⁴⁷⁴.

Заслуживает внимания в учении ислама то, что сделка с совестью также не допускается нигде и ни при каких обстоятельствах. Измена, обман, коварство по отношению к иноверцам строго запрещены и не только в мирной гражданской жизни, но даже и при открытии неприятельских действий...¹⁴⁷⁵. Выступая на Международной межконфессиональной, посвященной 2 000-летию христианства «Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки. Христианство на пороге третьего тысячелетия» в ноябре 1999 года Верховный муфтий России сказал: «Я бы сердечно хотел извиниться за то, что произошло в Чечне и Дагестане, за те беды и горести, которые принесли люди, прикрывающиеся исламскими лозунгами. Но за них извиняться не стоит – это пришельцы, которые хотели заполнить «вакуум» и внести раздор и раскол в общество, натравив христиан на мусульман, столкнув иудеев и представителей других традиционных конфессий. Где-то подачками и посулами, где-то поездками и деньгами, а где-то оружием и прочими средствами они пытались нарушить равновесие, и где-то преуспели в этом. В результате пострадали народы Чечни и Дагестана, погибли люди в Москве и Волгодонске, а также в других городах... Некоторые средства массовой информации пытаются представить происходящее как конфликт Ислама и Христианства, что, конечно, в корне неверно. Бог един для всех – и для Вас, и для нас. Мы и наши православные соотечественники, а также представители других традиционных конфессий нашей страны пережили то, что не пережили многие народы и государства этого мира. Мы пережили более 70 лет государственного атеизма. Это огромное бремя, и в то же время это огромное испытание, а может, даже милость Всевышнего, которая и сблизила нас»¹⁴⁷⁶.

В состав России, рассуждал В.С. Соловьёв, входили представители западных и восточных народов: «...и если должна быть война, то это уже будет война междоусобная. Тут уже не одна христианская совесть, но и человеческая мудрость говорит о примирении»¹⁴⁷⁷. В Библии говорилось о том, что война – есть зло. Причина его, как и зла в человеке во-

обще – греховное злоупотребление богоданной свободой. Убийство, без которого не обходятся войны, рассматривалось как тяжкое преступление перед Богом уже на заре истории¹⁴⁷⁸. Поступки тех, кто утверждает, что следует Библии, часто порочат репутацию книги, которую, по их словам, они почитают. Во имя Бога так называемые христиане проливали и проливают кровь. Однако Библия призывает последователей Христа любить друг друга¹⁴⁷⁹. Война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти. Земные войны порождены гордыней и противлением воли Божией¹⁴⁸⁰. Владимир Соловьёв считал, что раз Россия страна христианская, то и действовать она должна по – христиански. Его противники рассуждали так: русский народ есть единственный истинно-христианский, но, тем не менее, однако во всех делах своих он должен поступать по – язычески, руководствуясь исключительно своими, собственными интересами и правом силы¹⁴⁸¹.

Вскоре после Второй мировой войны Мартин Нимёллер, немецкий протестантский священник, писал: «Кто хочет обвинить Бога в том, что ведутся войны, тот не знает, или не хочет знать, Божье Слово. Христианские Церкви во все века всегда соглашались благословлять войны, войска и оружие, и весьма нехристианским образом молились об уничтожении своих врагов. Всё это – наша вина и вина наших предков, но ни в коем случае ни Бога. И мы, сегодняшние христиане, стоим посрамленные... Христианин, в случае, когда исполнение требований закона, без сомнений, влечёт совершение греха перед Богом и людьми, должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или не эффективно, занимать позицию гражданского неповиновения»¹⁴⁸². Необходимо учитывать также тот факт, что ни в царское, ни в советское время у церкви не было ни потребности, ни возможности открыто объявлять о своём понимании принципа свободы совести: её деятельность полностью контролировалась государством, и мнение патриарха на сей счёт власть не интересовало¹⁴⁸³.

В исламе объявление войны отнюдь не допускается ранее, чем будут порваны существующие между воюющими договоры. Нападение без предварительного объявления считается неблагородным обманом, коварством и совершенно не допускается. Также строго запрещается жестокое и унижительное для человеческого достоинства обращение с пленными... Ни один христианин не обязан выступать с магометански-

ми войсками; военные дела не должны касаться данников; они покорены, чтобы быть данниками, а магометане должны их защищать и охранять. Если какой-нибудь христианин окажется виновным в преступлении, или сделает ошибку, магометане должны принять его сторону, охранять его и в то же время не допускать ни обиды, ни дурного с ним обращения; они должны стараться восстановить мир между ним и его противником, или положить конец ссоре удовлетворением обеих сторон¹⁴⁸⁴. В Коране сказано: «Когда ты мстишь за нанесённые тебе обиды, старайся, чтобы месть твоя была соразмерна с обидами; но если ты предпочитаешь перенести их с терпением, это будет полезнее для терпеливых»¹⁴⁸⁵. Библия также даёт совет, как сдерживать гнев: «Ум человеческий укрощает гнев его; и краса для него – прощать вину»¹⁴⁸⁶. Свободу Христос даровал духовную, не уничтожив ни одной власти гражданской. Златоуст говорил: «Апостол, желая внушить, что заповедь его о подчинённости простирается не на одних мирских людей, но на всё, говорил так: “Всякая душа властям предержащим да повинуется”. Подчинение власти не подрывает благочестия»¹⁴⁸⁷. И. Златоуст прямо высказывается: «Необходимо, чтобы существовали власти, чтобы одни господствовали, а другие подчинялись, дабы народы не носились туда и сюда, как волны; в этом состоит божественное установление»¹⁴⁸⁸. Многие христиане считали, что безмерная свобода есть или ребяческая мечта или соблазн дьявола, а в жизни – то и другое вместе. Всякая свобода должна иметь меру и форму, и притом у каждого народа – свою особую¹⁴⁸⁹.

Многие видят причину развития конфликта между чеченцами и Российским государством в том, что у чеченцев якобы особенная психология, «свобода, растворенная в крови». Такое мнение довольно лестно для чеченцев, тем более что если уже не во всём мире, то уже, по крайней мере, на всём Кавказе, действительно нет больших индивидуалистов и анархистов, чем чеченцы¹⁴⁹⁰. Чеченцы уничтожили класс князей и феодалов и установили у себя демократические порядки. О возможности возникновения данной ситуации говорил ещё Иисус Христос: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Ибо человек и здесь не для того, чтобы ему служили, но чтобы служить»¹⁴⁹¹.

Первенствующая христианская церковь не возбраняла христианам иметь рабов. Рабы христиан были по преимуществу домочадцами – они не были в полном смысле рабами. Тот христианин, который позволял

себе жестокость относительно рабов, был обличаем и научаем церковью¹⁴⁹². И.А. Ильин считал, что русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Он считал не случайным тот факт, что за войну 1914-1917 года из 1400000 русских пленных в Германии 260000 человек (18,5%) пытались бежать из плена. Такого процента попыток побега не дала ни одна другая нация¹⁴⁹³.

Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу, и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине) всегда культивировала тайну личного восприятия Бога. В России культивировалась любовь к своему родному языку, отцовской вере и духовной культуре. Западной Европе была чужда русская (православная) религиозность. Европейская властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. Исторически так сложилось, что Россия первая вступила в полосу огня, первая противостояла соблазну, первая утратила своё былое обличие, чтобы выстрадать себе новое. У неё всегда был свой путь развития, отличный от Запада¹⁴⁹⁴. Европейец презирал, другие народы и желал властвовать над ними. Русский человек всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей. Жизнь в Европе была подчинена накоплению материальных средств. Православие считало, что материальное развитие охлаждает человека к христианской вере, допуская наиболее поверхностное занятие ей¹⁴⁹⁵.

Средний европейец стыдился искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждал от человека, прежде всего доброты, совести и искренности. Западноевропейский человек двигался волей и рассудком. Русский жил, прежде всего, сердцем и воображением. Европа горделиво смотрела на Россию сверху вниз и считала её культуру или ничтожной, или каким-то «большим и загадочным недоразумением»¹⁴⁹⁶. Действительно существовавшая «не органичность» российской цивилизации во многом была обусловлена её многообразием и синкретизмом, множеством различных источников, питавшим её развитие на всём протяжении истории. Её слабая сторона – мозаичность и многопластовость, уязвимость с точки зрения потенциальной дезинтеграции. Её сильная сторона – гораздо большая открытость к внешним влияниям и заимствованиям, чем у более «органичных» и замкнутых цивилизаций. В этой открытости – залог её гибкости и жизнестойкости¹⁴⁹⁷.

Историк-археолог М. Худяков отмечал, что распространившийся тип шатровой колокольни имеет своим аналогом минареты татарских мечетей: «Достаточно взглянуть на минареты деревянных мечетей Казанского края и сравнить их с изображениями среднерусских шатровых колоколен, чтобы убедиться в единстве их происхождения»¹⁴⁹⁸. Интересно отметить, что в исламе, также как и в православии, отношение к богатству было как к чему-то мимолётному и уходящему, намного больше внимания уделялось духовности и аскетизму. Приведём для примера статьи из Корана: «Те, которые раздают свои богатства на пути Божиим, подобятся зерну, которое производит семь колосьев и из которых каждый даёт сто зёрен. О, верующие. Творите милостыню из лучших вещей, которые вы приобрели, из плодов, которым мы велели произрасти для вас на земле. Не раздавайте милостей из самой худшей части ваших благ. Давайте милостыню, жертвуйте бедным. Жертва есть освобождение от огня. Нравственная и общественная благотворительность есть прямая обязанность каждого исповедника Ислама. Она доставляет нуждающимся утешение, а добротворцам отраду при той пользе, которую они приносят ближним»¹⁴⁹⁹.

В сознании европейца сложился стереотип приниженного положения мусульманки в исламском обществе и семье. Однако это мнение опровергало мусульманское законодательство, в котором говорилось: «Муж должен хорошо обращаться со своей женой, быть с ней приветливым, без причины не ссориться и не гневаться; этого требует снисходительность, потому что жена всё равно, что пленник, а к пленным следует относиться милостиво. Провинности жены следует переносить терпеливо и, если даже жена позволяет себе что-либо дурное на словах, или действиях, то муж всё-таки должен с ней обращаться хорошо. Если же она сильно разгневется, то мужу следует похлопать её по спине рукой и сказать: “О злодей, наставляющий людей на всё дурное, выйдя сейчас же из этого прекрасного тела,” — для того, чтобы дьявол, который забрался между кожей и мясом и производит гнев, удалился»¹⁵⁰⁰. Если христианка становилась женой мусульманина, то муж должен был уважать веру жены, он не должен был запрещать исполнять ей обряды её веры; он не должен был принуждать её отречься от своей религии или грозить ей за её веру разводом. Если же он запрещал жене исповедывать её веру, то он тем самым нарушал заповеди Корана и поступал против воли Всевышнего»¹⁵⁰¹.

Священный Синод говорил об уважении православной церкви к браку, в котором лишь одна из сторон принадлежала к православию, в

соответствии со словами святого апостола Павла: «Неверующий муж освящается женою верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим». Церковь не освящала венчанием браки, заключённые между православными и иноверцами, одновременно признавая таковые в качестве законных и не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожительстве»¹⁵⁰².

Ссылаясь на каноны исламской веры, государство отбирало у горцев земельные владения. После завершения Кавказской войны, в ходе пореформенных преобразований, чеченцы были лишены своего права на частные земельные участки, которыми они владели в течение многих веков. Конфискацию земель в казённую собственность правительство оправдывало «учением Магомета, в силу которого земля составляет дар Аллаха и не может составлять частной собственности»¹⁵⁰³. Однако, как известно, Коран объявляет частную собственность священной и неприкосновенной¹⁵⁰⁴. Посланник Аллаха сказал: «Поистине ваш кров и имущество ваше неприкосновенно». Более того, имущество человека — это материальная основа его свободы и его жизни по заповедям Всевышнего Аллаха, и человек обязан защищать его¹⁵⁰⁵. Мусульманское правоведение исключает такую реализацию права собственности одного лица, при котором нарушается право другого собственника. Если же столкновение интересов происходит, то надлежит «остановиться перед препятствием — правом другого и предпочесть его»¹⁵⁰⁶. Российское государство, по мнению правоведов, являлось таким же собственником, как и частные лица, поэтому и права их определялись одинаковыми началами. Как юридическое лицо, составляющее субъект частного права собственности, государство есть казна¹⁵⁰⁷. Мало того, что Российское государство, являясь собственником, лишало прав других собственников, оно нарушало не только мусульманские принципы веры, но и христианские, хотя и являлось православной страной. Дело в том, что Библия признаёт право человека на собственность и категорически осуждает посягательство на неё¹⁵⁰⁸.

Русский человек, православный не по форме, а, по сути, оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, стоявшим у власти, составлявшим в стране ничтожное меньшинство, но зато оказавшимися сильными во зле, сильными бессовестностью и волею к власти и дискредитировавшими дух православия в глазах иноверцев¹⁵⁰⁹. Преклонение перед красотой и совершенством жизни, природы является скорее основной, центральной линией развития православия. Христиане считали,

что учёный, готовый исследовать тему по предложенному методу и трафарету, – есть не учёный, а лишённый духовного достоинства симулянт. Ибо творчество есть всегда дело свободы и предметного вдохновения, связанного с Богом¹⁵¹⁰. Коран, ислам не противостоят творческому поиску, который и составляет общеисторический смысл науки¹⁵¹¹. В преданиях сохраняются следующие слова Мухаммеда: «Вера – нага, одежда её – благочестие, красота её – совесть; а наука – её плоды. В день суда перо учёных возвысится над кровью мучеников»¹⁵¹². По мнению мусульманских теологов – наука не противостоит исламу: Коран, как никакое другое монотеистическое Писание, поощряет интеллектуальный поиск и исследование¹⁵¹³. По хадису Абу-Храйры, Магомет говорил: «...умри человек, вместе с ним погаснет и добродетель его, но есть добрые дела, польза которых вечна и не погаснет и по смерти делавшего их. Дела эти суть: 1) добрые дела, которые отец дал. Это полезное нравственное воспитание и дети молятся за отца по смерти его; 2) полезные познания и сочинения, которые приносят пользу людям и после смерти сочинителя; 3) завещания, пожертвования на богоугодные дела, например на постройку мечетей, медресе, мостов через реку. Не отыскивайте грехов в добродушном, ошибок в учёном»¹⁵¹⁴.

История распространения христианства и ислама на Кавказе

Следует отметить, что именно с Кавказа на территорию России в её нынешних границах начали распространяться как христианство, так и ислам¹⁵¹⁵. В средневековый период своей истории Дагестан был по преимуществу христианским. Христианским царством была Кавказская Албания, включавшая в свой состав земли Южного Дагестана. Христианским было средневековое аварское царство Сарир, центр которого находился в Хунзахе. В Аварском округе, в 25 верстах от с. Хунзах имелась христианская церковь. Имам Шамиль за три года до своего пленения разрешил четырем христианам поселиться в этой старинной церкви, но спустя несколько месяцев, двое из них отлучились в Ведено, а оставшиеся были ограблены и убиты. В укреплении Ведено действовала Михайло-Архангельская церковь. Приход состоял из 17 дворов. Иоанн Кронштадский в 1895 году прислал 100 рублей на открытие церковной школы в Ведено, которая содержалась только на его средства.

На постройку школы И. Кронштадский прислал еще 500 рублей, стал членом церковно-приходского попечительства¹⁵¹⁶. Известие об убийстве богомольцев сильно огорчило Шамиля, и он приказал одному из наибов найти виновных в их смерти. Однако убийц так и не нашли¹⁵¹⁷. В период своего расцвета аварское царство Сарир входило, по словам известного византиниста Д. Оболенского, в «Византийское содружество наций» – союз восточнохристианских стран, опекаемый Византийской империей¹⁵¹⁸. По преданию, в восточной части Дагестана, вплоть до моря, христианство было распространено святым Елисеем, учеником апостола Фаддея. Закавказье посетили с проповедью пять святых апостолов: Андрей, Св.Матфей, Св.Иуда Фаддей (Левий), Св.Варфоломей и Св.Фаддей¹⁵¹⁹.

Христианское придание гласит: «В древности Апостолы с разрешения Богоматери, положили кинуть между собой жребий, кому в какую сторону отправиться для проповеди Евангелия. Богородица также пожелала участвовать в жеребьевке и ей досталась для проповеди земля Иверская (Грузия). С радостью приняв этот удел, она стала готовиться к отправлению на Кавказ, но ангел, явившийся ей, возвестил, что страна, доставшаяся ей в удел для проповеди, просветиться впоследствии, а она должна остаться в Иерусалиме»¹⁵²⁰. В 858 году император Михаил III направил в Хазарию для христианской проповеди Кирилла и Мефодия. На пути из Византии в Хазарский Каганат они посетили Северный Кавказ. Здесь была основана христианская община¹⁵²¹.

Самое раннее упоминание о христианстве в Азербайджане содержится в документах Синода 420 г. При перечислении областей, подчиненных в религиозном отношении «епископу, католикусу и архиепископу Востока» Маар Йабалахе I, названы Армения, Грузия, Арран и Азербайджан. В период с V по VII вв. в источниках упоминается ряд епископов Азербайджана. Распространение христианства в Гиляне связывается с именем апостола Фаддея. О христианстве в Гиляне для IV в. свидетельствует мученичество 20 гилянцев, служивших в войске Шапура II во время войн с Византией. Гилянцы отказались «почтить солнце, луну и огонь» и были казнены¹⁵²².

На протяжении всей двадцативековой истории христианства на Грузинской земле прослеживаются два явления – строгая ортодоксальность и доброжелательное отношение к людям иной веры. Дух экуменизма живет в Грузинской церкви со времени ее основания и

является одной из самых ярких и самобытных сторон ее истории. Экуменизм, т.е. готовность видеть в представителях иных исповеданий – христиан, а в представителях других религий – чад Божиих, не отринутых от руки Бога, эта евангельская и новозаветная идея, всегда жила в Грузии, в Грузинской Церкви, помогала ей в общении с соседними народами. Опыт общения с миром ислама парадоксальным образом суммировал грузинский поэт Важа Пшавела. В поэме «Гость и хозяин» из кровавого и непримиримого противостояния горцев-мусульман (кистинцев, чеченцев) и христиан (хевсуров) вырастает братская жертвенная любовь мусульманина Джохолы и его супруги Агазы и христианина Звиадаури, случайного гостя Джохолы, замученного его соплеменниками. Эта братская любовь соединяет их и за порогом смерти:

*«В глухую полночь, на вершине
Где вечным сном Джохолы спит,
Виденье чудное доныне
Случайным взором предстоит.
Взывает призрак мертвеца
«Звиадаури, брат мой милый,
Что не покажешь ты лица?»
И с отдаленного кладбища,
Во мраке ночи строг и хмур,
Покинув скорбное жилище,
Встает замученный хевсур...*

*И вот среди вершин Кавказа
Мерцает зарево костра,
И снова трапезу Агазы
Готовит братьям, как сестра.
Сквозь сумрак ночи еле зримо,
В сиянье трепетных огней
Ведут беседу побратимы
О дивном мужестве людей,
О дружбе, верности и чести,
Гостеприимстве этих гор...
И тот, кто их увидел вместе,
не мог насытить ими взор»¹⁵²³.*

В середине XVII века, судя по русским и грузинским источникам, в горной Чечне религиозная ситуация была неоднородна, ибо здесь встречались как горцы-христиане, так и горцы-мусульмане. В частности, по свидетельству тушинских послов, прибывших в Астрахань, вера у жителей «шибутской землицы (из общества Шатой) одна с тушинами», то есть христианская, а «иные шибутцы живут по-бусурмански». В 1658 г. представители шатоевцев прибывают в Москву в составе трех человек из тейпов варандой, чанти и тумсой. Шибутинские посланцы «учинили веру в Соборной церкви в Кремле», то есть была принесена христианская присяга¹⁵²⁴. Историк И. Цискаров приводит рассказ одного столетнего старика из горной Чечни, который говорил, что «во времена его детства вайнахи еще молились в церквах, к середине XIX в. только начавших разрушаться, а затем в горы приехали «персияне» и обратили вайнахов в ислам»¹⁵²⁵. Грузинский историк царевича Теймураза заявлял: «Кистины, галгаи и дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христиане...»¹⁵²⁶.

В различных местах Чечни встречаются христианские памятники и молельни (Эрда, Стела, Алмаз, Хин-Наана). В Веденском районе были обнаружены два кургана: Стела и Ерда, с изображением креста. Около с. Нихалой в поле стоял каменный крест без надписей и изображений. По чеченским преданиям, это окаменевшая девушка¹⁵²⁷. Кунта-Хаджи жил на горе Эртин – корт, которая считается местом древнего христианского святилища¹⁵²⁸. В преданиях чеченцев сообщается о том, что Кунта-Хаджи говорил, что он готов отдать свою жизнь, если по его вине прольется слезинка младенца, пусть даже принадлежащего к иноверцам. Идеи смирения, братства, непротivления злу, преодоление порочных наклонностей, духовно-нравственного совершенствования человека составили суть его учения, очень близкого по духу к православию¹⁵²⁹.

По свидетельствам некоторых исторических источников чеченцы, с начала IV столетия и до нашествия Чингиз-Хана, мало соблюдали христианскую веру. С начала XIII века часть князей, владельцев, народа стали принимать ислам, но остатки христианских обрядов сохранились до середины XVIII века¹⁵³⁰. Известный ингушский просветитель Чак Ахриев в статье «Похороны и поминки у горцев» отмечал: «С тех пор как распространилась магометанская религия между жителями Чечни, на плоскости ее стали хоронить покойников скоро после смерти, не устраивая никаких похорон и поминок, но в горах все еще весьма заметны следы язычества с примесью христианства, – там сохранился обычай

устраивать похороны и поминки»¹⁵³¹. Одна старая казачка, долго бывшая в плену в Чечне рассказывала, что «горцы почитают многие наши праздники: Троицу, Ильин день, поклоняются Георгию Победоносцу и чтут Богородицу. Во время сбора меду в Чечне бывает Богородичный праздник, потому что Она там почему-то считается покровительницей пчел. Молодые чеченки собираются в лес, на пасеку; там молятся, прославляя «Матерь Иссы (Иисуса), второго пророка после Магомета, по мнению мусульман»». Старый казак рассказывал: «Знаю одного чеченца, у которого пятый отец, то-есть, дед его прадеда, не только верил в Иссу, сына Великого Бога, но даже сам его шигенем, то-есть священником, был. Теперь, конечно, они этого не помнят и ни за что не захотели бы признать, что они одной веры с гурами были, – но это, несомненно! ...»¹⁵³².

Православие признаёт мудрость Афанасия Великого и Григория Богослова: «...то, что совершается силою против желания, – не только вынуждено, несвободно и не славно, но просто даже и не состоялось». Отсюда и указание митрополита Макария, данное им в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурию: «Всеякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их к крещению никак не приводить»¹⁵³³. Православие, по слову Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Первая задача православного миссионера – дать людям Св.Евангелие и богослужение на их языке. Православие признавало свободу исповедания и отвергало весь дух инквизиции – истребление еретиков, пытки, принудительное крещение¹⁵³⁴.

Для Европы тактика завоевания была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побеждённого народа; эта аристократия вырезалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм; несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно «германизировались». Россия выделяла верхние слои присоединённых народов, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой¹⁵³⁵. Мир в Новом Завете, как и в Ветхом, рассматривался православными как дар Божьей Любви. Насколько люди нарушают союз с Богом, то есть насколько они несправедливы, настолько они лишаются плода правды – мира¹⁵³⁶. Власть сильна не штыком и не казнью. Сила власти – есть, прежде всего, её духовно-государственный авторитет, её уважаемость, её признаваемое достоинство, её способность импонировать гражданам¹⁵³⁷.

Господствующая православная церковь, следуя проповеди апостолов, не разрешала себе использовать принудительные меры, угрозы при крещении. Местное начальство обязано было не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения их в христианство. Государство законодательно стимулировало переход иноверцев в православие. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г. в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда иноверец мог рассчитывать на смягчение наказания. Решением Государственного Совета (6 апр. 1849 г.) Сенату и другим судебным местам вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, пожелавшим креститься. Данная практика просуществовала в законодательстве до судебной реформы 1864 г. и была отменена в ходе ее реализации Указом 24 марта 1866 года. Необходимо обратить внимание на важный генеалогический момент: в 1865 году крестившимся иноверцам, находившимся на военной службе, разрешили заменять в формулярных и послужных списках отметку о прежнем вероисповедании обозначением сословия, к которому они принадлежали до поступления на службу, и дали право принимать новые фамилии, заимствованные от имен их крестных отцов¹⁵³⁸.

Из истории российской экспансии со всей очевидностью вытекает, что в рамках своей традиционной политики и практики, государство, начиная с московских времён, обнаруживало терпимость к верованиям своих неправославных подданных. И хотя оно приветствовало и поддерживало миссионерскую деятельность носителей православия, но лишь до той поры, пока такая деятельность не создавала угрозу для достижения главных первичных целей этого государства – поддержания социальной и политической стабильности и извлечения хозяйственной выгоды из интегрированных в состав России территорий¹⁵³⁹. Видный богослов и историк церкви протоиерей А. Шмеман писал: «...В истории православия, как и в истории христианства, вообще немало падений и человеческих грехов»¹⁵⁴⁰. В 1866 году кистов – мусульман насильственно крестили. В период с 1864 по 1868 гг. было крещено 160 кистин¹⁵⁴¹. В начале XX века в кистинских сёлах увеличилась численность мусульманских проповедников. Отсутствием у кистов собственной письменности воспользовались муллы, пытавшиеся ввести у кистов изучение арабского языка, однако многие кисты, когда-то принявшие крещение, не позволили своим детям учить арабский язык¹⁵⁴².

В России, по общему принципу, свобода проповеди принадлежала исключительно православной церкви, как господствовавшей, а, следовательно, привилегированной. Иноверцы не могли обращаться в свою веру православных. Всякое отпадение от православия считалось преступлением, против которого принимались как предупредительные, так и карательные меры¹⁵⁴³. Православным, как и всем христианам, был запрещен отход от своей церкви и переход в иноверные конфессии, в том числе обращение к исламу. Для этой цели на северокавказской окраине при некоторых ее епархиях действовали специальные противомусульманские и противобуддийские секции¹⁵⁴⁴. Отвлечение и отступление из православия в другую веру несло «совратителю» каторгу.

Согласно закону 4 декабря 1862 года иноверцы не христиане до 14 летнего возраста крестились не иначе, как с письменного согласия их родителей или опекунов, с 14 лет – без согласия последних. Решением Сената от 12 марта 1891 года наказывались лица, препятствовавшие убеждением, угрозами и насилием принимать другим людям крещение. Однако в российском законодательстве так и остался открытым вопрос о наказаниях за насильственное обращение иноверца в христианское исповедание. Появление самой постановки данного вопроса уже говорит о прициденте цивилизованного развития общества¹⁵⁴⁵. По закону, дети, прижитые в смешанных браках должны были быть воспитаны в христианской вере¹⁵⁴⁶. Высшего распоряжения о поселении христиан среди мусульман никогда на Кавказе не было, наоборот, приверженцам ислама запрещалось жить с христианами и их выселяли из сёл¹⁵⁴⁷.

Согласно Переписи 1897 года, в Терской области проживало 39,5% православных, в Кубанской области – 91,1%, в Дагестанской области жило всего 2,9% православного населения. Процент староверов (3,72%) ко всему населению Терской области был самый высокий на Кавказе. Количество иудеев ко всему населению Терской области было довольно значительно (0,7%). В городе Москве эта величина составляла 0,77%, в Петербурге – 1,34%, в Нижегородской губернии 0,17%. Мусульмане в Терской области являлись подавляющим большинством, по сравнению с количеством приверженцев других верований¹⁵⁴⁸.

Понятие свободы совести (вероисповедания) в XIX столетии имело следующие признаки:

1) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры;

2) свободу избрания вероисповедания;

3) свободу проповеди, с целью как обращения лица, принадлежащего к другому вероисповеданию, в свою веру, так и основание новой церкви;

4) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, не смотря на принадлежность к той или иной конфессии¹⁵⁴⁹.

К сожалению, стоит констатировать, что зачастую мусульмане Северного Кавказа были лишены прав, принадлежавших свободе совести. Например, в Терской области преследовались зикристы, публично исполнявшие обряды своей веры; в армии и на государственной службе мусульмане могли подняться по иерархической лестнице только до определённого уровня и т.д. В тоже время, после завершения Кавказской войны, имея значительное политическое и военное превосходство, царское правительство не допустило насильственного крещения чеченцев, как это делали европейцы в своих колониях.

Ислам имел равноправный статус с православием в крае, а исповедовавшее его население признавалось официально верноподданным, частью единого Отечества. В своде законов Российской империи на этот счет содержалось официальное разъяснение: «...все, присягая царю на верность подданства на кресте и Евангелии или по своей вере и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания»¹⁵⁵⁰. 17 апреля 1905 года император издал закон о веротерпимости. Впервые за всю российскую историю православные подданные царя получили законное право уходить из господствующей конфессии. Включение всех царских подданных в гражданский порядок подразумевало, что все должны иметь право свободно исповедовать свою веру. Тогда все будут членами какой-либо церкви и, таким образом, будут участвовать в гражданской жизни. Закон о веротерпимости предоставлял подданным царя право изучать Закон Божий в государственных школах на своем родном языке. Родители учащегося должны были указывать родной язык своего сына или дочери. 27 октября 1912 года Министерство народного просвещения заявило, что главы начальных школ должны были обращаться к родителям учащихся устно или письменно, чтобы определить их родной язык и не дать возможности неправославному духовенству повлиять на этот процесс. Чиновники от образования пытались получить сведения о родном языке непосредственно от самих его носителей, а не из рук религиозных институтов. Установление родного языка студентов стало объектом особого внимания руководства в 1912 году. По мере того как политика государства размывала значение сословного статуса и ве-

роисповедания для определения места человека в гражданском порядке, важным дополнением к этим традиционным категориям стала этническая принадлежность или национальность. В Российской империи национальность не была расовой характеристикой, но ее рассматривали как категорию более устойчивую, чем сословие и религия.

С.Ю. Витте указывал, что религиозная терпимость представляет собой ключевой момент в создании «национального государства» определенного типа, поскольку, по его мнению, веротерпимость устанавливала «отношения правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов». Витте подчеркивал, что гражданский порядок требует религиозной терпимости и, указывал на важность метрической регистрации. Веротерпимость позволяла большинству людей регистрировать метрическую информацию и таким образом приобретать основной гражданский статус через свою религиозную конфессию¹⁵⁵¹.

Одним из ярких показателей наличия гражданских прав у мусульман Российской империи были выборы в государственную Думу. В Первую государственную Думу было избрано 25 депутатов-мусульман, представлявших основные «мусульманские» регионы страны. Мусульманские депутаты государственной Думы первого созыва обладали достаточно высоким образовательным цензом. Из 22 членов мусульманской фракции лиц с высшим и средним образованием было 15, из них с высшим – 10 (в том числе чеченец Т. Эльдарханов). Остальные 7 депутатов окончили мусульманские мектебе и медресе: среди них 4 муллы, 2 купца, 1 золотопромышленник¹⁵⁵². Особенно высокий процент образованных был среди депутатов с Кавказа¹⁵⁵³.

За двухмесячный период работы Первой государственной Думы немногие из депутатов-мусульман успели выступить с думской трибуны. Большинство из намеченных планов и запланированных выступлений не были реализованы, что вызвало нарекания избирателей. Во Вторую государственную Думу было избрано 37 депутатов-мусульман, которые организовали две фракции и послали одного своего представителя в руководящие органы. Показательно, что совещания фракций нередко велись на русском языке. Инициатива исходила в основном от «окраинных» мусульман, которые заявили, что не понимают депутатов-мусульман из внутренней России. В Думе 3-го созыва из 199 внесенных запросов и вопросов, лишь четыре были инициированы непосредственно мусульманскими депутатами. Так, в частности, 15 марта 1910 г. ими был внесен

запрос наместника на Кавказе «О чинимом по отношению к туземному населению насилии со стороны отрядов, посланных для поимки разбойников в Ингушетии и Чечне». Запрос подписало 37 депутатов, в т.ч. 7 мусульман. Запрос долгое время пролежал в комиссии (по запросам) и был предъявлен наместнику лишь 8 марта 1912 г. Авторы запроса указывали на то, что терская администрация, желая прикрыть свою несостоятельность в борьбе с бандитами, применяла в отношении местного населения многочисленные репрессивные меры, нарушая законность и подрывая свой авторитет. Для дальнейшего «преуспеяния края» и развития благосостояния его населения депутаты предлагали выделить Терскую и Кубанскую области из состава Кавказского наместничества, коренным образом обновить местную администрацию (и особенно полицейские чины), упорядочить земельные отношения и т.д.¹⁵⁵⁴. Таким образом, создание и деятельность в составе государственной Думы самостоятельной мусульманской фракции стало важным показателем вступления наиболее активной части мусульманского общества в политическую жизнь России. Приоритетными задачами своей думской деятельности мусульманские депутаты определили: сохранение религиозно-культурной самобытности своих народов, достижения для мусульман юридического и фактического равноправия как российских граждан¹⁵⁵⁵.

Общее положение мусульман в православной Российской империи

Подведем некоторые итоги. В священных писаниях христианства и ислама гораздо больше общего, чем различий, о чём умалчивают сознательно или в силу неосведомлённости. Священные книги христиан, иудеев и мусульман, обладая оригинальной спецификой и своеобразием, в основе своей схожи. В мировоззренческих доктринах различных религий заложены общечеловеческие, нравственные начала, проповедь которых позволит найти компромиссы для объединения людских усилий в решении насущных задач современного мира. В наши дни следует не размежёвывать нации, исповедующие разного рода религии, но консолидировать их, и для этого необходимо искать и вычленять в культуре и религии, верованиях, обычаях, традициях то общее, что способствовало бы духовному возрождению не одного народа, а всех, населяющих регион¹⁵⁵⁶.

Особенности имперской организации пространства – строгая иерархия снизу вверх, от периферийных микрокосмов власти к ее макрокосму – Центру. Империя строится в своем идеале на всепроникновении основного принципа соподчиненности и ранжированности, в этом смысле понятна классификация народов на «русских» и «иностранцев», «старшего» и «младших» братьев. По мере набирания сил эта иерархия становится все более интернациональной. Империи свойственна не только социокультурная, но и, своего рода, этнопсихологическая мимикрия, она могла далеко заходить в стремлении приобщить нередко чужую ментальность иностранцев к «имперской идее». Многочисленные микросоциумы интегрировались в универсальную систему имперской культуры, с качественно иным типом социализации, не искоренявшим, впрочем, до известных пределов, традиционных укладов и норм жизни¹⁵⁵⁷. Реализация принципов универсализма и наднационализма имперской культурой характеризуется принятием концепции возможности «иностранцами» сохранять или не сохранять свою «этничность» – культурные и поведенческие особенности. Проявление национализма у имперского народа имеет своим следствием неизбежную деструкцию империи, ибо это отказ от культурной экспансии. Феномен относительной безболезненности идентификации малых этносов с имперской культурой России обусловлен этим качественным содержанием природы империи. Имперская культура, и мы это прекрасно понимаем, в определенной степени противостоит культуре национальной. Однако, имперская культура, по своей сути, должна быть наднациональной, универсальной, иначе она не является имперской.

Направленность на трансляцию имперской культуры определяется как имперскость – понимание экспансии как внеэкономического или политического действия, не ради определенных материальных дивидендов, а ради блага завоеванных народов, которым приносится божья благодать, процветание, порядок. Основными чертами имперской культуры следует считать: иерархичность, как институциональную, так и мировоззренческую; формулирование имперской идеи как центрального принципа империи, доминанты, идеальной конструкции в представлении имперского народа о строении и организации пространства; универсализм и наднационализм культуры; совмещение парадигм религиозных и государственных; изоляционизм и традиционализм, понимаемый как неприятие модернизации работающей имперской модели; направленность на трансляцию имперской культуры, которая обосновывается

как «цивилизаторская миссия». Процесс идентичности малых этносов определяется сдвигом ментальности, вынужденным стремлением к идентификации с русской имперской культурой, экономическими и общественными институтами под давлением внешних факторов – имперского окружения. Для полноценного существования этноса в рамках империи особую важность приобретает механизм идентичности с имперской культурой¹⁵⁵⁸.

Вся история Чечни в составе России подтверждает, что две группы – меньшинство и доминант – не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве. Отдельные ценностные установки и стереотипы могут носить конфронтационный характер. Но и здесь механизмы просты и давно известны наукам, связанным с этничностью: эффективность стереотипа ситуативная; рост интенсивности и количества контактов с другими этносами снижает этноцентризм и т.д. Механизмы антиправительственной политической мобилизации чеченского этноса стали бы намного менее эффективными с улучшением социально – экономических условий жизни его представителей¹⁵⁵⁹. Огромная роль в стабилизации взаимоотношений в этнополитическом пространстве отведена купированию стрессовых ситуаций. Наконец, общеизвестные истины – культура толерантности формирует лояльное отношение индивида к представителям иноэтнической общности.

Необходимо отметить большое культурное значение для Кавказа его присоединения к Российской империи. Россия немало содействовала развитию в крае просвещения, литературы, искусства. Проводилось изучение Кавказа различными отраслями науки: историей, географией, геологией, минералогией, картографией, этнографией, археологией и т.д.¹⁵⁶⁰. Можно констатировать, что вплоть до падения монархии Романовых, в Российской империи существовала далеко не идеальная, но в целом достаточно удовлетворяющая основным религиозным потребностям мусульман, система организации их духовной жизни, которую власти постоянно стремились усовершенствовать, но не всегда сходились во взглядах на методах и формах этих изменений.

Проведенный нами анализ и систематизация научно – педагогического наследия горских и русских просветителей, выдающихся писателей и критиков, источников историко – педагогического, исторического, этнографического характера, различных официальных документов, периодической печати, архивных материалов позволили раскрыть основные

направления развития школы, педагогической мысли и общественно – педагогического движения в Чечне во второй половине XIX века. Решающую роль в приобщении северокавказских горцев к русской и европейской культуре сыграло присоединение Кавказа к России; именно после этого исторического акта произошли определенные сдвиги в развитии светского просвещения, науки, искусства¹⁵⁶¹. Просветительско – педагогическая мысль северокавказских горцев не стала копией просветительской мысли России, она имела свои особенности, отражающие определенный уровень национального самосознания горцев. Просветители горских народов: У. Лаудаев, Ч. Ахриев, К. Атажукин отличались разносторонностью интересов, просвещение соотечественников мыслилось ими как наиболее радикальное средство для выхода на уровень европейской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башиева С.К., Геляева А.И. Концепт «мера» (норма) в языковой картине мира народов Кавказа (На материале пословиц и поговорок) // Эльбрус. – Нальчик, 2001-2002. – № 1 (13). – С.222-224.

² Сурков В.Ю. Тексты 97-07. – М., 2008. – С.18.

³ Фаган Б.М., Де Корс Кристофер. Археология. В начале. – М., 2007. – С.143-144.

⁴ Яценко В. Религиозный взгляд на встречу и сосуществование народов и культур в современном мире // Мультикультурализм и этнополитические модели XXI века. Материалы научно-практической конференции. Женева, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. – М., 2006. – С.31.

⁵ Тернавский Н.А. Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Историко-этнографический очерк. – Краснодар, 2006. – С.6.

⁶ Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений). Дис. ...докт. ист. наук. – СПб., 2005. – С.24.

⁷ Сурков В. Тексты 97-07. – М., 2008. – С.10-11, 13.

⁸ О социальной концепции русского православия – М., 2002. – С.373.

⁹ Лебедева Е.П. Культурная целостность народов Северного Кавказа. Дис. ...канд. филос. наук. – Волгоград, 2006. – С.127, 131.

¹⁰ Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001. – С.110.

¹¹ Лебедева Е.П. Культурная целостность народов Северного Кавказа. Дис. ...канд. филос. наук. Волгоград, 2006. – С.123-124.

¹² Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенглера и евразийства). Дис. ...канд. филос. наук. – Рн/Д., 2006. – С.89.

¹³ Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. ...канд. полит. наук. – М., 2006. – С.130.

¹⁴ Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М., 2006. – С.318-319.

¹⁵ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007. – С.5-9.

¹⁶ Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. ...канд. полит. наук. – М., 2006. – С.167.

¹⁷ Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.369-370.

¹⁸ Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М., 2006. – С.318-319.

¹⁹ Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенглера и евразийства). Дис. ...канд. филос. наук. – Рн/Д., 2006. – С.168-169.

²⁰ Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского гос. пед. ин-та. Вып.39. – Ставрополь, 2004. – С.53.

²¹ Кобахидзе Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессах интеграции и дезинтеграции народов Северного Кавказа (социокультурный анализ) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2004. – № 4 (37). – С.73.

²² Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.272.

²³ Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006. – С.63.

²⁴ Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе инонациональных композиторов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.406.

²⁵ Айларова С.А. Общественно – политическая мысль народов Северного Кавказа: XIX век. Дис. ...докт. ист. наук. – Владикавказ, 2003. – С.450-451.

²⁶ Айбатов М.М. Проблема взаимодействия модернизирующих государственно-правовых реформ и этнических государственно-правовых культур горских народов в творчестве просветителей 60-70-х годов XIX века // История государства и права. – М., 2007. – № 7. – С.37.

²⁷ Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г. XIX в.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Тбилиси, 1989. – С.13.

²⁸ Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006. – С.64.

²⁹ Айларова С.А. Общественно – политическая мысль народов Северного Кавказа: XIX век. Дис. ...докт. ист. наук. – Владикавказ, 2003. – С.454-455.

³⁰ Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980. – С.11; Блейх Н.О. Становление люмьеризма у северокавказских народов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11. – С.151.

³¹ Далгат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вербальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.194, 196.

³² Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002. – С.9.

³³ Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа. Автореф. дис. ...доктора архитектуры. – М., 2000. – С.3.

³⁴ Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.) – М., 1998. – С.11.

³⁵ Торкунов А.В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность.

Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.13.

³⁶ Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х ч. Ч.1. – М., Волгоград, 2006. – С.223.

³⁷ Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в. // Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно-практической конференции. Ставрополь, 20 июня 2003 г. – М., Ставрополь, 2003. – С.27.

³⁸ Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002. – С.211.

³⁹ Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально- горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005. – С.78-79.

⁴⁰ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т.6. – С. 14.

⁴¹ Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. / Под общ. Ред. А.И. Соловьева. – Т.1: XIX – начало XX в. – М., 2008. – С.455.

⁴² Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик, 2003. – С.3.

⁴³ Там же. – С.16.

⁴⁴ Я.М. Неверов. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. Декабрь 1869. Ч. CXLVI. – СПб., 1869.

⁴⁵ Гакстгаузен А.фон Август Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб., 1857. – С.56.

⁴⁶ Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С.374.

⁴⁷ Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006. – С.25.

⁴⁸ Хасмагоматов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.311.

⁴⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С.62, 64.

⁵⁰ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С.67, 78.

⁵¹ Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002. – С.25.

⁵² Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ). Дис. ...докт. юр. наук. – М., 2000. – С.207.

⁵³ Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002. – С.24-25.

⁵⁴ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С.189.

⁵⁵ Оразев Г.М. – Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007. – С.64,82,123.

⁵⁶ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М. 2002. – С. 364.

⁵⁷ Прасолов Д.Н. Адыги в составе царской России во второй половине XIX – начале XX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Под ред. Проф. М.А. Кумахова. – М., 2006. – С.288.

⁵⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.2001. – С.36.

⁵⁹ Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. ...канд. филос. наук. – Грозный, 1999. – С.82.

⁶⁰ Яндаров Х. История чеченской письменности. // Северо – Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т.II.-Р н/Д. 1929. – С.271.

⁶¹ Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. ...канд. филос. наук. – Грозный, 1999. – С.84.

⁶² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II.-М.2001. – С.38.

⁶³ Чентиева И.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы. // Очерки истории ЧИАССР Т.1. – 1967.

⁶⁴ Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. ...канд. филос. наук. – Грозный, 1999. – С.115.

⁶⁵ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – С.38.

⁶⁶ Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. №3. – С.233.

⁶⁷ Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М., 2004. – С.15.

⁶⁸ АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.П. Оп.2. Д.14. Л.1-9.

⁶⁹ Шифнер А. Tschetschenzische Studien. – St.Petersburg. 1864. – С. 23.

⁷⁰ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.332.

⁷¹ Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 1998. – С.47,116-117.

⁷² Бунькова Ю.В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2007. – С.25,30,33,83.

⁷³ Бунькова Ю.В. Культурологический синтез в кавказской политике П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 4. – С.113-114.

⁷⁴ Рашидова Г.Р. О публицистике П.К. Услара // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2. – С.50.

⁷⁵ АВ СПб. ФИВ РАН Разр. II. Оп. 2. Д. 14. Л. 1-11 об.

⁷⁶ Чеснов Я. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование). // Знание – сила. – 2001. – № 7. – С. 91.

⁷⁷ Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М. 2004. – С. 44.

⁷⁸ Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006. – С. 65.

⁷⁹ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С. 89

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Д. 10. Л. 13.

⁸¹ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М. 2002. – С. 366.

⁸² Layton S. Russian literature and empire conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 2005. – S. 253.

⁸³ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д. 1990. – С. 226.

⁸⁴ Куреня О.О. Социолингвистический аспект двуязычия в Ирландии // Судьба языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008. – С. 251-252, 254-255.

⁸⁵ Кудряшев В.Н. Имперская и этнократическая тенденции в русском национализме конца XIX – начала XX века // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. – Уфа, 2007. – № 31/32. История. – С. 60, 69.

⁸⁶ Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная, 1999. – С. 13-14.

⁸⁷ Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. – Тбилиси, 1984. – С. 96, 99.

⁸⁸ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн. 1. – Владикавказ. 1891. – С. 60.

⁸⁹ Айларова С.А. В поисках национальной идентичности // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С. 16.

⁹⁰ Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани, 2008. – С. 79-80.

⁹¹ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д., 1990. – С. 83-86.

⁹² Хорув Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе. 1971. – С. 88, 93.

⁹³ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С. 543-544.

⁹⁴ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М. 2002. – С. 372.

⁹⁵ Там же. – С. 367.

⁹⁶ А. Сулейманов. Топонимия Чечни. – Нальчик. 1997. – С. 664.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 501.

⁹⁸ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века – М. 2002. – С. 373.

⁹⁹ Гешаев М.Б. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный. 1999. – С. 265.

¹⁰⁰ Винныйчук А.В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спец. выпуск «Вопросы филологии» 2006 г. – Рн/Д., 2006. – С. 81, 83.

¹⁰¹ История народов Северного Кавказа (кон. XVIII в.-1917 год.). – М. 1988. – С. 346.

¹⁰² Хорув Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Махачкала. 1966. – С. 11.

¹⁰³ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Рн/Д., 1990. – С. 85-86.

¹⁰⁴ Аракелян Ф.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб., 2004. – С. 45-46.

¹⁰⁵ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. канд. пед. наук. – Махачкала, 2007. – С. 66, 69.

¹⁰⁶ Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 3. – Казань, 1896-1898. – С. 355.

¹⁰⁷ Аракелян Ф.А. «Цензурное

¹⁰⁸ Аракелян Ф.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб., 2004. – С. 53.

¹⁰⁹ Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX вв. – СПб. 1994. – С. 39.

¹¹⁰ Белобородова А.А. Цензурное законодательство в России во втор. пол. XIX – начале XX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: 2 т.: сб. научн. трудов IV Международной научной конференции (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). – Белгород, 2007. – С. 28.

¹¹¹ Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 3. Сборник статей. – Краснодар, 2005. – С. 64-65, 80.

¹¹² Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М., 1962. – С. 4.

¹¹³ Островский О.Б. Эволюция цензурной политики при Александре I (1801-1825) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2. – С.122-124.

¹¹⁴ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М. 1973. – С.8.

¹¹⁵ Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 г. – Б.м. Б.г. – С.5.

¹¹⁶ Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. ...канд. истор. наук.-Тбилиси. 1986. – С.14.

¹¹⁷ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005. – С.1.

¹¹⁸ Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2000. – С.113-114.

¹¹⁹ В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – №14. – С.1.

¹²⁰ Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2000. – С.123.

¹²¹ Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М., 2006. – С.458-459, 463.

¹²² Бердников И. Об управлении духовных дел магометан // Имперское возрождение. – М., 2007. – № 2 (10). – С.26.

¹²³ Блохин В.Ф. «Блюстители благочиния»: российская цензура и служащие цензурных ведомств 1820-е – 1860-е гг. // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки 1, 2006. – СПб., 2006. – № 2. – С.48.

¹²⁴ Асватуров А.С. Люди Империи: заведующие Восточным отделением Императорской Публичной библиотеки // Библиотековедение. – М., 2007. – № 2. – С.87.

¹²⁵ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.175.

¹²⁶ Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М., 2005. – № 2. – С.178.

¹²⁷ Сапожников А.И. Из истории военной цензуры в России: деятельность военно-цензурного комитета (1835-1858 гг.) // Клио. – М., 2002. – № 4(19). – С.55.

¹²⁸ Блохин В.Ф. О вреде «Вредного направления» // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2. – С.110.

¹²⁹ Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М., 2006. – С.464-465, 468.

¹³⁰ Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск, 2006. – С.76.

¹³¹ Вапилин Е.Г. Освещение периодической печатью России жизни армии и флота // Военно-исторический журнал. – М., 2006. – № 8 (556). – С.12-13.

¹³² Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа). – СПб., 1912. – С.180-181.

- ¹³³ Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика... С.48-49.
- ¹³⁴ ГА РФ. Ф.678.Оп.1.Д.680. Л.12.
- ¹³⁵ Лилиов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 г. – Б.м. Б.г. – С.19.
- ¹³⁶ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М.1973. – С.441.
- ¹³⁷ Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2003. – С.53-54.
- ¹³⁸ Юшкин Е.М. Обзор деятельности Терского отделения Императорского Русского технического общества. – Б.м., 1910. – С.5-6,9.
- ¹³⁹ Отчет Тифлисского Общества покровительства животным за 1901 год. – Тифлис, 1902. – С.33.
- ¹⁴⁰ Отчет Тифлисского Общества покровительства животным за 1902 год. – Тифлис, 1903. – С.12.
- ¹⁴¹ Отчет Тифлисского общества покровительства животным за 1903 год. – Тифлис, 1904. – С.20-21.
- ¹⁴² Ипполитов Г.М. Моральный дух Русской армии: из истории изучения проблемы // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36). – С.18-19.
- ¹⁴³ Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007. – С.14-15.
- ¹⁴⁴ Стефанов А.Т. Архив Крепости Св. Дмитрия Ростовского и его судьба // Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Вып.1. Кн.1 (т.III). Записки. – Р н/Д., 1927. – С.19-22.
- ¹⁴⁵ Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007. – С.47-48.
- ¹⁴⁶ Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007. – С.10-11, 35, 50.
- ¹⁴⁷ Пылков О. «В книгах недостаток, остается играть в карты!» Первые библиотеки на Северо-Западном Кавказе // Родина. – М., 2008. – № 2. – С.59.
- ¹⁴⁸ Селиванова Н.А. Издательская деятельность... – С.32, 82, 86, 88.
- ¹⁴⁹ Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность. // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.2. Сборник статей / КГУКИ. – Краснодар. 2004. – С.137, 139.
- ¹⁵⁰ Ю. Дадаев. Столицы Шамиля. – М., Махачкала, 2007. – С.250-251.
- ¹⁵¹ Шарафутдинова Р.Ш. А.К. Казем-бек и имам Шамиль // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007. – С.292-293.

¹⁵² Мусукаев А., Мальбахов К. «Письма с Кавказа и Крыма» // Эльбрус – Нальчик, 1999. – № 1 (10). – С.150.

¹⁵³ Арапович Б. О Шамиле на шведском языке // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3. – С.28.

¹⁵⁴ Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.275.

¹⁵⁵ Вердеревский Е.А., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. – Тифлис, 1855. – С.3,5.

¹⁵⁶ Макоева Л.С. Роль культурно-просветительных и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2006. – С.65-66.

¹⁵⁷ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С.157.

¹⁵⁸ Лысых Л.Д. «Энциклопедия ума и сердца» // Московский журнал. – М., 2008. – № 2. – С.30.

¹⁵⁹ Слуцкий А.И. Материалы по истории книжного дела региона в фондах государственных учреждений дореволюционного Северного Кавказа // Журналистика: историко-литературный контекст. Вып.1. – Краснодар, 1999. – С.66-67.

¹⁶⁰ Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2007. Т.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007. – С.153.

¹⁶¹ Макоева Л.С. Роль культурно-просветительных и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2006. – С.65.

¹⁶² Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М. 2002. – С.374 -375.

¹⁶³ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч.II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888. – С.20.

¹⁶⁴ Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М. 2003. – №2. – С.16.

¹⁶⁵ Ахметова У.Т. Русское Географическое общество и Казахстан // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – Элиста, 2008. – № 1. – С.133.

¹⁶⁶ Мелкадзе Н.В. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // История библиотек. Исследования, материалы, документы. Вып.6. – СПб., 2006. – С.57-58, 64.

¹⁶⁷ Отчет по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библиотеке за 1892 год. – Тифлис, 1892. – С.20.

¹⁶⁸ Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского Статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе

// Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. – Краснодар, 2005. – С.143-144.

¹⁶⁹ Мелкадзе Н.В. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // История библиотек. Исследования, материалы, документы. Вып.6. – СПб., 2006. – С.64.

¹⁷⁰ Газданова Е.А., Мадзаева Е.К. Из истории создания Национальной научной библиотеки Республики Северная Осетия – Алания // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. – Краснодар, 2005. – С.300-301.

¹⁷¹ Ермоленко Л.П. Охрана памятников старины на Северном Кавказе в 1920-30-х гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.48. – Ставрополь, 2007. – С.6.

¹⁷² Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис. 1883. – С.3,40,43.

¹⁷³ Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополя, Дона и Кубани). : Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.76.

¹⁷⁴ Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX в.. // Кавказский сборник. – Т.4 (36). – М., 2007. – С.97-98.

¹⁷⁵ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007. – С.352-353.

¹⁷⁶ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.331-332.

¹⁷⁷ Портнов А. Великий псевдоним Иосифа Пржевальского // За семью печатями. – М., 2007. – № 1. – С.28.

¹⁷⁸ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.30.

¹⁷⁹ Макашвили З.А. Смирнов-Кавказский (1847-1891). – Тбилиси, 1988. – С.3-31.

¹⁸⁰ Сатунин К.А. Обзор исследования млекопитающих Кавказского края. – Тифлис, 1903. – С.1.

¹⁸¹ Албогачиев Р.Ш. Без прошлого нет будущего // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005. – С.32.

¹⁸² Богданов М. Птицы Кавказа // труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып.4. – Казань, 1879. – С.7-8., 10.

¹⁸³ Албогачиев Р.Ш. Путешествие И.А. Гюльденштедта на Кавказ // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005. – С.59,66.

¹⁸⁴ Сатунин К.А. Обзор исследования млекопитающих Кавказского края. – Тифлис, 1903. – С.1-2.

¹⁸⁵ Богданов М. Птицы Кавказа // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып.4. – Казань, 1879. – С.14.

¹⁸⁶ Богданов М. птицы Кавказа // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып.4. – Казань,1879. – С.1,6,19,35-37,187.

¹⁸⁷ Савчук В.С. Иван Яковлевич Акинфеев. 1851-1919. – М.,1996. – С.5,38-39,45-46.

¹⁸⁸ Моников С.Н. История географических исследований Волго-Донского поречья во второй половине XVIII – начале XX вв. Дис. ...канд. географ. наук. – М.,2007. – С.76,80.

¹⁸⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.30-34.

¹⁹⁰ Кузнецов Н., Буш Н., Фомин А. Материалы для изучения флоры Кавказа. Вып.14. – Юрьев,1906. – С.117.

¹⁹¹ РГВИА. Ф.1329. Оп.1. Д.12. Л.3.

¹⁹² Калинин С. История научных организаций Северного Кавказа // Обозреватель. – М.,2006. – № 6 (197). – С.119.

¹⁹³ Макашвили З.А. Смирнов-Кавказский (1847-1891). – Тбилиси,1988. – С.27.

¹⁹⁴ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.31-32.

¹⁹⁵ Оверин А., Ситовский Н. Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту. – С.51,102,230.

¹⁹⁶ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.30-31.

¹⁹⁷ Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Дис. ...канд. биолог. наук. – М.,2005. – С.41,45,47,53.

¹⁹⁸ Гриневецкий Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. – Юрьев,1903. – С.III.

¹⁹⁹ Гутнов Ф.К. Горский феодализм. Ч.1. – Владикавказ,2007. – С.29.

²⁰⁰ Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Автореф. дис. ...канд. биолог. наук. – М.,2005. – С.7,9.

²⁰¹ Мильков Ф.Н.А.Н. Краснов – географ и путешественник. – М.,1955. – С.54-56,61,116.

²⁰² Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб.,2006. – С.325.

²⁰³ Рассказы о русском первенстве. – М.,1950. – С.397.

²⁰⁴ Бараков П. В.В. Докучаев. Биографический очерк. – Варшава,1904. – С.3.

²⁰⁵ Всемирная выставка Париж. 1900 г. Русский отдел. Участие России на Всемирной Парижской выставке

1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. – СПб.,1901. – С.27.

²⁰⁶ В. В. Докучаев // Нива. – СПб.,1905. – № 45. – С.902-903.

- ²⁰⁷ Шальнев В.А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2007. – С.244.
- ²⁰⁸ Владыченский А.С. Язык научных трудов выдающегося естествоиспытателя России // Московский университет. – М., 2007. – №17 (4208). – С.2.
- ²⁰⁹ Эммин Г. Великий русский почвовед // Смена. – М., 1951. – № 8. – С.18.
- ²¹⁰ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.194.
- ²¹¹ Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб., 2006. – С.53-54,59.
- ²¹² Шальнев В.А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2007. – С.103.
- ²¹³ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.29.
- ²¹⁴ Река Терек от Шелкозаводской станицы до устья. – СПб, 1863. – С.1,3.
- ²¹⁵ Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар, 1991. – С.7.
- ²¹⁶ Зимницкий А.В. Формирование и распространение динамики приледниковых озер Западного и Центрального Кавказа (в границах России). Дис. ...канд. географ. наук. – Краснодар, 2005. – С.10,12,231.
- ²¹⁷ Статковский Б.И. О причинах происхождения Казбекского завала и о мерах для его предупреждения. – Тифлис, 1877. – С.1.; Носов К.Н., Запороженко Э.В., Черноморец С.С., Тутубалина О.В. Исследования селевых потоков в России и бывшем СССР: история и перспективы // Сборник научных трудов Северо-Кавказского института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»). Вып.17. – Пятигорск, 2007. – С.168.
- ²¹⁸ Михайлов К.Е. В горах Кавказа. – М., 2001. – С.37.
- ²¹⁹ Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар, 1991. – С.7.
- ²²⁰ Албогачиева М. С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2007. – С.26.
- ²²¹ Мушкетов И. Геологическая поездка на Кавказ в 1881 году. – СПб., 1882. – С.13-14.
- ²²² Отчет Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1870 год. – Тифлис, 1871. – С.15.
- ²²³ Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие. – Грозный, 2006. – С.131.
- ²²⁴ Грове Ф. Холодный Кавказ. – СПб., 1879. – С.20.
- ²²⁵ Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие. – Грозный, 2006. – С.30.

²²⁶ Псянчин А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 28 ноября 2003 г. – Уфа, 2003. – С.249-250.

²²⁷ Багров Л. История русской картографии. – М., 2005. – С.456.

²²⁸ Каримов А.Э. Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – нач. XX в. – М., 2007. – С.14-15.

²²⁹ Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. Система подготовки военных топографов в Российской империи // Пишем времена и случаи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25-26 апреля 2008 г.). – Новосибирск, 2008. – С.111-112.

²³⁰ Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С.81-82, 84.

²³¹ Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб., 1879. – С.3-4.

²³² Каталог склада Военно-топографического отдела Генерального штаба. Вып. II. – СПб., 1887. – С.1.

²³³ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.119.

²³⁴ Каталог склада Военно-топографического отдела Генерального штаба. Вып. II. – СПб., 1887. – С.5, 7, 10.

²³⁵ Военно-историческая карта Северо-Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002. – С.1.

²³⁶ Аталиков В.М. Наша старина. – Нальчик, 1996. – С.98, 159.

²³⁷ Алиев Б.Г. И.-Г. Гербер о союзах сельских общин Аварии // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 1. – С.37.

²³⁸ Аталиков В.М. Наша старина. – Нальчик, 1996. – С.88.

²³⁹ Там же. – С.98.

²⁴⁰ Псянчин А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 28 ноября 2003 г. – Уфа, 2003. – С.251-252.

²⁴¹ Карта российских владений за Кавказом. Составлена Корпусным топографом, поручиком Колоколовым в 1836 году. – СПб, 1836. – С.1.

²⁴² Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. – Ульяновск, 2007. – С.11.

²⁴³ Мартынов Н.Г. Систематическая роспись книг, брошюр, атласов и карт. – СПб., 1911. – С.5.

²⁴⁴ Военная энциклопедия. Т.6. – СПб., 1911. М., 2001. – С.571.

²⁴⁵ Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007. – С.105, 122.

²⁴⁶ Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар, 1991. – С.7.

²⁴⁷ Елисеев А.В. Российские исследователи Кавказа // География в школе. – М., 2000. – № 1. – С.32.

- ²⁴⁸ Садулаев Г. Я – чеченец. – Екатеринбург, 2006. – С.109.
- ²⁴⁹ Листопадов Е. Кавказ // Кавказ. Вечность в камне: Фотоальбом. – Нальчик, 1994. – С.3.
- ²⁵⁰ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.27.
- ²⁵¹ Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.). Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2004. – С.110-111, 134.
- ²⁵² Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX-начале XX вв. – М. 1964. – С.20, 22.
- ²⁵³ Отчет Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1870 год. – Тифлис, 1871. – С.15.
- ²⁵⁴ Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб., 1879. – С.7-9.
- ²⁵⁵ Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1. – Б.м. Б.г. – С.17, 37.
- ²⁵⁶ Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб., 1913. – С.73.
- ²⁵⁷ Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М., 1994. – № 4. – С.18.
- ²⁵⁸ Каталог педагогически-профессионального отдела Кавказской выставки 1889 г. – Тифлис, 1889. – С.1.
- ²⁵⁹ Соснина Е.Л. Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 6. (578). – С.67, 70.
- ²⁶⁰ Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик, 1987. – С.64, 69.
- ²⁶¹ Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э.. – Ставрополь, 1999. – С.10.
- ²⁶² Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807-1808 годах. – Нальчик, 2008. – С.311.
- ²⁶³ Инжил я Делаца бинчу керлачу бартах лаьцна долу тептар (Новый Завет на чеченском языке). – Самара, 2007.
- ²⁶⁴ Кусаев А.Д. Писатели Чечни. – Грозный, 2005. – С.12-14.
- ²⁶⁵ Албогачиева М.С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2007. – С.22, 31.
- ²⁶⁶ Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. – М., 2008. – С.245.
- ²⁶⁷ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.23-24.
- ²⁶⁸ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.24-25.

- ²⁶⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.27.
- ²⁷⁰ Албогачиева М.С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – перв. трети XX вв. Дис.Канд. ист. наук. – СПб., 2007. – С.15.
- ²⁷¹ Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.1030.
- ²⁷² Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVIII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.193.
- ²⁷³ Джапаридзе С.С. Грузия на выставках народного хозяйства в XIX в. – Тбилиси, 1985. – С.99.
- ²⁷⁴ Эсадзе Б.С. Альбом Картинной галереи Кавказского Военно-Исторического музея. – Тифлис, 1899. – С.4.
- ²⁷⁵ Сидоров В. По России. Т.2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. – СПб., 1897. – С.96.
- ²⁷⁶ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.94-95.
- ²⁷⁷ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVIII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.193, 198.
- ²⁷⁸ Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю императору. – СПб., 1860. – С.173, 175.
- ²⁷⁹ Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л., 1981. – С.24, 43-44.
- ²⁸⁰ Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – С.30.
- ²⁸¹ Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатыян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX-начале XX вв. – М. 1964. – С.23.
- ²⁸² Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Дис. ...канд. биолог. наук. – М., 2005. – С.64.
- ²⁸³ Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры. Дис. ...канд. филос. наук. – Рн/Д., 2003. – С.25.
- ²⁸⁴ Аджи М. Азиатская Европа. – М., 2006. – С.368, 370.
- ²⁸⁵ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.120.
- ²⁸⁶ Лаза В.Д. Христианство и ислам сквозь призму истории // Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог – путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск, 2004. – С.22.
- ²⁸⁷ Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006. – С.76.
- ²⁸⁸ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль. 2001. – С.20.
- ²⁸⁹ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М. 1997. – С.82-90.
- ²⁹⁰ Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.224-225.

²⁹¹ Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, каджары и Мехмет Али Египетский // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2006. – № 1 (5). – С.41.

²⁹² Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Дис. ...канд. ист. наук. – С.3.

²⁹³ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.117.

²⁹⁴ Розенфельд Б.М. Дышу Кавказом // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.357.

²⁹⁵ Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь, 2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 26.05.03, № 58 018. – С.25-26.

²⁹⁶ Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик. 1994. – С.74.

²⁹⁷ Бурыкина Л.В. Особенности интеграции Северного Кавказа в государственное пространство России в XIX в. // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 3-4 апреля 2008 г. – Улан-Удэ, 2008. – С.51-52.

²⁹⁸ Сегень А. Окончание бесконечной войны... // Новая книга России. – М., 2004. – № 7 (67). – С.8.

²⁹⁹ Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.119, 123.

³⁰⁰ Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. ...канд. ист. наук. – С.86.

³⁰¹ Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.223-224.

³⁰² Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь, 2003. – Деп. В ИНИОН РАН 26.05.03, № 58 018. – С.28.

³⁰³ Шепелев Л. Гражданские чиновники Военного министерства 1834-1855 // Цейхгауз. – М., 1999 – № 9. – С.19.

³⁰⁴ Ивахненко А.С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Вып.4. – МайкопЮ, 2001. – С.187-188, 192-197.

³⁰⁵ Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36). – С.73-74.

³⁰⁶ Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.147, 149.

³⁰⁷ МАЭ РАН ОК. Ф.121-105. Ф.136-22. Ф.1403-23.

³⁰⁸ Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.12.

³⁰⁹ Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга. // Археолого – этнографический сборник. Т.III. – Грозный. 1969. – С.155.

³¹⁰ Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов втор. Пол. XIX – конца XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.72-76,83.

³¹¹ Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов втор. пол. XIX – конца XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С. 95,123,125.

³¹² Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа (народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов). Дис. ... докт. ист. наук. – Майкоп, 2001. – С.192.

³¹³ Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М.: Пробел-2000, 2005. – С.48, 90, 184, 194.

³¹⁴ Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов втор. пол. XIX – конца XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.116.

³¹⁵ Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. В 2-х томах. Т.1. – СПб., 1913. – С.26.

³¹⁶ Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб., 1905. – № 12. – С.338, 342.

³¹⁷ Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный. 1999. – С.302.

³¹⁸ Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006. – С.157-158.

³¹⁹ Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.). – Краснодар, 2007. – С.143, 145, 149, 152, 153, 158.

³²⁰ Рыбалко С.Н. Легенды и предания Кавказа. – Ставрополь, 2000. – С.210.

³²¹ Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2000. – С.108.

³²² Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.) Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.92.

³²³ Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962. – С.17-18.

³²⁴ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С.320.

³²⁵ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.277-278.

- ³²⁶ Грачева О.А. Художественное творчество русских офицеров в XIX веке: монография. – М., 2007. – С. 46.
- ³²⁷ Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов втор. пол XIX – конца XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С. 12.
- ³²⁸ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006. – С. 75-76.
- ³²⁹ Розенфельд Б.М. Дышу Лермонтовым // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С. 400.
- ³³⁰ Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 894.
- ³³¹ Розенфельд Б.М. Дышу Лермонтовым // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С. 404-405.
- ³³² Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. ...докт. филол. наук. – Нальчик, 2004. – С. 291.
- ³³³ Левашев Е.М. А.А. Алябьев // Вестник истории, литературы и искусства. Т.4. – М., 2007. – С. 419, 421.
- ³³⁴ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006. – С. 74-76.
- ³³⁵ Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – СПб., 1879. – С. 38
- ³³⁶ Огранович И. Поездка в Ичкерии // Кавказ. – Тифлис, 1866. – №22. – С. 102.
- ³³⁷ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С. 117-119, 127.
- ³³⁸ Богуславский С. М.М. Ипполитов-Иванов. – М., 1936. – С. 9-11, 22, 35-36.
- ³³⁹ Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908. – С. 17.
- ³⁴⁰ Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М., 1934. – С. 40-41, 48, 55-56, 58, 82, 94.
- ³⁴¹ Аталиков В.М. Наша старина. – Нальчик, 1996. – С. 131, 140.
- ³⁴² Яхияев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. ...канд. филос. наук. – М., 1996. – С. 70-71.
- ³⁴³ Юнусова В.Н. Ислам – музыкальная культура и современное образование в России: Монография. – М., 1997. – С. 77, 88, 92, 95-97, 120-123.
- ³⁴⁴ Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (перв. пол. XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп, 2008. – С. 19.
- ³⁴⁵ Ахмадов Я.Э. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – С. 281, 284.
- ³⁴⁶ Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007. – С. 20-21.
- ³⁴⁷ Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. «Кавказ, далекая страна». – Воронеж, 2006. – С. 320.

³⁴⁸ Цит. по: Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2003. – С.86,89.

³⁴⁹ Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908. – С.61.

³⁵⁰ Ашхотов Г. Периодизация изучения музыки – устной традиции адыгов // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007. – С.32.

³⁵¹ Абдуллаева Э.Б. Изучение народной музыкальной культуры Дагестана // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007. – С.26.

³⁵² Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX – XX вв. – М., 2005. – С.7.

³⁵³ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.236.

³⁵⁴ Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908. – С.15.

³⁵⁵ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. – М., 2007. – С.462.

³⁵⁶ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.23.

³⁵⁷ Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908. – С.18.

³⁵⁸ Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М., 1984. – С.477.

³⁵⁹ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С.402.

³⁶⁰ Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. – М., 2007. – С.214.

³⁶¹ Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи. Дис. ...канд. пед. наук. – Грозный, 2004. – С.48, 108.

³⁶² Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.3.

³⁶³ Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Нальчик. 1997. – С.83.

³⁶⁴ Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – С.130.

³⁶⁵ Матиев М.А. Ингушский песенный эпос илли. Дис. ...канд. филол. наук. – Магас, 2004. – С.60.

³⁶⁶ Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов Северо-Западного Кавказа // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб., 1998. – С.102-103.

³⁶⁷ Тайсаев К.У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус – Нальчик, 1999 – № 2 (11). – С.183.

³⁶⁸ Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа. Дис. ...канд. пед. наук. Владикавказ, 2004. – С.48-49.

³⁶⁹ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во втор. пол. XIX – XX века (опыт этнорегионального исследования). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1983. – С.94.

³⁷⁰ Плиев Р.С. Нахско-этруссские лирические встречи. Дис. ...канд. филол. наук. – Нальчик, 2000. – С.105.

³⁷¹ Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный, 1990. – С.19-20.

³⁷² Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. – Нальчик, 2008. – С.12.

³⁷³ Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура. – Махачкала, 1975. – С.62, 67.

³⁷⁴ Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов-чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006. – С.98.

³⁷⁵ История Чечни (XIX в.) – Грозный, 2006. – С.329, 353.

³⁷⁶ Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. – Владикавказ, 2003. – С.11.

³⁷⁷ Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов-чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006. – С.97.

³⁷⁸ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С.380.

³⁷⁹ Там же. – С.93.

³⁸⁰ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С.382.

³⁸¹ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.90.

³⁸² Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов-чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006. – С.98.

³⁸³ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во втор. пол. XIX – XX века (опыт этнорегионального исследования). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1983. – С.94, 104.

³⁸⁴ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005. – С.44, 51.

³⁸⁵ Симонов Л., Мердер И. Лошади. Конские породы. – Париж, 1895; М., 2008. – С.27.

³⁸⁶ Максимов С. Край крещеного света. Ч.IV. Русские горы и кавказские горцы. – СПб., 1866. – С.17, 19.

³⁸⁷ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.34-35.

³⁸⁸ Там же. – С.11, 13-14, 16.

- ³⁸⁹ Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М., Махачкала, 2007. – С.250 – 251.
- ³⁹⁰ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.555.
- ³⁹¹ Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007. – С.69.
- ³⁹² Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007. – С.43.
- ³⁹³ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.72.
- ³⁹⁴ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.16-17, 141, 182.
- ³⁹⁵ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1869 г. в Нижнем Новгороде. Отдел. II. Коннозаводство и коневодство. – М., 1869. – С.8, 22-23, 26-27.
- ³⁹⁶ «Уголки России». Карманная справочная и записная книжка. Вып.1. «Северный Кавказ». – Ставрополь, 1902. – С.57.
- ³⁹⁷ Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001. – С.224-225.
- ³⁹⁸ Черкесов Ю.Т. Физическая культура и спорт // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.830.
- ³⁹⁹ Назаров В.О. Становление и развитие футбола на Ставрополье в конце XIX – начале XX вв. (пути, опыт, проблемы). Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2007. – С.41.
- ⁴⁰⁰ Лукеш А. Примерные программы гимнастики и детских игр. – Тифлис, 1911. – С.3, 7-9, 12.
- ⁴⁰¹ Отчет о вторых краткосрочных курсах гимнастики для учащихся в низших и средних учебных заведениях Кавказского учебного округа, состоявшихся летом 1910 г. – Тифлис, 1911. – С.1, 3, 36, 38, 40, 70, 77, 158.
- ⁴⁰² Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006. – С.23.
- ⁴⁰³ Черкесов Ю.Т. Физическая культура и спорт // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.830.
- ⁴⁰⁴ Гульчеев В.А. Некоторые социальные и исторические аспекты развития физической культуры в Осетии // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – С.133.
- ⁴⁰⁵ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры у народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.48.
- ⁴⁰⁶ Там же. – С.19.
- ⁴⁰⁷ Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001. – С.225.
- ⁴⁰⁸ Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36). – С.75.
- ⁴⁰⁹ Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.63.

⁴¹⁰ Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001. – С.103.

⁴¹¹ Серов К., Козин В. Буйвасар Сайтиев поставил себе троечку // Комсомольская правда – М., 2008. – № 123-д (24 150-д). – С.19.; Алексеева А. «Душа моя на другой планете» // Комсомольская правда – М., 2008. – № 123-д (24 150-д). – С.19.

⁴¹² Бутов С. Мудрец // Спорт-Экспресс. – М., 2008 – № 187 (4767) – С.1.

⁴¹³ Осипов К. Звезды олимпийской сборной России. – СПб., 2008. – С.82-83.

⁴¹⁴ Емельянов И. Чемпион из общаги // Советский спорт. – М., 2008. – № 117 (17 599) – С.6.

⁴¹⁵ Там же. – С.6.

⁴¹⁶ Кадиев Д.А. Чеченская Республика глазами создателя. Т.III. – М., 2007. – С.96.

⁴¹⁷ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М. 2001. – С.40.

⁴¹⁸ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.6-7.

⁴¹⁹ Там же. – С.6-7.

⁴²⁰ Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. – Владикавказ, 2003. – С.11.

⁴²¹ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.5,9-10.

⁴²² Там же. – С.64.

⁴²³ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.99-100.

⁴²⁴ Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа. Дис. ...канд. пед. наук. Владикавказ, 2004. – С.44-45.

⁴²⁵ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.232.

⁴²⁶ Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999. – С.100-101.

⁴²⁷ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (втор. пол. XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С.213.

⁴²⁸ Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсмен-чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006. – С.97.

⁴²⁹ Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007. – С.70.

⁴³⁰ Абаев А.М. Этнокультурные особенности воспитания детей и юношества у народов Северного Кавказа // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. – Саранск, 2007. – С.391.

⁴³¹ Фаган Брайан М., Де Корс Кристофер Р. Археология. В начале. – М., 2007. – С.45-46.

⁴³² Блажко А.В. Проблема раннего заселения Кавказа: археологический и палеоантропологический аспекты // Университетский историк: Альманах. Вып.3. – СПб., 2005. – С.206,213,218-219.

⁴³³ Назарова А.Ф., Алхутов С.М., Кузнецова М.Г. Проблемы родства финно-угорских, славянских и германских популяций по данным антропогенетики, истории и лингвистики // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. – Саранск, 2007. – С.491.

⁴³⁴ Ибрагимов З.Х. Восточный Кавказ. – М., 2004. – С. 8.

⁴³⁵ Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып. X. – Тифлис, 1881. – С.64,244.

⁴³⁶ Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. – СПб., – № 160. – С.1.

⁴³⁷ Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1892. – С.2.

⁴³⁸ Загурский Л.П. Заметка об исследовании кавказских языков. – М., 1880. – С.4.

⁴³⁹ Кагиров С.-Э. Этимологические изыскания чеченского языка. Чеченцы – хранители «прязыка» на современном этапе. – М., 2003. – С.51.

⁴⁴⁰ Назаров А.Ф. Эволюция человеческих популяций. – М., 2000. – С.12.

⁴⁴¹ Антропологическая поездка Анучкина Д.Н. на Кавказ // Отчет Императорского Русского географического общества в 1882 г. – СПб., 1883. – С.35.

⁴⁴² Харичков Х. Кавказская Швейцария. Из путешествия по Чечне и Дагестану // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Б.м., 1904. – № 1. – С.15.

⁴⁴³ Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. – СПб., 1893. – С.25.

⁴⁴⁴ Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.3. – М., 2002. – С.99,115.

⁴⁴⁵ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.377.

⁴⁴⁶ Бакрадзе Д.З. О до-исторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис, 1877. – С.15,18,45.

⁴⁴⁷ Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.7.

⁴⁴⁸ Бакрадзе Д.З. О до-исторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис, 1877. – С.18.

⁴⁴⁹ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С.166.

⁴⁵⁰ Доманский Я.В. древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.7.

⁴⁵¹ Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Даг-бары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3. – С.52.

⁴⁵² Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы. // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004. – С.128.

⁴⁵³ Семёнов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С.204.

⁴⁵⁴ Там же. – С.166.

⁴⁵⁵ Бакрадзе Д.З. О до-исторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис, 1877. – С.18.

⁴⁵⁶ Аминаева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо – Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов, 2005. – С.92-93.

⁴⁵⁷ А РЭМ. Ф.1. Оп.2.Д.183. Л.1.

⁴⁵⁸ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. – М., 2007. – С.7.

⁴⁵⁹ Ермоленко Л.П. Развитие археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе (20-е годы XX в. – начало XXI в.). Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2007. – С.31.

⁴⁶⁰ Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007. – С.72-73.

⁴⁶¹ Разные известия // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 8. – С.135.

⁴⁶² Литвинов В.П. Мусульманское паломничество в царской России: историко-антропологический аспект (на примере Туркестана 1865-1917 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.70.

⁴⁶³ Прокопенко Ю.А. К вопросу о роли ученых-кавказоведов в изучении нумизматики Центрального и Восточного Предкавказья в дореволюционный период (начало XIX в. – 1917 г.) // Интеллигенция России: история и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь, 1999. – С.110-111, 113.

⁴⁶⁴ Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып.1. – М., 2008. – С.94-98.

⁴⁶⁵ Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы. // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004. – С.128.

⁴⁶⁶ Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – С.118.

⁴⁶⁷ Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков (Очерки истории). – М., 2008. – С.288.

⁴⁶⁸ Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой культуры чеченцев. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2002. – С.55.

⁴⁶⁹ Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – С.124.

⁴⁷⁰ Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис, 1874. – №11. – С.2. – № 28. – С.3.

⁴⁷¹ Митрофанов В.В. Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове // Российская археология. – М., 2008. – № 4. – С.168.

⁴⁷² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып. 144. – М., 2005. – С.176.

⁴⁷³ Айналов Д. Кавказ и его древности. – Харьков, 1902. – С.94.

⁴⁷⁴ Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. – М., 1887. – С.1.

⁴⁷⁵ Обертынюк А.Ю. Мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой как исторический источник // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2008. – С.378.

⁴⁷⁶ Разгонов С.Н. Орлы на башнях: Государственный исторический музей: Люди и годы. – М., 2008. – С.32.

⁴⁷⁷ Обертынюк А.Ю. Мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой как исторический источник // Ключевские чтения-2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2008. – С.378-380.

⁴⁷⁸ Эскилибисы и штемпели частных коллекций. – М., 2001. – С.81.

⁴⁷⁹ Савенко С.Н., Савенко Е.А. Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства // Прозрительские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 3. (научное издание). – Ставрополь, 2007. – С.31.

⁴⁸⁰ Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряжённые на Высочайше дарованные средства. Вып. 1. – М., 1888. – С.5.

⁴⁸¹ Уварова П.С. Вс.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м., 1913. – С.5,9.

⁴⁸² Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. – Владикавказ, 2002. – С.9-10.

⁴⁸³ Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – №37. – С.2.

⁴⁸⁴ Гриненко Л.О. Письмо графа А.А. Бобринского о древностях Северного Кавказа // Донская археология – Р н/Д., 2000. – № 3-4 (8-9). – С.110.

⁴⁸⁵ Додонов И.Ю. Истоки славянской письменности. – М., 2008. – С.91.

⁴⁸⁶ Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь, 2005. – С.10,28.

⁴⁸⁷ Крупнов Е.И. средневековая Ингушетия. – Магас, 2008. – С.22-23.

⁴⁸⁸ Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.16,46.

⁴⁸⁹ Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. – Владикавказ, 2002. – С.9.

⁴⁹⁰ Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 2005. – С.13, 15-16.

⁴⁹¹ Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.46-47.

⁴⁹² Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой культуры чеченцев. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2002. – С.56.

⁴⁹³ Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье VI в. до н.э. – XII в. н.э. – М., 2008. – С.11.

⁴⁹⁴ Кореневский С.Н. Древнейшие землевладельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004. – С.5, 98.

⁴⁹⁵ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008. – С.19.

⁴⁹⁶ Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004. – С.36-37, 39.

⁴⁹⁷ Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.7.

⁴⁹⁸ Дабо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2-х кн. Кн.1. – М., 2006. – С.76-77, 81-82.

⁴⁹⁹ Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса, к истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.24.

⁵⁰⁰ А РЭМ. Ф.1. Оп.2. Д.234. Л.5.

⁵⁰¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008. – С.21-22.

⁵⁰² Доманский Я.В. древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984. – С.16.

⁵⁰³ Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.41.

⁵⁰⁴ Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.55.

⁵⁰⁵ Хаджаминасов Т. Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области. – Тифлис, 1876. – С.86.

⁵⁰⁶ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.) – СПб., 1993. – С.154, 157-158, 178.

⁵⁰⁷ Гакстгаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб., 1857. – С.5.

- ⁵⁰⁸ Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 2005. – С.22.
- ⁵⁰⁹ Фаган Брайан М., Де Корс Кристофер. Археология. В начале. – М., 2007. – С.530-531.
- ⁵¹⁰ Коллекции Кавказского музея. Т.V. Археология. – Тифлис, 1902. – С.47.
- ⁵¹¹ Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис. 1867. – С.3,5.
- ⁵¹² Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис. 1875. – С.11.
- ⁵¹³ Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь, 2005. – С.7.
- ⁵¹⁴ Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни. // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М., 1976. – С.155.
- ⁵¹⁵ Журомский К. Романтические образы Кавказа в русской бронзовой скульптуре // Антикварное обозрение. – СПб., 2006. – № 1. – С.66.
- ⁵¹⁶ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т. I – II. – М., 2002. – С.139.
- ⁵¹⁷ Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб., 1872. – С.238-239.
- ⁵¹⁸ Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. – Екатеринбург, 2006. – С.42-43.
- ⁵¹⁹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств / Сост. С.Н. Кондаков. – СПб., 1914. – С.318.
- ⁵²⁰ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002. – С.158.
- ⁵²¹ Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь, 1997. – С.3-4.
- ⁵²² Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С.10.
- ⁵²³ Эглит А. Василий Федорович Тимм. – М., Л., 1962. – С.3-4.
- ⁵²⁴ Тарасов Л. Василий Федорович Тимм (1820-1895 гг.). – М., 1954. – С.3-4, 23.
- ⁵²⁵ Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008. – С.470.
- ⁵²⁶ Всероссийская промышленная и художественная выставка. – М., 1882.; Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве, 1882 г. / Сост. Н.П. Собко. – СПб., 1882. – С.12.
- ⁵²⁷ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6-ти томах. Т.3. – М., 1970. – С.210.
- ⁵²⁸ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т. I-II. – М., 2002. – С.126.
- ⁵²⁹ Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С.167.
- ⁵³⁰ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств / Сост. С.Н. Кондаков. – СПб., 1914. – С.288.

- ⁵³¹ Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2000. – С.14.
- ⁵³² Корнилова А.В. Григорий Гагарин. Творческий путь. – М., 2001. – С.152-153.
- ⁵³³ Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб., 1846. – №21. – С.1.
- ⁵³⁴ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С.287.
- ⁵³⁵ Маркелов Н.В. Лермонтов и Северный Кавказ. – Пятигорск, 2008. – С.127.
- ⁵³⁶ Кумыков Т.Х., М.Б. Нагоев. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик, 1996. – С.13.
- ⁵³⁷ Le Caucase pittoresque dessiné d'après Nature par le prince Grégoire Gagarine – Paris, 1847.
- ⁵³⁸ Корнилова А. Григорий Гагарин. – М., 2004. – С.4, 19-20.
- ⁵³⁹ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С.288.
- ⁵⁴⁰ Эскизы и штемпели частных коллекций. – М., 2001. – С.25.
- ⁵⁴¹ Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2000. – С.187.
- ⁵⁴² Teodor Horschelt. Sein Leben und seine Werke Spanien, Algier, Kaukasus. – München. – S. 90-95.
- ⁵⁴³ Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. – Грозный, 2007. – С.29.
- ⁵⁴⁴ Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. – Грозный, 2007. – С.8, 71.
- ⁵⁴⁵ Там же. – С.27.
- ⁵⁴⁶ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С.201-202.
- ⁵⁴⁷ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002. – С.60.
- ⁵⁴⁸ Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2000. – С.187.
- ⁵⁴⁹ Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. – Грозный, 2007. – С.39.
- ⁵⁵⁰ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.I-II. – М., 2002. – С.124.
- ⁵⁵¹ Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб., 1896. – С.7, 32, 54.
- ⁵⁵² Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский 1815-1879. Т.3. – М. 1891. – С.39.
- ⁵⁵³ Из фондов Государственного Русского музея. Русское искусство XV – XX веков. – Л., 1989. – С.233.

⁵⁵⁴ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6-ти томах. Т.1. – М.,1970. – С.245.

⁵⁵⁵ Дзуцова И.П. Материалы для словаря художников, работавших в Грузии во второй половине XVIII – XIX века // Музей. Художественные собрания СССР. Вып.7. – М.,1987. – С.35.

⁵⁵⁶ Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь,1997. – С.22-23.

⁵⁵⁷ Miller Y.A. Kaukasiske ... S.29.

⁵⁵⁸ Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь,1962. – С.67-68.

⁵⁵⁹

⁵⁶⁰ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.206.

⁵⁶¹ Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дис. ...канд. искусств. – СПб.,2007. – С. 12-13.

⁵⁶² Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо (1856-1929). – М.,1952. – С.4,11.

⁵⁶³ Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо (1856-1929). – М.,1952. – С.4-5.

⁵⁶⁴ Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дис. ...канд. искусств. – СПб.,2007. – С.40,44.

⁵⁶⁵ Герасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 150-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006. – С.229-231.

⁵⁶⁶ Федорова О. Франц Рубо. – М.,1982. – С.24.

⁵⁶⁷ Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.98.

⁵⁶⁸ Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М.,2002. – С.27-28.

⁵⁶⁹ Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М.,1996. – №34. – С.2.

⁵⁷⁰ Гнездилова Е. Рубо похищенный и возрожденный // Век. – М.,2002. – №23. – С.9.

⁵⁷¹ Кончин Е. Из-под руин // Культура – М.,1995. – С.1.

⁵⁷² Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дис. ...канд. искусств. – СПб.,2007. – С.22.

⁵⁷³ Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М.,2002. – С.327-328.

⁵⁷⁴ Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дис. ...канд. искусств. – СПб.,2007. – С.213.

⁵⁷⁵ Пикулев И. Николай Семенович Самокиш (1860-1944). – М.,1954. – С.3,7-8,14.

⁵⁷⁶ Лapidус Н. Николай Самокиш // Николай Самокиш. – М.,2006. – С.4,19.

⁵⁷⁷ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб.,1904. – С.43-44.

- ⁵⁷⁸ Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской Академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб.,1872. – С.215.
- ⁵⁷⁹ Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской Академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб.,1872. – С.76,215. Итальянский художник Дузи Хозрой (1803-1860) стал академиком в 1842 г. Там же. – С.56.
- ⁵⁸⁰ Перечень художественных произведений Цветковской галереи. – М.,1915.
- ⁵⁸¹ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.I-II. – М.,2002. – С.95-98.
- ⁵⁸² Указатель Русского отдела Парижской Всемирной выставки 1867 г. – СПб.,1867. – С.14.
- ⁵⁸³ Соснина Е. Кавказ глазами Франции. История одного поиска // Голос Кавказа. – Пятигорск,2007. – № 1. – С.174-175.
- ⁵⁸⁴ Соснина Е.Л. Северный Кавказ XVIII – XIX вв. глазами французских художников // Феномен творческой личности в культуре. Материалы II международной конференции. – М.,2006. – С.618.
- ⁵⁸⁵ 100 незнакомых картин из фондов Государственного исторического музея. – СПб.,1998. – С.210.
- ⁵⁸⁶ Сарнова О. О ты, поэзия мольберта. – СПб.,2001. – С.149-150.
- ⁵⁸⁷ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6 т. Т.3. – М.,1970. – С.451.
- ⁵⁸⁸ Андроников И. Собрание сочинений в трех томах. Т.3. – М.,1981. – С.530,533.
- ⁵⁸⁹ Маркелов Н.В. «Все картины...». – С.283.
- ⁵⁹⁰ Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск,2006. – С.225.
- ⁵⁹¹ Алешина Л. Михай Зичи. – М.,1975. – С.181.
- ⁵⁹² Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М.,2008. – С.493-494.
- ⁵⁹³ Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Москва. Музей-квартира Н.С. Голованова. – М.,2007. – С.16-17.
- ⁵⁹⁴ Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М.,2007. – С.27.
- ⁵⁹⁵ Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.84.
- ⁵⁹⁶ Русский музей императора Александра III. т.II. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб.,1904. – С.433.
- ⁵⁹⁷ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.79.
- ⁵⁹⁸ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.,1913. – С.105-107.
- ⁵⁹⁹ Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.190-191.

⁶⁰⁰ Из фондов Государственного Русского музея. Русское искусство XV – XX веков. – Л., 1989. – С.233.

⁶⁰¹ Межиева Р. Художник из Дады-Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах – Грозный, 2006 – № 9. – С.2.

⁶⁰² Новицкий А.П. Художественная галерея Московского Публичного и Румянцевского музея. – М., 1889. – С.140.

⁶⁰³ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6 т. Т.4. Кн.1. – М., 1983. – С.252.

⁶⁰⁴ Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб., 1912. – С.116.

⁶⁰⁵ Акиева Х.М. Изобразительное искусство Чечни и Ингушетии первой половины XIX в. (традиции и новаторство) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 2008. – № 4. – С.87,89.

⁶⁰⁶ Кусаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007. – С.361-362.

⁶⁰⁷ Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816-1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – с.557,561,579.

⁶⁰⁸ Живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года). – М., 1952. – С.144.

⁶⁰⁹ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С.175.

⁶¹⁰ Матвеев В.П. Орловская губерния. Летопись Орловского края на старинных открытках. – Орел, 2007. – С.371.

⁶¹¹ Русский музей императора Александра III. Т.1. Живопись и скульптура / Сост.Н. Врангель. – СПб., 1904. – С.172.

⁶¹² Тамбовская областная картинная галерея. Каталог. Вып.1. Русское искусство XVIII – начало XX века. – Л., 1976. – С.24.

⁶¹³ Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.190.

⁶¹⁴ Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816-1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.557,567,579.

⁶¹⁵ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.) Монография. – Владикавказ, 2006. – С.175.

⁶¹⁶ Мазаева Т.А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007. – С.147-148.

⁶¹⁷ Межиева Р. Художник из Дады-Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах – Грозный, 2006. – № 9. – С.6.

⁶¹⁸ Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816-1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.575.

- ⁶¹⁹ Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008. – С. 215.
- ⁶²⁰ Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М., 2006. – С. 194, 199.
- ⁶²¹ Айдемиров Н.Г. эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С. 73-74.
- ⁶²² Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С. 239-241.
- ⁶²³ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т. I-II. – М., 2002. – С. 134.
- ⁶²⁴ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6-ти томах. Т. 3. – М., 1970. – С. 401.
- ⁶²⁵ Кавказец. Альбом Л.Е. Дмитриева – Кавказского. – СПб., 1880. – С. 102.; Рецензия // Художественный журнал – СПб., 1881. – № 2.
- ⁶²⁶ Военная энциклопедия. Т. 6. – СПб., 1911. М., 2001. – С. 231.
- ⁶²⁷ Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С. 202.
- ⁶²⁸ Верещагин // Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М., 2003. – С. 249.
- ⁶²⁹ Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С. 228.
- ⁶³⁰ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002. – С. 47.
- ⁶³¹ Олимах И. Василий Верещагин // Смена. – М., 2008. – № 9. – С. 54-55.
- ⁶³² Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т. III. – Ставрополь, 2002. – С. 85.
- ⁶³³ Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Москва. Музей-квартира Н.С. Голованова. – М., 2007. – С. 16.
- ⁶³⁴ Демин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. – М., 1991. – С. 32, 35-37.
- ⁶³⁵ Демин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. – М., 1991. – С. 38, 42, 47.
- ⁶³⁶ Zabel E. Wereschagin. – Leipzig, 1900. – S. 24.
- ⁶³⁷ Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2006. – С. 332.
- ⁶³⁸ Верещагин // Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М., 2003. – С. 249.
- ⁶³⁹ Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 874.
- ⁶⁴⁰ Барсамов Н.С. Айвазовский в Крыму. – Симферополь, 1970. – С. 5-6.
- ⁶⁴¹ Барсамов Н. Море в русской живописи. – Симферополь, 1959. – С. 56.
- ⁶⁴² Указатель находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов / Императорская Академия художеств. – СПб., 1842. – С. 15.
- ⁶⁴³ Государственный Литературный музей. – М., 2004.

- ⁶⁴⁴ Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008. – С.16.
- ⁶⁴⁵ Военная энциклопедия. Т.1. – СПб., 1911. М., 1998. – С.189.
- ⁶⁴⁶ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002. – С.124.
- ⁶⁴⁷ Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007. – С.7.
- ⁶⁴⁸ Богоявленский М. Каталог Краснодарского художественного музея имени А.В. Луначарского. – Краснодар, 1953. – С.47.
- ⁶⁴⁹ Лев Феликсович Лагорио / Авторы текста Н.О. Майорова, Г.К. Скоков. – М., 2006. – С.4, 6, 147, 152, 166, 229-230.
- ⁶⁵⁰ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002. – С.124.
- ⁶⁵¹ Барсамов Н.С. Айвазовский в Крыму. – Симферополь, 1970. – С.46, 48.
- ⁶⁵² Зубов Е.А. Франц Александрович Рубо – художник и педагог. Дис. ...канд. искусствоведения. – СПб., 2007. – С.16.
- ⁶⁵³ Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.І-ІІ. – М., 2002. – С.72, 203.
- ⁶⁵⁴ Манин В.С. Архип Иванович Куинджи и его школа. – Л., 1987. – С.24.
- ⁶⁵⁵ Барсамов Н. «Море в русской живописи». – Симферополь, 1959. – С.183, 189.
- ⁶⁵⁶ Булгаков Ф.И. Наши художники. – Т.І-ІІ. – М., 2002. – С.175-176.
- ⁶⁵⁷ Бескровная Н.С. История сохранения и возрождения усадьбы художника Н.А. Ярошенко // Наследие Н.А. Ярошенко в движении эпох: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию основания Мемориального музея-усадьбы художника Н.А. Ярошенко и 100-летию со дня рождения В.В. Секлюцкого – основателя и первого директора музея. – Кисловодск, 2008. – С.42.
- ⁶⁵⁸ Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962. – С.72.
- ⁶⁵⁹ Подколзина Л. Первый из передвижников. Пейзаж в творчестве Н.А. Ярошенко. К 160-летию художника // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1. – С.169-172.
- ⁶⁶⁰ Прытков В. Николай Александрович Ярошенко. – М., 1960. – С.159, 162, 237.
- ⁶⁶¹ Там же. – С.161.
- ⁶⁶² Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С.53.
- ⁶⁶³ Павлихина И. Живописное наследие М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002. – С.82-83.
- ⁶⁶⁴ Коваленко А.Н. К атрибуции раннего рисунка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.354.

- ⁶⁶⁵ Индербаев Г. Наш край в живописи М.Ю. Лермонтова // Вайнах – Грозный, 2004. – № 7. – С.14-15.
- ⁶⁶⁶ Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002. – С.55-56.
- ⁶⁶⁷ Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь, 1954. – С.4,155-156.
- ⁶⁶⁸ Белова Л. Лермонтов и Кавказ // Отечество. – М., 2004. – № 7 (50). – С.11,13.
- ⁶⁶⁹ Galtung Lihaug E. A. S. Pusjkins forfedre i Tyskland, Skandinavia og Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5. – С.7.
- ⁶⁷⁰ М.Ю. Лермонтов. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. – Л., 1964. – С.V.
- ⁶⁷¹ Мануйлова В. Утраченные письма Лермонтова // Литературное наследство. Т.45-46. Ч.2. М.Ю. Лермонтов. – М., 1948. – С.43.
- ⁶⁷² Военная энциклопедия. Т.14. – СПб., 1914. – С.589.
- ⁶⁷³ Государственный Литературный музей. – М., 2004. – С.21.
- ⁶⁷⁴ Андроников И. Собрание сочинений в трех томах. Т.3. – М., 1981. – С.279.
- ⁶⁷⁵ Мануйлова В. Утраченные письма Лермонтова // Литературное наследство. Т.45-46. Ч.2. М.Ю. Лермонтов. – М., 1948. – С.43,62.
- ⁶⁷⁶ Семенов Л.П. Встречи М.Ю. Лермонтова на Кавказе // Ученые записки Северо-Осетинского госуд. Педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Вып. «Историко-филологический». – Дзауджикау, 1949. – С.110,113.
- ⁶⁷⁷ Поспелов Г.Г. Еще раз о рисунках Пушкина // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007. – С.73-74.
- ⁶⁷⁸ Валькович А. «Рисуй, Орловский!» // Цейхгауз. – М., 2001. – № 2. – С.11.
- ⁶⁷⁹ Ацаркина Э.Н. Александр Осипович Орловский (1777 – 1832). – М., 1971. – С.171.
- ⁶⁸⁰ Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007. – С.40-41.
- ⁶⁸¹ Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. – М., 1954. – С.169,175-176.
- ⁶⁸² Русский музей императора Александра III т. II. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб., 1904. – С.331-333.
- ⁶⁸³ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006. – С.77-78.
- ⁶⁸⁴ Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик, 1996. – С.13.
- ⁶⁸⁵ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838-1839. – М., 2008. – С.393.
- ⁶⁸⁶ Никольская Е. «Тифлисский живописец» // Братья Чернецовы. – М., 2002. – С.14-15,18.

⁶⁸⁷ Государственная Третьяковская галерея. Русское искусство XVIII – начало XX века. Живопись, скульптура. Новые поступления. Каталог выставки. – М., 1999. – С.83.

⁶⁸⁸ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.109,113,133,137,149; Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С.49,53-54; Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб., 1904. – С.5-6, 13-14,29-30.

⁶⁸⁹ Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь, 1997. – С.26.

⁶⁹⁰ Журомский К. Романтические образы Кавказа в русской бронзовой скульптуре // Антикварное обозрение. – СПб., 2006. – № 1. – С.66-67.

⁶⁹¹ Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи (по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук) // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007. – С.89,91.

⁶⁹² Хасмагоматов Э.Х. Чеченцы во внешних войнах России XIX – начала XX века // Чеченцы в истории, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.208,210.

⁶⁹³ Даужневская Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: Альбом. – СПб., 2006. – С.6,213,242.

⁶⁹⁴ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб., 1904. – С.43-44.

⁶⁹⁵ Энглези А.И. знаток Кавказа // Московский журнал. – М., 2005. – № 11. – С.63-64.

⁶⁹⁶ Семакова И. Кавказская сказка // Родина. – М., 1998. – № 4. – С.110.

⁶⁹⁷ Владикавказ. Фотоальбом. – Владикавказ, 2007. – С.24.

⁶⁹⁸ Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008. – С.240,242.

⁶⁹⁹ Шарафутдинова Р.Ш., Казем-Бек и имам Шамиль // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007. – С.292.

⁷⁰⁰ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.119,136.

⁷⁰¹ Герчук Ю. Писатель перед фотографом // Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916 гг.: альбом-каталог. – М., 2008. – С.5-6.

⁷⁰² Кеппенен Ф.П. Несколько слов о Кавказском музее. – СПб., 1896. – С.6,10,14.

⁷⁰³ Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ, 2008. – С.159.

- ⁷⁰⁴ Письма с Кавказа к Л.Н. Толстому. – Махачкала, 1928. – С.36.
- ⁷⁰⁵ Волкова Л.А. Международная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 1 (12). – С.17.
- ⁷⁰⁶ Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XIX века // Опыты историко-антропологических исследований. – М., 2004. – С.42,45.
- ⁷⁰⁷ Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов. Дис. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – С.6-7,67.
- ⁷⁰⁸ Архиреев М.В. Кавказ, империя, Европа: большая Кавказская война русской литературы // Историко-литературный сборник. Вып.3. К 70-летию профессора М.М. Кедровой. – Тверь, 2002. – С.37.
- ⁷⁰⁹ Маркелов Н. «Завтра я еду в Чечню брать пророка Шамиля...» // Дон – Р н /Д., 2008 – № 2. – С.222.
- ⁷¹⁰ Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск, 2006. – С.80-81.
- ⁷¹¹ Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.1029.
- ⁷¹² Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса 8-12 октября 2007 г. Симпозиум XV. Литературный процесс: кавказский контекст. – Пятигорск, 2007. – С.59.
- ⁷¹³ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С.304.
- ⁷¹⁴ Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик, 1996. – С.4.
- ⁷¹⁵ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.88.
- ⁷¹⁶ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (допролетарский период). – Р н/Д., 1990. – С.16.
- ⁷¹⁷ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.83.
- ⁷¹⁸ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.238-239.
- ⁷¹⁹ Макунин Ю. Полководец и поэт – основатели газет // Журналист. – М., 2002. – № 3. – С.39-40.
- ⁷²⁰ Павлюк О.М. Автобиографическая литература о Кавказе втор. пол. XIX века. Дис. ...канд. филол. наук. – Армавир, 2006. – С.17.
- ⁷²¹ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.3.
- ⁷²² Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.239,241,243.
- ⁷²³ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.246-247, 265,270.
- ⁷²⁴ Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962. – С.79.

⁷²⁵ Гамсун К. В «Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе». – М., 2005. – С.4.

⁷²⁶ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.84.

⁷²⁷ Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника» // Академия наук СССР. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т.2. – М., 1936. – С.290-292.

⁷²⁸ Тахо-Годи М.А. Ксавье де Местр и Кавказ // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – « 1. – С.264-266.

⁷²⁹ Сафонов А. Военные из рода Пушкиных // Щит и меч. – М., 1999. – 22 июня. – С.7.

⁷³⁰ Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского. Дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2006. – С.65, 68, 141.

⁷³¹ Мустафин Р.М. Русская литература на кавказскую тему в критике В.Г. Белинского. Дис. ...канд. филол. наук. – Баку, 1991. – С.22-23.

⁷³² Садыхов Э.М. Кавказская тематика в журнале «Современник» (1847-1862). Дис. ...канд. филол. наук. – Баку, 1989. – С.54.

⁷³³ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С.128-133.

⁷³⁴ Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М., 1940. – С.78.

⁷³⁵ Захаров В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.103.

⁷³⁶ Дубнова Н.В. Лермонтов: идеализация востока до его реального познания // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 3. – С.49.

⁷³⁷ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – № 3. – Владикавказ, 2008. – С.84-85.

⁷³⁸ Каменев Е.В., Четвертной Д.В. Человек на войне: культурные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: невостребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 25-28 апреля 2—3 г. – Петрозаводск, 2003. – С.74, 78.

⁷³⁹ Соснина Е.Л. Черный алмаз. – М., 2004. – С.89, 93.

⁷⁴⁰ Серман И. Живой Лермонтов // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4084. – С.12.

⁷⁴¹ Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.584.

⁷⁴² Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. – Грозный. 1927. – С.40-42.

⁷⁴³ Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. ...докт. филол. наук. – Нальчик, 2004. – С.192.

⁷⁴⁴ Layton S. Russian Literature and Empire. – Cambridge, 1994. – S.263.

⁷⁴⁵ Layton S. Russian literature and empire conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 2005. – S.264-267.

⁷⁴⁶ Убушева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. – М., 2008. – С.55-56.

⁷⁴⁷ Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2008. – С.35.

⁷⁴⁸ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С.138.

⁷⁴⁹ Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – №1. – С.46.

⁷⁵⁰ Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы. // Очерки истории ЧИАССР. Т.1.– Грозный. 1967. – С.267.

⁷⁵¹ Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса. 8-12 октября 2007 года. Симпозиум XV. Литературный процесс: кавказский контекст. – Пятигорск, 2007. – С.61.

⁷⁵² Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – №5. – С.113.

⁷⁵³ Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2008. – С.30.

⁷⁵⁴ Никерина И.В. Уроки Л.Н. Толстого в кавказском контексте // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпритация // Труды ГИМ. – Вып. 163. – М., 2007. – С.444.

⁷⁵⁵ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.86.

⁷⁵⁶ Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.587-588.

⁷⁵⁷ Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877 году. – Б.м., Б.г. – С.45.

⁷⁵⁸ Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – 1888. – №32. – С.2.

⁷⁵⁹ Виноградов В.Б. Н.С. Семёнов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир. 2002. – С.6.

⁷⁶⁰ Чеченские сказки и легенды. // Терские ведомости. -1880.-№ 43.-С.2.

⁷⁶¹ Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). – Тбилиси. 1986. – С.6.

- ⁷⁶² Бартоломей И. Чеченский букварь. – Тифлис, 1866. – С.12-18,20-23.
- ⁷⁶³ Алироев И.Ю. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). – Грозный. 1990. – С.4.
- ⁷⁶⁴ Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). – Тбилиси. 1986. – С.1,19.
- ⁷⁶⁵ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д. 1999. – С.30
- ⁷⁶⁶ Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С.112.
- ⁷⁶⁷ Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2004. – С.3.
- ⁷⁶⁸ Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д., 2005. – С.126,293.
- ⁷⁶⁹ Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С.432,440, 447,455,456.
- ⁷⁷⁰ Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. – М., 2002. – № 7. – С.74-77.
- ⁷⁷¹ Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007. – С.84-85.
- ⁷⁷² Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С.124,126.
- ⁷⁷³ Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. – 2002. – № 7. – С.77-78.
- ⁷⁷⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.270.
- ⁷⁷⁵ Бурдина Е. «На их же родном языке, и притом на языке народном...» Система национального образования по Николаю Ильминскому // Родина. – М., 2007. – № 10. – С.57.
- ⁷⁷⁶ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006. – С.143-144,148.
- ⁷⁷⁷ Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005. – С.5.
- ⁷⁷⁸ Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено – Ингушетии. – Грозный. 1965. – С.4.
- ⁷⁷⁹ Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880. – С.32.
- ⁷⁸⁰ Цит. по: Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в. – февраль 1917 г.). – М., 2006. – С.52.
- ⁷⁸¹ Хатаев Е.Е., Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ, 2000. – С.11,15.

⁷⁸² Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань, 1896-98. – С.350.

⁷⁸³ Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск, 2005. – С.371.

⁷⁸⁴ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М., 2005. – С.122.

⁷⁸⁵ Карта учебных заведений Кавказского учебного округа к 1 января 1899 г. – Тифлис, 1899. – С.1.

⁷⁸⁶ Шенгер Р.К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 гг. – Тифлис, 1899. – С.10.

⁷⁸⁷ Карта учебных заведений Кавказского учебного округа за 1880 год, составленная Р. Шенгером. – Тифлис, 1880. – С.1.; Карта учебных заведений Кавказского учебного округа к 1 января 1899 г. – Тифлис, 1899. – С.1.

⁷⁸⁸ Карта учебных заведений Кавказского учебного округа за 1880 год. – Тифлис, 1880. – С.1.

⁷⁸⁹ Албогачиева М. С-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2007. – С.164.

⁷⁹⁰ Цит. по: Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало... Из истории депортации чеченского народа // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всероссийской заочной конференции / Под ред С.Н. Полторака. – СПб., 2006. – С.36.

⁷⁹¹ Газаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во втор. пол. XIX в. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С.128-129.

⁷⁹² Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (втор. пол. XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006. – С.180-181.

⁷⁹³ Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск, 2005. – С.227, 379.

⁷⁹⁴ Газаева З.А. школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во втор. пол. XI. В. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С.129.

⁷⁹⁵ Трембикова А.А. Применение педагогических идей и опыта образовательной деятельности К.П. Яновского на Кавказе в реформировании российской системы образования в конце XIX века // Вестник Ставропольского госуд. педагог. Института. Вып.10. – Ставрополь, 2007. – С.95.

⁷⁹⁶ Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск, 2005. – С.360, 378.

⁷⁹⁷ Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено – Ингушетии. – Грозный. 1965. – С.5.

⁷⁹⁸ Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ, 2008. – С.46-47.

⁷⁹⁹ Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе м в бывшем царстве Грузинском в XIX веке. // Кавказский вестник. – Тифлис. 1901.– №11. – С.8.

⁸⁰⁰ Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар,2007. – С.32.

⁸⁰¹ Хатаев Е.Е., Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ,2000. – С.42.

⁸⁰² Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань,2007. – С.57.

⁸⁰³ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа,2008. – С.108.

⁸⁰⁴ РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.19.

⁸⁰⁵ Клычникова М.В. Из опыта организации частных учебных заведений на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российская и зарубежная история: социально-экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Часть II. – Пятигорск,2007. – С.35-37.

⁸⁰⁶ Н.И.Дроздов, Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск,2005. – С.5.

⁸⁰⁷ Сосунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала,2007. – С.213.

⁸⁰⁸ Мурзаханов Ю. Илья Шеребетович Анисимов // История и этнография горских евреев Кавказа. – Нальчик,1998. – С.38.

⁸⁰⁹ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М.,2002. – С.594,599.

⁸¹⁰ Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М.,2002. – С.594,600.

⁸¹¹ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. пед. наук. – Махачкала,2007. – С.61.

⁸¹² Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар,2007. – С.87-88.

⁸¹³ РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.156.

⁸¹⁴ РГИА. Ф.1149. Оп.8. Д.64. Л.2.

⁸¹⁵ Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополя, Дона и Кубани). : Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.79.

⁸¹⁶ Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ.,1901. – С.52.

⁸¹⁷ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.5. 1887-1891. Ч.1.-Тифлис.,1890. – С.123.

- ⁸¹⁸ ПСЗ. Собр.2-е. Т.45. Отд.3. 1870.– СПб.,1874. – С.566.
- ⁸¹⁹ Известия. // Неделя. – 1899. – №33. – С.1085.
- ⁸²⁰ ГИМ ОПИ. Ф.155. Ед.хр.122. Л.24об.
- ⁸²¹ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ.,1893. – С.52.
- ⁸²² Терская область.// Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис.,1876. – С.61.
- ⁸²³ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ.,1884. – С.66.
- ⁸²⁴ Ткаченко Д.С. Национальные образования в Российской империи XIX – нач. XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.328.
- ⁸²⁵ Прокудин К.А. Горцы Северного Кавказа в Ставропольской гимназии XIX веке // ЧелоВЕК: Научный альманах. Вып.1. – Ставрополь,2005. – С.96.
- ⁸²⁶ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.41.
- ⁸²⁷ ГИМ ОПИ.Ф.307. Ед.хр.9 Л.12об.
- ⁸²⁸ Чераччиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо-Кавказском регионе (XIX –начало XX вв.). Дис. ...канд. пед. наук. – Карачаевск,2005. – С.74.
- ⁸²⁹ Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России, кон.XIX– нач. XX вв. – М.,2002. – С.110.
- ⁸³⁰ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. педагог. наук. – Махачкала,2007. – С.48-50.
- ⁸³¹ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. пед. наук. – Махачкала,2007. – С.46.
- ⁸³² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.713-714.
- ⁸³³ Там же – С.715.
- ⁸³⁴ ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.190.
- ⁸³⁵ Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке. // Кавказский вестник. – Тифлис.,1901.-№11. – С.8.
- ⁸³⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп.7. Д.163. Л.2.
- ⁸³⁷ ЦГА РСО-А. Ф.123.Оп.1. Д.1050. Л.136.
- ⁸³⁸ Исаев С.-А.А. Просветительская роль России на Северном Кавказе на примере Чечни и Ингушетии // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М.,2008. – С.546.
- ⁸³⁹ Бартоломей И. Чеченский букварь. – Тифлис,1866. – С.9-13.
- ⁸⁴⁰ Отчёт попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1883 год. – Тифлис.,1884. – С.130.

⁸⁴¹ Каталог педагогически-профессионального отдела Кавказской выставки 1889 г. – Тифлис, 1889. – С.9.

⁸⁴² ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.1068. Л.126.

⁸⁴³ Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. – Б.м. Б.г. – С.3,8-9, 11-12, 17.

⁸⁴⁴ Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 гг. / Сост. Р. Шенгер. – Тифлис, 1899. – С.18,50.

⁸⁴⁵ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1 Д.1050. Л.158,164.

⁸⁴⁶ Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе. // Церковная летопись.-1874.- №15. – С.237.

⁸⁴⁷ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1881-1890 год генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб., 1893. – С.483.

⁸⁴⁸ Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол. XIX в. – нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.-2002.-№3. – С.79.

⁸⁴⁹ ГИМ ОПИ. Ф.371. Оп.1. Ед.хр.1. Л.132.

⁸⁵⁰ ГИМ ОПИ. Ф.372. Оп.1 Ед.хр.15. Л.194.

⁸⁵¹ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1 Д.158. Л.12.

⁸⁵² ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.185. Л.58.

⁸⁵³ Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. – Шушан – Ереван. 1997. – С.52-53.

⁸⁵⁴ Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб., 2005. – С.169.

⁸⁵⁵ Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ., 1901. – С.50.

⁸⁵⁶ Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис., 1898. – С.116.

⁸⁵⁷ Колпачева О.Ю. Деятельность школы по русификации и христианизации коренного населения окраин Российской империи в XIX – начале XX века // Северо-кавказский государственный технический университет. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». Вып.7.– Ставрополь, 2002. – С.175.

⁸⁵⁸ Ланцанова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006. – С.197.

⁸⁵⁹ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М., 2005. – С.124-125.

⁸⁶⁰ РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Д.359. Л.2.

- ⁸⁶¹ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. педаг. Наук. – Махачкала, 2007. – С.34.
- ⁸⁶² Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищах вообще и на Кавказе в частности. //Кавказский вестник. – Тифлис. -1901.-№3. – С.62.
- ⁸⁶³ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883) –СПб.,1886. С.444-445.
- ⁸⁶⁴ ГИМ ОПИ.Ф.451. Оп.1. Ед.хр.1 Л.59.
- ⁸⁶⁵ Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в.– февраль 1917 г.). – М.,2006. – С.92.
- ⁸⁶⁶ Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2007. – С.153.
- ⁸⁶⁷ Там же. – С.154,158,161.
- ⁸⁶⁸ Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С.360.
- ⁸⁶⁹ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.263. Л.16-17.
- ⁸⁷⁰ Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001. – С.227-228.
- ⁸⁷¹ Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2007. – С.169-170.
- ⁸⁷² Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. пед. наук. – Махачкала, 2007. – С.28-29.
- ⁸⁷³ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.1050. Л.56.
- ⁸⁷⁴ Там же. Л.64,69.
- ⁸⁷⁵ Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный., 1960. – С.4.
- ⁸⁷⁶ Гакаев Дж. Дж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т.А. Эльдарханове). – Грозный., 1991. – С.6.
- ⁸⁷⁷ Там же. С.7.
- ⁸⁷⁸ Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный., 1960. – С.4.
- ⁸⁷⁹ Шаипов И.А. Таштемир Эльдарханов. – Грозный, 1960. – С.36.
- ⁸⁸⁰ Гакаев Ж.Ж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т. Эльдарханове). – Грозный, 1991. – С.8.
- ⁸⁸¹ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.) – М., 2006. – С.745.
- ⁸⁸² Гакаев Ж. Ж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т. Эльдарханове). – Грозный., 1991. – С.9.
- ⁸⁸³ Гакаев Ж. Ж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т. Эльдарханове). – Грозный, 1991. – С.12.
- ⁸⁸⁴ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М., 2006. – С.745.

- ⁸⁸⁵ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002. – С. 292-293.
- ⁸⁸⁶ Газзаева З.А. Школы, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С. 68.
- ⁸⁸⁷ Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С. 68.
- ⁸⁸⁸ Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Урмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XX в. – Ставрополь, 2005. – С. 34-35, 68.
- ⁸⁸⁹ Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880. – С. 24.
- ⁸⁹⁰ ЦГА РСФСР. Ф. 123. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- ⁸⁹¹ Шенгер Р.К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 г. – Тифлис, 1899. – С. 14.
- ⁸⁹² Тройно Ф.П. Горская молодёжь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12-13. – Ставрополь, 1971. – С. 27.
- ⁸⁹³ ГАСК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 660. Л. 46.
- ⁸⁹⁴ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 897. Л. 26 об.
- ⁸⁹⁵ ГАСК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 478. Л. 7.
- ⁸⁹⁶ Гонтарёва Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т. 6. Вып. 1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965. – С. 143.
- ⁸⁹⁷ Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечни и Ингушетии во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. – Рн/Д., 1971. – С. 206.
- ⁸⁹⁸ Тройно Ф.П. Горская молодёжь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12-13. – Ставрополь, 1971. – С. 29.
- ⁸⁹⁹ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 447. Л. 3 -5.
- ⁹⁰⁰ Цит. по: Савельев А.Е. Северо – Западный Кавказ в российском общественном сознании (конец XVIII – XIX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – С. 161.
- ⁹⁰¹ Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис, 1867. – С. 6, 10.
- ⁹⁰² ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 447. Л. 6 -11.
- ⁹⁰³ Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одинцово, 2007. – С. 15.
- ⁹⁰⁴ Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо-Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура

народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Рн /Д., 1999. – С.135,139.

⁹⁰⁵ Гонтарёва Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. // Известия ЧИНИИ истории, языка литературы. Т.6. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.145.

⁹⁰⁶ Первая народная школа в Чечне. // Терские ведомости.-1897.-№108.-С.2.

⁹⁰⁷ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.86. Л.11.

⁹⁰⁸ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.83. Л.3.

⁹⁰⁹ Там же. Л.4.

⁹¹⁰ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.159. Л.7.

⁹¹¹ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.4. Л.21-22.

⁹¹² ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.159. Л.1 об.

⁹¹³ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913. – С.86.

⁹¹⁴ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.102. Л.16-17.

⁹¹⁵ ГАСК. Ф.302. Оп.1. Д.116. Л. 6.

⁹¹⁶ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ.,1895. – С.59.

⁹¹⁷ Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. –Владикавказ.,1896. – С.58.

⁹¹⁸ Конопка С. Кавказ. – Тифлис.,1914. – С.167.

⁹¹⁹ Вести от горцев-Мусульман Терской области. // Мусульманская газета.-1913.-№11. – С.1.

⁹²⁰ Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.124-125.

⁹²¹ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.185. Л.31.

⁹²² ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.209.

⁹²³ Там же. Л.203.

⁹²⁴ Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы). :Дис. ...канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.22.

⁹²⁵ Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.34.

⁹²⁶ Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ,2005. – С.114.

⁹²⁷ Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.29.

⁹²⁸ Ахмадов Б., Бараниченко Н. Учитель // Приязни добрые плоды. – Грозный.,1987. – С.32.

⁹²⁹ Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный., 1965. – С.8.

⁹³⁰ Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М., 2006. – С.289.

⁹³¹ Гонтарева Е.Н. Указ. соч. – С.24-25.

⁹³² Зиссерман А.А. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М., 1891. – С.448.

⁹³³ РГИА. Ф.547. Оп.2. Д.1300. Л.84.

⁹³⁴ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.39.

⁹³⁵ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.37. Л.6.

⁹³⁶ Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа. // Россия и Азия. – 1899. – №12. – С.2.

⁹³⁷ Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб., 1912. – С.1.

⁹³⁸ О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. – Б.м. 1877. – С.10-11.

⁹³⁹ Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – С.27.

⁹⁴⁰ Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2007. – С.37.

⁹⁴¹ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.360.

⁹⁴² Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С.227.

⁹⁴³ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала., 1981. – С.11.

⁹⁴⁴ РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.152.

⁹⁴⁵ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис., 1907. – С.110.

⁹⁴⁶ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис., 1919. – С.113.

⁹⁴⁷ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С.225.

⁹⁴⁸ Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XX в. – Ставрополь, 2005. – С.28, 190.

⁹⁴⁹ Северикова Н.М. У истоков русского просвещения. // Московский университет. – 2005. – №7 (4112). – С.4.

⁹⁵⁰ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.) – СПб., 1998. – С.29.

⁹⁵¹ Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ., 1992. – С.272.

- ⁹⁵² Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис., 1919. – С.29.
- ⁹⁵³ Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб., 1910. – С.472.
- ⁹⁵⁴ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол.). Оп.488. Д.346. Л.21.
- ⁹⁵⁵ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис., 1907. – С.104.
- ⁹⁵⁶ Решетин Н. Родной язык в туземной школе. // Терские ведомости.-1910. – №254. – С.1.
- ⁹⁵⁷ Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М., 1910. – С.6.
- ⁹⁵⁸ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол.). Оп.488. Д.418. Л.51.
- ⁹⁵⁹ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С.13.
- ⁹⁶⁰ Там же. – С.9.
- ⁹⁶¹ Гриценко Н.М. Русские просветители XIX века среди кавказских народов. // Взаимоотношения народов Чечено – Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX в. – Грозный., 1981. – С.153.
- ⁹⁶² Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России, кон.XIX-нач. XX вв. – М., 2002. – С.163.
- ⁹⁶³ Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2007. – С.74.
- ⁹⁶⁴ Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала., 2002. – С.17.
- ⁹⁶⁵ Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе. // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып.X. – Тифлис., 1881. – С.6,9.
- ⁹⁶⁶ РГАЛИ. Ф.191. Оп.2. Д.359. Л.5-6.
- ⁹⁶⁷ Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный., 1958. – С.26.
- ⁹⁶⁸ Медушевская О.М. Новое знание о человеке. // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М., 2003. – С.11.
- ⁹⁶⁹ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М., 2003. – С.73.
- ⁹⁷⁰ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М., 2003. – С.74,79.
- ⁹⁷¹ Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа., 1998. – С.312.
- ⁹⁷² Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб., 1910. – С.545.
- ⁹⁷³ Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб., 1899. – С.95.
- ⁹⁷⁴ Гусейнов Г.-Ф.А., Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией. – Грозный., 1992. – С.12-14.

⁹⁷⁵ Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией. // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI-XX вв. – Грозный.,1981. – С.116.

⁹⁷⁶ Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный.,1982. – С.90.

⁹⁷⁷ Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. ...канд. пед. наук. – Махачкала,2007. – С.75,79.

⁹⁷⁸ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.201.

⁹⁷⁹ Адухова А.М. Русско-мусульманские.... С.79; Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство... С.201.

⁹⁸⁰ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.257.

⁹⁸¹ Исаев Э.А. Вайнахская этика о значении образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д.,2008. – № 1 (38). – С.110-111.

⁹⁸² Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Дис. ...канд. полит. наук. – Р н/Д.,2006. – С.91-92.

⁹⁸³ Цит. по: Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X-XV вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – С.93-94,96,98-100.

⁹⁸⁴ Бобровников В.О. Еще раз об исламском образовании на Северном Кавказе (попытка ответить на вопросы Г.Г. Косача к А.А. Ярлыкапову) // Вестник Евразии. – М.,2004. – № 1 (24). – С.191-192.

⁹⁸⁵ Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Дис. ...канд. полит. наук. – Р н/Д.,2006. – С.95.

⁹⁸⁶ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань,2007. – С.67.

⁹⁸⁷ Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М.,2003. – №2. – С.14.

⁹⁸⁸ Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М.,2003. – №2. – С.11.

⁹⁸⁹ Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.145.

⁹⁹⁰ Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис ... канд. ист. наук. – Махачкала.,2002. – С.19-20.

⁹⁹¹ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 г. – М.,2007. – С.447.

⁹⁹² Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1. – СПб.,1901. – С.251.

⁹⁹³ Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа.,1998. – С.318.

⁹⁹⁴ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С.31.

⁹⁹⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб., 1998. – С.111.

⁹⁹⁶ РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.62. Л.53.

⁹⁹⁷ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX-нач.XX в.). – СПб., 1998. – С.126.

⁹⁹⁸ Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда учёных кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д., 2000. – С.66.

⁹⁹⁹ Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков): Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2006. – С.57.

¹⁰⁰⁰ Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани, 2008. – С.77.

¹⁰⁰¹ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.58.

¹⁰⁰² Сведения по статистике народной нравственности и народного образования. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис., 1869. – С.173.

¹⁰⁰³ ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.190.

¹⁰⁰⁴ Бетева М.М. Церковноприходская школа, как начальный этап развития образования на российском Кавказе // Преподавание истории и обществознания. – М., 2007. – № 3. – С.70.

¹⁰⁰⁵ Отчет Владикавказского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты во Владикавказской епархии за 1893-1894-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 1. – С.19; Отчет // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 22 – С.308-309.

¹⁰⁰⁶ Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX-нач.XX в. Автореф. дис. ... канд. ист наук. – Краснодар., 1997. – С.18.

¹⁰⁰⁷ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулях по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. 1867-71. – Тифлис. 1891. – С.715.

¹⁰⁰⁸ Салаходина Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. – Армавир, 2008. – С.142.

¹⁰⁰⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX –нач. XX в.). – СПб., 1998. – С.639.

¹⁰¹⁰ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис., 1919. – С.91.

¹⁰¹¹ Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главногоначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб., 1883. – С.15.

¹⁰¹² Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т.2. – М., 2007. – С.11.

¹⁰¹³ Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб., 1909. – С.10-12.

¹⁰¹⁴ Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003. – С.175.

¹⁰¹⁵ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.306-307.

¹⁰¹⁶ РГИА. Ф.1152. Оп.7. Д.533. Л.44.

¹⁰¹⁷ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. 1867-71. – Тифлис., 1871. – С.181, 188.

¹⁰¹⁸ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.21.

¹⁰¹⁹ РГИА. Ф.1152. Оп.7. Д.533. Л.49.

¹⁰²⁰ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.21.

¹⁰²¹ Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. – СПб., 1896. – С.22.

¹⁰²² АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.9.

¹⁰²³ Там же. Л.20-21.

¹⁰²⁴ ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.IV, 1884. – СПб., 1887. – С.74.

¹⁰²⁵ РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.104. Л.14.

¹⁰²⁶ Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С.237.

¹⁰²⁷ Джабатырова Б.К. Ставропольская мужская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.). Дис. ...канд. пед. наук. – Майкоп, 2002. – С.54-55.

¹⁰²⁸ РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.104. Л.14 об.

¹⁰²⁹ Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX вв. – СПб., 1994. – С.23.

¹⁰³⁰ Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб., 2005. – С.169.

¹⁰³¹ Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М. 1905. – С.16.

¹⁰³² Бибииков В.Н. Деятельность государственных и военных органов по подготовке офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.43, 116, 118, 119.

¹⁰³³ Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М., 2003. – С.7.

¹⁰³⁴ Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб., 1996. – С.38.

¹⁰³⁵ Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2003. – С.175.

¹⁰³⁶ Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда учёных-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Рн/Д., 2000. – С.125.

¹⁰³⁷ Там же. – С.119,121.

¹⁰³⁸ Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (конец XVIII – XX в.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2004. – С.83.

¹⁰³⁹ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М., 2005. – С.119.

¹⁰⁴⁰ Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2006. – С.38,43.

¹⁰⁴¹ Верт В.Пол От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С.67-68.

¹⁰⁴² Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006. – С.29-30,35.

¹⁰⁴³ Кузнецов А.А. Об эволюции понятия «инородцы» в российском законодательстве // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре: Материалы Международной научной конференции. – Калининград, 2006. – С.179.

¹⁰⁴⁴ Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начало XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С.145-146.

¹⁰⁴⁵ Там же. – С.148-149.

¹⁰⁴⁶ Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). Дис. ...докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С.151-153.

¹⁰⁴⁷ Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племён с гор на равнину. // Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Известия. Вып. 10. – Грозный., 1961. – С.115.

¹⁰⁴⁸ Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб., 1910. – С.550.

¹⁰⁴⁹ Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб., 1904. – С.120.

¹⁰⁵⁰ Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста. – 1884. – №7. – С.54.

¹⁰⁵¹ «Зеркало Кавказа». Альбом. – М., 1902. – С.22.

¹⁰⁵² Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. СПб., 1895. – С.31.

- ¹⁰⁵³ Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М., 1888. – №27,32. – С.2-3.
- ¹⁰⁵⁴ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис., 1905. – С.29.
- ¹⁰⁵⁵ Ерохин П.М. Горные курорты Чечни. // Северо – Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Рн/Д., 1928. – С.9.
- ¹⁰⁵⁶ Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Рн/Д., 2005. – №1. – С.53-54.
- ¹⁰⁵⁷ Москвич Г. Кавказ. Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. – Одесса., 1896. – С.89.
- ¹⁰⁵⁸ Ольшевский М.Я. «Кавказ с 1841 по 1866 год» //Русская старина. Т.79. №VII. – М., 1893. – С.92.
- ¹⁰⁵⁹ Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С.24.
- ¹⁰⁶⁰ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ., 1910. – С.142.
- ¹⁰⁶¹ Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб.-М., 1887. – С.46.
- ¹⁰⁶² Ольшевский М.Я. «Кавказ с 1841 по 1866 год» // Русская старина. Т.79. №VII. – М., 1893. – С.92-93.
- ¹⁰⁶³ Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб., 1910. – С.225.
- ¹⁰⁶⁴ Мусаев А.Н. Шейх Мансур. – М., 2007. – С.104.
- ¹⁰⁶⁵ Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.III. Кавказ и Урал. – М., 1879. – С.3,25,35-36.
- ¹⁰⁶⁶ Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 1993. – С.157,169-170.
- ¹⁰⁶⁷ Серкулидзе С.Д. История взаимоотношений кавказских и закавказских народов. – Владикавказ, 1998. – С.94; Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев. Дис. ...канд. фил. наук. – Грозный, 2007. – С.114-115.
- ¹⁰⁶⁸ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб., 1904. – С.441-442.
- ¹⁰⁶⁹ Природа и население России. В 4-х частях. Ч.4. народы Европейской России. Вып.III. Крым и Кавказ. – СПб., 1906. – С.55.
- ¹⁰⁷⁰ Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско-горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007. – С.276.
- ¹⁰⁷¹ Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.III. Кавказ и Урал. – М., 1879. – С.37.
- ¹⁰⁷² Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С.21,25.

- ¹⁰⁷³ Там же. – С.21-22.
- ¹⁰⁷⁴ Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914. – С.164.
- ¹⁰⁷⁵ Джандаров И.А.-Х. Становление государственности Чечни (земельно-территориальный аспект). – М.,2005. – С.12.
- ¹⁰⁷⁶ Маргошвили Л.Ю. К вопросу о поселении кистов Панкиси // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси,1988. – С.254.
- ¹⁰⁷⁷ Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006. – С.125,127.
- ¹⁰⁷⁸ Там же. – С.127-128, 131,135,137.
- ¹⁰⁷⁹ Путеводитель по Терской области. – Тифлис,1871.
- ¹⁰⁸⁰ Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.18.
- ¹⁰⁸¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.421.
- ¹⁰⁸² Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесу. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис.,1897. – С.286.
- ¹⁰⁸³ Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб.,1899. – С.94.
- ¹⁰⁸⁴ Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – 1888. -№32. – С.2.
- ¹⁰⁸⁵ Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). – Грозный,2006. – С.7.
- ¹⁰⁸⁶ Раздольский С.А. Новационное воздействие христианства на культуры горских народов (XVI – начало XIX столетий). – Майкоп,2007. – С.36-37.
- ¹⁰⁸⁷ Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...» Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: В 2-х томах. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.248-249.
- ¹⁰⁸⁸ Дорджиева Е.В. Адаптационно-деятельные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII – XX вв. // Вестник РУДН. Серия «История России». – М.,2007. – № 1. – С.104-105,114.
- ¹⁰⁸⁹ Villari, Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London. Unwin. 1906. – S.24.
- ¹⁰⁹⁰ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.87.
- ¹⁰⁹¹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула.,1895. – С.186.
- ¹⁰⁹² Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис.,1905. – С.53.
- ¹⁰⁹³ Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. – М.,1985. – С.338-340.
- ¹⁰⁹⁴ Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область. // Русский вестник. Т.234. – СПб.,1894. – С.296.
- ¹⁰⁹⁵ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.16.

- ¹⁰⁹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.170. Оп.1. Д.21. Л.27-29.
- ¹⁰⁹⁷ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.17.
- ¹⁰⁹⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.170. Оп.1. Д.21. Л.28.
- ¹⁰⁹⁹ Мун В.А. Государственно-правовые воззрения Л.Н. Гумилева // Двенадцатая Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области, 13-16 ноября 2007 г. Вып.2. Право и юриспруденция. – Волгоград,2008. – С.48-49.
- ¹¹⁰⁰ Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис.,1913. – С.16.
- ¹¹⁰¹ Покровская Н.К. Древняя Русь в сочинениях арабских авторов (IX – XIII вв.) // Страницы истории России: Сборник научных трудов. – Ур.ГУПС. – №45 (128). – Екатеринбург,2005. – С.12-13.
- ¹¹⁰² Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2006. – С.40-41.
- ¹¹⁰³ Доронченков А.И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. Очерк. – СПб.,1997. – С.36-37,40.
- ¹¹⁰⁴ Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.61,64.
- ¹¹⁰⁵ Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. – Тифлис.,1881. – С.245.
- ¹¹⁰⁶ Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893. – С.151.
- ¹¹⁰⁷ Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб.,2003. – С.18.
- ¹¹⁰⁸ Ланда Л.С. К вопросу о взаимоотношениях горских евреев и мусульман на Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. – Петербург,15-18 февраля 2006 г. – СПб.,2006. – С.13-14.
- ¹¹⁰⁹ Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб. – М.,1887. – С.61.
- ¹¹¹⁰ Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ,2005. – С.79.
- ¹¹¹¹ Губенко О.В. Терское казачье войско в XV – XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). – Ессентуки,2007. – С.44-45.
- ¹¹¹² Емельянов О. Б. Государственная служба и ее влияние на состояние хозяйства терско-гребенского казачества в перв. пол. XIX века // Российский исторический журнал. – М.,2006. – № 1 (38). – С.53,56-57.
- ¹¹¹³ Никитин В. Казачество: Нация или сословие? – М.,2007. – С.396.
- ¹¹¹⁴ Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.57-59.

- ¹¹¹⁵ Козырев В.А. Историческая ретроспектива некоторых экологических последствий хозяйственного освоения территории Предкавказья переселенцами из внутренних губерний России в XVIII – XIX в. // Наука, экология и педагогика в технологическом университете: сборник научных докладов ежегодной научно-практической конференции в технологическом университете. – Минеральные Воды, 2007. – С.165.
- ¹¹¹⁶ Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – №5. – С.111.
- ¹¹¹⁷ Слободзинский О. Казаки. // Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. Т.IV.– СПб., 1911. – С.47.
- ¹¹¹⁸ Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII – до конца XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2006. – С.67.
- ¹¹¹⁹ Белецкая Е.М. Этническое самосознание гребенского казачества в фольклоре XVI – XIX веков // «Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906-2006.: Мат-лы краевой научно-практической конференции, Адлер, 7-11 октября 2006 г. – Краснодар, 2006. – С.12-14.
- ¹¹²⁰ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.312-313.
- ¹¹²¹ Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., 1893. – С.151.
- ¹¹²² Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – №1. – С.48.
- ¹¹²³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и России в XVI – XIX вв. – Махачкала, 2003. – С.206.
- ¹¹²⁴ Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.263.
- ¹¹²⁵ Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2005. – С.132.
- ¹¹²⁶ Ефименко А.Я. История украинского народа. – Киев, 1990. – С.379; Дзаголов А. Украинские поселения в Центральном Предкавказье в XIX в. // Український історичний збірник – 2005. Вып.8. – Київ, 2005. – С.188.
- ¹¹²⁷ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С.89, 109.
- ¹¹²⁸ Белоглазкин Г. Хранящим Россию // Вечерний Ставрополь. – Ставрополь, 1990. – 23 октября. – С.2.
- ¹¹²⁹ Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. Р н /Д., 1931. – С.28.
- ¹¹³⁰ Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001. – С.21-22.
- ¹¹³¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М., 1996. – С.73.

- ¹¹³² Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1893. – С.2.
- ¹¹³³ Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп.,2002. – С.64.
- ¹¹³⁴ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.117. Л.4-6.
- ¹¹³⁵ Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М. 1893. – С.28.
- ¹¹³⁶ Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западном Кавказе в 90-е годы XIX века. – Майкоп.,2002. С.69.
- ¹¹³⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.,1996. – С.408.
- ¹¹³⁸ Сопов А. Родина казаков: история с географией // Родина. – М.,2008. – № 4. – С.41.
- ¹¹³⁹ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. – Новочеркасск,1903. – С.53.
- ¹¹⁴⁰ Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ,2005. – С.76,79.
- ¹¹⁴¹ Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. – СПб.,2005. – С.188,197.
- ¹¹⁴² Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. – СПб.,2005. – С.187-188, 192,197, 288.
- ¹¹⁴³ Абрамов А. Кавказские горцы. // Дело. – 1884.-№1. – С.85,95.
- ¹¹⁴⁴ Маргграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ.,1881. – С.18-19.
- ¹¹⁴⁵ Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н /Д.,1931. – С.66.
- ¹¹⁴⁶ Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис.,1887-1888. – С.3.
- ¹¹⁴⁷ Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902. – С.27-28.
- ¹¹⁴⁸ Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.). Дис. ...докт. ист. наук. Р н/Д.,2001. – С.296.
- ¹¹⁴⁹ Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик.,1994. – С.32,40.
- ¹¹⁵⁰ Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д.,1931. – С.69.
- ¹¹⁵¹ Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908. – С.6,30.
- ¹¹⁵² Статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1903. – С.16.

- ¹¹⁵³ Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901. – Тифлис., 1906. – С.2.
- ¹¹⁵⁴ Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – 1999 bu Westview Press.
- ¹¹⁵⁵ РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.84. Л.2.
- ¹¹⁵⁶ Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., 1893. – С.150,155.
- ¹¹⁵⁷ Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область – СПб., 1902. – С.6-7.
- ¹¹⁵⁸ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). – М., 2005. – С.93,95.
- ¹¹⁵⁹ Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.ХI. Ч.IV. – СПб., 1911. – С.217.
- ¹¹⁶⁰ Кривенко В.С. Поездка на юг России в 1888 году. // Исторический вестник. Кн.1. – СПб., 1891. – С.155.
- ¹¹⁶¹ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ. 1895. – С.32.
- ¹¹⁶² Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ. 1890. – С.77.
- ¹¹⁶³ Вейсенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис. 1883. – С.10.
- ¹¹⁶⁴ Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб., 1908. – С.47.
- ¹¹⁶⁵ РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (1). Л.15.
- ¹¹⁶⁶ Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблемы институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002. – С.56-58.
- ¹¹⁶⁷ Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) состав казачьих войск Российской империи в XIX – начале XX века. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб., 1999. – С.52-53.
- ¹¹⁶⁸ Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб., 1902. – С.6-7.
- ¹¹⁶⁹ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М., 2006. – С.241,253-254.
- ¹¹⁷⁰ Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2005. – С.86-87; Северный Кавказ – наш общий дом: рекомендательный библиографический указатель / Сост. Т.В. Желтухина. – Ставрополь, 2006. – С.104-105.
- ¹¹⁷¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.240.
- ¹¹⁷² Кадиев Д.А. Грозный – Столица Чеченской Республики. – М., 2003. – С.18.

¹¹⁷³ Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2006. – С.132-133.

¹¹⁷⁴ Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис. 1888. – С.250.

¹¹⁷⁵ Кадиев Д.А. Грозный – столица Чеченской республики. – М., 2003. – С.330.

¹¹⁷⁶ Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 году. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир. 2002. – С.62.

¹¹⁷⁷ Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено – Ингушетии в эпоху империализма. / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1964. – С.41.

¹¹⁷⁸ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный. 1989. – С.30.

¹¹⁷⁹ Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный. 1984. – С.18.

¹¹⁸⁰ Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX -начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – С.137.

¹¹⁸¹ Терская область Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ, 1884. – С.36.

¹¹⁸² Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор.пол.XIX в.) – М., 1998. – С.77.

¹¹⁸³ Российская государственность в терминах: IX – нач. XX вв. Словарь. М., 2001. – С.98.

¹¹⁸⁴ ПСЗ РИ. Собр.3-е.(1895). Т.XV. – СПб., 1899. – С.133.

¹¹⁸⁵ Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный, 1950. – С.32.

¹¹⁸⁶ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный. 1989. – С.19.

¹¹⁸⁷ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.42.

¹¹⁸⁸ РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.8023. Л.21.

¹¹⁸⁹ Исмаил – Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия. // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С.129.

¹¹⁹⁰ Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа. // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Рн/Д., 1995. – С.93.

¹¹⁹¹ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1.История. – Грозный, 1960. – С.4.

- ¹¹⁹² ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1 Д.489. Л.26.
- ¹¹⁹³ Головлёв А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998 гг.) // Известия Русского географического общества. Т.132. – СПб., 2000. – С.75.
- ¹¹⁹⁴ Головлёв А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998). // Известия Русского географического общества. Т.132. – СПб. Б.г. – С.72.
- ¹¹⁹⁵ Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V-XIX в. Р н/Д. 1984. – С.132.
- ¹¹⁹⁶ Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX-нач.XX в.). М.,1994. – С.24.
- ¹¹⁹⁷ Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893). // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950. – С.33.
- ¹¹⁹⁸ Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX – нач.XX в.). – М.,1994. – С.25.
- ¹¹⁹⁹ Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск,1927. – С.90.
- ¹²⁰⁰ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.45. Л.1.
- ¹²⁰¹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. С.119.
- ¹²⁰² РГИА, Ф.1287. Оп.7. Д.494. Л.1, 4.
- ¹²⁰³ Наши городские банки. // Терские ведомости. -1879. – №26. – С.2.
- ¹²⁰⁴ Дзидзоев В.Д. Взаимоотношения землевладельцев и крестьян в Северной Осетии в начале XX в. // Вестник СОГУ. – Владикавказ,2008. – № 3. – С.55-56.
- ¹²⁰⁵ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.490.
- ¹²⁰⁶ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.631.
- ¹²⁰⁷ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.30.
- ¹²⁰⁸ Волкова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М.,2005. – № 1 (2). – С.22.
- ¹²⁰⁹ Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани,2008. – С.79.
- ¹²¹⁰ Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX -начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.113-114.
- ¹²¹¹ Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный,1984. – С.18.
- ¹²¹² Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М.,2008. – С.417– 420.

¹²¹³ Карбелашвили А. Первые телеграфные линии на Кавказе. – Тбилиси, 1988. – С.7-8,10,22.

¹²¹⁴ Карта телеграфных проводов Кавказского края. – Тифлис, б.г. – С.ХI.

¹²¹⁵ Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма. /Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1964. – С.38,41.

¹²¹⁶ Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск, 1927. – С.90.

¹²¹⁷ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.721.

¹²¹⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.22.

¹²¹⁹ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.224.

¹²²⁰ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.22.

¹²²¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.734.

¹²²² История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный, 2006. – С.623.

¹²²³ Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимосвязи в XIX – нач. XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Тбилиси, 1985. – С.86-87.

¹²²⁴ Обзор печати // Целебный Кавказ // Тифлис, 1917. – № 2. – С.66.

¹²²⁵ Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – XX в. (на материалах Ставрополя, Дона и Кубани). : Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.77.

¹²²⁶ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С.104.

¹²²⁷ Козырев В.А. Северный Кавказ: экология, здоровье, народная медицина. – Минеральные Воды, 2007. – С.197.

¹²²⁸ Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII начала XX вв.). Дис. ...канд. мед. наук. – Чебаркуль, 2001. – С.96,138.

¹²²⁹ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800 – 1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.75.

¹²³⁰ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Армавир, 2006. – С.86-87.

- ¹²³¹ Пирожков В.В. Демократическая направленность взглядов передовых кавказских врачей XIX и начала XX века // Советское здравоохранение. – М., 1960. – № 5. – С.30.
- ¹²³² Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.153.
- ¹²³³ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.15.
- ¹²³⁴ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С.64.
- ¹²³⁵ Военная энциклопедия // Под ред. К.И. Величко. Т.9. – СПб., 1912; М., 2007. – С.276.
- ¹²³⁶ Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII – начало XX вв.). Дис. ...канд. мед. наук. – Чубаркуль, 2001. – С.91-92.
- ¹²³⁷ Аликова З.Р. Хирургическая помощь в народной медицине Северного Кавказа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2000. – № 3. – С.64.
- ¹²³⁸ Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа. Дис. ...докт. мед. наук. – М., 2000. – С.262.
- ¹²³⁹ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008. – С.131.
- ¹²⁴⁰ Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.96.
- ¹²⁴¹ Емжуева М.М., Темботова Э.Ж. Современное распространение серой крысы на Кавказском перешейке // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006. – С.34-36.
- ¹²⁴² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М., 2007. – С.364.
- ¹²⁴³ Энциклопедический словарь военной медицины / Под ред. Е.И. Смирнова. В 6 т. Т.4. – М., 1948. – С.517-518.
- ¹²⁴⁴ Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу. – СПб., 1849. – С.14, 18.
- ¹²⁴⁵ Рыбалко С.Н. Легенды и предания Кавказа. – Ставрополь, 2000. – С.184.
- ¹²⁴⁶ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.235.
- ¹²⁴⁷ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.40.
- ¹²⁴⁸ Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу. – СПб., 1849. – С.22-23.
- ¹²⁴⁹ Захаров И.С. Николай Иванович Пирогов: реформы и бессмертие. Книга I. 1810-1856 гг. – СПб., 2008. – С.72.
- ¹²⁵⁰ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.76.
- ¹²⁵¹ Батаев Х.М., Хьяева З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2005. – № 3. – С.52-53.
- ¹²⁵² Военная энциклопедия. // Под ред. К.И. Величко. Т.18. – СПб., 1915. – С.326.

- ¹²⁵³ Рассказы о русском первенстве. – М.,1950. – С.369-370.
- ¹²⁵⁴ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М.,2007. – С.861-862.
- ¹²⁵⁵ Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII начало XX вв.). Дис. ...канд. мед. наук. – Чебаркуль,2001. – С.96.
- ¹²⁵⁶ Волкова Н.Г. Основные демографические процессы. // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М.,1968. – С.65.
- ¹²⁵⁷ Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата,1970. – С.42-43.
- ¹²⁵⁸ Труды Первого съезда служащих врачей гражданского ведомства на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1912. – С.16, 237-238, 243.
- ¹²⁵⁹ Документальная хроника жизни края // Живая старина. – Нальчик,1993. – № 3. – С.163.
- ¹²⁶⁰ ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.VI.(1886). – СПб.,1888. – С.98.
- ¹²⁶¹ Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн. 1. – Владикавказ,1891. – С.101.
- ¹²⁶² Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань,2007. – С. 67-68, 218,222.
- ¹²⁶³ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.68.
- ¹²⁶⁴ Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата,1970. – С.42-43,48.
- ¹²⁶⁵ Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керасинового производства на Кавказе. – СПб.,1887. – С.5-6.
- ¹²⁶⁶ Предстоящий в г. Тифлисе с 16 по 24 июня 1913 г. XIII Съезд Русских естествоиспытателей и врачей. – Тифлис,1912. – С.9.
- ¹²⁶⁷ Труды первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (С 25 июня по 9 июля 1898 года). – Грозный,1898. – С.20-22.
- ¹²⁶⁸ Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево – Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т.II. Ч.1. Культура. – Нальчик,1998. – С.188.
- ¹²⁶⁹ Фисенко В.Л., Щепотин В.А. Путь в 130 лет (Становление и развитие железнодорожного здравоохранения Северного Кавказа) // Вопросы истории железнодорожной медицины. – М.,2000. – С.102-103.
- ¹²⁷⁰ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ, 1884. – С.53.
- ¹²⁷¹ Сало В.М. История фармации в России. – М.,2007. – С.153-154, 247-249.
- ¹²⁷² Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир,2006. – С.59.

- ¹²⁷³ Таубэ А.А. Развитие аптечного дела в Москве и губерниях Российской империи в XVIII – XIX столетиях // Международный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). – СПб., 2006. – С.140-149.
- ¹²⁷⁴ Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – №18. – С.1.
- ¹²⁷⁵ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.553.
- ¹²⁷⁶ Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ, 1897. – С.53.
- ¹²⁷⁷ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.84.
- ¹²⁷⁸ Дадкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.39.
- ¹²⁷⁹ Конюшевский Л.К. Старый Кавказ // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2. – С.8.
- ¹²⁸⁰ Приложения: Список лечебных мест Кавказа // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 5-6. – С.18-23.
- ¹²⁸¹ Приложения // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2. – С.8.
- ¹²⁸² Скоров (доктор). Минеральные воды Кавказского наместничества. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.25.
- ¹²⁸³ Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа). // Новое обозрение. – 1890. – №2273. – С.2.
- ¹²⁸⁴ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.91.
- ¹²⁸⁵ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.69.
- ¹²⁸⁶ Хроника // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1916. – № 3. – С.37-38.
- ¹²⁸⁷ Приложения // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 3-4. – С.11.
- ¹²⁸⁸ Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ, 1914. – С.162.
- ¹²⁸⁹ Дадкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.40-41.
- ¹²⁹⁰ «Уголки России». Карманная справочная и записная книжка. Вып.1. «Северный Кавказ». – Ставрополь, 1902. – С.91.
- ¹²⁹¹ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). Автореф. ...дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – С.99.
- ¹²⁹² Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекреационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. географ. наук. – Ставрополь, 2003. – С.13,30,86.

- ¹²⁹³ Хроника // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1916. – № 3. – С.38.
- ¹²⁹⁴ Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Литературный процесс: кавказский контекст. Симпозиум XI. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8-12 октября 2007 г. – Пятигорск, 2007. – С.60.
- ¹²⁹⁵ Дацкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.38.
- ¹²⁹⁶ Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2. – С.30-32.
- ¹²⁹⁷ Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2. – С.29.
- ¹²⁹⁸ Eaux minerals du Caucase. – P., 1864. – S.23-24.
- ¹²⁹⁹ Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2. – С.22.
- ¹³⁰⁰ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.104.
- ¹³⁰¹ Дацкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.37-38.
- ¹³⁰² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.189.
- ¹³⁰³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.2. – СПб., 1905. – С.191.
- ¹³⁰⁴ Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечно – Ингушетии в 1917-1937 годах. – Твеерь, 2003. – С.98.
- ¹³⁰⁵ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М., 2005. – С.126-127.
- ¹³⁰⁶ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006. – С.145.
- ¹³⁰⁷ Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.96.
- ¹³⁰⁸ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800 – 1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.119.
- ¹³⁰⁹ Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.96.
- ¹³¹⁰ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.). Автореф. ...дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – С.20.

- ¹³¹¹ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М., 2005. – С.127.
- ¹³¹² Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.554.
- ¹³¹³ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.251-253.
- ¹³¹⁴ Мицаев М.М., Мицаева Р.Ш. Сообщение 1. Сибирская язва // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – №2. – С.23.
- ¹³¹⁵ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ, 1884. – С.65-66.
- ¹³¹⁶ Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.) Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – С.138.
- ¹³¹⁷ Владикавказ. // Терские ведомости – 1875. – №11. – С.1.
- ¹³¹⁸ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.54-55, 59-60.
- ¹³¹⁹ Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962. – С.28.
- ¹³²⁰ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.82.
- ¹³²¹ Там же. – С.74, 77.
- ¹³²² Аликова З.Р. Хирургическая помощь в народной медицине Северного Кавказа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2000. – № 3. – С.63.
- ¹³²³ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С.64.
- ¹³²⁴ Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78). Т.1. – СПб., 1878. – С.32-33.
- ¹³²⁵ Батаева Х.М., Яхьяева З.И. О народной медицине в Чеченской Республике // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2007. – № 2. – С.55.
- ¹³²⁶ Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры). Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.154.
- ¹³²⁷ Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа. Дис. ...докт. мед. наук. – М., 2000. – С.198.
- ¹³²⁸ Иnderбиев М.Т. здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.86.
- ¹³²⁹ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С.2-9.
- ¹³³⁰ Народная медицина Северо – Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики / Х.М. Батаев, А.Ж. Хаджиев, З.И. Яхьяев. – Пятигорск, 2006. – С.47, 65-66.

¹³³¹ Жугова Т.Ч., Шомахов А.О., Кимова Л.Ф. Из истории медицины Кабардино-Балкарии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2001. – № 6. – С.56-57.

¹³³² Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.71,79.

¹³³³ Батаев Х.М., Яхьяев З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2005. – № 3. – С.55.

¹³³⁴ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С.64.

¹³³⁵ Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года (1864-1914). – Тифлис, 1915. – С.247.

¹³³⁶ Лечение аятами Корана и помощь в повседневных нуждах. – СПб., 2007. – С.113-114.

¹³³⁷ Шейх Хаким Моинуддин Чишти. Суфийское целительство. – СПб., 2007. – С.2,7., 170.

¹³³⁸ Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ...канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.87-88.

¹³³⁹ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.17-18, 23, 34-35.

¹³⁴⁰ Горожане боятся врачей больше, чем болезней // Московский комсомолец. – М., 2008. – № 168 (24 826). – С.1.

¹³⁴¹ Танкиев А.Х. Реликты магического обрядового фольклора у ингушей // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сборник статей. – Махачкала, 1989. – С.56.

¹³⁴² Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.50-51.

¹³⁴³ Карта распространения перемежающихся лихорадок на Кавказе (составлена доктором Н. Тороповым в 1864 г.). – Б.м., 1864. – С.1-2.

¹³⁴⁴ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800 – 1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.50,53.

¹³⁴⁵ Егорышева И.В. первые эпидемии холеры в России (1823, 1829-1831 гг.) // проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2008. – № 2. – С.56.

¹³⁴⁶ Фаизханов Х. реформа медресе // Реформа образования: татары Нижнего родчины и мусульманский мир России: Сборник работ по исламскому образованию. – Нижний Новгород, 2008. – С.7.

¹³⁴⁷ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008. – С.92, 96-97.

¹³⁴⁸ В.А. Козырев. Северный Кавказ: экология, здоровье, народная медицина. – Минеральные Воды, 2007. – С.352.

¹³⁴⁹ Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т.1. Вып.2. – Тифлис, 1893. – С.147-148, 157, 244.

- ¹³⁵⁰ Святловский В.В. Очерки и картинки «из Кавказских воспоминаний». – Одесса, 1898. – С.26.
- ¹³⁵¹ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С.11.
- ¹³⁵² Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т. III. – Тифлис, 1894. – С.49.
- ¹³⁵³ Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т. III. – Тифлис, 1894. – С.243, 245.
- ¹³⁵⁴ Штукенберг А. Поездка на Кавказ. – Казань, 1901. – С.14.
- ¹³⁵⁵ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ... канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.55-56.
- ¹³⁵⁶ Гюберт И.И. Проказа в Терской области и Терская лепрозория. – Владикавказ, 1911. – С.15, 18, 24-26.
- ¹³⁵⁷ Иnderбиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР. Дис. ... канд. мед. наук. – Алма-Ата, 1970. – С.115-118.
- ¹³⁵⁸ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008. – С.96-97.
- ¹³⁵⁹ Пирожков В.В. Вопросы профилактики в деятельности передовых врачей Кавказа XIX и начала XX века // Тезисы докладов 2-го съезда гигиенистов и санитарных врачей грузинской ССР, 5-8 октября 1960 г. – Тбилиси, 1960. – С.57.
- ¹³⁶⁰ Круковский Б.В., Рамишвили М.Б. Кавказское медицинское общество и его борьба с холерой (кон. XIX – нач. XX века). – М., 1991.
- ¹³⁶¹ Владикавказ. Фотоальбом. – Владикавказ, 2007. – С.16.
- ¹³⁶² Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006. – С.106-107, 110.
- ¹³⁶³ Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – С.144.
- ¹³⁶⁴ Шумовский Н. Грозненское общество трезвости // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 1. – С.2.
- ¹³⁶⁵ Пономарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. – Вып. 7. – Ставрополь, 2006. – С.122, 126.
- ¹³⁶⁶ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 2006. – С.331-334.
- ¹³⁶⁷ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2-х т. Т.1.: О государственном устройстве. – М., 2006. – С.152.
- ¹³⁶⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М., 2001. – С.269.

¹³⁶⁹ Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование). Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2006. – С.100.

¹³⁷⁰ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. – М., 2006. – С.166.

¹³⁷¹ Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп, 1999. – С.147.

¹³⁷² Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М., 1891. – С.1.

¹³⁷³ Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890 гг.) // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1903. – № 1. – С.5.

¹³⁷⁴ Арапов Д.Ю., Бобровников В.О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России – Краснодар, 2006. – № 2 (03). – С.42.

¹³⁷⁵ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С.23.

¹³⁷⁶ Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М. – С.303.

¹³⁷⁷ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложения Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С.24.

¹³⁷⁸ История религий в России. – М., 2001. – С.448.

¹³⁷⁹ «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений...». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.) (Публикация Д.Б. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006. – С.204-205.

¹³⁸⁰ Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999. – С.301.

¹³⁸¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб., 1998. – С.129.

¹³⁸² Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис.канд. ист. наук. – СПб., 1999. – С.301

¹³⁸³ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб., 1896. – С.245,258.

¹³⁸⁴ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С.5-6.

- ¹³⁸⁵ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М., 1913. – С. 153.
- ¹³⁸⁶ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С. 5.
- ¹³⁸⁷ Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999. – С. 301.
- ¹³⁸⁸ Этнографическая карта Кавказского края. – СПб., 1880. – С. V.
- ¹³⁸⁹ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001. – С. 7, 10.
- ¹³⁹⁰ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С. 3.
- ¹³⁹¹ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С. 256.
- ¹³⁹² Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя четверть XVIII – начало XX вв.). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2005. – С. 232.
- ¹³⁹³ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 260.
- ¹³⁹⁴ Арапов Д.Ю., Бобровников В.О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России. – Краснодар, 2006. – № 2 (03). – С. 43.
- ¹³⁹⁵ Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т. 15. – РнД., 2001. – С. 290.
- ¹³⁹⁶ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст, предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. – М., 2006. – С. 176.
- ¹³⁹⁷ Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV – начало XX в.). Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2003. – С. 105.
- ¹³⁹⁸ Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск, 2006. – С. 44.
- ¹³⁹⁹ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С. 180.
- ¹⁴⁰⁰ Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве». // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Т. 2. Вып. 2. – М., 2003. – С. 229.
- ¹⁴⁰¹ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М., 1913. – С. 155.
- ¹⁴⁰² Матвеев В. «Русские покушались строить мечети...» // Родина. – М., 2004. – № 4. – С. 8.

- ¹⁴⁰³ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – С.187.
- ¹⁴⁰⁴ Труды Комиссий по исследованию современного положения земледельцев и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.216-217.
- ¹⁴⁰⁵ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С.14.
- ¹⁴⁰⁶ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С.254.
- ¹⁴⁰⁷ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С.14.
- ¹⁴⁰⁸ АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.П. Оп.2. Д.25. Л.8 об.
- ¹⁴⁰⁹ Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – С.64.
- ¹⁴¹⁰ Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006. – С.152-153.
- ¹⁴¹¹ Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2007. Т.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007. – С.154.
- ¹⁴¹² Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906 -1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа, 1998. – С.322.
- ¹⁴¹³ Шашин А. Миссионерская поездка на Кавказ // Братское слово. – М., 1894. – № 13. – С.212.
- ¹⁴¹⁴ Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское хозяйство – социальные роли, общественное мнение, властные решения: Сборник статей. – СПб., 2007. – С.79-80.
- ¹⁴¹⁵ Лукьянов С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI – XX вв.): Монография. – М., 2007. – С.148.
- ¹⁴¹⁶ Монастыри Кавказской епархии и их роли в культурном развитии Северного Кавказа. – Р н/ Д., 2006. – С.15, 19.
- ¹⁴¹⁷ О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости // Владикавказ, 1895. – № 9. – С.60; О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1896. – № 3. – С.15; Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1899. – № 7. – С.81.
- ¹⁴¹⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С.111.
- ¹⁴¹⁹ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю.Арапов. – М., 2001. – С.24.
- ¹⁴²⁰ Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917. – С.16.

- ¹⁴²¹ Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – С.63.
- ¹⁴²² Хизриев Р. Исторические и этнокультурные связи народов Чечни и Дагестана // Вайнах. – Грозный, 2007. – № 4. – С.56.
- ¹⁴²³ Абдуллаев М.А. Историческая культурно-творческая роль ислама на Северном Кавказе // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2006. – С.67.
- ¹⁴²⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М., 1998. – С.23.
- ¹⁴²⁵ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.304.
- ¹⁴²⁶ Туманский А.Г. Арабский язык и кавказоведение. – Тифлис, 1911. – С.9.
- ¹⁴²⁷ Отчет о деятельности Распорядительного Комитета «Кавказское Мусульманское Благотворительное Общество» за 1909 г. – Тифлис, 1910. – С.4.
- ¹⁴²⁸ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области) Дис. ... канд. ист. наук. – М. 2004. – С.158.
- ¹⁴²⁹ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ, 1893. – С.23.
- ¹⁴³⁰ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С.16.
- ¹⁴³¹ Письма Шамиля. – Махачкала, 1997. – С.198, 256, 273.
- ¹⁴³² Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска донского, Сибири, Степному краю и Туркменистану. – СПб., 1904. – С.766.
- ¹⁴³³ Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase Wl...off. – Paris. – S.235.
- ¹⁴³⁴ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб., 1998. – С.33.
- ¹⁴³⁵ Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве». // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Т.2. Вып.2. – М., 2003. – С.226, 228.
- ¹⁴³⁶ Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2006. – С.140.
- ¹⁴³⁷ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С.133-134.
- ¹⁴³⁸ Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М., 2001. – С.8.
- ¹⁴³⁹ Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917. – С.5.
- ¹⁴⁴⁰ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1846. – С.119.
- ¹⁴⁴¹ Алексеев И.А. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001. – С.51.
- ¹⁴⁴² Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России. – Уфа, 1998. – С.5.

¹⁴⁴³ Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарского гос. университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004. – С.47.

¹⁴⁴⁴ Загидуллин И. Архитектурный образ молитвы и центр общественной жизни уммы // Мечети Российской империи: фотоальбом. – Нижний Новгород, 2006. – С.84.

¹⁴⁴⁵ Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. – М., 2006. – С.12-13.

¹⁴⁴⁶ Николаев Э.А. Культурно-исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX – начало XXI вв.). Дис. ...докт. ист. наук. – Улан-Удэ, 2006. – С.10.

¹⁴⁴⁷ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет, Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Серия «Общественная мысль». Вып.3. – Грозный, 2006. – С.4.

¹⁴⁴⁸ Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М., Новосибирск, 2001. – С.10.

¹⁴⁴⁹ Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001. – С.51.

¹⁴⁵⁰ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М., 1993. – С.59.

¹⁴⁵¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С.77.

¹⁴⁵² Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С.77.

¹⁴⁵³ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С.72-73.

¹⁴⁵⁴ Макаров Н., Ганин А. «А се кони Турабиевы...» // Родина. – М., 2008. – № 4. – С.35.

¹⁴⁵⁵ Там же. – С.56-57.

¹⁴⁵⁶ Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М., 2001. – С.265.

¹⁴⁵⁷ Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001. – С.60.

¹⁴⁵⁸ Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001. – С.3-4.

¹⁴⁵⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.248.

¹⁴⁶⁰ Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений в священных Писаниях: Тора, Новый Завет, Коран // Исторические основания взаимодействия культур. Вып. I. Проблемы теории культуры и гуманистики. – Рн/Д., 1991. – С.74.

¹⁴⁶¹ Абашин С.Н., Бобровников В.О. «Соблазны культа святых». // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003. – С.7.

- ¹⁴⁶² Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т5. Ч.3. – М., Новосибирск, 2001. – С.8.
- ¹⁴⁶³ Романов Б. Роковые предсказания России. – М., 2006. – С.292.
- ¹⁴⁶⁴ Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898. – С.30, 43, 51.
- ¹⁴⁶⁵ Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992. – С.103.
- ¹⁴⁶⁶ Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений в священных Писаниях: Тора, Новый Завет, Коран // Исторические основания взаимодействия культур. Вып. II. Проблемы теории культуры и гуманистики. – Рн/Д., 1991. – С.74, 76.
- ¹⁴⁶⁷ Книга для всех. – М., 1997. – С.24.
- ¹⁴⁶⁸ Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений... С.77-79.
- ¹⁴⁶⁹ Рашковский Е. Ислам в динамике глобальной истории // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 6. – С.21-22.
- ¹⁴⁷⁰ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907. – С.333.
- ¹⁴⁷¹ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.105.
- ¹⁴⁷² Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С.164-165.
- ¹⁴⁷³ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.311-313.
- ¹⁴⁷⁴ Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Заявление в связи с обострением трагических событий в Чечне // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4059. – С.2.
- ¹⁴⁷⁵ Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб., 1898. – С.49.
- ¹⁴⁷⁶ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008. – С.257-258.
- ¹⁴⁷⁷ Щетинина Г.И. Вл. Соловьёв: исторические взгляды. // История и Историки. – М., 1995. – С.246.
- ¹⁴⁷⁸ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.310.
- ¹⁴⁷⁹ Книга для всех. – М., 1997. – С.5.
- ¹⁴⁸⁰ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.309.
- ¹⁴⁸¹ Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. – СПб., 1891. – С.5.
- ¹⁴⁸² О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.179.
- ¹⁴⁸³ Там же. – С.43.
- ¹⁴⁸⁴ Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С.88.
- ¹⁴⁸⁵ Муравьёв А.Н. Письма о магометанстве. – Казань, 1875. – С.83.
- ¹⁴⁸⁶ Книга для всех. – М., 1997. – С.26.
- ¹⁴⁸⁷ Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 гг.). – М., 2002. – С.331.
- ¹⁴⁸⁸ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М., 1894. – С.69.
- ¹⁴⁸⁹ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С.189.

- ¹⁴⁹⁰ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.249.
- ¹⁴⁹¹ Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск,1998. – С.79.
- ¹⁴⁹² Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М.,2002. – С.329.
- ¹⁴⁹³ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.321.
- ¹⁴⁹⁴ Там же. – С.215.
- ¹⁴⁹⁵ Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М.,2002. – С.351.
- ¹⁴⁹⁶ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.132.
- ¹⁴⁹⁷ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.26.
- ¹⁴⁹⁸ О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.92.
- ¹⁴⁹⁹ Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.52.
- ¹⁵⁰⁰ Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент,1900. – С.49.
- ¹⁵⁰¹ Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.88.
- ¹⁵⁰² О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.329.
- ¹⁵⁰³ Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.62.
- ¹⁵⁰⁴ Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечни и Ингушетии во второй половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – Рн /Д.,1971. – С.32.
- ¹⁵⁰⁵ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.12.
- ¹⁵⁰⁶ Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М.,2001. – С.39.
- ¹⁵⁰⁷ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.57.
- ¹⁵⁰⁸ О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.307.
- ¹⁵⁰⁹ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.200.
- ¹⁵¹⁰ Там же. – С.194.
- ¹⁵¹¹ Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. М.,Новосибирск,2001. – С.71.
- ¹⁵¹² Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб.,1898. – С.18
- ¹⁵¹³ Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.,Новосибирск,2001. – С.18.
- ¹⁵¹⁴ Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.52.

- ¹⁵¹⁵ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С. 104.
- ¹⁵¹⁶ Одинцов А. Укрепление Ведено, Грозненского округа // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1898. – № 3. – С. 54.
- ¹⁵¹⁷ Берже А. Кавказ в археологическом отношении. – Тифлис, 1874. – С. 59-60.
- ¹⁵¹⁸ Рошин М.Ю. П.И. Тахнаева. Христианская культура средневековой Аварии (VII – XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М., 2006. – № 3. – С. 186.
- ¹⁵¹⁹ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М., Пятигорск, 1992. – С. 18.
- ¹⁵²⁰ Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М., 2004. – С. 358.
- ¹⁵²¹ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М., Пятигорск, 1992. – С. 20.
- ¹⁵²² Касумова С.Ю. Из истории христианства в южном Азербайджане // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. Баку, 1991. – № 2-3. – С. 106, 108.
- ¹⁵²³ Zetichvili P. J. Orthodoxy et cecumenisme dans l'histoire religieuse de la Georgie // Символ. – Париж, 2005. – № 48. – С. 311-312, 331.
- ¹⁵²⁴ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет... С. 13-14.
- ¹⁵²⁵ Гаджиев Д. Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. // Христианское чтение. – СПб., 2006. – № 26. – С. 216.
- ¹⁵²⁶ Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. – Пятигорск, 2007. – С. 150.
- ¹⁵²⁷ Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). – Л., 1982. – С. 183.
- ¹⁵²⁸ Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. – Тбилиси, 1990. – С. 228.
- ¹⁵²⁹ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет; Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики; Чеченское отделение Философского общества России. Серия «Общественная мысль». Вып. 3. – Грозный, 2006. – С. 31.
- ¹⁵³⁰ Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинта (1862). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св. Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ. – М., 2000. – С. 23.
- ¹⁵³¹ Битарова А.Т. Некоторые негативные, консервативно-архаичные моменты в этике общения горцев Северного Кавказа. – Владикавказ, 2002. – С. 11.

- ¹⁵³² Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье. – М., 1913. – С.117,120.
- ¹⁵³³ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С.315.
- ¹⁵³⁴ Там же. – С.311-312.
- ¹⁵³⁵ Там же – С.173.
- ¹⁵³⁶ О социальной концепции русского православия. – М., 2002. – С.315.
- ¹⁵³⁷ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С. 281.
- ¹⁵³⁸ Тепцов Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Вып.5. – Майкоп, 2006. – С.20-21.
- ¹⁵³⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С.107.
- ¹⁵⁴⁰ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М., Пятигорск, 1992. – С.11.
- ¹⁵⁴¹ Гаджиев Д. Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. // Христианское чтение. – СПб., 2006. – С.217.
- ¹⁵⁴² Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. – Тбилиси, 1990. – С.231.
- ¹⁵⁴³ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907. – С.335.
- ¹⁵⁴⁴ Матвеев В. «Русские покушались строить мечети...» // Родина. – М., 2004. – №4. – С.9.
- ¹⁵⁴⁵ Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев., СПб., Харьков, 1904. – С.495-497.
- ¹⁵⁴⁶ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907. – С.336.
- ¹⁵⁴⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.49. Л.1.
- ¹⁵⁴⁸ Первая всеобщая перепись, произведённая 28 января 1897 года. Общий свод. Т.1. Ч.1. – СПб., 1905. – С.68,80.
- ¹⁵⁴⁹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907. – С.333.
- ¹⁵⁵⁰ Матвеев В. «Русские покушались строить мечети...» // Родина. – М., 2004. – №4. – С.9.
- ¹⁵⁵¹ Стейнвелл Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С.616-617, 626.
- ¹⁵⁵² Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998. – С.10.
- ¹⁵⁵³ Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906-1917). – Казань, 1999. – С.56.

¹⁵⁵⁴ Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. – Казань, 2005. – С.151,153,166,175,271-272.

¹⁵⁵⁵ Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 г. Сборник документов и материалов. – Уфа, 1998. – С.15.

¹⁵⁵⁶ Караев Т.М. Россия и Кавказ: Проблема культурной ориентации. – М., 2001. – С.67.

¹⁵⁵⁷ Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции 22-23 сентября 2006 г., г. Абакан. – Абакан, 2006. – С.209,211.

¹⁵⁵⁸ Там же. – С.208-209.

¹⁵⁵⁹ Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. ...канд. полит. наук. – М., 2006. – С.167.

¹⁵⁶⁰ Парова Л.М. Деятели правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикациям источников истории Кавказа (Принципы и методы издания). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 1985. – С.34.

¹⁵⁶¹ Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно – педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в. Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С.126-127.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Везде в мире, где подавляется знание и закон, то знание, которое, стань оно осознанным, потрясло бы наш образ мира и заставило бы сомневаться в самих себе, - там везде разыгрывается геноцид и царит грех.

Нам не хватает знаний.

Нам не хватает смелости понять то, что мы знаем, и сделать выводы.”

Свен Линдквист

Проведенное научно исследование темы позволяет сделать следующие выводы.

Кавказская война (1817-1864 гг.), продолжавшаяся 47 лет, завершилась включением Северного Кавказа в состав Российской империи. По сравнению с присоединением к России Закавказья включение северокавказского региона имело свои особенности. Царизм не опасался здесь прямого иностранного вмешательства и надеялся быстро подчинить своему владычеству разобщенное и истощенное длительной войной местное население. Высшее чиновничество отдавало себе отчет в том, что военная победа не решила задачу полного подчинения края. Реальное вхождение северокавказских территорий в состав Российской империи оказалось делом чрезвычайно сложным и длительным.

Кавказская война была страшной трагедией для всех вовлеченных в нее сторон – и для горцев, и для русских. В этой войне зачастую гибли и страдали именно безвинные мирные люди. Массовое уничтожение царскими войсками горских селений, нередко с «профилактическими» целями, приводило к ожесточению коренного населения и психологическому неприятию устанавливавшейся власти. В правительстве отдавали себе отчет в том, что без замирения с населением Северного Кавказа, без обращения бывших врагов в верноподданных царя и без подчинения их условиям гражданского быта российской государственности, нельзя ни наладить жизнь на Кавказе, ни решить тех важных задач, которые ставило перед собой правительство. Руководство отдавало себе отчет и в том, что это потребует много времени, постоянных усилий, изыскания особых способов урегулирования обстановки. В зависимости от обсто-

ятельств и реакции различных горских обществ на закрепление России на Кавказе использовались разнообразные меры.

Исследование показало, что основным содержанием российского управления в регионе являлось обеспечение политической стабилизации. Политическая стабилизация в условиях Северного Кавказа предполагала достижение следующих целей: недопущение новой войны; вооруженных конфликтов с населением, способных подорвать основы российской власти в регионе; превращение этой территории в органичную часть империи, максимально интегрированную в российскую социально – экономическую, политическую и культурную среду. Для успешного достижения этих целей, наиболее непримиримым к России горцам была предоставлена возможность выселиться в единоверную Османскую империю, с которой у них сложились давние связи. Кроме того, следует учитывать и то, что переселение горцев стало следствием не только прихода России на Кавказ, но также следствием политики Османской империи и ряда европейских стран в данном регионе.

В сложных послевоенных условиях особое значение приобретала гибкость и дальновидность власти, ее умение не столько приспосабливаться к существовавшим в стране этнотерриториальным условиям, сколько влиять на этнические анклавы посредством опережающих шагов, которые смогли бы удержать в равновесии всю Российскую империю и не допустить ее распада. В ходе проведения многих административных реформ российские чиновники приходили к выводу, что для установления прочной российской власти в Чечне, реального присоединения края к России необходимо более активное использование экономических средств, распространение среди горцев просвещения, установление контактов с умеренной частью духовенства и т.д.

Царские власти включали представителей чеченского этноса в различные имеющиеся в монархии сословия и сословные группы (дворянство, казачество, купечество и т.д.), с распространением на них соответствующих прав и обязанностей. Признавая ислам, как законно существующую в стране религию, царские администраторы вынуждены были учитывать особенности ислама и мусульманских традиций. Это побуждало власть организовывать особый, с использованием Корана порядок принесения мусульманской воинской и судебной присяги, предоставлять время и место для ежедневной пятикратной молитвы, обеспечивать возможность паломничества желающих верующих в Святые места. Решая все подобные вопросы в рамках реализации задачи

– «минимум», политики империи никогда не забывали о необходимости постараться достичь и другой задачи – «максимум» – оптимально быстро интегрировать чеченцев и другие кавказские народы в состав Российской империи.

Не отрицая наличия определенной гибкости центральной власти империи в решении проблем управляемости ее национальными окраинами, следует все же подчеркнуть, что на протяжении XIX века поиски баланса между центростремительными тенденциями в этой политике и учетом национальной специфики, воплощаемой в функционировании органов местного самоуправления, приносили лишь временный эффект. Со второй половины XIX в., опираясь на утверждавшееся как на Западе, так и в России убеждение, что наибольшие потенции развития заложены в национальном государстве, царизм стал последовательно проводить политику более тесного включения окраин в общероссийскую систему управления. Приходится констатировать тот факт, что руководству империи так в целом и не удалось построить свои отношения с основными социальными силами российского многонационального общества – в том числе и в сфере административного управления – по принципу взаимоприемлемого диалога и скоординированного учета всех интересов. Анализ всей имеющейся весьма обширной базы данных показывает, что в основе имперского подхода к осмыслению состояния «чеченского вопроса» и происходивших на Северном Кавказе событий лежали, как архаично – традиционные стереотипы («дикари», «фанатики»), так и новые «фантомы» – страхи перед угрозами крупных восстаний и отделения обширных кавказских территорий от Российской империи.

Хронология административного устройства на Кавказе охватывает несколько периодов. В ходе Кавказской войны в основном действовала приставская система. После завершения войны господствовала военно – народная форма управления. Система военно – народного управления являлась специфичной для Северного Кавказа и носила относительно прогрессивный характер. В частности, на первых порах проводившиеся съезды доверенных представителей позволяли населению чувствовать себя защищенными от произвола чиновников. В 70-80 гг. XIX в. был взят курс на отказ от специальных управленческих институтов, направленный на полное административное слияние Кавказа с Россией. Во главе приставской пирамиды управления на Кавказе стоял главнокомандующий, ему подчинялся командующий Кавказской линией. При штабе командующего линией действовала особая Канцелярия для управления

«мирными» горцами (г. Ставрополь), занимавшаяся текущими делами. Среднее звено административной системы составляли приставы, низшее – старшины. Управление каждого отдельного народа поручалось приставу и его помощникам. Позитивную роль в динамике приживаемости нового аппарата управления играло стремление российской администрации к широкому привлечению, на первоначальном этапе, вайнахской знати к деятельности в административных и судебных учреждениях низшего, а иногда и среднего звена.

В ходе исследования выяснилось, что именно принципы «военно – народного» управления легли в основу законодательной базы административного управления созданной в 1860 г. на Северном Кавказе в Терской области. «Положение об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 года являлось первым целостным законодательным актом, определявшим структуру административно – судебного устройства, права и обязанности должностных лиц, административно – территориальное деление области. Анализ данного Положения показал, что наиболее существенными чертами административного устройства Терской области являлись: слияние административной, военной, полицейской власти в одних руках на всех уровнях управления; наделение начальника области и начальников отдельных округов особыми чрезвычайными полномочиями, вплоть до применения оружия против населения; более дробное, по сравнению с общегубернским, административно – территориальное деление, в том числе допускавшее в составе области административных единиц (земли Терского казачьего войска), имевших самостоятельные органы управления; особая организация судебных учреждений. Последняя предполагала существование параллельных систем судебных органов для разных категорий населения: казачества, городских и сельских обывателей гражданского ведомства, горцев. На основе изученных фактов, можно констатировать, что принципы «военно – народного» управления, легшие в основу административного устройства Терской области, позволили российским властям за счет своих возможностей, в том числе использования силы, как аргумента политики, обеспечить относительно мирное подчинение и развитие края после окончания кровопролитной войны. Несмотря на некоторые изменения в последующие десятилетия наиболее существенные черты данной административной системы управления в Терской области сохранялись вплоть до 1917 года.

Достижение относительной политической стабильности на покоренных территориях Северного Кавказа к концу 60-х гг. XIX в. привели

ряд высокопоставленных лиц в кавказской администрации и Петербурге к мысли о том, что настало время для постепенного устранения в областях Северного Кавказа отличий от общеимперских административных и судебных стандартов, которые уже не были обусловлены особыми обстоятельствами. Фактически это должно было означать распространение на Северный Кавказ действия буржуазных реформ Александра II, отмену особой формы управления – «военно – народной» и введение общегубернской системы правления. Однако в кавказской администрации далеко не все были согласны с тем, что Терская область «созрела» для столь серьезных перемен, что уже изгладились те особые обстоятельства, которые вызывали здесь необходимость «резких движений», из-за опасений народных волнений. В этих обстоятельствах общая концепция предстоящих преобразований в областях Северного Кавказа свелась к следующему: приближение к общим формам гражданского устройства империи не должно исключать более или менее значительных отступлений от этих форм, продиктованных сохранением особых местных условий.

Автор указывает в своей работе на разносторонние результаты проведенных реформ. Сложившаяся в пореформенный период административная система, с одной стороны, отвечала политическим целям, с другой – раздвигала этнические барьеры, связывала административно – правовым механизмом ранее разобщенные территории, учитывала особенности внутреннего традиционного общественного устройства каждого народа. Несмотря на половинчатость реформ, их проведение для административного развития Кавказа имело судьбоносное значение. Оно во многом решало задачу, давно стоявшую перед управляющими Кавказом, – тотальную привязку Кавказа к России не только в политическом, но и в административном отношении. Исследование итогов административно – политических реформ конца 60-70-х гг. показало, что, несмотря на официальный отказ от системы «военно – народного» управления, фактически она продолжала действовать на территории Терской области. Вместе с тем, реформы позволили несколько модернизировать систему управления в соответствии с новыми требованиями времени.

Восстание 1877 года в Чечне и Дагестане усилило сомнения властей относительно возможности введения в ближайшем будущем общеимперских порядков в крае. Это восстание, а также политический кризис 1881 г. в самой России, вызванный убийством Александра II, стали пово-

ротным пунктом перехода к новому политическому курсу на Северном Кавказе, во главу угла которого была поставлена задача обеспечения военно – политической стабильности в регионе. Административная реформа 1888 г. по существу означала восстановление в полном объеме «военно – народной» системы управления, что проявилось прежде всего в передаче управления Терской областью Военному ведомству. Оно, по мнению кавказской администрации, располагая соответствующими средствами, более подходило для управления все еще «неблагонадежным» горским населением. Главную причину необходимости сохранения военного управления власти видели в том, что либеральные реформы 60-70-х гг. мало продвинули горцев в «гражданском развитии», ослабили «боевой дух» казачества – главной опоры российской власти на Кавказе.

Автор отмечает, что сняв остроту противоречий и добившись относительной политической стабильности военно-полицейскими средствами, российская бюрократия на Северном Кавказе к началу Первой мировой войны отказалась от коренных преобразований административно – политической сферы. В условиях, когда для оздоровления обстановки край нуждался в целой системе мер, причем не только политико – административного, но и социального и экономического характера, такая позиция российских властей была крайне уязвимой, так как, гарантировала стабильность только до первого серьезного внутри – или внешнеполитического кризиса. Изучение материалов различных правительственных совещаний, специальных комитетов по выработке новых законопроектов, отзывов высокопоставленных чиновников на законодательные предложения депутатов Госдумы по поводу необходимости различных преобразований в административном устройстве областей Северного Кавказа позволяет сделать заключение о том, что правительственная политика в регионе в последнее десятилетие перед началом Первой мировой войны носила характер осторожности, граничащей с нерешительностью.

Общим признаком «окраин России управляющихся на особых основаниях» было наличие там генерал – губернаторов или наместников. Наместническая форма правления имела своей главной целью укрепление государственной власти на местах путем централизации административной системы. Фактически наместники оказались неподвластны Сенату и подчинялись лично царю. Своего рода асимметрия государственного управления национальными окраинами, в сочетании

с эффективной инкорпорацией местных элит в общероссийскую, в течение долгого времени поддерживала целостность Российской многонациональной империи. Сравнивая управление Кавказского края с государственным управлением близкими ему по своей значимости национальными окраинами (Великим княжеством Финляндским, Варшавским генерал – губернаторством), можно прийти к выводу, что оно имело наиболее необычайные формы. В законодательстве полномочия генерал – губернаторов были определены мало. С одной стороны это не сковывало их в своих действиях, что было крайне необходимо для более гибкого и оперативного управления обычно неспокойной окраины государства; но с другой стороны, создавало достаточный простор для злоупотреблений.

Регионализм на Кавказе в целом выразился в существовании института наместничества (1844 – 1882; 1905-1917 гг.) и специального регионального комитета в центре по делам Кавказа – Кавказского комитета (1845 – 1882 гг.). Широкие полномочия и самостоятельная политика наместника на Кавказе объяснялись нестабильной послевоенной ситуацией. Отношения Кавказского комитета и наместника регулировались «Положением о правах наместника». Согласно этому документу наместник сотрудничал с Кавказским комитетом по всему кругу вопросов управления регионом. 6 января 1846 года высочайше утвержденные особые правила сформулировали права кавказского наместника. Во всех случаях, когда власть считалась превышенной и требовалось разрешение или утверждение царя, наместник должен был обращаться к председателю Кавказского комитета. Последний, в зависимости от характера дел, докладывал их царю, либо вносил на предварительное рассмотрение комитета.

Кавказский комитет был создан на правах особого министерства, входившего в Государственный Совет. Являясь для Кавказа органом высшего управления и надзора за местной администрацией, он нередко выполнял и законодательные функции. В 1845 году высочайше было приказано вносить в Кавказский комитет все дела по законодательной части и по устройству Кавказского края, которые превышали власть министров и главноуправляющих. Наместник одновременно являлся главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, а с 1860 года также Наказным атаманом Кавказских казачьих войск, обладающий всей полнотой военной и гражданской власти на Кавказе. В этой своеобразной форме правления причудливо сливались принципы единона-

чала, элементы административной автономии и высшего бюрократического органа типа центрального министерства. Однако автономные начала власти наместника оказывались сильно ограничены, поскольку существовавшие при нем Особый совет и канцелярия были подконтрольны императору и подотчетны Государственному Совету. Император дал право наместнику « в виде опыта» образовать Главное управление делами Кавказа, а также другие учреждения; эти временные полномочия периодически продлевались, но в тоже время заставляли наместника «не расслабляться» и следить за ситуацией в крае.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что на протяжении всего времени шло подспудное, а подчас и явное противодействие двух сил – централистской и региональной, Петербурга и Тифлиса. В 1882 году Кавказское наместничество было упразднено, а в следующем году введено в действие «Учреждение управления Кавказского края» от 23 апреля 1883 года, вновь подчинившее отдельные отрасли управления этой окраиной ведению надлежащих министерств. Управление всем краем было вверено Главоначальствующему гражданской частью на Кавказе, который вместе с тем был и командующим войсками Кавказского военного округа и являлся войсковым атаманом Кавказских казачьих войск. Правительство рассудило, что данный регион достиг высокой степени интеграции в систему общеимперского законодательства и общеимперских учреждений, вследствие чего Кавказское наместничество и Кавказский комитет были ликвидированы.

Отмена наместничества и учреждение на Кавказе в 1882 году должности главоначальствующего гражданской частью с несколько расширенными по сравнению с генерал – губернаторскими полномочиями не создало, вопреки ожиданиям, условий для ускорения экономических и социальных процессов. Главоначальствующие имели особые права лишь в сфере пресечения нарушений общественного и государственного правопорядка. Они могли только ставить вопросы перед соответствующими ведомствами, и вынуждены были вести с ними длительную и, зачастую безнадежную переписку. Многие проекты, не встречавшие понимания в центре, были провалены: например, упразднение военно – народного управления, переустройство сельского правления, введение земства. Деятельность ведомств, которые не были поставлены в прямую зависимость от главоначальствующего, таких как народного просвещения, земледелия, государственных имуществ, совершенно перестали соотнобразовываться с местными условиями.

В работе автором был сделан вывод о том, что итоги периода 1881-1888 г. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между государственными органами и региональной администрацией, то на Северном Кавказе аналогичные преобразования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион вновь оказался под контролем военного ведомства. Таким образом, с точки зрения послевоенной Петербургом установленной задачи унификации, по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами, произошел даже определенный откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской и Кубанской областей.

Под воздействием первой русской революции Кавказское наместничество вновь возрождается. Новый глава военной и гражданской власти региона сохранил свои прежние «объединенные полномочия всех министров на Кавказе». Согласно царскому указу от 26 февраля 1905 года, наместник становился членом Государственного Совета и Комитета министров. Однако парадокс заключался в том, что местные органы власти не были изъяты из подчинения центральных министерств. В то же время глава кавказской администрации наделялся правом по своему усмотрению проводить в жизнь министерские циркуляры и распоряжения или выносить их на рассмотрение в Комитет министров. Вместе с тем наместник сохранил право на карательные и чрезвычайные меры. В случае необходимости он мог наказывать и даже высылать в административном порядке «провинившихся» горцев.

В Российской империи с середины XIX века существование регионов с преобладающим нерусским населением постепенно превращалось в сознании правящей элиты в угрозу сепаратизма и развала империи. В результате правительство все дальше уходило от прежней политики толерантности в отношении национальных особенностей многочисленных нерусских подданных царя. Конкретные действия властей, направленные на реализацию данных правительственных целей, были сосредоточены на трех взаимосвязанных направлениях: принудительном переселении жителей горных районов на равнину, организация колонизационных мероприятий, поощрении переселения горцев в Турцию.

5 августа 1872 года Кавказский наместник утвердил временные правила по переселению кавказских мусульман в Турцию и Персию. Это был один из первых законодательных актов, серьезно препятствовавший исходу горцев из Терской области. Правительственная акция по массовому переселению горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию близилась к завершению. Основные цели, преследуемые правительством России, были выполнены. Прежде всего, произошла «безболезненная» конфискация земель мухаджиров, ушедших в Турцию. Политически неблагонадежное население области было устраниено. Увеличение русскоязычного населения Терской области также произошло за счет вытеснения коренных жителей. После возвращения горцев из Турции власти также получили возможность «фильтровать» население, по своему усмотрению его расселять, а неугодных снова отправлять в Турцию.

Общее переселение мусульман после 1872 года заметно уменьшилось. Однако в 1880-1890 гг. наблюдался новый всплеск переселения горцев в Турцию в больших масштабах. В 1893 году было столько желающих переселиться в Порту, что участились случаи переселения без разрешения властей. Но в то же время имело место и возвращение чеченцев на историческую родину. Горцев подталкивало к выселению и христианское население Терской области, прямо заинтересованное в приобретении новых земель и имуществ, распродаваемых чеченцами по низким, бросовым ценам. Переселение горцев в Турцию не прекращалось даже в начале XX века, хотя переселенцы – горцы, испытав все тяготы жизни на чужбине, возвращались на Кавказ с большими трудностями. Последний поток беженцев – переселенцев в Турцию длился до того момента, пока Россия не закрыла свои границы в связи с началом Первой мировой войны.

В работе отмечается, что правительство Российской империи не замедлило воспользоваться эмиграцией горцев, чтобы еще больше «разбавить» местное население, создать выгодный для себя этнодемографический баланс. Параллельно эмиграции с Кавказа шел процесс иммиграции на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России, поддерживаемый правительством. Часть наиболее плодородных земель теперь отводилась для специального колонизационного фонда, на землях которого запрещалось размещать переселившихся на равнины горцев. Проблема земельного дефицита для чеченцев становилась все более острой.

Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских народов было выселение их с гор на плоскость и укрупнение поселений в стратегически важных пунктах – путем соединения мелких аулов – в крупные. Автор подчеркивает, что переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношениях, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. В то же время самостоятельное передвижение горцев по области было ограничено, нарушителям режима грозили общественные работы или денежный штраф. В начале 60-х годов XIX века на территории области действовали военно – карательные экспедиции, переселявшие горцев, уничтожавшие посеы и угонявшие скот.

Обобщая рассмотренный материал, подведем итоги. Не было бы Кавказской войны, не пришлось бы горцам в таком огромном количестве покидать родные селения, спасаясь от карательных операций и злоупотреблений властей. Колонизация подтолкнула сотни тысяч людей к эмиграции. Необходимо также отметить, что эмиграция чеченцев, ингушей, карабулак не была насильственной, ее скорее можно назвать принудительно – добровольной. Причем принуждение оказывалось правительством России как скрытно (путем агитации, с помощью подкупных лиц), так и открыто (например, путем объявления ультиматума). Выселение горцев в Турцию и укрупнение их поселений на Кавказе способствовало усилению государственного контроля над военно – политической и экономической ситуацией в крае.

Как показало исследование итогов миграционной политики российского правительства на Северном Кавказе в рассматриваемый период, ее результаты с точки зрения стабилизации социально – политической ситуации в регионе имели лишь временный эффект. Отдаленные последствия крупномасштабных миграционных акций в таких сложных районах, как Северный Кавказ предвидеть трудно. Последнее стало особенно очевидным для российских властей в условиях общеполитического кризиса начала XX века, когда стали давать о себе знать те мины замедленного действия, которые были заложены недальновидной миграционной политикой предшествующих десятилетий. В результате российским властям пришлось отказаться от подобного способа регулирования политической ситуации в Терской области.

В работе обоснован вывод о том, что причины многих межэтнических конфликтов своими корнями уходят в далекое прошлое. Проявления исторической несправедливости оставляют глубокий след в сознании и незаживающую рану в памяти народа. Особенно остро это ощущают те, кто неоднократно страдал со времен Кавказской войны, неся на себе тяжелую печать предвзятого отношения властных структур. Исторические несправедливости «держат» народы в постоянном напряжении, играют не последнюю роль в усилении этноконфликтности. Большую опасность представляют их «невидимые» следствия, выражающиеся в глубинном изменении национального самосознания, чутко и остро реагирующего на малейшие изменения национального статуса. Накопившиеся обиды требуют выхода и находят его, проявляясь по – разному. Эскалация напряженности ведет к появлению и распространению национальных и религиозных движений. Возникнув на волне защиты национально – культурных интересов, они постепенно политизируются, становятся средством и орудием политических целей. Прочность позиций национальных движений основывалась на апеллировании, во – первых, к высоким национальным чувствам, во – вторых, на эксплуатацию чувства национальной ущемленности и чувства привязанности к исторической «малой» территории, потерянной как в ходе, так и после Кавказской войны.

Не прошло и двух лет после пленения Шамиля, как в Чечне вспыхнуло восстание под руководством Байсангура Беноевского, одного из наибов Шамиля. В годы Кавказской войны он руководил одной из провинций имамата. Повод к восстанию дала администрация Терской области, начав с осени 1859 года переселение беноевцев. А.М. Фадеев, много лет прослуживший на Кавказе, справедливо отмечал, что большинство восстаний в Чечне вспыхивали в результате беспорядочных и безрассудных действий местного руководства. Восстание в Аргунском округе продолжалось до конца 1861 года и военной администрации Терской области пришлось принимать дополнительные меры, чтобы не допустить его распространения на соседние области Дагестана.

Крупнейшее восстание вспыхнуло в Чечне и Дагестане в 1877 году, одновременно с началом русско-турецкой войны. Подавление восстания сопровождалось широкими репрессиями не только против его непосредственных участников, но и всего населения восставших округов. Тысячи жителей горных селений были переселены на плоскость, земли их конфисковывались. Сотни чеченских и дагестанских

семей были навечно высланы во внутренние губернии России, свыше 500 чеченцев приговорены к бессрочным каторжным работам. Немалую роль в том, что восстание не поддержали многие чеченские общества, сыграла не военная, а идеологическая борьба, т.к. большая часть чеченского духовенства, глубоко знавшая Коран, выступила против воззваний и действий восставших, за что некоторые из мулл и духовных лидеров поплатились жизнью. Их заслугой является то, что они до конца соблюдали ключевые нормы ислама и своими действиями сохранили от разорения и уничтожения целые районы Чечни. Предводители восстания оправдывали свои поступки тем, что они считали себя обязанными, хотя им и жилось хорошо (по их словам), пожертвовать личным благом для оказания помощи своему законному религиозному главе (имаму), а потому и нарушали заключенный с русскими мир, хотя и понимали, что это делать не положено по шариату, т.к. договор должен быть священен. Главной своей задачей они считали не свержение власти, что также противоречит нормам ислама, а желали только возвратить отнятые у них земли, часть которых отдана казакам.

После подавления восстания перед российской властью снова встал вопрос о необходимости социально-политической переориентации населения от противостояния к сотрудничеству с руководством кавказского региона. Самым распространенным способом организации такого сотрудничества, дававшим наиболее скорые результаты, на Северном Кавказе, как и на Кавказе в целом, являлось привлечение местного населения к государственной гражданской и военной службе. Изучение позиций различных административных лиц по вопросу о целесообразности привлечения коренных народов Кавказа к административной и военной службе показало, что во второй половине XIX века российские власти, исходя из собственного и зарубежного опыта, считали, что спокойное управление краем невозможно без участия в нем местных народов, знающих кавказские языки и условия местной жизнедеятельности. Открытым оставался вопрос, какие масштабы и формы участия местного населения в гражданском и военном управлении Кавказа допустимы, чтобы они не грозили прочности русской власти в регионе, не уменьшали возможности контроля ситуации на местах со стороны центральных властей, не замедляли темпов слияния Кавказа с остальной империей. Привлечение горцев к гражданской и военной службе, помимо расширения круга лояльных к новому режиму лиц, позволяло властям решать и ряд других конкретных задач. Так, при-

влечение горцев, привыкших за годы войны к боевой жизни, к русской военной службе, обеспечив их источником законного существования и «направив их энергию» в соответствии с интересами правительства, позволяло установить над ними определенный контроль и снизить количество «горючего материала» в крае.

В работе автором был сделан вывод о том, что наиболее продуктивным оказалось сотрудничество властей и коренного населения Терской области в военной сфере, где интересы властей и горцев максимально совпадали. Кроме того, как показали привлеченные к исследованию данного вопроса документальные материалы и другие источники, в этой сфере власти в своих действиях по отношению к горцам проявляли наибольшую гибкость и взвешенность. Регионалистский подход был ярко продемонстрирован российскими властями при разрешении вопроса о привлечении горцев к обязательной воинской повинности, когда временное отступление от общеимперского законодательства было допущено в целях обеспечения стабильности в крае.

В исследовании предпринята попытка проанализировать тактику правительства по привлечению горского населения к военной службе. Существовали следующие направления подготовки горцев к введению всеобщей воинской повинности: поощрение контрактной службы в Российской армии; образование горской охранной стражи, полицейских отрядов и милиции. Однако всеобщая воинская повинность в этот период так и не была введена на территории Терской области в силу ряда обстоятельств. Так, в начале 1875 года по состоянию здоровья ушел с поста начальник Терской области М.Т. Лорис – Меликов, который и должен был осуществить введение всеобщей воинской повинности. В связи с тем, что в 1877 году в Терской области вспыхнуло крупное вооруженное восстание, обострившее политическую ситуацию в регионе, приемник М.Т. Лорис – Меликова, А.П. Свистунов вынужден был отказаться от этих планов.

Земледелие у чеченцев во второй половине XIX века оставалось основной отраслью сельского хозяйства. Вертикальная зональность определяла различные его системы: переложно – залежную, подсечную, чередование культур. Ведущее место в скотоводстве как в горной, так и в равнинной части занимало овцеводство, которое являлось сырьевой базой для промышленности. Все виды скота находились в индивидуальной и отчасти семейной собственности, что подтверждается наличием собственных знаков и клейм – тамг. Система тамгирования явилась

следствием развития частной собственности в виде скота, регулируемая нормами адата и шариата.

Исследование показало, что наиболее общим итогом реформирования стала дальнейшая модернизация сельскохозяйственной отрасли производства. Капитализм проникал в край, в большей степени подчиняя себе крестьянские хозяйства. В горских крестьянских дворах происходила трансформация традиционных форм и методов ведения хозяйства. Развитие капиталистических отношений способствовало подрыву замкнутости крестьянского мира, о чем свидетельствует рост числа отходников. В сельском хозяйстве Северного Кавказа произошли определенные позитивные подвижки, выразившиеся в увеличении числа лиц, занятых предпринимательской деятельностью, в улучшении материально – технической базы. Сдерживали рост экономического благосостояния крестьянства многочисленные налоги и повинности, а также строгий паспортный режим, препятствовавший свободному передвижению населения по Терской области.

В пореформенный период экономическое положение в регионе стабилизировалось, земледельческая культура стала увеличивать как свои качественные характеристики, так и производство валового продукта. По урожайности Терская область стояла несколько выше все внутренних губерний России. Со временем Терская область стала одним из главных зернопроизводящих районов Российской империи. По среднему урожаю всех хлебов Чечня занимала в России одно из первых мест, вслед за Украиной. Традиционными культурами вайнахов были: ячмень, пшеница, просо, овес, лен, фасоль, кукуруза, тыква, огурцы, рожь, рис. В пореформенный период большие изменения стали происходить в структуре посевных площадей, горцы стали возделывать культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. В 80-90-е годы в Чечне в целом снижается количество посевных площадей под пшеницей в связи с резким увеличением посевов кукурузы. Поскольку кукуруза давала наиболее высокие урожаи, во многих горских округах Терской области под ее посевами была занята большая часть пахотных земель, в том числе и находившихся в аренде. Специальные кукурузные базары во многих селениях Чечни обеспечивали хлебом не только приезжих горцев Чечни и Дагестана, но и соседних русских и казаков. К кукурузе часто подсеивали бобы, рожь, пшеницу, дикий горошек, овес. В Чечне издавна развивалось овощеводство, бахчеводство и садоводство. По продаже овощей Грозненский округ занимал первое место в Терской области. В

конце XIX века у чеченцев появляются такие европейские огородные культуры, как помидоры, капуста, картофель, редис и др.

Наравне с земледелием в регионе было развито и скотоводство. В пореформенный период по количеству крупного рогатого скота к количеству населения, Терская область занимала первое место на Кавказе. В начале 90-х годов XIX века по количеству скота Чечня занимала 2 место в Терской области. Большую часть скотоводческой отрасли Аргунского округа составляло овцеводство. Главным источником дохода от овцеводства являлась в основном шерсть, в меньшей мере мясо и овчина. У чеченцев не было ни одного стада овец, в состав которого не входило бы от 5 до 15% коз. В деле разведения коз чеченцы занимали ведущую позицию в области.

Построенные чеченцами ирригационные каналы нуждались в обширной и сложной администрации; необходимо было разработать целый ряд законоположений, регулирующих взаимоотношения государства с местными общинами и частными лицами. Не смотря на все недостатки установившейся на Кавказе административной системы, власть нередко оказывала значительную помощь местному населению в его насущных нуждах. Так, например, правительство выделяло из средств государственного казначейства ежегодно до 17 000 рублей на укрепление берегов Терека и постройку новых ирригационных сооружений.

В конце XIX – начале XX в. ошутимо возрастает геополитическое значение Кавказа в связи с вовлечением его в мировое хозяйство. Богатые природные ресурсы (прежде всего нефтяные), превращают Кавказ в сферу острой экономической конкуренции европейских держав, включая Россию. Кавказские минеральные богатства были так велики, что каждый затраченный на этот край рубль приносил доход. К полезным ископаемым первостепенной важности, добываемым на чеченской территории, относились: нефть, асфальтовые руды, ангидрид, барит, гипс, глина, железные руды, каменный уголь, каолиновые руды, медные руды, мергель, охра, сера, селитра, серебро, сланец, сурьма, цемент, золото.

Выгоды, извлекаемые людьми из коммерческих операций с нефтью настолько значительны, что история нефтяной промышленности оказалась тесно связанной с экономическим и политическим господством одних народов над другими и с национально – освободительным движением. Залежи высококачественной нефти на территории Терской области, обилие дешевой рабочей силы давали возможность извлекать

баснословные прибыли. Однако установление государственной монополии на регулирование нефтедобычи и нефтепереработки на Северном Кавказе не способствовали активному развитию частного предпринимательства. Формы эксплуатации земельной нефтеносной собственности задерживали рост технического прогресса в нефтедобыче.

До 1883 года нефтяная промышленность не обращала на себя серьезного внимания правительства, на нее смотрели как на мелкий доход Кавказского края и то отдавали ее на откуп, то брали в казенное управление. Однако в 1887 году Россия начала употреблять более 18 млн. пудов керосина, что заставило взглянуть на нефтяную отрасль по – другому. Поступая на рынки империи, кавказский бензин сохранял внутри государства сумму в 20 млн. рублей, тратившуюся на покупку американского бензина. Спрос на бензин превышал количество его выработки, масса бензина требовалась для газовых моторов. Вырабатываемый в Грозном бензин находился рядом с железнодорожной станцией и мог вывозиться круглый год. Грозненская нефть, в силу ее технических свойств, заменяла деготь и в то же время была ниже его по себестоимости. А ведь в то время колеса смазывались именно дегтем. Таким образом, Грозненская нефть стала крайне необходима стране, т.к. по некоторым показателям, обходила Бакинскую. Несмотря на объективные трудности, развитие нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности вывело Грозный в ряд крупнейших российских и мировых промышленных центров. Уже в 1897 году грозненская нефть вытеснила поставщиков бакинской нефти в Ростове на Дону. В 1895 году грозненские фирмы продали в Англию 20 млн. пудов нефти.

В работе обоснован вывод о том, что одним из сдерживающих факторов развития нефтяного бизнеса на Северном Кавказе было влияние местной полувоенной администрации. В ходе реформы нефтяной отрасли производства в Терской области государственные интересы столкнулись с интересами правящей элиты, когда доходы от нефти поступали в Терское казачье войско и частично куправляющему краю. Строгой ревизионной отчетности практически не существовало. Поэтому отмена откупной системы на Северо – Восточном Кавказе была искусственно заторможена невыполнением постановлений Кавказского комитета, заверенных императором, и привела к отставанию отрасли на 20-30 лет от бурно развивающейся Бакинской группы нефтепромышленного комплекса. В целом развитие нефтедобычи и нефтепереработки на Северном Кавказе сдерживалось из-за географических, административных

и экономических условий. Вместе с тем нефтяная промышленность постепенно становится одной из наиболее капиталистически развитых, монополизированных отраслей промышленности Юга России.

Финансовый капитал играл чрезвычайно важную роль в налаживании и успешном развитии экономики Северного Кавказа. История отечественной нефтяной промышленности в 90-е годы, возникновение и развитие крупнейших нефтепромышленных фирм, дает примеры проникновения иностранных капиталов и сильнейшей конкурентной борьбы. Именно в этом процессе и следует искать корни, истоки той концентрации производства и монополизации, которые происходили в Грозном на рубеже XIX – XX вв.

В работе особо отмечается то, что иностранные инвестиции сыграли важную роль в экономическом развитии России, облегчив ее первые шаги на пути индустриализации, но они не были определяющим фактором ее экономического развития, направления которого обуславливались, прежде всего, внутренним развитием страны. При этом иностранные инвестиции позволили более эффективно использовать передовую промышленную технологию, и уже сложившиеся навыки капиталистического предпринимательства, способствуя, тем самым, установлению в России новейших организационных форм машинной индустрии, торговли и т.д. В 80-е годы XIX века в России завершился промышленный переворот, что открывало простор для развития капитализации промышленного производства. Страна вступила в стадию индустриальной модернизации, которая охватила экономическую, политико – правовую, культурную сферы общественной жизни. Ритмы модернизационных процессов задавались как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями. Мощным стимулом форсированной индустриализации в России стало железнодорожное строительство. Оно способствовало эволюции экономики в целом.

Изучение формирования северокавказской транспортной сети и ее влияния на экономическое развитие региона подталкивает к мысли о том, насколько хрупкой и тонкой материей может быть традиционная экономика. Кавказская война положила начало массовому истреблению лесных массивов. Леса были вырублены, появились новые дороги, связующие главные стратегически важные для российского командования пункты. Дороги также являлись экономическими артериями региона. Дороги, прежде построенные в военно – стратегических целях, к концу

XIX века начинают приобретать экономическое значение не только для населения, но и для руководства области. В течение 1880-1881 годов правительством было ассигновано на прокладку дорог и сооружение мостов в горных районах Чечни 17680 рублей. Население нередко на свои собственные средства строило дороги и занималось их ремонтом. Областное руководство помогало бесплатной доставкой пороха, негодного для боевого употребления и выделяло небольшие суммы на покупку необходимых инструментов.

Во второй половине XIX века транспортная сеть в самой России находилась в процессе модернизации. Это был период напряженного строительства железных дорог. До постройки Ростово – Владикавказской железной дороги Россия сообщалась с Северным Кавказом лишь Волгой, что было довольно затруднительно из-за летнего мелководья устья реки и ее зимнего замерзания. В 1872 -75 гг. руководствуясь военно – стратегическими и экономическими интересами государства и при его финансовой помощи была построена частная (акционерная) Ростово – Владикавказская железная дорога. Большое значение для дальнейшего развития промышленности и торговли в крае имело завершение постройки железнодорожной магистрали Беслан – Грозный – Петровск. Петровская ветвь Владикавказской железной дороги, прорезав Чечню в самой широкой ее части, подчинила своему влиянию самую населенную и производственно богатую местность Терской области. Главный доход руководство железной дороги стало получать не от грузов, идущих между конечными пунктами, а от грузов, забираемых по пути. Поэтому особенно выгодна была постройка железнодорожных путей в местностях с высокой производительностью товаров.

Располагая солидными капиталами, используя свое экономическое влияние и финансовые возможности, Владикавказская железная дорога сделала для освоения сырьевых ресурсов, для становления и развития промышленности и сельского хозяйства Северного Кавказа, Дона и в целом Российской империи очень много. К концу XIX века Владикавказская железная дорога выдвинулась в число наиболее доходных в России. Развитие железнодорожного транспорта имело также огромное значение в деле укрепления обороноспособности страны. Особенно показательным в этом плане был быстрый переброс войсковых частей на юг страны накануне русско – турецкой войны 1877-78 гг. Постройка железной дороги позволила наладить регулярное снабжение армии продовольствием и вооружением в ходе боевых действий на территории Османской империи.

В диссертации автор делает вывод о том, что поистине «революционные» последствия для региона имела коренная перестройка транспортных средств, позволившая организовать вывоз с Северного Кавказа местной продукции и осуществить качественный обмен производимых материалов между различными регионами империи. Строились новые грунтовые дороги, мосты и, что самое главное, началось возведение железнодорожных магистралей. Параллельно со строительством железных дорог развивалась связанная с ними инфраструктура. Северокавказская нефть, вывозившаяся по железной дороге в разные регионы Российской империи, была одним из перспективных источников доходов для предпринимателей. Ее добыча в значительной степени способствовала росту экономического благосостояния не только Кавказа, но и всей страны в целом. Ввиду пространственного расположения Кавказа на стыке Европы и Азии, в зоне соприкосновения различных культур и цивилизаций, приход России в данный регион рассматривался российским правительством в качестве стабилизирующей силы, реально способной отражать агрессивные нашествия сопредельного зарубежья, обеспечить благоприятные условия социально – экономического развития юга России.

По мере развития путей сообщения, кратковременные и эпизодические формы торговых связей становились все более устойчивыми и постоянными. Рост товарного потенциала сельскохозяйственного производства Северного Кавказа был связан с активизацией товарных связей внутри региона, его контактами с другими районами страны и зарубежными рынками. Оказавшись в составе Российской империи, чеченский регион неизбежно должен был подвергнуться влиянию развивающегося в России капитализма. Наряду с вытеснением ряда промыслов и их исчезновением, отдельные виды ремесленного производства горцев видоизменялись, находили новые рынки сбыта, пытались приспособиться к новым экономическим условиям. Развитие русского капитализма вширь требовало экономического подчинения окраин России.

Товарные отношения все активнее стали вторгаться в земледелие и скотоводство. Устанавливались тесные торгово – экономические отношения между горными и равнинными регионами, с соседними народами и особенно русским населением и казачеством. Начиная с XVI в. в семью северокавказских народов вливается казачество, которое к началу XIX в. стало равноправной составной частью местного сообщества. В течение нескольких веков узы взаимного родства, куначества и взаимопомощи связывали горцев и казаков. Причем в составе

самых казаков оказалось немало горцев. Как и между всякими соседними народами того времени, случались и военные столкновения казаков с горцами, представители и одного и другого народов захватывали пленных, угоняли табуны лошадей и скот. Однако повседневная жизнь протекала не только в стычках и войнах, а преимущественно в мирных и добрососедских отношениях.

В работе обоснован вывод о том, что между народами Северного Кавказа и Чечни сложились и активно развивались тесные торгово – экономические связи, а также крепились исторические традиции дружбы и сотрудничества. Русский капитализм, втягивая различные отрасли хозяйства Чечни в товарное производство, подчиняя их нуждам капиталистического рынка, способствовал превращению региона в неразрывную часть целого народохозяйственного организма России. Это влияние стало усиливаться с последней четверти XIX в. и особенно наглядно проявилось в начале XX века.

Аграрно – капиталистический рынок Северного Кавказа начал формироваться в 80-90-е гг. XIX века. Этому способствовал ряд социально – экономических факторов, и в первую очередь реализация буржуазных реформ в России, массовая колонизация свободными производителями громадных массивов залежных земель, строительство железной дороги и портов, связавших Северный Кавказ с другими районами страны и зарубежными рынками, развитие местных производительных сил и сельскохозяйственного производства. Постепенно все подчинялось рынку, все превращалось в акт купли – продажи. К началу 90-х гг. XIX века в Терской области не только среди казачьих станиц, но и среди горских поселений не осталось ни одного населенного пункта, где не было бы хотя бы одной торговой точки. На рубеже XIX – XX вв. торговлей увлеклось значительное число чеченцев, ибо в силу многих обстоятельств занятие торговлей стало наиболее удобным и легким способом получения денег. В национальных округах Терской области свыше 90% хозяев торговых заведений были выходцами из горских народов.

К концу XIX века у Чечни установились прочные рыночные связи с индустриальными центрами Приазовья, Черноморья, Донбасса и даже Урала. У чеченцев были непосредственные торговые отношения с Москвой и Нижним Новгородом. Чечня издавна являлась поставщиком хлеба для соседних регионов, с постройкой железной дороги хлебные грузы стали отправляться на Кубань, в Среднюю Азию, Закавказье и внутренние губернии России. Крупнейшие базары и ярмарки собира-

лись в чеченских селениях: Ведено, Шатой, Шали, Урус – Мартан, Гехи, Курчалой, Али – Юрт, Старый Юрт.

Автор отмечает, что после завершения кровопролитной Кавказской войны, прежде всего, необходимо было идеологически обосновать (в глазах общественности и Запада) присоединение Кавказа к России и эта задача негласно была поставлена перед представителями науки и культуры. Значительную роль в выполнении этой задачи играла публикаторская деятельность правительственных учреждений. Действуя, ориентируясь на сугубо идеологические и практические задачи, правительственные учреждения Кавказа своей публикаторской деятельностью создавали ценную источниковую базу для исследования истории Кавказского края.

Необходимо отметить большое культурное значение для Кавказа его присоединения к России. Россия немало содействовала развитию в Кавказском крае просвещения, литературы, искусства. Проводилось изучение Кавказа различными отраслями науки: географией, геологией, минералогией, картографией, этнографией, историей, археологией и т.д. Факт широкого развития в Кавказском крае печати представляет большой интерес. В 1892 году в Кавказском крае выходило 34 периодических издания, в том числе: на русском языке – 21; армянском – 7; грузинском – 5; французском – 1. За короткое время в Кавказском крае возник целый ряд научных учреждений, публиковавших источники по истории присоединения края к России и его развития.

В XIX веке, когда народы Северного Кавказа вышли из многовековой изоляции, на общероссийские пространства политики, экономики, культуры, выразителем общественного самосознания и общественной мысли стала выступать горская интеллигенция. Она формировалась и развивалась между двумя основными полюсами исторического и социально – культурного притяжения – российской европеизированной имперской властью и живущим этнической традицией народом. В надежде на успех своих просветительских инициатив они апеллировали к основному субъекту российской имперской модернизации – правительственному «просвещенному» либеральному чиновничеству. Модернизационной идеологией, которую исповедовали первенцы северокавказской интеллигенции, является просветительство. Светское просвещение выступает у просветителей как главный фактор перестройки северокавказских обществ на новых рациональных началах, гражданском воспитании горских народов, усвоении ими тех требований, которые предъявляет к

гражданину государство. Государство – особая сфера, действующая по своим законам и живущая своими интересами. Ни сущность, ни динамика, ни судьбы государства не совпадают прямо с динамикой культуры, между ними обычно трения и конфликты, в которых государство временно может одерживать верх, но, обладая собственным потенциалом, культура большей частью оказывается значительно долговечнее. Недостаток средств и кадров затрудняет ликвидацию неграмотности и освоение достижений науки и техники. К тому же на деятельность правительства постоянно влияют различные классовые, клановые и ситуационные соображения, в силу чего ему большей частью «не до культуры». Тем не менее, сформулированные государственные цели существуют как сверхзадачи, на которые должны быть направлены усилия официальных органов и те ресурсы, которые удастся выкроить из бюджета.

В работе отмечается, что серьезной проблемой в развитии этнических культур является проблема традиций и новаций, их взаимосвязь и взаимодействие. Традиции и новации взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. От поколения к поколению передаются такие традиции, как форма поведения, навыки, духовные ценности, идеи, обычаи, обряды, понятия, все то, что образует костяк культуры. Инновации – в проекции – будущая традиция. Если традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, то инновация жизненно важна для его развития и совершенствования. Общества взаимодействуют между собой, дополняя и обогащая культуру друг друга, и получая необходимые импульсы для своего дальнейшего развития. Обогащая свою культуру от соприкосновения с большими этносами, малые народы знакомят их, в свою очередь, со своими национальными обычаями и традициями, предоставляют значительную многовековую информацию.

Разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Лишить человечества разнообразия – значит, лишить его возможности проявить во всемирной истории все богатство содержания человеческого духа. Наука не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждого народа становятся достоянием всех остальных. Каждая нация должна дать человечеству то, что скрыть в силах ее духовно – нравственной природы. Обогащению и единству культурного прогресса способствует общность исторических судеб, открытость культур, социально – экономические, этнические, культурные контакты.

Проблема русско – кавказских отношений рассматривалась горской интеллигенцией через призму просветительской теории общественного договора. В обширной статье У. Лаудаева «Чеченское племя» приобщение к российской государственности осмысливается как итог многовекового естественноисторического процесса развития чеченского общества. Российская государственность способна, по мысли просветителей, обеспечить на Кавказе главные функции государства – вершить правосудие, гарантировать безопасность людей, сохранность их жизни, свободы, собственности. Просветители выражали крепнущее национальное самосознание горских народов. Они рассматривали историю горцев как составную часть общечеловеческой истории, но в то же время выявляли и самобытные духовные факторы исторического развития кавказских народов.

Смотрящая на прошлое и настоящее горских народов сквозь призму европейских ценностей свободы и развития, северокавказская интеллигенция 60-70-х гг. и хозяйственную культуру горцев оценивала в свете европейской идеологии труда и хозяйствования. Тема воспитания новой трудовой этики и совершенствования хозяйственных навыков горцев занимает главное место в творческом наследии просветителей. Подъем экономических сил народа, становление современных хозяйств для просветителей – основа интеграции горцев не только в социальный, культурный и хозяйственный организм России, но и в европейскую цивилизацию.

Культура относится к типу открытых систем, способных воспринимать и обрабатывать поступающую извне информацию. Межкультурный контакт неизбежно приводил к взаимодействию и обмену. Поэтому в культуре любого этноса, наряду со специфически этническим элементом, всегда присутствовал и элемент интернациональный, то есть определенная сумма усвоенных инноваций. Этнокультурный массив Кавказа – феноменальное явление, формировавшееся на протяжении веков в результате конвергенции в этом географическом регионе локализованных культур, как местного субстрата, так и контактного происхождения. Кавказ – это сложившееся историко – культурное сообщество, представленное многими народами и конфессиями; это – своеобразная социально – экономическая среда, развивавшаяся по своей внутренней логике, стремящаяся сохранить свою самобытность и заимствовать лучшие качества других культур. У народов, издавна проживавших друг с другом рядом, было особенно много заимствований. Лучшее знание

культуры, истории коренных народов формировало бережное отношение друг к другу.

Средствами нравственно – эстетического воспитания горцев были музыка, танцы, колыбельные песни, сказки, пословицы, легенды, героические песни, близкие народу по национальному духу и мелодичности звучания. Благодаря Н.С. Семенову, мы в настоящее время можем ознакомиться с текстами древних сказок и легенд Чечни. Будучи несколько лет членом Ичкеринского (Веденского) окружного управления, Н. Семенов овладел чеченским языком, что само по себе было большой редкостью в среде кавказской администрации, собрал и опубликовал чеченские сказки. П.К. Усларом – автором первого чеченского алфавита, в 1862 году при помощи чеченца Кеди Досова был составлен первый чеченский букварь, в который вошли пословицы и поговорки на языке оригинала.

Проведенные нами анализ и систематизация научно – педагогического наследия горских и русских просветителей, выдающихся русских писателей и критиков, источников историко – педагогического, исторического, этнографического характера, различных документов, периодической печати, архивных материалов позволили раскрыть основные направления развития школы, педагогической мысли и общественно – педагогического движения в Чечне во второй половине XIX столетия. Решающую роль в приобщении северокавказских горцев к русской и европейской педагогической мысли сыграло присоединение Кавказа к России; именно после этого исторического акта произошли определенные изменения в развитии светского просвещения. В то же время просветительно – педагогическая мысль северокавказских горцев не стала копией просветительской мысли России, а имела свои особенности, отражающие определенный уровень национального самосознания горцев. Просветители горских народов: У. Лаудаев, Ч. Ахриев, К. Атажукин отличались разносторонностью интересов, проявляли себя в разных областях общественно – политической и культурной жизни; они создавали алфавиты и грамматики разных языков, осуществляли интересные краеведческие публикации, ибо просвещение соотечественников мыслилось ими как наиболее радикальное средство для выхода на уровень европейской цивилизации.

Организация образования для различных этнических групп в полиэтничном государстве является одной из сложных составных частей внутренней и национальной политики. Эта отрасль знания часто выходила за рамки чисто педагогических (и этнопедагогических) вопросов, наполняя

ясь разным содержанием в менталитетах кавказских народов. Как установило проведенное исследование, особую роль в «инородческой» школе играла организация преподавания родных языков, быстро перешедшая из области педагогики и дидактики в сферу политики. Все этносы, как правило, требовали расширения прав родных языков, в то время, как государство старалось сузить сферу их применения, что вызывало конфликтные ситуации. Просветительские мероприятия русской администрации, имевшие конечной целью русифицировать нерусское население, объективно способствовали распространению русской культуры и технических знаний через работу школ и других учебных заведений. Это развивало просвещение и повышало культурный уровень народов.

Исследование показало, что в 60-70-е годы в России было довольно значительное движение в поддержку народной школы, неслучайно XIX век считается веком доступа к образованию народа. Выдвигалось требование создания не просто школ, а школ национальных, где родной язык не только изучают, но и ведут на нем обучение. Интересно, что в этот период чеченские сельские общества на свои средства открывают и содержат не только арабские школы, но и светские учебные заведения, где изучался русский язык, знание которого становилось жизненно необходимым. В начале 1870 года жители Ичкеринского округа с помощью общественного приговора заявили властям о желании учредить школу для обучения детей русской грамоте, арабскому языку и арифметике. На содержание школы жители решили ежегодно собирать 1/3 закята. 8 ноября 1870 г. в укреплении Ведено была открыта школа. В этой школе обучались 20 жителей Ичкеринского округа и 5 русских мальчиков. В 60-70-х годах XIX века светские учебные заведения Терской области подразделялись на правительственные, общественные и частные. Наряду с русскими светскими школами продолжала действовать широкая сеть конфессиональных школ. Основными звеньями мусульманской системы образования являлись: кораническая школа, мектебе и медресе. По количеству открывавшихся мусульманских учебных заведений Россия тогда, пожалуй, опережала даже зарубежные мусульманские страны. Тенденция эта замедлилась лишь при нарастании государственно – политического кризиса в начале XX века, но, в общем сохранилась до 1917 года. Исследованием установлено, что действия самодержавного правительства в области этнического образования и общего решения национального вопроса в стране в исторической ретроспективе событий конца XIX века не успевали вслед за требованиями времени.

Повышенная нестабильность и конфликтогенность Северо – Кавказского региона была обусловлена, в том числе, конфессиональными различиями между большинством населения региона и представителями метрополий. Проблема конфессиональных противоречий на Северном Кавказе была отягощена тем обстоятельством, что идеологической основой полувекового военного противостояния горцев русским властям был мюридизм, разновидность мусульманского учения, а значительная часть мусульманского духовенства была настроена враждебно по отношению к новым властям. В этих обстоятельствах целью религиозной политики на Северном Кавказе стало придание мусульманскому вероучению «политически безвредного» характера и ограничение влияния мусульманского духовенства на население. Для этого кавказская администрация в горской судебной практике отдает предпочтение адату в ущерб шариату, а также пытается использовать противоречия между высшими светскими сословиями и духовенством, с целью ослабления политического влияния последнего.

Жизнью мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 году Суннитские и Шиитские духовные управления, подведомственные царской администрации края. Центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российских мусульман, был Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Очень неудобным для горцев было расположение их духовного мусульманского правления. В Закавказье имелось Шиитское и Суннитское духовные правления, но ведомство их не распространялось на Терскую и Кубанскую области. Мусульманское население этих областей подчинялось учрежденному в Уфе магометанскому духовному собранию. Российское правительство всячески препятствовало созданию самостоятельного северокавказского духовного управления. Когда, в 1889 году командующий войсками Кавказского военного округа представил военному министру ходатайство об учреждении Управления духовными делами мусульман Терской и Кубанской областей, ему было отказано.

За образование муфтията на Северном Кавказе высказывался и начальник Терской области. Во всеподданнейшем отчете за 1909 год наказной атаман Терского казачьего войска писал, что упорядочить религиозный вопрос можно лишь путем учреждения самостоятельного мусульманского духовного правления и семинарии с преподаванием в ней богословских и светских наук на арабском и родном языках, русского языка. На полях данного отчета император Николай II начертил: «С

этим я не согласен». В 1893 году в Военном министерстве возник план переподчинения духовных дел мусульман Северного Кавказа местным не военным, а гражданским властям. Но и этот план не был приведен в жизнь. Проблема создания духовного управления для мусульман региона, определения правового статуса местного духовенства так и не была решена. Противники подобных мер в российских правительственных кругах опасались, что это приведет к приданию мусульманскому духовенству нежелательной «официальности», а в худшем случае, способно даже укрепить ислам на Северном Кавказе. В конечном счете, из двух практиковавшихся в Российской империи вариантов политики в отношении религиозных дел мусульман, первого, сотрудничества с духовными лицами и контроля за религиозной жизнью мусульман через законодательное определение правового статуса духовенства, создание духовных правлений; и, второго, фактического «игнорирования» ислама, невмешательства в религиозные дела мусульман, на Северном Кавказе возобладал второй. Отсутствие значимых результатов в действиях кавказской администрации, по нейтрализации «исламского фактора» в какой – то мере компенсировалось отсутствием грубых ошибок властей в данном вопросе, что было в первую очередь обусловлено тем обстоятельством, что большинство кавказских руководителей понимало с какой «тонкой материей» им приходится иметь дело и зачастую предпочитало не вмешиваться во внутренние дела мусульман. В целом можно констатировать, что вплоть до падения монархии Романовых, в России существовала далеко не идеальная, но в целом достаточно удовлетворяющая основные религиозные потребности мусульман, находившихся под «государственным присмотром» за ней, система организации их духовной жизни.

Подводя итоги исследования, автор призывает к тому, чтобы, хотя бы в наши дни, не размежевывали нации, исповедующие разного рода религии, но консолидировали их, и для этого необходимо искать и вычленять в культуре и религии, верованиях, обычаях, традициях то общее, что способствовало бы духовному возрождению различных народов и стран в целом. В священных писаниях христианства и ислама гораздо больше общего, чем различий, о чем умалчивают сознательно или в силу неосведомленности. Священные книги мусульман, христиан, иудеев, обладая оригинальной спецификой и своеобразием, в основе своей схожи. В мировоззренческих доктринах различных религий заложены общечеловеческие, нравственные начала, проповедь которых поз-

волит найти компромиссы для объединения людских усилий в решении насущных задач современного мира.

Автор указывает на то, что вся история Чечни в составе России подтверждает, что две группы – меньшинство и доминант – не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве. Отдельные ценностные установки и стереотипы могут носить конфронтационный характер. Но и здесь механизмы просты и давно известны наукам, связанным с этничностью: эффективность стереотипа ситуативная; рост интенсивности и количества контактов с другими этносами снижает этноцентризм и т.д. Механизмы политической мобилизации чеченского этноса станут намного менее эффективными с улучшением социально – экономических условий жизни его представителей. Огромная роль в стабилизации взаимоотношений в этнополитическом пространстве на всех уровнях отведена купированию стрессовых ситуаций. Наконец, общеизвестная истина – общегражданская культура толерантности формирует лояльное отношение индивида к представителям другой общности.

Подводя итоги российского управления в Терской области Северного Кавказа во второй половине XIX века можно констатировать, что российским властям при помощи различных административно – политических мер удалось обеспечить лишь относительную политическую стабильность. Из основных задач политической стабилизации в полной мере российским властям удалось реализовать одну – недопущение новой Кавказской войны. В рассматриваемый период кавказской администрации удавалось не только сводить к минимуму негативные для позиций российской государственности в регионе последствия имевших место антиправительственных выступлений, но, иногда, и поворачивать их в свою пользу. Для стабилизации ситуации в крае требовалось значительное улучшение социально – экономического положения местных жителей, значительный рост их благосостояния, однако на государственном уровне на эту проблему практически не обращали внимания и выделение казенных средств, даже на самые насущные нужды, было крайне незначительно.

К числу слабых сторон административно – политической деятельности российских властей в рассматриваемый период можно отнести: чрезмерную абсолютизацию преимуществ военно – народного управления, особенно его силовой составляющей, как гаранта стабильности, что, в частности, не позволило российским властям своевременно

модернизировать систему управления в областях Северного Кавказа в соответствии с требованиями времени; проведение административно – политических мероприятий без достаточного анализа их отдаленных последствий. Сильной стороной российского управления в Чечне являлись попытки властей найти разумный компромисс между необходимостью сохранения государственного единства и естественным стремлением народа к сохранению своей самобытности, своего образа жизни – собственно это и составляло сущность регионалистского подхода в управлении данной национальной территорией.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что наиболее продуктивным с точки зрения укрепления российской государственности на Северном Кавказе являлся регионалистский подход в управлении. При этом подходе установление социальной, правовой, административной унификации Северного Кавказа и остальной империи замедлялось, что, однако, не исключало возможности для властей продвигаться к этой цели постепенно, не допуская грубых ошибок в управлении регионом, а местному населению дало возможность постепенно свыкнуться с его новым положением, почувствовать не только тяготы, но и преимущества пребывания в составе российского государства. Диссертанту представляется, что вплоть до конца XIX века Российская империя давала народам, проживавшим на ее окраинах, многое: рушились территориальные и культурные рамки, обеспечивался мир, устанавливался единый правовой порядок и успешно функционировало общее экономическое пространство, народы приобщались к иным, и новейшим культурным достижениям.

Любые сообщества интересуются прошлым. Оно всегда рядом, вокруг, оно призрачно, волнующе, таинственно, иногда оно дает уроки настоящему и будущему. Прошрое важно потому, что общественная жизнь простирается сквозь время, но она всегда находится в рамках культурных ценностей и ожиданий. Во многих сообществах прошлое является ценным культурным достоянием, и к нему относятся принципиально отличным образом, нежели это делают представители других культур. Прошрое воплощается в науке, в быту, в общине, в кровных узах и на территориях. Никто не может претендовать на полную объективность описания исторических процессов. Исследователи могут оценивать силу различных интерпретаций, учитывая различные свидетельства и всю представленную информацию, но и они не могут с полным основанием претендовать на достижения абсолютной истины. Для многих

народов прошлое очень персонализировано и принадлежит предкам. Нам не следует забывать о том, что существуют альтернативные и часто «охраняемые» от посягательств извне предания о древних временах, которые играют важную роль для сохранения многими народами своего культурного наследия в том виде, как оно существовало до появления официальной науки. Только в своей совокупности научные и традиционные знания могут привести к постижению истины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рецензия на статью З.Х.Ибрагимовой «Основные направления культурного развития Терской области в пореформенный период»

Исследование затрагивает одну из сложных и болезненных проблем отечественной истории – имперскую политику на покорённых территориях. Сегодня, когда «вертикали власти», «сепаратизма», «горячих точек», прежде всего на Северном Кавказе, являются в числе первоочередных, обращение к историческому опыту взаимоотношений Российской империи и её окраин более чем актуально. В последнее время данный вопрос привлекает внимание отечественных историков не только злободневностью, но и появляющейся возможностью нового прочтения проблем духовной и общественно – политической жизни народов в дореволюционной России.

В работе З.Х.Ибрагимовой показано, что разрешение чрезвычайно сложного вопроса, касающегося положения мусульманской религии и её приверженцев в православной империи, в условиях Северного Кавказа было осложнено рядом специфических особенностей, в том числе исламской традицией в регионе, некоторыми негативными последствиями включения данной территории в состав российского государства и т.д. В статье очень гармонично сочетаются теоретический и практический аспекты проблемы реорганизации системы народного образования на Северном Кавказе, рассматривается вопрос сосуществования конфессиональной и светской систем обучения.

Заслуживает одобрения и то, что источниковая база исследования достаточно обширна и включает в себя как материалы центральных архивов, часть которых впервые вводится в научный оборот, так и опубликованные документы. Среди других достоинств рецензируемой статьи следует выделить внимание автора к мемуарной литературе и материалам периодической печати; использование междисциплинарных методов в историческом исследовании помимо традиционных методологических установок. Высокой оценки заслуживает стиль изложения. Работа написана просто и доступно.

Статья посвящена комплексу проблем, связанных с культурным развитием северокавказских народов Терской области в пореформенный период.

Автор подробно излагает историю книжной культуры региона, рассказывает об отдельных деятелях чеченского просвещения. Наглядно реконструирован один из ключевых культурных конфликтов данного региона: политика русификации и стремление местных жителей сохранить арабскую письменность, оставшуюся ещё со времён имамата.

Заслуживает внимания и освещение в статье истории с попыткой издания национальной газеты «Заря», а также фокусированный анализ тех русских периодических северокавказских изданий, на страницах которых уделялось внимание вопросам просвещения и культуры горских народов.

В статье уделяется внимание истории библиотечного и архивного дела в Терской области, а также функционированию открытого здесь Кавказского отдела Русского географического общества. В частности, рассказывается о предпринятом в области первом опыте картографирования данной местности.

Значительный раздел статьи посвящён древностям и находкам, обнаруженным в рассматриваемый период на территории Терской области. Автор рассматривает основные вехи изучения этих древностей, историю известных коллекций и их хранителей.

Значительный раздел статьи посвящён системе светского и профессионального образования горских народов Терской области. Автор выстраивает материал вокруг центральной проблемы – взаимоотношения имперской просветительской политики и местного национального образования.

Отмечая бесспорные достоинства диссертации, следует остановиться на недостатках исследования. На наш взгляд, можно было бы несколько сократить чрезмерно подробное толкование различных правовых документов, что отвлекает внимание от анализа содержащихся в них принципиально важных, существенных положений. Желательно сократить объём работы за счёт уже известного в исторической литературе материала. Данное исследование значительно бы выиграло, если бы в нём было использовано большее количество конкретных фактов, рассказывающих о реакции горцев на принимаемые меры российских властей, о реальном воплощении на местах спущенных сверху инструкций и постановлений.

Отмеченные замечания не носят принципиального характера, указанные недостатки не снижают уровня работы.

В целом статья З.Х. Ибрагимовой, безусловно, может быть рекомендована к публикации в «Вестнике Московского университета». В качестве рекомендации для доработки можно посоветовать автору чётче структурировать материал статьи, разбив его с этой целью на соответствующие параграфы. Тем более что подобная операция к разделу о светском и конфессиональном образовании уже проделана. Также можно посоветовать в выводах статьи больше внимания уделить анализу проблем сосуществования двух культурных начал в Терской области – русского, проводимого центральной властью, и национального. Наконец, представляется, что более удачным для статьи было бы такое название: «Основные проблемы культурного развития Терской области в пореформенный период».

Д.А. Андреев

доцент

Зам. зав. кафедрой
истории России XIX – начала XX веков
Исторического факультета МГУ

**Отзыв научного руководителя
на диссертационную работу
докторанта Центра арабских исследований
Института Востоковедения РАН
Ибрагимовой З.Х.**

Работа Ибрагимовой З. Х. «Чеченский регион в составе Российской империи: проблема адаптации (1859-1905 гг.)», является практически первым в отечественной историографии комплексным исследованием истории развития чеченского народа в рамках Российской империи в трудный послевоенный период. Диссертационное исследование Ибрагимовой З.Х. затрагивает одну из сложных и болезненных проблем отечественной истории – имперскую политику на покоренных территориях. К сожалению, в наши дни последствия Кавказской войны 1817-1864 гг. гораздо чаще служат пищей для идеологизированного исторического мифотворчества, нежели являются объектом серьезных научных изысканий. Уже в силу этого появление диссертации Ибрагимовой З.Х. – глубокого и самостоятельного исторического исследования – представляет собой значительную ценность и несомненную актуальность.

Очевидно, что адекватная оценка сложных процессов, развивающихся в этом регионе в последние годы, решение назревших политических и социальных проблем Чеченской Республики и, в частности, предупреждение вспышки новых конфликтов невозможны без максимального учета опыта политической, социальной, культурной и правовой интеграции региона в составе России в условиях пореформенной экономики. В последнее время данный вопрос привлекает внимание отечественных историков не только злободневностью, но и появившейся возможности нового прочтения проблем общественно – политической жизни дореволюционной России. Не вызывает сомнений новизна рассматриваемой диссертации. Перед нами – первое специальное и подробное исследование, посвященное одному из ярчайших периодов истории Северо – Восточного Кавказа.

На наш взгляд, Ибрагимовой З.Х. удалось полностью справиться с поставленными задачами, прежде всего, благодаря скрупулезному изучению источников. Диссертацию отличает высокая степень фундированности: по теме проработано: 96 фондов (346 архивных дел).

Источниковая база диссертации достаточно обширна и включает в себя как материалы центральных архивов (Москвы и С.–Петербурга), так и региональные архивохранилища (Ставрополя, Владикавказа), часть из которых впервые вводится в научный оборот, а также обширный круг неопубликованных документов. Особо необходимо отметить внимание автора к мемуарной литературе и материалам периодической печати (в том числе, что особенно ценно, дореволюционным). Достоинством источниковедческой базы является активное использование местных кавказских, периодических изданий, позволивших показать как официальные, так и неофициальные оценки деятельности кавказской администрации.

Диссертант проявила хорошее знание историографии. В работе освещены и подвергнуты научному анализу точки зрения, существующие по затронутому вопросу в исторической науке. Кроме собственно историографического очерка, исследователь органично вплетает историографические эссе в общую ткань диссертации, и многие интересные историографические наблюдения расположены по всей работе. Автор не просто дает историографические схемы; она привлекает историографический материал по конкретным поводам, что говорит о свободной ориентировке в сложном и противоречивом историографическом поле.

Структура работы – в целом четкая и продуманная. Она выявила узловые моменты рассматриваемой проблемы и позволила автору полно и логично освоить тему, вынесенную в заголовок диссертационного исследования. Несомненно, высокой оценки заслуживает стиль изложения. Работа написана просто и доступно.

Остановлюсь лишь на некоторых положениях диссертации Ибрагимовой З.Х., наиболее полно характеризующих научную значимость исследования. Сильным концептуальным зарядом, несомненно, обладает глава II «Государственное управление. Вторая половина XIX века». В ней диссертант раскрывает особенности форм и методов управления, характерные для Российской империи вообще, и в частности для Кавказа и Терской области. Несомненный интерес представляет анализ тенденции перехода к законодательному регулированию управления областью с одновременным уменьшением властных полномочий военных. Вместе с тем выявлены и проблемы местного управления, в частности, неотрегулированность нормативно – правовых основ деятельности управленческого аппарата; бюрократическая волокита в судебных органах, низкий профессионализм чиновничества.

Удачными представляются и разделы, посвященные анализу земельной и судебной реформ в Терской области, имевших важное значение для экономической, правовой и политической интеграции Чечни в состав империи. Так, при рассмотрении судебной реформы обращено внимание на процесс постепенной замены мусульманского судопроизводства российской законодательной системой. К достоинству диссертации можно отнести рассмотрение автором действовавшей системы судов, анализ разграничения компетенции светских, военных, шариатских и маслагатных судов.

Рукопись диссертации подготовлена на профессиональном уровне, является самостоятельным научным исследованием. Считаю возможным рекомендовать ее к защите.

Сейранян Б.Г.

Научный консультант

д.и.н., профессор

Институт Востоковедения РАН

ОТЗЫВ
на диссертацию Ибрагимовой Заремы Хасановны
«Чеченский регион в составе Российской империи:
проблема адаптации (1859-1905 гг.)»,
представленной на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Исследование З. Х. Ибрагимовой чрезвычайно актуально. Оно посвящено изучению малоисследованного или вообще неисследованного периода конца XIX в. – начала XX в. в истории Чечни, когда, казалось бы, Чечня была окончательно приведена в мирное состояние после завершения Кавказской войны и все дело заключалось лишь в том, как обеспечить оптимальный путь интеграции Чечни, как и некоторых других северокавказских областей, в экономическую, социополитическую и культурную жизнь России. Но как это происходило, какие при этом возникали и решались проблемы, из которых многие вообще не решались, предавались забвению или решались неудовлетворительно, необходимо знать всем, ибо вопросы адаптации Чечни в составе России остро злободневны и сегодня. И вполне возможно, что для успешного их решения надо основательно изучить опыт 1863-1905 гг.

В диссертации подкупает стремление автора подойти к исследованию избранной темы как можно шире, на весьма неоднозначном фоне сложной политической, хозяйственной и духовной жизни России. Собственно говоря, только так, не замыкаясь в узких рамках своей темы, и можно ее глубоко изучить и всесторонне раскрыть, точно определив место Чечни и чеченской проблематики в эволюции российского общества на стыке XIX-XX вв., а также – в центре российско-османских противоречий, заметно влиявших как на перемены внутри северокавказского социума в целом, так и на жизнь мусульманской уммы Российской империи.

Исследование З. Х. Ибрагимовой строится на скрупулезном анализе первоисточников, прежде всего архивных, но также важных документов царской администрации, недавно опубликованных подборок редких материалов конца XVIII в. – начала XX в., непосредственных свидетельств очевидцев, включая иностранцев, разнообразной литературы XIX-XXI вв., многочисленных полевых исследований рассматриваемого в диссертации периода и аналитических работ новейшего времени, включая дис-

сертации. Поэтому в известной мере работа Ибрагимовой, синтезируя достижения предшественников, демонстрирует и современный уровень изученности проблемы, и дальнейшее развитие ее изучения.

Каждый поднятый в диссертации вопрос изучается самым тщательным и подробнейшим образом, будь то концепции управления на вновь присоединенных окраинах России или структура этого управления, ее виды и подвиды, смена состава и характера имперской администрации в зависимости от военных и прочих обстоятельств. Диссертант убедительно доказывает, почему требовалась необычная структура Кавказского наместничества, соединявшая централизацию и автономию, бюрократизм и возможность маневрирования, неизбежного в столь далеком от столицы и неизменно мятежном регионе. В то же время хорошо подчеркнуты упущения, недостатки и пороки властных учреждений империи, прямо вытекающие из громоздкости бюрократического аппарата и его слишком частой некомпетентности во многих вопросах, на фоне которых позитивные действия отдельных управителей (Воронцова-Дашкова, Милютина, Лориса-Меликова, Святополк-Мирского) производили впечатление даже более сильное, чем они того заслуживали.

Очень интересно и подробно рассказано о движении Кунта-Хаджи, его вписанности в историю Чечни, об особенностях народных выступлений и народного менталитета в эпоху махаджирства. Диссертанту удалось дать сбалансированную картину событий: и объективные причины недовольства народа (ввиду репрессий, преследований за веру и земельного грабежа), и вмешательство извне османской агентуры, а также – горской эмиграции. При этом зрелость автора проявляется в умении сочетать проблемный и хронологический принципы изложения с политико-психологическими портретами наиболее ярких участников освободительной борьбы и анализом социальной подоплеки рассматриваемых событий. Рассмотрен и трудный вопрос об участии местных уроженцев в сотрудничестве с царскими властями, как и не менее щекотливый вопрос об их “нейтралитете” в целях самосохранения.

В нашей литературе редко поднимался вопрос об использовании казачества как орудия царской политики на Кавказе, в Средней Азии, на Урале и в Оренбуржье. Поэтому одним из элементов новизны исследования Ибрагимовой стоит признать анализ ею аграрной политики Российской империи в Чечне от практики генерала Ермолова (преимущественно разрушительной) до закрепления к 1906 г. Терского казачьего войска в качестве крупнейшего землевладельца-монополиста

на Северном Кавказе. Связанный с этой темой комплекс проблем разбирается серьезно, может быть без привычного нам флёра фольклорного романтизма, окружающего казачество в нашем представлении, но зато основательно и сугубо научно, с опорой на первоисточники. При этом Ибрагимов вполне объективно пишет и о вайнахском землевладении, различных его формах, противоречиях, юридических и экономических аспектах, но особенно о том, как сочетались разные формы собственности, в том числе – общинная, с частным, корпоративным и государственным владением. Исследованы и весьма непростые для национального, социального и политического быта местного населения последствия общероссийских реформ середины XIX в.

Безусловной удачей диссертации можно считать детально выписанный социальный портрет чеченского сельского социума и механизмов его функционирования со всеми изменениями в ходе его исторического развития, в том числе – в непростых условиях трудной и противоречивой интеграции в российскую экономику.

Разумеется, столь большая работа не может обойтись без недочетов. В тексте встречаются повторы, неточности, противоречия. Спорно положение о якобы “неизбежности колониализма” на Кавказе, ибо этот колониализм был вызван не столько объективными причинами (например, потребностями российского капитализма), сколько вполне субъективным деспотизмом и шовинизмом царя Александра III и его окружения, его личной ненавистью к любому либерализму и любой автономии, его приверженностью, в отличие от его отца, к реакционному клерикализму и консерватизму в духе его главного советчика и идеолога Победоносцева.

Кое-где допускается неверное и ненаучное положение: “тарикат пишет”. Тарикат это не учение, а суфийское братство (Кадырийя, Накшбандийя, Шазилийя). Можно сказать: “суфизм признает” или “тарикатисты считают”. Если в Чечне это – не так, то это надо специально оговорить.

Нельзя также сказать “переселиться в Порту”, так как это не страна, а только правительство (Баб-и Али) Османской империи.

В целом, однако, отдельные недочеты ничуть не портят хорошего впечатления от диссертации. Это законченное, зрелое и

фундаментальное исследование, очень нужное именно сегодня, ибо оно, как никакое другое, освещает эволюцию чеченского социума в начале XX в. и все недочеты российской политики в Чечне. Оно написано уверенной рукой опытного автора многих монографий и статей,

на базе обильных первоисточников и богатой литературы на арабском, английском, немецком и русском языках. Выводы автора диссертации хорошо обоснованы и возражений не вызывают. В целом исследование 3. Х. Ибрагимовой, решившее целый ряд крупных научных задач, в том числе остро актуальных, заслуживает самой высокой оценки, а его автор присвоения ученой степени доктора исторических наук.

Р. Г. Ланда

доктор исторических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Института востоковедения Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ К СЕРИИ “ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ”

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее АВПРИ).

АВПРИ. Ф.144. Персидский стол. Оп.488.

Д.134,1898 г.;

Д.201,1898 г.;

Д.346,1863 г.;

Д.416, 1882 г.;

Д.417, 1884 г.;

Д.418, 1896-1907,1910 гг.;

Д.1907,1862 г.;

Д.3027,1868 г.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (старый). Оп.502 (а).

Д.4462,1870 г.;

Д.4468,1861-70 гг.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (новый). Оп.502 (б).

Д.2406,1902 г.;

Д.2419,1897-98 гг.;

Д.2431,1901 г.;

Д.2444,1905 г.;

Д.2448, 1907 г.;

Д.2451,1910 г.;

Д.7659;

Д.3419,1898-1899.

АВПРИ. Ф.161/4. Азиатский департамент. Оп.729/2.

Д.6, 1856-58 гг.

АВПРИ. Ф.180. Посольство в Константинополе. Оп.517/2.

Д.627,1870 г.;

Д.2564,1865 г.;

Д.2565, 1866 г.;
Д.2570, 1871 г.;
Д.5084, 1891-1913 гг.;
Д.5085, 1893-1902 гг.

Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (далее АВ СПб. ФИВ РАН.).

АВ СПб. ФИВ РАН. Разр. II. Оп. 2.
Д. 14; Д. 25.

Архив Российской Академии наук (далее АРАН).

АРАН. Ф. 624. Личный фонд член-корреспондента РАН С. В. Бахрушина. Оп. 1. Д. 181.

Архив Российского этнографического музея (далее А РЭМ).

А РЭМ. Ф. 1. Оп. 2.
Д. 183;
Д. 234;
Д. 303.

А РЭМ. Ф. 2. Оп. 2.
Д. 339.

А РЭМ. Ф. 5. Оп. 1.
Д. 1.

Государственный архив РФ (далее ГА РФ).

ГА РФ. Ф. 109. Третье отделение собственной его Императорского Величества
Канцелярии. 1826 - 1880 гг. 1 экспедиция.
Д. 8 ч. 2.

ГА РФ. Ф. 109. 4 экз.

Д.255.

ГА РФ. Ф.569. Фонд М.Т. Лорис – Меликова. Оп.1.

Д.117;

Д.127;

Д.135.

ГА РФ. Ф.649. Фонд Романова Михаила Николаевича (1832-1909 гг.), сына Николая I, наместника на Кавказе. 1745-1915 гг. Оп.1.

Д.156;

Д.231;

Д.603.

ГА РФ. Ф.677. Фонд Александра III (1845-1894 гг.). 1845-1896 гг. Оп.1.

Д.498;

Д.511;

Д.517.

ГА РФ. Ф.678. Фонд Александра II (1818-1881 гг.). 1825-1899 гг. Оп.1.

Д.680;

Д.682;

Д.687.

ГА РФ. Ф.730. Фонд Игнатьева Николая Павловича (1832-1908 гг.), директора Азиатского департамента МИД, посла в Турции. 1623-1918 гг. Оп.1. Д.501.

Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).

ГАСК. Ф.73. Ставропольская гимназия. Оп.1.

Д.447;

Д.897.

ГАСК. Ф.73. Оп.2.

Д.478.

ГАСК. Ф.80. Ставропольский губернский статистический комитет.
Оп.1.

Д.15.

ГАСК. Ф.302. Ставропольская контрольная палата. Оп.1.

Д.116;

Д.660.

ГАСК. Ф.459. Ставропольская казенная палата. Оп.1.

Д.1448.

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее ГИМ ОПИ).

ГИМ ОПИ. Ф.155. Коллекция по истории армии и флота.

Ед. хр. 122.

ГИМ ОПИ. Ф.208. Фонд Черняева М.Г.

Ед. хр.13.

ГИМ ОПИ. Ф.254. Фонд Н.Н. Муравьёва-Карского (1794-1866 гг.).

Ед. хр. 321.

ГИМ ОПИ. Ф.307. Фонд М.Н. Романова.

Ед. хр. 8;

Ед. хр. 9.

ГИМ ОПИ. Ф.371. Фонд А.П. Зайцева, директора учебных учреждений Терской области.

Ед. хр. 1.

ГИМ ОПИ. Ф.372. Фонд Я.М. Неверова, попечителя Кавказского учебного округа

Ед.хр.15.

ГИМ ОПИ. Ф.437.

Ед. хр.2.

ГИМ ОПИ. Ф.451. Фонд В.Ф. Миллера.

Ед. хр. 1.

Государственный Политехнический музей (архивное отделение, далее ГПМ).

ГПМ. Ф.100.1. Фонд Политехнической выставки 1872 г.

Инв.№ 16174/41;

Инв.№16474/42.

Государственный Центральный музей современной истории России (далее ГЦМСИР).

ГЦМСИР А № 21 804.

Музей антропологии и этнографии им. П. Великого РАН. Отдел Кавказа (далее МАЭ РАН ОК).

МАЭ РАН ОК. Ф.121-105.

МАЭ РАН ОК. Ф.136-22.

МАЭ РАН ОК. Ф.1403-23.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ).

ОР РГБ. Ф.169. Фонд Д.А. Милютин. К.44.

Д.33.

ОР РГБ. Ф.169. К.59.

Д.9.

ОР РГБ. Ф.169. К.65.

Д.9;

Д.10.

ОР РГБ. Ф.169. К.74.

Д.53.

ОР РГБ. Ф.363. Фонд М.И. Венюкова. К.1.

Д.14.

ОР РГБ. Ф.363. К.5.

Д.5.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ).

ОР РНБ. Ф.175. Фонд В.А. Геймана (1823-1878 гг.), генерал-лейтенанта, участника войны на Кавказе. Оп.1.

Д.3;

Д.13.

ОР РНБ. Ф.520. Фонд М.М. и Б.М. Никольских. Оп.1.

Д.374.

ОР РНБ. Ф.874. Фонд А.И. Фаресова. Оп.2. Д.299.

Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (далее ОРФ СОИГСИ).

ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Кн.1.

Д.8;

Д.43;

Д.46;

Д.49;

Д.56;

Д.89;

Д.93;

Д.177;

Д.221;

Д.278.

ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1.

Д.16.

ОРФ СОИГСИ. Ф.16. Оп.1.

Д.13.

ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1.

Д.4;

Д.5;

Д.6;

Д.11;

Д.13;

Д.14;

Д.15;

Д.16;

Д.18;

Д.19;

Д.21.

ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Фонд Г.А. Кокиева. Оп.1.

Д.1;

Д.245;

Д.260.

ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Фонд Б.В. Скитского. Оп.1.

Д.42;

Д.53;

Д.56;

Д.62;

Д.77.

ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Фонд А.А. Гассиева. Оп.1. Д.4.

Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА).

РГАДА. Ф.1274. Фонд Паниных – Блудовых (1768-1901 гг.). Оп.1.

Д.868.

РГАДА. Ф.1295. Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832-1918). Оп.8. ч.II.

Д.4820.

РГАДА. Ф.1354. Планы дач генерального специального межевания 1765-1917 гг. (коллекция). Оп.1274.

Д. А-4; Д. А-5; Д. А-7; Д. А-8; Д. А-9; Д. А-10; Д. А-11; Д. А-12; Д. А-13; Д. Б-5; Д. Б-6; Д.-7; Д. Б-8; Д. Г-1; Д. Г-3; Д. Г-4; Д. Г-5; Д. Д-2; Д. Д-3; Д. Д-4; Д. И-1; Д. И-2; Д. К.-2; Д. К-3; Д. К-4; Д. М-1; Д. М-2; Д. М-3; Д. М-4; Д. М-5; Д. М-6; Д. Н-6; Д. О-1; Д. О-2; Д. Т-3; Д. Т-4; Д. Т-5; Д. У-1; Д. Х-1; Д. Х-2; Д. Х-3; Д. Х-4; Д. Ц-1; Д. Ч-2; Д. Ч-3; Д. Ч-4; Д. Ш-1; Д. Э-2; Д. Э-3.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1276.

Д. А-13;

Д. Т-4.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1277.

Д. М-1.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1278.

Д. М-1;

Д. Ц-1.

Российский государственный архив кинофотодокументов (далее РГА КФД).

РГА КФД. Ал.568.

Мн.4.5.8.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ).

РГАЛИ. Ф.46. Фонд П.И. Бартенева. Оп.2.

Д.359;

Д.369.

РГАЛИ. Ф.191. Фонд П.А Ефремова. Оп.1.
Д.2432.

РГАЛИ. Ф.195. Фонд П.А. Вяземского. Оп.1.
Д.5313.

РГАЛИ. Ф.1337. Коллекция мемуаров. Оп.1.
Д.235.

РГАЛИ. Ф.1440. Фонд И.А. Данилина. Оп.1.
Д.384.

**Российский государственный военно-исторический архив
(далее РГВИА).**

РГВИА. Ф.ВУА. Военно-учётный архив.
Д.6716;
Д.20 579;
Д.20 595;
Д. 20 609.

РГВИА. Ф.55. Оп.1.
Д.140.

РГВИА. Ф.330. Главное управление казачьих войск. Оп.7.
Д.195.

РГВИА. Ф.330. Оп.9.
Д.205.

РГВИА. Ф.330. Оп.11.
Д.32.

РГВИА. Ф.400. Главный Штаб. Оп.17.
Д.20 915;
Д. 22 258;
Д. 29 276.

РГВИА. Ф.414. Статистические, экономические, этнографические сведения о Российской империи. Оп.1.

Д. 303 (3);

Д. 305 (1);

Д. 305 (2).

РГВИА. Ф.485. Русско – Турецкая война 1877-78 гг. Оп.1.

Д. 94 (I);

Д. 117;

Д.152;

Д. 153;

Д. 154.

РГВИА. Ф.644. Командующий войсками Терской области. Оп.1.

Д. 25;

Д. 57;

Д. 101;

Д. 102;

Д. 103;

Д. 105;

Д. 117.

РГВИА. Ф.970. Военно-походная канцелярия Е.И.В. Оп.2.

Д.1925;

Д. 2205.

РГВИА. Ф.970. Оп.3.

Д.195;

Д. 1115;

Д. 1381;

Д.1925;

Д. 2185.

РГВИА. Ф.1329. Войсковое правление Терского казачьего войска. Оп.1.

Д.12.

РГВИА. Ф.2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп.2.

Д.985 ч.3;

Д. 987 ч.3.

РГВИА. Ф.3640. Чеченский конный полк (1914-1918 гг.). Оп.1.
Д.14.

РГВИА. Ф.14 257. Штаб командующего войсками. Оп. 3.
Д. 389;
Д.538.
Д. 590.

РГВИА. Ф.14 505. Чеченский Конно-Иррегулярный полк. Оп.1.
Д. 1;
Д. 2;
Д. 3;
Д. 5;
Д. 6;
Д. 7;
Д.14;
Д. 21.

РГВИА. Ф.14 505. Оп.3.
Д. 25.

РГВИА. Ф.14 719. Генеральный Штаб. Оп.3.
Д. 756.

РГВИА. Ф.16 096. Списки, истории болезней. Оп.1.
Д. 18.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА).

РГИА. Ф.200. Оп.1.
Д. 1430.

РГИА. Ф.219. Оп.1.
Д.7039.

РГИА. Ф.268. Оп.3.

Д. 480.

РГИА. Ф.485. Оп.1.

Д.108.

РГИА. Ф.547. Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910 гг.). Оп.2.

Д. 1300.

РГИА. Ф.565. Департамент государственного казначейства. Оп.1.

Д.4398.

РГИА. Ф.565. Оп.2.

Д. 6680;

Д.6875;

Д. 7587;

Д. 8023.

РГИА. Ф.573. Оп.6.

Д.7608.

РГИА. Ф.733. Оп.193.

Д. 381.

РГИА. Ф.821. Оп.8.

Д.712;

Д. 791.

РГИА. Ф.866. Фонд М.Т. Лорис – Меликова (1844-1913 гг.). Оп.1.

Д. 2; Д. 3; Д. 8; Д. 16; Д. 26; Д. 30; Д. 32; Д. 35; Д. 36; Д. 39; Д. 40;
Д. 44; Д. 45;

Д. 60; Д. 64; Д. 105; Д.120; Д. 129.

РГИА. Ф.932. Оп.1.

Д. 296;

Д. 303;

Д. 309;

Д. 322;

Д. 456.

РГИА. Ф.1149. Департамент законов. Оп.7.

Д. 62;

Д. 84;

Д. 95;

Д. 107;

Д. 112.

РГИА. Ф.1149. Оп.8.

Д. 64.

РГИА. Ф.1152. Департамент экономий. Оп.7.

Д.533.

РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.32;

Д. 88;

Д. 216.

РГИА. Ф.1268. Кавказский комитет (1833-1882 гг.). Оп.10.

Д. 42;

Д. 49;

Д. 99;

Д. 104;

Д. 124.

РГИА. Ф.1268. Оп.12.

Д. 105.

РГИА. Ф.1268. Оп.14.

Д.149.

РГИА. Ф.1268. Оп.15.

Д. 146.

РГИА. Ф.1268. Оп.16.

Д. 125.

РГИА. Ф.1268. Оп.18.

Д.26;

Д. 88;

Д. 150(а);

Д. 185.

РГИА. Ф.1268. Оп.23.

Д. 85.

РГИА. Ф.1268. Оп.25.

Д. 18.

РГИА. Ф.1276. Оп.19.

Д.593.

РГИА. Ф.1276. Оп.20.

Д. 48.

РГИА. Ф.1287. Хозяйственный департамент (1799-1904 гг.). Оп.7.

Д.494.

РГИА. Ф.1290. Центральный статистический комитет МВД. Оп.4.

Д.499.

РГИА. Ф.1341. Первый департамент Сената (1763-1917). Оп. 104.

Д.279.

РГИА. Ф.1407. Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1895-1917 гг.). Оп.3.

Д.7943.

Российский Федеральный геологический фонд (далее РФФ).

РФФ. Ед. хр.1.

Отчёт 17 713; 17 778; 18 271; 23 410; 23 542; 48 576; 48 629; 48 663; 48664; 48 666; 48 693; 48 695; 65 213.

РГФ. Ед. хр.2.

Отчёт 17 709.

Северо-Осетинский государственный объединённый музей истории, архитектуры и литературы (далее СОГОМИАЛ).

СОГОМИАЛ. Ф.4. Терское казачье войско. Оп.2.

Д.541.

Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (далее ЦГА РСО-А).

ЦГА РСО-А. Ф.11. Терское областное правление. Оп.4.

Д.12.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.13.

Д. 1019.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.16.

Д. 161.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52.

Д. 622.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 65.

Д. 177.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1.

Д. 24;

Д. 343;

Д. 489.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2.

Д.238;

Д. 653;

Д.724;

Д. 965;

Д.1092.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5.

Д. 15;

Д. 26;

Д. 27;

Д. 29;

Д. 30;

Д. 35;

Д. 83;

Д. 86.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 6. Д. 294; Д. 817.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7.

Д. 4;

Д. 159;

Д. 163;

Д. 263.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 8.

Д. 27;

Д. 70.

ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1.

Д. 244.

ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1.

Д.30;

Д. 134;

Д. 140.

ЦГА РСО-А. Ф.83. Терско – горский конно-иррегулярный полк.
Оп.1.

Д. 3.

ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1.

Д. 37;

Д. 102;

Д. 158;

Д. 185;

Д. 1050;

Д. 1068.

ЦГА РСО-А. Ф.262. Комиссия для разбора сословных прав. Оп.1.

Д.6;

Д. 23.

ЦГА РСО-А. Ф.270. Оп.1.

Д.20.

Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ).

ЦИАМ. Ф.227. Комитет для устройства в Москве музея прикладных знаний и заведования им. Оп.2.Д. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Нормативно-правовые акты

1. Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892-93 гг.// Терский календарь на 1894 г. Кн.1. – Владикавказ,1893.
2. Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 г. Кн.1. – Владикавказ,1891.
3. Военное законодательство Российской империи. – М.,1996.
4. Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900.
5. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1877. – № 20.
6. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1888. – № 39.
7. Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892-1893 гг. – СПб.,1894.
8. Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб.,1901.
9. Дедюлин С.А. Сборник Узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901.
10. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб.,1869.
11. Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил передвижения скота. – Владикавказ,1895.
12. Законы о вере и веротерпимости (Составил Я.А. Канторович). – СПб.,1899.
13. Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904.
14. Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России (1554-1929). – Уфа,1998.
15. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001.
16. Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б.м. Б.г.
17. Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890; Тифлис,1891 .

18. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ, 1914.
19. Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. – СПб., 1904.
20. Леонтович Ф.И. Адамы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса, 1882.
21. Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч. 1. – Тифлис, 1908.
22. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военносудопутных сил России с 1550 до 1890 г. / Сост. В. Штейнгель. – СПб., 1890.
23. Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области // Терский календарь на 1891 г. – Владикавказ, 1890.
24. Отдел официальный. Именной Высочайший указ. // Терские ведомости. – 1887. – № 17.
25. Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц войскового сословия. – Вильна, 1911.
26. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 41. – СПб., 1866.
27. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 3 (1870). – СПб., 1874.
28. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 50. Отд. 2 (1875). – СПб., 1877.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 1 (1876). – СПб., 1878.
30. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LII (1877). – СПб., 1879.
31. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LV. Отд. 1, 2; (1880-1881). – СПб., 1884.
32. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 3 (1883). – СПб., 1886.
33. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 5 (1885). – СПб., 1887.
34. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 6 (1886). – СПб., 1888.
35. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 7 (1887). – СПб., 1889.
36. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 15 (1895). СПб., 1899.
37. Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис, 1862.
38. Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис, 1867.
39. Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и дружинами переселенцами из России. – СПб., 1862.

40. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793 – 1897 гг. Т.1. – Нальчик, 2003.
41. Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент, 1900.
42. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1 (1867-71). – Тифлис, 1891.; Т.3 (1877-1881). – Тифлис, 1891; Т.4 (1882-1886). – Тифлис 1889.; Т.5 (1887-1891). Ч.1. – Тифлис, 1890.
43. Сборник военно-уголовных постановлений, изданных с 1 января 1874 по 1 января 1876 г. в изменение и дополнение ч. VI Свода военных постановлений 1869 г. – СПб., 1876.
44. Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. Кн.3. – СПб., 1896.
45. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896.
46. Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века. Сборник нормативных актов. – Рязань, 1998.
47. Шапсугов Д.Ю., Свечникова Л.Г., Исмаилов М.А. Обычное право и акты Российского государства на Северном Кавказе (втор. пол. XVIII – перв. треть XX века). Хрестоматия. – Р н/Д., 2008.

Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.1, 2, 3. – Тифлис, 1904.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
3. Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001.
4. Альбом портретов членов Государственной Думы. Часть 2-я. Европейская Россия. Кавказ и Закавказье. Сибирь и Степной край. – М., 1906.
5. Античная литература и эпиграфика о Кавказе. – Б.м. Б.г.
6. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001.
7. Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.ХI. – Тифлис. Б.г.
8. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.1. – Нальчик, 2001. Ч.2. – Нальчик, 2003.

9. Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М., 1997.
10. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2007.
11. Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие. – Грозный, 2006.
12. Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. – СПб., 1998.
13. Бентковский И.В. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь, 1874.
14. Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе: Из воспоминаний старого администратора: (Период 1907-1915 г.). – Париж, 1936.
15. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево – Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т. I. Ч. 1. – Нальчик, 1997. Т. II. Ч. 1. – Нальчик, 1998. Т. III. Ч. 1. – Нальчик, 2000.
16. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.
17. Богоявленский М. Каталог Краснодарского художественного музея имени А.В. Луначарского. – Краснодар, 1953.
18. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительная война против русских. – Б.м., 1859.
19. Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М., 2005.
20. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-1803 г. Т.3. Ч.3. – СПб., 1869.
21. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861 г.) // Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1995.
22. Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М., 2002.
23. Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ, 1914.
24. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М., 1960.
25. Владикавказ. Фотоальбом. – Владикавказ, 2007.
26. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М., 1874; М., 1885.
27. Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко. Т.9,10. – СПб., 1912. М., 2007. Т.14,16. – СПб., 1914. Т.18 – СПб., 1915.

28. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. – Т.I. – СПб.,1911. М.,1998. Т.III – СПб.,1911. М., 2000. Т.IV. – СПб.,1911. М.,2001. Т.V. – СПб.,1911. М., 2002. Т.VI. – СПб.,1911, М., 2001. Т.VII. – СПб.,1911. М., 2004.
29. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908.
30. Военно-историческая карта Северо – Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002.
31. Военно-статистический сборник. Вып.IV. – СПб., 1871.
32. Всемирная выставка. Париж,1900. Русский отдел. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. – СПб. Б. г.
33. Всемирная выставка. Париж. 1900. Русский отдел. Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. – СПб.,1901.
34. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893.
35. Всероссийская промышленная и художественная выставка. М.,1882.
36. Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставке в Москве,1882 г./ Сост. Н.П. Собко. – СПб.,1882.
37. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907.
38. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем: 1863-1871 гг. – СПб,1872.
39. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893.
40. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ,1895.
41. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ,1898.
42. Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис,1898.
43. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995.

44. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб., 2006.
45. Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ, 1910.
46. Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно – этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь, 1997.
47. Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб., 1896.
48. Государева Оружейная палата. – СПб., 2002.
49. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М., 2006.
50. Государственная Третьяковская галерея. Русское искусство XVIII – XX века.
51. Живопись, скульптура. Новые поступления. Каталог выставки. – М., 1999.
52. Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Москва. Музей-квартира Н.С. Голованова. – М., 2007.
53. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис, 1889.
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.3. – СПб. – М., 1882. М., 1979.
55. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/Д., 1925.
56. Дзидзария Г.А. Труды. Т. III. Из неопубликованного наследия. – Сухум, 2006.
57. Дикая дивизия. Сборник материалов. – М., 2006.
58. Длужневская Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: Альбом. – СПб., 2006.
59. Дневник Д.А. Милютин 1873-75 г. Т.1. – М., 1947.
60. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М., 1962.
61. Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб., 1883.
62. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована военно – топографическим отделом Кавказского военного округа в 1870 г. – Тифлис, 1870.

63. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована в военно – топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 г. – Тифлис, 1903.
64. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х книгах. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – М.,1998.
65. Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М., 1878.
66. Душенко К.В. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней. – М., 2005.
67. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М.,1993.
68. Еркерт Р. Кавказ и его народы. Б.м.,1887.
69. Железнодорожный отдел // Весь Кавказ и Донская область на 1908 год. Первый торговый справочник-альманах. – Р н/ Д.,1907.
70. Живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года). – М.,1952.
71. Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис,1883.
72. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. / Сост. В.А. Федорова. – М.,1991.
73. Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887.
74. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб.,1913.
75. «Зеркало Кавказа». Альбом. – М.,1902.
76. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х ч. СПб.,1835.
77. Свт. Игнатий (Брянчинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. – М.,1998.
78. Из истории русско-кавказской войны. (Документы и материалы) – Нальчик,1991.
79. Из фондов Государственного Русского музея. Русское искусство XV – XX веков. – Л.,1989.
80. Имперская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст., предисловия и комментариев Д.Ю. Арапов. – М., 2006.

81. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. – М., 1998.
82. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.
83. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.XVI. Ч.1. – М., 2008.
84. История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933.
85. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М., 2004.
86. Кавказ. – СПб., 1896.
87. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
88. Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис, 1887-1888.
89. Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб., 1884.
90. Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып. 1. – Тифлис, 1890.
91. Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис, 1909.
92. Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис, 1909.
93. Кавказский край. Атлас социально – экономический. Статистические данные по гражданскому управлению Кавказского наместничества 1855-1880 г. – Тифлис, 1855-1880.
94. Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года. (1864 -1914 гг.). – Тифлис, 1915.
95. Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875.
96. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова – М., 2008.
97. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. Тифлис, 1882.
98. Карта Кавказского края с показанием пути следования их императорского величества по краю в 1888 году. – Тифлис, 1888.
99. Карта распространения перемежающихся лихорадок на Кавказе (составлена доктором Н. Тороповым в 1864 г.). – Б.м., 1864.
100. Карта российских владений за Кавказом. Составлена корпусным топографом, поручиком Колоколовым в 1836 году. – СПб., 1836.

101. Карта Терской области. – СПб., 1891.
102. Карта Терской области с показанием местностей тяготеющих к двум направлениям Владикавказской железной дороги. – Б.м., 1870.
103. Карта урожая 1898 г. в 60-ти губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб., 1898.
104. Карта урожая 1900 г. в 64-х губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб., 1900.
105. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа за 1880 год, составленная Р.Шенгером. – Тифлис, 1880.
106. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа к 1 января 1899 г. – Тифлис, 1899.
107. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1876.
108. Каталог личных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. – М., 2007.
109. Каталог педагогически-профессионального отдела Кавказской выставки 1889 г. – Тифлис, 1889.
110. Каталог склада Военно-топографического отдела Генерального штаба. Вып. II. – СПб., 1887.
111. Кентманн П. Кавказ. – Б.м. Б.г.
112. Княгина Н.А. Дондукова – Корсакова. – Тифлис, 1887.
113. Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб., 1900.
114. Коллекции Кавказского музея. Т.5. Археология. – Тифлис, 1902.
115. Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908.
116. Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002.
117. Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008.
118. Конституция графа Лорис – Меликова и его частные письма. – Лондон; СПб. Б.г.
119. Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.
120. Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис, 1875.
121. Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. – СПб., 2006.
122. Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М., 2003.

123. Кузнецов Н, Буш Н., Фомин А. Материалы для флоры Кавказа. – Вып.14. – Юрьев, 1906.
124. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993.
125. Культурное строительство в Чечено – Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.): Сборник документов и материалов. – Грозный, 1979.
126. Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2000.
127. Лечение аятами Корана и помощь в повседневных нуждах. – СПб., 2007.
128. Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.
129. Мальсагов М.С. Наследие Таргима. Документы. Фотографии. Литературные и научные труды. В 2-х книгах. Кн.1. – М., 2007.
130. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). – М., 2007.
131. Мартынов Н.Г. Систематическая роспись книг, брошюр, атласов и карт. – СПб., 1911.
132. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского
133. Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. Вып.1. – М., 1888.
134. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала, 1940.
135. Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау, 1950.
136. Международная тюремная выставка. Отдел – Россия. Губернские и Финляндские тюрьмы. – СПб., 1890.
137. Международная тюремная выставка. Каталог. Отдел – Россия. Пересыльная часть. – СПб., 1890.
138. Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис, 1889.
139. Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1. – Б.м. Б.г.

140. Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М., 2000.
141. Милютин Д.А. Воспоминания, 1863-64 гг. – М., 2003.
142. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867 гг. – М., 2005.
143. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М., 2007.
144. Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1896.
145. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 гг. Документы и материалы. – М.-Л., 1961.
146. Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998.
147. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Сборник документов. – М., 2005.
148. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографической коллекции (Государственный этнографический музей). – Л., 1981.
149. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х т. Т.1. Территория, население и особенности социально – экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х гг. XIX в. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбохов. – М., 2005.
150. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.III. – Ставрополь, 2000.
151. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2002.
152. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.V. – Ставрополь, 2006.
153. Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993 гг. / Под ред. Л.Х. Ибрагимова. – М., 1993.
154. Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ, 1902.
155. Обзор Минеральных богатств Терской области // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ, 1890.
156. Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 г. – Тифлис, 1880.

157. Обзор Терской области за 1892 год // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893.
158. Об изъятиях некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ,1895.
159. Об относительных выгодах различных систем внутренних сообщений. Из отчета о путешествии 1837 – 1838 гг. // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
160. Общий состав управлений Кавказского военного округа. Ч.III. – Тифлис,1869.
161. Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878.
162. О некоторых геологических деятелях и явлениях. – Б. м., 1908.
163. Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих / Сост. М. Миансаров. – Б.м. Б.г.
164. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007.
165. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. – СПб.,1895.
166. О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.
167. Особые журналы Совета Министров царской России. 1909-1917 гг. – М., 2001.
168. Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001.
169. Отчет Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1870 год. – Тифлис,1871.
170. Отчет о вторых краткосрочных курсах гимнастики для учащихся в низших и средних учебных заведениях Кавказского учебного округа, состоявшихся летом 1910 г. – Тифлис,1911.
171. Отчет о деятельности Распорядительного Комитета «Кавказско-го Мусульманского Благотворительного Общества» за 1909 г. – Тифлис, 1910.
172. Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис,1867.
173. Отчет Тифлисского общества покровительства животным за 1901 год. – Тифлис,1902.

174. Первая всеобщая перепись, произведенная 28 января 1897 г. Общий свод. Т.1.Ч.1. – СПб.,1905.
175. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.2. – СПб.,1905.
176. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область.1905.(4). Т.XVI. – СПб. Б.г.
177. Первый толковый БЭС. – СПб., М., 2006.
178. Перечень художественных произведений Цветковской галереи. – М.,1915.
179. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857 – 1864 гг.) // Вопросы истории. – М., 2007. – № 2.
180. Письма с Кавказа к Л.Н. Толстому. – Махачкала,1928.
181. Письма Шамиля. – Махачкала,1997.
182. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1869 г. в Нижнем Новгороде. Отдел II. Коннозаводство и коневодство. – М.,1896.
183. Покорение и заселение Кавказа / Сост. А.К. Шериев. – Пятигорск, 2004.
184. Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И. Аушев, С.А. Глотов, О.О. Миронов, М.П. Фомиченко. – М., 2006.
185. Предстоящий в г. Тифлисе с 16 по 24 июня 1913 г. XIII Съезд Русских естествоиспытателей и врачей. – Тифлис,1912.
186. Приложение к всеподданнейшему отчету // Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Б.м.,1885.
187. Природа и население России. В 4-х частях. Ч.4. Народы Европейской России. Вып. III. Крым и Кавказ. – СПб., 1906.
188. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг.XIX в.). Сборник архивных дел. – Нальчик, 2001.
189. Путеводитель по Терской области. – Тифлис,1871.
190. Путешествие в Крым и Кавказ фон Энгельгардта и Фридриха Паррота. – Берлин,1815.
191. Река Терек от Шелкозаводской станицы до устья. – СПб.,1863.
192. Розен Р.Ф. Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской Линии и соседственных, покорных и непокорных. – Б.м.,1830.

193. Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М., 2001.
194. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М. Блиева. – Владикавказ, 2003.
195. Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб., 1878.
196. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869. – М., 2006.
197. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. – Нальчик, 2001.
198. Русский музей императора Александра III. Т. I, II. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб., 1904.
199. Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI – XVII вв.: Сборник документов. – М., 1997.
200. Сборник материалов по Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т.1. Вып.1. – СПб., 1904.
201. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872 гг. Отд. II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб., 1875.
202. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801-1885 / Под ред. В.А. Потто. – Б.м., Б.г.
203. Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып. I. – Владикавказ, 1878.
204. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб., 1902.
205. Сведения по статистике народной нравственности и народного образования // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис, 1869.
206. Свет священного Корана: разъяснения и толкования. – СПб., 2008.
207. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881-1890 гг. генерал – губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб., 1893.
208. Свод Статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 гг. / Сост. Р. Шёнгер. – Тифлис, 1899.
209. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. Т. IV., 1862. М., 2006.
210. Северный Кавказ – наш общий дом: рекомендательный библиографический указатель / Сост. Т.В. Желтухина. – Ставрополь, 2006.

211. Семенов Д. Отечество ведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М., 1879.
212. Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5 т. Т.2. – СПб., 1862.
213. Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы. – М., 2008.
- «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений...». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.). (Публикация Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
214. Словарь афоризмов русских писателей. – М., 2004.
215. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Составители А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. – М., 2003.
216. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
217. Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской Академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб., 1872.
218. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинга (1862 г.). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св. Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т.2 (150). Россия и Северный Кавказ. – М., 2000.
219. Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.
220. Статистика Российской империи. Т.XVII. Волости и гмины, 1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб., 1892.
221. Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб., 1887.
222. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891.
223. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ, 1896.
224. Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903.
225. Статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1874.
226. Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л., 1981.
227. Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб., 1879.

228. 100 незнакомых картин из фондов Государственного исторического музея. – СПб., 1998.
229. Тамбовская областная картинная галерея. Каталог. Вып. 1. Русское искусство XVIII – XX века. – Л., 1976.
230. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876.
231. Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год – Владикавказ, 1901.
232. Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ, 1886; ... за 1884 год. – Владикавказ, 1884; ... за 1887 год. – Владикавказ, 1887.
233. Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч. II. – Пятигорск, 1927.
234. Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ, 1897.
235. Труды I Съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис, 1902.
236. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908.
237. Труды комиссии при Императорском Русском Техническом обществе по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. – СПб., 1885.
238. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т. 52. Кавказский край. – СПб., 1903.
239. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905.
240. Труды Первого съезда служащих врачей гражданского ведомства на Кавказе. Т. 1. Вып. 1. – Тифлис, 1912.
241. Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т. 1. Вып. 2. – Тифлис, 1893; Т. III. – Тифлис, 1894.
242. Труды Первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (с 25 июня по 9 июля 1898 г.). – Грозный, 1898.
243. Тульский государственный музей оружия / Сост. Е.Е. Дроздова. – М., 2008.

244. Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис, 1905.
245. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып. 144. – М., 2005.
246. Указатель Всероссийской промышленно – художественной выставки 1882 года в Москве. – М., 1882.
247. Указатель кратчайших и удобнейших железнодорожных маршрутов от Санкт–Петербурга и обратно. – СПб., 1909.
248. Указатель находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов / Императорская Академия художеств. – СПб., 1842.
249. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб., 1900.
250. Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб., 1895.
251. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах. – М., 2007.
252. Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М., 2008.
253. Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис, 1898.
254. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. Сборник. – М., 1999.
255. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880.
256. Художники народов СССР. Библиографический словарь. В 6-ти томах. Т.1,3. – М., 1970.
257. Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6 т. Т.4. Кн.1. – М., 1983.
258. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю императору. – СПб., 1860.
259. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006.
260. Черных П.Я. Историко – этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Т.1. – М., 1993.
261. Шейх Хаким. Моинуддин Чишти. Суфийское целительство. – СПб., 2007.
262. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917 гг. Библиографический справочник. – СПб., 2001.

263. Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902.
264. Эвлия Челяби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.1. Земли Молдавии и Украины. – М.,1961.
265. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия; в 2 т. Т.1. – М., 2008.
266. Экслибрисы и штемпели частных коллекций. – М., 2001.
267. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.VI. – СПб.,1892, Т.VII. – СПб.,1892; Т.X. – СПб.,1899; Т.XXI. – СПб.,1897.
268. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 82-х томах. Т. 29. – М.,1991; Т.35.; Т.74 – М.,1990; Т.76 – М.,1993.
269. Энциклопедический словарь военной медицины / Под ред. Е.И. Смирнова. В 6 т. – М.,1948.
270. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.2. – М.,1968.
271. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств / Сост. С.Н. Кондаков. – СПб.,1914.
272. Инжил я Делаца бинчу керлачу бартах лаьцна долу тептар (Новый Завет на чеченском языке). – Самара,2007.

Статьи периодических изданий

1. Аббасбейли А. Кавказ в сфере геостратегических реалий // Обозреватель. – М., 2003. – № 11.
2. Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – № 64, 65.
3. Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – № 1.
4. Аванесян А.А. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе в 70-е годы XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007.
5. Азаров В.М.; Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества // Ориентир. – М., 2001. – № 3.
6. Айбатов М.М. Проблема взаимодействия модернизирующих государственно-правовых реформ и этнических государственно-правовых культур горских народов в творчестве просветителей 60-70-х годов XIX века // История государства и права. – М., 2007. – № 7.
7. Айларова С.А. В поисках национальной идентичности // Вестник Северо – Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
8. Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2004. – № 1.
9. Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.
10. Акиева Х.М. Изобразительное искусство Чечни и Ингушетии первой половины XIX в. (традиции и новаторство) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 2008. – № 4.
11. Алафаев А.А., Тетуев А.И. Россия на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. /// Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
12. Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. – СПб., 1899. – Т.6. Кн.11.
13. Алексеева А. «Душа моя на другой планете!» // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).

14. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Заявление в связи с обострением трагических событий в Чечне // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4059.
15. Алиев Б.Г. И.-Гербер о союзах сельских общин Аварии // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 1.
16. Аликова З.Р. Хирургическая помощь в народной медицине Северного Кавказа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2000. – № 3.
17. Алпатов В.М. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. – М., 2003. – № 1.
18. Амирова З.А. Русско-турецкая война 1877-78 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – № 2.
19. Аппаева Ж. Кавказская черкесска // Юный художник. – М., 2002. – № 10.
20. Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской Консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб., 1905. – № 12.
21. Арапов Д.Ю., Бобровников В.О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России. – Краснодар, 2006. – № 2 (03).
22. Арапович Б. О Шамиле на шведском языке // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
23. Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М., 1998. – № 11-12.
24. Артемов А. Абдурахман Авторханов // Посев. – М., Франкфурт. – № 4 (1438).
25. Асватуров А.С. Люди Империи: заведующие Восточным отделением Императорской Публичной библиотеки // Библиотекосведение. – М., 2007. – № 2.
26. Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем // Северо-кавказский край. – Р н/Д., 1925. – № 1.
27. Ахмадов Я.; Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – № 4.

28. Ахмедов А.А., Голубев А.Ю. К вопросу о введении института военных имамов в Российской армии // Военная мысль. – М., 2008. – № 2.
29. Ахметов У.Т. Русское Географическое общество и Казахстан // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – Элиста, 2008. – № 1.
30. Багаев М.Х. Чеченцы XIX века // Вести Республики. – Грозный, 2007. – № 96 (570).
31. Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 1999. – № 4.
32. Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 4.
33. Баранов Е. По Северному Кавказу // Новое обозрение. – М., 1902. – № 6016.
34. Батаева Х.М., Яхьяева З.И. О народной медицине в Чеченской Республике // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2007. – № 2.
35. Батаева Х.М., Яхьяева З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2005. – № 3.
36. Башиева С.К., Геляева А.И. Концепт «мера» (норма) в языковой картине мира народов Кавказа (На материале пословиц и поговорок) // Эльбрус – Нальчик, 2001- 2002 – № 1 (13).
37. Безотосный В.М. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867 // Отечественная история. – М., 2008. – № 6.
38. Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 107,108,109.
39. Белова Л. Лермонтов и Кавказ // Отечество. – М., 2004. – № 7 (50).
40. Белоглазкин Г. Хранящим Россию // Вечерний Ставрополь. – Ставрополь, 1990. – 23 октября.
41. Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской Империи (втор. пол. XIX – начало XX века) // Церковно – исторический вестник. – М., 2004. – № 11.
42. Бердников И. Об управлении духовных дел магометан // Имперское возрождение. – М., 2007. – № 2 (10).
43. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.33.

44. Бетеева М.М. Церковноприходская школа, как начальный этап развития образования на российском Кавказе // Преподавание истории и обществознания. – М., 2007. – № 3.
45. Блейх Н.О. Становление люмьеризма у северокавказских народов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
46. Блохин В.Ф. О вреде «Вредного направления» // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
47. Бойко М. Гяур в поношенном мундире // НГ Ex Libris. – М., 2007. – № 33 (430).
48. Бобровников В.О. Еще раз об исламском образовании на Северном Кавказе (попытка ответить на вопросы Г.Г. Косача к А.А. Ярлыкапову) // Вестник Евразии. – М., 2004. – № 1(24).
49. Борисов А. Герой войны и победитель чумы // Щит и меч. – М., 1999. – 5 августа (№ 31).
50. Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
51. Бужан Е. Дело табак! // Оракул. – М., 2007. – № 12.
52. Бунькова Ю.В. Культурологический синтез в кавказской политике П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 4.
53. Бурдина Е. «На их же родном языке, и притом на языке народном...». Система национального образования по Николаю Ильинскому // Родина. – М., 2007. – № 10.
54. Бутов С. Мудрец // Спорт-Экспресс. – М., 2008. – № 187 (47 67).
55. Бухалов И.И. Промышленный травматизм в Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
56. Бызов И. Как начиналось «покорение горских народов» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 7 (15).
57. Бызов И. Мухаджирство или переселение вайнахов на Ближний Восток // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
58. Бызов И. Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
59. Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое Обозрение. – Тифлис, 1883. – № 111, 112.

60. Валькович А. «Рисуи, Орловский!» // Цейхгауз. – М., 2001. – № 2.
61. Вапилин Е.Г. Освещение периодической печатью России жизни армии и флота // Военно-исторический журнал. – М., 2006. – № 8 (556).
62. Василенко В.Г. Состояние здравоохранения на Дону и Северном Кавказе в пореформенный период // Российский исторический журнал. – М., 2006 – № 1 (38).
63. Васильев М. Дагестанский конный полк // Цейхгауз. – М., 2000. – № 1 (10).
64. Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – № 5.
65. Вести от горцев-мусульман Терской области // Мусульманская газета. – 1913. – № 11.
66. В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 14.
67. Винничук А.В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия высших учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Вопросы филологии» 2006. – Рн/Д., 2006.
68. Висковатов А.А. С Казбека // Русский вестник. – СПб., 1865. – № 12.
69. Владикавказ // Терские ведомости. – Владикавказ, 1875. – № 11.
70. Владыченский А.С. Язык научных трудов выдающегося естествоиспытателя России // Московский университет. – М., 2007. – № 17 (4208).
71. Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. – СПб., 1856. – № 160, 166.
72. Волова Л.В. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 1 (12).
73. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Кн. 5, 10
74. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
75. Воронова А.А. Рыбный промысел Каспийского моря и морские торговые связи в XIX – нач. XX вв. // Вестник Ставропольского гос. университета. Вып. 40. – Ставрополь, 2005.
76. Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Кн. 1.
77. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Б.м., 1882.
78. Высокая Е.В. Историческое мышление как историко-культурная картина мира: особенности имперской традиции в Великобритании и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России» – М., 2007. – Спец. выпуск № 2.

79. Гаджиев Д. Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. // Христианское чтение. – СПб., 2006. – № 26.
80. Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Дагбары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
81. Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, каджары и Мехмет Али Египетский // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2006. – № 1 (5).
82. Гапуров Ш.А., Товсултанов Р.А. «Погром Чечни» в 1852 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.
83. Гарсаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Сер.13, Востоковедение. – М., 1998. – № 4.
84. Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12.
85. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизаций. – Владикавказ, 2000. – Вып.3.
86. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М., 2006. – № 1.
87. Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве // Ойла («мысль»). – Грозный, 1998. – № 1.
88. Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». // Отечественная история. – М., 2002. – № 4.
89. Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889 г.) // Источник. – М., 1999. – № 5.
90. Герман О.Б. Земельные отношения на Тереке в перв. пол. XIX – нач. XX вв. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 7.
91. Герман О.Б., Кузьменко О.В. Судебные преобразования в различных регионах России во втор. пол. XIX столетия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 5.

92. Герман Р.Э. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского го. Техн. Ун-та. Серия «Право». Вып.2. – Ставрополь, 2000.
93. Гнездилова Е. Рубо, похищенный и возрожденный // Век. – М., 2002. – № 23.
94. Голицын Ю. Военные реформы в России и дефицит госбюджета // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 2 (5).
95. Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 3 (6).
96. Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998) // Известия Русского географического общества. – СПб., 2000. – Вып.1.
97. Горбачев С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе) // Молодая Гвардия. – М.,1999. – № 11/12.
98. Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. – Екатеринодар,1913. – Т.18.
99. Городницкий Р.А. Учреждения Министерства внутренних дел на Кавказе в 1905- 1917 гг. // Вестник Московского университета. – Сер. 21. Управление. – М., 2004. – № 3.
100. Горожане боятся врачей больше, чем болезней // Московский комсомолец. – М., 2008. – № 168 (24 826).
101. Горячеводск // Целебный Кавказ. – Тифлис,1916. – № 4-5.
102. Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа) // Новое обозрение. – Тифлис,1890. – № 2273.
103. Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа // Голос. – СПб.,1877. – № 210.
104. Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. – М., 2002. – № 7.
105. Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа // Россия и Азия. – Киев,1899. – № 12.
106. Гриненко Л.О. Письмо графа А.А. Бобринского о древностях Северного Кавказа // Донская археология. – Р н /Д., 2000. – № 3-4 (8-9).

107. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков: Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник / Чеч.– Ингуш. НИИ ист., языка, и литературы. – Грозный, 1969. – Т. III.
108. Гродзкийский А. Инженер – мостостроитель Станислав Кербедз // Культурно – просветительская работа («Встреча») – М., 2007. – № 7.
109. Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 18.
110. Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 37.
111. Гульчеев В.А. Некоторые социальные и исторические аспекты развития физической культуры в Осетии // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
112. Гусейнов А. Кавказ подо мною // Новая Россия. – М., 2000. – № 1.
113. Данько Т.А. Документы ГИАНО о польской ссылке и римско – католической общине в Новгородской губернии // Новгородский архивный вестник. – Великий Новгород, 2007. – № 6.
114. Дацкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
115. Джабаги Вассан-Гирей. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон. XIX – нач. XX в. // Наш Дагестан. – Махачкала, 1994. – № 167-168.
116. Джабиров И. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян. Судьба Победоносца // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 11.
117. Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 1999. – № 1.
118. Дзидзоев В.Д. Переселение мусульманских народов Кавказа в Турцию 1860-1870 гг. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 9.
119. Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т.15. – Р н/Д., 2001.
120. Документальная хроника жизни края // Живая старина. – Нальчик, 1993. – № 3.
121. В.В. Докучаев // Нива. – СПб., 1905. – № 45.
122. Дорджиева Е.В. Адаптационно – деятельностные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII – XX вв. // Вестник РУДН. Серия «История России». – М., 2007. – № 1.

123. Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
124. Дрибас О.В. Политическое предательство: его моральная и юридическая оценка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2000. – № 2.
125. Дубнова Н.В. Лермонтов: идеализация востока до его реального познания // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 3.
126. Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М., 2004. – № 6.
127. Егорышева И.В. Первые эпидемии холеры в России (1823, 1829-1931 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2008. – № 2.
128. Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – № 11.
129. Елисеев А.В. Российские исследователи Кавказа // География в школе. – М., 2000. – № 1.
130. Емельянов И. Чемпион из общаги // Советский спорт. – М., 2008. – № 117 (17 599).
131. Емельянов О.Б. Государственная служба и ее влияние на состояние хозяйства терско-гребенского казачества в перв. пол. XIX века // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38).
132. Ермоленко Л.П. Охрана памятников старины на Северном Кавказе в 1920-1930 –х гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 48. – Ставрополь, 2007.
133. Жугова Т.Ч., Шوماхов А.О., Кимова Л.Ф. Из истории медицины Кабардино- Балкарии // Проблемы социальной гиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2001. – № 6.
134. Журомский К. Романтические образы Кавказа в русской бронзовой скульптуре // Антикварное обозрение. – СПб., 2006. – № 1.
135. Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М., 2005. – № 2, 4.
136. Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
137. Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М., 2006. – № 2.

138. Зинева Н.С. Роль геополитического фактора в истории российско-кавказских взаимоотношений в конце XVIII – первой половины XIX вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.49. – Ставрополь, 2007.
139. Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб.,1852. – № 178.
140. Ибрагимбеили Х. – М. Сказать правду о трагедии народной // Политическое обозрение. – М.,1989. – № 4.
141. Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки. – М.,1941. – № 10.
142. Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг.XIX века // Исторические записки. – М.,1941. – № 12.
143. Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. – 1902. – Т.XV. № 5.
144. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб.,1859. – Т.7. – № 6.
145. Ивахненко А.С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. – Вып.4. – Майкоп, 2001.
146. Известия // Терские ведомости. – Владикавказ,1894. – № 137.
147. Известия // Неделя. – 1899. – № 33.
148. Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 28.
149. Из Терской области // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – № 32.
150. Ильясов Л. Исторические области Чечни // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 8 (16).
151. Индербаев Г. Наш край в живописи М.Ю. Лермонтова // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 7.
- 152.Ипполитов Г.М. Моральный дух Русской армии: из истории изучения проблемы // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
- 153.Исаев С.-А.А. Неистовый Ума Дуев // Нохчи. – Грозный,1999. – № 1.
- 154.Исаев Э.А. Вайнахская этика о значении образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Рн/Д., 2008. – № 1 (38).
155. Исаева Р. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899 – 1913 гг.) // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 4.

156. Исмаилова А.И. К вопросу о причинах восстания горцев Чечни в 1877 – 1878 гг. // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
157. Исхаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – М., 2005. – № 2.
158. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
159. Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М., 2004. – № 1.
160. Кавказ. Альбом Л.Е. Дмитриева – Кавказского. СПб., 1880 г. Рецензия // Художественный журнал. – СПб., 1881. – № 2.
161. Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста – 1884. – № 4-7.
162. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает // Советский Северный Кавказ. – 1930. – № 1.
163. Кавказские произведения на Парижской выставке // Кавказ. – Тифлис, 1890. – № 302.
164. Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – СПб., 1898. – № 44.
165. Калинин С. История научных организаций Северного Кавказа // Обозреватель. – М., 2006. – № 6 (197).
166. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – № 1.
167. Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М., 1997. – № 3.
168. Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2005. – № 6 (42).
169. Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 10-11.
170. Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 9. – Нальчик, 2004.
171. Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области // Терский сборник. – Владикавказ, 1890. – Вып. 1. Отд. 1.

172. Картофель. Как нам помогла Америка // *Mens Health*. – М., 2007. – сентябрь, 2007 г.
173. Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // *Русский вестник*. – СПб., 1894. – Т.234.
174. Касумова С.Ю. Из истории христианства в южном Азербайджане // *Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, филологии и права*. – Баку, 1991. – № 2-3.
175. Катышева М. Сердца трех // *Вайнах*. – Грозный, 2006. – № 8.
176. К вопросу о переселении черкесов // *Современный листок*. – 1864. – № 24.
177. К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области // *Донская речь*. – Р н/Д., 1902. – № 10.
178. Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // *Сборник Русского исторического общества*. – М., 2003. – № 6.
179. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // *Вопросы истории*. – М., 1983. – № 4.
180. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // *Российский исторический журнал*. – М., 2006 – № 1 (38).
181. Кобахидзе Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессах интеграции и дезинтеграции народов Северного Кавказа (социокультурный анализ) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. – М., 2004. – № 4 (37).
182. Козлов В.А.; Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953) // *Вестник архивиста*. – М., 2003. – № 3-4 (75-76).
183. Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // *Отечественные архивы*. – М., 2004. – № 1.
184. Коллесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // *Вестник Ставропольского гос. пед. ин – та*. – Ставрополь, 2004. – Вып.39.
185. Колпачева О.Ю. Деятельность школы по русификации и христианизации коренного населения окраин Российской империи в XIX – начале XX века // *Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки»*. Вып.7. – Ставрополь, 2002.

186. Комаровский Е.А. Знамена Кавказской гренадерской дивизии в фондах Национального Музея Республики Татарстан // Гербовед. – М., 2007. – № 97.
187. Кончин Е. Из-под руин // Культура. – М., 1995.
188. Конюшевский Л.К. Старый Кавказ // Целебный Кавказ – Тифлис, 1915. – № 1-2.
189. Коростелев Н.Б. Народная гигиена (историко-медицинская оценка) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 1996. – № 3.
190. Кошев М. Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы) // Литературная Кабардино – Балкария. – Нальчик, 2006. – № 2.
191. К переселению черкесов в Турцию // Весть. – СПб., 1864. – № 23.
192. Кузнецов Б. Вопросы и ответы // Военная быль. – Париж, 1969. – № 98.
193. Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
194. Кудряшев В.Н. Имперская и этнократическая тенденции в русском национализме конца XIX – начала XX века // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. История. – Уфа, 2007. – № 31/32.
195. Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2.
196. Курахви Р. Потитическая организация дагестанских и нахских народов до присоединения к России // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
197. Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2003. – № 5 (29).
198. Кусаинова Е.В. Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 3 (575).
199. Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкесия. – Черкесск, 2002. – № 1.
200. Куценко И. «Русские и адыги живут добрососедски, их отношения являют собой образец современного общежития

- народов, достойный для подражания не только в России, но и в мире. Однако память о Кавказской войне, затуманенная, сглаженная полуправда описаний наносит ущерб взаимоотношениям между людьми / И. Куценко // Черкесия. – Черкесск, 2004. – № 2.
201. Кушхабиев А.В. К истории переселения черкесов в Сирию и Иорданию (Документы и материалы) // Живая старина. – Нальчик, 1991. – № 1.
202. Ланщиков А. Русские на Кавказе. XIX в. // Литературная Россия. – М., 1992. – № 51.
203. Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. – М., 2007. – № 6.
204. Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 4.
205. Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание-сила. – М., 1993. – № 4.
206. Лежиков А. Родина вторая, родина первая // Азия и Африка сегодня. – М., 1991. – № 10.
207. Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Сер. История. – Уфа, 2000. – № 12/13.
208. Лизунов П. Россия в Европе // Былое. – М., 1995. – № 2.
209. Литвиненко Д.В. Артиллерийская промышленность России во второй пол. XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 10 (582).
210. Литвинова А. «Жизнь чинов пограничной стражи на Кавказе совершенно боевая...» // Пограничник. – М., 2002. – № 7.
211. Лысых Л.Д. «Энциклопедия ума и сердца» // Московский журнал. – М., 2008. – № 2.
212. Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ, 1999. – № 1.
213. Майоров М. О нравственности и национальных интересах // Международная жизнь. – М., 2007. – № 1-2.
214. Макаров Н., Ганин А. «А се кони турабиевы...» // Родина. – М., 2008. – № 4.

215. Максаков И. Конец войны, не ставшей миром // Независимая газета. – М., 1999. – 2 июня.
216. Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1875. – № 41.
217. Макунин Ю. Полководец и поэт – основатели газет // Журналист. – М., 2002. – № 3.
218. Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
219. Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. Вып.8. – Нальчик, 2003.
220. Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис – Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2001. – № 4.
221. Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 1.
222. Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М., 2005. – № 5.
223. Маремкулов А.Н. Историко-правовые аспекты изучения политики России на Кавказе // Современные гуманитарные исследования. – М., 2005. – № 1.
224. Маркграф О. Чеченские селения // Терские ведомости. – Владикавказ, 1881. – 21 ноября.
225. Маркелов Н. «Завтра я еду в Чечню брать пророка Шамиля...» // Дон. – Р н/Д., 2008. – № 2.
226. Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. – Тифлис, 1897. – Кн. 19.
227. Маркус Д.С. «Пора сменить средневековый язык вражды в богословии!» // Медина. – Нижний Новгород, 2007. – № 16 (40).
228. Маркусова В.А. Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – М. – Т. 73. № 4.
229. Мартиросиан Г.К. Богатство Терского края // Горская мысль. – Владикавказ, 1922. – № 2.

230. Мартовицкая А. Убить передвижника или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М., 2000. – № 8.
231. Мартыненко И.В. Служба военных сообщений в Русско – турецкой войне (1877-1878 гг.) // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 3.
232. Маслов С. О поездке на Кавказ // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – М., 1848. – № 10.
233. Матвеев В. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М., 1999. – № 11.
234. Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – М., 1998. – № 10.
235. Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо – Кавказский регион. Серия Общественные науки. – Рн/Д., 2006. – № 1.
236. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4.
237. Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети...» // Родина. – М., 2004. – № 4.
238. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия ВУЗов. Сев.– Кавк. регион. Общественные науки. – Рн/Д., 2001 – № 3-4.
239. Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М., 2005. – № 12.
240. Матвейчук А. Российский крез: взлет и падение // Родина. – М., 2008. – № 10.
241. Материалы для статистики Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1884. – № 9, 85.
242. Матчанова З.Ш. Проблема низкой эффективности мер противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе: историко-правовой экскурс // Человек и Закон. – М., 2007. – № 5.
243. Матющенко П.П. Аграрный вопрос в политике царизма на Северном Кавказе (л. XIX – начало XX вв.) // Человек. Сообщество. Управление. Приложение 2006. Актуальные проблемы исторической науки. – Краснодар, 2006.
244. Мачукаева Л.Ш. Российские власти о проблеме привлечения коренного населения Кавказа к имперской гражданской и военной

- службе (XIX – начала XX вв.) // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. Академика М.Д. Миллионщикова. Вып. 7. – Грозный, 2007.
245. Межиева Р. Художник из Дады – Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 9.
246. Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь. – М., 2004. – № 3.
247. Мемуары генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – № 1-2.
248. Мионов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М., 1998. – № 1.
249. Митрофанов В.В. Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове // Российская археология. – М., 2008. – № 4.
250. Мицаев М.М., Мицаева Р.Ш. Сообщение 1. Сибирская язва // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.
251. Музаев Т. Тапа // Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1992. – № 76.
252. Муратова Е.Г. Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа (Исторический и актуальный опыт) // ОНС: Общественные науки и современность. – М., 2006. – № 3.
253. Мусукаев А., Мальбахов К. «Письма с Кавказа и Крыма» // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 1 (10).
254. «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 2.
255. Наши городские банки // Терские ведомости. – Владикавказ, 1879. – № 26.
256. Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1869. – Ч. XLVI.
257. Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
258. Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – М., 2004. – № 9 (57).
259. Некрасова М.Б. Марк Блок // Историки мира. Вып. 1-й // Архивно – информационный бюллетень. – М., 1998. – № 4 (20).

260. Некролог. Бентковский И.В. // Новое обозрение. – Тифлис, 1890. – № 2300.
261. Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М., 1888. – № 27, 32.
262. Никитин Н.И. Национальная политика Российской империи в Сибири // Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
263. Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М., 1864. – № 36.
264. Нунуев С.-Х. Мюридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. – М., 2007. – № 3 (47).
265. Обзор журналов артиллерийского коимитета // Артиллерийский журнал. – СПб., 1885. – № 5.
266. Обзор печати // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1917. – № 2.
267. Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. Приложение к № 28. – Ставрополь, 1890. – № 28.
268. Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис, 1866. – № 23.
269. Одинцов А. Укрепление Ведено, Грозненского округа // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1898. – № 3.
270. Оленин В. Кавказские силуэты // Кавказ. – Париж, 1938. – № 8-9 (56-57).
271. Олимах И. Василий Верещагин // Смена. – М., 2008. – № 9.
272. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. – М., 1893. – Т. 79. № VII.
273. Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис., 1901. – № 5.
274. О проекте Г. Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1858. – № 18.
275. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 9.
276. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1896. – № 3.
277. Орфинская Л.В. Краткая тюремная история крепостей Южной Финляндии XIX века // Труды Государственного музея истории Санкт – Петербурга. Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Западной России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. – СПб., 2007.

278. Оса. Пчеловодство в Терской области // Казбек. – Владикавказ, 1896. – № 119.
279. Османов М.О. Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
280. Островский О.Б. Эволюция цензурной политики при Александре I (1801-1825) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
281. Отчет Владикавказского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1893-1894-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 1.
282. Официальная летопись // Кавказ. – Тифлис, 1870. – № 57.
283. Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе // Церковная летопись. – 1874. – № 15.
284. Павлов В.Е. Первая Российская железная дорога массового использования // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
285. Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – СПб., 1910. – Т.121. Год 31.
286. Первая народная школа в Чечне // Терские ведомости. – Владикавказ, 1897. – № 108.
287. Первая Терская сельскохозяйственная выставка в г. Владикавказе // Терские ведомости. – Владикавказ, 1898. – № 113.
288. Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов // Советский Северный Кавказ. – 1926. – №19-20.
289. Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищ вообще и на Кавказе в частности // Кавказский вестник. – 1901. – № 3.
290. Першиц А.И.; Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 1.
291. Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа // География в школе. – М., 2000. – № 1.
292. Пирожков В.В. Демократическая направленность взглядов передовых кавказских врачей XIX и начала XX века // Советское здравоохранение. – М., 1960. – № 5.

293. Плешаков И.Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус...» // Военно-исторический журнал. – М., 2007. – № 12 (572).
294. Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол. XIX –нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2002. – № 3.
295. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2002. – № 2.
296. Подколзина Л. Пейзажи из передвижников. Пейзажи в творчестве Н.А. Ярошенко. К 160-летию художника // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
297. Понамарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. Вып.7. – Ставрополь, 2006.
298. Попель В.А. Профессиональная и производственная заболеваемость рабочих Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
299. Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно-исторический журнал. – М., 1997. – № 2.
300. Попов В. Кавказский узел до сих пор не развязан // Независимое военное обозрение. – М., 2008. – № 23.
301. Портнов А. Великий псевдоним Иосифа Пржевальского // За семью печатями. – М., 2007. – № 1.
302. По Чечне и Дагестану // Справедливость. – М., 2003. – № 3-4 (125-126).
303. Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // Ab imperio. – Казань, 2002. – № 4.
304. Правительственный вестник // Русский инвалид. – СПб., 1870. – № 50.
305. Праздаускас А. Россия и Кавказ: как сбросить груз прошлого? // Российские вести. – М., 1994. – № 170.
306. «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 5.

307. Преображенский С. Истоки «немалой прибыли» // Наша власть: дела и люди. – М., 2008. – № 3.
308. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890 гг.) // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1903. – № 1.
309. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис, 1863. – № 64.
310. Приложения // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2, № 3-4.
311. Приложения к мемуарам генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – № 3.
312. Приложения: Список лечебных мест Кавказа // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 5-6.
313. Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1899. – № 7.
314. Пылков О. «В книгах недостаток, остается играть в карты!» Первые библиотеки на Северо – Западном Кавказе // Родина. – М., 2008. – № 2.
315. Пыхалов И. Северный Кавказ. Причины депортации 1943-1945 гг. // Молодая Гвардия. – М., 2002. – № 10.
316. Разные известия // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 8.
317. Рашидова Г.Р. О публицистике П.К. Услара // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
318. Рашковский Е. Ислам в динамике глобальной истории // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 6.
319. Резван Е. В Мекку на разведку // Россия. – М., 1992. – № 37 (9-15 сентября).
320. Решетин Н. Родной язык в туземной школе // Терские ведомости. – Владикавказ, 1910. – № 254.
321. Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 11.
322. Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М., 1994. – № 4.
323. Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. – Тифлис, 1884. – Т.13. № 1.

324. Рощин М.Ю. П.И. Тахнаева. Христианская культура средневековой Аварии (VII -XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории // Восток. Афро – азиатские общества: история и современность. – М., 2006. – № 3.
325. Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М., 1996. – № 34.
326. Савельев А.Е. Народы Кавказа в русской историографии X – начала XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
327. Савельев А.Е. Переговоры с горцами и их отражение в воспоминаниях современников // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
328. Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
329. Самойлов Л. Грозный – город удивительной судьбы... // Родина – М., 2006. – № 12.
330. Сапожников А.И. Из истории военной цензуры в России: деятельность военно – цензурного комитета (1835 – 1858 гг.) // Клио. – М., 2002. – № 4 (19).
331. Сафонов А. Военные из рода Пушкиных // Щит и меч. – М., 1999. – 22 июня.
332. Северикова Н.М. У истоков русского просвещения // Московский университет. – М., 2005. – № 7 (4112).
333. Северный Кавказ, 28 ноября // Русские ведомости. – М., 1902. – № 336.
334. Сегень А. Окончание бесконечной войны... // Новая книга России. – М., 2004. – № 7 (67).
335. Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
336. Семакова И. Кавказская сказка // Родина. – М., 1998. – № 4.
337. Семенов Л.П. Встречи М.Ю. Лермонтова на Кавказе // Ученые записки Северо – Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Выпуск историко-филологический. – Дзауджикау, 1949.
338. Сенин А.С. «Требуется большого искусства и осмотрительности...» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М., 1996. – Т.I (13).

339. Серман И. Живой Лермонтов // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4084.
340. Серов К., Козин В. Буйвасар Сайтиев поставил себе троечку // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).
341. Сидоренко В. Последний царский министр // Дон. – Рн/Д., 2004. – № 11.
342. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во втор. пол. XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – М., 2002. – Сер. 8. История. – № 3.
343. Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис, 1874. – № 11,28.
344. «Совершенно повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис – Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н.Герасимова) // Исторический архив. – М., 2005. – № 6.
345. Солдатов С.В.; Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1884. // Исторический архив. – М., 2004. – № 1.
346. Сопов А. Родина казаков: история с географией // Родина. – М., 2008. – № 4.
347. Соснина Е. Л. Кавказ глазами Франции. История одного поиска // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
348. Соснина Е.Л. Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 6 (578).
349. Спангелис С.В. На рубежах Кавказа // Московский журнал. – М., 2000. – № 6.
350. Староверов В. Исторические уроки буржуазного решения аграрного вопроса в России // Диалог. – М., 2000. – № 6.
351. Старовойтова Г. Россия и Чечня: смертельное обьятие // Московскийсомолец. – М., 1995. – № 47 (17059).
352. Стефанов А.Т. Архив Крепости Св. Дмитрия Ростовского и его судьба // Северо – Кавказское краевоеобщество археологии, истории и этнографии. Вып.1. Т.III. Кн. 1. Записки. – Р н/Д., 1927.
353. Страхов В.В. Использование внутренних государственных займов в Российскойимперии // Преподаватель XXI век. – М., 2006. – № 4.

354. Султыгов А. – Х.А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое настоящее // Новая и новейшая история. – М., 2006. – № 2.
355. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // *Ab Imperio*. – Казань, 2001. – № 1-2.
356. Сухов И. Для душевного спокойствия // Время новостей. – М., 2007. – № 122.
357. Тайсаев К.У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 2 (11).
358. Тахо – Годи М.А. Ксавье де Местр и Кавказ // Вестник Северо – Осетинского университета им. К.Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – № 1.
359. Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – Дзауджикау, 1953. – № 63.
360. Темиров У. Кавказская война и проблемы черкесского этноса // Жизнь национальностей. – М., 2005. – № 3.
361. Тернавский Н.А. Вышли в свет // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 2 (13).
362. Терская область. Безземельный пролетариат среди горского населения // Бакинские известия. – Баку, 1903. – № 72.
363. Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 г. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1889. – № 98.
364. Тилинина Т.В. Особенности заблуждений в общественных науках // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
365. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.ХVIII. Выпуск историко-филологический. Дзауджикау, 1949.
366. Трембикова А.А. Применение педагогических идей и опыта образовательной деятельности К.П. Яновского на Кавказе в реформировании российской системы образования в конце XIX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. Вып. 10. – Ставрополь, 2007.
367. Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. – № 3.
368. Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...» Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3.

369. Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5.
370. Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 4.
371. Хасбулатова З.И. Нравственность – это главное // Этносфера. – М., 2008. – № 5 (116).
372. Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1.
373. Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – М., 1973. – № 1.
374. Хачетлова С.М. Проблема миграций на Северном Кавказе в конце XVIII – начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.
375. Хизриев Р. Исторические и этнокультурные связи народов Чечни и Дагестана // Вайнах. – Грозный, 2007. – № 4.
376. Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007.
377. Холов И.В. Хранение исторических знамен в рамках Российской Имперской Армии в конце XIX – начале XX в. // Гербовед. – М., 2007. – № 97.
378. Хроника // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1916. – № 3.
379. Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – Владикавказ, 1890. – № 11.
380. Хроника Чеченского восстания 1877 г. // Терский сборник. – Владикавказ, 1890. – № 1.
381. Хубиева З.А. Место и роль духовно-нравственных ценностей в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. тен. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Ставрополь, 2005. – № 1.
382. Цветкова О.Н. Завершающий этап Кавказской войны 1859-1864 гг. // Вестник молодых ученых: Исторические науки. – СПб., 2004. – № 1.

383. Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М., 2003. – № 2.
384. Чебриков С. Чеченское оружие // Справедливость. – М., 2002. – № 16-17 (117-118).
385. Черноус В.В. Северный Кавказ в контексте этноэтатизма и глобализации // Журнал Отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – Майкоп, 2006. – № 5.
386. Черток С. «Черкесы» Ближнего Востока // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4062.
387. Чеснов Я.В. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование) // Знание – сила. – М., 2001. – № 7.
388. Чеучева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе // Вопросы истории. – М., 2007. – № 9.
389. Чеченские сказки и легенды // Терские ведомости. – Владикавказ, 1880. – № 43.
390. Чикаева К.С. Офицерский корпус Северного Кавказа (1861-1917 гг.): статус, состав и образование // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2006. – № 3 (17).
391. Чирг А.Ю. Дипломатические методы завоевания Черкесии царизмом в XIX веке // Информационно-аналитический вестник. Вып.4. – Майкоп, 2001.
392. Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ, 1999. – № 1.
393. Чшиева М.Ч. Из истории деятельности нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К» на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
394. Шавлаева Т.М. Древние виды бурок чеченцев // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Вып.7. – Грозный, 2007.
395. Шадур Л.А. Развитие вагоностроения // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
396. Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб., 1859. – № 9.
397. Шаповалов А.П. Предварительный отчет Экспедиции Научного Общества ЧАО по изысканию цементных мергелей и гипса в

- нагорной Чечне в 1923 г. // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1929. – № 1.
398. Шарманова М.А. Становление и развитие государственности на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // История государства и права. – М., 2007. – № 13.
399. Шашин А. Миссионерская поездка на Кавказ // Братское слово. – М., 1894. – № 13.
400. Шебзухова Т.А. К вопросу об использовании истории опыта развития сельского хозяйства Северного Кавказа в его реформировании на современном этапе // Северо-Кавказский гос. технич. Ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 7. – Ставрополь, 2002.
401. Шевяков Т. Гвардейцы с Кавказа // Родина. – М., 2000. – № 1-2.
402. Шейнин Л. Малые государства – не выход из положения // Политический класс. – М., 2007. – № 8 (32).
403. Шепелев Л. Гражданские чиновники Военного министерства 1834-1855 // Цейхгауз. – М., 1999. – № 9.
404. Шереметьев Д. Оружие как метафора // Звезда. – СПб., 2003. – № 9.
405. Шотин Ф. Правда о Кавказских горах // Санкт-Петербургские ведомости. – СПб., 1900. – № 172.
406. Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавать имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 2.
407. Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб., 1846. – № 21.
408. Шухова Е. Первый нефтепровод // Былое. – М., 1995. – № 9 (50).
409. Эмин Г. Великий русский почвовед // Смена. – М., 1951. – № 8.
410. Энглези А.И. Знаток Кавказа // Московский журнал. – М., 2005. – № 11.
411. Эстамирова Т. Художник Ясханов, его истанги и ковры // Нохчи. – Грозный, 1999. – № 1.
412. Яковлев Г. Покаяние имама // Парламентская газета. – М., 2000. – 30 июня.
413. Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. – № 3.

414. Якубов А. Чеченская история: за и против...// Голос Чеченской Республики. – Грозный, 2007. – № 9 (21172).
415. Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М., 2003. – № 2.
416. Galtung L.E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia og Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
417. Radomir Vlcek: Rusko, Kavkaz a Cecensko v. 19. stoleti (Ke genezi a vyvoji konfliktu) // Slovansky prehled. – Praha, 2000. – № 3.
418. Zeteichvili P.J. Orthodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georqie //
419. Символ. – Париж, 2005. – № 48.

V. Монографии.**Научные статьи в брошюрах и сборниках**

А

Абадиев Б.В. Достойные сыны Отечества. – Магас, 2008.

Абашин С.Н.; Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003.

Абаев А.М. Этнокультурные особенности физического воспитания детей и юношества у народов Северного Кавказа // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. – Саранск, 2007.

Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшелъта. – Грозный, 2007.

Абдуллаева Э.Б. Изучение народной музыкальной культуры Дагестана // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.

Абдуллаев М.А. Историческая культурно – творческая роль ислама на Северном Кавказе // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.

Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века). – Грозный, 2007.

Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар, 1927.

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн.1 / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум, 2005.

Абхазы. – М., 2007.

Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум, 2004.

Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач.XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып. I. – Ульяновск, 1996.

Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1973.

- Авксентьев А.В.; Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь, 1994.
- Авраменко А.М.; Матвеев О.В.; Ратушняк В.Н.; Матющенко П.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. – Краснодар, 1995.
- Авторханов А.Г. Империя Кремля. – Минск – Москва, 1991.
- Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (К 10-летию Советской Чечни) – Грозный, 1930.
- Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931.
- Авторханов А.Г. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936.
- Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998.
- Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ, поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала, 1996.
- Агишев Н.М.; Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб., 1912.
- Аджамов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала, 2005.
- Аджи М. Азиатская Европа. – М., 2006.
- Айбатов М.М. Государственно – правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.). – М., 2006.
- Айдарова Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала, 2006.
- Айдемиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991.
- Айдемиров А.А. Эстетическая культура народов Северного Кавказа / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 1999.
- Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999.
- Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002.
- Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX века и статья У.Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии: Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ, 2000.

- Айналов Д. Кавказ и его древности. – Харьков, 1902.
- Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006.
- Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. – М., 2008.
- Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М., 1999.
- Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Рн/Д., 2001.
- Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет, Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Серия «Общественная мысль». Вып.3. – Грозный, 2006.
- Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории, классово-образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). – Грозный, 1980.
- Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития. Тезисы докладов региональной научно – практической конференции. 14-16 октября 1986 г. – Махачкала, 1986.
- Акимов А.И. «Сухарная оказия», или Страница из истории Кавказской войны // Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно – исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч.2. – СПб., 2003.
- Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007.
- Акопян В.Н. Начальник Терской области // Армяне Ставрополя и Терека – Пятигорск, 2007.
- Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практи-

- ческой конференции 22-23 сентября 2006 г. г. Абакан. – Абакан, 2006.
- Албагачиев Р.Ш. Без прошлого нет будущего // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.
- Албагачиев Р.Ш. Путешествие И.А. Гюльденштедта на Кавказ // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.
- Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные решения: Сборник статей. – СПб., 2007.
- Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач.XX вв. об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
- Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001.
- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998.
- Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007.
- Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. – Екатеринбург, 2006.
- Алексеева Е.В. Территориальная экспансия Российской империи в сравнительно- исторической ретроспективе // Россия в VII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.
- Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X – XV вв. в отечественной исторической науке. – Черкесск, 1992.
- Алешина Л. Михай Зичи. – М., 1975.
- Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – перв. пол. XIX в.). – Махачкала, 2007.
- Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала, 2001.
- Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.
- Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 году. – Владикавказ, 1914.

- Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978.
- Аминева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо-Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов, 2005.
- Ананчук В.Я. Закавказье и Северный Кавказ: истоки конфликтности и политика России. – М., 1997.
- Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис, 1906.
- Андроников И. Собрание сочинений в 3-х томах. Т.3. – М., 1981.
- Антропологическая поездка Анучкина Д.Н. на Кавказ // Отчет Императорского Русского географического общества в 1882 г. – СПб., 1883.
- Аракелян Ф.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб., 2004.
- Аракелян Ф.А. «Цензурное рассмотрение будет поручено...»: (Цензура армянских сочинений в С. – Петербургском цензурном комитете во втор. пол. XIX – начале XX в.) – СПб., 2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 28.07.2003, № 58157.
- Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001.
- Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методологических трудов. Т. Вып.2. – М.:МГИУ., 2003.
- Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М., 1902.
- Арефьев Б. Солдат империи. – М., 2003.
- Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Архиреев М.В. Кавказ, империя, Европа: большая Кавказская война русской литературы // Историко – литературный сборник: Выпуск 3: К 70-летию профессора М.М. Кедровой. – Тверь, 2002.

- Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М., 1908.
- Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х частях. Ч.1. – М.; Волгоград, 2006.
- Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. – СПб., 2002.
- Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч.1. Дагестан и Закавказье. – М., 1977.
- Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004.
- Асфендияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа, 1969.
- Асхабов И. А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Асхабов И. А. –Р. Чеченское оружие. – М., 2001.
- Аталиков В. Наша старина. – Нальчик, 1996.
- Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик, 1987.
- Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный, 1970.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – М., 2008.
- Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено-Ингушском обществе второй пол. XIX – нач. XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Ахмадов Ш.Б. Обычаи и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста, 2004.
- Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001.
- Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005.
- Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйс-

твенное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Ацаркина Э.Н. Александр Осипович Орловский (1777 – 1832). – М., 1971.

Ашхотов Г. Периодизация изучения музыки – устной традиции адыгов // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.

Б

Бабаев Н.А. Межнациональные конфликты (причины возникновения и пути их разрешения) // Этнические проблемы в современной России: Международная научно – практическая конференция. Апрель 2007 г.: Сборник докладов / Под общей ред. Беловой Е.В. – М., 2007.

Бабаян Л.А. Лорис – Меликов. Герой Кавказа – «бархатный диктатор» России. – Ереван, 2004.

Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. – М., 2008.

Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.

Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни. – М., 2002.

Багров Л. История русской картографии. – М., 2005.

Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007.

Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М., 2001.

Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987.

Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара, 2006.

Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002.

Бакрадзе Д.З. О доисторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис, 1877.

- Баландья Ж. Политическая антропология. – М., 2001.
- Баммат Г. Кавказ и русская революция: Политический аспект. – Махачкала, 2000
- Бантыш – Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал – фельдмаршалы. – М., 2007.
- Бараков П. В.В. Докучаев. Биографический очерк. – Варшава, 1904.
- Барбот де Марни Н.Н. Нефтяные месторождения Северного Кавказа. – СПб., 1893.
- Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в. – февраль 1917 г.). – М., 2006.
- Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
- Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.
- Барсамов Н.С. Айвазовский в Крыму. – Симферополь, 1970.
- Барсамов Н.С. Море в русской живописи. – Симферополь, 1959.
- Бартоломей И. Чеченский букварь. – Тифлис, 1866.
- Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков (Очерки истории). – М., 2008.
- Батунский М.А. Россия и ислам. Т. III. – М., 2003.
- Батчаева М.К. Трансформация и систематизация правовых документов регулирования пенитенциарных учреждений в 30– 90-х гг. XIX в. // Исторические этюды. Сборник статей. Вып. 3. – Карачаевск, 2005.
- Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М., 2004.
- Башилов Б. Миф о русском «сверх империализме». – Буйнос – Айрес, 1952.
- Башмаков А.А. Борьба с немецким засильем в акционерном деле. – Петербург, 1915.
- Баязетов И.–М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887.
- Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб., 1898.
- Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. – М., 2007.

- Бейджент М. Запретная археология. – М., 2006.
- Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) и конфессиональный состав казачьих войск Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб., 1999.
- Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно – энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск, 2006.
- Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб., 1910.
- Белецкая Е.М. Этническое самосознание гребенского казачества в фольклоре XVI – XIX веков // «Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906-2006 г.»: Материалы краевой научно-практической конференции, Адлер, 7-11 октября 2006 г. – Краснодар, 2006.
- Белобородова А.А. Цензурное законодательство в России во втор. пол. XIX – начале XX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: 2 т.: сб. научн. Трудов. IV Междун. научн. конференция (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). – Белгород, 2007.
- Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб.; Харьков, 1904.
- Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.
- Белоновская Е.А., Ясный Е.В. Антропогенная трансформация горных экосистем Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа. – М., 1990.
- Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. VI. – Ставрополь, 1910.
- Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. – М., Л., 1946.
- Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск, 2006.

- Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
- Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань, 1850.
- Берже А. Кавказ в археологическом отношении. – Тифлис, 1874.
- Берозов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985.
- Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Бескровная Н.С. История сохранения и возрождения усадьбы художника Н.А. Ярошенко // Наследие Н.А. Ярошенко в движении эпох: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию основания Мемориального музея-усадьбы художника Н.А. Ярошенко и 100-летию со дня рождения В.В. Сеключского – основателя и первого директора. – Кисловодск, 2008.
- Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005.
- Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). – Майкоп, 2005.
- Битарова А.Т. Некоторые негативные консервативно-архаичные моменты в этикете общения горцев Северного Кавказа. – Владикавказ, 2002.
- Битова А. «У нас есть одно достояние общее... у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.
- Блажко А.В. Проблема раннего заселения Кавказа: археологический и палеоантропологический аспекты // Университетский историк: Альманах. Вып.3. – СПб., 2005.
- Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.
- Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // СО Пед. ин-т. Учёные записки. Т.27. Вып. I. – Орджоникидзе, 1967.
- Блиева З.М. А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2. – М., 2007.

- Блиева З.М. Россия и Северный Кавказ: особенности системы управления в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI – XX вв.: коллективная монография. – М., 2007.
- Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб., 1905.
- Блохин В.Ф. «Блюстители благочиния»: российская цензура и служащие цензурных ведомств 1820-е – 1860-е гг. // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки 1, 2006. – СПб., 2006.
- Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М., 2006.
- Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святые места в Турции // *Turcica et Ottomanica*: сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002.
- Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999.
- Богданов М. Птицы Кавказа // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып. 4. – Казань, 1879.
- Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М., 2004.
- Божедомов А.И. Земельная рента в капитал нефтедобывающей промышленности. – Грозный, 1958.
- Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капитализации нефтяной промышленности // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.10-11. – Грозный, 1977.
- Большакова О.В. Власть и политика в России XI – начала XX века: американская историография. – М., 2008.
- Большой Кавказ в альпийскую эпоху / Под. Ред. Ю.Г. Леонова. – М., 2007.
- Бондарева О.А., Гайдабура И.Г. Административная система, сословный строй и сословное право Северного Кавказа (в источниках и исследованиях отечественных кавказоведов) // Вестник Ставро-

- польского государственного университета. Вып.46. Ч.2. – Ставрополь, 2006.
- Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998.
- Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М., 2006.
- Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994.
- Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб., 2004.
- Боханов А. Россия дней давно минувших // Российская империя в фотографиях. Конец XIX – начало XX века. – СПб., 2004.
- Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений в священных писаниях: Тора, Новый Завет, Коран // Исторические основания взаимодействия культур. Вып.II. Проблемы теории культуры и гуманистики. – Р н/Д.,1991.
- Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик,1999.
- Бугославский С. М.М. Ипполитов-Иванов. – М.,1936.
- Будницкий О. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.I – II. – М., 2002.
- Бурыкина Л.В. Особенности интеграции Северного Кавказа в государственное пространство России в XIX в. // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 3-4 апреля 2008 г. – Улан-Удэ, 2008.
- Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп, 2002.
- Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Л.,1939.
- Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

Быков А.А. Социальная экология. – Томск, 2007.

Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа). – СПб., 1912.

Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп, 1996.

В

Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный, 1984.

Василенко А.Б. Геополитические аспекты нефтяной политики США и Российской империи во второй половине XIX века // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века, 28 февраля 2006 г. – М., 2006.

Василенко В.Г. История здравоохранения медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006.

Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Военная реформа в России: история и современность. – Екатеринбург, 2002.

Васильев Я.К. Какими мерами могли-бы частные лесовладельцы Кавказа поднять производительность своих лесов в связи с требованиями лесоохранительного закона. – Тифлис, 1890.

Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и древних Европейских государствах. Т.2. – СПб., 1876.

Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М., 1973.

Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. – СПб., 2005.

Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м., 1875.

Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис, 1888.

Вейсенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис, 1883.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001.

Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубеж-

- ной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М., 2008.
- Вердеревский Е.А., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. – Тифлис, 1855.
- Верт В.Пол. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ, 1897.
- Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М., 2007.
- Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп, 2006.
- Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир, 2002.
- Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир, 2002.
- Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь, 2003.
- Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М., Волгоград, 2006.
- Военная постоянная повинность в главных государствах Европы. Вып. I. Пруссия. – СПб., 1858.
- Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002.
- Волкова Н.Г. Основные демографические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968.
- Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // Кавказский этнографический сборник. Т.IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989.
- Волконский Н. Биография А.М. Дондукова-Корсакова. – Тифлис, 1883.
- Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Намес-

- тничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.
- Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. – Владикавказ, 2002.
- Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб., 1908.
- Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М., 1891.
- Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб., 2001.
- Воронцов С.Л. Военное управление на территории Российской империи в XVIII – XX веков // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2005.
- Воскресенский Е. Кавказ в сочинениях Пушкина и Лермонтова. – М., 1898.

Г

- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. – М., 2007.
- Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала, 2005.
- Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972.
- Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961.
- Газданова Е.А., Мадзаева Е.К. Из истории создания Национальной научной библиотеки Республики Северная Осетия – Алания // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. – Краснодар, 2005.
- Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905.
- Гакаев З. Предисловие // Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.
- Гакаев Д. Д. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдерханове). – Грозный, 1991.

- Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – М., 1997.
- Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.
- Гакстгаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб., 1857.
- Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004.
- Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе, 1966.
- Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М., 1998.
- Гамсун К.В. Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе. – М., 2005.
- Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – М., 2007.
- Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895.
- Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана: Сборник научных трудов. – Махачкала, 1976.
- Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М., 1972.
- Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003.
- Гапуров Ш.А., Израйилов А.М. Зарождение мюридизма – идеологии освободительного движения горцев Северного Кавказа (К вопросу о роли ислама в антиколониальных движениях народов Востока) // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы всероссийской научной конференции, 21-23 сентября 2007 г. – Карачаевск, 2007.
- Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско – горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007.

- Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – перв. пол. XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007.
- Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992.
- Гатагова Л.С. Северный Кавказ // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М., 2000.
- Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998.
- Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX вв. – М., 1964.
- Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.; Пятигорск, 1992.
- Геевский В.Н. Возделывание и употребление кукурузы. – Тифлис, 1864.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Переизд. с изд. 1799 г., с испр. и доп. – СПб., 2005.
- Гарасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 15-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.2. – М., 1961.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.3. – М., 1961.
- Герсеванов М.Н. Кавказские железные дороги. – М., 1874.
- Герсеванов М. Программа для действий Кавказского отделения Русского технического общества. – Тифлис, 1868.
- Герчук Ю. Писатель перед фотографом // Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.
- Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб., 1908.
- Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный, 1999.
- Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (втор. пол. XIX в.). – Минск, 2007.
- Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2007.

- Голованова М.П. Регалии Российской империи. Государственное знамя. – М., 2007.
- Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблема институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. – Ульяновск, 2007.
- Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный сборник. – Ставрополь, 2004.
- Гольянов А.Л. Железнодорожное дело в период царствования Александра II // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб., 1998.
- Гонтарева Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т. VI. Вып. 1. Статьи и материалы по истории Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1965.
- Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965.
- Горбунов А.П. «Свое» и «чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск, 2004.
- Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М., 1992.
- Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.
- Гордин Я.А. Зачем был нужен России Кавказ? Иллюзии и реальность // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. – СПб., 2007.
- Город Грозный. Популярная история. – Грозный, 1984.
- Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. А.Г. Кучиева. – Владикавказ, 1995.
- Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника» // Академия наук СССР. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. – М., 1936.
- Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Вопросы исторической геогра-

- фии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907.
- Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т., Т.1-2. Т.6. – СПб., 1901. Т.9. – СПб., 1908.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.1: О государственном устройстве. – М., 2006.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.2: Органы управления. – М., 2006.
- Градовский А.Д. Современное воззрение на государство и национальность. – М., 1872.
- Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб., 1878.
- Гранкин Ю.Ю. Кизляр – политический и экономический центр Северо – Восточного Кавказа в XVIII веке // Российская история: актуальные вопросы (общенациональный и региональный аспекты). Ученые записки. Вып.2. – Пятигорск, 2003.
- Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск, 2006.
- Грачева О.А. Художественное творчество русских офицеров в XIX веке: монография. – М., 2007.
- Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007.
- Гриневецкий Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. – Юрьев, 1903.
- Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX вв. – Р н/Д., 1984.
- Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972.
- Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967.
- Гриценко Н.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный, 1964.
- Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.Х. – Грозный, 1976.
- Гриценко Н. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX вв. – Грозный, 1981.

- Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный, 1963.
- Грове Ф. Холодный Кавказ. – СПб., 1879.
- Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М., 1933.
- Губенко О.В. Терское казачье войско в XV – XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). – Ессентуки, 2007.
- Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – СПб., 2007.
- Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керасинового производства на Кавказе. – СПб., 1887.
- Гумашвили Л.Э. Общетеоретические проблемы и пути возрождения национальной государственности в Чечне // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К, Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией: (Дооктябрьский период). – Грозный, 1992.
- Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч.1. – Владикавказ, 2007.
- Гюберт И.И. Проказа в Терской области и Терская лепрозория. – Владикавказ, 1911.
- Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 11770-1773 гг. – СПб., 2002

Д

- Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обзорение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М., 2004.
- Даглат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вербальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

- Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М., Махачкала, 2007.
- Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX вв. – СПб., 1996.
- Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX в. – СПб., 1994.
- Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. – Шушан – Ереван, 1997.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М., 1846.
- Ланилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1851.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1895.
- Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. – М., 2001.
- Дарчиева С.В. Первая Государственная Дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 12-13 октября 2005 г.). – Владикавказ, 2006.
- Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М., 1999.
- Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7(155). Россия и мусульманский мир. – М., 2003.
- Дегоев В. Два века и мира на Кавказе // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб., 2003.
- Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001.
- Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х г. XIX века. – Владикавказ, 1992.
- Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников». Т.1(33). – М., 2004.
- Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр-периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизаций. – Владикавказ, 1998.
- Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Поветка дня на вчера. – М., 2006.

- Демин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. – М., 1991.
- Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны... Статистический очерк. – Петроград, 1922.
- Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во втор. пол. XIX в. // ЧИНИИ ИЯЛ Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1974.
- Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе, 1974.
- Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо – Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межнациональных отношений. – Рн/Д., 1999.
- Джазева З.М. Кавказо – европейские экономические связи в конце XIX – начале XX вв. (Северокавказский регион) // Исторические этюды. Вып.2. – Карачаевск, 2002.
- Джандаров И. А.-Х. Становление государственности Чечни (земельно – территориальный аспект). – М., 2005.
- Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. В 2-х томах. Т.2. – М., 2008.
- Джапаридзе С.С. Грузия на выставках народного хозяйства в XIX в. – Тбилиси, 1985.
- Джонсон С. В поисках «города убежища»: Лондонская «еврейская хроника» и российская эмиграция, 1881-1905 годы // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Дзагалов А. Украинские поселения в Центральном Предкавказье в XIX в. // Український історичний збірник – 2005. Випуск 8. – Київ, 2005.
- Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007.
- Дзидзоев В.Д. Взаимоотношения землевладельцев и крестьян в Северной Осетии в начале XX в. // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
- Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе интонационных композиторов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

- Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982.
- Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М., 2006.
- Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе, 1988.
- Джандаров И.А.–Х. Становление государственности Чечни (земельно-территориальный аспект). – М., 2005.
- Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа, 1998.
- Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.
- Дзарахова З.М. – Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007.
- Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975.
- Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ, 1994.
- Дзуцова И.П. Материалы для словаря художников, работавших в Грузии во второй половине XVIII – XIX веке // Музей. Художественные собрания СССР. Вып. 7. – М., 1987.
- Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура. – Махачкала, 1975.
- Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб., 2006.
- Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880.
- Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис, 1905.
- Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи (по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук) // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

- Дмитриев В.А. Геокультурное районирование Кавказа: Западный Кавказ // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006.
- Дмитриев Е.В. Становление железнодорожной инфраструктуры в контексте экономического развития Ставрополя во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Часть I / Под общей ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск, 2007.
- Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XX века // Опыты историко – антропологических исследований. – М., 2004.
- Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник / Под ред. Потто. Т. XXVIII. – Тифлис, 1908.
- Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д., 2000.
- Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М., 1937.
- Додонов И.Ю. Истоки славянской письменности. – М., 2008.
- Долгих А.Н. А.П. Ермолов и крестьянский вопрос в России // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции, 14-16 мая 2008 г. – Н. Новгород, 2008.
- Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984.
- Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. – Махачкала, 1997.
- Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М., 2004.
- Доронченков А.И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. – СПб., 1997.
- Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М., 1908.
- Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева, 1880.
- Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск, 2005.

- Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис – Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.
- Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб., 1871.
- Дударев С.Л. В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено – Ингушетии в составе России (рассуждения ученика и современника) // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.
- Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск, 2006.
- Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып. III. – Нальчик, 2006.
- Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург, 2003.
- Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. Кн.1. – М., 2006.
- Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.) – СПб., 1998.

Е

- Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб., 1914.
- Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб., 1908.
- Евстигнеев Ю.А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры (краткий этно-исторический справочник). – СПб., 2008.
- Емельянова Е.В. К истории организации труда в местах лишения свободы отечественной уголовно-исполнительной системы // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.
- Емкужева М.М., Темботова Э.Ж. Современное распространение серой крысы на Кавказском перешейке // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.

- Ермаков В.П., Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных, социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск, 2004.
- Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М., 2001.
- Еролаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004.
- Ерохин П.М. Горные курорты Чечни // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Р н/Д., 1928.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968.
- Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М., 2006.
- Ершов Г.А., Тонконогов П.М., Ермоленко А.П. Чудесный источник: Очерки о нефтяниках Чечено – Ингушетии. – Саратов, 2002.
- Ефименко А.Я. История украинского народа. – Киев, 1990.
- Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар, 1991.

Ж

- Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье. – М., 1913.
- Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М., 2006.
- Журавлев В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М., 1964.

З

- Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. – Тифлис, 1900.
- Загидуллин И. Архитектурный образ молитвы и центр общественной жизни уммы // Мечети Российской империи: фотоальбом. – Н.Новгород, 2006.
- Загурский Л.П. Заметка об исследовании кавказских языков. – М., 1880.
- Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып.Х. – Тифлис, 1881.
- Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870-х гг. в России. – М., 1952.

- Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976.
- Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.,1968.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978.
- Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып.XV. Сборник статей по истории СССР. – М.,1941.
- Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп, 2001.
- Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М., 2000.
- Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Захаров В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.
- Захаров И.С. Николай Иванович Пирогов: реформы и бессмертие. Книга I. 1810-1856 гг. – СПб., 2008.
- Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис,1870.
- Зеленева И.В. Геостратегия России на Кавказе в XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып.2. – СПб., 2002.
- Земское самоуправление в России,1864-1918: в 2 кн. Кн.1: 1864-1905. – М., 2005.
- Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891.

- Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.
- Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994.

И

- Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX – начало XX в. – Нальчик, 2008.
- Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М., 2004.
- Ибрагимова З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы Второй мировой войны. – М., 2003.
- Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. – М., 2007.
- Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003.
- Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880 гг.). – М., 2001.
- Ибрагимова З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002.
- Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М., 2006.
- Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006.
- Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М., 2000.
- Ибрагимова З.Х. Prospekt монографии «Мир чеченцев. XIX век». – М., 2007.
- Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.
- Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910.
- Иванов А.И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг. XIX века // Ростовский Пед. ин.-т. Ист. фак. Ученые записки. Т.1. – Р н/Д., 1941.
- Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.

- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004.
- Иванова Т.А. Религиозно-мистические, социально-психологические и политические причины использования наркотических веществ в первобытном, древнем и средневековом обществах. – Саратов, 2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 7.08.03, № 58187.
- Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань, 1896-1898.
- Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб., 1906.
- Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.
- Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906.
- Изречения и афоризмы Ф.Ницше. Злая мудрость. – М., 2007.
- Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И. Леонтовича // История и Историки. – М., 2001.
- Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993.
- Ильин С.В. Витте. – М., 2006.
- Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М., 2004.
- Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.
- Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов, 1996.
- Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. / Под ред. В.В. Черкесова. Т.1. – СПб., 2001. Т.2. – СПб., 2003.
- Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007.
- Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М., 1934.
- Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный, 1979.
- Исаев С.-А. А. Просветительская роль России на Северном Кавказе на примере Чечни и Ингушетии // Чеченцы в истории, поли-

- тике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный, 1978.
- Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1977.
- Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.
- Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб., 2008.
- Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005.
- Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Исторический отдел // Терский календарь на 1896 год. Вып.V. – Владикавказ, 1895.
- Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.XI. Ч.IV. – СПб., 1911.
- Исторический очерк о Терской области. – Б.м., Б.г.
- История горских народов Кавказа. – Нальчик, 2004.
- История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь, 1997.
- История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Т.1-2. – М., 1967.
- История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. – М., 1988.
- История религий в России. – М., 2001.
- История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917 г. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 1990.
- История Чечни (XIX век). – Грозный, 2006.
- Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2003.
- Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2-х томах. Т.1-2. – Тель-Авив, 1989.

- Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.А., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.
- Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.

К

- Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин-т Росс. истории РАН. – М., 1997. Вып.5. – М., 2005.
- Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001.
- Кавказ. – СПб., 1902.
- Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Кавказ в сердце России. – М., 2000.
- Кавказ: история, народы, культура, религии. – М., 2007.
- Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис, 1913.
- Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
- Кагиров С. – Э.Т. Этимологические изыскания чеченского языка: Чеченцы – хранители «праязыка» на современном этапе. – М., 2003.
- Кадиев Д.А. Грозный – столица Чеченской Республики. – М., 2003.
- Кадиев Д.А. Чеченская Республика глазами созидателя. Т.III. – М., 2007.
- Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе, 1963.
- Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный, 1989.
- Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2006.
- Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003.

- Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М., 2004.
- Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа // Ставропольский Пед.ин-т. Ученые записки. Некоторые вопросы кавказоведения. Вып.1. – Ставрополь, 1971.
- Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис, 1901.
- Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.2. – Тифлис, 1890.
- Калашников Г.В. Проблема биографики военных деятелей России XVIII века // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.). – СПб., 2002.
- Калмыкова Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007.
- Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик, 1995.
- Калмыкова Н.П. Изменения разнообразия наземной биоты Предкавказья с миоцена до голоцена // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.
- Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002.
- Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.
- Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993.
- Калоев Б.А. Чеченцы // Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. Т.1. – М., 1960.
- Каменев Е.В., Четвертной Д.В. Человек на войне: культурные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: Материалы Всероссийской научной конференции, Петрозаводск, 25-28 апреля 2003 г. – Петрозаводск, 2003.
- Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918). Справочная книга. – М., 1947.
- Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881-1917 гг.). – Ашхабад, 1991.

- Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии: (Этнографические данные) // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986.
- Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М., 2008.
- Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ, 2008.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000.
- Караев Т.М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. – М., 2001.
- Карапетянц И.В. Геологическая документация и организация геологического фонда. – М., 1991.
- Карбелашвили А. Первые телеграфные линии на Кавказе. – Тбилиси, 1988.
- Каримов А.Э. «Докуда топор и соха ходили»: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – нач. XX в. – М., 2007.
- Кармовский В.В. Организация библиотек в российских тюрьмах в XIX – начале XX вв. // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.
- Карпачев М.Д. Власть и общество в России на закате империи: истоки конфликта // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж, 2005.
- Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007.
- Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. I. – М., 1990.
- Карпович М.М. Из «Экономической истории Европы с 1870 года» // История и историография России. Из научно – литературного наследия русского зарубежья. Серия «Антология русского зарубежья». Т. III. – М., 2006.
- Каррер Анкос Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М., 2007.
- Карцов А.С. Огородничество на Северном Кавказе. – СПб., 1896.
- Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1967.

- Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. Система подготовки военных топографов в Российской империи // Пишем времена и случаи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25-26 апреля 2008 г.). – Новосибирск, 2008.
- Келиматов А. Чечня: в когтях дьявола или на пути самоуничтожения (История, аргументы и факты глазами очевидца). – М., 2003.
- Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально-горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.
- Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо – кавказское исследование). – М., 2005.
- Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в. // Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно – практической конференции. Ставрополь, 20 июня 2003. – Ставрополь, 2003.
- Кеппенен Ф.П. Несколько слов о кавказском музее. – СПб., 1896.
- Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРП и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный, 2005.
- Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. – Махачкала, 2003.
- Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974.
- Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). – М., 1968.
- Кипкеева З.Б. Народы Северо – Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в.– 60-е годы XIX в.) – М., 2006.
- Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного // Известия Грозненского краеведческого музея. Вып.5. – Грозный, 1953.
- Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Каверина и Б.Н. Чичерина. – М., 2004.

- Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик, 2008.
- Клиер Дж. Д. Контрабанда людей: правительство России и эмиграция из Царства Польского в 1881-1892 годах // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Ф. фон-Климан. Пятисотлетие русской артиллерии. 1389-1889. – Тифлис, 1889.
- Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936.
- Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и мировой истории. Ученые записки. Вып. 1. – Пятигорск, 2002.
- Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006.
- Клычникова М.В. Из опыта организации частных учебных заведений на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Ч. II. – Пятигорск, 2007.
- Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М., 1987.
- Книга для всех. – М., 1997.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2.
- Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис – Меликова и его частные письма. – Берлин, 1904.
- Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912.
- Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб., 1914.
- Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. – Кострома, 2007.
- Коваленко А.Н. К атрибуции раннего рисунка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2. Т.2. – Ставрополь, 2007.

- Кодзоев Н.Д. Город Назрань: исторический очерк. – Магас, 2006.
- Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. – Назрань, 2006.
- Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2004.
- Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России. – М., 2005.
- Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса. К истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.3. – М., 2002.
- Козлов С.А. Территориальное расширение Российского государства в XVI – XIX вв. // Санкт-Петербургский международный летний и культурно-исторический университет. 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. – СПб., 2007.
- Козырев В.А. Историческая ретроспектива некоторых экологических последствий хозяйственного освоения территории Предкавказья переселенцами из внутренних губерний России в XVIII – XIX в. // Наука, экология и педагогика в технологическом университете: сборник научных докладов Ежегодной научно – практической конференции в технологическом университете. – Минеральные Воды, 2007.
- Козырев В.А. Северный Кавказ: экология, здоровье, народная медицина. – Минеральные Воды, 2007.
- Койчуев А.Д. Карачай: вопросы истории, культуры и религии. – Ставрополь, 2006.
- Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м., 1940.
- Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол.XIX – нач. XX вв.) – Грозный, 1989.
- Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии / Чечено-Ингушский ин-т ист., соц. и филол. – Грозный, 1977.
- Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь, 2001.

- Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007.
- Колодий М.А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград. – Волгоград, 2007.
- Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик, 1994.
- Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1964.
- Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1-2. – Грозный, 1978.
- Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962.
- Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный, 1965.
- Коновалов Г. Краткий отчет об экскурсии // Экскурсии учащихся Кавказского Учебного Округа в 1908 году. Вып.1. – Тифлис, 1909.
- Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863 – 1864 годов (по материалам Архангельской губернии): Монография. – Архангельск, 2004.
- Конопка С. Кавказ. – Тифлис, 1914.
- Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М.;Л., 1930.
- Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог-путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск, 2004.
- Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908.
- Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004.
- Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1990.

- Корепанова С.А. Промышленные выставки России XIX века: к 120-летию Сибирско – Уральской научно – промышленной выставки 1877 г. – Екатеринбург, 2007.
- Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Литературный процесс: кавказский контекст. Симпозиум XI. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8-12 октября 2007 г. – Пятигорск, 2007.
- Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб., 1893.
- Корнилова А.В. Григорий Гагарин. Творческий путь. – М., 2001.
- Корнилова А. Григорий Гагарин. – М., 2004.
- Королев С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001.
- Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. / Под общ. Ред. А.И. Соловьева. Т.1: XIX – начало XX в. – М., 2008.
- Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М., 1958.
- Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб., 2005.
- Кочекаев Б.– А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата, 1969.
- Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп, 1999.
- Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008.
- Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик, 2003.
- Краг Хелен, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб., 1996.
- Краснов А.Н. Отчет физико-математическому факультету о совершенных студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков, 1896.
- Красножен М. Иноверцы на Руси. – Юрьев, 1900.

- Краткие сведения о состоянии на Кавказе сельского хозяйства. – Тифлис, 1900.
- Крейнис З.Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. – М., 2007.
- Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78 гг.). Т.1. – СПб., 1878.
- Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990.
- Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб., 1893.
- Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрад-ная, 1999.
- Круковский Б.В., Рамишвили М.Б. Кавказское медицинское общество и его борьба с холерой (кон. XIX – нач. XX века). – М., 1991.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
- Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008.
- Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М., 1905.
- Кудаева С.Г. Огнем и железом. – Майкоп, 1998.
- Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.
- Кузнецов А.А. Об эволюции понятия «иногородцы» в российском законодательстве // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре: Материалы Международной научной конференции. – Калининград, 2006.
- Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. – Пятигорск, 2007.
- Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб., 1901.
- Кузьминов П.А. М.Т.Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М., 2005.
- Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации Центрального Кавказа // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик, 2006.
- Кузьминов П.А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998) – Р н/Д., 2004.
- Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002.

- Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Кавказский сборник. Т.4.(36). – М., 2007.
- Кукба В.И. Избранные труды / Составление, предисловие и примечания: В.Ш. Авидзба, Л.Х. Саманба. – Сухум, 2007.
- Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып.1. – М., 2008.
- Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. – Владикавказ, 2003.
- Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик, 1998.
- Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик, 1962.
- Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик, 1996.
- Куприн Д.О. Правительственная политика России в отношении крестьянской эмиграции в конце XIX – начале XX века. – М., 2000. – Деп. В ИНИОН РАН. 20.11.2000, № 56 039.
- Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.
- Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во втор. пол. XIX. в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М., 1981.
- Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. Т.73. – М., 1963.
- Куракаев А.Э. Национальные особенности чеченского народа // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.
- Куреня О.О. Социологический аспект двуязычия в Ирландии // Судьба языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008.
- Курмаев М.В. Книга в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: монография. – Самара, 2007.

- Кусаев А.Д. Писатели Чечни – Грозный, 2005.
- Кусаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007.
- Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М., 2006.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М., 1963.

Л

- Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.3. – Тифлис, 1883.
- Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). – Л., 1982.
- Лаза В.Д. Развитие теологического образования и религиозного просвещения как элемента формирования гражданского общества в России // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008.
- Лазновская Г.Ю. Мир Запада глазами русских писателей второй половины XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007.
- Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь, 1966.
- Ланда Л.С. К вопросу о взаимоотношениях горских евреев и мусульман на Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. С.– Петербург, 15-18 февраля 2006 г. – СПб., 2006.
- Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.
- Ланцапова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Лепидус Н. Николай Самокиш // Николай Самокиш. – М., 2006.
- Лапин В.В. Алексей Петрович Ермолов – покоритель Кавказа (Размышления перед портретом) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX – XX веков: Сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. – СПб., 2006.

- Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008.
- Лапин В.В. Дезертиры в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII – XX вв.: сборник трудов международной заочной научной конференции. – Тамбов, 2007.
- Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб., 2003.
- Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.
- Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычай. Религия. Сборник. – СПб., 2006.
- Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
- Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол.XIX в.). – М., 1998.
- Ларина Е.И. Ковроткачество народов Российской империи. – М., 2007.
- Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып.6. – Тифлис, 1872.
- Лев Феликсович Лагорио / Авторы текста Н.О. Майорова, Г.К. Скоков. – М., 2006.
- Левашев Е.М. А.А. Алябьев // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.
- Лейберов И.П. Окончание Большой Кавказской войны // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб., 1998.
- Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М., 2006.
- Лермонтов М.Ю. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. – Л., 1964.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения 1828-1841
- Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т. 2. – Ставрополь, 2007.

- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М., 2007.
- Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 гг. – Б.м. Б.г.
- Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. – Тифлис, 1917.
- Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М., 2007.
- Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911.
- Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.
- Листопадов Е. Кавказ // Кавказ. Вечность в камне: Фотоальбом. – Ннальчик, 1994.
- Литвинов М. Окраины России. Военно-географические очерки. Вып.1. Кавказ. – СПб., 1884.
- Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Кавказ, далекая страна. – Воронеж, 2006.
- Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006.
- Лобанова Е.В. Российский долг Франции и революционная ментальность (по материалам советского дипломата Х.Г. Раковского, 1920-у годы) // Проблемы экономической истории: mundus o economicus. – М., 2006.
- Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани, 2008.
- Лосев И.К. О классовом и обще демократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова // ЧИНИИ. Известия. Т.III. Вып.1. – Грозный, 1963.
- Лукеш А. Примерные программы гимнастики и детских игр. – Тифлис, 1911.
- Лукьянов С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI – XX вв.): Монография. – М., 2007.
- Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996.
- Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). – Оренбург, 2005.

- Лятошинский Н.Л. Кавказ в историческом отношении. – Киев, 1901.
- Ляхов Б., Сухоруков В. Кавказская война XIX века: наместники, генерал – губернаторы, военачальники. – М., 2007.

М

- Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯиЛ. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный, 1976.
- Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. – Махачкала, 1940.
- Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта народов Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Сев.– Осет. гос.ун-та им. К.Л. Хетагурова. Гуманитарные науки. №1. – Владикавказ, 1999.
- Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный, 1990.
- Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Мадор Ю.П. Английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
- Мазаева Т.А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007.
- Макарова Н. Экскурсия на Кавказ учениц женской гимназии Э.П. Шаффе в 1910 г. – СПб., 1912.
- Макашвили З.А. Смирнов-Кавказский (1847-1891). – Тбилиси, 1988.
- Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ, 1890.
- Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892.
- Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.II. Чеченцы. – Владикавказ, 1894.
- Максимов С. Край крещеного света. Ч.IV. Русские горы и кавказские горы. – СПб., 1866.
- Макшеев А. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1867.
- Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Рн/Д., 2001.
- Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную

- и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.
- Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д., 2001.
- Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. – Саратов, 1999.
- Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей» («the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Северного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск, 2003.
- Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI – кон. XVIII вв.). – Нальчик, 1996.
- Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 г. – Грозный, 1968.
- Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во втор. пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1995.
- Мальцев В.Н. Разработка Е.А. Головиным и П.Х. Грабе принципов отношений с горским населением Северного Кавказа в конце 30-х годов XIX века // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.
- Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999.
- Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
- Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.
- Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т.1(4). Вып.1. – Грозный, 1936.
- Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962.

- Мамакаев М. Шрамы эпохи. – М., 1995.
- Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – нач. XX века. – Нальчик, 1962.
- Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности») // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999.
- Манин В.С. Архип Иванович Куинджи и его школа. – Л., 1987.
- Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001.
- Мануйлова В. Утраченные письма Лермонтова // Литературное наследство – М., 1948 – Т.45-46. Ч.2. М.Ю. Лермонтов. – М., 1948.
- Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. – М., 1995.
- Маргошвили Л.Ю. К вопросу о поселении кистов Панкиси // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси, 1988.
- Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – и начале XX в.: (Кисты Панкиси). – Тбилиси, 1990.
- Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века) // Кавказский этнографический сборник. Т. VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986.
- Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д., 2005.
- Марзоев И.Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – XX вв.): Монография. – Владикавказ, 2008.
- Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
- Маркграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ, 1881.
- Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

- Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск, 2006.
- Маркелов Н.В. Лермонтов и Северный Кавказ. – Пятигорск, 2008.
- Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М., 2006.
- Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1893.
- Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб., М., 1887.
- Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898.
- Мартирозиан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ, 1925.
- Мартирозиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ, 1929.
- Мартирозиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ, 1924.
- Марченко Л.С. Армянский наследник графа Евдокимова // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007.
- Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. // Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М., 1999.
- Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) Монография. – Р н/Д., 2006.
- Матвеев В.П. Орловская губерния. Летопись Орловского края на старинных открытках. – Орел, 2007.
- Матвеева Л.Д. Зарубежная историография национально – государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье. – Уфа, 2005.
- Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. – М., 2008.
- Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М.Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2 (34). – М., 2005.

- Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. – Тбилиси, 1984.
- Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.
- Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси, 1972.
- Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М., 2003.
- Межуев Б.В. Генерал – губернаторство в системе местного управления России // Россия в условиях трансформации: Историко – политологический семинар. Материалы. Вып.12. – М., 2001.
- Мелкадзе Н.В. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // История библиотек: исследования, материалы, документы. Вып.6. – СПб., 2006.
- Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе. – СПб., 1877.
- Менщиков И.С. Британские премьер – Министры XIX века: Монография. – Курган, 2006.
- Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб., 1878.
- Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб., 1900.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006.
- Милюков Ф.Н. А.Н. Краснов – географ и путешественник. – М., 1955.
- Милютин Д.А. Курс Военной Географии и Военной Статистики, преподаваемый в Императорской Военной Академии Генерального Штаба Подполковником Милутиным. Кавказский край. – СПб., 1846.
- Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д., 2004.
- Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002.
- Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период постреформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир, 2003.

- Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.
- Михайлов К.Е. В горах Кавказа. – М., 2001.
- Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия: История, филология. Т.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007.
- Мнацаканян А. Российско-чеченские отношения при «старых режимах»: Историческая справка // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.
- Могильницкий Б.Г. К вопросу о теоретико – методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М., 1989.
- Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа. – Р н/Д., 2006.
- Москвич Г. Кавказ. Географические, этнографические, исторические и экономические очерки. – Одесса, 1896.
- Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик, 1965.
- Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в кон. XIX – нач. XX в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 6. – Ставрополь, 1957.
- Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984.
- Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. – М., 2007.
- Мун В.А. Государственно-правовые воззрения Л.Н. Гумилева // Двенадцатая Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области, 13-16 ноября 2007 г. – Вып. 2. Право и юриспруденция. – Волгоград, 2008.
- Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX – XX вв. – М., 2005.
- Муравьев А.Н. Письма о магометанстве. – Казань, 1875.
- Мурзаханов Ю. Илья Шеребетович Анисимов // История и этнография горских евреев Кавказа. – Нальчик, 1998.
- Муртазалиев В.Ю. Роль чеченской диаспоры в возвращении депортированных чеченцев на историческую родину // «Восстановление

- национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.
- Мусаев А.Н. Шейх Мансур. – М., 2007.
- Мухаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (кон. XVIII – перв. пол. XIX в.). – Майкоп., 2006.
- Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М., 2001.
- Муханов В.М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н.И. Евдокимова // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.
- Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М., 2007.
- Муханов В.М. Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя А.И. Барятинского // Первые открытые исторические чтения «Молодая гвардия». Сборник статей. – М., 2003.
- Мушкетов И.В. Геологическая поездка на Кавказ в 1881 году. – СПб., 1882.

Н

- «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный, 1980.
- Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895.
- Назарова А.Ф. Эволюция человеческих популяций. – М., 2000.
- Назарова А.Ф., Алхутов С.М., Кузнецова М.Г. Проблемы родства финно-угорских, славянских и германских популяций по данным антропogenетики, истории и лингвистики // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.
- Народная медицина Северо – Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики / Х.М. Батаев, А.Ж. Хаджиева, З.И. Яхьяева. – Пятигорск, 2006.
- Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989.

- Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. Т.IV. – СПб., 1911.
- Народы Кавказа. Кн.1. – М., 1993. Кн.3. – М., 1995. Кн.4. – М., 1995.
- Натиев Д. Кавказский военный песенник. – СПб., 1895.
- Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XVIII – нач..XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1985.
- Невский С.А., Карлеба В.А, Яковлева Л.В. Предварительное расследование преступлений в Российском государстве в XVI – начале XX века (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): Учебное пособие. – Краснодар, 2006.
- Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006.
- Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2.(34). – М., 2005.
- Нефедов С.А. Демографически – структурный анализ социально – экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005.
- Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. – М., 2006.
- Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь, 2003. – Деп. ИНИОН РАН 26.05.03., № 58018.
- Никерина И.В. Уроки Л.Н. Толстого в кавказском контексте // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып.163. – М., 2007.
- Никитин В. Казачество: Нация или сословие? – М., 2007.
- Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880.
- Никольская Е. «Тифлисский живописец» // Братья Чернецовы. – М., 2002.
- Новицкий А.П. Художественная галерея Московского Публичного и Румянцевского музея. – М., 1889.
- Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., 1893.
- Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М., 2001.

- Носов К.Н., Запороженченко Э.В., Черноморец С.С., Тутубалина О.В. Исследования селевых потоков в России и бывшем СССР: история и перспективы // Сборник научных трудов Северо – Кавказского института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»). Вып.17. – Пятигорск, 2007.
- Нугис А. Против великодержавного шовинизма и местного национализма. – Хабаровск, 1933.
- Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998.
- Нуриманов И. Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Хадж российских мусульман. – Н. Новгород, 2008.

О

- Обертынюк А.Ю. Мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой как исторический источник // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2008.
- Оверин А., Ситовский Н. Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту. Т.1-2. – Тифлис, 1858.
- Овсянников Г.М. История железных дорог на Кубани: история Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. – Краснодар, 2008.
- Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova 2000. – М., 2000.
- Оль П.В. Иностранные капиталы в России. – Пг., 1922.
- Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 г. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала, 1988.
- Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М., 2006.
- О прикаспийской марене. – Тифлис, 1863.
- Орешкова С.Ф., Ульянов Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006.
- Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон. XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе, 1988.

- Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон. XIX – нач. XX вв. (1890-1917 г.) // Проблемы социально-экономической истории и революционные движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – нач. XX вв.). – Р н/Д., 1992.
- Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ, 1992.
- Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985.
- О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис, 1869.
- Осипов К. Звезды олимпийской сборной России. – СПб., 2008.
- Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М., 2005.
- Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М., 2003.
- Османов А.М. Мой край Дагестан. – М., 1979.
- О социальной концепции русского православия. – М., 2002.
- Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М., 1955.
- О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. – Б.м., 1877.
- О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927.
- Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. – Пятигорск, 2006.
- Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896.
- Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный, 1965.

II

- Павлихина И. Живописное наследие М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002.
- Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов Северо-Западного Кавказа // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб., 1998.
- Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. – СПб., 1893.

- Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 3.
- Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М., 2000.
- Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.
- Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М., 1940.
- Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России кон.ХІХ – нач. ХХ вв. – М., 2002.
- Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем І. 1838-1839. – М., 2008.
- Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали, 1989.
- Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб., 1899.
- Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.
- Пешхоев С.-С. С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М., 2002.
- Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
- Пикулев И. Николай Семенович Самокиш (1860-1944). – М., 1954.
- Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб., 1913.
- Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу. – СПб., 1849.
- Пирожков В.В. Вопросы профилактики в деятельности передовых врачей Кавказа ХІХ и начала ХХ века // Тезисы докладов 2-го съезда гигиенистов и санитарных врачей Грузинской ССР, 5-8 октября 1960 г. – Тбилиси, 1960.
- Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. – СПб., 2007.
- Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб., 1910.
- Погошвили Д.Г. Вопросы соц. строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.

- Подпрятков Н.В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. – СПб., 2004.
- Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсурцы, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М., Л., 1926.
- Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб., 1904.
- Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000.
- Полежаев А.И. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критики. – М., 1990.
- Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М., 2002.
- Поляков В. Ливенцы. Замечательные имена. – Орел, 2007.
- Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М., 2006.
- Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.-Л., 1927.
- Пономарев Н.В. Обзор Кустарных Промыслов России. – Пг., 1902.
- Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь, 1954.
- Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 44. – Ставрополь, 2006.
- Поспелов Г.Г. Еще раз о рисунках Пушкина // Вестник истории, литературы, искусства. – Т. 4. – М., 2007.
- Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М.; Л., 1962.
- Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т. 1-2. – Владикавказ, 1912.
- Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб., 1913.
- Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. – М., 2006.
- Православные богословы об исламе. – М., 2006.
- Прасолов Д.Н. Адыги в составе царской России во второй половине XIX – начале XX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Под ред. проф. М.А. Кумахова. – М., 2006.

Природа этнорелигиозного терроризма. – М., 2008.

Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М.;Л.,1925.

Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.

Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь, 2005.

Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. – Ставрополь, 1999.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о роли ученых – кавказоведов в изучении нумизматики Центрального и Восточного Предкавказья в дореволюционный период (начало XIX в. – 1917 г.) // Интеллигенция России: история и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь,1999.

Прокудин К.А. Горцы Северного Кавказа в Ставропольской гимназии в XIX веке // ЧеловеК: Научный альманах. Вып.1. – Ставрополь, 2005.

Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994.

Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского Прикаспийского края // Кавказский календарь на 1880 год. – Тифлис,1879.

Пругавин В.С. Кустарь на выставке 1882 года. Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств, комиссий. – М.,1882.

Прытков В. Николай Александрович Ярошенко. – М.,1960.

Псянчик А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало – Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно – практической конференции. Уфа,28 ноября 2003 г. – Уфа, 2003.

Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801-1914). – Нью – Йорк, 1956.

Пушкин А.С. Полное собрание художественных произведений. – СПб, 1999.

- Пьесух В.А. Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории. – М., 2006.
- Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. – Сургут, 2008.

Р

- Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М., 1887.
- Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис, 1877.
- Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. – СПб.; М., 1883.
- Разгонов С.Н. Орлы на башнях: Государственный исторический музей: Люди и годы. – М., 2008.
- Раздольский С.А. Новационное воздействие христианства на культуры горских народов (XVI – начало XIX столетий). – Майкоп, 2007.
- Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М., 2006.
- Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. – Краснодар, 1987.
- Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – Брянск.
- Рассказы о русском первенстве. – М., 1950.
- Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар, 2000.
- Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач.XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д., 1989.
- Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов. – М., 1991.
- Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. – Рязань, 2006.
- Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912.
- Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Гл.IV. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб., 1883.

- Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М., 2006.
- Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ, 1888.
- Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. – М.; Л., 1949.
- Розенфельд Б.М. Дышу Лермонтовым // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Романов Б. Роковые предсказания России. – М., 2006.
- Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860.
- Российская империя в зарубежной историографии. – М., 2005.
- Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.
- Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М., 2006.
- Ростованов А.Е. Военный талант народа. Кавказская война и русско-армянские военно-исторические связи. – Сочи, 2002.
- Рубежи ратной славы Отечества. Вып.5. – М., 1997.
- Рунов В.А. Российская газовая империя. – М., 2008.
- Русева Л. России верные сыны. – М., 2006.
- Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. – Нальчик, 2008.
- Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик, 2001.
- Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. – Грозный, 1958.
- Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. – М., 1954.
- Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917.
- Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. – М., 1976.
- Рыбалко С.Н. Легенды и предания Кавказа. – Ставрополь, 2000.

С

- Савенко С.Н., Савенко Е.А. Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства // Прозритилевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 3. (научное издание). – Ставрополь, 2007.
- Савчук В.С. Иван Яковлевич Акинфеев. 1851-1919. – М., 1996.
- Садулаев Г. Я – чеченец. – Екатеринбург, 2006.
- Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964.
- Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.5. Вып.1 (История). – Грозный, 1964.
- Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т.II. – Грозный, 1968.
- Сакс Г. Работа среди национальных меньшинств. – Л., 1931.
- Саламов Б. Горские народы: расцвет и сближение. – Орджоникидзе, 1975.
- Сало В.М. История фармации в России. – М., 2007.
- Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб., 1902.
- Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002.
- Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси, 1977.
- Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни: жгучий и наболевший вопрос. – Грозный 1991. Владикавказ, 1913.
- Сарнова О. О ты, поэзия мольберта. – СПб., 2001.
- Сатунин К.А. Обзор исследования млекопитающих Кавказского края. – Тифлис, 1903.
- Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004.
- Сахроков В.А.; Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.; Новосибирск, 2001.

- Святловский В.В. Очерки и картинки «из Кавказских воспоминаний». – Одесса, 1898.
- Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.
- Северный Кавказ: история, региональная специфика, проблемы обеспечения безопасности: Монография. – М., 2007.
- Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т. II. – Р н/Д., 1929.
- Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. – 60-е годы XX в. – М., 1991.
- Секлюцкий В.В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963.
- Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю...: сборник научных статей. – Пенза, 2006.
- Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 2. Сборник статей / КГУКИ. – Краснодар, 2004.
- Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). – М., 1995.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 2006.
- Семенов А. Интервью Марка фон Хагена и Ричарда Уортмана о проблеме нового курса по истории России // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – Казань, 2001.
- Семенов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 году // Кавказский сборник. Кн. VI. – Тифлис, 1900.
- Семенов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб., 1895.
- Семенов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 7. Предкавказская полоса. – СПб., 1910.
- Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История государственной службы в России. XVIII – XX века. – М., 1999.

- Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одинцово, 2007.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.
- Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам Государственного Исторического музея) // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М., 1976.
- Серкулидзе С.Д. История взаимоотношений кавказских и закавказских народов. – Владикавказ, 1998.
- Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М., 1997.
- Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. II. – М., 2001.
- Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/Д., 2002.
- Сидоров В. По России. Т.2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. – СПб., 1897.
- Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.
- Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М., 2006.
- Симонов Л., Мердер И. Лошади. Конские породы. – Париж, 1895; М., 2008.
- Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008.
- Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. – М., 2008.
- Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис, 1873.
- Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875.
- Ситовский Н. Письма по поводу Парижской Всемирной выставки. – Тифлис, 1867.
- Скиба К.В. Реформирование войск Отдельного Кавказского корпуса и казачьих частей в 1830-х гг.: к постановке вопроса // Вопросы южнорусской истории. Вып. 14. – М., Армавир, 2008.
- Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов, 1996.

- Скоров. Минеральные воды Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876.
- Слуцкий А.И. Материалы по истории книжного дела региона в фондах государственных учреждений дореволюционного Северного Кавказа // Журналистика: историко – литературный контекст. Вып.1. – Краснодар, 1999.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958.
- Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб., 1912.
- Смирнова С.К. Адаптационные стратегии в контексте политики межнациональных отношений // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.
- Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб., 2005.
- Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. – СПб., 2007.
- Солдатова Г.У. Психология межнациональной напряженности. – М., 1998.
- Соллогуб В.А. Три повести. – М., 1978.
- Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – СПб., 1891.
- Соловьев Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и др. племен, населяющих Россию // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М., 1887.
- Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб., 1844.
- Соснина Е.Л. Северный Кавказ XVIII – XIX вв. глазами французских художников // Феномен творческой личности в культуре. Материалы II международной конференции. – М., 2006.
- Соснина Е.Л. Черный алмаз. – М., 2004.
- Соснина Е.Л. Черный алмаз. Лермонтовский сборник статей // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология. В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Сосунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала, 2007.
- Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М., 1910.

- Ставровский Л.Я. Кавказ. – М., 1895.
- Становление Российской Федерации. – М., 1986.
- Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д., 1990.
- Старинное оружие. Из собрания Государственного исторического музея. – М., 1993.
- Степанчикова И. Черный грецкий орех против рака. – СПб., 2001.
- Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М., 1984.
- Страницы истории России: Сб. научных трудов. – Ур. ГУПС. – № 45 (128). – Екатеринбург, 2005.
- Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М., Волгоград, 2006.
- Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб., 1881.
- Струве Г. Материалы для изучения минеральных вод Кавказа. Отдел 3. Кавказские минеральные воды. – Тифлис, 1872.
- Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Е.И.В. – СПб., 1906.
- Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Нальчик, 1997.
- Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис, 1901.
- Сумбат – Заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку, 1958.
- Суриков Д.М. Воинская повинность. – М., 1904.
- Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. – М., 2007.
- Сурков В.Ю. Тексты 97-07. – М., 2008.
- Сусенков Е.И. Русско – монгольская война (1237 – 1241 гг.). – Томск, 2006.
- Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. – Новочеркасск, 1903.

Т

- Тадевосян И. Национальный вопрос на Кавказе. – Ереван, 2007.
- Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999.
- Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917.
- Танкиев А.Х. Реликты магического обрядового фольклора у ингушей // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сборник статей. – Махачкала, 1989.
- Тарасов Л.М. Василий Федорович Тимм (1820-1895 гг.). – М., 1954.
- Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006.
- Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно – прикладное искусство Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1974.
- Таубэ А.А. Развитие аптечного дела в Москве и губерниях Российской империи в XVIII – XIX столетиях // Международный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). – СПб., 2006.
- Тахнаева П. Махачкала. История другого города. – Махачкала, 2007.
- Тезяков К.И. Рынки найма сельских рабочих на Юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. – СПб., 1902.
- Текеева С.А. Цветовой канон в одежде народов Северного Кавказа // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета / Материалы научной сессии в двух частях. – Ч. II. – Карачаевск, 2007.
- Темирбулатов И.И. Обычно-правовая система балкарцев и карачаевцев. – Кисловодск, 2007.
- Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М., 2006.
- Тернавский Н.А. Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Историко-этнографический очерк. – Краснодар, 2006.
- Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик, 2006.
- Тимошенко Е.Н. Кавказский фронт Русско-турецкой войны 1877-78 гг. и переселение абхазов // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

- Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней трети XVIII – начале XX в. – СПб., 2008.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007.
- Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М., 1978.
- Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда ученых-кавказоведов (27 –28 августа 1999 г.) – Р н/Д., 2000.
- Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1911.
- Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Вып.5. – Майкоп, 2006.
- Томашевский В. Внутренние водные и шоссейные пути Кавказа. – СПб., 1888.
- Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т.2. – М., 2007.
- Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М., 2008.
- Торкунов А.В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб., 1864.
- Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию / СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе, 1949.
- Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978.

- Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол XVIII – 40 г. XIX в.) // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе, 1966.
- Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / Сост. С.М. Исхаков. – М., 2005.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007.
- Трепавлов В.В. Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т Российской истории РАН. – М., 2005.
- Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М., 2006.
- Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в. / История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь, 1980.
- Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Рн/Д., 1984.
- Тройно Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в кон. XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12-13. – Ставрополь, 1971.
- Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Трофимов А. Кавказ. – М., 1914.
- Трошев Г.Н. Чеченский излом: Дневники и воспоминания. – М., 2008.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М., 1993.
- Труды Института российской истории / Институт российской истории РАН. – М., 1997. Вып. 5. – М., 2005.
- Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб., 1900.
- Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб., 1909.

- Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб., 1903.
- Туманский А.Г. Арабский язык и кавказоведение. – Тифлис, 1911.
- Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895.
- Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
- Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
- Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Тхоржевский И.И. Отчет о служебной поездке на Кавказ. – Б.м., 1909.

У

- Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ, 2007.
- Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. – М., 1887.
- Уварова П.С.В.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м., 1913.
- «Уголки России». Карманная справочная и записная книжка. Вып. 1. Северный Кавказ. – Ставрополь, 1902.
- Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М., 2001.
- Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884.
- Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб., 1912.
- Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. – М., 2007.
- Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. – Тифлис, 1881.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888.
- Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 – 1917). – Казань, 1999.
- Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1908-1916. – Казань, 2006.
- Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. – Ставрополь, 1912.
- Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып. 1. – Владикавказ, 1929.

Устинов А.И., Портнов М.Э., Нацваладзе Ю.А. Холодное оружие. – М., 1994.

Ушаков М.И. Нефтяная промышленность России. – СПб., 1912.

Ф

Фаган Брайан, Де Корс Кристофер. Археология. В начале. – М., 2007.

Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный, 1960.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960.

Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М., 1961.

Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). В 2-х томах. Ч.2. – Одесса, 1897.

Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей Р.Фадеева. – СПб., 1865.

Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны. 2. Записки о Кавказских делах. – СПб., 1889.

Фаизханов Х. Реформа медресе // Реформа образования: татары Нижгородчины и мусульманский мир России: Сборник работ по исламскому образованию. – Нижний Новгород, 2008.

Федорова О. Франц Рубо. – М., 1982.

Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб., 2006.

Фисенко В.Л., Щепотин В.А. Путь в 130 лет (Становление и развитие железнодорожного здравоохранения Северного Кавказа) // Вопросы истории железнодорожной медицины. – М., 2000.

Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск, 1998.

Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис, 1898.

Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар, 1993.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. – М., 1985.

X

- Хаджаминасов Т. Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области. – Тифлис, 1876.
- Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала, 1995.
- Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
- Хайбулаева Н.М. Образы и стереотипы в русской публицистической литературе о Дагестане XIX века // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория, История. Проблемы современного развития (Материалы Международной научной конференции, 28-30 ноября 2005 г., Москва). – М., 2008.
- Хайд Л. Дар. Как творческий дух преображает мир. – М., 2007.
- Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо (1856 – 1929). – М., 1952.
- Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – начале XX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
- Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (посл. треть XIX – начало XX вв.). – Пятигорск, 2003.
- Харичков Х. Кавказская Швейцария. Из путешествия по Чечне и Дагестану // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Б.м., 1904. – № 1.
- Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX в. – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.
- Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон. XIX – нач. XX. в.). – М., 1994.
- Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ 60-х годов XIX века в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный, 1980.

- Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. – Грозный, 1963.
- Хасбулатов А.И. Чечня в начале XX в. // История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный, 2008.
- Хасбулатов А.И.; Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач. XX) // *De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998)*. – Р н/Д., 2004.
- Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М., 2003.
- Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев XIX – нач. XX вв. (по этнографическим материалам) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: 2000-2001 гг.: Краткое содержание докладов. – СПб., 2002.
- Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо – дагестанской хозяйственной. Интеграции в до-революционном прошлом // « Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», регион. научно– практическая конференция. – Махачкала, 1986.
- Хасмагоматов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Хасмагоматов Э.Х. Чеченцы во внешних войнах России XIX – начала XX века // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006.
- Хатаев Е.Е.; Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ, 2000.
- Хатисов И.С. Ирригация на Кавказе. – СПб., 1881.
- Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
- Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. Вып. 6. – М., 2006.

- Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М., 1951.
- Хлебникова О.Н. Проблемы общественного управления России на рубеже XIX – XX веков: Монография. – М., 2007.
- Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1875.
- Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Терекке. – Орджоникидзе, 1966.
- Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе, 1978.
- Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе, 1971.
- Хотон Б. Великие тайны и загадки истории. – Харьков, Белгород, 2008.
- Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Р н/Д., 1995.

Ц

- Цаголов К.М. Выступление // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I Съезда ученых-кавказоведов. – Р н/Д., 2000.
- Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912.
- Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М., 1913.
- Цаллаев Х. О жизни и творческой деятельности Афанасия Гассиева // А.А.Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992.
- Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало... Из истории депортации чеченского народа // История России как много конфессионального государства: Материалы 42 Всероссийской заочной конференции / Под. ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2006.
- Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (перв. пол. XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп, 2008.

Ч

- Чайковский Н.И. Приборы для железнодорожного и вагонного освещения // Сборник технических отчетов экспертной комиссии выставки предметов освещения и нефтяного производства. – СПб., 1889.
- Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002.
- Чекменев С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного Лингвистического ун-та. – №1. – Пятигорск, 1996.
- Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик, 1994.
- Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный, 1958.
- Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967.
- Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1-2. – СПб., 1901.
- Черкасов А. Легенда о кавказской нефти // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.
- Черкасов П.П. Французские дипломаты о подготовке крестьянской реформы в России: 1856-1860 гг. (по фондам архива МИД Франции) // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.
- Черкесов Ю.Т. Физическая культура и спорт // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
- Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem: Памяти А.П.Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д., 2004.
- Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.
- Чернышев П.П. Отчет общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 гг. Экскурсия на Кавказ под руководством директора гимназии П.П. Чернышева. – Тверь, 1912.
- Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования Александра II. (1855-1880). Исторический очерк. – СПб., 1898.
- Черчилль У. Мировой кризис: 1918-1925. – М., 2007.
- Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

- Чеченцы: История и современность. – М., 1996.
- Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир, 2005.
- Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М., 1894.
- Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
- Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – 1999. – № 1.
- Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т. VI. – Тифлис, 1927.
- Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919.
- Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века // Архивное управление НКВД Грузинской ССР. Исторический вестник. – Тбилиси, 1945.
- Чшиева М.Ч. История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX вв.: Монография, 2008.

Ш

- Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816-1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Шабаньянц Н.Ш. Грозный. – М., 1964.
- Шавлаева Т.М. Орнамент «древо жизни» в пигментной росписи чеченской керамики // Материалы научно – практической конференции «Наука, образование и производство», посвященной 85-летию Грозненского нефтяного института имени академика М.Д. Миллионщикова. Грозный, 24 декабря 2005 г. – Грозный, 2006.
- Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Вып.10. – Грозный, 1961.
- Шадже А. Кавказ: взгляд из Бонна. – Майкоп – Бонн, 2002.

- Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М., Майкоп, 2004.
- Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный, 1960.
- Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб., 1872.
- Шальнев В.А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2007.
- Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997.
- Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994.
- Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринбург, 1913.
- Шамурзаев А.А. Роль и место Боты Шамурзаева в творчестве М.Ю. Лермонтова. – Грозный, 2004.
- Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис, 1888.
- Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон // Россия в конце XIX века. – СПб., 1900.
- Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях: Монография. – Самара, 2005.
- Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея // Россия и арабский мир. – СПб., 1994.
- Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001.
- Шарафутдинова Р.Ш. А.К. Казем-бек и имам Шамиль // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.
- Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М., 1996.
- Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963.

- Шацкий П.А.; Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Шебзухова Ф.Х. Социально-экономические последствия вхождения северо-западных адыгов в состав Российской империи: история и современность // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ: материалы всероссийской научной конференции (3-4 апреля 2008 г.). – Улан-Удэ, 2008.
- Шевкуменко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара, 1998.
- Шерипов А.Д. Очерк о Чечне. – Грозный, 1929.
- Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп, 2001.
- Шеуджен Э.А. Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Вып.5. – Майкоп, 2006.
- Шехирев Н. Всесословная воинская повинность. – Ирбит, 1875.
- Шёнгер Р.К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898. – Тифлис, 1899.
- Шигабудинов М.Ш. Дагестан в начале XX века // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала, 2005.
- Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004.
- Шишов А.В. Полководцы Кавказской войны. – М., 2003.
- Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов: Монография. – М., 2005.
- Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. – СПб., 1866.

- Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950.
- Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910.
- Штукенберг Л. Поездка на Кавказ. – Казань,1901.
- Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007. – М., 2008.

Щ

- Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892.
- Щетинина Г.И. Вл. Соловьев: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995.

Э

- Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879.
- Эглит А. Василий Федорович Тимм. – М.,Л.,1962.
- Экскурсии на Кавказ и в Крым учеников Киевской 1-й гимназии. – Киев,1901.
- Эльбекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис – Меликов. – Ереван,1942.
- Эрлих В.Р.Северо – Западный Кавказ в начале железного века: прото-меотская группа памятников. – М., 2007.
- Эсадзе Б.С. Альбом Картинной галереи Кавказского Военно-Исторического музея. – Тифлис,1899.
- Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.
- Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми,1990.

Ю

- Юнусова В.Н. Ислам – музыкальная культура и современное образование в России: Монография. – М.,1997.

- Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М., 2001.
- Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ, 1901.
- Юшкин Е.М. Обзор деятельности Терского отделения Императорского Русского технического общества. – Владикавказ, 1900.

Я

- Яблокова Г.И. У истоков книги. – Грозный, 1990.
- Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962.
- Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей: Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании чеченских и ингушских землячеств студентов г. Москвы. – Грозный, 1927.
- Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877 году. – Б.м., Б.г.
- Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX века. – Алма-Ата, 1975.
- Яндаров Х. История чеченской письменности // Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т. II. – Р н/Д., 1929.
- Яндиев М.А. Древние общественно – политические институты народов Северного Кавказа. – М., 2007.
- Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877.
- Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д., 1931.
- Яренгина В.П. Из историографии проблемы генерал – губернаторства в дореволюционной России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.
- Яценко В. Религиозный взгляд на встречу и сосуществование народов и культур в современном мире // Мультикультурализм и этнополитические модели XXI века. Материалы научно – практической конференции. Женева, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. – М., 2006.
- Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов, 2006.

Науги Сапраз. Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX – XX веков
// Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в
университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Между-
народная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и
материалы. – СПб., 2007.

Авторефераты диссертаций и диссертации

- 1 Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа сер. XIX в. в работах Гасана Алкадари: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
- 2 Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во втор. пол. XIX – нач. XX вв. (Причины и последствия): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2000.
- 3 Абдулаева П.А. Теоретико – исторические аспекты возникновения и развития обычного права народов Дагестана: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.
- 4 Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2007.
- 5 Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2002.
- 6 Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
- 7 Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
- 8 Адухова А.М. Русско – дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Махачкала, 2007.
- 9 Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 1977.
- 10 Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г. XIX в.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1989.
- 11 Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX в.): Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.

- 12 Алати Н.Б. Нормативное и организационно – правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII – XX вв. (историко – правовое исследование): Дис. ...докт. наук. Юридические науки. – СПб., 2006.
- 13 Албогачиева М.С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2007.
- 14 Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол.XIX – XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2001.
- 15 Алиева П.Д. Экологическая культура в мусульманской теологии (Эколого-философский анализ): Дис. ...канд. наук; Биологические и философские науки. – Махачкала, 2005.
- 16 Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа: Дис. ... докт. наук; Медицинские науки. – М., 2000.
- 17 Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Грозный, 2004.
- 18 Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко – политологический анализ: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.
- 19 Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1986.
- 20 Амангулова Р.С. Социально-экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX – начале XX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2005.
- 21 Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.
- 22 Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
- 23 Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг.: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.
- 24 Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Волгоград, 2005.

- 25 Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Тверь, 2004.
- 26 Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1998.
- 27 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.
- 28 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.
- 29 Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона: Дис. ...докт. наук; Политологические науки. – М., 2003.
- 30 Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт: 1906-1921 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
- 31 Ахмадов Ш.Б. Народно – освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785 – 1791 годах: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Грозный, 1992.
- 32 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII-XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.
- 33 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.
- 34 Ашинова З.А. Основные этапы вхождения адыгских народов в российскую систему местного самоуправления (вторая половина XIX – начало XXI века): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2006.
- 35 Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
- 36 Барнаш А.В. Культура как фактор становления российской государственности на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.

37. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.
38. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.
39. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: Дис. ... канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.
40. Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.
41. Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 1998.
42. Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 1999.
43. Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма, 1861-1905 г.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Самара, 2003.
44. Бибииков В.Н. Деятельность государственных и военных органов по подготовке офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
45. Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X – XV вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
46. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX -начала XX века в современной американской русистике: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рязань, 2003.
47. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: Дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
48. Бондарева О.А. Сословный строй и сословное право народов Северного Кавказа в XIX веке: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2006.
49. Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг. XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колониза-

- ции: Автореф. дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Якутск, 2004.
50. Борчасвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1988.
51. Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.
52. Бузова З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2001.
53. Бунькова Ю.В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2007.
54. Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII –до конца XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
55. Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917 гг.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1990.
56. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
57. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2006.
58. Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
59. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные Процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.): Дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Р н/Д., 2001.
60. Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: Автореф. дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 1998.
61. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2003.

62. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг.: Автореф. дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Армавир, 2006.
63. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв.: Дис. ...канд. наук. Юридические науки. – Ставрополь, 2004.
64. Волкова И.В. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2006.
65. Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.
66. Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: втор. пол. XIX в. – 1917 г.: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – СПб., 1999.
67. Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1983.
68. Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1993.
69. Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: Дис. ...канд. наук. Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
70. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2007.
71. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2002.
72. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
73. Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.

74. Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1981.
75. Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере вконец XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2003.
76. Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон. XIX – нач. XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1992.
77. Гарунова С.Г. Реформы 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
78. Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права – административная правовая мысль России XIX – начала XX веков: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 1999.
79. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1999.
80. Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2004.
81. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII–начало XX в.): Дис. ...докт. наук; Географические науки. – М., 2003.
82. Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Армавир, 2005.
83. Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения: Дис. ...доктора наук; Географические науки. – М., 2005.
84. Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1984.
85. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860 – 1917): к проблеме становления и развития капиталистических отношений: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.

86. Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1985.
87. Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв.: Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004.
88. Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.
89. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально – экономическое положение, политико – правовая и военно – административная система управления: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
90. Дамбаева О.П. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Екатеринбург, 2006.
91. Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1997.
92. Данилин С.А. Образ России и её политики в Англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
93. Даргичева С.В. Деятельность депутатов Госуд. Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2006.
94. Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Черкесск, 2003.
95. Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 1974.
96. Джабатырова Б.К. Ставропольская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Майкоп, 2006.
97. Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1998.

98. Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: Дис. ...докт. наук; Технические науки. – М., 1999.
99. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.): Автореф. дис. ...канд наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
100. Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
101. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
102. Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
103. Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2004.
104. Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2006.
105. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 1996.
106. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 1996.
107. Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е – 1880-е гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
108. Епанешников Н.В. Политический проект Лорис – Меликова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Б.м., 1948.
109. Ермоленко Л.П. Развитие археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе (20-е гг. XX – начало XXI в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
110. Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1.: Дис. ...докт. наук; Архитектурные науки. – М., 2004.

111. Журавлев В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1964.
112. Закриев Б.Б. Чечня в политики России в последней трети XVIII – начале XIX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2005.
113. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер. XVI – нач. XX в. (динамика этнокультурных процессов): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1996.
114. Зимницкий А.В. Формирование и распространение динамики приледниковых озер Западного и Центрального Кавказа (в границах России): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Краснодар, 2005.
115. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 1999.
116. Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекреационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Ставрополь, 2003.
117. Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог: Дис. ...канд. наук; Искусствоведческие науки. – СПб., 2007.
118. Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
119. Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2002.
120. Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР: Дис. ...канд. наук; Медицинские науки. – Алма-Ата, 1970.
121. Исаев С.-А. А. Аграрное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1975.
122. Исаев С.-А. А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1998.
123. Исамутдинов Д. Географическая среда и этносы Северного Кавказа (Страницы истории и геополитические перспективы): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Махачкала, 1997.
124. Исмаилова А.И. Восстание горцев Чечни и Дагестана в 1877 – 1878 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2007.

125. Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (По данным этнографии): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1971.
126. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
127. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
128. Кабалоева И.М. Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
129. Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа: (Народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2001.
130. Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст: Дис. ...докт. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2004.
131. Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России (1802-1994): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
132. Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе: (Начало XIX – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2002.
133. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
134. Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1990.
135. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д., 2004.
136. Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.

137. Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
138. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая пол. XIX – февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... докт. наук; Исторические науки. – М., 2004.
139. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX–нач. XX в.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 1999.
140. Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.): Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
141. Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов: Дис. ... канд. наук; Философские науки. – Грозный, 1999.
142. Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.
143. Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
144. Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
145. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
146. Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1984.
147. Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1953.
148. Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Б.м., 1954.
149. Коляда И.В. Эрозия почв на вырубках и расчищенных лесных площадях особо охраняемых природных территорий Северо – Западного Кавказа: Дис. ... канд. наук; Сельскохозяйственные науки. – Новочеркасск, 2003.

150. Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в програм-
мных документах либеральных партий России (кон.ХІХ – фев-
раль 1917 г.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М.,1998.
151. Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на
Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. ХІХ в. – начало ХХ
в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2003.
152. Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864
годов (По материалам Архангельской губернии): Дис. ...канд.
наук; Исторические науки. – Архангельск, 2004.
153. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в ХІХ веке
(Промышленные и научно-промышленные выставки): Дис.
...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 2005.
154. Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политичес-
кой мысли Чечнии Ингушетии во II половине ХІХ века: Авто-
реф. дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,1971.
155. Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во
второй половине ХІХ – начале ХХ веков (исторический аспект):
Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.
156. Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол.
ХІХ – начале ХХ века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки.
– Р н/Д.,1998.
157. Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революцион-
ное движение на Дону и Северном Кавказе в 60-х – 90-х годах
ХІХ века.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки.
– М.,1973.
158. Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятель-
ность Министерства внутренних дел: Дис. ...канд. наук; Истори-
ческие науки. – СПб., 2006.
159. Кудаета С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процес-
сы трансформации и дифференциации адыгского общества (ХІХ
в.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачка-
ла, 2006.
160. Кудаета С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процес-
сы трансформации и дифференциации адыгского общества (ХІХ
в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Майкоп,2006.
161. Кузнецов Н.Д. Третья Государственная дума и национальная поли-
тика царизма на Кавказе: Автореф. дис. ...канд. наук; Истори-
ческие науки. – М.,1951.

162. Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и её историко-правовой опыт: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Рн/Д., 2005.
163. Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1988.
164. Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
165. Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917 гг.): Дис. ...канд.наук; Исторические науки. – Краснодар, 2000.
166. Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Улан-Удэ, 2006.
167. Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
168. Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (кон. XIX – нач. XX вв.) и Шлиссельбургская политическая тюрьма: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Саратов, 2002.
169. Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенгера и евразийства): Дис. ... канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
170. Лебедев Г.Ю. Индустриально – аграрное развитие Северного Кавказа в процессе модернизации российской экономики в 90-е годы XIX в. – XX в. (на материалах Ставрополя и Кубани): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
171. Лебедева Е.П. Культурная целостность народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Волгоград, 2006.
172. Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко – правовые взгляды: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикаваз, 2007.
173. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2004.

174. Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2003.
175. Литвинов В.П. Мусульманское паломничество в царской России: историко – антропологический аспект (на примере Туркестана 1865 – 1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
176. Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Медицинские науки. – Чебаркуль, 2001.
177. Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Самара, 2005.
178. Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
179. Магомедов М.Б. Кавказская война 20 – 50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
180. Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1981.
181. Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
182. Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
183. Мальбахов Б.Х. Декоративно– прикладное искусство адыгов: Дис. ...доктора искусствоведения. – Нальчик, 2004.
184. Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: Дис. канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
185. Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX века): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. Кн.1. – Б.м., 1971.

186. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д., 2005.
187. Ингушский песенный эпос илли: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Магас, 2004.
188. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
189. Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
190. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2003.
191. Моников С.Н. История географических исследований Волго – Донского поречья во второй половине XVIII – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Географические науки. – М., 2007.
192. Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: Исторический опыт и современная практика обеспечения: Политологический анализ: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2003.
193. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1989.
194. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
195. Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2003.
196. Мусаев М.М. История переселения и социально – экономической адаптации немцев в Дагестане 1864 – 1941 гг.: Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2007.
197. Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2004.

198. Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
199. Мустафин Р.М. Русская литература на кавказскую тему в критике В.Г. Белинского: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Баку, 1991.
200. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1979.
201. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1979.
202. Муталлапов Н.Г. Становление и развитие системы нефтеснабжения в России: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2007.
203. Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
204. Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно административная и общественная деятельность): Дис....канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
205. Назаров В.О. Становление и развитие футбола на Ставрополье в конце XIX – начале XXI вв. (пути, опыт, проблемы): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
206. Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
207. Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 1998.
208. Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.
209. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: Дис...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
210. Николаев Э.А. Культурно – исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX – XXI вв): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Улан – Удэ, 2006.

211. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2002.
212. Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2006.
213. Нурисламов Р.С. Развитие технических средств транспортировки нефти и нефтепродуктов в России и СССР: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
214. Олсункаев Х.А. Становление и развитие парафинового производства на Грозненских НПЗ: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
215. Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
216. Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон. XIX – нач. XX вв. (1890-1917): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Орджоникидзе, 1985.
217. Павлюк О.М. Автобиографическая литература о Кавказе втор. пол. XX века: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Армавир, 2006.
218. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1985.
219. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1985.
220. Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2003.
221. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Дис. ...канд. наук; Политические науки. – Р н/Д., 2006.
222. Плиев Р.С. Нахско-этруссские лирические встречи: Дис. канд. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2000.
223. Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.

224. Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.): Дис. ...докт. наук; Географические науки. – М., 2004.
225. Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2001.
226. Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2000.
227. Радьков О.С. Правовой нигилизм в России: Конец XXI вв.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2005.
228. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 1997.
229. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
230. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Автореф. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
231. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
232. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
233. Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 1988.
234. Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Томск, 2006.
235. Рябиков А.Н. Военно – дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки – Армавир, 2007.
236. Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как источник по изучению истории националь-

- ных отношений в Российской империи и СССР: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2006.
237. Савельев А.Е. Северо – Западный Кавказ в российском общественном сознании (конец XVIII – XIX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.
238. Савинецкий А.Б. История пастбищный экосистем центральной части Северного Кавказа за последние тысячелетия: Дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 1990.
239. Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
240. Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2003.
241. Садыхов Э.М. Кавказская тематика в журнале «Современник», 1847-1862: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Баку, 1989.
242. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1972.
243. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1970.
244. Салаходина Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2008.
245. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства: Дис. канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.
246. Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев: Дис. ... канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.
247. Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1995.
248. Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV - начале XX в.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Н. Новгород, 2003.
249. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2004.

250. Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.
251. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ижевск, 2006.
252. Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.
253. Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Волгоград, 2002.
254. Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Челябинск, 2004.
255. Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо – Восточного Кавказа (идейно – философская эволюция): Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.
256. Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа: Автореф. дис. ...докт. наук; Архитектурные науки. – М., 2000.
257. Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Ставрополь, 2002.
258. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Грозный, 1971.
259. Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1997.
260. Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.
261. Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пермь, 2003.
262. Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2004.

263. Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в.– начало XX в.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – М., 1998.
264. Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начале XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2006.
265. Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (Конец XVIII – XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2004.
266. Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода до 1917 г.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1984.
267. Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
268. Тхайцухов М.С. Абазинцы на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
269. Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
270. Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 2008.
271. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Казань, 2004.
272. Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко- политологический анализ): Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 1996.
273. Хасбулатова З.И. Большая семья и патронимия у чеченцев в кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1979.
274. Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв: (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1973.
275. Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогике Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школьников

- ников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
276. Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
277. Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1966.
278. Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: Автореф. дис. ... докт. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2003.
279. Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1983.
280. Царуева А.С. Основные направления эволюции промышленного производства России в XIX в.: Дис. ...канд. наук; Экономические науки. – Владикавказ, 2005.
281. Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
282. Черяхчиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо– Кавказском регионе: XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Карачаевск, 2005.
283. Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополя, Дона и Кубани): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
284. Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе: (Первая половина XIX века): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
285. Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: Этнодемографическая и социально-экономическая эволюция (1861-1917 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Славянск – на – Кубани, 2006.
286. Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1986.
287. Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.

288. Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2006.
289. Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
290. Шигабуудинов Д.М. Россия и Северо – Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
291. Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – М., 2006.
292. Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
293. Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
294. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2000.
295. Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон.XIX – нач.XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 1999.
296. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
297. Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
298. Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.
299. Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 1996.

Литература на иностранных языках

1. Барзадж Н. Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Амман, 1987 (на арабском языке).
2. Хавжока Ш. Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут, 1972 (на арабском языке).
3. Abdurahman Avtorhanonov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antecedents. – London, 1992.
4. Abercromby J. A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languages of the country. With maps and illustrations. – London, 1889.
5. Allen W. Caucasian battlefield. – Cambridge, 1953.
6. Acar K. An examination of Russian imperialism Russian military and intellectual descriptions of the Caucasians during the Russo – Turkish war of 1877-1878 // Nationalities papers. – N.Y., Vol.32. – №1.
7. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.
8. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
9. Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/74 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha, 1874.
10. Baddley I.F. The Russian Conquest of the Caucasus. – L., 1908.
11. Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919.
12. Bobrovnikov W. Islam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
13. Bodestedt F. Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. – Munster, 1995.
14. Bruce I. Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877.
15. Culture in Flux: Lower – class values, practices and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. By Stephen Frank and Mark Steinberg. Princeton, 1994.
16. Charachidze G. La memoire indo-europeenne du Caucase. – Paris, 1987.
17. Conflict, cleavage in Centrae Asia and the Caucasus. – Cambridge, 1997.
18. Crews R. Empire and the Confessional State Islam and Religious Politics in Mineteenth Russia // American Historical. Review, 2003.

19. Cunningham A. Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seas, especially in Daghestan, and the frontiers of Persia and Turkey during the summer of 1871. – London, 1872.
20. Dalhoff-Nielsen P. Krudttonden Kaukasus: Konflikter I tidligere sovjetrep. – K., 1992.
21. De Proux. Les Tcherkesses // La France Mediterraneene ET Africaine. – Paris, 1938.
22. Die politische und militarische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin, 1889.
23. Dumas A. Chamil et la resistance tchechene contre les Russes. – Paris, 2001.
24. Eaux minerales du Caucase. – P., 1864.
25. Extending the borders of Russian history. – New York, 2003.
26. Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969.
27. Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.
28. Gammer M. Muslim resistance to the tsar: Shamil and the conquest of Chechnia and Daghestan. – London, 2005.
29. Geraci R. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. -Ithaca, 2001.
30. Gumpfenberg M.-C. Der Kaukasus: Geschichte, Kultur, Politik. – Munchen, 2008.
31. John Lane, A. Vagabond. Graham Sterhen in the Caucasus. – London, 1915.
32. Dr. phie Jschanian B. Nationaler Bestand, berufsmosige Gruppierung und soziale Gliederung der kaukasischen Volker. – Berlin und Leipzig, 1914.
33. Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase par Georges WL... off. – Paris.
34. Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. – Wiesbaden, 2005.
35. Pahl M. Kaukasus. – Paderborn, 2008.
36. Paul B. Henze. Circassian Resistance to Russia //The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London, 1992.
37. Pe drumurile caucazului. – Bucuresti, 1990.
38. Reisen im Kaukasus: Ber. aus dem 19 Jh. – Leipzig, 1987.
39. Reineggs J. Allgemeine historisch – topographische Beschreibung des Kaukasus. – St. Petersburg, 1796.

40. Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J.Bariatiski 1857-1864. – Mouton, 1966.
41. Rieber Alfred J. Men of the Borderlands the American Historical Review 2001. Vol. 106. No 5.
42. Rand Mc Nally. Atlas of world histori. – Fourth Printing, 1975.
43. Rhinelander G.H. Russias Imperial Policy. Adminustration of the Caucasus in the Half of the XIX Th. Century. – Canadian Slavonic Papers, 1975.
44. Roskosehny H. Das asiatische Russland. – Leipzig.
45. Rohrbach P. Die russische Weltmacht im Mittelung Westasien. – Leipzig, 1904.
46. Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig, 1877.
47. Sakwa R. Introduction: Why Chechnya? From Past to Future. – London, 2005.
48. Seelj R. Russo Chechen conflict, 1800-2000: a deadly embrace. – Cass (London), 2001.
49. Seibt W. Die Christi – anisierung des Kaukasus. – Wien, 2002.
50. Seton – Watson H. The Russian empire, 1801-1917. Oxf. Clarendon, 1989.
51. Sidorko C. P. Dschihad im Kaukasus Antikolonialer Widerstand der Dagestand und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859). – Wiesbaden, 2007.
52. Studies in Caucasian linguistics selected papers of the Eighth. Caucasian colloquium. – Leiden, 1999.
53. Susan Layton. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
54. Shnirelman V. The polities of a name: Between consolidation and separation in the Northern Caucasus // Acta slavica iaponica. – Sapporo, 2006. – T.23.
55. Souvenirs dun officier du Caucase. – Paris, 1899.
56. Schoner Jorg, Kusnezow A. Im Kaukasus. – Brockhaus, 1981.
57. Schumacher Y. The Jaulan. – London, 1889.
58. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – Westview Press, 1999.
59. The Caspian Region. Vol. 2. The Caucasus. – New York, 2004.
60. The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.

61. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.
62. The North Caucasus barrier: The Ruse, advance towards the Muslim world. – London, 1992.
63. Thual F. Le Caucase: Armenie, Azerbaidjan, Georgie, Tchetchenie. – Paris, 2001.
64. Hahn C. Neue kaukasisch Reise n und Studien. – Leipzig, 1911.
65. Hill Gillian. Cartographical curiosities. – London, 1978.
66. Hite J. Duscovering history: Tsarist Russia 1801-1917. – Ormskirk: Causeway, 1989.
67. Hommaire de Hell, Vavier. Les steppes de la mer. Caspienne, Le Caucase, la Crime ET la Crimee et la Russie Meridionnale. – Paris, 1845.
68. Horkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.
69. Horschelt T. Sein Leben und seine Werke. Spanien, Algier, Kaukasus. – Munchen.
70. Hoffman P. Russland im Zetalter des Absolutismus. – Vaduz, 1988.
71. Ibragimova Z. The Russian – Chechen Relations as a Factor of Boundary Dialogue (19 th Century) // ICCEES Regional European Congress. Programme / Abstracts August 2-4, 2007. Berlin, 2007.
72. Jzzet Aydemir Yoc. – Ankara, 1988.
73. Jgnatieff M. The Russian album. – L.: Chatto, 1987.
74. Kalparana Sahni. C rucifying the Orient. Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok, Oslo, 1997.
75. Karpat K. The Religions and Ethnic Distribution of the Ottoman Population (1830-1914). / Madison / Wisconsin, 1985.
76. Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia. 1462-1874. – Oxford, 2002.
77. Khairallah K.T. La Syrie. – Paris, 1912.
78. Krisenherd Kaukasus / Uwe Halbach / Andreas Kappeler (Hrsg.). – 1. Aufe. – Baden-Baden, 1995.
79. Kuleba M. Imperium Na kolonach. Woyna w Czeczenii 1994-1996. – Warszawa, 1998.
80. Layton S. Russian literature and empire: conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
81. Le Caucase pittoresque dessine dapres nature par le prince Gregoire Gagarine. – Paris, 1847.
82. Le Hueroy A. Le conflit tchetchene après la mort d Aslan Maskhadov // Etudes. – P., 2005. – T.403 – № 3.

83. Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987.
84. Fikret A. Osmanismus und der Kaukasus: Muslime und Christen. Turken und Armeier im 19. und 20. Jahrhundert. – Wiesbaden. 2005.
85. Magarotto L. I Mito del Caucaso nella Litteratura russa: (Saggi su A. Puskin e L. Tolstoj). – P., 1992.
86. Malsagov A. Caucasian mountain folk. Old ways and new. – Moscow, 1984.
87. Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig, 1901.
88. Miller Y.A. Kaukasiske Vaben Fra Eremitage museet, Skt. Peersborg. – Naestved, 2000.
89. Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
90. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Islam in the Caucasus. – London; New York; Tauris, 2006.
91. Vagabond A. in the Caucasus London. John Lane the bodeey. – Head, 1915.
92. Villari Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906.
93. O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen Welt. – Berlin, 1925.
94. Waldron P. The End of Imperial Russia, 1855-1917. – Basingstoke, 1997.
95. Wierzejski T. Kobierce wschodnie. – Warszawa, 1970
96. William C. Fuller jr. The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
97. Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
98. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Islam in the Caucasus. – London, New York, Tauris, 2006.
99. Zabel E. Wereschagin. – Leipzig, 1900.
100. Zeteichvili P. J. Ortodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georgie // Символ. – Париж, 2005. – № 48.
101. Galtung L. E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia jg Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
102. Radomir Vlcer. Rusko, Kavkaz a Cecensko v 19. Stoleti (Ke genezia vyvovy konfliktu) // Slovansky prehled. – Praha, 2000. – № 3.

МУДРОСТЬ

Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям.

Л.Н. Толстой

Театр – не отражающее зеркало, а увеличительное стекло.

В. Маяковский

Искусство – как природа. Если вы не пустите его в дверь, оно войдет в окно.

С. Батлер

Искусство ревниво: оно требует, чтобы человек отдавался ему всецело.

Микеланджело

Искусство – всегда поэзия, в каком бы жанре оно не проявляло себя.

С.П. Залыгин

Наука – творчество, а творчество дарит счастье и самим творцам и тем, кто этому творчеству внимает.

Д.С. Лихачев

Едва ли не высшее из наслаждений – наслаждение творить

Н.В. Гоголь

Кто испытал наслаждение творчества, для того все другие наслаждения уже не существуют.

А.П. Чехов

А больше всего ненавидят того, кто способен летать.

Ф. Ницше

Единственная форма власти, допустимая для человека – это власть творческого гения, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть.

А.И. Куприн

Бог великий музыкант, вселенная – превосходный клавесин, мы лишь смиренные клавиши.

Н.М. Карамзин

Музыка, подобно дождю, капля за каплей просачивается в сердце и оживляет его.

Р. Роллан

Разум человеческий владеет тремя ключами, открывающими все: цифрой, буквой и нотой. Знать, думать, мечтать. Все в этом.

В. Гюго

Книги – это зеркало, и если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола.

Г. Лихтенберг

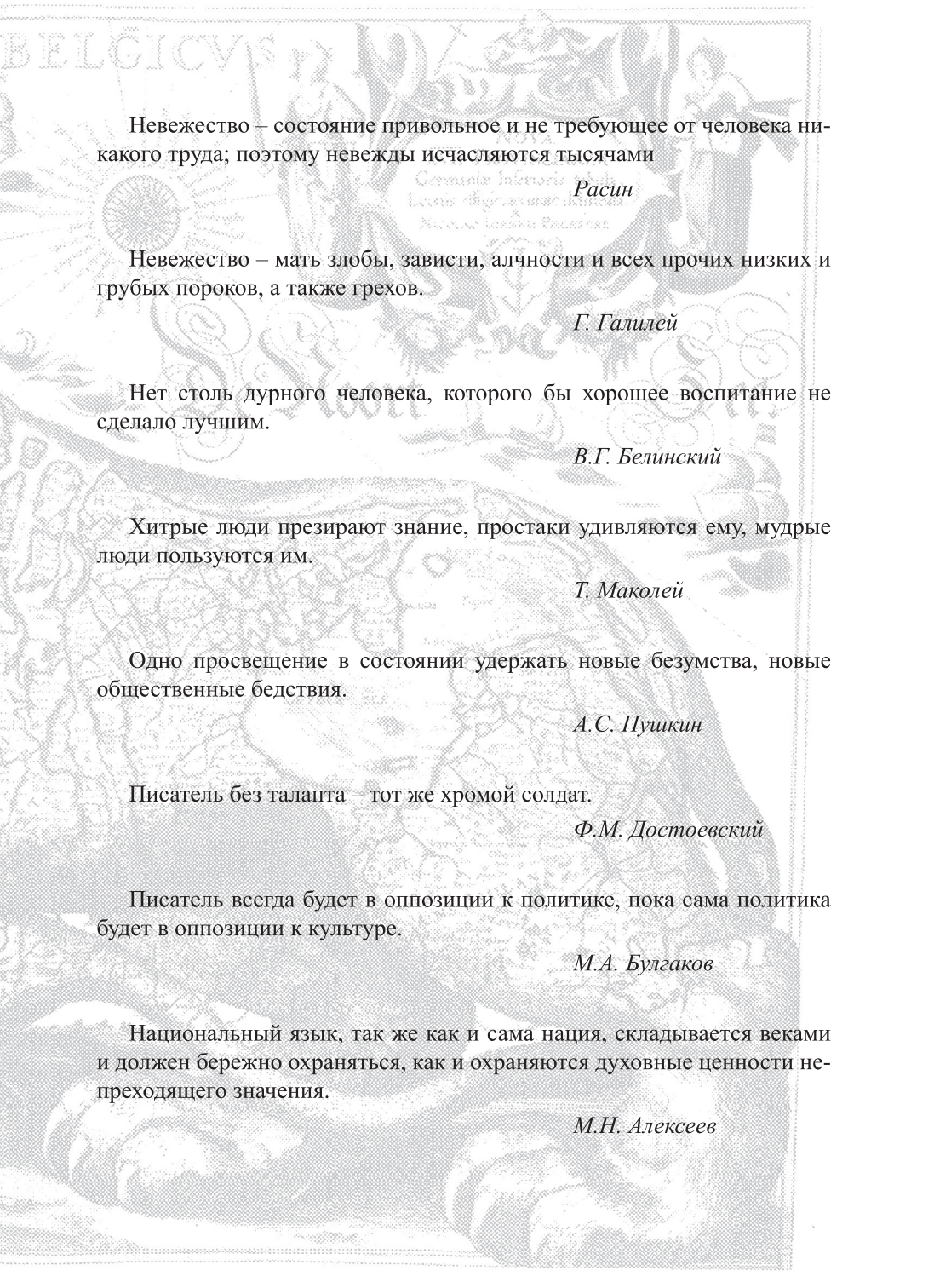
Будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись с азбуки.

И.С. Тургенев

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно.

М.В. Ломоносов

LEO LOQUITUR
Quem de nobis loquitur bene vultu, corpore, moribus.
Quem de nobis loquitur bene vultu, corpore, moribus.
Quem de nobis loquitur bene vultu, corpore, moribus.
Ader in dierum commoda daret opor.

Невежество – состояние привольное и не требующее от человека никакого труда; поэтому невежды исчисляются тысячами

Расин

Невежество – мать злобы, зависти, алчности и всех прочих низких и грубых пороков, а также грехов.

Г. Галилей

Нет столь дурного человека, которого бы хорошее воспитание не сделало лучшим.

В.Г. Белинский

Хитрые люди презируют знание, простаки удивляются ему, мудрые люди пользуются им.

Т. Маколей

Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

А.С. Пушкин

Писатель без таланта – тот же хромой солдат.

Ф.М. Достоевский

Писатель всегда будет в оппозиции к политике, пока сама политика будет в оппозиции к культуре.

М.А. Булгаков

Национальный язык, так же как и сама нация, складывается веками и должен бережно охраняться, как и охраняются духовные ценности непреходящего значения.

М.Н. Алексеев

Дивишься драгоценности нашего языка, что ни звук, то и подарок: все зернисто, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи.

Н.В. Гоголь

Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством.

В.В. Розанов

Истинное просвещение беспристрастно.

А.С. Пушкин

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно ли порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие ясного здравого смысла...

М.Ю. Лермонтов

Цивилизация – это власть над миром, культура – любовь к миру.

А. Кэмпинский

Весь прогресс, на который можно надеяться, – это сделать людей несколько менее злыми.

Г. Флобер

В других нас раздражает не отсутствие совершенства, а отсутствие сходства с нами.

Д. Сантаяна

Нация есть сообщество людей, которых объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям.

У. Индж

Национализм – это проявление слабости нации, а не ее силы.
Заражаются национализмом по большей части слабые народы.

Д.С. Лихачев

Настоящий способ мстить врагу – это походить на него.

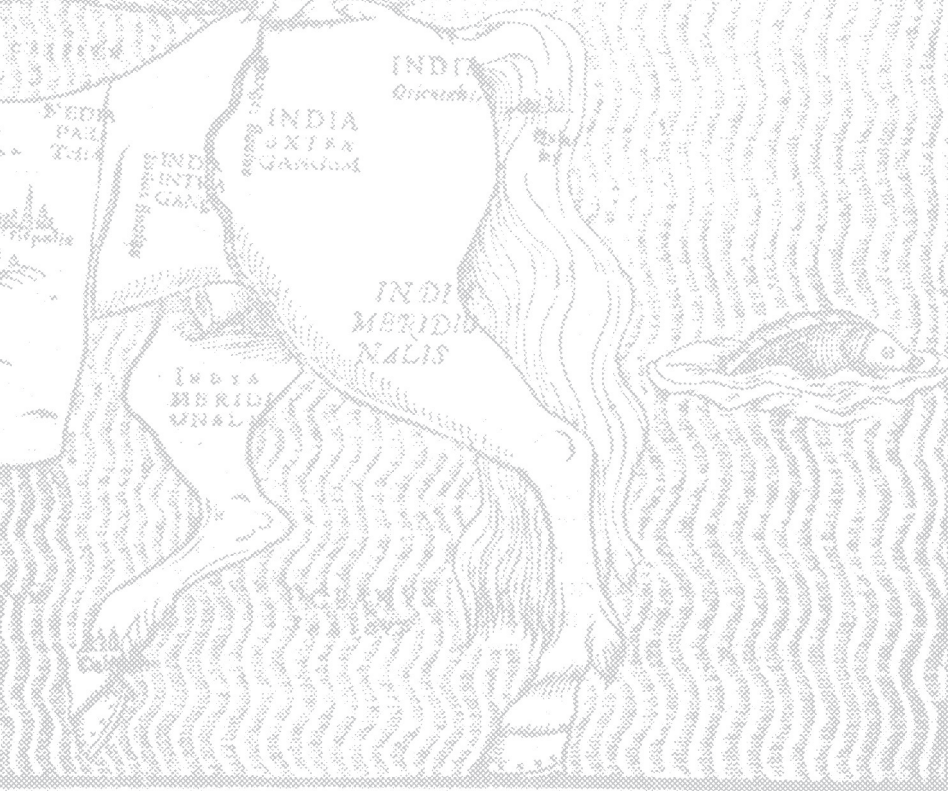
М. Аврелий

Национальной науки нет, как нет и национальной таблицы умножения; что национально, то уже не наука.

А.П. Чехов

Мир хорош хотя бы тем, что он – отличная тема для размышлений.

У. Хэзлитт

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЧЕЧНЕ В XIX ВЕКЕ 5

Формы развития имперской культуры	6
Северокавказская интеллигенция	12
Национально-цивилизационная политика Российского государства	19
Роль языка в истории взаимоотношений различных народов	22
История создания чеченского алфавита	24
Русификаторская политика царского правительства	29
Первые газеты на Кавказе	31
Предпосылки появления первой газеты для горцев на арабском языке	34
Деятельность царской цензуры	36
Начало работы просветительских обществ и организаций на Кавказе	44
Первые архивные учреждения на Кавказе	46
Частные, казенные и общественные библиотеки	49
Роль имамата Шамиля в деле просвещения горцев	51
Библиотеки Терской области	53
Работа Русского географического общества на Кавказе	57
Первые научные исследования Кавказа	59
Проведение биологических описаний Кавказа	60
Изучение Кавказа географом В.В. Докучаевым	66
Первые географические описания Кавказа	69
Зарождение кавказской картографии	72
Изучение этнографической истории края	80
Геологическое исследование Чечни	82
Основоположники музейного дела на Кавказе	84
Интенсификация развития симбиоза культуры на Кавказе в XIX веке	88

ГЛАВА II.

ИСКУССТВО, КАК ФОРМА

МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАВКАЗЕ 95

Музыкальные заимствования и обмен	95
Традиционные чеченские музыкальные инструменты	97

Кавказ, как источник вдохновения	
для великих русских композиторов	99
М.И. Глинка	100
М.А. Балакирев	101
А.А. Алябьев	102
П.И. Чайковский	104
Культовая музыка чеченцев	105
Историко-героические, лирические песни,	
илли, религиозные назмы	108
Роль музыки в различных сферах деятельности чеченского народа	111
Традиционные виды спортивных состязаний чеченцев	111
Особенности физического воспитания мужчин и женщин	113
Чеченские праздники	114
Коллективные игры	115
Конно-спортивные состязания	116
Развитие спорта в имамате Шамиля	119
Спортивные соревнования, проводившиеся в Терской области	120
Спортивное обучение в учебных заведениях Кавказского края	122
Народная борьба	123
Традиционные соревнования по бегу	126
Зимние виды спорта	127
Древнейшая история чеченского народа	129
Новейшие геногеографические исследования	
человеческих популяций	131
Первые археологические исследования Кавказа	134
Стихийные археологические раскопки	137
Первые официальные археологические раскопки	
на Северном Кавказе и Кавказские археологические съезды	140
Вклад археолога графини П.С. Уваровой в исследование Кавказа	142
Развитие археологических исследований Чечни	
во второй половине XIX века	144
Кавказские музейные коллекции	151
Творческая деятельность представителей	
русского художественного искусства на Кавказе	153
В.Ф. Тимм	154
П.Н. Грузинский	155
Князь Г.Г. Гагарин	155
Т. Горшельт	158
П.И. Бабаев	160
И.С. Богатырев	160

Ф.А. Рубо	161
Н.С. Самокиш	165
Б.П. Виллевальд	165
Французы Шарль-Мариус Ребуль и Флориан Жиль	166
Английский художник Джордж -Эдуард Доу	167
Венгерский художник Михай Зичи	167
К.Н. Филиппов	168
Чеченский художник П.З. Захаров	169
Л.Е. Дмитриев - Кавказский	174
В.В. Верещагин	175
И.К. Айвазовский	178
Л.Ф. Лагорио	180
А.И. Куинджи	181
Р.Г. Судаковский	181
Профессор живописи И.И. Соколов	182
Передвижник Н.А. Ярошенко	182
М.Ю. Лермонтов	184
А.С. Пушкин	189
Популярный художник А.О. Орловский	189
Н.Г. Чернецов	190
Ингушский художник Х.-Б. Б. Ахриев	192
Скульпторы	192
Русские фотографы на Кавказе	193
Создание образа Кавказа в творчестве русской интеллигенции	197
Поэт А.И. Полежаев	198
А.С. Грибоедов	200
А.С. Пушкин	204
Писатель-декабрист А.А. Бесстужев-Марлинский	206
М.Ю. Лермонтов	208
Л.Н. Толстой	210
Чеченское народное творчество	213

ГЛАВА III.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

218

Особенности эволюции системы образования	
в контексте российского интеграционного процесса	218
Установление российской государственной системы образования	219
Кавказский учебный округ	222

Учебные заведения Терской области	228
Учителя и преподаватели на Кавказе	240
Народные школы	250
Благотворительные общества, содействовавшие поднятию уровня образования на Кавказе	253
Проблема введения обучения на русском языке в национальных школах	257
Конфессиональные учебные заведения на Кавказе	266
Кораническая школа, мектебе, медресе	267
Церковноприходские школы	272
Обучение горцев в высших учебных заведениях	273
Сравнительная характеристика политики в области образования Российской империи, Великобритании и Франции	279
Характеристика чеченского народа	284
Некоторые сведения по истории казачества	298

ГЛАВА IV.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

История столицы Чеченской Республики – города Грозного	314
Медицина	324
Состояние медицинского обслуживания в годы Кавказской войны	326
Деятельность выдающегося русского хирурга Н.И. Пирогова на Кавказе	330
Военные врачебные учреждения Терской области	332
Общественные и отраслевые врачебные заведения	335
Развитие аптечной сети	337
Минеральные источники Терской области	340
Возможности получения медицинского образования на Кавказе	346
Ветеринарное дело	348
Медико-санитарное состояние Терской области	349
Медицинское искусство чеченцев	351
Эпидемии, свирепствовавшие на Кавказе	355
Холера	356
Борьба с проказой в Терской области	360
Распространение венерических заболеваний на Кавказе	360
Кавказские медицинские общества	362

ГЛАВА V.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ 365

Роль ислама в истории Российской империи	365
Положение мусульманского духовенства на Кавказе	369
Христианская миссионерская деятельность	374
Сближение и взаимодействие различных культур в Российской империи	381
Сходство и различие во взглядах на мир в исламе и христианстве	386
История распространения христианства и ислама на Кавказе	395
Общее положение мусульман в православной Российской империи	404

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 486

ПРИЛОЖЕНИЕ 517

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СЕРИИ “ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ”	527
БИБЛИОГРАФИЯ	544
I. Нормативно-правовые акты	544
Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы	546
Статьи периодических изданий	562
V. Монографии.	
Научные статьи в брошюрах и сборниках	590
А	590
Б	596
В	602
Г	604
Д	609
Е	614
Ж	615
З	615
И	617

К	620
Л	630
М	633
Н	639
О	641
П	642
Р	646
С	648
Т	653
У	656
Ф	657
Х	658
Ц	660
Ч	661
Ш	662
Щ	665
Э	665
Ю	665
Я	666
Авторефераты диссертаций и диссертации	668
Литература на иностранных языках	692

Научное издание

Ибрагимова Зарема Хасановна

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

НАУКА И КУЛЬТУРА

Монография “Царское прошлое чеченцев: наука и культура”
напечатана по рекомендации Президиума Академии наук
Чеченской Республики.

Формат 60x84/₁₆. Печать офсетная.

Объем 40,6 усл. печ.л.

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98604-151-3

9 785986 041513

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 691-0354 e-mail: probel-2000@mail.ru